

ПАНТЕОНЪ

№ 5.

М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

СОДЕРЖАНИЕ :

I. Изысканная словесность

ОКОПИРОВАЛСЯ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *И. И. Лажечникова*. С. 1-46

СТИХОТВОРЕНІЯ: Троегранному. *О. Глинки*. С. 1-

Утренній вздохъ. *О. Н. Глинки*. С. 3-4

ПЯТЬ ЛИСТКОВЪ *Н. П. Грекова*.

1. Безсонница. С. 3

2. Не долго намъ гулять рука съ рукой. С. 4

3. Стансы. С. 4-5

4. Падающая звѣзда. С. 5

5. Весна. С. 6

ОБРАЗОВАННАЯ БЕСѢДА. Статья неизвѣстнаго. С. 1-12

II. Исторія и теорія искусства

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ, о Гамбургскомъ театрѣ, въ XVIII столѣтіи. Собранія *Отто Мюллеромъ*. Статья вторая. С. 1-42

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ: *Альфредъ де Мюссе*. С. 43-56

III. Смесь

1. **ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ**. (Отъ XII до XVI вѣка). *Н. Бектышева*. С. 1-16

2. **ГУЦУЛЫ, ОБИТАТЕЛИ ВОСТОЧНОЙ ОТРАСИ КАРПАТСКИХЪ ГОРЬ**. *П. П. Дубровскаго*. С. 17-56

3. **КРАСНОКОЖИЕ**. Сцены изъ жизни индійцевъ. С. 57-88

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Огюсть Бризё (*современный французскій поэтъ*). **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА**: Сцены и очерки парижской театральной жизни (*статья Дюма*). — С. 7-39
Біографія французскаго актера Меленга (*статья Александра Дюма*). **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ**: Столѣтній указатель, какъ достигнуть глубокой старости посредствомъ естественно-умѣреннаго образа жизни (*сочиненіе доктора Рейнбека*). **АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, НОВОСТИ**: Гонолулу. — Респираторъ изъ древесныхъ угольевъ. — Лотерея Барнума. — Попугай въ снѣгу. — Аукціонъ автографовъ. — Американскіе выборы. — Парижскія асишп. — Ручной журавль. — Генрихъ IX, король англійскій. — Что женщины держатъ въ рукахъ. — Благодѣтели чловѣчества въ Англии. — Новое лекарство. — Любопытный расчетъ. — 51-61
ДОПОТОПНЫЯ КОСТИ. — Американское объявленіе. — Старый цвѣтокъ. — **ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ**: Поездка въ тележкѣ по Аргентинской области. **МЕЛКІЕ РАЗНАЗЫ И ПОВѢСТИ**: Дикъ и Дакъ (*разсказъ Шарля Дели*). С. 61-65
С. 65-70

Оглавление XXI тома. 1855 г.

Книжка пятая, май. (Продолжение).

Парижская жизнь. Письмо А. Бонавентуры. (С. 71-112).

Лондонская жизнь. Письмо В. С. (С. 113-124).

V. Петербургский вестник.

1. Литература.

Журналистика: Мартовские и апрельские книги журналов. – Патриотические стихотворения. – Гг. Майков и Кравченко. – Повести в «Современнике». – Разбор «Русской свадьбы» г. Сухонина. – «Библиотека для чтения». – Стихотворения г. Мея и послание к нему. – «Уральцы» г. Небольсина. – Серьезные статьи и журналистика. – «Отечественные записки». – Повести и серьезные статьи. – Статья о русских журналах XVIII века. – Четыре книги «Москвитянина». (С. 1-8).

Московский вестник.

Москва и ее памятники прошедших побед наших. – Пожертвования в пользу бедных. – Ученые диспуты: диссертация г. Емевского «Апполинарий Сидоний»; рассуждение г. Бодянского «О времени происхождения славянских письмен». – Памятник Григорию Ивановичу Фишеру-фон-Вальдгейму. – Его биография и ученые заслуги. – Некролог академика В. С. Добровольского. – Краткая история Московского училища живописи и ваяния. – Литературные слухи: издание полных сочинений Гоголя и И. Т. Кокорева. – Некоторые черты из жизни последнего. – Четвертый том «Пропилей» г. Леонтьева. – «Вестник естественных наук». – «Московские ведомости» и «Ведомости московской полиции». (С. 1-18).

VI. Репертуар русской сцены № 5.

В семье не без урода. Оригинальная комедия в трех действиях П. Цветкова. (С. 1-34).

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Конон.

1849. 9918
06181

ТОМЪ XXI.

МАЙ. — КНИЖКА ПЯТАЯ.

1855.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Санкт-Петербургская Центральная
Библиотека
Имени А. М. Пушкина

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 21-го Мая 1855 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій*,

I.

ОКОШРОВАЛСЯ,

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. ЛАЖЕЧНИКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- МАРФА ОСИПОВНА РЕЗИНКИНА, вдова титулярнаго совѣтника.
АЛЕКСАНДРЪ ПАРФЕНЬИЧЪ, сынъ ея, канцелярскій служитель.
СИЛАЙ ЕРМИЛЫЧЪ МАМАЕВЪ, столяръ.
ГРУНЯ, дочь его.
АННА СЕМЕНОВНА ЛИПИНА, помѣщица, пожилыхъ лѣтъ дѣвица.
ВЛАДИМІРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОДСНѢЖНИКОВЪ, молодой помѣщикъ.
МАВРА ЛЬВОВНА ПОДДѢВКИНА, вдова приказнаго, лѣтъ пятидесяти слишкомъ.
ПАРАСКЕВІЯ СТЕПАНОВНА, дочь ея, лѣтъ тридцати, высокая, худошавая и рыжая.
КСЕНОФОНТЪ КИРЫЧЪ РАЗНЕСЕНСКІЙ.
МУХА.
ЛОСОСИНИНЪ. } приказные
ГРИВЕННИЧКИНЪ. } служители.
СЛЕСАРЬ.
ВАНИЧКА, слуга г-жи Липиной.
ДВОРОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.
ПОЛОВОЙ.
КУХАРКА ПОДДѢВКИНОЙ.
МАЛЬЧИКЪ И ДѢВОЧКА, лѣтъ по девяти.
ШАРМАНЩИКЪ И СЪ НИМЪ ЖЕНЩИНА.
ЦЫГАНЕ.
ЧЕТВЕРО ИЗЪ ТОЛПЫ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Бѣдная комната. Съ одной стороны верстакъ; на стѣнѣ висятъ столярныя инструменты; въ беспорядкѣ валяются распиленные дерева; у другой стѣны шкапчикъ, надъ комодомъ, съ посудой. Прямо и съ обонхъ боковъ комнаты двери; одно окно; къ сторонѣ верстака двѣ скамейки, къ другой сторонѣ столикъ, около него старый кожаный диванъ, такія же кресла, два стула и пяльцы.

—

I.

ГРУНЯ, одна. Сидитъ за работою—разматываетъ мотокъ, наверхенный на спинку стула; передъ нею пяльцы; на пяльцахъ развернутая книга.

Кажется не сидишь сложа руки; часто заря утренняя застаетъ за работою, а въ домъ ни рубля. Отложишь на приданое—подавай на провизию, или... на вино. Господи! долго ли еще такъ будетъ?... *(Немного погодя)*. Мнѣ было такъ хорошо у моей крестной матери, такъ привольно... жила настоящей балованной барышней. Что жъ, развѣ оставить мнѣ было отца одного... при его слабости... Полно, нѣтъ ли еще чего, Груня? *(Грозитъ пальцемъ)*. А?... признайтесь... Виновата, тутъ еще кое-что привязало меня къ этой бѣдной избушкѣ. *(Вздыхаетъ)*. Что-то замѣшался Александръ Парфеньчъ... Саша, душенька, идите же скорѣй!.. За чтожъ я люблю тебя? Правда, ты прехорошенькій, добрый, угождаешь мнѣ... за то необтесанный такой, съ такими подъяческими ухватками, иное слово скажешь, бываетъ такъ стыдно, что въ землю бы ушла... А все-таки люблю... что жъ дѣлать? разсудокъ запрещаетъ, да тутъ *(показываетъ на сердце)* не слушается. Погодите, какъ будете моимъ муженькомъ, переделаю васъ. Была же я простою дѣвочкой, а теперъ, по милости моей благодѣтельницы, сльву барышней. Посмотрите, какъ я примусь тогда муштровать васъ. *(Садится и задумывается)*. Все мечты и мечты!.. Онъ изъ благородныхъ, сынъ титулярнаго... мать говорить, она капитанша... а я, мѣщанка, дочь столяра... Только ровня мы оба тѣмъ, что бѣдны.

II.

ГРУНЯ и РЕЗИНКИНЪ. Она притворяется, будто его не видитъ; Резинкинъ, держа букетъ въ рукахъ, подходитъ на цыпочкахъ все ближе и ближе къ ней и потомъ бросаетъ букетъ на пальцы.

ГРУНЯ. Ахъ, какъ вы меня испугали!.. не ждала такъ рано. Благодарю за цветы (*разбираетъ ихъ и прикалываетъ часть на голову, а другую къ груди*).

РЕЗИНКИНЪ. Здѣсь вашъ и портретъ—вотъ этотъ розанчикъ.

ГРУНЯ. О! да вы какой стали сочинитель!

РЕЗИНКИНЪ. А за труды позвольте ручку... (*Груня протягиваетъ ему руку, онъ цѣлуетъ ее*). Вѣдь почти до зари лазилъ черезъ палисадники... у почтмейстера караульные чуть не поколотили.

ГРУНЯ (*качая головой*). Чужое?.. не хорошо... Смотрите, не наживите бѣды.

РЕЗИНКИНЪ. Для васъ готовъ хоть сто наложъ выдержать.

ГРУНЯ. Не говорите мнѣ, пожалуйста, такихъ лакейскихъ словъ; развѣ нельзя какъ-нибудь иначе?

РЕЗИНКИНЪ. Нѣтъ, вы не знаете, Аграфена Силаевна, какъ я васъ люблю. Въ канцелярїи перегрызъ весь перья, думая объ васъ. А съ какимъ душевнѣйшимъ чувствомъ вывожу букву Г, которою начинается ваше рефенадное имечко: Груня! и вслѣдствіе этого люблю особенно писать: Господину Гражданскому Губернатору. Вчера крѣпко задумался объ васъ; переписаль-было его превосходительству рапортъ объ *искупленіи* дровъ, хотѣлъ засыпать пескомъ и вмѣсто песочницы взялъ чернильницу, да и бухъ... точь-въ-точь черное море вывелъ. Столоначальникъ мой, добрыйша душа... и тотъ не вытерпѣлъ, сказалъ: «Эхъ, ты, братецъ, какая дура! Цѣлый листъ веленовой пропалъ.» Все за васъ, Аграфена Силаевна!

ГРУНЯ. Развѣ я объ васъ меньше думаю? Да чтожъ изъ этого? Весь переулокъ Богъ знаетъ что говорить объ насъ.

РЕЗИНКИНЪ. А вотъ переулокъ прикуситъ язычокъ, да и цѣлый городъ ахнетъ, какъ получу мѣсто письмоводителя становаго. Знаете, окопируюсь авантажно и поведу васъ къ вѣнцу, въ уваль, въ кружевахъ, въ фалбалахъ.

ГРУНЯ. А маменька ваша?

РЕЗИНКИНЪ. Она будетъ согласна. Вообразите только, Аграфена

Силаевна: письмо-во-дитель ста-новаго!!.. Каково!.. Позвольте мнѣ вашъ мотокъ на руки... этакъ вамъ ловчѣе.

Груня (*отдаетъ мотокъ и продолжаетъ работу*). Очень одолжите. А развѣ это какая-нибудь важная должность?

Резинкинъ. Какъ же-съ не важная? Важнѣй-ѣй-шая! Вторая особа въ станѣ!.. Письмоводитель и секретарь все равно, а секретарь, известное дѣло, всѣмъ ворочаетъ. Вообразите только, мы привѣщаемъ на даровой подводѣ въ свой станъ.

Груня. По важной должности надо бы колясочку.

Резинкинъ. Потихоньку, потихоньку... сперва начнемъ даровой подводой, а тамъ дойдемъ до кареты и каменнаго дома въ три этажа. Тутъ, въ первой деревнѣ, объявлю, я де-скачь письмо-водитель становаго. Въ одно мгновеніе ока все селеніе переполошилось, точно губернаторъ прѣхалъ... Мужики и бабы, старики и ребята, сбѣгаютъ смотрѣть на меня; всѣ стоятъ передо мною безъ шапокъ—«А гдѣ жъ староста и десятскіе?» кричу я грозно.

Груня. Тихе, тихе, вы совсѣмъ запутались въ ниткахъ.

Резинкинъ (*распутавъ нитки, надѣваетъ мотокъ на стулъ*). И вотъ староста и десятскіе, запыхавшись, блѣдные, какъ полотно, несутъ хлѣбъ-соль, курочку, ячекъ, а вамъ, Аграфена Силаевна, ягодокъ... Для васъ ягодки, понимаете-съ? Я вамъ скажу-съ, умный народъ!.. «Куда жъ яйца въ дорогу?» говорю я.—Пока вашему благородію запрягаютъ лошадокъ, говоритъ староста, мы испечемъ ихъ. Я вамъ скажу-съ, смѣтливый народъ!

Груня. На вашемъ мѣстѣ я ничего бы не взяла съ бѣдныхъ мужиковъ.

Резинкинъ. Наши старшіе приказные говорятъ: нельзя-съ, въ грошъ не будутъ ставить; прослывешь у нихъ же простакомъ!.. «Живѣй! лошадей, тройку съ бубенчиками, а колокола не надо... есть свой.» Надо вамъ признаться, Аграфена Силаевна, я ужъ и колоколь припасъ... знатнѣйшій, звонъ такой, все думаю, какъ гусли... прямо съ горы Валдая, гдѣ дѣвки бублики продаютъ.

Груня. То-то я часто слышу звонъ колокольчика, все думаю, какой прѣздъ у Резинкиныхъ! (*Показываетъ ему на локти его*). Да что это у васъ локти худые? Какъ не стыдно! Точно у нищаго.

Резинкинъ. Что жъ дѣлать-съ? отъ практики поистерлись.

Груня. Не ужъ ли вы такъ въ свою канцелярію ходите?

Резинкинъ. Хожу-съ.

Груня. А говорите еще, новый начальник у васъ строгій! Что бы ко мнѣ принесть лоскутовъ какихъ суконныхъ изъ стараго платья; я бы съ удовольствіемъ починила.

Резинкинъ. Признаться, жилетка есть старая, да жаль... еще поношу подъ сертукомъ.

Гривенничкинъ *(за окошкомъ, стучитъ палочкой въ стѣну).* Сашка! пора къ должности... полно амуриться.

Груня. Господи! какой стыдъ!..

Резинкинъ. Негодай! Ужъ я этого Гривенничкина... пожалуюсь экзекутору.

Груня. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого... и такъ довольно разговору. Ступайте и не показывайтесь мнѣ на глаза цѣлый день

III.

ТЪ ЖЕ и МАМАЕВЪ.

Мамаевъ. А? красноперый селезень!.. все около дѣвки уви-
вается... Держи ухо остро, братъ, разомъ ошибку крылья.

Резинкинъ. Я... ничего-съ... только съ моимъ почтеніемъ,
Сидай Ермилычъ, съ хорошими мыслями.

Мамаевъ. То-то смотри, съ хорошими мыслями! *(Подходитъ къ Резинкину и говоритъ ему тихо).* Нѣтъ ли, братъ, двугривеннаго горло промочить?

Резинкинъ. Право хоть побожиться, нѣтъ, а какъ добуду нынче, матери не отдамъ, вамъ принесу. *(Уходя, тихо Грунь).* Богъ съ вами, Аграфена Силаевна, убиваете вы меня.

IV.

МАМАЕВЪ и ГРУНЯ.

Мамаевъ *(у верстака, льливо прилаживаетъ рубанокъ).* Въ голову будто десятокъ пудъ свинцу, на сердце мутить... руки словно мочалы... хоть бы со вчерашняго похмѣлья на двугривенный промочить. *(Грунь):* Все за книжкой, барышня?

Груня (она передъ этимъ бросила рукодѣлье и взяла съ плечу книгу). Читаю про одну дѣвушку, Дженни Эйръ, въ Отечественныхъ Запискахъ.

Мамаевъ. Отеческихъ!.. Чай любовныя какія записки!.. Набьешь себя голову этими пустяками, да и сама, пожалуй, пустишься въ шаши. Смотри, раздавлю какъ лягушку.

Груня. Въ этой книжкѣ все хорошее: читаешь, будто сердцу отдаются слова покойной маменьки.

Мамаевъ. Хорошее? Знаемъ-ста!.. А все чернильная строка Сашка таскаетъ тебѣ эту дрянь. Чай, подтибрилъ гдѣ-нибудь, али сорвалъ съ кого!

Груня. Добрый сосѣдь Александръ Парфенычъ одолжилъ, а взялъ онъ изъ казеннаго мѣста, гдѣ служить; тамъ выписываютъ; самъ главный начальникъ хочетъ, чтобы приказные учились добру изъ этихъ книгъ.

Мамаевъ. Научили бы лучше, какъ денежку добывать. Охъ, охъ! проклятая полоса!.. тошно на блѣдомъ свѣтѣ жить!

Груня. Не гнѣвите Господа. По милости его и моей крестной матери, вы теперь человекъ вольный; дочь вашу научила она всякому рукодѣлью и грамотѣ... Я работаю, сколько силъ есть... заказовъ у васъ много... стоитъ вамъ только за работу приняться.

Мамаевъ. За работу? легко сказать!.. Заказныя деньги пропиты... дерева не на что купить... руки съ похмѣлья не подымаются.

Груня. Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

Мамаевъ. Эхъ, Грунечка! съ горя что-ли послѣ покойницы твоей матери, больсть что ли? Доктура говорятъ, червякъ засълъ въ сердце... все вина подавай ему!.. хоть бы двугривенный, опохмѣлиться, какъ бы съ гуся вода! Нѣтъ ли, душечка, графинчикъ ты мой?

Груня. Право, нѣтъ.

Мамаевъ. Поищи, барышня, вишнебочка ты моя... не залежалось ли гдѣ?.. А то хоть руки на себя наложить.

Груня (вставая, сквозь слезы). Боже васъ сохрани!.. У сосѣдки развѣ занять... Думала взять на соль... вѣдь въ домъ зерна соли нѣтъ... только дайте слово: приметесь послѣ того за работу.

Мамаевъ. Примусь... вотъ тебѣ.. провалиться сквозь землю, примусь.

Груня (*ласкаясь къ отцу*). Достану, только не говорите такихъ словъ... (*Прислушивается*). Кто-то подьхаль... (*Бро- сается къ окну*), Карета четверомѣтная... Ахъ! она, наша бла- годѣтельница... Анна Семеновна... (*Блѣжитъ встрѣчать при- ѣхавшихъ*).

Мамаевъ. Тутъ ее нелегкая принесла!.. Хоть умирай! На- чнетъ опять рацею читать.

V.

ТЪ ЖЕ, ЛИПИНА, МАЛЬЧИКЪ и ДѢВОЧКА. Мальчикъ одѣтъ въ гусарское дѣтское платье съ золотою шифровкой; онъ перѣдко утираетъ рукавомъ носъ; дѣвочка въ бѣломъ муслиновомъ платьѣ (оба въ продолженіе явленія пачкаются въ стружкахъ); крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ и **ВАНЕЧКА**, слуга Липиной, въ ливреѣ съ большою куклою за пазухой, онъ пьявъ, при- ходитъ тузить мальчика, а потомъ большею частію держится у стѣны.

Липина (*Груня, которая хочетъ поцаловать у ней руку*). Ты знаешь, душа моя, я этого не люблю... поцалуй меня такъ.

Груня. Какими судьбами здѣсь? удостоили нашу хижину?

Липина. А вотъ какъ, дружокъ. Нынѣ день ангела Пашеты, трехлѣтней дочери Кривлянина; вѣду поздравить ее, везу подар- рокъ. Человѣкъ нужный... А безъ того нельзя... все семейство ужъ такъ приучено, смотреть всегда въ руки... Ванечка, подай- ка куклу. (*Слуга подаетъ*). Да гдѣ же верхнее платье на ней?

Ванечка. Почему я знаю!.. Знать, дорогой обронилъ... голо- ва кругомъ пошла... солнцемъ что ли припекло.

Липина (*съ упрекомъ, но ласково*). Какъ тебѣ не стыдно, Ва- нечка!.. Впрочемъ, я сама виновата... не подумала ему о пара- солѣ... кукла не беда, куплю другую въ магазинъ; а бѣдный, бѣдный Ванечка! Не было бѣ горячки?

Мамаевъ. Нашему брату ничего-съ, пройдетъ. Русачка бы- клинь клиномъ выбить.

Липина (*Груня*). Кстати, душа моя, вотъ привезла сюда этихъ злополучныхъ. Мальчика отдаю въ кантонисты; дѣвочку, дочь трубочиста, въ приютъ, груднаго младенца въ сиротскій домъ, а женщину—тудажъ, въ кормилицы.

Крестьянка. Воля твоя, сударка, а я трехъ разомъ кормить не буду; и корову одинъ теленокъ сосеть.

ЛИПИНА. Полно, полно, дружокъ, не будешь... я ужъ это на себя беру.

ГРУНЯ. Богъ васъ наградить за нихъ.

ЛИПИНА. Если можно дѣлать добро, дѣлай его, облегчай участь челоуѣчества въ той сферѣ, въ которой поставлена: это золотое правило Фенелона. Вотъ, если у почтенной дамы отекають ноги, я не постыжусь подставить ей скамеечку; право, подставлю. Пускай смѣются! А я знаю про себя, что облегчила чѣмъ-нибудь бремя челоуѣчества. Кстати, графиня Надинъ пишетъ ко мнѣ, спрашиваетъ: что дѣлаетъ твоя воспитанница Груня, пристроила ли ты ее, замужемъ ли она?

ГРУНЯ. Очень благодарна, что вспомнили меня, дочь столяра.

ЛИПИНА. Дочь столяра?... Ты моя крестная дочь, моя воспитанница!.. Нынче мѣщанка, а завтра—кто знаетъ, что объ тебѣ написано въ книгѣ судебъ!.. А я тебѣ пророчу, ты будешь за дворяниномъ, у котораго шестьдесятъ душъ... не смѣйся!.. Объ этомъ послѣ, по секрету... Ну, что твой папа, почтенный Ермильчъ? По-прежнему? Кстати вамъ скажу, я Ванечку вылечила отъ пьянства по новой методѣ. Солнцемъ припекло, а то бѣ посмотрѣли бы, какой молодецъ.

МАШАЕВЪ (*всторону*). Это видно, у пристѣпка на-силу стоитъ. (*Дѣти дерутся изъ куклы, которую далъ имъ Ванечка.*)

ЛИПИНА. Милочки! полно-те... Вспомните, душки, вы оба братья по челоуѣчеству, по несчастію—еще болѣе. Надо братски другъ съ другомъ дѣлиться. Лиза, ты поиграй немножко куклой, потомъ отдай Васю; Вася поиграетъ, отдастъ опять Лизѣ.

МАШАЕВЪ (*подходя къ окну*). Какой-то баринъ сидитъ въ каретѣ, машетъ рукой.

ЛИПИНА. Ахъ, я разсѣянная какая!.. Молодой, прекрасный челоуѣкъ сидитъ себѣ въ каретѣ... везу его къ Кривлянину рекомендовать, и совсѣмъ забыла объ немъ. Дѣти, кормилица; ступайте себѣ въ карету, а ты, Ванечка, проводи ихъ, чтобъ кормилка не оступилась съ ребенкомъ на гнилой лѣстницѣ. Скажи, сейчасъ де-скать буду. (*Крестьянка, дѣти и Ванечка уходятъ.*) Ермильчъ, поди къ себѣ въ каморку, мнѣ нужно сказать Груню пару словъ по секрету.

МАШАЕВЪ (*про себя*). Видно, что-нибудь не спроста. Пригляжу сквозь щелку двери и подслушаю. (*Уходитъ направо въ дверь, которую неплотно притворяетъ.*)

VI.

ЛИПИНА и ГРУНЯ.

Липина. По большому секрету, Груня... Знаешь молодого соседа моего, Подсеньжникова? Говори мнѣ все, все чистосердечно, какъ матери.

Груня. Видала я его по праздникамъ въ деревнѣ, въ приходской церкви; встрѣтилась разъ съ нимъ въ рождѣ... онъ насказалъ мнѣ разныхъ пѣжностей—я разсердилась; написалъ мнѣ письмо съ тѣми же любезностями—я бросила въ огонь; вздѣтъ часто мимо нашихъ оконъ—я отхожу отъ окна; былъ у отца и заказалъ мебели—я ушла въ чуланчикъ свой: вотъ и все.

Липина. Знаешь ли, дружокъ, Богъ невидимо посылаетъ тебѣ счастье!... Я съ нимъ познакомилась... Прекрасный молодой человекъ?.. скромнень, застенчивъ, какъ дѣвушка! А какъ добръ! Кривлянина разыгрывала лотерею въ пользу неизвѣстной—взялъ одинъ десять билетовъ... Влюбленъ въ тебя по-уши... говорятъ мои люди, ни на что не посмотреть... Женихъ, что ни говори, женихъ!

Груня. Можетъ-ли быть? онъ помѣщикъ, а я...

Липина. Отецъ его, не Богъ знаетъ какого знатнаго роду...

Груня. Все-таки я мѣщанка

Липина. Эка бѣда! Прочти исторію знатныхъ и даже великихъ людей, ты увидишь, что хуже тебя попадаютъ въ большія барыни. Не ты будешь первая; не ты последняя.

Груня. Просто, хочеть обмануть бѣдную дѣвушку. Развѣ я также въ книгахъ не читала, развѣ нѣтъ около насъ примривъ...

Липина. Ты не похожа на этихъ несчастныхъ, я знаю тебя, да и онъ не смотритъ развратникомъ.

Груня. Можетъ быть, и прекрасный, благородный человекъ, да я...

Липина. Что? что? ужъ не...

Груня. Не скрою отъ васъ... вы моя вторая мать... я... люблю другаго... обѣщала за него... *(вздыхаетъ)*. Развѣ самъ откажется!

Липина. Кто-жъ это такой?

Груня. Сосѣдъ Резинкинъ... служитъ въ казенномъ мѣстѣ... скоро ему дадутъ хорошую должность.

Липина. Смотри, ты была всегда такая восторженная!.. По мнѣ пошла!.. Сосѣдство... молодость... надо было кого полюбить... онъ попался первый.

Груня. Можетъ быть и правда; но вы знаете меня, если ужъ я слово дала...

Липина. Хотя убей тебя, не отступишься отъ него, знаю. Если такъ, не хочу разрывать союза двухъ любящихъ сердець. А я было думала такъ хорошо устроить... Остался одинъ спротою; безъ отца, безъ матери, можетъ въ одиночествѣ погибнуть... начнетъ ходить въ крестьянскихъ хоровахъ, ѣздить на тройкахъ съ бубенчиками, стегать арапникомъ по дорогѣ встрѣчныхъ и поперечныхъ... пропадетъ ни за что!.. Ты наполнила бы его жизнь, сберегла бы его состояніе, а лучше всего—душу отъ пороковъ... Сколько бы челоѣчество тутъ выиграло!.. Но не хочу тебя огорчать. Подойди сюда, поближе... Вотъ тебѣ, милочка, бумажка.

Груня (*развертывая бумагу*). Пятьдесятъ рублей серебромъ!.. 175 р.?.. Мнѣ?..

Липина. Тсъ!.. услышитъ... не показывай, отниметъ. (*Показываетъ на дверь*.) Береги на черный, или на свѣтлый день, ты меня понимаешь.

Груня (*хочетъ поцаловать у ней руку, Липина обнимаетъ ее*). Добрая, безцѣнная Анна Семеновна! какъ ужъ васъ назвать, и не знаю.

Липина. Дала бы болѣе, ты знаешь, я сама не богата.

Груня. Никогда у меня столько денегъ не было! Какое богатство! какое счастье! сберегу... никому не покажу... О, какъ я счастлива!

Липина. За это попрошу отъ тебя услуги; мнѣ нужно послать тебя...

Груня. Приказывайте.

Липина. У кареты доскажу... теперь поспѣшу извиниться передъ молодымъ челоѣкомъ. Накинь шляпку и приходи скорѣй. (*Уходитъ*).

VII.

Груня, одна.

Груня. Какое неожиданное счастье! Саша, я на тебя болѣе

не сержусь. Прочь досада, прочь горе!.. Куда бѣ припрятать?.. Въ карманѣ я и такъ гривенникъ потеряла. Да! въ шкатулку, гдѣ лежитъ его заветное колечко... (идетъ къ шкапчику, отпираетъ коммодъ подъ нимъ, вынимаетъ шкатулку, отпираетъ ее и кладетъ туда деньги.) Тутъ будетъ безопасно. (Запираетъ.) Заперла... крѣпко... (запираетъ коммодъ, кладетъ ключи къ себѣ въ карманъ, бѣжитъ въ дверь на лѣвую сторону, тотчасъ возвращается изъ нея въ шляпкѣ и посылаетъ издали поцалуй въ ту сторону, гдѣ схоронены деньги.) Прощай покуда, мое сокровище! Не увидишь ты свѣта Божьяго, пока не настанетъ для насъ очень черный, или очень свѣтлый день. (Только что она хочетъ растворить дверь, на встрѣчу ей Подснѣжниковъ.)

VIII.

ПОДСНѢЖНИКОВЪ и ГРУНЯ.

Груня. Что вамъ угодно?

Подснѣжниковъ (загораживая ей дверь). Анна Семеновна прислала меня къ вамъ... за вами...

Груня. Если вы за мною, такъ позвольте пройти.

Подснѣжниковъ. Вы знаете изъ письма моего...

Груня. Я не читала его и бросила въ огонь.

Подснѣжниковъ. Выслушайте по-крайней-мѣрѣ, что я вамъ скажу. Будьте сострадательны, у васъ, говорятъ, доброе сердце... Съ того времени, какъ я васъ увидѣлъ, я не имѣю спокойнаго дня, спокойной ночи; свѣтъ мнѣ опостылѣлъ... Не ужъ ли вы захотите, чтобъ я бросился въ рѣку, или застрѣлился?

Груня. Все что вы говорите, я гдѣ-то читала въ книжкѣ. Чего вы хотите отъ меня?

Подснѣжниковъ. Не будьте такъ жестоки, не отвергайте моей любви.

Груня. Я васъ не понимаю и не хочу понимать.

Подснѣжниковъ. Вамъ ли, съ вашею красотою, съ вашими достоинствами, жить въ этой хижинѣ? Вамъ сулилъ Богъ высокую долю. Прилично ли вамъ заниматься низкою работою? У васъ должны быть хоромы, экипажи, слуги... я самъ буду первымъ слугою вашимъ.

Груня. Я привыкла жить въ этомъ убогомъ домикѣ; работа меня не тяготитъ, потому что работаю для отца, для себя... довольна, никому не жалуясь на судьбу свою... виредь уповаю на милости Бога, которому мать, умирая, меня поручила... имя честной дѣвушки дороже для меня всѣхъ сокровищъ на свѣтъ.

Подсѣжниковъ. Вспомните, что ждетъ отца вашего въ старости... онъ и теперь едва можетъ работать... хорошая дочь должна жертвовать всѣмъ для счастья своихъ родителей.

Груня. На этомъ не поймаете меня, Владиміръ Петровичъ. Теперь скажу, мы другъ друга понимаемъ. Прошу оставить меня въ покоѣ, не то... я позову отца своего.

Подсѣжниковъ. И вы отвергли бы мою любовь, еслибъ я предложилъ вамъ даже руку свою.

Груня. Отказалась бы, потому что вы мнѣ не пара. Если вы благородный человекъ, перестаньте за мною ухаживать; оставьте меня какою я есть, при моей чистой совѣсти и спокойствіи.

Подсѣжниковъ. Что дѣлать? исполняю волю вашу съ горестью, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Груня. Въ такомъ случаѣ мировая! Насъ ждутъ, переступимъ же порогъ друзьями. *(Подаетъ ему руку).*

Подсѣжниковъ *(цѣлуя у ней руку).* Вы, просто, ангель! *(восторону).* Я, право, влюбленъ по-уши въ эту дѣвочку... достану ее, во чтобъ ни стало *(Уходятъ оба).*

IX.

МАМАЕВЪ одинъ.

Мамаевъ. Дурочка!.. хоть бы поманила его, а тамъ воръ воробей и попался въ силки; честнымъ пиркомъ, да и за свадебку! То-то бы погулялъ Мамаевъ! Знаемъ, что ей любъ красноперый Сашка... Правда, малый добрый, вина не пьетъ, любитъ ее по чести; была бы пара!.. Да мать вишь капитанша, чванится, словно пава на крышкѣ. А богата стала дѣвчонка!.. пятьдесятъ цѣлковыхъ! Чтобы цѣлковику отцу? хоть бы двугривенный отвести душу... Общала!.. Да гдѣ ей помнить?.. До отца ль?.. Вишь, пьяница столярника!.. А барышня тамъ себѣ кофен, да чай, съ крендельками пошиваетъ. Отплатить, аль отплатить на цѣлкови-

кажь?.. Больно мутить душу; не въ колодезь же броситься!.. (Трясетъ коммодъ) Крѣпко! Мудрецъ сватушка самъ и работаль (Смотритъ въ окно). Вотъ и онъ, лысый, смотритъ въ окошко. (Открываетъ окно). Свать, а свать, поди-ка сюда на пару словъ. Киваетъ, де-скасть иду. А на душъ что-то робко... И то сказать: вѣдь не у чужой, у дочери!.. Какогожь ей чернаго дня дожидаться?.. Для меня черенъ, какъ волчья ночь. Заплачу долги, куплю дерева, учениковъ возьму, стану работать, да и положу опять, хоть съ процентами.

—

X.

МАМАЕВЪ и СЛЕСАРЬ; у послѣдняго связка слесарныхъ инструментовъ.

МАМАЕВЪ. Что, свать, какъ можется?

СЛЕСАРЬ. По старому, дружище. Знаешь, все затѣя не дастъ покоя ни днемъ, ни ночью.

МАМАЕВЪ. Проклятая самоходка! убѣтъ она тебя.

СЛЕСАРЬ. Не могу братецъ, отстать... будто нелегкая все подъ бокъ толкаетъ: сдѣлай, да сдѣлай.

МАМАЕВЪ. Авантажу-то много ли? Былъ богатъ, угощать пріятелей любилъ, а теперь, чай, и хлѣбушка не всегда... Ну, сдѣлалъ, а тамъ-то что?

СЛЕСАРЬ. А тамъ въ газетахъ будутъ писать: сдѣлалъ такого-то города мѣщанинъ Перехватовъ диво-дивное... тележку, сама катится... По русской палестинѣ почеть, да и въ чужихъ земляхъ будутъ знать... Кажись, и въ гробъ-то легъ бы радостно!.. Да вотъ беда какая: недостаетъ двухъ рублевиковъ, пружину одну прибавить.

МАМАЕВЪ. А то бы?

СЛЕСАРЬ. И въ ходъ.

МАМАЕВЪ. Можетъ статья, добрый человекъ и същется одолжить.

СЛЕСАРЬ. Кому больна чужая болячка?

МАМАЕВЪ. А хоть бы свату твоему.

СЛЕСАРЬ. Ой ли? родной благодѣтель!

МАМАЕВЪ. Только самъ сослужи; по твоей части.

СЛЕСАРЬ. Приказывай, свать.

МАШАЕВЪ. По рукамъ!.. Вотъ видишь, братецъ, деньги-то у меня есть... въ этомъ комодѣ, да запропастялись... подъ полъ въ щель что ли попали, аль дѣвка затеряла. А деньги самому нужны: баринъ мебель заказалъ—дерева надо купить... время не терпится. Кстати, съ тобою и инструментики.

СЛЕСАРЬ. Про всякой случай всегда съ собой ношу.

МАШАЕВЪ. Ну, валяй же проворный!

СЛЕСАРЬ (*примѣривая крючки*). Этотъ великъ... № 10 будетъ впору. Какъ разъ! (*Оттираетъ комодъ*).

МАШАЕВЪ. Теперь вотъ шкатулку.

СЛЕСАРЬ. Тутъ № 12... (*Оттираетъ шкатулку*).

МАШАЕВЪ (*шаритъ въ шкатулку, вынимаетъ дрожащими руками кредитку и кладетъ въ жилетный карманъ*). Запри, а то дѣвка придетъ, Богъ знаетъ, что подумаетъ, и воры-то, и разбойники! (*Слесарь запираетъ шкатулку, а потомъ комодъ*). Теперь пойдѣмъ, размянемъ бумажку въ трактиръ, тамъ и получишь обещанное.

СЛЕСАРЬ. Вѣкъ не забуду твоей услуги; прокачу тебя перваго на самокатъ. (*Идутъ и встрѣчаются въ дверяхъ съ Резинкиной*).

XI.

ТЪ ЖЕ и РЕЗИНКИНА.

МАШАЕВЪ. Тфу! испугала какъ!

РЕЗИНКИНА. Что больно робокъ?.. Пстой-ка, голубчикъ, хоть на порогъ, а выскажу тебѣ все. Пора! давно ужъ пора! Что это ты, старый хрычъ, съ своей дочкой развращаете мое дѣтище? У ребенка только-что молоко на губахъ высохло, а тутъ и любовишка завелась.

МАШАЕВЪ. Нѣтъ ли еще чего? Вытряхивай.

РЕЗИНКИНА. Воспитала въ страхъ родительскомъ, а теперь и мать ни почемъ! На службу идетъ—къ Ермилычу въ домъ, со службы—къ Ермилычу, вечеромъ—къ Ермилычу; только что не поцуетъ у васъ.

МАШАЕВЪ. Все ли?

РЕЗИНКИНА. Что это вы затѣяли? Не въ женишки ли ужъ Сашеньку прочите? Хоть бы зарубили у себя на носу: дескать, мать

его капитанша, безъ году дворянка... только годикъ покойникъ не дотянулъ!.. сынъ крестникъ совѣтника... а я-то что? Столяршка, мѣщанишка... Хотя бы приданница, а то голь сквозная; туда жъ лезеть въ благородные!

МАШАЕВЪ (*взявшій во время монолога Резинкиной обрубокъ дерева*). Послушай, богатая капитанша, безъ году дворянка, коли ты еще хоть слово пикнешь про мою дочь, такъ я тебя вотъ этимъ столярнымъ утюгомъ такъ выглажу, что дома своего не узнаешь.

РЕЗИНКИНА. Меня? попробуйка! Да ты въ тюрьмъ сгниешь; да тебя на болотной площади отдеруть за меня.

СЛЕСАРЬ (*всторону*). Ну, пропала моя самокатка! (*Мамаеву тихо*). Оставь, братецъ; вишь, какъ она остервенилась, словно бѣлены объѣлась. Потянуть къ суду да расправъ... плюнь!

МАШАЕВЪ. И впрямь плюнуть... нечего съ глупой бабой толковать. (*Резинкиной*). Извольте, ваше благородіе, безъ году высокоблагородная, съ верстакомъ бесѣду вести, сколько душъ угодно а мы вашей милости низко кланяемся (*Уходитъ съ слесаремъ*).

РЕЗИНКИНА (*вслѣдъ имъ*). Самъ ты верстакъ, чурбанъ необтесанный!.. Въ полицію, такъ въ полицію... велю Сашенькѣ прошеніе написать... Осрамилъ, разругалъ дескать благородную женщину ругательскими словами. За безчестіе заплатишь!.. (*Только что растворяетъ дверь, чтобы выйти, на встрѣчу ей Груня*).

РЕЗИНКИНА (*грозя ей кулакомъ*). Все изъ-за тебя, барышня!.. (*Смятаясь*). Дѣвка-то смиренная, жаль, а то полетѣла бы за отцомъ...

XII.

ГРУНЯ, останавливается у двери.

ГРУНЯ. Какая страшная!.. Я думала, приѣдетъ меня. (*Прислушивается у двери*). Все кричать!.. Не дошло бы, въ самомъ дѣль, до полиціи! Господи! изъ чего у нихъ такая ссора вышла... Изъ-за меня?.. Чѣмъ я виновата?.. Хорошо еще, что зашла по хозяйству къ кухаркѣ, а то попала бы въ эту суматоху. Боже мой! чѣмъ это все кончится?.. Вотъ и союзъ любящихся сердець!..

XIII.

ГРУНЯ, РЕЗИНКИНЪ и РАЗНЕСЕНСКІЙ.

РЕЗИНКИНЪ (*танцуетъ и паясая*). Радость! радость! тра-ла-ла, тра-ла-ла.

РАЗНЕСЕНСКІЙ. Триумфъ! триумфъ, мамзель Мамаевъ! И вотъ, честь имью рекомендовать—триумфаторъ, прямо изъ капитоля, готовьтесъ усыпать путь его цвѣтами.

ГРУНЯ. Какая тутъ радость!.. Развѣ вы не встрѣтили свою мать?.. пресердитая такая... тутъ была ссора съ отцомъ.

РЕЗИНКИНЪ. Чтò мнѣ теперь до ея сердца!.. Одно слово—только три листика, розовые, какъ ваши щечки, или губки...

РАЗНЕСЕНСКІЙ. Три лавровыхъ листочка, и осклбится она, какъ солнышко послѣ бури, и скажетъ она, прижимая его къ материнскому сердцу. О монъ фисъ биенъ ёмѣ, виенъ, виенъ, кѣ жѣ тамбрасъ; а те нобль зексплуа же реконне монъ санъ.

ГРУНЯ. Разрѣшите пожалуйста эту загадку по-русски.

РЕЗИНКИНЪ. Видите эти худые локти?

ГРУНЯ. Къ стыду вашему, вижу.

РЕЗИНКИНЪ. Они-то составили мое счастье.

ГРУНЯ. Худые локти?

РЕЗИНКИНЪ. Да-съ!.. Знаете волшебное слово: окопировался?.. Нѣтъ-съ?.. Такъ я вамъ скажу. Окопируюсь въ самое лучшее форменное платье, изъ лучшаго сукна, у самаго лучшаго портнаго. Великолѣпный Вицманъ, мастеръ изъ... изъ...ну хоть изъ Парижа, упадетъ передо мною на колѣни, когда снимать будетъ съ меня мърку... а я себѣ важно, по-графски, обопрусь на него и говорю ему: «смотри, любезный Вицманъ, въ рюмочку, да чтобъ не лопнули ушки у пуговицъ... и въ двое сутокъ, минута въ минуту по моимъ часамъ» (*показываетъ, что онъ вынимаетъ часы изъ кармана*). Правда, часовъ-то у меня еще нѣтъ, — ну, все равно, покажу на его стѣнные часы — «а если не сдѣлаешь, берегись, нѣмчура...»—Карашо, будетъ врѣны, ваше высокоблагородіе... и запишетъ на мъркѣ и въ книгѣ: мусье Резинкинъ, срокъ 40 часовъ, экстра.

РЕЗИНКИНЪ и РАЗНЕСЕНСКІЙ (*танцуютъ и приплявуютъ*):

Вхаль чижикъ въ лодочкѣ

Въ адмиральскомъ чинѣ:

Не вышить ли водочки
По такой причинѣ?
Вышилъ рюмку, вышилъ двѣ,
Зашумѣло въ головѣ.

Груня. Вы, просто, помѣшались. Знаю, Александръ Парфенычъ не пьетъ вина, а то-бъ подумала... Расскажите мнѣ, что съ вами случилось, или я не на шутку разсержусь.

Резинкинъ. Извольте, начинаю. Убитый горестью... умалчиваю, отъ какой причины... прихожу въ свою канцелярію, сажусь за свой столъ; беру листъ бумаги и только было вывелъ: «вслѣдствіе *просимости* такого-то (имярекъ) по случаю *утопунія* крестьянина» вдругъ слышу, по всемъ столамъ: тсъ! тсъ!.. У моего столоначальника лицо стало подергивать, а межъ нашей братии, мелочи, пошла суета: кто песокъ со стола сметаетъ, кто обрѣзки бумаги подбираетъ подъ столомъ. Въ одномъ столѣ не успѣли, такъ экзекуторъ въ карманы себя понабилъ.

Разнесенскій. Эхъ, братецъ, ты говоришь все какимъ-то низкимъ слогомъ. О предметахъ важныхъ следуетъ и важнымъ языкомъ говорить. Напримѣръ: — И вдругъ настала такая торжественная тишина, какъ будто все присносущее превратилось въ камень, и повѣяло на насъ нѣкимъ амвросическимъ дуновеніемъ, и безъ лицезрѣнія стало видимо для насъ присутствіе великаго чело-
вѣка.

Груня. Полно, Ксенофонтъ Кырычъ, сбивать его вашимъ высокимъ слогомъ; вѣдь вы, кумъ, известно, философъ... учили на вакансіяхъ въ благородныхъ домахъ... стихи пишете...

Резинкинъ. Только слышимъ... говорить одному тяжелому чело-
вѣчку: «извольте перемѣнить... я не люблю крющотворства... это однажды навсегда!.. Пора подъячеству конецъ!.. Молчаніе!.. тсъ!.. (Резинкинъ поднимаетъ указательный палецъ и держитъ его такимъ образомъ нѣсколько времени). Очутился онъ подле меня... положилъ мнѣ отечески руку на плечо... взглянулъ на мою бумагу и сказалъ ласково: «Какъ вамъ не стыдно писать такимъ подъяческимъ языкомъ! Развѣ нельзя просто, какъ говорите, по-человѣчески?» Тутъ потрепалъ онъ слегка мой рукавъ и сердито сказалъ: да какой онъ неряха! съ худыми локтями!.. Развѣ у него нѣтъ матери, или сестры, которая бы починила? Худо и поведеніе рекомендуетъ.

Груня. Говорила я вамъ, Александръ Парфенычъ!



9918

РЕЗИНКИНЪ. Тутъ только вспомнилъ васъ. Думалъ, пропала моя голова!.. (*Разнесенскому*): Доскажите, Ксеофонтъ Кырычъ... мнѣ неприлично... объ себѣ.

РАЗНЕСЕНСКІЙ. Вотъ видите, мамзель Мамаевъ, онъ находится въ такомъ состояніи, какъ Федра, когда она готова открыть наперстницъ свою преступную страсть. *Епопъ, ла ружёръ лекувръ лѣ визажъ.* Благодареніе Богу, совѣтникъ нашъ, его крестный отецъ, отозвался слѣдующимъ образомъ: примѣрнаго поведенія, бѣдный человекъ, а мать жалованьемъ содержитъ: никогда не манкируетъ на службу.

РЕЗИНКИНЪ. Развѣ иногда засмотрится на одну милочку, заслушается ее... (*Груня грозитъ ему пальцемъ*).

РАЗНЕСЕНСКІЙ. Хоть и не грамотѣй... (*Резинкинъ кашляетъ*) но пишетъ исправно и формы всякихъ бумагъ твердо знаетъ... Мы было хотѣли назначить его въ письмоводители къ становому... Если такъ, то определить, сказала персона: наружность у него благовидная... (*Резинкинъ показываетъ съ удовольствіемъ на свое лице*) открытая... подычимъ не смотреть... Да велите казначею выдать ему тридцать рублей серебромъ на окопировку въ счетъ жалованья. Только условіе, господинъ Резинкинъ: въ три дня непременно окопироваться и явиться ко мнѣ въ новомъ платьѣ. Смотрите, въ три дня: я не повторяю два раза своихъ приказаній.

РЕЗИНКИНЪ. Еще не все. Пришелъ я къ казначею, получать деньги и росписку принесъ; казначей выдалъ мнѣ деньги, а росписку мою... трръ!.. въ клочки. Я ахнулъ. Казначей засмѣялся: молись, братецъ, за него Богу — вѣдь онъ свои внесъ; только никому не говори, не приказаль.

ГРУНЯ. Какой прекрасный человекъ! какъ вы должны его любить!

РАЗНЕСЕНСКІЙ. А Гривенничкинъ бранить: вѣдь мѣсто письмоводителя было ему обѣщано.

ГРУНЯ. Чудный выпалъ для насъ денекъ! И я получила подарокъ отъ своей благодѣтельницы — отгадайте, сколько?

РЕЗИНКИНЪ. Красненькую?

ГРУНЯ. Нѣтъ, пять.

РЕЗИНКИНЪ. Пятьдесятъ!.. Вы меня перещеголяли... То-то заживемъ славно!

РАЗНЕСЕНСКІЙ. Поздравляю, кума, отъ преданной души.

ГРУНЯ. Только мнѣ данъ другой зарокъ: употребить деньги

тогда, когда настанетъ для меня очень черный или очень радостный день.

Резинкинъ. Настанетъ, скоро настанетъ, безподобная Аграфена Силаевна (*показывая ей деньги*). Вотъ онъ, пташки залетныя!

Груня (*считая*). Да тутъ только двадцать девять рублей?

Резинкинъ. Цѣлковый далъ швейцару... Нельзя-съ. Заслуженный воинъ... съ такими нашивками... такой важный, вытянулся въ струнку, отдалъ мнѣ честь булавой, инда полъ затрещалъ, а какъ сказалъ мнѣ лихо: честь имѣемъ поздравить, ваше благородіе!

Груня. Все-таки слишкомъ щедро. А платье ужъ заказали?

Резинкинъ. Нѣтъ еще, идемъ сейчасъ.

Груня. Скорый же, скорый! Я теперь готова вытолкать васъ.

Резинкинъ. Прощайте (*тихо*). А на прощанье ручку, можно? (*Груня качаетъ головой; показывая на Разнесенскаго*).

Разнесенскій. Идемъ, братецъ, а то, пожалуй, новый Антоній найдетъ здѣсь свою Капую. До свиданія!

Резинкинъ. До свиданія! Увы! явлюсь еще къ вамъ съ худыми локтями, но съ сердцемъ... съ сердцемъ... (*уходятъ напивая*): Бѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ.

XIV.

Груня (*одна*). Господи, благодарю Тебя!.. Такъ хорошо сердцу и вмѣстѣ такъ тяжело... можно часокъ отдохнуть. Почти всю ночь не спала... А какъ Марфа Осиповна не благословитъ сына?.. Смягчится, какъ узнаетъ, что у меня такъ много денегъ, вотъ тутъ... подъ тридевять замками. (*Стучитъ въ стекло шкапа*). Тю-тю! Хорошо вамъ мои пташки, въ тепломъ гнѣздышкѣ?.. (*Киваетъ головой*). Баеньки, до радостнаго утра!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ русскомъ трактирѣ.

I

РЕЗИНКИНЪ, РАЗНЕСЕНСКІЙ, ЛОСОСИНИНЪ, МУХА, ДВОРОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ и ПОЛОВОЙ. Дворовый человекъ, хорошо одѣтый, развалился важно на диванъ и курить трубку; Лососининъ и Муха вводятъ подъ рука Резинкина, который входитъ, съ робостію озираясь; Гривенничкинъ загораживаетъ дверь.

РАЗНЕСЕНСКІЙ. Подкараулили-таки, злодѣи, почти силою втащили.

МУХА. Вѣдь только спрыснуть!.. Ну же впередъ; ты у насъ нынче князь, какъ на свадебномъ пиру. Жаль, музыкантовъ нѣтъ, а то-бы тушъ! (*Резинкинъ останавливается посреди комнаты; ступитъ шага два, и опять стоитъ въ нерешимости*).

ГРИВЕННИЧКИНЪ. (*Лососинину, отводя его въ сторону, тихо*). Смотри, братъ, уговоръ, подпой искусный, да и къ чорту окопировка и важное мѣсто. Славные магарычи будутъ!

ЛОСОСИНИНЪ. Эка премудрость! Тутъ нужно только безстыдство, мѣдный лобъ. Иной гвоздемъ къ мѣсту прибить, не скоро оторвешь; а этотъ, видишь, мотается на мочальной петлѣ.

РЕЗИНКИНЪ. Право, господа, какъ-то страшно... въ первый разъ въ такомъ мѣстѣ... неприлично.

ЛОСОСИНИНЪ. Важная особа! Фря какая! Здѣсь почище насъ съ тобою, — и господа бываютъ — видишь (*указываетъ на двороваго человека*).

РЕЗИНКИНЪ. (*тихо*). То-то и худо. Неравно маменькѣ скажутъ (*про себя*) да Груня узнаетъ (*вздыхаетъ тяжело*).

МУХА. Двочка, что ли? Маменьки боится — чай, высчетъ. (*Всѣ, кромѣ Разнесенскаго, смѣются. Лососининъ и Гривенничкинъ подводятъ Резинкина къ дивану и съ почетомъ сажаютъ его*).

Лососининъ. Князю почетъ! Половой, подушечки. *(Половой приноситъ двѣ подушки и подкладываетъ по обѣимъ сторонамъ Резинкина).* Вотъ такъ.

Дворовый челоувѣкъ. Малый! подь сюда. *(Половому тихо).* Смотри, не проговорись, что я дворовый челоувѣкъ.

Половой *(тихо).* Какъ можно! вы практика-сь, а они налетающіе. *(Громко).* Вы, господа, что прикажете?

Гривеничкинъ. Спрашивай у князя.

Резинкинъ *(вставая).* Сдѣлайте милость, нельзя ли безъ меня? Я жертвую два цѣлковыхъ на братью, а мнѣ позвольте...

Лососининъ. За кого насъ принимаешь?

Гривеничкинъ. Мы вѣдь не нищіе.

Муха. Ясноверможный панъ, а мы хлопцы его. Держалъ насъ цѣлый годъ на томъ, на семь, да на годовой праздникъ выкидываетъ на всю братью два цѣлковыхъ.

Резинкинъ *(садится снова).* Право, я не думалъ вамъ въ обиду, а такъ... какъ-то дико, съ непривычки. Только уговоръ, братцы, не болѣе двухъ цѣлковыхъ.

Муха. Торгуйся, еврейская душа!

Резинкинъ *(ударяетъ кулакомъ по столу).* Чортъ побери! оставаться, такъ оставаться. Спрашивайте сами...

Лососининъ. Вотъ это по-братски! *(Половому).* Сладкой водки на всѣхъ... гвоздичной, забористой, да на закуску окорокъ ветчины, да поросенка подь хрюномъ.

Половой. Мигомъ-сь, по щучьему ныряню, по птичьему летанью.

Лососининъ. Постой, малецъ, уговоръ лучше денегъ. Хоть я приказываю, а платить вотъ этотъ господинъ. Такъ ли, Резинкинъ?

Резинкинъ. Ужъ, конечно, я плачѹ. Видишь. *(Показываетъ деньги).*

Половой. Слушаю-сь *(Уходитъ).*

Разнесенскій *(всторону).* Охъ! охъ! быть бѣдѣ — умываю себѣ руки.

Муха *(дворовому челоувѣку).* А ваша милость тутошніе, или изъ узда?

Дворовый челоувѣкъ. Изъ узда, по дѣлу здѣсь.

Муха. Смыю спросить, не арендовать ли городскую землю прѣхали?

Дворовый челоувѣкъ. То есть нанять... хотѣлось бы.

Муха. Дальше въ нашемъ столѣ — къ услугамъ вашимъ писецъ Муха... Муху такъ и спросите. *(Пожимаютъ другъ другу руки).*

Дворовый чловѣкъ. Муха? что-то не людское прозвище!

Муха. У насъ тамъ все такъ. Статейка знатная, только дорогонька будетъ, пойдетъ за тысячу въ годъ.

Дворовый чловѣкъ. Плевое дѣло! *(Половой приноситъ закуску и графинъ водки).*

Лососининъ *(тихо Резинкину).* Денежный чловѣкъ, кажись, твоего стана помѣщикъ: не приласить ли?

Резинкинъ. Какъ хочешъ.

Лососининъ *(Дворовому чловѣку).* Не угодно ли удостоить съ нами закусить.

Дворовый чловѣкъ. Почему жъ не такъ: вы люди благородные — я люблю веселую молодежь. Нынче вашъ гость, а тамъ мой чередъ: угошу по-нашенски. *(Всѣ пожимаютъ ему руку).*

Гривенничкинъ. Просимъ, дорогой гость, для почину *(Дворовый чловѣкъ пьетъ водку, за цимъ другіе).*

Дворовый чловѣкъ *(Резинкину).* За здоровье ваше, господинъ!

Гривенничкинъ. За здоровье писмоводителя!

Муха. Быть ему высокоблагороднымъ!

Лососининъ. Подымай выше — нашимъ начальникомъ!

Разнесенскій. Дай Богъ ему хорошую женку! *(Резинкинъ цалуетъ его съ чувствомъ; всѣ поздравлявшіе, кромъ Разнесенскаго, держа подносъ съ водкой, подходятъ къ Резинкину.)*

Резинкинъ. Увольте, господа! Вѣдь я никогда ничего не употреблялъ.

Всѣ *(кромъ Разнесенскаго).* Нельзя, нельзя, надо же благодарить; ты насъ кровно обидишь.

Резинкинъ *(встаетъ и беретъ рюмку съ водкой).* Благодаренъ вами, господа, за доброе пожеланіе! *(Выпиваетъ полрюмки)* А!.. *(всторону)* Право, не дурно; сладко, и какъ-то по жилкамъ мурашки...

Лососининъ. Голубчикъ, дружокъ, скажи, какъ будешь нашимъ отцомъ-командиромъ, не станешь насъ распекать? да сажать подъ арестъ за отлучку — на примѣръ въ трактиръ?

Резинкинъ *(охорашиваясь).* Ужъ всеконечно, нѣтъ.

Лососининъ. Врешь, жулька, зачванишься, посадишь... право, посадишь?

Резинкинъ. Посмотрите, я и дежурство уничтожу и всѣмъ выдамъ впередъ полугодовое жалованье.

Лососининъ. Добрѣйшая душа! Любо съ такимъ командиромъ и служить!

Гривенничинъ. Добрѣйшая? а зло на днѣ оставляетъ. Видишь, ты отбилъ у меня важное мѣсто, а я на тебя сердца не имѣю. Люблю тебя и теперь, какъ брата (*цѣлуетъ Резинкина*).

Разнесенскій (*всторону*). Предатель!.. (*вслухъ*): не пей болѣе, послушайся меня.

Лососининъ. Что за дядька!.. Александръ Парфенычъ не подѣ начало къ тебѣ пошелъ — ужъ не дитя; скоро у самого подѣ командой цѣлый станъ будетъ.

Резинкинъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ я ребенокъ?.. (*выпиваетъ всю рюмку*) Славная вещь!.. Какъ-то веселѣй, отважнѣй! (*встаетъ и, заложивъ руки въ карманы, важно прохаживается.*) Приди-ка теперь самъ начальникъ, я такъ отвѣчу ему...

Лососининъ. А милостивца, виновника нынѣшняго торжества, забыли? Надо-бы шипучки.

Резинкинъ. За здоровье добраго начальника, шампанскаго!

Лососининъ (*половому*). Слышь, двѣ бутылки и стаканы. Да вино-то изъ нѣмецкаго погреба.

Половой. Знаю-съ (*уходитъ*).

Муха (*дворовому челоуьку, поглаживая его платье*). А какое у васъ на фрячкѣ славное суконце!

Дворовой челоуькъ. Съ барскихъ плечъ... не подумайте... я хотѣлъ сказать: это дрянъ, съ барскихъ плечъ моихъ пойдетъ слугѣ. А вотъ какъ вчера купилъ — цѣлый кусокъ — по десяти цѣлковыхъ аршинъ... повѣрьте, я вамъ не лгу, настоящій атласъ!

Муха. Должно быть суперфинъ!

Дворовой челоуькъ. Я вамъ скажу, и чистить должно быть легко-съ (*закусивъ губу*). На первое знакомство, позвольте вамъ на парочку...

Муха. За что-жъ? помилуйте... впрочемъ, отъ добра не отказываются. (*Беретъ двороваго челоуька подѣ руку и прохаживается съ нимъ по комнатѣ, тихо разговаривая. Слышны звуки шарманки*).

Резинкинъ (*бросается къ окну и, отворяя его, разбиваетъ стекло*). Шарманщикъ, сюда!

Лососининъ (*откупоривая бутылки и разливая вино въ стаканы*). Дѣло мастера боится! (*Половой подноситъ вино*).

Резинкинъ (*съ стаканомъ въ рукѣ*). Многя лѣта доброму на-

шему начальнику, виновнику нынѣшняго торжества! (*Пьютъ; всѣ за нимъ берутъ стаканы въ руки и пьютъ вино*).

Лососининъ. Внуши ему Господь почаще такія приказанія казначею! (*потите*) Да поменьше рылся бы въ бумагахъ и побольше подписывалъ ихъ, не читая!

Гривенничкинъ. Многія лѣта!...

Муха. Несчетныя лѣта! Да къ просителямъ порѣже бы выходилъ! Бывало, и въюнъ не проскочитъ межъ насъ, а теперь... фу! личная корреспонденція! (*Показываетъ рукою что улетѣла*).

Лососининъ. Не тужите .. Напрыгается... обойдется!

Гривенничкинъ. Ну-ка, еврей, откальвай!

Музыкантъ (*жидовскимъ выговоромъ*). А какіе же мы евреи! — Обизаете. Мы нѣмцы зъ Польши.

Резинкинъ. Что-нибудь новенькое!

Разнесивскій. Театральное!

Музыкантъ. Мы споемъ и сыграемъ вамъ, господа, комедію... Въ нашу сторону пріѣзжалъ какой-то сочинитель... ученый такой, Боже упаси!.. пріятель намъ былъ — штучку славную намъ подарилъ на прощанье. (*Надѣваетъ на себя чепчикъ съ женщины, а на нее шляпу; женщина вертитъ шарманку и поетъ; музыкантъ поетъ и смѣшною мимикой старается выразить дѣйствія лицъ изъ пьески*).

На взглядъ обманчивъ видъ мужчинъ;

Кажись, и санъ, и классный чинъ...

Кто въ шляпахъ круглыхъ, кто съ углами,

Кто въ грозныхъ шлемахъ, въ картузахъ;

Всмотритесь въ нихъ ума очами —

Большая часть изъ нихъ въ чепцахъ.

Тотъ безъ жены — гроза и громъ,

Отъ крика все летитъ вверхъ дномъ,

И нѣтъ ужаснѣй человѣка!

Жена во дворъ, утихъ содомъ,

И онъ — смиренная овечка,

Сидитъ подъ женнинымъ чепцомъ.

Съ докладомъ секретарь къ тому,

А тотъ съ усмѣшкою ему:

«На сквозь я вижу васъ и тонко;

Не проведешь меня, дружокъ!»
 А преданный слуга тихонько
 Ему чепецъ на паричокъ.

Всѣ. Bravo! bravo!

Лососининъ. Каковъ секретарь!

Музыкантъ (*продолжаетъ играть и пѣть*).

Мужъ со двора идетъ съдой:
 Онъ «миленькой и ангелъ мой!»
 Но лишь за дверь, французъ предатель
 Играетъ роль въ его лицѣ —
 И возвратился мой пріятель,
 Ой, ой, друзья! въ какомъ чепцѣ!

Не обвиняйте вы нашъ вѣкъ:
 Всегда таковъ былъ человекъ!
 Героя древности сажали
 У ногъ Омфалы съ вертепомъ,
 А нынче... нынче-бъ написали
 Его подъ кружевнымъ чепцомъ!

Гривеничкинъ. Хорошо; только странно, братцы, какъ тутъ Амфала, жена нашего регистратора, попала?

Муха. Кто его знаетъ? Можетъ и знаетъ! Охъ, эти сочинители! (*показываетъ на замылокъ*) здѣсь сидятъ...

Гривеничкинъ. Кабы моя воля, я бы ни одному и мѣста не давалъ ни гдѣ. Ты думаешь, онъ съ тобою знакомство хочетъ вести? Какъ же? пишъ!.. гръшки наши подмѣчаютъ, да заразы въ комедию, какъ въ рамочку, вставить.

Лососининъ. Эхъ, братцы! у васъ христіанской-то души нѣтъ... вѣдь надо и имъ чѣмъ-нибудь поживиться? Пускай тамъ себя пишутъ... все романы — романя!.. а мы себя...

Разнесевскій. Знаете пословицу, не мечите бисера... (*Дворовый человекъ шопотомъ говоритъ Гривеничкину*).

Гривеничкинъ (*указывая на Резинкина*). Скажите ему, хозяину.

Дворовый человекъ (*Резинкину*). Что-съ шарманка? Трынь-трава!.. Прогоните ихъ... Я вамъ доложу, Александръ Парфеньгъ, какой лихой таборъ цыганъ прикатилъ сюда... здѣсь внизу и остановились. Просто — bravo! А Наташа у нихъ, я вамъ доло-

жу — мое почтеніе... деликатесь! Ни одной горничной такой смазливой въ городъ нѣтъ. Какъ запоетъ, да залетѣтъ, что твой соловей въ собранскомъ трактирѣ! Такъ жилки все и трясутся.

Резинкинъ. А поцѣловать можно?

Лососининъ. Цѣлковый за поцѣлуй.

Резинкинъ. Цѣлковый?—Эка нѣвидаль!

Дворовый челоѡкъ. А пойдетъ старая Матрена плясать, да косточками потряхивать, такъ животики надорвешь.

Гривенничкинъ. Скомандуйте, Александръ Парфенычъ!

Резинкинъ. Цыганъ!.. живѣ!

Половой. Слушаю-сь, только меньше десяти цѣлковыхъ не пойдутъ.

Резинкинъ. У меня не умничай, щенокъ!.. Цыганъ!

Дворовый челоѡкъ. Кстати шампанскаго!.. слышишь? *(При словѣ: цыганъ! входитъ труппа ихъ на сцену).*

Одинъ изъ цыганъ (постарше). Слышали мы, что молодежь знатная пируетъ, такъ мы и дожидались у дверей... Кликнули—тутъ и есть, передъ вашею милостію, какъ листъ передъ травой. *(Начинается пляска и пѣсни цыганскія; раздаются возгласы пирующихъ: «лихо! браво!» Резинкинъ любезничаетъ съ хорошенькой цыганкой и цѣлуетъ ее, потомъ ложится на диванъ, склоняется головою на подушку и засыпаетъ).*

Лососининъ. Князь заснулъ, пора и по домамъ!

Гривенничкинъ (ему тихо, упираясь колынькой въ столъ). Не уронить ли столъ съ посудою? заплатитъ дурачина

Лососининъ (тихо, махая рукой). И безъ того довольно. Я считалъ вѣрно, копѣйка въ копѣйку, остатокъ на ничоткѣ. *(Вслухъ)* Баста!

Муха. А кто расчесть сдѣлаетъ?

Лососининъ. Разумѣется, дядька его *(указывая на Разнесенскаго).*

Разнесенскій. Поневоля; не бросить же товарища за хлѣбъ-соль! За кѣмъ же последняя бутылка?

Муха. Спроси у господина *(указываетъ на двороваго челоѡвѣка).*

Дворовый челоѡкъ. Нѣтъ, господа, съ меня взятки гладки. Заплатитъ кто-нибудь изъ васъ, только не я. Половой! принеси ливрею мою, что у тебя въ закладъ; пора вхатъ съ бариниомъ за каретой. Теперь возмешь фракъ въ закладъ, а къ обѣду я за нимъ прибѣгу, да опять отдамъ ливрею.

РАЗНЕСЕНСКИЙ, ГРИВЕННИЧКИНЪ и МУХА. Лакей?..

ДВОРОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. И лакей вашего начальника. (*Скидаетъ съ себя фракъ и надъвѣваетъ принесенную половымъ ливрею*). Правду матку сказать: благородные, а куда какъ неблагородно поступили съ своимъ товарищемъ! Этого и наша братья лакейство не сдѣластъ. Наше почтеніе; благодаримъ за компанство и угощеніе (*уходитъ*).

РАЗНЕСЕНСКИЙ. Вотъ тебѣ и честная компанія... Урокъ на грядущія времена!

ЛОСОСНИНЪ. Эка бѣда!.. Страшно, небось!.. Не первую зиму волкамъ зимовать! (*Гривенничкину тихо*): Магарычи за тобой: кажись, на славу окопировалъ! (*указывая на Резинкина*).

ГРИВЕННИЧКИНЪ. Мастеръ! въ одинъ часъ обрилъ, остригъ и укотентовалъ. Ха, ха, ха!

РАЗНЕСЕНСКИЙ (*поглаживая у Мухи сукно на рукавъ*). Да, братъ, кажется, и тебя дворовый человекъ славно окопировалъ въ сукнецо суперфинъ. (*Муха отворачивается съ сердцемъ и уходитъ, за нимъ Лососининъ и Гривенничкинъ*).

Половой (*подавая бумагу Разнесенскому*). Вотъ и счетъ вашей милости.

РАЗНЕСЕНСКИЙ, (*беретъ счетъ и читаетъ*):

За штофъ водки	1 р. 50 к.
За 3 бут. шампанскаго	12 р. — »
За ветчину и поросенка	1 р. 65 к.
Шарманцику	1 р. — »
Цыганамъ	10 р. — »
За поцѣлуй цыганкѣ	1 р. — »
За разбитое стекло	75 к.

27 р. 90 к.

Всего остатку отъ 29 рублей 1 р. 10 к. (*всторону*): Ободрали деревцо, только-что хотѣло одѣться листиками. А дѣлать нечего, приходится расплачиваться. Пожалу, позовутъ полицію... хуже будетъ. Изъ чего мнѣ въ чужомъ шире похмѣлье? (*Вынимаетъ деньги изъ жилета Резинкина*.) На мѣсто денегъ положу роковой счетецъ—пусть повѣритъ. Бѣдный Резинкинъ! что будетъ съ тобой завтра? (*Половому*.) Вотъ деньги. Сдачи и извощика! (*Поднимаетъ Резинкина и беретъ его въ охапку*.) О, горе намъ! о страшная для насъ невзгода!

Половой (*всторону*)... Хоть бы слепой гривенникъ на водку!
(*Запазвсь опускается.*)

II.

Прежняя комната въ квартирѣ столяра.

Груня (*одна*). Отецъ не ночевалъ дома. Видно, гдѣ-нибудь досталъ денегъ; опять задатокъ получилъ и опять прогуляется. Доживемъ до бѣды! Да и Александръ Парфенычъ не приходилъ вчера. Что-то сердце въщунъ такъ и поетъ... А узнать не отъ кого? (*Садится за работу.*)

III.

ГРУНЯ и ПОДДѢВКИНА.

Поддѣвкина. Богъ помочь! одна одиныхонька, моя голубка, и все за работой?

Груня. Благодарю васъ, Мавра Львовна!.. Намъ, бѣднымъ людямъ, грѣхъ сидеть сложа ручки. Вотъ и ваша дочка немного отдыхаетъ.

Поддѣвкина, (*шаря вездѣ и все разсматривая*). Ну, моя Парасковья Степановна дѣло иное: между нами сказать, можетъ скоро совсѣмъ работу бросить, да орѣшки пощолкивать: пора! Она у меня приданница богатая. Триста цѣлковыхъ у ней въ Приказъ, полтора ста на свадьбу въ сундукъ припасено, а платьевъ дареныхъ не перечесть, словно у какой графини. Да что, мать моя, у тебя платочекъ на плечикахъ новенькой?

Груня. Вы видали его ужъ на мнѣ.

Поддѣвкина. Охъ, охъ! нельзя, кровь своя! А тружусь, родная, въ потъ лица. Посидеть ли около больной, мухъ обмахивать, гробовой ли уборъ припасты, да поплакать по покойникъ, или покойницѣ, приданое ли закупить, али вѣсточку горяченькую по секрету передать, вездѣ, все я, Мавра Львовна Поддѣвкина. Никто лучше меня не угодить. Грѣхъ таить, и побранить кого надо за своихъ благодѣтелей, побраню... разругаю, въ грязь

втопчу... не трогай наших! А все по большимъ, знатнымъ домамъ! (подойдя къ шкапу) Что это у тебя, голубушка, между нами, носикъ у чайника отбить?

Груня. Отбить, Мавра Львовна.

Поддевкина. Что-то ложечки серебряной съ чернью не видать, да изъ трехъ одной чайной?

Груня. Не видать—въ закладъ.

Поддевкина (возвращаясь къ Грунь). Вчера былъ у васъ помѣщикъ Подснежниковъ?

Груня. Былъ.

Поддевкина. Между нами сказать, онъ тебя такъ расхваливаетъ; по словамъ его, и дѣвицы на свѣтъ нѣтъ краше и разумѣе. Не краснѣй, голубка моя; стыда тутъ нѣтъ никакого: человекъ благородный, антересный, 60 душъ, послѣ отца скопидома сундукъ съ деньгами въ кладовой; а ты вѣдь, барышня, дѣвица честная, весь кварталъ про тебя худаго слова сказать не посмѣетъ.

Груня. Вѣрю очень, что Подснежниковъ человекъ не дурной; да меня къ чему тутъ прилетать?

Поддевкина. Къ слову пришлось, матушка, не гнѣвись... Дай Богъ ему подругу пригожую и добрую!.. Ты знаешь, моя Параскевія Степановна шьетъ на него бѣлье...

Груня. Знаю.

Поддевкина. Все голландское, тончайшее, аки паутина, между нами. Угодила-ль ему дочка вчерашнею работою—правду сказать, словно мелкимъ бисеромъ вывела—аль на сиротство ея сжалился, аль по праву ему пришлось добрыя рѣчи объ тебѣ, возьми, да заплати ей вдвое за работу.

Груня. Видно вчера такой счастливый день выдался, все подарки были.

Поддевкина. Счастливый? Богъ знаетъ, родная! Иному таланъ, впрокъ, другому на погибель. Охъ, охъ!

Груня. Вы такъ тяжело вздохнули, Мавра Львовна, что у меня въ сердцѣ отдалось. Ужъ не съ отцомъ ли что случилось?

Поддевкина. Что ему? Отецъ твой въ деньгахъ, долги платитъ, дѣрева накупишь, работниковъ понанялъ; да и себя не забываетъ. Кутитъ на-пропалую!

Груня. Гдѣ жъ онъ денегъ взялъ?

Поддевкина. Не хочу грѣшить, не знаю. Нѣтъ, мать моя, я про другаго говорила. На кого напасти не бываетъ, да бѣда бѣдъ

бываетъ розь—отъ нной и вѣкъ не опомнишься. Какъ не вздыхать? сиротинка...

Груня (*всторону*). Сирота?.. ужъ не съ нимъ ли что?

Поддевкина. Только между нами, Грунечка, по большому, большому секрету. Коли выйдетъ отъ насъ прежде времени, погубимъ малаго ни за денежку. Вотъ видишь, душа моя, вчера въ счастливый-то день... пожаловалъ сосѣду твоему, Сашъ Рязникину, набольшій ихъ тридцать цѣлковыхъ на окопировку..

Груня. Такъ чтожь?

Поддевкина. А онъ—и прогуляй ихъ!

Груня (*у ней выпадаетъ шитье изъ рукъ*). Прогуляль?.. Не можетъ статья, Мавра Львовна; онъ не пьетъ вина: всъ знаютъ... Верно, злые языки распустили...

Поддевкина. Грѣхъ сказать, мальш скромный, не пьющій, уважительный такой, все меня мамашей зоветъ... Посватался бы за дочку, обѣми руками бы отдала. Да видно, нашло вражеское искушеніе!.. А вотъ какъ было дѣло: пойдѣ онъ къ портному съ Ксенофонтомъ Кырычемъ... знаешь, книжникъ, долговязый такой... заказывать одежду, а тутъ подкарауль его сорванцы, писаришки, что ни мелочь, да и утащи его почти силою въ русскій трактиръ. Сначала водочки... Сапа и руками и ногами... нтъ-таки одолѣли окаянныя. Знаешь, человекъ не пьющій, много ли надо? Съ одной рюмочки голова поидетъ кругомъ. А какъ забрало, давай шампанскаго, да шарманку, да цыганъ... Съ хорошенькой цыганкой, говорятъ, и поцѣловался. Только между нами, родная, ради Бога.

Груня (*вставая*). Господи! Господи! какой позоръ! Чай, цѣлый городъ знаетъ; не дошло бы до начальника?

Поддевкина. Всъ денежки-то и прокути... осталось три двугривенныхъ, сама-таки, сама сочла до полушки.

Груня. Какая бѣда! погубилъ онъ себя.

Поддевкина. Бѣдная мать такъ и разрывается; я сама на вдови слезы вдоволь наплакалась, да и моя Параскевія Степановна—кажись, дѣвка что твой дубъ—и та подалась...

Груня. Что-то съ нимъ будетъ?

Поддевкина. Командиръ-то у нихъ строгій, шутить не любить. Говорятъ: слово сказалъ, такъ его хоть громомъ ошибѣ, а ужъ отъ своего не отступится. Важное мѣсто было обѣщано Сашъ,—теперь не видать ему, какъ ушей своихъ! Это еще не бѣда, а

толкуютъ, за пьянство и мотовство изъ службы выгонять съ худымъ аттестатомъ...

Груня (*всторону*). Нѣтъ, не допущу до этого!.. Я спасу его.

Поддевкина. Мать старуха, горемычная, не переживетъ этой бѣды. Да вотъ и она, голубка, напомнивъ легка (*входитъ Резинкина и сынъ ея*). Можетъ, что между вами... по секрету... не хочу мѣшать: прощай, душа моя!

IV.

ГРУНЯ, РЕЗИНКИНА и РЕЗИНКИНЪ. Мать останавливается въ среднѣй комнатѣ, сынъ остается у дверей.

Груня. Милости просимъ, сюда, присядьте, дорогая и рѣдкая гостья.

Резинкина. Нѣтъ, не тронусь съ мѣста, пока не простите меня, Аграфена Силаевна. Мнѣ и глаза-то стыдно на васъ поднять.

Груня. Я на васъ не сержусь: вы меня ничѣмъ не обидѣли.

Резинкина. Какъ, ничѣмъ? Я ли не позорила васъ съ отцомъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и все изъ этого негодяя? Приношу повинную голову: не съки ее по добротѣ души своей.

Груня. Если вы меня бранили, такъ я, конечно, сама огорчила васъ чѣмъ-нибудь. Сынъ вашъ, можетъ быть, ходилъ къ намъ слишкомъ часто противъ воли вашей, а вы мать, знаете лучше, хорошо-ли это было для него. Поцѣлуетесь же въ знакъ мировой.

Резинкина (*обнимаетъ ее*). Распрекрасная моя, Аграфена Силаевна, сердечная ты моя Груня! Охъ! кабы выпутать изъ бѣды этого негодяя, назвала бы тебя со всею радостію невѣстушкой своей. Поддевкина здѣсь была, а гдѣ она была, тамъ навѣрно знаютъ про мое несчастье.

Груня. Знаю все. Молодой человекъ покутилъ немного; съ кѣмъ этого не бываетъ! Мы съ вами поправимъ бѣду.

Резинкина. Благодарительница моя! Спаси его и меня отъ позора, отъ бѣды неминуемой. Ты дѣвушка разумная, ты все разочла, какая злая участь его ждетъ. Деньги далъ главный начальникъ—пропилъ ихъ, прокутилъ съ цыганами, съ лакеями!.. Легче-бъ ослѣпнуть и оглохнуть... не видала бы, не слыхала бы

этого позора! Мужъ мой служилъ весь вѣкъ свой честно, безъ укору, а сына... выгонять изъ службы, можетъ статься, хуже что будетъ (*плачетъ*). Онъ сказалъ мнѣ: одна Аграфена Силаевна можетъ спасти насъ. Если хочешь, повалимся оба тебѣ въ ножки.

Груня. Боже сохрани!.. Вы знаете, конечно, отъ сына вашего, что благодѣтельница моя подарила мнѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ.

Резинкина. Сказалъ онъ мнѣ.

Груня. Александръ Парфенычъ! можетъ ли портной сшить вамъ платьѣ въ двое сутокъ... хоть бы заплатитъ всѣ пятьдесятъ рублей?..

Резинкинъ. Сошьетъ въ однѣ сутки и менѣе, нежели за тридцать рублей серебромъ,—честное слово!

Резинкина. Честный человекъ, нечего сказать!.. Нѣтъ, мать моя, теперь не дамъ ему денегъ въ руки — вышелъ изъ вѣры. Сама пойду съ нимъ къ портному... (*Слышенъ крупный разговоръ въ сѣняхъ, Мамаевъ входитъ и сквозь отворенную дверь говоритъ*): Говорятъ, приходите завтра, теперь не до работы. Кстати, захватите и дерево ореховое у кушца.

V.

ТѢ ЖЕ, и МАМАЕВЪ пьяный.

Груня. Отецъ!.. тсъ!.. (*Резинкиной тихо*). Уложу его, а вы приходите черезъ четверть часа, стукните въ окно, я вамъ подамъ деньги.

Резинкина. Родная ты моя! невѣстушка ты моя дорогая!

Резинкинъ (*подойдя къ Грунѣ*). Что мнѣ сказать? Языкъ не двигается... Накажи меня Господи, если я когда забуду, что вы для меня нынче сдѣлаете.

Груня. Съ вами я тогда буду толковать, когда вы отъ начальника явитесь ко мнѣ въ новомъ платьѣ.

Мамаевъ. Эти за-чѣмъ?.. Опять браниться? Баба-яга?

Резинкина. А вотъ на зло вамъ, Силай Ермилычъ, мы поцѣлуемся съ твоей и моей дочкой, да вотъ какъ! (*Обнимаетъ крепко Груню и уходитъ съ сыномъ*).

VI.

МАМАЕВЪ и ГРУНЯ.

МАМАЕВЪ. Видно, мировая... давай Богъ! Сашка славный мальй!.. Поцѣлуй и ты меня, Груня. (*Цѣлуетъ дочь*). Хмьлень, душа моя, виноватъ, больно виноватъ... (*Плачетъ*) въ послѣдній разъ... Спать иду, а завтра... за работу... и денежки скоро всѣ твои отдамъ... отдамъ, говорю тебѣ (*шатаясь уходитъ въ боковую дверь*).

VII.

ГРУНЯ, одна.

Слава Богу, ушоль скоро!.. (*Идетъ къ шкапу, потомъ къ двери, въ которую вошелъ отецъ и прислушивается*). Заснулъ... (*Возвращается къ шкапу и вынимаетъ ключъ изъ кармана*). Какъ руки трясутся, точно чужое добро беру. Отъ чегожъ?.. Отдаю съ радостію!.. Можетъ быть и отъ большой радости!.. Судьба моя и его въ этихъ деньгахъ (*отпираетъ ящикъ въ коммодъ и потомъ вынимаетъ шкатулку*). Сердце стучитъ, какъ маятникъ!.. Смѣльй, дурочка!.. (*Отпираетъ шкатулку*). Не долго сидѣли въ клеткѣ, пташки мои; ступайте на волю, гуляйте себѣ!.. (*Ищетъ деньги въ шкатулкѣ; сильный испугъ изображается на лицѣ ея*). Помню, хорошо, тутъ положила... подлѣ завѣтнаго колечка... кольцо цѣло... Деньги?.. Гдѣ мои деньги?.. (*Роняетъ шкатулку и стоитъ нѣсколько минутъ, какъ безумная; придя въ себя, горько плачетъ*). Отецъ!.. Ты это сдѣлалъ... (*Немного погодя слышенъ стукъ въ окно; она встрепенулась, и доло, озираясь, прислушивается, опять стучатъ въ окно*). Они!.. Идутъ!.. Что сказать?.. Укралъ у дочери деньги?.. Разойдется по всему городу... Нѣтъ, скроемъ... онъ все-таки отецъ мой. (*Поднимаетъ шкатулку и прячетъ въ коммодъ, который въ торопяхъ неплотно притворяетъ*).

VIII.

ГРУНЯ, РЕЗИНКИНА и РЕЗИНКИНЪ.

РЕЗИНКИНА. Мы постучались... подождали... опять постука-

лись... не подаешь голоса! Посмотрели въ окошко, ты одна... потолковали, да и взошли къ тебѣ. Да что съ тобою?.. У тебя и языкъ отнялся... стоишь, словно громомъ тебя пришибло.

Резинкинъ. Что съ вами, Аграфена Силаевна? Ради Бога скажите.

Груня. Ничего... такъ...

Резинкинъ. Не подать ли холодной воды? не обзгать ли за лекаремъ?

Резинкина. Сырыснуть бы ее; не сглазиль ли кто?

Груня. Нѣтъ, мнѣ ничего не надо. Чего вы хотите?

Резинкина. Груня, душа моя, не ужели ты забыла? Такъ скоро?.. Вспомни, сама общала... деньги...

Груня. Деньги?.. Да... забыла... нѣтъ не забыла, только...

Резинкина. Чтожъ только?

Груня. Не знаю... какъ вамъ сказать.

Резинкина. Раздумала, что ли? жаль что ли стало!

Резинкинъ. Вспомните, я погибъ... спасите меня... на коленяхъ васъ умоляю... *(Становится на колѣни).*

Груня. Спасти... не могу...

Резинкина. Тронься, каменное сердце!

Груня. Говорять вамъ, не могу.

Резинкина. Вотъ добрая-то душа! вотъ невестушка дорогая! сама вызвалась... и такая и сякая... все, что у меня есть, то ваше... себя отдамъ... Славно сыграла камедь! А я еще хотѣла у ней ручку поцѣловать! этого и адская эхидна не сдѣлаетъ.

Груня. Богъ свидѣтель, не могу.

Резинкина. Встань негодяй!.. Твоя вѣдь любезная!.. Съ этого дня чтобъ и ноги твоей не было въ этомъ домѣ; не то прокляну тебя.

Резинкинъ *(вставая)*. Такъ вотъ ваша любовь, ваши обѣщанія! Нѣтъ, вы меня никогда не любили. Сжальтесь, я погибаю... *(Груня качаетъ головой)*. Нѣтъ отвѣта.

Груня. Нѣтъ.

Резинкина. Пойдемъ отсюда; мы найдемъ и безъ нея. У насъ ужъ полагено съ Поддевкиной; пришла къ этой, хотѣла только Сашеньку потѣшить. Та хоть благородная, наша сестра; а эта... видно, изъ мужичекъ.

Резинкинъ. Слышите... чтобы спасти меня, я рѣшусь исполнить волю матери моей... слышите, Параскевія Петровна будетъ

моей женой... Все ни по чемъ!.. Такъ прощайте, Аграфена Силаевна, прощайте, и навсегда (*Уходитъ рыдая за матерью*).

Груня (*остаётся нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ*). Меня бьетъ лихорадка... въ глазахъ мутить... (*Идетъ, шатаясь, сначала къ правой двери*). Нѣтъ, не туда... тамъ отецъ мой (*поворачиваетъ къ левой двери*) сюда, въ темный чуланъ, въ твою спальню, барышня!.. Умираю... помогите! (*Въ изнеможении падаетъ у двери; на ея крикъ прибѣгаетъ полусонный Мамаевъ*).

—

IX.

ГРУНЯ и МАМАЕВЪ.

Мамаевъ. Я слышалъ крикъ... звали на помощь... Не во снѣ, нѣтъ, почуяло сердце... Груня! гдѣ ты?.. Валяется на полу... Она!.. Жива ли еще?.. Узнала, что пьяница отецъ укралъ у ней последнее добро... вѣдь, хрупкое созданіе, какъ воскъ... долголь до грѣха? (*Становится передъ Груней на колѣни, беретъ ее за руки, цѣлуетъ ихъ*). Груня, голубка моя, дитятко мое дорогое! промолви хоть словечко... Не подаешь голосу, не шевельнется... Ужъ не убилъ ли я ее?.. Отецъ милосердый! сжался надъ ней, не для меня, окаяннаго... а для нее... Вѣдь агнецъ чистый, непорочный; ангельская душа!.. Дай еще ей пожить на бѣломъ свѣтѣ и увидѣть красныя денечки... и коли я съ нынѣшняго часа возьму въ ротъ хоть каплю проклятаго зелья, разразись надъ моею головою всеми лютыми бѣдами; пусть умирать буду безъ покаянія, пусть бросятъ меня въ глухую трущобу, какъ зачумленную собаку, и воронья расклюютъ меня. Слава Богу! сердце бьется... Побѣжать къ лекарю... къ добрымъ людямъ... Помогите, помогите... отецъ убилъ родную дочь свою! (*убѣгаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Комната, порядочно убранная, въ квартирѣ Поддевкиной.

I.

ПОДДЕВКИНА и **ПАРАСКЕВІЯ СТЕПАНОВНА**. Поддевкина убираетъ дочь передъ зеркаломъ, охарашиваетъ ея платье, прищипливаетъ ей цвѣты къ головѣ и къ груди, подрумяниваетъ ей щеки.

Поддевкина (*всторону*). Экая счастливая оказія!.. Будто съ неба упалъ женишокъ, нечего было долго думать; разомъ ударили по рукамъ. Господи даль бы сбыть ее... (*Вслухъ*). Скорѣй, скорѣй, Параскевія Степановна!

Параскевія Степановна. Что вы такъ погоняете? Точно машину по чугунокъ. Не дадутъ порядочно и одѣться.

Поддевкина. Вѣдь женихъ скоро будетъ.

Параскевія Степановна. Вольно-жъ такъ скоро!.. я и поплакать не успѣла.

Поддевкина. Чего плакать? надо радоваться, что выходишь за добраго человека; ты ужъ дѣвка на возрастъ... тридцать годовъ стукнуло.

Параскевія Степановна. Время нашли тутъ годы считать. Вамъ не страшно—не вы выходите. Да не полудски все дѣлается у насъ, и сватанье и свадьба въ одинъ день.

Поддевкина. Нельзя иначе... Ужъ я и денегъ дала за руки на свадьбу пятьдесятъ цѣлковыхъ, да пятьдесятъ въ руки жениху на окопровку. А то не ровень случай, недобрые люди разобьютъ... пожалуй, денежки пропадутъ, да и ты останешься навѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть, между нами.

Параскевія Степановна. Не хочу, не хочу!.. Не даромъ же шелковыя платья, да салоны лежатъ въ сундукъ, когда-нибудь надѣть надо. (*Немного поодя*). Да какъ же онъ все ухаживалъ за Груней, что барышней слыветъ?

Поддевкина. Это только для блезира. А мнѣ Александръ Парфенычъ признался, что влюбленъ въ тебя по-уши.

Параскевія Степановна. И впрямъ, маменька, какъ онъ на масляницѣ танцоваль со мною польку трамбловочку, я было поперхнулась ножкой, онъ и подхвати меня, да и пожалъ мнѣ ручку. Всю ночь не спала.

Поддевкина. Вотъ видишь.

Параскевія Степановна. Чтожъ, маменька, цаловаться мы будемъ теперь?

Поддевкина. Когда я тебѣ скажу, можно будетъ.

Параскевія Степановна. Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!..

Поддевкина. Чтожъ ты, дурочка, смѣешься?

Параскевія Степановна. Да какъ же не смѣяться? вѣдь я ни съ однимъ мужчиной еще не цаловалась. А онъ такой хорошенькой.

Поддевкина. Ты бы, душа моя, брови фиксатурчикомъ...

Параскевія Степановна. Подите вы съ вашей сажей! И такъ шпилекъ вездѣ натъкали, да ваты съ пудъ напихали. Станете меня мучить, такъ я распачусь, да раздѣнусь... вотъ вамъ и свадьба!

Поддевкина. Не сердись, Параскевія Степановна, я такъ... для твоего жъ добра.

Параскевія Степановна. А что? чай Груня разорвется отъ досады?

Поддевкина. Груня, хорошенькая, добрая дѣвушка, да ему не пара. Вотъ ей бы къ помѣщику Подснѣжникову.

Кухарка (*вбѣгаетъ въ попыхахъ; она одѣта неопрятно, рукава у ней засучены за локти, платье за поясъ вздернуто, на ногахъ нѣтъ башмаковъ*). Женихъ! женихъ прѣхаль! (*Всѣ суетятся; убираютъ стклянки, баночки и прочее съ туалета*).

II.

ТѢ ЖЕ, РЕЗИНКИНА и РЕЗИНКИНЪ. При входѣ Резинкиныхъ Параскевія Степановна уморительно присѣдаетъ; Резинкинъ блѣденъ и грустенъ.

Поддевкина. Просимъ пожаловать, дорогіе гости, просимъ покорно (*усаживаетъ Резинкину на диванъ*). А вы, женишокъ съ невестой, сядьте здѣсь рядкомъ (*показываетъ на два стула*), да и познакомьтесь поближе—поворкуйте другъ съ другомъ, между нами сказать.

Резинкина. Каковъ Сашенька-то мой! Посмотрите, окопировался (*повертываетъ сына на всѣ стороны*). Кстати нашли готовую пару у товарища его... только-что съ иголки, да портной съузиль; а моему пришлось, точно по немъ спита.

Поддевкина. Молодецъ хоть куда! Парочка славная!

Резникина. Ужъ за одно, Мавра Львовна, поздравьте съ благодарностью Божьею и съ милостью начальнической. Онъ ужъ являясь къ набольшему своему въ новой формѣ. Вотъ, говорить, люблю акуратность! Тутъ же поздравилъ его письмоводителемъ въ станъ.

Поддевкина. Слышите, Параскевія Степановна, твой будущій сожитель какой чинъ получилъ.

Параскевія Степановна. Поздравляю васъ съ большимъ чиномъ, Александръ Парфеньичъ; дай Богъ вамъ быть генераломъ! (*Резникинъ молча откланивается*).

Резникина. Сашенька и позволеніе выпросилъ у набольшаго своего на законный бракъ. Сначала было осерчалъ, расходился. «Молокососы, говорить, а туда жъ спать жениться. У васъ, приказныхъ, ужъ такой обычай. Жалованье небольшое, а тамъ надо нарядовъ женъ, дѣти пойдутъ, и начнутъ себя...» Тутъ онъ показалъ что-то рукою... «А коли неудача, примутся съ горя пить». Потомъ узналъ, что приданое есть у невесты, спросилъ званіе, имя и отчество нареченной.

Поддевкина. Слышишь, Параскевія Степановна, его превосходительство удостоилъ спросить имечко твое?

Параскевія Степановна. Вотъ, мамушенька, вы все мнѣ глаза кололи: сиди, сиди въ дѣвкахъ!.. а вотъ и высидѣла.

Резникина. Смягчился онъ, да и говорить: ну, съ Богомъ! По-крайности, локти не будутъ худы; жена зашивать станеть. Ей Богу такъ!

Поддевкина. Слышишь, Параскевія Степановна?

Параскевія Степановна. Почему жъ? Для любезнаго человека все можно-съ.

Резникина. Кланяйся Сашенька, да ручку поцалуй.

Резникинъ (*поцаловавъ руку, всторону*). Какая веленевая ручка у Груни была!.. а у этой словно оберточная бумага.

Резникина (*Поддевкиной*). Мнѣ слова два съ тобою по секрету.

Поддевкина. Коли по секрету, такъ между нами, родная.

Резникина. Послѣ рѣчей его превосходительства, надо бы рубликовъ пятьдесятъ накинуть на свадебныя издержки. Вѣдь, за здоровье такой важной персоны не подашь цымлянскаго! Вспомни, мать моя, Анна Семеновна Липина будетъ у тебя повѣзжающею дамой.

Поддевкина. Что ты, родная, пятьдесятъ?.. Легко вымолвить,

да не легко добыть. Билетъ Парашинъ, воля твоя, трогать не буду. Неравенъ часъ, между нами сказать; мы все подъ Богомъ ходимъ: какъ Александръ Парфенычъ ножки вздумаетъ протянуть, надо чѣмъ-нибудь молодой вдовѣ пропитываться. Ну ужъ куда не шло, десятокъ для его превосходительства!

РЕЗИНИКИНА. Воля твоя, хоть сорокъ.

ПОДДЕВИКИНА. Ну еще десяточекъ приложу для Анны Семеновны; барыня добрая!

РЕЗИНИКИНА. Капитанское слово, не отступлю на волосъ!

ПОДДЕВИКИНА. Куда ты упряма, Богъ съ тобою! Ну ужъ будь по твоему. Теперь женихъ съ невестой можете и поцаловаться.

ПАРАСКЕВИЯ СТЕПАНОВНА (*крѣпко целуетъ три раза жениха, обхвативъ его шею одной рукой*). А помните, Александръ Парфенычъ, какъ мы съ вами трамбловочку въ маскарадъ продирали, я было ножкой поперхнулась, а вы меня подхватили, да и ручку мнѣ пожали.

РЕЗИНИКИНЪ. Не припомню-съ.

ПАРАСКЕВИЯ СТЕПАНОВНА. А я такъ не забыла. Послѣ того всю ночь во снѣ видѣла васъ; проснулась, а васъ нѣтъ, инда съ сердцовъ подушку отпихнула. Теперь я ужъ какой хотите съ вами пройду безъ запинки... вѣдь меня учила Груня, столярова дочь, что барышнею зовутъ.

РЕЗИНИКИНЪ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю (*всторону*). Все она! вездѣ она! какъ нарочно дразнить меня.

—

III.

ТЪ ЖЕ и РАЗНЕСЕНСКІЙ.

РАЗНЕСЕНСКІЙ (*вбѣгая*). Великое происшествіе!.. Несчастное событіе!.. просто, драма!

Всѣ. Что такое? что такое?

ПОДДЕВИКИНА. Какая же это дама?.. здѣшняя, или прѣзжая? За-мужняя, вдова, есть ли дѣти, сколько дѣтей? Говори, батюшка, говори скорѣй.

РАЗНЕСЕНСКІЙ. Эхъ, Мавра Львовна! какая дама! Несчастливая исторія съ двѣицей!.. Позвольте сначала съ духомъ собраться. Не мнѣ бы разсказывать: для такого высокаго предмета нужно и великое краснорѣчіе. Съ-тѣхъ-поръ, какъ нашъ градъ стоитъ — что я говорю?—со времяя Римской Имперіи такого происшествія не бывало.

Поддевкина (*въ попыхахъ*). Соломонида! Соломонидка! Шлюха! салопа скорый!.. пойти, побъжать, рассказать Кривлянкиной, да завернуть къ Мордохиной на Петербургскую, да махнуть къ Простоквашиной на Московскую.

Резинкинъ. Въ умъ-ли вы, Мавра Львовна? вспомните, послѣ вечерень свадьба: до встей ли теперь?

Поддевкина. Жаль, а то безъ меня кто такъ скоро по городу разнесетъ, а я бы, между нами, какъ птица, какъ птица... Говорите же, Ксенофонтъ Кирычъ, что такое случилось?

Разнесенскій. Вы, навѣрно, не знаете, что у Аграфены Силаевны украли пятьдесятъ рублей серебромъ.

Резинкинъ и Резинкина. Украли?

Поддевкина. Вотъ опростоволосилась въ первый разъ; и подлинно не знала. А была у ней, цѣлый часъ, дура, сидѣла!.. Стара ужъ становишься, Мавра Львовна!

Разнесенскій. Вчера приходили къ ней двѣ особы за нѣкимъ денежнымъ пособіемъ... умолчу имена ихъ... пускай потонуть они во мракъ неизвѣстности!.. Деньги ужъ были похищены... уста мои коснѣютъ произнести имя похитителя... это былъ—отецъ ея!

Всѣ. Отецъ?

Разнесенскій. Когда она узнала это, добрая, великодушная дочь не хотѣла вести родителя своего на позорище свѣта: она скрыла преступленіе въ глубинѣ души своей. Между тѣмъ, двѣ вышеръченныя особы, которыя ожидали отъ нея спасенія, не получивши его, извергли на нее потокъ оскорбленій, и прочее, и прочее.

Резинкинъ (*плачетъ*). Груня?.. Мать, что мы съ дѣлами съ тобой?

Резинкина (*тихо сыну*). Сумасшедшій!.. Помни, что между тобой и ей стоитъ ужъ алтарь Божій.

Поддевкина. Какъ же узнали, что деньги укралъ пьяница Ермилычъ?

Разнесенскій. Аграфена Силаевна повержена была на одръ болѣзни; отецъ сдѣлалъ во всемъ признаніе; онъ выбѣжалъ изъ дому, какъ помѣшанный и хотѣлъ было броситься въ рѣку. Къ счастью, скоро попался ему на встрѣчу молодой помѣщикъ Подснѣжниковъ, успокоилъ его, поскакалъ съ нимъ за лекаремъ и привезъ обоихъ въ своемъ экипажѣ на квартиру Мамаева. Лекаръ возвратилъ умирающую къ жизни. Къ довершенію своего благотельнаго поступка, Подснѣжниковъ, сей рыцарь чести, предложилъ благо-

родной, великодушной дѣвицѣ не только пятьдесятъ рублей, вдесятеро, если ей нужно.

ПОДДЕВКИНА. Чай, дѣвчонка барышня радехонька была денежкамъ?

РАЗНЕСЕНСКИЙ. Нѣтъ, вы ошибаетесь. Эта дѣвица героиня: она не бросается на деньги, для которыхъ нѣкии особы готовы забыть и стыдъ и совесть. Она поблагодарила господина Подснѣжникова, называла его благороднѣйшимъ человѣкомъ, но денегъ не взяла и сказала только: поздно!

РЕЗИНКИНЪ (*матери тихо*). Слышите ли? Я отступлюсь отъ этой... воля ваша, отступлюсь... пойду къ ней просить прощенья, буду валяться въ ногахъ ея.

РЕЗИНКИНА (*тихо ему*). Дуракъ! болванъ! гдѣ мы возьмемъ деньги, Поддевкиной отдать? Вспомни, чье платье на плечахъ твоихъ? А какъ пойдутъ къ генералу твоему, да стащутъ тамъ съ тебя.

РЕЗИНКИНЪ. Не слушаюсь никого. Пускай стащутъ съ меня платье, за которое я было продался... я и самъ сброшу его... пускай выгонютъ меня изъ службы. Отказываюсь отъ этой невѣсты; она мнѣ противна. Иду къ Грунѣ. Лишь бы она простила меня.

РАЗНЕСЕНСКИЙ. Воскресаютъ героическія времена! Пойду воспѣвать эту великую эпопею. (*Уходитъ; всѣ оставшіеся на сценѣ лица стоятъ нѣсколько минутъ безмолвно*).

ПОДДЕВКИНА. Ну что, капитанша, между нами?

РЕЗИНКИНА. Срѣзалъ мою головушку, да я... не даромъ мать. Идемъ къ главному начальнику, я и сына непокорнаго не пожалю.

ПОДДЕВКИНА. Идемъ; не пропадать же моимъ денежкамъ. И у насъ благодѣтели есть, и Кривлянины, и Мордохины на Московской, и Простоквашины на Петербургской. Не круглая же я спрота! (*Дочери*). Не кручинься, Параскевія Степановна: будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. (*Уходитъ съ Резинкиной*).

ПАРАСКЕВІЯ СТЕПАНОВНА. Нѣтъ, такова ужъ моя горемычная доля; знать мои шелковыя платья и салоны спрятать опять въ сундукъ. (*Плачетъ; занавѣсъ спускается*).

IV.

Комната въ квартирѣ столяра. ГРУНЯ, ПОДСНѢЖНИКОВЪ и къ концу явленія РЕЗИНКИНЪ.

Груня. Благодарить ли васъ, добрый, благороднѣйшій Владимиръ Петровичъ? Вы спасли мнѣ жизнь, да на что она мнѣ теперь! Я вамъ давеча открыла сердце свое.

Подснѣжниковъ. Полноте сокрушаться. Вы еще такъ молоды, начали жизнь только бѣдностью, горемъ, измѣною... васъ ждетъ еще впереди любовь чловѣка, который будетъ уметь цѣнить ваши достоинства, для котораго ваше слово будетъ закономъ, ваши радости его счастьемъ. Послушайтесь меня: забудьте все прошедшее, доверьтесь моей любви... уѣдьте отсюда, въ мою деревню. Клянусь, я посвящу вамъ жизнь свою... успокою старость вашего отца.

Груня. Не хочу васъ обманывать: я люблю васъ, какъ моего благодѣтеля, если позволите, какъ брата, но не больше... сердце дважды не любить.

Подснѣжниковъ. Все романтическія мечты! Любимый чловѣкъ, хижина, ручеекъ, вѣнки изъ цвѣтовъ, все это хорошо только въ романахъ и пѣсняхъ. Сами послѣ скажете, что это вздоръ, бредъ, что кромѣ любви въ жизни нужна и существенность, то-есть деньги и деньги.

Груня. Деньги, да!.. Но все это хорошо съ тѣмъ, кого любишь.

Подснѣжниковъ. Подумайте, что за чловѣкъ, кого вы полюбили... неучъ, необтесанный, который покинулъ васъ — изъ чегожь?—изъ тридцати рублей, изъ новаго платья... Не уже ли онъ васъ выше не цѣнилъ?

Груня. Правда, изъ тридцати рублей! Онъ поступилъ со мною дурно, очень дурно... въ немъ ошибалась; но не могу, не въ силахъ переменить я.

Подснѣжниковъ. Вотъ рѣдкое великодушіе!.. Мнѣ жаль васъ. Въ то самое время, въ ту самую минуту, когда вы говорите о любви своей къ нему (*входитъ Резинкинъ и останавливается у двери, не замѣченный Груней и Подснѣжниковымъ*), онъ любитъ своимъ новымъ платьемъ, сидитъ подлѣ своей нареченной, цалуетъ съ нею... шаферъ пріѣхалъ звать ихъ въ церковь... Вотъ они идутъ...

Груня. Въ церковь?... Гдѣ, гдѣ? вы видите? (*Бросается къ окну*). Да... да... пдутъ къ вѣнцу... вонь... (*Указываетъ рукой; немного погодя*). Нѣтъ, я ничего не вижу... мнѣ почудилось... вы меня обманули... Вѣдь, это неправда?.. Ради Бога, скажите, что это неправда!

Резинкинъ. Неправда! этотъ горемычный не любитъ своимъ новымъ платьемъ, не цалуетъ съ простачкой невѣстой, не пошелъ съ нею въ церковь и не пойдетъ... Онъ пришелъ сюда, въ своемъ старомъ сюртукѣ съ худыми локтями, пришелъ вымолить кровавыми слезами прощеніе у ногъ вашихъ, Аграфена Силаевна, а потомъ—буди воля Божія!.. Груня, вспомни нашу прежнюю любовь...

Груня. Александръ Парфенычъ... Саша, тебя ли я вижу?.. дай мнѣ образумиться... Такъ, это ты; ты не женишься на другой; ты меня любишь по прежнему?..

Резинкинъ. И не переставалъ васъ любить. Я думалъ, что вы сами перемѣнились. Не знаю, что со мною было... я съ ума сходилъ.

Груня. Все забыто, все!.. Вотъ видишь, деньги пропали; но твое завѣтное колечко цѣло, здѣсь все это время лежало на груди моей, у сердца моего..

Резинкинъ (*всторону*). О! теперь я ожилъ!

Груня. Подите же сюда, сюда... (*Садится на стулъ и наворачиваетъ Резинкину на руки мотокъ нитокъ*). Возьмите этотъ мотокъ на руки... такъ... я хоту еще быть счастлива, по прежнему... Разкажите, какъ мы поѣдемъ съ вами на даровой подводъ въ свой станъ.

Резинкинъ. Вотъ, Аграфена Силаевна... мы... ѣдемъ... ѣдемъ... въ свой станъ... мужики и бабы... для васъ ягодки... колокольчикъ... Къ начальнику?.. солдатъ!

Груня (*Испуганная, встаетъ*). Вы сказали, солдатъ? Что такое?.. Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ?

Резинкинъ. Нѣтъ, нѣтъ, Аграфена Силаевна, я все еще въ бреду... дайте мнѣ собраться съ духомъ, съ мыслями...

Подсѣжниковъ (*всторону*). Полно мнѣ играть здѣсь глупую комедію! Не ужъ-ли этотъ Резинкинъ будетъ благороднѣе меня?.. (*Вслухъ*). Жаль мнѣ васъ стало, друзья мои! Иду къ начальнику твоему, Резинкинъ, и буду стараться выкупать тебя изъ бѣды и устроить ваше счастье. Можетъ быть, есть еще время. (*Уходитъ*).

Груня (*вслѣдъ ему*). О, будьте великодушны, спасите его! Если бы не стыдно было, я сама бы пошла.

VIII.

ГРУНЯ, РЕЗИНКИНЪ и МУХА.

Муха. Его превосходительство прислалъ меня къ тебѣ, Александръ Парфенычъ, и приказалъ тебѣ явиться къ нему.

Резинкинъ. Ты не знаешь, за чѣмъ? что тамъ делается?

Муха. Просто, какъ на пожаръ. Тамъ была у него мать твоя, Поддевкина, отецъ Аграфены Силаевны. Крикъ, брань, плачь, не поймешь ничего. Не сладить съ ними и самъ начальникъ: говоритъ, лучше имѣть дело съ чортомъ, чѣмъ съ сердитыми бабами. (*Тихо Груню, мигая ей*). Не пугайтесь, Аграфена Силаевна; повѣрьте, нашъ братъ изъ воды сухъ вынырнетъ (*Резинкину тихо*). Лососинину и Гривенничкину вельно подать въ отставку; наша судьба съ тобой виситъ на волоскѣ: лакей, что былъ въ трактирѣ, все рассказалъ своему барину.

Резинкинъ. О! я пропалъ... прощай, Груня!

Груня (*удерживая его, Мухъ*): Ради Бога, скажите, что тамъ такое; не томите.

Муха. Не дерзаю говорить ни хорошаго, ни дурнаго, самъ ничего не вѣдаю.

Груня. Александръ Парфенычъ! если судьба ваша зависитъ отъ меня, простимся... ступайте къ своей невѣстѣ, поведите ее къ вѣнцу и—будьте счастливы.

Резинкинъ. Нѣтъ, лучше пропадай моя голова! (*Входятъ Мамаевъ и Резинкинъ.*)

Муха. Вотъ эти должны знать больше меня.

VI.

ТЪ ЖЕ, МАМАЕВЪ и РЕЗИНКИНА.

Мамаевъ (*тихо Резинкиной*). Смотри у меня, языкъ на привязи. (*Громко*). А, красноперый ужъ здѣсь! Вонъ, вонъ; да кстати, возьми съ собой и дочь мою... Неугомонная! видно, съ нею не сладить. Груня, поцалуйся съ нимъ... я тебѣ приказываю, поцалуй жениха своего. (*Груня и Резинкинъ колеблются*). Ну, сватья, прикажи ужъ и сыну своему... вишь, какъ его напугала, не смѣетъ безъ твоего капитанскаго приказау.

Резинкина. Благословляю тебя, Сашенька (*Груня и Резинкина цалуются*). Господь поладилъ все къ лучшему. Поди ко мнѣ,

Груня, дочка моя, помиримся, да ужъ и навсегда. (*Обнимаетъ ее*). Чтобъ о старомъ и помину не было!

Груня. Боже мой! не во снѣ ли это вижу. (*Бьжмитъ обнимать отца*).

Резинкинъ. Боюсь обезумѣть отъ счастья.

Мамаевъ. Нѣтъ, братъ, отъ счастья съ ума не сходятъ.

Муза. Говорите же, какъ это дѣло имѣло теченіе.

Мамаевъ. Расскажу все по порядку, только не сбивайте меня. И безъ того здѣсь и тутъ (*показываетъ на голову и сердце*) будто жернова мелютъ. — Вотъ видишь, Груня: смотря на твои слезы, у меня въ груди больно разгорѣлось. Быть бѣдъ, подумалъ я, изнываетъ она сердечная, словно зажженная лучинушка на ветру; пожалуй, наложитъ на себя руки. Эхъ, говорю я самъ съ собой: у наибольшаго-то командира есть дѣти — есть у него и сердце; паду ему въ ноги, да и раскрою передъ нимъ душу свою. Прихожу; а у него, говорятъ, такой обычай, коли кто изъ простаго народа пришелъ, такъ веди его перваго къ нему, хоть бы графы и князья дожидались. Тутъ шмыгъ ко мнѣ какой-то бойкой лакей и говоритъ мнѣ: ступай смѣлье; я рассказалъ барину все, что было въ трактирѣ; онъ на вашей сторонѣ. Вотъ я и взошелъ... а у самого жилки трясутся. Слышу Поддевкина кричить: спозорилъ дѣвку, вели, батюшка, къ вѣнцу вести, не то лобъ забрить обманщику, озорнику. А эта... (*показывая на Резинкину*): говоритъ ли сватья?

Резинкина. Не мутѣ души моей; сказано, чтобъ о прошломъ и помину не было.

Мамаевъ. Быть такъ. Спрашиваетъ меня наибольшій-то: у тебя дочка барышня? А голосъ-то у него такъ въ душу теплою струею и льется. — Зовутъ ее барышней, ваше превосходительство, а доля у ней хуже крестьянской. — «Любитъ ли она Резинкина? будетъ ли съ нимъ счастлива?» спрашиваетъ меня. — Души другъ въ другъ не чають; а гдѣ любовь, тамъ и счастье, говорю я. Знаешь, Груня, вспомнилъ прошлые золотые деньки мои съ покойной твоей матерью. Тутъ онъ повелъ рѣчь къ ней (*указавъ на Резинкину*): говори, сватья!

Резинкина. Только что вымолвилъ: Старушка! да положилъ руку мнѣ на плечо, я ужъ готова была пасть ему въ ноги, да сказать: повели, батюшка, ваше превосходительство, все сдѣлаю въ твою угоду. — Старушка, говорилъ онъ, что вложено рукою Божьей въ сердце, того не вырветъ человѣческая воля.

Благослови-ка сына своего на союзъ съ барышней; я у него самъ буду отцомъ посаженнымъ. А ты, госпожа Поддевкина, перестань тревожить ихъ; вотъ тебѣ, между нами, сто рублей за твои убытки. Дочкѣ твоей постараемся сыскать женишка, да постепеннѣе; этотъ ей не пара, озарникъ и втреникъ.

Резинкинъ. Могъ ли я ожидать такой благодати!

Груня. Матушка, ты такъ вымолила для меня эти радости!

Мамаевъ. Въ глазахъ у меня отъ слезъ помутилось, анда не помню, что было послѣ того. Только, какъ выходилъ я отъ начальника, было у меня на умъ отблагодарить слугу, угостить его въ трактирѣ, да... вспомнилъ свое заклятіе. Смекнулъ, нечистый хочеть со мною шутку спутить, плюнулъ... а тутъ, будто изъ земли выросъ, стоитъ передо мною офицеръ при шпагѣ, сунулъ мнѣ двѣ грамотки въ руку и говоритъ: отдай ихъ Резинкину. Вотъ читай, не про меня писано.

Резинкинъ (*развертывая бумаги*). Одна объ опредѣленіи меня письмоводителемъ къ становому, другая... разрѣшеніе на мою свадьбу съ дѣвицей Мамаевой по прозванію барышня. Вотъ теперь-то «вхаль чижикъ въ лодочкѣ!»

VII.

ТѢ ЖЕ, ЛИПИНА и ВАНЕЧКА съ огромною корзиною въ рукахъ.

Липина. Я знала, что найду васъ всѣхъ въ радости. Но, какъ сказала мадамъ де-Севиньи въ образцовыхъ письмахъ своихъ къ дочерямъ: добро не надо дѣлать въ половину. Съ помощію моихъ знакомыхъ, собрала я на ваше домашнее заведеніе сто руб. серебромъ, да Подсвѣжниковъ, отыскавъ меня, положилъ столько же въ твою свадебную корзинку. Тутъ же найдешь и богатый подвѣчный нарядъ. Обними меня, Груня, дочка моя, дитя моего сердца.

Груня. И всегда ваша, моя добрая, вторая мать!

Липина. Мое воспитаніе тебѣ пригодится; какъ я тебя передѣлала, такъ передѣлай и муженька своего.

Резинкинъ (*разматривая въ корзинѣ свадебный нарядъ*). Вотъ теперь-то, Аграфена Силаевна, поведу васъ къ вѣнцу, въ кружевахъ, въ уваль, въ фалборахъ и поѣдемъ въ свой станъ...

Липина. Въ моей коляскѣ, которую вамъ дарю.

Мамаевъ. Благодарю тебя, милосердый Боже! ты услышалъ мою молитву... Смотри жъ, старикъ, не забудь своей клятвы, не накличь новой бѣды на голову дочери.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТРОЕГРАННОМУ.

Пусть идетъ на насъ Британецъ,
Туркъ и Галль... Нашъ Богъ великъ!
И могучъ онъ—*троеградецъ* —
Неуклончивый нашъ штыкъ!
Имъ, безъ дальнихъ разговоровъ,
И расчётовъ на пальбу,
Италійскій нашъ Суворовъ
Поръшалъ боёвъ судьбу...
Штыкъ могучъ у Русскихъ въ дланяхъ;
Въ громоносномъ для враговъ,
Три грозы въ трѣхъ блещутъ граняхъ:
«Въра, върность и любовь!»

УТРЕННИЙ ВЗДОХЪ.

(Писано лѣтомъ въ 1854 году.)

1.

Заря румянцемъ обливала
 Раскаты свѣжіе полей
 И нѣга утра лобызала
 Уста серебряныхъ лилей.

2.

Но я, съ поникшей головою,
 Невольной грустію томимъ,
 Леталъ мечтами надъ *Невою*
 И залеталъ въ далекій *Крымъ*.

3.

Вездѣ покрыла небо дымомъ
 Война, пылая и гремя,
 Но въ мужество неборимомъ,
 Нашъ русскій борется съ *тремя!*

4.

Не отдаётъ безъ *крови* поля
 И, ставя жизнь за каждый шагъ,
 У древнихъ скалъ Севастополя,
 Стоитъ скалою за русскій флагъ!

5.

О, стой-же у *дверей* Россіи,
 Сынъ вѣрный!—Матерь стереги,
 Пока враговъ *железной* выи
 Не сломитъ *сталь* твоей ноги!...

ПЯТЬ ЛИСТКОВЪ**Н. П. ГРЕКОВА.**

I.

БЕЗСОНИЦА.

Ни звѣзды на небѣ. Темно.
Ночь осенняя длинна.
Въ доску бьетъ неугомонно
Караульщикъ у окна.

Свѣрый песь рычитъ и лаеъ
У амбаровъ на цѣпи.
Вѣтеръ страшно завываетъ
И визжитъ, какъ волкъ въ степи.

Вотъ, на мигъ, изъ-за волоконъ
Разодвинувшихся тучъ,
Мѣсяцъ бросилъ въ стекла оконъ
Свой дрожащій, блѣдный лучъ

И исчезъ опять. По крышъ
Дождь ненастливый стучитъ,
За стѣной скребутся мыши,
Отъ лампы свѣтъ дрожить...

На свѣтильнѣ нагорьмой
Разноцвѣтный видѣнь кругъ...
И томится страшно тѣло,
И тоскуеть страшно духъ.

Ухо внемлетъ: все въ покоѣ;
Все заснуло; лишь не спать
Въ тишинѣ полночной двое, —
Караулятъ и стучать.

Но одинъ умолкъ — навѣрно
Онъ усталъ и легъ уснуть,
А другой стучитъ безсмынно
Въ изнывающую грудь.

II.

* * *

Недолго намъ гулять рука съ рукой
Въ саду густомъ, по липовымъ аллеямъ,
При блескъ звездъ, вечернею порой,
И жизнь разнѣженной душой
Благодарить за все, что мы имѣемъ.

Недолго намъ, подъ обаяньемъ сновъ,
Какъ молодость игривыхъ и летучихъ,
Слѣдя луну въ изгибахъ облаковъ,
Мечтать о томъ, чему нѣтъ словъ,
Но что живетъ въ душахъ у насъ кипучихъ.

О, милый другъ, недолго намъ цвѣсти
Блаженствомъ чувствъ! за то мы долго будемъ
За нихъ взамѣнъ страданьемъ дань нести
И слова страшнаго: прости!
Мы никогда съ тобою не забудемъ.

III.

СТАНСЫ.

I.

Смотри: ночь, полная волшебныхъ чаръ, надъ нами!
Какъ хороша она!
Повсюду разлита, надъ сонными полями
Нѣмая тишина;
Вдали блеститъ рѣка алмазными струями,
Луной озарена.
Прислушайся къ полному безмолвью:
Все дышитъ въ немъ и нѣгой и любовью.

II.

И голову мою, въ мечтахъ къ тебѣ склоняя
 На бѣлый скатъ плеча,
 Смотрю въ глаза твои, гдѣ, молніей сверкая,
 Играетъ блескъ луча
 И тонетъ въ нихъ душа, въ восторгъ замирая,
 Какъ пламень горяча,
 И въ этотъ мигъ одно лишь въ ней моленье:
 Чтобъ никогда не знать намъ разлученья.

III.

А если суждена разлука намъ до гроба
 Невѣдомой судьбой,
 И разорветъ союзъ нашъ зависть, или злоба
 Своею клеветой:
 О, пусть мы въ этотъ мигъ съ тобой угаснемъ оба,
 Прекрасный ангелъ мой, —
 Угаснемъ безъ тоски, и безъ страданья
 Съ живымъ огнемъ прощальнаго лобзанья!

IV.

ПАДАЮЩАЯ ЗВѢЗДА.

По темнымъ небесамъ звезда катилась...
 Безмолвно подь окномъ стояли мы,
 Ты вздрогнула и взоромъ устремилась
 За яркою бѣглянкой изъ тьмы;
 Въ груди твоей такъ сильно сердце билось,
 Какъ будто вонь рвалося изъ тюрьмы,
 И ты сказала: «Прошепчи желанье,
 Чтобъ никогда не знать намъ разставанья.»
 И стало грустно мнѣ; въ душѣ невольно
 Мелькнула мысль: что счастье сонъ, мечта,
 Что мы потратимъ ихъ незримо, своевольно,
 Что въ жизни есть всему своя чреда...
 И вотъ съ тѣхъ поръ прошло ужъ лѣтъ довольно,
 Но каждый разъ, какъ падаетъ звезда,
 Душа моя стѣсняется тоскою
 И я переносусь къ тебѣ мечтою.

V.

ВЕСНА.

Как блестящей игрушкой ребенок
Увлеченъ я волшебной весной:
Въ поле зябликъ поетъ, и какъ звонокъ
Темный лъсъ полуденной порой!
Цѣлый день надъ разцвѣтшей сиреню
Пчелы вьются, шумятъ и жужжатъ;
Дань платя золотому мгновенно
Крошка ландышъ у липы подъ тѣню
Развернулся и леть ароматъ.
Всюду жизнь разлита, всюду нѣга;
Грезъ кипучихъ полна голова
И вездѣ теплый кровъ для ночлега,
А въ саду словно хлопьями снѣга
Всѣ покрыты стоятъ дерева.
День погаснетъ — зарею огнистой
Неба синяго вспыхнуть края,
Мѣсяцъ встанетъ за тучкой волнистой
И всю ночь на сирени душистой
Будетъ пѣсня слышна соловья;
И всю ночь я одинъ промечтаю,
Прохожу я до блага дня...
Въ каждый звукъ я душою вникаю,
Жду чего-то и самъ я не знаю
Что за чувство въ груди у меня.

ОБРАЗОВАННАЯ БЕСѢДА.

Статья Неизвѣстнаго.

Я очень часто слышу: «У насъ еще нѣтъ бесѣды!» Какъ это жаль! Научите же насъ бесѣдовать, вы, которые говорите, что у насъ нѣтъ бесѣды.

Бесѣда есть искусство вмѣшиваться языкомъ въ чужія дѣла: какъ всякое искусство, она имѣетъ свои правила, которыя надобно сперва изложить, ежели хотите, чтобы у насъ тоже завелась бесѣда. Я вижу, что изъ ревности къ благу русскаго языка и ползамъ народной образованности, принужденъ буду самъ написать риторикѣ для употребленія желающихъ правильно разсуждать о томъ, что до нихъ вовсе не касается.

Есть разныя бесѣды: одна изъ нихъ, самая естественная и самая полезная, называется — глупая бесѣда. Это перль бесѣды, бесѣда безъ притязаній, чистосердечная, добрая, откровенная, очень похожая на дружбу, хотя, большею частію, проиеходитъ между людьми совершенно чуждыми другъ другу. Въ ней участвуютъ все вообще; она обработана наилучшимъ образомъ, доведена до совершенства на цѣломъ земномъ шарѣ, и одна заключаетъ въ себѣ источникъ основательнаго знанія: только изъ этой бесѣды

вы можете составить себѣ полную и хорошую статистику недостатковъ, пороковъ, средствъ и глупостей сосѣдовъ и пріятелей.

Второй родъ бесѣды основанъ на зависти, и занимается только чистою и прикладною клеветою. Это бесѣда лакеевъ и мелкихъ литераторовъ.

Третій родъ — бесѣда философская. Она теперь вышла изъ употребленія; но въ прежнія времена при ней очень хорошо спалось.

Бесѣда между дѣловыми и любовниками, не называется бесѣдою, но методою взаимнаго надуванія. Притомъ, она производится по угламъ.

Наконецъ, послѣдній и самый утонченный родъ бесѣды — бесѣда изящная, или образованная. Она разсуждаетъ ни о чемъ и ни о комъ. Это верхъ искусства. Когда народъ доходитъ до той степени умственнаго совершенства, что можетъ по цѣлымъ суткамъ говорить умно ни о чемъ и ни о комъ, тогда только онъ достоинъ имени истинно образованнаго народа.

Мы можемъ безъ преувеличенія сказать о себѣ, что образуясь да образуясь, уже достигли половины этого совершенства: мы ужъ очень хорошо и плавно разговариваемъ ни о чемъ, и только не знаемъ, какъ сдѣлать, чтобы, собравшись вмѣстѣ, не говорить о комъ-нибудь.

А въ этомъ вся сила!

Объ чемъ же говорить, когда вы запрещаете разговоръ о комъ-нибудь?.. Какъ объ чемъ! Говорите каждый о себѣ. Искусство образованной или изящной бесѣды состоитъ именно въ томъ, чтобы каждый говорилъ о себѣ, но такъ, чтобы другіе этого не примѣчали.

Я очень желалъ бы растолковать вамъ, какъ это дѣлается, и изложить здѣсь полную теорію образованной бесѣды, но боюсь, что многіе не поймутъ меня. Это предметъ очень отвлеченный и тѣсно связанный съ человѣчествомъ, обществомъ, нравами, идеями и другими доселѣ очень темными задачами, даже съ самоваромъ, котораго тоже у насъ никто еще не понимаетъ. Для этого надобно начать издалика. Надобно, во-первыхъ, найти центръ нравовъ: я, не хвастая, нашелъ его.

Какъ долго я искалъ его, о томъ нечего и говорить. Что подало мнѣ поводъ искать? Это другой вопросъ. Все въ мѣрѣ имѣетъ свой центръ: я былъ увѣренъ, что и въ нынѣшнихъ нашихъ нравахъ долженъ быть пунктъ, полюсъ, средоточіе, около котораго они движутся, текутъ, обращаются, описываютъ свою годичную орбиту, выступивъ изъ главной точки поздравленій въ Новый годъ и пролетая чрезъ зимніе балы и маскарады, черезъ канцеляріи и масляницу, чрезъ Свѣтлую недѣлю, гулянья и дачи, чрезъ осенніе вечера и вечеринки, доколѣ не возвратятся опять къ главной точкѣ поздравленій въ Новый годъ, изъ которой вышли съ барышемъ, или безъ онаго.

Періодическое возобновленіе однихъ и тѣхъ же явленій въ господствующихъ нравахъ всегда заставляло меня думать, что они слѣдуютъ геометрическимъ правиламъ круговращенія; но гдѣ центръ этого круга? Взявъ циркуль въ руки, вы легко его отыщете. Помощію этого прекраснаго орудія вы тотчасъ откроете, что центръ нравовъ находится гдѣ-то въ вечернемъ ихъ отдѣленіи, въ сумеркахъ. Ставя одну ножку циркуля попеременно на одной изъ двухъ примѣчательнѣйшихъ точекъ орбиты, на визитахъ въ Новый годъ, и на поздравленіи въ Свѣтлое Воскресенье, и чертя другою ножкою дуги по поверхности времени, заключеннаго въ орбитѣ, вы примѣчаете, что эти дуги пересѣкаются въ вечернихъ часахъ, болѣе или менѣе. И дѣйствительно: это выводится и разсужденіемъ. Поутру нѣтъ нравовъ, есть только дѣла и заботы. Кофе, супружеская ссора послѣ кофе, потомъ завтракъ, прогулка, посѣщеніе магазиновъ, обѣдъ, — тоже не нравы, а просто обычаи, приготовленія къ нравамъ, которые собственно начинаются при свѣчахъ, какъ скоро начнется пищевареніе. Прошу замѣтить, что я не смѣшиваю нравовъ съ обычаями и не придаю ихъ имени ни привычкамъ, ни модамъ, ни господствующимъ мнѣніямъ, такъ, что если когда сочиню романъ, въ которомъ будетъ описано, какъ люди сидятъ, лежатъ, ходятъ, ѣздятъ, ѣдятъ и пьютъ, или на чемъ они сидятъ, въ чемъ ходятъ, куда и зачѣмъ ѣздятъ, что ѣдятъ и сколько пьютъ, то назову его только статистикою обычаевъ, а не нравоописательнымъ романомъ. Это мой навикъ, потому что нравами какого-нибудь народа или вѣка почитаю я тотъ особенный, тонкій, ле-

тучий, какъ улыбка, отвлеченный какъ я, отпечатокъ эпохи на чело-
вѣческихъ страстяхъ, который сообщаетъ имъ характеръ и
физиономію, отличную отъ чертъ, отъ профиля тѣхъ же страстей
у другаго народа и въ другое время: или, говоря какъ можно
яснѣе, тотъ отличительный, самобытный образъ, по которому въ
данномъ народѣ и вѣкѣ дѣйствуютъ умъ и сердце, когда народу
хочется ѣсть и пить, а еще болѣе, когда онъ наѣстся и напьет-
ся. Если это не ясно, такъ ужъ я не виноватъ!

Даже самый центръ нравовъ можетъ заключаться въ одномъ
какомъ-нибудь обычаѣ, около котораго они вертятся, какъ пла-
неты около солнца; но и тутъ обычая не слѣдуетъ принимать за
нравъ.

Мы теперь ищемъ этого центра. Зная уже, что центръ нашихъ
нравовъ скрывается гдѣ-то въ вечернихъ часахъ, мы вправѣ
заключить, что онъ находится въ которомъ-нибудь изъ обычаевъ,
присвоенныхъ этому времени. Ищите же его. Я искалъ его всю-
ду, — въ уборной пока не подадутъ свѣчь, на карточномъ сто-
ликѣ, даже подъ столикомъ, но тутъ его не было, хотя всѣ эти
точки уже очень близко къ нему и образуютъ вокругъ него родъ
малой медвѣдицы. Наконецъ, я открылъ его: центръ нынѣшнихъ
нашихъ нравовъ въ самоварѣ. Этотъ дивный сосудъ настоящее
средоточіе цѣлой ихъ системы, которая тяготеетъ на него со
всѣхъ своихъ точекъ; въ немъ соединяются всѣ ея радіусы.

Это открытіе стоитъ всякаго другаго!

Обычай, котораго самоваръ составляетъ ядро и душу, занялъ
мѣсто въ самой срединѣ нравовъ нашего вѣка, и привлекаетъ къ
себѣ ихъ частицы съ цѣлой суточной жизни чело-вѣка. Вокругъ
него движется особый міръ, который назову я міромъ самовар-
нымъ, міръ удивительный, странный, разнообразный, обширный,
какъ весь нашъ бытъ; міръ, не менѣе любопытный міра звѣзд-
наго, міра насѣкомыхъ, міра умозрительнаго, и несравненно
любопытнѣе міра Индо-Германскаго. Мы въ нашемъ XIX вѣ-
кѣ, весь день живемъ только для того, чтобъ ввечеру со-
браться вокругъ самовара, какъ въ минувшемъ вѣкѣ люди жи-
ли только для ужина, и сюда-то каждый приноситъ самого себя,
чтобъ представлять свой вѣкъ по своему, а итогъ всѣхъ этихъ

представленій есть выраженіе нравовъ эпохи. Чтобъ постигнуть наши нравы, прежде всего надобно понять самоваръ, его положеніе въ обществѣ, его важность и вліяніе, его свойство отражать на своей зеркальной поверхности истинную, нравственную физиономію каждаго. Теперь размышляйте!.. какъ говаривалъ Фихте своимъ слушателямъ. Постигните хорошо это свойство самовара. Въ немъ заключается основаніе всей теоріи образованной бесѣды.

Однимъ словомъ, чтобъ получить настоящій, высшій взглядъ на наши нравы, съ точки, дозволяющей окинуть все ихъ пространство, необходимо, нужно сѣсть на трубъ самовара въ ту минуту, когда онъ кипитъ на столѣ передъ диваномъ посреди комнаты. Рекомендуемъ это мѣсто сочинителямъ правоописательныхъ романовъ, какъ чрезвычайно удобное для тонкихъ наблюденій.

Многіе будутъ оспаривать мое толкованіе самовара, но оспаривать можно все на свѣтѣ: директоръ вѣнской обсерваторіи оспариваетъ систему Коперника! Я отнюдь не сомнѣваюсь, что самоваръ, или обычай кушать чай ввечеру, есть единый центръ нашихъ нравовъ, и слѣдственно, единое зеркало, въ которомъ можно видѣть нравственный профиль каждаго. Утренній самоваръ не имѣетъ того значенія: поутру многіе кушаютъ кофе и шоколадъ; другіе, болѣе приближенные къ природѣ, менѣ испорченные, довольствуются грогомъ, наливками, даже водкою, и вообще утренній самоваръ, самоваръ въ халатѣ и туфляхъ, самоваръ въ чепчикѣ, не причесанный, не умытый, не представляетъ ничего общественнаго, не отражаетъ никакой страсти. Вечерній — другое дѣло! тогда въ самоварѣ кипятъ мысли, страсти, самолюбія, надежды, опасенія и пользы всего общества. Тогда каждый старается выказать чѣмъ-нибудь передъ самоваромъ свое отношеніе къ обществу, нарисоваться въ своемъ подлинномъ видѣ, во всей своей важности. Тогда.. словомъ, тогда все общество заключается въ своемъ самоварѣ.

Вы видите, что это ведетъ прямо къ основному началу общественной бесѣды, въ которой каждый долженъ говорить о себѣ.

Мы говорили о обществѣ.

И что такое общество? люди! Ба, какіе люди! общество есть собраніе индивидуальныхъ идей данной эпохи. Люди состоятъ изъ лицъ; лице состоитъ всегда изъ своей идеи. Каждый человѣкъ выражаетъ собою одну какую-нибудь идею, которой онъ служитъ простою оболочкою, и которой на извѣстное время отдаетъ напрокатъ свою голову, свои глаза, свои уши, свой языкъ, руки, ноги, все тѣло; онъ ея рабъ и орудіе; онъ вѣренъ этой идеѣ; около нея вращаются его способности, мысли, чувства и онъ самъ, всеѣмъ своимъ нравственнымъ бытомъ; въ ней изсякаетъ весь онъ, когда она расширяется, и изъ нея выходитъ для общества *его характеристическій образъ* при ея сжиманіи. Въ обществѣ собственно нѣтъ человѣка: человѣкъ общественный есть всегда *какая-нибудь ходячая идея*. И когда вы видите обломокъ общества, обогнутый дугою вокругъ какого-нибудь самовара, не думайте, чтобъ эти фигуры, которыя съ чашками чаю сидятъ на стульяхъ, были люди: съ чашками чаю сидятъ все *идеи*.

Эти идеи мало-по-малу начинаютъ бродить въ головахъ, и вскорѣ устанавливается между ними соперничество, правильная борьба сраженія по всеѣмъ правиламъ стратегіи. Каждая изъ нихъ старается выльзти наружу, пробить себѣ дорогу, очистить кругомъ себя поле, каждая подаетъ своей сосѣдкѣ дружескую руку, чтобъ помочь ей развернуться, и между тѣмъ потихоньку подставляетъ ей ногу, чтобъ ей опрокинуть и самой занять ея мѣсто, и все безъ изъятія боятся, чтобы другіе не угадали ея плана. *Это и есть образованная бесѣда*. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ наблюдать съ трубы самовара эту игру ходячихъ идей, и хитрости, которыя употребляютъ онѣ, чтобъ овладѣть самоварнымъ поприщемъ. Но я вижу, что начинаю говорить очень отвлеченно, и что вы уже меня не понимаете. Я объясню это на примѣрѣ.

Несправедливо утверждаютъ пессимисты, будто у насъ вовсе нѣтъ изящной бесѣды. Я сто разъ бывалъ въ обществахъ, въ которыхъ все мы говорили очень умно весь вечеръ, и ровно ничего не сказали. Вотъ, на примѣръ, вчера, у моего почтеннаго

пріятеля, Павла Аполлоновича. Въ его самоварѣ вмѣщается сорокъ восемь чашекъ воды: доказательство, что мой пріятель не пустой человекъ, и имѣть вѣсь въ обществѣ. Самоваръ у него ставить всегда на столъ передъ диваномъ. На диванѣ сидитъ всегда миссъ Дженни, розовая англичаночка, и тоненькими англійскими ручками полощетъ чашки. Она сидѣла тамъ и вчера. Подлѣ нея сидѣла Катерина Павловна; подлѣ Катерины Павловны Софія Николаевна; подлѣ Софіи Николаевны Каролина Егоровна, далѣ Иванъ Ивановичъ; возлѣ него Петръ Петровичъ; рядомъ съ нимъ Евгений Васильевичъ; тутъ Илья Сергѣевичъ и Сергѣй Ильичъ; тамъ Ѳедоръ Тимоѣевичъ и Тимоѣей Алексѣевичъ, а здѣсь я, Павелъ Аполлоновичъ и какой-то господинъ въ очкахъ.

У Павла Аполлоновича есть идея, что онъ тайный совѣтникъ: вы никакъ ее не вытолкнете изъ него; это основаніе его ума и мѣра, къ которой онъ приводитъ людей и вещи. Она вчера прекрасно отражалась въ его самоварѣ. Идея Ѳедора Тимоѣевича—большой шлемъ: онъ, когда размышляетъ, размышляетъ только объ этомъ; соображеніе средствъ и путей, ведущихъ къ полному тридцати взяткамъ, есть его любимая дума послѣ заботъ, послѣ дѣлъ, даже среди дѣлъ и заботъ; онъ только думаетъ, какъ бы задать большой шлемъ; онъ отдыхаетъ на этой думѣ, въ ней ищетъ отвлеченныхъ наслажденій, на ней катается и равновѣсится: она въ немъ какъ свинецъ въ груди китайскаго болванчика, который, какъ бы вы его не поставили, бокомъ, навзничъ и вверхъ-дномъ, всегда самъ собою перекувырнется и станетъ на ноги. Впрочемъ, Ѳедоръ Тимоѣевичъ человекъ умный и образованный, какъ всѣ, которые тутъ были; онъ всѣми мѣрами скрываетъ свою идею; но вы можете увидѣть ее въ самоварѣ, и я навѣрное знаю, что онъ самъ только и есть шлемъ. Идея Тимоѣея Алексѣевича—фабрики; Каролины Егоровны идея—балъ. У Сергѣя Ильича есть идея—англійская верховая лошадь; у Ильи Сергѣевича есть идея—петербургскій климатъ; у Катерины Павловны есть идея—счастье; у Ивана Ивановича есть идея—покупка вещей съ молотка; у Петра Петровича есть идея—архитектура; у Евгения Васильевича есть идея—большой свѣтъ, а идея Софіи Николаевны—что нѣтъ ничего прелестнѣе привздернутаго ея носика. У розовой англичанки своя идея, что она англичанка,

а это все русскіе, а идея господина въ очахъ—что онъ поэтъ, и это самая странная изъ всѣхъ вышечисленныхъ идей.

Тутъ еще былъ докторъ, котораго идеей было пѣніе; и былъ камергеръ, котораго идеей былъ Бентамъ; и была барышня, которой идеей былъ женихъ съ двумя тысячами душъ; и былъ лысый толстякъ, котораго идеей была красота; и былъ бѣдный литераторъ, котораго идеей была знать.

Первыя чашки душистаго чаю мгновенно разогрѣли всѣ эти идеи.

Изъ движенія ихъ начало постепенно образоваться то, что называютъ общимъ разговоромъ. Каждый изъ собесѣдниковъ сталъ непримѣтно натягивать его изъ всѣхъ силъ къ своей идеѣ. Больно было смотрѣть на потаенную борьбу самолюбія, на усилія изящнаго лицемѣрства скрывать свои огорченія и казаться равнодушнымъ, на отчаяніе неуспѣвавшихъ выступить *передъ лице самовара* съ своимъ кореннымъ помысломъ и принужденныхъ изъ учтивости подкидывать обломки своего чтенія въ жернова чужаго понятія. Однѣ идеи немилосердо давили другія. Люди внутренно терзались, улыбались и запивали чаемъ.

Каролина Егоровна говорила о балѣ.

Сергѣй Пльичъ скакалъ вокругъ ея плотнаго разсказа, и не находилъ нигдѣ пролома, чтобъ вторгнуться въ него на своей англійской лошади. Она уже сходила съ парадной лѣстницы и стояла за колонною, ожидая пока подадутъ карету; онъ уже заговорилъ о колоннѣ, уже хотѣлъ сказать, что имѣлъ счастье видѣть ее тамъ, проѣзжая въ эту минуту по площади на своей англійской лошади, какъ Петръ Петровичъ невзначай схватилъ эту колонну обѣими руками, и пустился разсуждать объ архитектурѣ,—перестраивать всѣ зданія и дома, протягивать фронтоны во всю длину зданій, воздвигать арки въ готическомъ стилѣ и восхищаться сладострастною формою куполовъ у Аѳинянъ въ лучшія времена греческаго вкуса. Петръ Петровичъ несъ ужасную гиль, но говорилъ съ такою самонадѣянностью, что всѣ сидѣвшія вокругъ самовара идеи должны были таскать для него известь, которою онъ уже собирался выбѣлить всѣ афинскіе куполы для лучшаго эффекта.

Тутъ онъ упомянулъ о куполѣ собора Св. Павла въ Лондонѣ, и Сергѣй Ильичъ прогналъ его съ дѣсовъ страшнымъ пожаромъ Вестминстеръ-Голля, отъ котораго онъ перешелъ къ анекдоту объ англійскихъ ворахъ, отъ которыхъ перешагнувъ онъ въ англійскій парламентъ, который прямо приводилъ его къ превосходству англійскихъ лошадей и къ его верховой ѣздѣ. Я уже видѣлъ, какъ онъ въ мысли сѣдлалъ свою лошадь...

По несчастію, онъ произнесъ слово «промышленность». Какъ не произнести его, говоря объ Англій!—и проигралъ дѣло: Иванъ Ивановичъ, который въ тотъ самый день дешево купилъ у Тамизіе двѣ китайскія куклы съ публичнаго торга, возразилъ, что китайцы не уступаютъ англичанамъ въ тонкости и изящности издѣлій; ударъ былъ ловкій и счастливый: онъ вдругъ вышибъ Сергѣя Петровича изъ его предмета, поворотилъ бесѣду въ другую сторону и открылъ Ивану Ивановичу прекрасный случай выложить всю старую бронзу, купленную имъ очень дешево, вмѣстѣ съ куклами. Иванъ Ивановичъ открылъ планъ своихъ дѣйствій отъиною тирадою о китайцах...

Несчастный Иванъ Ивановичъ! тебѣ не суждено было явиться вчера окруженнымъ лучами твоей идеи. Насупротивъ тебя сидѣлъ Илья Сергѣевичъ съ пасмурною идеей петербургскаго климата!..

Илья Сергѣевичъ давно уже искалъ случая сказать, что вчера шелъ дождь, а сегодня поутру была прекрасная погода, которая скоро смѣнилась холоднымъ вѣтромъ, и не успѣлъ втереться съ этимъ наблюденіемъ ни въ бальныя вѣсти Каролины Егоровны, ни промежду афинскихъ куполовъ Петра Петровича, ни въ англійскій парламентъ Сергѣя Ильича. Теперь пришла его очередь.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ онъ: вы говорите о китайской промышленности и сравниваете ее съ европейскою. Образованность Китая неподвижна; онъ не измѣнился въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ... Вы, которые никогда не разлагали химически общественнаго разговора, не доискивались его началъ, не изучали его теоріи, вы вѣрно подумаете, что Илья Сергѣевичъ дѣйствительно хотѣлъ говорить о Китаѣ и сравнивать его образованность съ нашею? О, какъ вы жестоко ошибаетесь! Вотъ что значить не понимать самовара! Илья Сергѣевичъ заго-

ворить объ неизмѣнности Китая единственно потому, что предвидѣлъ возможность легко перейти отъ нея къ перемѣнчивости петербургскаго климата, къ вліянію его на здоровье, къ своему насморку, къ тому, что онъ болѣнъ, что не можетъ болѣе жить въ здѣшней столицѣ. Онъ бы непременно достигъ этого важнаго результата и нарисовался съ своей идеей, еслибъ тутъ не было незавидной фигурки въ очкахъ, въ которой гнѣздилося понятіе, что она поэтъ. До того времени она не произносила ни слова, и, казалось, никто не обращалъ на нее вниманія. Она медленно отняла отъ устъ чашку, и пустила въ Илью Сергѣевича быстрый лучъ взора черезъ верхъ очковъ своихъ. Илья Сергѣевичъ остановился.

— Я удивляюсь, сказала она ему, что вы человѣкъ умный, знающій перемѣнчивость вещей этого свѣта...

Илья Сергѣевичъ смутился еще болѣе: слово «перемѣнчивость» поразило его какъ громомъ; онъ подумалъ, что его идея открыта, что онъ самъ разгаданъ! Онъ даже не зналъ этой фигурки. О, еслибъ онъ зналъ, что это былъ только поэтъ, стихотворецъ, сочинитель, онъ раздавилъ бы его своей гордостью и непременно сказалъ бы тутъ же, что вчера шелъ «дождикъ!» Онъ не зналъ этого! Подумайте, отъ какихъ случаевъ зависитъ судьба вашей идеи *въ образованной бесѣдѣ!* и отъ какихъ лицъ. Между тѣмъ, фигурка въ очкахъ продолжала:

— Я удивляюсь, что вы такъ важно повторяете старое повѣрье литературнаго свѣта о мнимой неизмѣнности Китая. Правда, всѣ утверждаютъ, что Китай не измѣнился въ четыре тысячи лѣтъ, что его образованность неподвижна.

— Но, господинъ Х—овъ, это было сказано по-французски Софіей Николаевною, которая мигомъ смекнула всю пользу новаго предмета: она надѣялась, что по случаю китайской образованности, зайдетъ рѣчь о китайскихъ носкахъ, которые очень гадки, и что всѣ, конечно, примѣтятъ ея привздернутый носикъ, составляющій коренную идею ея логики. Но, господинъ Х—овъ, сказала она: вы принимаете сторону такихъ безобразныхъ людей, что я начинаю сомнѣваться въ вашемъ чувствѣ прекраснаго.

Тутъ пошелъ разборъ китайскаго лица, и всѣ приняли уча-

стие въ разборѣ. Носикъ Софьи Николаевны сіялъ въ это время, какъ Галлеева комета, которая еще не сіяетъ, но будетъ сіять. Я увидѣлъ его въ самоварѣ.

Я не стану мучить вашего терпѣнія подробностями дальнѣйшаго хода вчерашней бесѣды. Она производилась такимъ же образомъ до самаго конца. Каждая изъ присутствующихъ идей засаждалась за разсужденіемъ другой идеи; бросалась на нее, какъ паукъ по своей ниткѣ, при первомъ признакѣ оплошности; высасывала изъ нея кровь и бросала ее мертвою, если сама не была между тѣмъ съѣдена тою, которая умѣла лучше воспользоваться случаемъ. Но, въ продолженіе этихъ безчисленныхъ переворотовъ, почти всѣ они успѣли потихоньку *представиться лично собранію*, каждая держась объ руку съ своимъ самолюбіемъ.

По случаю мороженаго, Тимоѣей Антоновичъ нашель средство развернуть свои виды о фабрикахъ и народной промышленности.

Катерина Павловна говорила очень мило о счастіи по поводу очковъ поэта.

Федоръ Тимоѣевичъ, услышавъ рѣчь о счастіи, рассказывалъ своимъ сосѣдамъ, какъ онъ третьяго дня задалъ три большіе шлема. Такого счастія онъ никогда еще не видывалъ!

Должно вамъ сказать правду,—хотя прежде и хотѣлъ утаить, такъ какъ я немножко сердитъ на Ивана Ивановича,—что вельдствие общаго разсужденія о послѣднихъ происшествіяхъ во Франціи, Иванъ Ивановичъ отыскалъ—таки возможность поразсказать исторію о старой бронзѣ, купленной имъ съ молотка, и что онъ вообще говорилъ объ этомъ очень хорошо. Потомъ зашелъ разговоръ объ египетскихъ древностяхъ.

Кажется, но утверждать не стану, что въ этотъ-то разговоръ Илья Сергѣевичъ и въѣхалъ верхомъ на своей идеѣ, я хотѣлъ сказать, на своей англійской лошади, со своею обычною ловкостью въ наѣздничествѣ.

И такъ далѣе.

Расходясь, многіе изъ насъ повторяли: «Надобно сказать, по совѣсти, что рѣдко найдется другой домъ въ Петербургѣ, гдѣ бы бесѣда была такъ образована и пріятна, какъ у Петра Аполлоновича!

Однимъ словомъ, всё были въ восхищеніи, исключая меня, да еще Илья Сергѣевича, котораго идея пропала безъ пользы, потому что во весь вечеръ ему ни разу не пришлось къ слову сказать что-нибудь про петербургскій климатъ. Бѣдный Илья Сергѣевичъ!

Я слышала однакожь, что послѣ нашего ухода, какъ сѣли играть въ карты, онъ успѣлъ, во время сдачи, слегка намекнуть, что вчера шелъ «дождикъ» и я очень радъ этому: Илья Сергѣевичъ добрый человекъ, и онъ дѣйствительно страдаетъ весь вѣкъ насморкомъ.

II.

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ

0

ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРЪ, ВЪ XVIII СТОЛЪТІИ.

Собраны Отто Мюллеромъ.

—

VI.

Между дачъ, разбросанныхъ по берегамъ Альстера, гдѣ гамбургскіе патриціи проводятъ обыкновенно лѣто, находилась тоже дачка доктора Унцера, окруженная прелестными садами и украшенная павильономъ. Мы познакомились уже съ этимъ другомъ семейства Аккерманъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ докторъ переехалъ изъ Альтоны въ Гамбургъ, онъ поселился въ этомъ пріятномъ жилищѣ, которое будучи не въ дальнемъ разстояніи отъ города, давало ему возможность пользоваться всеми пріятностями, какъ городской, такъ и деревенской жизни. Хотя онъ былъ преданъ наукъ всею душою и жилъ только для нея, однако поэтическая натура его и молодость не давали ему возможности предаться ей исключительно. Онъ также страстно любилъ искусство и литературу, какъ и науку свою. Онъ былъ не только искуснымъ и опытнымъ медикомъ, не смотря на мо-

лодость свою, но и челоуькомъ съ умомъ возвышеннымъ, тонкимъ, тщательно обработаннымъ. Не будучи самъ творческимъ гениемъ, онъ считался въ числѣ людей талантливыхъ. Богатый, независимый, онъ не былъ равнодушенъ къ славѣ, когда дѣло шло о томъ, чтобъ упрочить искусствомъ славу города Гамбурга. Унцеръ былъ душою всѣхъ предпріятій, начинавшихся съ этою цѣлью; онъ поощрялъ ихъ и боролся всеми силами, когда искусствамъ или літературѣ угрожала какая опасность. Его свѣтлый умъ, возвышенныя чувства и сильное вліяніе содѣйствовали уничтоженію преградъ, возвышавшихся противъ развитія вкуса и понятій; а всѣ знаютъ, чего стоило тогда заставить принять въ Гамбургъ новыя формы, новый взглядъ и новыя правила въ области изящнаго, въ такую эпоху, когда некому было дать толчка впередъ; когда общество было еще приковано къ самому сухому прозаизму, а правительство къ самымъ узкимъ формамъ и идеямъ; когда невѣжество и дурной вкусъ преобладали надо всѣмъ. Послѣ этого, можно судить, сколько бодрости и настойчивости надо было имѣть, чтобъ проложить силою, шагъ за шагомъ, дорогу къ болѣе свѣтлымъ мыслямъ и разгромить жертвенники літературнаго идолопоклонства, по-истинѣ варварскаго, но освященнаго цѣлымъ въкомъ существованія. Театръ былъ центральнымъ пунктомъ той борьбы, въ которой другъ нашъ бралъ столь живое участіе: слѣдовательно, легко понять, что докторъ, старавшійся излечивать нравственныя раны літературнаго вкуса, былъ въ особенности медикомъ семейства Аккерманъ. Унцеръ былъ свой въ домъ, а Шрёдеръ считалъ его своимъ задушевнымъ другомъ.

День былъ чудный. Унцеръ, отобѣдавъ у матери, которая жила на Штейнвегъ (Каменная дорога, Stein-Weg), у дочери своей, женѣ богатаго негоціанта, возвратился въ сельское свое жилище. Въ этотъ день онъ ждалъ нѣсколькихъ пріятелей, между прочимъ и лорда Елькинса, котораго пригласилъ на кофе.

Старушка, ключница Унцера, накрыла столъ въ изящной залѣ нижняго этажа, изъ которой чрезъ зеркальную дверь былъ выходъ на террасу, покрытую дикимъ виноградникомъ, позлащеннымъ уже лучами осенняго солнца. Тамъ, въ мѣдной клеткѣ, пушистый попугай чистилъ клевомъ свои красивыя перья. На серебряномъ подносѣ, чудесной работы, стояли сочныя красныя персики, дыня, огромный виноградъ, а посрединѣ ваза съ чудными южными цвѣтами, только что срванными въ оранжереѣ доктора. На кругломъ столѣ: сельди, честерскій сыръ, портвейнъ

и бордоское вино, придавали приглашенію хозяина, который приглашалъ только на чашку кофе, гораздо большее значеніе; но такъ рѣшила ревностная ключница, взявъ все на свою ответственность.

Унцеръ зажегъ свѣчи, поставилъ на столъ ящикъ съ гаванскими сигарами, и сошелъ съ крыльца, чтобъ встрѣтить гостей своихъ при входѣ въ садъ.

Уже бѣлый прозрачный паръ ложился на поля и на рѣку; струи Альстера блестяли тамъ и сямъ чуднымъ свѣтомъ; на берегу паслись лошади и коровы сосѣдняго фермера. Смотри на столъ-успокоительное зрѣлище, Унцеръ вспомнилъ слово Шарлоты, которая, посѣтивъ однажды доктора съ матерью, сдѣлала весьма удачное сравненіе, сказавъ, что видѣ, окружающій виллу Унцера, очень походить на ландшафты Рюнсдаля.

— Изъ всѣхъ временъ года она любитъ больше всего осень, думалъ про себя Унцеръ, и не права ли она въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ? Тутъ молодой человекъ пріятно улыбнулся. Только осенью, продолжалъ онъ, ощущаемъ мы, совершенно особеннымъ образомъ, чудное могущество природы на человека. Тысяча новыхъ ощущений пробуждаются въ насъ и оживляютъ чувства наши; все, что естественно прекрасно, что носить на себѣ отпечатокъ истинной красоты, столь близкой къ могилѣ, къ концу своему, кажется намъ вдвойнѣ таинственно-восхитительнымъ; и красота эта оставляетъ въ насъ неизгладимый слѣдъ, какъ послѣдній взоръ, послѣднее пожатіе руки умирающаго друга...

— Вотъ что случается съ мечтателями, особенно такими, которые не хотятъ согласиться въ этомъ! вскричалъ сзади его знакомый голосъ. Унцеръ вздрогнулъ, обернулся; передъ нимъ стоялъ Боде, который, улыбаясь, показывалъ ему на троихъ гостей, кланяющихся ему съ террассы; это были: лордъ Елькинсъ, мистръ Хиль и еще кто-то. Боде сказалъ Унцеру, что третій гость никто иной, какъ баронъ Зильбургъ, маіоръ датской службы, другъ Елькина, желающій лично познакомиться съ докторомъ.

Боде съ хозяиномъ вошли въ домъ, и молодой англичанинъ, представивъ барона доктору, сказалъ:

— Я знаю, что вы всегда рады друзьямъ моимъ; такъ позвольте же мнѣ представить вамъ человека, котораго я люблю и уважаю и который нѣсколько разъ доказывалъ мнѣ, огромными одолженіями, свою привязанность.

Унцеръ посмотрѣлъ на маіора, и вдругъ, съ удивленіемъ, вскричалъ:

— Баронъ! какъ я радъ! Если я не ошибаюсь, мы уже видѣлись два года тому назадъ въ Вандсбекѣ, въ замкѣ барона Шиммельмана.

— Точно такъ! отвѣчалъ поспѣшно Зильбургъ; и еслибъ кто всмотрѣлся въ него со вниманіемъ, то замѣтилъ бы на лицѣ его минутное смущеніе. У барона Шиммельмана было тогда многочисленное собраніе и въ суматохѣ празднества совсѣмъ забыли представить гостей другъ другу.

— Всѣмъ извѣстно, сказалъ докторъ, что господинъ тайный совѣтникъ не слишкомъ любилъ церемоніи. Милости просимъ, господа, продолжалъ Унцеръ, показывая на дверь: правда, что хозяйство мое незатѣйливое, холостое, но друзья снисходительны.

Сказавъ это, онъ взялъ подъ руку маіора, повелъ въ залу и скоро маленькое общество сѣло за столъ. По окончаніи трапезы гости закурили сигары, и, окруженные облаками дыма, прихлебывали съ наслажденіемъ левантскій ликеръ.

Умъ Зильбурга чрезвычайно понравился доктору; они скоро поняли другъ друга: маіоръ выражался еще съ большимъ увлеченіемъ и энергіею, чѣмъ въ трактирѣ Клефера; идеи его объ искусствахъ, исторіи и самой жизни, показали его Унцеру какъ человека умнаго, опытнаго и образованнаго въ высшей степени. Онъ много видѣлъ, много читалъ и когда говорилъ о своихъ многочисленныхъ происшествіяхъ, замѣтно было, что прозорливый умъ его извлекъ изъ cadaго дѣльное заключеніе; онъ имѣлъ даръ описывать все очаровательнымъ образомъ, а что еще лучше, умѣлъ, какъ человекъ съ тактомъ, никогда не ставить особы своей на первомъ планѣ своего разсказа. А если и выказывалъ иногда вѣтренность свѣтскаго человека, то это не производило непріятнаго впечатлѣнія и не роняло его въ глазахъ слушателей. Онъ не скрывалъ, что часто предавался удовольствіямъ жизни, и хваталъ на лету, безъ угрызений совѣсти, каждый представлявшійся къ этому случай; правила его на счетъ женщинъ нисколько не были хуже, какъ у остальныхъ свѣтскихъ людей; надъ любовью онъ смѣялся.

— Мнѣ нравились, говорилъ онъ, и черноглазья брюнетки Италіи, эти граціозныя баядерки, и прекрасныя, гибкія блондинки Копенгагена. Однихъ я надувалъ, а другія меня надували; однѣ обдавали меня восторгомъ, другія отнимали все очарованія. Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ поручиться, что завтра же

я могу встрѣтить такую женщину, которая затмитъ и даже разобьетъ всѣхъ прежнихъ моихъ идоловъ и зажжетъ сердце мое такимъ огнемъ, о которомъ прежде я не имѣлъ никакого понятія?

— Не полагайтесь на такія правила, любезный баронъ; остерегайтесь ихъ, сказала Бодэ. Обыкновенно случается, что самыя-то легкокрылые мотыльки и попадаютъ на огонь. Всѣми признано, что женщины привязываются именно къ тѣмъ, которые изъ добродѣтели дѣлаютъ коварство. Любовь гораздо хитрее самой хитрости, и тотъ, кто смѣялся прежде надъ ея могуществомъ, преклоняетъ потомъ голову подъ ея иго, и благодаритъ молча Бога, что несетъ это иго...

— Отъ чего это нѣтъ Шрёдера? сказалъ Унцеръ, которому разговоръ такого рода повидимому не нравился.

— Ты ждешь Шрёдера? спросилъ Бодэ. Я не думаю, чтобы онъ былъ сегодня; я встрѣтилъ его на новомъ валу, и голова его, какъ обыкновенно, наполнена разными дѣлами. Насилу онъ успѣлъ мнѣ рассказать конецъ истинно-романическаго происшествія, случившагося съ сестрою его въ Кугельсъ-ортъ. Вообразите, что ребенокъ, о которомъ Шарлота хлопотала съ такимъ благороднымъ состраданіемъ, вдругъ исчезъ. Третьяго дня вечеромъ, какой-то иностранецъ, сопровождаемый полицейскимъ офицеромъ, пришелъ за нимъ и унесъ съ собою... Табачница молчитъ на этотъ счетъ; отъ нея не могли ничего допытаться, а Аккерманы изъ силъ выбиваются, чтобы попасть на слѣдъ маленькаго дезертѣра; но все напрасно.

Новость эта изумила присутствующихъ; особенно Унцеръ осведомлялся съ большимъ участіемъ о малѣйшихъ подробностяхъ. Маіоръ, узнавшій по этому случаю происшествіе Кугельсъ-орта, вскричалъ съ улыбкою:

— Тутъ нѣтъ ничего таинственнаго: человекъ, похитившій ребенка, вѣроятно тотъ же самый, который покинулъ мать его.

— Вы ошибаетесь, баронъ, возразилъ Бодэ. Въ тотъ самый день, какъ ребенокъ исчезъ, Шарлота получила письмо неизвестнаго ей почерка; въ письмѣ этомъ предупреждаютъ ее, что малютка нашла покровителя, который станетъ воспитывать ее и упрочить судьбу дѣвочки. Незнакомецъ кончалъ письмо увѣреніемъ, что впоследствии Шарлотъ возвратятъ ребенка. Вотъ видите! сказалъ съ самодовольствіемъ Бодэ: театральная востор-

женность, надъ которой такъ смѣются, имѣетъ тоже свою хорошую сторону.

— Я еще не видалъ Аккермановъ, сказалъ маіоръ, куря сигару. Каждый разъ, какъ я пріѣзжалъ въ Гамбургъ набирать рекрутовъ, трушны ихъ не было въ городѣ; въ первый разъ она уѣзжала въ Брунсвиль, гдѣ не имѣла большаго успѣха, а во второй разъ была въ Шлезвигъ. Но скажите мнѣ, что это за особа, которую вы называете Шарлотой? Легко съ нею познакомиться? Въ Копенгагенъ и Шлезвигъ вездѣ меня спрашивали о ней, и удивлялись, что я ее не видалъ. Что она, въ самомъ дѣлѣ, такъ хороша, какъ говорятъ?

— Хороша? спросилъ Боде, глядя съ удивленіемъ на барона: кто это вамъ сказалъ?

— Какъ! вы отвергаете въ ней красоту! вскричалъ съ жаромъ Елькинсъ; а Рутландъ, а Эмилиа Галотти, а Марія... и наконецъ всѣ лица, которыя она представляетъ намъ въ такомъ привлекательномъ видѣ!.. почему намъ такъ нравятся эти лица? потому, что являются въ видѣ такой прекрасной женщины.

— А между-тѣмъ никто не станетъ утверждать, что Шарлота хороша, возразилъ Боде: нѣкоторые даже находятъ, что въ лицѣ ея нѣтъ пріятности и что черты ея неправильны: правда, глаза ея... Но прилично ли человѣку моихъ лѣтъ восхищаться глазами молодой артистки? Не смотря на это, я утверждаю, что достаточно ихъ видѣть одинъ разъ, чтобъ никогда не забыть!

— Да, она хороша, сказалъ съ увлеченіемъ Хиль, хотя не всегда аванжна, то-есть, не всегда одинаково хороша. Какой огонь въ ея вдохновенномъ взорѣ! Какое простосердечіе въ улыбкѣ! Какое глубокое чувство въ краснорѣчивыхъ чертахъ лица ея! Нѣтъ, Боде, если вы не допускаете, чтобы Шарлота была хороша, то для васъ нѣтъ красавицъ! даже сама Елена...

— Я только-что хотѣлъ говорить о ней, вскричалъ баронъ. Одна богиня и трое Парисовъ! Это должна быть престранная красота! А вы, докторъ Унцеръ, что вы намъ на это скажите?

Баронъ обернулся къ Унцеру; но мѣсто доктора было пусто; онъ всталъ, чтобъ зажечь еще свѣчу. Сначала онъ притворился, будто не слышитъ вопроса Зильбурга; но Зильбургъ повторилъ и прибавилъ со смѣхомъ:

— Первому она кажется совершенной красавицей; второму вовсе не такой; а третій объявляетъ, что она прекрасна, но не всегда; слѣдовательно, четвертому остается только назвать ее

дурною. Ну, докторъ?.. Чтожь вы не отвѣчаете?.. неужели свѣча эта единственный свѣтильникъ, могущій озарить свѣтомъ эту темную загадку и объяснить намъ ее?

Повидимому, это такъ и казалось, потому что Унцеръ глядѣлъ пристально на свѣчу и молча улыбался; наконецъ, помолчавъ немного, сказалъ:

— Можетъ быть каждый изъ гостей моихъ совершенно правъ и я тоже, когда буду утверждать, что красота Шарлоты есть ни что иное, какъ прозрачная оболочка души ея, врожденная прелесть, витающая около ея осязаемаго тѣла, которое преобразается, смотря по внутреннему вдохновенію. До-сихъ-поръ, ни одинъ живописецъ не могъ нарисовать портрета Шарлоты, ни одинъ не могъ схватить сходства: потому, можетъ быть, что душа не поддается кисти, ускользаетъ отъ нея... а почему? потому, что душа лучшій живописецъ лица Шарлоты.

— Вотъ отвѣтъ! вскричалъ Бодэ: такой запутанный, точно отвѣтъ оракула! Богъ видитъ, какъ я люблю эту дѣвушку, точно родную дочь свою; но ее нельзя сравнивать съ Доротеей, которая безукоризненно прекрасна.

— А между тѣмъ, Доротея никогда не бываетъ такъ хороша, какъ въ ту минуту, когда смотришь на обихъ сестеръ вмѣстѣ, сказалъ докторъ, по блѣдному лицу котораго пробѣжала легкая краска.

— Эта пластическая, а та романтическая красота, прибавилъ Хиль.

— Кто хочетъ судить о красотѣ, сказалъ баронъ, прежде всего долженъ опредѣлить точку зрѣнія, съ которой онъ на нее смотритъ. Но это также трудно, какъ и опредѣлить самую идею о красотѣ; а въ этомъ случаѣ можно только положиться на свой собственный вкусъ; вотъ почему я сильно желаю видѣть собственными глазами этого маленькаго сфинкса; только не на сценѣ, а въ гостиной, или на гуляньи...

— Вамъ легко удовлетворить это желаніе, сказалъ Бодэ, и, показывая на доктора, прибавилъ: вотъ любимецъ семейства Аккерманъ.

— Если хотите, то сегодня же увидите Шарлоту, сказалъ докторъ, предупреждая просьбу Зильбурга. Сегодня вечеромъ она будетъ у моей матери; я васъ повезу за-просто и представлю ей...

— Какъ! вы хотите...

— Дать вамъ возможность самому оцѣнить красоту нашей милой артистки. Правда, что про нее нельзя сказать, чтобы она была любезна и что съ нею можно легко познакомиться... прибавилъ Унцеръ съ легкою ироніею. Напротивъ, къ ней очень трудно подступиться; и съ незнакомыми вообще она необыкновенно холодна и даже сурова. Но это происходитъ не отъ характера, а скорѣе отъ привычки; потому что въ кругу друзей своихъ нѣтъ дѣвушки веселѣе и простодушнѣе ея.

— Посмотримъ! сказала Зильбургъ и съ благодарностью пожала руку Унцера.

VII.

Въ то же самое воскресенье, около часа по-полудни, благотворное осеннее солнце вызвало Шарлоту въ садъ, находящійся позади дома. Погруженная въ задумчивость, она ходила взадъ и впередъ около ограды, согрѣваемая лучами солнца. Куртинки были еще усыяны множествомъ прекрасныхъ цвѣтовъ; пурпуровая гвоздика смѣшивала благоуханіе свое съ легкимъ запахомъ резеды, а вокругъ огромныхъ подсолнечниковъ запоздалая бабочка порхала съ одного цвѣтка на другой. Шарлота долго слѣдила за нею глазами.

— Вотъ эмблема нашей хрупкой жизни, думала она; такъ порхаютъ и мечты наши, такъ гаснутъ безъ цѣли страстные порывы и желанія сердца человѣческаго; мы родимся и умираемъ, вѣчно преслѣдуя съ цвѣтка на цвѣтокъ какую-нибудь надежду; вѣчно обманутые свѣтлыми видѣніями, мы никогда не наслаждаемся истиннымъ счастьемъ, которое также неуловимо, какъ бабочка эта; мы мечемся, мечемся до-тѣхъ-поръ, пока вдругъ нападетъ на насъ снѣгъ старости и занесетъ и заморозитъ цвѣты желаній нашихъ, надеждъ, мечтаній и всѣхъ мимолетныхъ радостей. О, Господи! избави меня отъ такой смерти! не дай разбиться сердцу моему, не отнимай надеждъ моихъ! Нѣтъ! лучше ужъ умереть во цвѣтъ лѣтъ съ радужными заблужденіями, чѣмъ дожить до зимы сердца...

— Ахъ!.. бабочка улетѣла! вскричала она выходя изъ задумчивости и теряя нить своихъ мрачныхъ мыслей, столь несвойственныхъ ея лѣтамъ. Шарлота искала бабочку глазами; но не слышала больше ея слабаго шелестанья.

Съ некотораго времени состояніе духа Шарлоты перемѣнилось; но она не могла дать себѣ отчета въ этой перемѣнѣ. Иногда она вздрагивала, сердце ея замирало, какъ будто невидимая сила преслѣдовала ее, или что-то тайное, чего она не могла объяснить себѣ, совершенно измѣнило жизнь ея. Она потеряла свою счастливую веселость, свое простосердечіе и спокойствіе, благодаря которымъ она схватывала съ такою вѣрною задушевностью самыя сокровенныя тайны своего искусства и проникала въ душу поэта; ей казалось, что она блуждаетъ теперь въ неизвѣстномъ ей мірѣ, и, повидимому, сомнѣвалась даже иногда въ своей гениальности.

— Теперь я понимаю, что со мною дѣлается... нѣтъ сомнѣнія!.. Рутландъ виновата въ томъ, что я чувствую! сказала она, размышляя о перемѣнѣ своей.

И въ самомъ дѣлѣ, многіе относятъ это настроеніе духа, дотѣхъ-поръ столь чуждое ей, тому времени, когда она учила роль Рутландъ, какъ будто нарочно для нея созданную. Пылкое ея воображеніе и восторженная чувствительность до того сроднились съ положеніемъ и чувствами этой благородной и страждущей женщины, что Шарлота превратилась наконецъ сама въ Рутландъ. Любовь и горести Рутландъ поглотили все существо ея и печальная участь бѣдной женщины отрывала ее часто отъ радостей ея счастливой молодости. Въ первый разъ въ жизни ей чудилось, что судьба Рутландъ паритъ надъ ея судьбою, не только въ драматическомъ мірѣ, но даже внѣ поэзіи и сцены, въ самой дѣйствительности. Это предчувствіе пугало Шарлоту и тѣснило грудь ея. Но, въ то же время, молодая артистка сознательно чувствовала, что искусство, для котораго она до-сихъ-поръ жила съ такимъ радостнымъ восторгомъ, не могло удовлетворить ея пламенной и страстной души. Она поняла, что для жизни ея мало тѣхъ мимолетныхъ заблужденій воображенія, которыя не даютъ жизни сердцу, а только утомляютъ его; она поняла тоже, что надо извлечь что-нибудь изъ жизни, и чтобъ сорвать лучшій плодъ ея—надо узнать счастье или несчастье, но узнать его въ дѣйствительности: Шарлота хотѣла жить, и вотъ почему она часто вздрагивала или задумывалась. Она испытала во всей полнотѣ торжество искусства своего, упивалась торжествомъ этимъ съ наслажденіемъ; но сердце ея оставалось пусто и одиноко, какъ сердце жрицы, осудившей себя на одиночество.

— Одиночество! сказала она въ глубокой задумчивости; да, вѣрно, должно быть такъ... Вѣдь искусство священный огонь, горящій на жертвенникѣ его, который я обязана хранить только, никогда не долженъ пылать въ груди моей. Ну, что я такое?.. — актриса; что слезы мои? притворство; восторги любви? — ложь, обманъ!.. это все равно, какъ пѣсьн соловья, ослѣпленнаго жестокою рукою... а онъ все-еще воспѣваетъ радости свои, свободу, просторъ лѣсовъ, блескъ весны, запахъ розы, звездную ночь... О, Рутландъ! Рутландъ! ты любила, и прежде несчастья, постигнувшаго тебя, была счастлива въ тайнѣ сердца своего! Даже бѣдная Берта изъ Кугельсъ-орта умерла не напрасно, и жила не даромъ... Господи! неужели нельзя обойтись безъ несчастій, чтобъ испытать, освятить истинную любовь?

Раздумывая такимъ образомъ, она дошла до старой лины, раскинувшей густыя свои ветви, подъ тѣнистымъ убѣжищемъ которыхъ семейство Аккерманъ, въ лѣтнее время, сиживало часто въ задушевномъ кружку своемъ съ преданными друзьями. Искусство тоже содѣйствовало украшенію и пріятности этого мѣста: въ то время, когда меблировали новый домъ, не зная, куда помѣстить мраморную статую, представляющую спящаго юношу, ее поставили подъ огромный и ветвистый вязъ, подъ куста сирени. Можетъ быть, спящій юноша былъ богъ сна: онъ стоялъ, склонивъ голову на руку и опираясь локтемъ на обломокъ колонны, покрытой львиной кожей, что доказывало какъ сонъ можетъ все покорить; а въ другой рукъ держалъ три маковья головки. Это было прекрасное и дорогое произведеніе; многіе знатоки предлагали большую цѣну, но Аккерманы считали статую эту неоцѣненнымъ сокровищемъ. Шарлота съ самаго дѣтства особенно любила это милое изображеніе за кроткую и спокойную красоту его, и съ жаромъ возставала, если кто заикался только продать его.

Въ эту минуту желтый листь упалъ на голову Шарлоты; статуя тоже была покрыта листьями.

Шарлота посмотрѣла на статую и сказала задумчиво:

— Осень бросаетъ тебѣ на чело свое увядшее украшеніе, а ты и не видишь, счастливый мечтатель, блаженный Сонъ! Зачѣмъ не могу я поступать по твоему... и преслѣдовать мечту свою отъ зимы до весны, отъ весны до осени, отъ осени до зимы? Вотъ почему боги одарили тебя вѣчною юностью, кото-

рая не видитъ ни страданій, ни переверотовъ жизни; и только тогда, когда юность покидаетъ насъ со всеми радостями своими, тогда только мы просыпаемся и видимъ все ясно; но при свѣтъ этого роковаго луча, чудный міръ юности навсегда исчезаетъ... Милый юноша! ты вѣчно покоишься, и свѣтлая улыбка твоя ясно доказываетъ, что непробудный сонъ твой отраднѣе нашей жизни. Такъ покойся же, вѣрный другъ моего дѣтства; не переставай мечтать объ этихъ счастливыхъ дняхъ, навсегда погибшихъ для меня; никто не смутитъ твоего покоя!.. вѣдь ты мой и принадлежишь мнѣ одной... такъ я должна защищать тебя и защищу отъ вражбыхъ рукъ!

Читатель крайне ошибется, если изъ глубокомысленнаго раздумья, которому Шарлота любила иногда предаваться, сдѣлаетъ заключеніе, что она склонна была къ мечтаніямъ и сентиментальности. Отъ природы она была весела, и впечатлительна ея, быстро смѣняясь однѣ другими, переходили изъ одной крайности въ другую, такъ, что малѣйшая причина могла преобразить ее въ одну минуту, и отъ восторговъ радости погрузить въ глубочайшее горе. Впечатлительный характеръ ея, горячій темпераментъ были причиною, что она никогда не находилась въ спокойномъ состояніи духа, и женщина эта, которая на сценѣ, въ самыхъ страстныхъ положеніяхъ всегда сохраняла внутреннее спокойствіе артистки, въ обыкновенной жизни была часто игрушкою самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ ощущеній; однимъ словомъ, Шарлота была истинною артисткою, съ натурою впечатлительною, которая поддавалась съ одинаковою силою, какъ въ радости, такъ и въ горѣ, всемъ ощущеніямъ. Плодовитое воображеніе Шарлоты обливало юный геній ея то самымъ радужнымъ свѣтомъ, то набрасывало на него самыя мрачныя свои тѣни. Послѣ этого, легко понять, что безпрестанное изученіе искусства во всѣхъ разнородныхъ его направленіяхъ и пламенное стремленіе къ успѣхамъ вѣчно новымъ, еще болѣе воспаляли врожденную ея живость. Тѣло ея казалось слишкомъ слабымъ для такой необузданной души; фибры сердца слишкомъ хрупки для того, чтобъ переносить тягостное разногласіе жизни; но что, повидимому, должно было истощать эту слабую, только что развернувшуюся организацію, было въ сущности причиною ея здоровья, потому-что юная душа эта безпрестанно почерпала жизнь въ источникъ живаго вдохновенія и осыпала у него измученное дѣйствительностью сердце свое.

Одинъ современникъ Шарлоты говоритъ:

«Она могла играть, что хотѣла и въ какомъ видѣ хотѣла, и всегда выходило хорошо; куда бы ни являлась, она затемняла всѣхъ красавицъ; не смотря на ихъ великолѣпные наряды, смотрѣли только на нее. Достаточно было, чтобъ она сказала нѣсколько словъ, или даже довольно было услышать звукъ ея голоса, чтобъ придти въ восторгъ и оставаться въ этомъ состояніи въ продолженіе всего вечера. Пѣніе ея, игра, танцы, производили тоже впечатлѣніе; она за все хваталась съ жаромъ и дѣлала все съ восторгомъ. Во всемъ она была совершенствомъ.»

Какъ оцѣнка эта вѣрна и справедлива, мы можемъ сѣдить по тому, какъ она исполняла роль Рутландъ, и впоследствии снова можемъ возвратиться къ достоинствамъ Шарлоты; теперь же пойдѣмъ за нею къ матери доктора Унцера, куда она отправилась съ Доротеей, которая бранить сестру, зачѣмъ она такъ долго оставалась въ саду въ кисейномъ платьѣ, не смотря на осенній вѣтеръ.

VIII.

* Старушка совѣтница (такъ называли мать Унцера, въ кругу друзей ея и знакомыхъ) была безъ сомнѣнія одною изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ Гамбурга, и въ домѣ ея собиралось все, что составляло цвѣтъ комерцій, талантовъ и литературы. Въ домѣ госпожи совѣтницы не было великолѣпія и блеска миліонеровъ; напротивъ, въ немъ царствовала патріархальная простота; но за то, кто посѣщалъ ее и кто былъ принятъ, не долженъ былъ оставлять въ передней, вмѣстѣ съ плащемъ, свой личный характеръ и откровенность; потому, что каждый могъ говорить смѣло все, что думалъ. Чванный богачъ, жеманная жена сенатора избѣгали знакомства съ этимъ домомъ, также какъ и distinguished парики и жесткія фижмы, потому что кругъ старушки совѣтницы вовсе не былъ составленъ по образцу стариннаго гамбургскаго дворянства. Смотря на знакомство совѣтницы, многіе пожимали плечами и удивлялись, что вмѣсто того, чтобъ стараться попасть въ ихъ кругъ, она водилась съ писцами стиховъ и комедіантами. Люди строгіе осуждали свободу мыслей этого круга; тетюшки, бабушки и дядюшки молодыхъ людей, посѣщавшихъ домъ совѣтниц-

цы, дѣлали гримасы и говорили: если они тамъ пьютъ и ѣдятъ также хорошо, какъ и у насъ, за то совершенно забываютъ тонъ и манеры *своего общества*.» Правда, тамъ не видно было, какъ это водилось въ домахъ высшаго круга, чтобы мужчины, предаваясь длиннымъ, крикливымъ политическимъ спорамъ, пили и бранились, или, какъ говоритъ одинъ старій гамбургскій историкъ, «соединяли степенность съ развратомъ, или, говоря правду безъ обаянниковъ, предавались, для здоровья и для облегченія слишкомъ полныхъ желудковъ, пошлымъ шуткамъ, пустословію и сквернословію самому грубому; между тѣмъ, какъ супруги ихъ и дочери, сидя въ огромныхъ фижмахъ, хранили скромное молчаніе, или перешептывались съ сосѣдками на счетъ ближняго.» Скука, глупость и жеманно-поддѣльная степенность навсегда были изгнаны изъ дома советницы. Въмѣсто того, чтобы говорить о кухнѣ, сілетничать и сообщать другъ другу скандальныя хроники, тамъ говорили о театрѣ, искусствахъ и литературѣ; читали эстетическій журналъ Гагедорна и даже самыя творенія Лессинга; занимались музыкой; молодыя дѣвицы пѣли, и, акомпанируя себя на клавесинѣ, пѣли—что же? о, ужасъ и скандалъ! пѣли французскіе романсы и итальянскія аріи. Однимъ словомъ, на домъ старой советницы указывали пальцемъ, и старинное гамбургское общество думало, что въ немъ заключаются все искушенія ада.

Но примѣру советницы послѣдовали многія благородныя семейства, такъ, что все ложе театра были теперь заняты цвѣтомъ гамбургскаго народонаселенія; къ тому же старушка не была изъ тѣхъ робкихъ существъ, которыя, какъ тростникъ, гнутся при малѣйшемъ дуновеніи общаго мнѣнія.

Въ уютно-преlestномъ жилищѣ своемъ, среди цвѣтовъ и рѣдкихъ растений, между которыми говорливые попугаи съ разноцвѣтными перьями, до того трещали, что имъ позавидовали бы даже самыя кумушки стариннаго города Гамбурга; советница могла питать въ сердцѣ своемъ самую искреннюю благосклонность къ врагамъ своимъ, и просила одного только—не тревожить ея спокойствія.

Старушку эту можно было назвать ангеломъ кротости и благотворительности. Она проводила жизнь въ созерцаніи и поклоненіи всему прекрасному и въ исполненіи долга христіанскаго. Мало того, что торжественное величіе искусства и науки, благородныя усилія таланта находили въ ней рев-

носнаго помощника и ходатая; но и страждущія, страстныя души, жаждущія истины находили въ ней друга, а въ домъ ея самый ласковый пріемъ. Она была матерью бѣдныхъ сиротъ, утѣшительницею несчастныхъ, облегчительницею ихъ бѣдъ; и имя старушки, произносимое во многихъ гордыхъ, знатныхъ домахъ съ горечью и насмѣшками, произносилось съ благоговѣніемъ въ бѣдныхъ жилищахъ, гдѣ приходъ ея считался праздникомъ, благословеніемъ неба, и Господь, который не взираетъ на наружность, а требуетъ добрыхъ дѣлъ и чистоты сердца, милостиво преклонялъ ухо Свое къ молитвамъ страждущаго человечества. Вотъ почему закатъ жизни этой доброй женщины былъ такъ тихъ, свѣтелъ и спокоенъ: смена добрыхъ дѣлъ ея взошли и окружали ее теперь со всѣхъ сторонъ жатвою, которая стояла, созрѣлая во всемъ цвѣтъ своего колоса.

Смерть похитила у нея обожаемаго мужа, а неумолимая необходимость разлучила ее съ Лессингомъ, отрадою, гордостью и другомъ сердца ея. Но душа, столь полная вѣры и любви, никогда не разстается съ тѣмъ, что составляло всю прелесть жизни ея: ни разстояніе, ни могила не отнимутъ того, что вилось въ такое любящее сердце, вѣчно вѣрное и неизмѣнное, которое хранитъ сокровище свое и за предѣломъ гроба.

Напрасно годы оставляли на бѣляющихъ волосахъ совѣтницы слѣды свои, — свѣжесть молодости не могла рѣшиться разстаться съ этимъ благороднымъ лицомъ, удивительной красоты. Черные глаза ея, еслибы принадлежали оснадцатилѣтней дѣвушкѣ, воспламенили бы все сердца, а слѣды лѣтъ, горя, жестокаго опыта, оставшіеся на лицѣ ея, придавали ей такое кроткое выраженіе, что, не будучи глубокомысленнымъ наблюдателемъ, можно было видѣть съ перваго взгляда, что въ сердцѣ ея не было больше кровавыхъ ранъ; оставались же только тѣ, которыя придаютъ жизни силу и характеръ.

Такова была старушка совѣтница, и если какая мать любила выше всего въ мірѣ своего единственнаго сына, такъ ужъ это вѣрно была совѣтница. Докторъ—ея живой образъ—былъ вполне достоинъ такой матери. Онъ жилъ только для нея, и возлюбленная мать эта освяляла, такъ сказать, науку его и просвѣщала умъ его своимъ сердцемъ. Онъ сдѣлался докторомъ по врожденной склонности, но мать благословила это высокое призваніе, сказавъ: «Мнѣ надобенъ докторъ для моихъ бѣдныхъ» и слова эти рѣшили судьбу Карла Унцера.

Чтобъ окончить портретъ старушки, надо сказать, что еще одно чувство хранилось въ ея сердце, раскрытомъ для всѣхъ благородныхъ привязанностей; это была святая дружба, но не состарѣвшаяся вмѣстѣ съ нею, испытанная и укрѣпленная въ борьбѣ жизни; нѣтъ, это была новая привязанность, обвившая ее молодыми своими вѣтвями. Шарлота Аккерманъ, осмнадцатилѣтняя дѣвушка, была другомъ сердца шестидесятилѣтней вдовы. Старость и молодость такъ тѣсно сдружились, что огромная разница лѣтъ какъ будто для того только и существовала, чтобы противоположность эта выставила еще прелестнѣе всю красоту старости и молодости. Это была такая невиданная дружба, души ихъ до того слились одна въ другую, что старушка говорила часто, шутя: «Я увѣрена, что Шарлота не выйдетъ замужъ прежде моей смерти», а Шарлота, въ свою очередь, отвѣчала: «Ты вѣрно не покинешь, прежде меня, этого міра, дождешься моей смерти, а потомъ ужъ сама сойдешь въ могилу.» Это были двѣ сестры, съ однимъ сердцемъ и одною душою и обходились другъ съ другомъ такъ безцеремонно, что младшая часто дразнила старшую на счетъ слишкомъ сильнаго жара сердца, а старушка смѣялась надъ глубокомысленною степенностью молодой подруги, которая, говорила она, походитъ на мать семейства; но обѣ были убѣждены, что не могутъ жить другъ безъ друга.

Шарлота замѣняла старушку Лессинга; совѣтница не могла забыть своего почтеннаго друга, который былъ тогда больнъ и страдалъ безъ нея въ Вольфенбютель; она знала и понимала эти страданія, потому что и сама также горячо любила его. Въ тѣ минуты, когда она наиболѣе думала о Лессингѣ, она называла Шарлоту своимъ милымъ Ефραίмомъ *.

Въ этотъ вечеръ, кромѣ Доротен и Шарлоты, у нея никого не было, да она и не ждала гостей, потому что всѣ друзья старушки, посѣщающіе ее ежедневно, разъѣхались.

Пріятелиницы, сидя въ маленькой гостиной, гдѣ въ первый разъ затопили каминъ, въ знакъ того, что осень уже наступила, предавались самому задушевному, веселому разговору. Доротея приготовляла чай, а Шарлота поддразнивала старушку на счетъ жара сердца ея, какъ вдругъ слуга вошелъ и доложилъ, что докторъ проситъ позволенія представить сегодня совѣтницѣ маіора Зильбурга.

— Очень рада, отвѣчала совѣтница.

* Имя Лессинга.

Слуга вышелъ.

— Зильбургъ? сказала задумываясь г-жа Унцеръ, какъ будто вспоминая что-то. Какимъ образомъ Карль познакомился съ нимъ?

— Не знаю, что это за особа, отвѣчала Доротея, не замѣчая безпокойства старушки.

— Я тоже не знаю, сказала послѣдняя, не выходя изъ задумчивости, и не знаю даже, кто мнѣ говорилъ про этого Зильбурга; но помню только его фамилію и что о немъ говорили. Это престранная исторія! Графиня Линденкронъ была въ связи съ какимъ-то офицеромъ изъ Даніи или Шлезвига... не помню хорошенько, и, какъ кажется, но я не утверждаю, потому что все позабыла, фамилія его была Зильбургъ... Носились слухи, что графъ, на одрѣ смерти, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета... Но, можетъ быть это однофамилецъ, прибавила старушка, чтобъ успокоить свою совесть.

— Карль не такъ скоро дружится съ людьми, характеръ которыхъ или репутація не представляютъ достаточныхъ ручательствъ за честность чловѣка.

Какое странное дѣйствіе можетъ произвести фамилія! воскликнула старушка, помолчавъ немного. Я ненавижу этого чловѣка, потому только, что онъ носитъ фамилію Зильбурга.

— Это понятно, сказала Доротея, потому что имя или фамилія составляютъ уже половину чловѣка и доказываютъ, изъ какого онъ семейства, какое получилъ воспитаніе, съ кѣмъ водится... и такъ далѣе. Со мною по-крайней-мѣрѣ часто случается, что услышавъ о комъ-нибудь, кого я совершенно не знаю, я тотчасъ же воображу себѣ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ и рѣдко ошибаюсь. У Зильбурга этого, напримѣръ, должна быть завитая борода, живые глаза, рыцарское лицо; онъ, вѣрно, говорить скоро и при томъ картавить...

— Сапоги его вооружены шпорами, продолжала Шарлота смѣясь: сабля, волочась по полу, гремитъ, а на шляпѣ развѣвается бѣлое перо, какъ у всѣхъ датскихъ офицеровъ. Неправда ли, какъ это трудно отгадать? Нѣтъ, душенька Доротея, я вовсе не вѣрю твоимъ догадкамъ и предсказаніямъ. Фамиліи и имена вовсе ничего не значатъ; я знавала людей, у которыхъ фамилія была вовсе не благозвучна, а между тѣмъ это были пріятные люди. Вспомни только о нашемъ любезномъ Клоштокѣ, объ его милостіи, благородномъ характерѣ, и сравни его съ фамиліей, кото-

рую онъ носить. Я знаю и такихъ, имя которыхъ чудно звучитъ, а между тѣмъ они представляютъ въ свѣтъ весьма жалкую фигуру. Имя тогда только имѣетъ значеніе, когда знаешь человека, кому оно принадлежитъ; только у однихъ нашихъ романистовъ имя составляетъ всю личность человека, потому что, кромѣ имени своего, они не умѣютъ ни о чемъ говорить.

Въ эту минуту дверь отворилась и докторъ представилъ незнакомца, котораго уже такъ хорошо знали. Советница бросила испытующій взглядъ на этого статнаго красавца, на открытое и умное лицо его, и тотчасъ же сомнѣнія ея разлетѣлись: физиономія прояснилась и она приняла маіора очень ласково и радушно; отрекомендовала его сама двумъ молодымъ приятельницамъ и просила сѣсть, показывая рукой на спокойное кресло, стоящее подлѣ камина.

Барону съ самой первой минуты показалось ловко и весело въ этомъ маленькомъ кругу, такъ, что все движенія его доказывали человека, умѣющаго цѣнить благосклонность добрыхъ людей и наслаждаться всею прелестью задушевной и непринужденной бесѣды.

Такимъ образомъ баронъ тотчасъ же попалъ въ милость къ старушкѣ, которая была весьма склонна судить людей по ихъ наружности, а главное любила, когда посторонній человекъ съ перваго разу сближался съ нею и чувствовалъ себя непринужденнымъ въ ея обществѣ. Путешествія по дальнимъ странамъ и рассказы о нихъ имѣли для нея большую прелесть; она даже составила себѣ кабинетъ рѣдкостей, и кто желалъ войти къ ней въ милость, тому стоило только обогатить музей ея какимъ-нибудь новымъ предметомъ искусства. Какова же была ея радость, когда баронъ поднесъ ей нѣсколько рѣдкихъ произведеній индійскаго искусства и промышленности, а въ особенности полный костюмъ танцорки храма Брамъ. Старушка не знала, какъ благодарить его за эти любопытные предметы, привезенные имъ изъ Транкебара. По поводу ихъ завязался разговоръ о путешествіяхъ, и о вліяніи ихъ на характеръ человека, что дало барону случай высказать свой образъ мыслей, столь же здравый, какъ и оригинальный. Между прочимъ онъ сказалъ:

— Посохъ странника рѣдко бываетъ жезломъ, съ которымъ можно было бы достигнуть до источника познаній. Многіе объѣхали полсвѣта, а ничего не могутъ сказать, кромѣ

того, что каждый школьникъ знаетъ изъ своихъ классныхъ тетрадей. Говорять, будто путешествія формируютъ человека и придаютъ характеру его особенный отпечатокъ; я же нахожу совершенно противное и убѣжденъ, что путешествія дѣлаютъ умъ нашъ плоскимъ, даже одуряютъ, и вполне изглаживаютъ оригинальность характера, данную отъ природы. Онъ становится ни чѣмъ, если былъ чѣмъ-нибудь; а если ничѣмъ былъ въ своемъ отечествѣ и ничего не чувствовалъ, то превращается меньше чѣмъ въ ничто въ чужихъ краяхъ, и сіяніе, которымъ мы окружаемъ возвратившихся изъ далека, затемняетъ намъ глаза до того, что мы не видимъ, сколько онъ утратилъ во время своихъ путешествій.

— Это можетъ случиться и часто случается, сказалъ Унцеръ; однако есть исключенія, есть люди, которымъ путешествія придали основательный грунтъ познаній. Подумайте только, какая удивительная сила характера, какая энергическая воля отличаетъ отъ насъ, горожанъ, жителя дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, который по цѣлымъ годамъ обходитъ, съ ружьемъ на плечъ, эти безпредѣльные пустыни...

— Это совсѣмъ другое дѣло, отвѣчалъ маіоръ. Тутъ путешествіе теряетъ свой прозаическій характеръ; дикая и живописная природа совершенно неизвѣстной страны, непременно дѣйствуетъ на умъ и сердце человека, развиваетъ умъ и живитъ сердце.

Какая задушевная и натуральная поэзія видна въ кочующихъ народахъ; между тѣмъ, какъ образованныя націи, какъ напримѣръ англичане, которые то и дѣло путешествуютъ, представляютъ намъ собой самую сухую, самую пошлую прозу, закоснѣлую въ грубомъ эгоизмѣ и натянутомъ педантствѣ. Что до меня касается, то признаюсь, что воспоминанія объ Индіи имѣютъ для меня гораздо больше прелести, чѣмъ пребываніе въ тѣхъ странахъ, куда люди такъ охотно переносятъ колыбель своихъ поэтическихъ мечтаній, хотя живописный видъ какой бы то ни было страны, скорѣе наводитъ дремоту на воображеніе, чѣмъ разжигаетъ его; оно становится лѣнливымъ и наконецъ засыпаетъ.

— Я съ вами согласна, сказала Шарлота: правда, что опытность моя ограничивается, почти исключительно, только тѣмъ, что заключается въ кругу моего искусства; но я нахожу, что именно тѣ актеры, которые, какъ мимолетныя птицы, летаютъ

по всему свѣту, не такъ оригинальны, какъ остальные; имъ недостаетъ знанія, глубокаго пониманія чловѣческаго сердца, и они такъ же нелпы въ роляхъ своихъ, какъ и въ обыкновенной жизни. Они не умѣютъ ни наблюдать, ни примѣнить жизни къ своему искусству; однимъ словомъ, актеръ, безпрестанно вояжирующий съ своими пробными ролями, или даже и безъ нихъ, походить, какъ мнѣ кажется, на коми-вояжера, объѣзжающаго города съ образчиками своего товара; во всей особѣ его, во всѣхъ жестахъ и декламациі видѣнъ чловѣкъ безъ личности, даже сама рутина исчезаетъ подъ конецъ, и изъ всего артиста остаются только примѣты его на паспортѣ.

— А что всего хуже, прибавилъ маіоръ, — что вояжируя, часто не видишь того, что наиболее заслуживаетъ удивленія. Я знаю, напримвръ, одного, который уже нѣсколько разъ былъ въ Гамбургѣ, большой любитель театра, а между тѣмъ никогда не имѣлъ счастья видѣть на сценѣ двухъ знаменитыхъ сестеръ, дѣвицъ Аккерманъ.

— По тому и не видалъ, что чловѣкъ этотъ, можетъ быть, самъ большой комедіантъ, сказала Шарлота съ шутливою прошею.

— Можетъ быть вы и правы, отвѣчалъ поспѣшно маіоръ. По-крайней-мѣрѣ, въ жизни ему выпадало на долю много трудныхъ ролей; однако, онъ сыгралъ ихъ довольно успѣшно, и даже былъ вызванъ.

Сказавъ это, онъ спокойно посмотрѣлъ на дамъ. Шарлотѣ показалось, что у него грустное выраженіе въ глазахъ, и вдругъ въ маленькомъ кружку настала одна изъ тѣхъ минутъ странной тишины, когда у всякаго вертится свое слово на языкъ, а между тѣмъ никто первый не рѣшается заговорить и ждетъ перваго слова отъ другихъ.

Доротей, по обыкновенной своей находчивости, вывела всѣхъ изъ замѣшательства, притворясь, будто не слыхала послѣднихъ словъ барона, и продолжая начатый разговоръ, сказала:

— Но оставаться вѣчно на одномъ и томъ же мѣстѣ также вредно, какъ и вѣчно вояжировать; мысли вращаются около однихъ и тѣхъ же предметовъ и чловѣкъ уже не въ состояніи выйти изъ своей тѣсной сферы. Многіе сравниваютъ жизнь съ долгимъ путешествіемъ, и такое сравненіе могло бы утѣшать чловѣка, никогда не покидавшаго своей родины; но въ продолжительномъ путешествіи бываютъ тоже свои маленькія поѣздки:

вѣдь большая почтовая дорога надобѣтъ наконецъ, и потому сворачиваютъ направо или налево, чтобъ погулять по тѣнистымъ лѣсамъ и цвѣтистымъ лугамъ; углубляются въ горы, живописныя долины... и потомъ, насмотрѣвшись всего въ доволѣ, возвращаются съ новыми душевными и телесными силами въ свою тяжелую дорожную повозку, которая снова катится по обыкновенной дорогѣ.

— Мы то и дѣло говоримъ о путешествіяхъ, сказала совѣтница, и сидимъ съ путешественникомъ, следовательно мы не выпустимъ васъ прежде, любезный баронъ, пока вы не угостите насъ какимъ-нибудь занимательнымъ рассказомъ, пока не сообщите намъ какого-нибудь интереснаго происшествія, случившагося съ вами въ Индіи, а такихъ происшествій, вѣроятно, много, и потому, чтобъ не смущать васъ выборомъ, я прошу васъ сообщить намъ нѣкоторыя подробности о баядеркахъ, которыя, благодаря вамъ, будутъ имѣть для меня двойной интересъ.

Услышавъ такую просьбу, маіоръ былъ видимо удивленъ, и потому, помолчавъ немного, отвѣчалъ:

— Мнѣ? Рассказывать вамъ о баядеркахъ? Это было мое намѣреніе, и я именно хотѣлъ рассказать вамъ о любви одной индіанки, любви, которая не уступаетъ, въ поэтическомъ отношеніи, любви Саконталы, не смотря, что исторія моя, за исключеніемъ этой знаменитой пѣсни любви, не имѣетъ ничего общаго съ сверхъестественными силами; но она вамъ докажетъ по-крайней-мѣрѣ, что въ этихъ отдаленныхъ странахъ, страсть, какъ и у насъ, образованныхъ и романическихъ европейцевъ, тоже имѣетъ свои трагическія катастрофы.

Въ последнее время моего пребыванія въ Транкебарѣ, брамины, владѣтели огромной и великолѣпной нагоды, приготовлялись къ празднику богини Пуруша. Въ старину этотъ праздникъ производили еще съ бѣльшимъ торжествомъ чѣмъ теперь, посреди самыхъ дикихъ оргій, приносили въ жертву людей, въ чемъ заключалась главная церемонія. Теперь этого не дѣлаютъ, а все богослуженіе состоитъ только въ однихъ церемоніяхъ, которыхъ бездна, и которыя хитрые брамины весьма ловко умѣютъ скрывать отъ европейскаго любопытства. Одно только осталось отъ старинныхъ обычаевъ: родители, чтобъ отмстить врагамъ своимъ, отдають часто на смерть собственныхъ дѣтей своихъ, воображая, что богиня мести обратитъ на голову ихъ кровь этихъ невинныхъ жертвъ; теперь же, въ память этого варварскаго обычая,

многіе родители посвящаютъ юныхъ дочерей своихъ, какъ живыхъ жертвъ, служенію этой богини, чтобъ умилостивить гнѣвъ ея, вымолить что-нибудь или отвратить угрожающую напасть. Эти юныя жертвы, осужденныя на всю жизнь суевѣрными родителями на служеніе идоламъ, или, скорѣе, преданныя ими въ совершенную власть честолюбивыхъ и жестокихъ жрецовъ, болѣею частію принадлежатъ къ первымъ фамиліямъ, и легковѣрный народъ величаетъ ихъ именемъ *Девадази*, чтобъ отличить ихъ отъ другихъ дѣвъ, которыя танцуютъ въ пагодахъ передъ идолами, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, но которыя, по образу жизни своей, не пользуются слишкомъ хорошею репутаціею; онѣ извѣстны у насъ подъ названіемъ баядерокъ; Девадази же, напротивъ, посвящены служенію самому храму: онѣ хранятъ священный огонь и смотрятъ за чистотой и порядкомъ пагодъ, куда могутъ входить только одни жрецы. Въ торжественныхъ случаяхъ, онѣ сопровождаютъ пѣніемъ и танцами богослуженіе. Онѣ живутъ въ бамбуковыхъ домикахъ, построенныхъ вокругъ храма, часто посреди многочисленнаго народонаселенія, и между тѣмъ въ самомъ строгомъ затворничествѣ; онѣ не принимаютъ никого изъ мужчинъ и, благодаря ревнивому надзору браминовъ, скрываются даже отъ взоровъ ихъ, особенно европейцевъ. Правила касты этой предписываютъ девадазіямъ избѣгать европейцевъ и даже презирать ихъ; и бѣда той, которая преступитъ этотъ законъ, или даже навлечетъ на себя хотя малѣйшее подозрѣніе. Виновою сжигаютъ тогда на костръ и она становится добычей Азурасовъ или злыхъ духовъ, а по прошествіи тысячи лѣтъ душа ея осуждается на земное житіе; она воскресаетъ и переходитъ въ тѣло презрѣннаго парія.

Праздникъ этотъ особенно занималъ офицеровъ нашего полка, потому что это былъ почти единственный случай, когда можно было видѣть таинства индусское богослуженіе, въ которомъ заключается до трехъ сотъ тридцати трехъ мильоновъ *деитасовъ* или боговъ, и въ процессіяхъ которой часто видишь смѣсь и смѣшного и, въ то же время, ужаснаго.

Но ожидаемый праздникъ казался намъ, молодымъ офицерамъ, особенно занимательнымъ и даже привлекательнымъ, потому что въ этотъ день, Амани, молодая, прекрасная, пятнадцати-лѣтняя дѣвушка, краса и чудо Транкебара, должна была бракосочетаться съ богомъ Перумала, и какъ юнѣйшая изъ *девадази* быть принята на служеніе въ пагодѣ.

Амани была дочь богатаго штарія, а каста штаріевъ, надо вамъ сказать, первая и важнѣйшая послѣ касты браминовъ, потому что, судя по сказаніямъ, она вышла изъ рукъ бога Браммы.

Отецъ Амани былъ первѣйшій и богатѣйшій купецъ города. Онъ обладалъ огромными сокровищами и несметнымъ числомъ анбаровъ и магазиновъ, и между земляками своими и европейцами слылъ за честнѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго человѣка; брамины ставили его всемъ въ примѣръ.

Причина, по которой штарія жертвовалъ дочерью своею и посвящалъ ее храму, была тоже весьма странна и совершенно согласовалась съ суевѣріемъ индусовъ. Двое сыновей его отравились въ путь и были настигнуты Тугсами, которые по кровожадности своей удушили ихъ. Несчастнѣйшій отецъ, лишенный радости жизни, вообразилъ, что это знакъ гнѣва небснаго, потому что жестокая секта тугсовъ слыветъ у вѣрныхъ индѣйцевъ за карающее орудіе Шивы, бога истребителя. Смерть сыновей казалась бѣдному старику предзнаменованіемъ свыше и повелѣніемъ посвятить дочь свою, самую меньшую и любимѣйшую изъ всѣхъ дѣтей, въ званіе жрицы, дабы жертвою этою предохранить остальныхъ дѣтей своихъ отъ всѣхъ ожидаемыхъ имъ несчастій. Нельзя сказать достоверно, какимъ именно образомъ содѣйствовали хитрые брамины этому рѣшенію; но какъ глаза ихъ разгорѣлись и, на прелести Амани, и на сокровища отца ея, то они употребляли все свое вліяніе на старика, чтобъ вырвать у него дѣвушку и, вмѣстѣ съ нею, часть сокровищъ, которыя, какъ приданое Амани, сдѣлаются собственностью храма.

Что бы тамъ ни было, но въ день праздника богини Пуруша, къ храму которой стекался народъ со всѣхъ сторонъ, даже изъ самыхъ отдаленныхъ индусскихъ странъ, прекрасная Амани должна была произнести обѣтъ *Девадазій*, и въ то же время танцовать, въ первый разъ, передъ народомъ.

По особенной милости верховнаго жреца, намъ, офицерамъ, позволено было, послѣ окончанія главнѣйшихъ обрядовъ, посмотреть на процессію и на танцы баядерокъ, но при дворѣ храма. Благоразумному и умѣренному правленію нашего датскаго правительства мы обязаны тѣмъ, что жители индусскихъ колоній нашихъ гораздо благосклоннѣе къ намъ, чѣмъ къ англичанамъ и французамъ жители ихъ колоній. Мѣрами кротости мы пріобрѣли повемножку въ Индіи гораздо болѣе вліянія на характеръ и мысли народа, чѣмъ соперники наши, которые

кровопролитіемъ и жестокою политикою возстановили противъ себя всѣхъ безъ исключенія; между тѣмъ, какъ народы, подвластные датской коронѣ, почти не чувствуютъ разницы, существующей между побѣдителями и побѣжденными, и не изнемогаютъ, какъ у англичанъ и французовъ, подъ иноземнымъ гнетомъ, отъ котораго мало-по-малу гибнутъ, проклиная своихъ притѣснителей. Съ самаго утра и до вечера продолжались религиозные обряды. Только по окончаніи ихъ насъ впустили на обширный дворъ предъ пагодою, но тамъ было уже множество народа. По лѣвую сторону жертвенника, надъ балдахиномъ, убраннымъ цвѣтами и дорогими матеріями, были приготовлены мѣста для губернатора и для насъ, офицеровъ его свиты. Все индійское народонаселеніе Транкебара и его окрестностей собралось на это пространство, до тѣхъ обширное, что оно могло легко помѣстить еще втрое больше зрителей. Безчисленное множество разноцвѣтныхъ лампадъ, висящихъ на бамбуковыхъ шестахъ, горѣло кругомъ жертвенника; лампы эти, разливая волшебный свѣтъ, освѣщали ослѣпительными лучами пространство, осыпанное серебромъ, предназначеннымъ для танцовщицъ. Позади и передъ самымъ преддверіемъ храма возвышался жертвенникъ, украшенный напроскошнѣйшими цвѣтами Индіи, такими цвѣтами, о которыхъ мы не имѣемъ даже и малѣйшаго понятія. Это было великолѣпное зрѣлище свѣта и красокъ; воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ цвѣтовъ и фиміама. Юные брамины, одѣтые съ ногъ до головы въ бѣлое и подпоясанные вышитыми серебромъ шарфами, стояли неподвижно въ полукругѣ кругомъ жертвенника, держа въ рукахъ бѣлые посохи, на оконечности которыхъ привязано было по лотосу голубому, цвѣтку чудной красоты и запаха.

Въ толпѣ зрителей царствовало глубочайшее молчаніе; только по временамъ изънутри храма слышалось тихое священное пѣніе жрецовъ, къ которому, послѣ непродолжительныхъ паузъ, присоединялись заунывные голоса баядерокъ, чтобы высокими звуками этими приготовить присутствующихъ къ священнымъ танцамъ.

Громкая музыка цимбалъ, трубъ и барабановъ извѣстила о приближеніи верховнаго жреца и жрецовъ, подвластныхъ ему; черезъ нѣсколько минутъ потянулось торжественное шествіе браминовъ, облеченныхъ въ самое богатое одѣяніе; они шли за Ромалингамомъ, своимъ начальникомъ, длинная и сѣдая борода котораго представляла странную противоположность съ олив-

ковымъ цветомъ его почтеннаго лица. Лобъ его былъ разрисованъ синими и бѣлыми штрихами—символическими знаками его верховнаго сана; онъ несъ передъ самою грудью блестящій ножъ, ножъ жертвъ, древнѣй аттрибутъ верховнаго индусскаго жреца; онъ висѣлъ у него на лентѣ, вышитой жемчугомъ и былъ украшенъ цвѣтами.

Жрецы стали по обѣимъ сторонамъ жертвенника, а музыканты сзади его. Вскорѣ потомъ явилось пятнадцать баядерокъ, самой рѣдкой красоты, выбранныхъ изъ числа женщинъ, посвященныхъ храму; это были юныя, восхитительныя Сильфиды, которыя могли ослѣпить даже избалованные глаза европейца, привыкшаго къ блеску модныхъ светскихъ салоновъ. Ни одной не было старше пятнадцати лѣтъ, а младшей было лѣтъ десять можетъ быть, а между тѣмъ все эти лица выражали умъ и достоинство и даже ни однимъ взглядомъ не измѣнили себѣ, ловко скрывая кокетство—принадлежность своего званія. Фантастическій нарядъ еще болѣе возвышалъ эффектъ ихъ появленія, и былъ столько же роскошенъ, какъ и живописенъ. Золотой поясъ стягивалъ ихъ стройный и гибкій станъ, бѣлая шаль змѣилась около плечъ, оставляя тамъ и сямъ скважины, сквозь которыя выглядывала золотистая, глянцовитая, какъ атласъ, кожа красавиць. На головахъ баядерокъ была надѣта золотая сѣточка, а на сѣточкѣ висѣла семиглавая змѣя—священный знакъ девадазій. Руки ихъ были украшены браслетами и испещрены синими штрихами, а уши, губы и ноздри — маленькими золотыми кольцами. Черные, матовые волосы, раздѣленные на двое, падали по плечамъ въ двѣ косы, на оконечности которыхъ привязаны были бусы изъ колокольчиковъ: сверхъ сѣтки, на лбу сіяла золотая діадема, ослѣпляющая блескомъ своихъ драгоценныхъ каменьевъ. На шеѣ было какое-то украшеніе въ видѣ сердца, символа любви. Баядерки были тщательно закрыты; плечи ихъ скрывались подъ толстою парчею, а длинное бѣлое покрывало, вышитое серебромъ, окутывало ихъ съ головы до ногъ, придавая всей особѣ какую-то таинственность, исполненную прелести и граціи; бѣлое шелковое трико, натянутое на все тѣло, доходило до самой ступни смуглыхъ маленькихъ ножекъ, на нѣсколькихъ пальцахъ которыхъ были золотыя колечки. Черные бархатные глаза освѣщали эти бронзоваго цвѣта лица, которыя горѣли огнемъ страсти и между тѣмъ выражали тихое спокойствіе и невыразимую кротость восточныхъ женщинъ.

Ставъ передъ жертвенникомъ, онъ поклонился до земли, но не сгибая колѣнъ и стоя совершенно прямо, а между тѣмъ головы ихъ соединились съ ногами; поднимаясь съ приложенными ко лбу обѣими руками, онъ сопровождали поклонъ этотъ пріятною улыбкою и миганьемъ глазъ. Тогда начались танцы, которые почти можно сравнить съ нашими нѣмецкими танцами.. какъ Индію съ Германіей. Баядерки танцуютъ не только ногами, но всѣмъ тѣломъ: руки, голова, а особенно глаза слѣдуютъ съ удивительною вѣрностью и быстротою за движеніемъ или, скорѣе, за вихремъ танца. Всѣ жесты ихъ—грація и поэзія; весь религіозный фанатизмъ этого народа выражается танцами, и въ каждомъ танцѣ отдѣльно заключается своя собственная поэма, высокая, героическая пѣснь любви. Танцуя подъ звуки самой монотонной музыки, баядерки сообщаютъ счастливымъ музыкантамъ тактъ, жизнь и огонь, (между тѣмъ, какъ слѣдовало бы совсѣмъ на оборотъ) и восхищаютъ зрителей невыразимой прелестью своихъ движеній. Онъ выражаютъ страсти, которыя мы чувствуемъ, и въ это время какой-то бредъ, безуміе охватываютъ юныхъ жрицъ и всѣхъ, кто на нихъ смотритъ, особенно, когда онъ порхаютъ и кружатся въ самомъ тѣсномъ кружку, когда онъ прискакиваютъ, и ноги ихъ, касаясь земли, отпрыгиваютъ съ неимоверною силою и быстротою, когда руки мечутся въ изступленіи, а глаза горятъ страстью и ротъ раскрывается, какъ будто изъ него готовъ вырваться вопль любви и отчаянія. Хочется закрыть глаза, чтобъ избавиться отъ головокруженія и замиранія сердца, а между тѣмъ, все смотришь на эти очаровательные изгибы стана, сплетенія рукъ, покачиванья головъ и увлекаешься сердцемъ и взоромъ до того, что остаешься въ оцѣпенѣніи, или, скорѣе, въ изнеможеніи, подъ вліяніемъ самаго страннаго впечатлѣнія. Этотъ непонятный, бурный, страстный танецъ выражаетъ и сладострастіе, и дѣвственную стыдливость; это смѣсь очаровательнаго кокетства и невинной скромности, простодушія, фанатической ярости и нѣжнаго заигрыванья; однимъ словомъ—тутъ цѣлая исторія челоувческаго сердца, со всеми его ощущеніями, сочувствіями и склонностями. Въ тотъ вечеръ танцовали *малану*, что значитъ «чудесный танецъ». Это что-то въ родѣ кадрили, со множествомъ пантомимъ,—со смѣхомъ, вздохами и взглядами неимоверно выразительными, то грустными, то страстными и нѣжными, то кокетливыми и насмѣшливыми,—однимъ словомъ, глазамъ тутъ много дѣла: иногда грустное, тихое пѣніе вылетаетъ изъ устъ баяде-

рокъ, подобное тому пѣнію, какое раздается ночью внутри храма; между тѣмъ взгляды ихъ становятся все свѣтлѣе, блестяще, живѣе; глаза выкатываются, рыщутъ всюду, какъ въ безуміи; каждый мускуль, каждая жилка дрожитъ какъ въ лихорадкѣ; можно подумать, что все тѣло превратилось въ жидкость, въ паръ, который готовъ унесться на воздухъ. Иногда танецъ этотъ чрезвычайно смѣшонъ, а иногда выражаетъ томленіе любви, презрѣніе или насмѣшку, но всегда полонъ жизни, огня, страсти. Вдругъ, посреди такого изумительнаго зрѣлища, слышенъ стукъ кастаньетокъ, а за нимъ пронзительный крикъ, какъ будто душа отрывалась отъ своей земной оболочки и Перумала уносилъ ее въ свое подземное и мрачное царство... Вдругъ изъ храма выбѣгаетъ блѣдная, растрепанная дѣвушка, со всеми признаками псуга и отчаянія. Это Амани, новобрачная супруга бога Перумала. На бѣгу нѣсколько разъ Амани оборачиваетъ голову назадъ, какъ будто невидимый врагъ преслѣдуетъ ее; потомъ снова бѣжитъ, стараясь найти пристанище у жертвенника, который обѣгаетъ три раза и наконецъ падаетъ въ изнеможеніи на послѣднюю ступеньку возвышенія, простирая руки къ баядеркамъ и умоляя ихъ о помощи, чтобъ онѣ защитили ее—бѣдную, безиріотную, спасли отъ ужаснаго бога, отъ котораго ей, впрочемъ, нѣтъ спасенія! Баядерки, при видѣ дѣвушки, окаменѣли отъ ужаса; онѣ хотятъ тоже бѣжать — напрасное усиліе! Невидимая сила какъ будто приковала ихъ къ землѣ, а между тѣмъ тащить ихъ почти насильно къ Амани, если не для того, чтобъ спасти ее, такъ хоть для того, чтобъ по-крайней-мѣрѣ скрыть несчастную отъ глазъ ужаснаго ея супруга.

Кто видитъ въ первый разъ эту живую игру пантомимы, съ трудомъ вѣрять, что это ничто иное, какъ церемонія, предписанная закономъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ при посвященіи девадази. Но появленіе Амани приковало все взоры, больше еще, чѣмъ эта патетическая, потрясающая сцена, особенно мы, офицеры, только и смотрѣли на нее, потому что красота ея, почти сверхъестественная, затмѣвала все окружающее. По истинѣ, Перумала долженъ былъ гордиться такою невѣстою, и не мудрено, что теряя всякое самолюбіе, хотѣлъ обладать Амани, даже противъ ея воли. Грѣшныя мысли, въ такомъ мѣствѣ, не могли придти въ голову индѣйцевъ, а между тѣмъ, замѣтно было, что видѣ Амани смущалъ сердца ихъ и что они по неволѣ восхищались ею. Не могу въ подробности описать вамъ

эту чудную девадази; но для этого достаточно будетъ сказать, что послѣ многихъ долгихъ лѣтъ, я не могу вспомнить безъ особеннаго сердечнаго трепета объ этомъ прелестномъ существѣ, которое какъ будто олицетворяло собою индѣйскую поэзію, поэзію, которая такъ сказать осуществлялась въ Аmani, въ своемъ неописанномъ очарованіи и глубокой своей меланхоліи.

И потому, очень натурально, что Перумала вовсе не желалъ отказываться отъ своей прекрасной невесты, которую посвящали ему на служеніе; слѣдовательно, зоркій глазъ его скоро открылъ ее, не смотря на множество покрываль, которыми баядерки старались прикрыть ее.

Церемонія эта скрывала Аmani отъ глазъ нашихъ... вдругъ, по знаку, данному музыкой, баядерки разступились, и новобрачная девадазія, какъ будто отъ прикосновенія волшебной силы, представилась глазамъ нашимъ превращенною въ жрицу, въ богатомъ одѣяніи девадазій. Европейцы, не ожидавшіе такого превращенія, встрѣтили ее крикомъ восторга. Тогда жрецы запѣли кантату въ честь праздника; это была совершенно оригинальная мелодія, составленная только изъ нѣсколькихъ нотъ; во время пѣнія ихъ, верховный жрецъ надѣлъ на шею новобрачной эмблему любви, украшеніе въ видѣ сердца, то самое, о которомъ я вамъ уже говорилъ. Обрядомъ этимъ онъ соединялъ неразрывными узами Аmani съ богомъ Перумала.

Танцы снова начались; баядерки подбѣжали къ Аmani, стоящей у жертвенника, и увлекли съ собою. Это былъ «танецъ невесты», въ которомъ новая девадази явилась въ первый разъ, какъ танцовка храма, взорамъ жрецовъ и народа; Аmani танцевала соло, а остальные баядерки составляли только хоръ, и разнообразными группами содѣйствовали къ выраженію смысла пантомимы. Аmani, какъ красотой, такъ и танцами, затмила всѣхъ своихъ соперницъ, восхитила все собраніе граціей своей и удивительной легкостью и быстротой, и, право, заслуживала названіе «дѣвы воздуха», какъ называютъ баядерокъ; она почти не касалась земли, и только мелодическій звукъ серебряныхъ бубенчиковъ, нашитыхъ на ея платье, напоминалъ, что она создана не изъ воздуха, а такой же человекъ, какъ и всѣ мы грѣшныя.

— Я описалъ вамъ праздникъ Перумалы, и возвращаюсь теперь къ моему разсказу, въ которомъ, какъ вы должны ожидать, прекрасная Аmani играетъ важнѣйшую роль.

Маіоръ замолчалъ, какъ будто хотѣлъ подавить сильное движеніе сердца; потомъ началъ рассказывать своимъ внимательнымъ слушателямъ слѣдующее происшествіе во время пребыванія своего въ Индіи.

— Приказъ короля, смѣнявшій Транкебарскій гарнизонъ, призывалъ насъ наконецъ, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, въ Европу. При полученіи этого извѣстія мы всѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты, были въ восторгѣ и ждали съ невыразимымъ нетерпѣніемъ приплывтія фрегата *Медеи*, который везъ въ колонію новыя полки изъ Даніи. Одинъ изъ товарищей нашихъ, поручикъ артилеріи Асманъ, любезный, благородный юноша, не принималъ участія въ общей радости. Бывало, онъ смѣшилъ насъ своими выходками и смылъ за перваго весельчака во всемъ полку; теперь онъ ходилъ повѣся носъ, точно въ воду опущенный, въ какой-то непонятной безнадежности, такъ, что товарищи начали подозрѣвать и дразнить его, говоря, что вѣроятно есть какая-нибудь тайная причина, что онъ не такъ радъ, какъ мы всѣ остальные, вѣхать на родину. Во избѣжаніе насмѣшекъ, онъ пересталъ показываться въ веселомъ кружку друзей своихъ и сдѣлался для насъ совершенной загадкой.

Только одному изъ насъ онъ повѣрилъ свою тайну, и этотъ одинъ передаетъ вамъ теперь рассказъ его.

Амани зажгла, въ день праздника, сердце молодаго офицера огнемъ любви, самой страстной и безиредельной, и съ-тѣхъ-поръ онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ только объ обладаніи юной жрицей. Будучи увѣренъ въ невозможности успѣха, еслибъ даже Амани и отвѣчала любви его, онъ напрасно боролся съ своею страстью и повторялъ себѣ ежеминутно, что Амани погибла для него, что ни одинъ смертный не попіралъ безнаказанно неумолимаго закона древняго фанатизма индуеской религіи, а между тѣмъ онъ все любилъ, да какъ еще! Къ тому-жъ, хитрые и ревнивые жрецы хранили этотъ драгоценный перлъ и многіе изъ нихъ, вѣроятно, желали въ тайнѣ сердца обладать чудной девадазіей, потому что дѣвы храма, не смотря на замужство свое съ Перумалой, могутъ выходить за браминовъ.

Не взирая на всѣ препятствія и опасности, другъ мой Асманъ предпринялъ смѣлое предпріятіе и, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, успѣлъ наконецъ подойти къ Амани такъ, что никто не видалъ, и открыться ей въ любви своей. Онъ нашелъ дорогу къ ея домику, и какъ ни была она испугана появленіемъ Асмана,

однако не могла противостоять мольбамъ любви такого прекраснаго и смѣлаго обожателя, который, чтобъ увидѣть ее только, жертвовалъ своею жизнію. Какъ женщина, она забывала о себѣ, а видѣла только его неустранимость, которою плѣнилась.

Хотя Аmani не читала ни Вертера, ни Новой Элоизы, однако не уступала имъ въ восторженности, и сердце ея до того было преисполнено страсти, что, не смотря на страшную опасность, она рѣшилась, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, бѣжать съ другомъ своимъ въ Европу, гдѣ власть брамы и жрецовъ не могли достигнуть ее. Въ ожиданіи роковаго костра, если намѣреніе ея будетъ открыто прежде времени, она связала для любимца своего обручальный букетъ изъ душистыхъ цвѣтовъ навопона и налла-мольла: этою эмблемою индіанка передаетъ себя избранному своего сердца; и, отдавъ себя покровительству Гиннареси, генія музыки, они каждый вечеръ пѣли подѣ окномъ своей казы, тѣ тихіе гимны любви, которыми девадази возсылаютъ ночью молитвы свѣтлой звѣздѣ и выражаютъ ей дѣвственную любовь свою. По волшебному этому сигналу, счастливый Асманъ приближался, и подѣ пруда, въ которомъ отражалось трепещущее сіяніе луны, подѣ вѣтвями ароматныхъ деревьевъ, онъ упивался съ устъ Аmani пылающей *амритой*, напитокомъ вѣчной, безсмертной любви, между тѣмъ, какъ изъ-подѣ вечернихъ облаковъ вылетали птички и изливали на главу влюбленныхъ нѣжные и страстные звуки своихъ пѣсень, нашептывая по временамъ юному воину о далекихъ берегахъ Балтики и о милой сердцу Даніи.

Я испугался, когда Асманъ повѣрилъ мнѣ тайну любви своей и описалъ съ упоеніемъ свое счастье; я зналъ ревность и бдительность браминовъ, и помнилъ два подобные случая, гдѣ ихъ ревностный фанатизмъ осудилъ и казнилъ несчастныхъ жертвъ любви. Не одной Аmani угрожала опасность, если бы открылась ихъ связь; я предупредилъ друга и умолялъ его быть какъ можно осторожнѣе. Онъ обещалъ; но дѣйствія его не соответствовали обещанію: Асманъ, обезумленный любовью, мало того, что продолжалъ видаться съ девадазійей у пруда, но осмѣлился даже проникнуть во внутренность канища въ тѣ ночи, когда Аmani стерегла священныи огонь. И все это происходило въ странѣ, гдѣ коварный Тугъ никогда не выпускаетъ изъ рукъ своихъ назначенной имъ жертвы; гдѣ ужасный Фансегоръ, слѣдуя и покоряясь закону, признанному и уважаемому всеми по-

клодникками брамы, задушаетъ врага своего. Молодой человекъ презиралъ религію, въ которой все считается божествомъ, исключая самого Бога; которая, мало того, что терпѣть, но даже приняла и установила въ числѣ догматовъ своихъ убійство, грабежъ и всевозможные пороки. Асманъ вторгался въ самое капище, куда ни одинъ христіанинъ не осмѣлился войти до него, и куда даже сами индусы не имѣютъ права входить, если не посвященъ въ званіе жреца. Индійскія пагоды престранной архитектуры и преогромнѣйшихъ размѣровъ; штили всѣхъ архитектуръ собраны вмѣстѣ: подлѣ статуи греческаго рѣзца вы видите самыхъ чудовищныхъ, самыхъ безобразныхъ идоловъ древняго вѣроповѣданія; фиміамъ, курящійся на жертвенникахъ, до того силенъ, что по нѣсколькимъ мѣсяцевъ запахъ его остается въ волосахъ и одеждѣ жертвоприносителей; сверхъ того, они вѣшаютъ вѣнки передъ ужасными каменными страшилищами, сидящими на гигантскихъ слонахъ, тоже каменныхъ.

Жертвенникъ Перумалы, у котораго Амани должна была стоять черезъ четыре ночи на пятую, возвышался съ южной стороны пагоды, и былъ ея главнымъ и великолѣпнѣйшимъ украшеніемъ. Луна освѣщала пространные широкіе дворы, блестящіе мраморомъ; узкая дверь, охраняемая двумя каменными львами, вела подъ огромный сводъ, а оттуда въ длинный коридоръ, потолокъ котораго держался на мраморныхъ колоннахъ чудной работы, украшенныхъ несметнымъ множествомъ эмблемъ самаго тонкаго и изящнаго рѣзца. Въ глубинѣ шумѣлъ фонтанъ, котораго вода стекала въ огромный бассейнъ, окруженный каменными изображеніями самаго страшнаго вида и гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ мрачномъ капищѣ, центрѣ ужаса и красоты, собирались въ торжественные дни баядерки и праздновали ихъ танцами и пѣніемъ; въ немъ также, въ древнія времена, свершались жертвы, приносились на закланіе люди; тутъ наконецъ жрецы, первые метафизики міра, размышляли надъ загадкой: «*быть или не быть*», надъ словомъ «*я или не я*». Тутъ однимъ словомъ кипѣли все страсти, волновались сердца различными чувствами: сладострастіе, честолюбіе, убійство, ревность, мудрость, любовь и добродѣтель освятили это ужасное мѣсто.

Со стороны озера возвышался жертвенникъ, на которомъ стояло мраморное изображеніе бога; голова статуи была также прекрасна, какъ голова Аполлона, а черты лица такъ тонки и выразительны, что статую эту можно было бы принять за са-

мый чистѣйшій идеаль Фидіаса, еслибъ у нея не было пятнадцати рукъ на тройномъ туловищѣ, кончающемся ужаснымъ множествомъ бронзовыхъ хвостовъ змѣй и ящерицъ.

Это былъ супругъ прекрасной Амани, супругъ, которому она измѣняла, а между тѣмъ безпрестанно должна была поддерживать на четырехугольномъ черномъ камнѣ священный огонь; камень этотъ, символъ вѣрности, называется Деважанья. Амани обязана была подливать кокосовое масло на дрова изъ Гупальскихъ лѣсовъ, которые, разгораясь, отбрасывали красноватое пламя; ей следовало также опрыскивать камень со всѣхъ четырехъ сторонъ водою изъ ближайшаго озера, и три раза, въ продолженіе ночи, бросать на костеръ фиміамъ, одуряющій каждаго, а между тѣмъ индійцы переносятъ его. Своды, корридоръ и даже наружная часть капища наполнены опьяняющимъ запахомъ камфоры, которая до того вливается въ волосы и платье, что издали и даже на воздухъ чувствуешь приближеніе жреца.

Но смѣлый Асманъ проникалъ въ самый центръ капища и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ тихой бесѣдѣ возлѣ своей Амани, подъ тѣнью гигантской колесницы идола, какъ бы подъ тѣнью яминовъ, миртъ и кипарисовъ.

Намѣреніе бѣжать еще разъ было обдуманно и рѣшено, и Асманъ приготовлялъ уже все къ отъезду и предупредилъ даже губернатора, что немедленно по прибытіи *Меден*, Амани привезутъ на пароходъ, гдѣ и скроютъ ее до отплытія въ Европу. Губернаторъ и мы все приняли самыя предусмотрительныя мѣры осторожности, такъ, что влюбленные только и думали, только и говорили о своемъ будущемъ блаженствѣ.

Наконецъ пушки форта отсалютовали давно - ожидаемый фрегатъ; полки высадили на берегъ, и начались пиры и праздники, даваемые военными и жителями города въ честь новоприпльвшихъ. Одинъ богатый браминъ, потомокъ тандшурскихъ царей, по имени Лаосъ, которому датское правительство весьма часто давало разныя важныя порученія, когда имѣло дѣла съ индійскими сосѣдними князьями, желая доказать привязанность свою къ европейцамъ, приготовилъ въ честь отъѣзжающихъ офицеровъ прощальный пиръ въ загородномъ своемъ домѣ, построенномъ на берегу моря, въ европейскомъ вкусѣ. Важнѣйшіе сановники и первые богачи города были приглашены на праздникъ. Это было наканунѣ роковаго дня, когда Амани, пользуясь темнотою, должна была бѣжать въ

матросскомъ платьѣ на пароходъ Меден. Друзья Асмана знали теперь его намѣренія и поздравляли, что онъ умѣлъ завоевать этотъ чудный цвѣтокъ Индіи. Романическая сторона этого происшествія на чужой и отдаленной отъ обыкновеннаго міра сторонѣ, столь обильной чудесами, имѣла свою прелесть и привлекательность; такъ, что весь, кому была извѣстна тайна, хотѣли играть въ ней какую-нибудь роль. Асманъ, обожаемый товарищами, могъ, въ случаѣ нужды, располагать всѣми нами, и, разумѣется, что всѣ повѣренные его не заикнулись даже, что знаютъ что-нибудь и свято хранили его тайну; но самъ Асманъ, въ ожиданіи рѣшительнаго часа, терялъ голову отъ восторга и, вѣроятно, измѣнилъ самъ себя какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ или движеніемъ. Иные увѣряли, будто жрецы давно уже знали о его замыслахъ; казалось страннымъ, что ни одинъ браминъ не явился на пиръ къ Лаосу; однимъ словомъ, къ концу ужина, продолжавшагося почти всю ночь, когда индійскіе жонглеры готовы были начать свои фокусы, пришли сказать, что погода горитъ. И въ самомъ дѣлѣ, густое пламя вилось столбомъ изъ внутренности храма, но не было видно настоящаго пожара, только нѣсколько искръ летало въ дымѣ. Пока индійцы и самъ хозяинъ дома спѣшили въ испугъ и безпокойствѣ въ городъ, мы, офицеры, оставались въ загородномъ его домѣ и съ возвышеннаго берега смотрѣли на огонь, не понимая, что бы это могло быть, потому что храмъ стоялъ невредимъ, а между тѣмъ внутри его горѣло. Вдругъ посреди безмолвія и тишины ночи, до слуха нашего долетѣло странное пѣніе: какіе-то дикіе звуки человѣческихъ голосовъ, сопровождаемые погребальною музыкаю, привлекли все наше вниманіе; и намъ показалось, что инструменты были заглушены чѣмъ-то, какъ будто вопли и стоны носились въ воздухѣ и, гонимые вѣтромъ, летѣли въ нашу сторону; а между тѣмъ все угасло и не было видимой опасности пожара... Вдругъ вбѣгаетъ въ поныхахъ посланный отъ губернатора; онъ пріѣхалъ прямо изъ города и разсказалъ намъ, что въ Транкабарѣ случилась вещь ужасная и что весь городъ въ смятеніи. Фанатики брамины сожгли молодую жрицу бога Перумалы. Они такъ скоро и такъ тайно совершили казнь эту, освященную ихъ религію, но строго-на-строго запрещенную правительствомъ, что въ городѣ тогда только узнали объ этомъ, когда увидѣли дымъ и услышали похоронное пѣніе жрецовъ.

Можете вообразить, каковъ былъ нашъ ужасъ при мысли объ Амани, которая перенесла это страшное мученіе. Асманъ рвалъ на себѣ волосы и въ порывѣ горя хотѣлъ броситься въ море; мы удержали его, говоря, что, можетъ быть, Амани жива еще, что, можетъ быть, не ее сожгли, а другую какую-нибудь жрицу Перумалы, которыхъ было пять, потому что Амани дежурила черезъ четыре ночи на пятую. Мы бросились съ нимъ въ городъ. Все народонаселеніе Транкебара было готово къ вооруженію, для защиты капищъ родины своей противъ европейцевъ, которыхъ индійцы подозрѣвали въ намѣреніи ниспровергнуть ихъ. Предусмотрительностью и осторожностью своею губернаторъ отвлекъ опасность: онъ не сталъ справляться, не посылалъ за свѣдѣніями о томъ, что случилось и на этотъ разъ оставилъ безъ наказанія ихъ суевѣріе. Не совсѣмъ выгодное политическое положеніе наше въ колоніи не позволяло бороться намъ съ успѣхомъ противъ фанатизма жрецовъ; слѣдовательно, надо было притвориться, будто мы ничего не знаемъ и оставить до болѣе удобнаго случая наказаніе этого варварскаго дѣйствія. Между тѣмъ, даже въ англійскихъ владѣніяхъ, вліяніе образованія не достигло еще до искорененія кровавыхъ обрядовъ язычества, потому что страшная церемонія, *сутти*, во время которой сжигаютъ женъ послѣ смерти мужей ихъ, существуетъ еще и донинѣ, и доказываетъ, какъ силенъ еще варварскій фанатизмъ индійцевъ.

Страхъ нашъ на счетъ Амани былъ подтвержденъ на другой же день слухами, что младшая изъ девадазіей погибла на кострѣ въ ужасныхъ мученіяхъ. Мы не могли узнать, за что пменно казнили ее. Но мы должны были скоро удостовѣриться въ ужасной истинѣ, что Асманъ былъ причиною смерти своей возлюбленной. Жрецы узнали любовь юной жрицы къ датскому воину и прекратили ее съ жизнію бѣдной дѣвушки. Вотъ заключеніе таинственной и страшной исторіи любви индіанки.

Какъ только Асманъ узналъ о смерти Амани, погибшей отъ любви его, то жизнь опротивѣла ему и онъ впалъ въ мрачную меланхолію, отвергая всякое утѣшеніе дружбы и не принимая никакой предосторожности противъ мщенія жрецовъ, отъ которыхъ погибли уже многіе европейцы. Газета Калькуты извѣщала недавно передъ тѣмъ, что одинъ молодой испанецъ былъ задушенъ неизвѣстно кѣмъ за связь свою съ баядеркой. Страшные тугсы, ревностные жрецы богини Кали, врага и истребитель-

ницы человечества, наводили смертоубійствами своими, по наущенію и даже по приказанію браминовъ, ужась на всю Индію. Горе тому, кого они избирали своею жертвою! жертва эта исчезала съ лица земли, не оставляя по себѣ ни малѣйшаго слѣда, потому что кровожадная секта эта въ совершенствѣ знаетъ свое чудовищное ремесло, за которое брамины платятъ ей большія деньги.

По всему вѣроятію, Асманъ погибъ отъ руки тугсовъ: иначе это и объяснить нельзя, потому что онъ внезапно и неизвѣстно куда исчезъ. Не смотря на всѣ наши поиски, мы не нашли даже малѣйшихъ слѣдовъ его.

Однажды вечеромъ онъ вышелъ изъ дому и пошелъ въ крѣпость; но въ крѣпость не приходилъ и домой не возвращался. Фансегаръ шелъ за его тѣню, говорятъ индійцы о человѣкѣ, который внезапно исчезаетъ и слѣдовъ котораго невозможно найти; тогда, по древнему обычаю, родственники усопшаго ходятъ въ храмъ Виндешулы и молятся тамъ трое сутокъ за душу погибшаго и его убійцы.

IX.

Мы уже сказали, что съ самаго прихода барона въ трактиръ Высшаго Общества, гдѣ онъ познакомился съ артистами, онъ приобрѣлъ всеобщую благосклонность, не смотря на строгое сужденіе о немъ Экгофа. Въ дружескомъ кружку доктора Унцера его тоже очень полюбили, и съ перваго визита онъ произвелъ на старушку совѣтницу весьма благопріятное впечатлѣніе, такъ, что Зильбургъ, пріятною своею наружностью успѣлъ разогнать смутныя подозрѣнія, происходящія отъ различныхъ толковъ, которые доходили до нея о прошлой его жизни. Г-жа Унцеръ не поддавалась однако своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, и прежде, чѣмъ сдружиться съ нимъ, наводила справки, стараясь узнать, черезъ своихъ знакомыхъ, что-нибудь положительное на счетъ Зильбурга, а главное—о сношеніяхъ его съ графинею Линденскронъ. Старушкѣ было легко узнать, потому что дружескія связи ея съ людьми вліятельными, знающими всѣхъ и все, доставляли ей всѣ нужныя для этого свѣдѣнія, и свѣдѣнія всегда достоверныя. Не одна честь ея дома заставляла ее справляться, что такое былъ баронъ: ей хотѣ-

лось знать чувства и характеръ этого чловѣка, потому что онъ ей очень нравился, и она льстила себя надеждою, что баронъ можетъ придать ей собраніямъ новую жизнь, новый свѣтъ.

Къ великой радости совѣтницы, всѣ справки оказались удовлетворительными; даже всѣ соотечественники барона, проживающіе въ Гамбургѣ, относились съ уваженіемъ о немъ и его характерѣ. Оставалось еще что-то не совсѣмъ ясное на счетъ отношеній его къ графинѣ Линденскронъ. Совѣтница узнала только, что послѣ смерти графа, молодая его вдова удалилась въ свой помѣстья, находящійся въ Гольштейнѣ, и что, по всему вѣроятію, проведетъ тамъ и зиму. Г-жа Унцеръ узнала еще, что ненависть графа къ Зильбургу была ни что иное, какъ выдумка, что баронъ оставался до послѣдней минуты у постели умирающаго, къ которому имѣлъ сильную привязанность.

— Вотъ каковъ свѣтъ! поди, върь ему! говорила старушка, досадуя на себя, что могла выслушивать такую клевету. Милый, честный Зильбургъ! Довольно посмотреть на его прекрасное, открытое лицо, на чистосердечное его выраженіе, чтобъ догадаться, что у него тоже должны быть враги: это участь всѣхъ честныхъ людей. Но что хотите говорите злые языки Гамбурга, какъ ни клеветите на этого благороднаго чловѣка, а онъ все-таки будетъ другомъ моего дома.

Старушкѣ доложили, что пришелъ старый негръ Олафъ: онъ принесъ госпожѣ Унцеръ отъ господина своего разныя индійскія рѣдкости и между прочимъ полную одежду баядерки изъ самой тончайшей шелковой ткани, вышитой серебромъ; на кушакѣ было написано золотомъ одно изъ правилъ закона Брамъ, а аграфъ, выточенный изъ прозрачнаго голубаго камня въ видѣ камелин, горѣлъ всеми огнями.

Совѣтница приняла съ величайшею радостью эту великолѣпную прибавку къ своему музею и долго разговаривала съ негромъ, не смотря на отвратительную его физиономію, и тогда только отпустила, когда разспросила подробно о судьбѣ его отечества и о всемъ, что до него касалось. Это безобразное, косое и хромое чудовище нравилось г-жѣ Унцеръ безпредѣльно своею преданностью барону. Прощаясь съ Олафомъ, она подарила ему червонецъ; глаза негра заблестали, какъ у тигра; всѣ члены его, повидимому слабыя и согнутые, выпрямились какъ бы по волшебству: онъ радостно и дико вскрикнулъ и такъ высоко подпрыгнулъ, что даже сама кошка позавидовала бы ему; попутан перс-

пугались и начали кричать изо всей мочи, а негръ выбѣжалъ, какъ безумный, въ порывѣ необузданнаго восторга.

Въ ту же минуту карета доктора подъѣхала къ дому матери, о здоровьѣ которой онъ прѣхалъ осведомиться. Онъ засталъ ее въ музеумъ, гдѣ она раскладывала и разставляла подарки Зильбурга.

Вся коллекція старушки изобличала въ ней умъ образованный и поэтическую натуру. Каждое мѣстечко было занято какою-нибудь рѣдкостью; къ каждому предмету присовокуплялась какая-нибудь идея или чувство; все эти вещи были воспоминанія людей близкихъ сердцу и соединились вкупѣ изо всехъ странъ свѣта. Тутъ были чудеса разныхъ климатовъ и разныхъ полюсовъ земнаго шара: естественныя произведенія, произведенія искусства; древнія и современныя творенія великихъ художниковъ, китайскія вазы, римскіе амфоры; драгоценныя украшенія древности, египетскіе идолы, огромныя кости неизвѣстныхъ животныхъ, произведенія изъ перламутра тончайшей и удивительнѣйшей работы; тутъ груша крошечныхъ золотистыхъ колибри вступаетъ въ гвѣздъ своемъ въ смертоносный бой за своихъ миниатюрныхъ птенчиковъ, противъ огромнѣйшаго паука, величиною съ кулакъ, а подлѣ блеститъ великолѣпнѣйшій серебряный кубокъ, работы Бенвенуто Челлини. Однимъ словомъ, коллекція была такъ богата и такъ разнообразна, что докторъ, взглянувъ на это удивительное соединеніе всего вмѣстѣ, сказалъ шутя, что тутъ недостаетъ только хранителя всего этого богатства, то-есть, человека въ званіи смотрителя музея, обязаннаго принимать публику и показывать ей все рѣдкости.

— Насмѣшникъ ты этакой! сказала совѣтница. Музей этотъ не для того, чтобъ водить сюда любопытныхъ всей вселенной; это храмъ дружбы. Все, что ты видишь, цѣнится мною не по извѣстности своей, но потому, что рѣдкости эти собирались собственно для меня. Въдѣ не я сама покупала все это... и знаешь, Карль, отчего музей этотъ столь драгоцененъ для меня? Это доказательства дружбы людей близкихъ сердцу, которые въ Азій, Африкѣ, Неаполь, Тавриды, Лондонъ и Парижъ помнили о старушкѣ совѣтницѣ и желали угодить ей. Такъ оставь же меня въ покоѣ съ своею публикою и расскажи лучше, что ты еще узналъ о нашемъ другѣ, баронѣ Зильбургѣ.

— Я прямо отъ него и не засталъ дома; онъ уѣхалъ верхомъ, отвѣчалъ докторъ: онъ живетъ въ Кейзерсгофѣ, и хозя-

нѣ квартиры его не находить словъ для похвалы нашего новаго знакомаго. Да и мнѣ самому кажется, что Зильбургъ честный и благородный человекъ, не смотря на то, что любитъ повеселиться и покутить, какъ по всему видно, Хозяинъ говоритъ, что не можетъ передать всѣхъ благодѣній, которыя онъ дѣлаетъ бѣднымъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ баронъ поселился у него въ отель, бѣдные стекаются со всѣхъ сторонъ, и чѣмъ больше онъ даетъ, тѣмъ больше у него просятъ и толкаются у дверей его. Хозяйка называетъ его другомъ дѣтей, потому что онъ играетъ и шалитъ съ ея малютками, беретъ ихъ къ себѣ и проводитъ съ ними большую часть утра. Живетъ онъ впрочемъ весьма тихо: занимается много музыкой и тратитъ деньги на однихъ лошадей, которыхъ у него три. Говорятъ, что онъ искусный и смѣлый наездникъ.

— Вотъ, что ясно такъ ясно! сказала съ жаромъ и удовольствіемъ мать Унцера. Добрые люди всегда первые подвержены клеветѣ. Кто дѣлаетъ добро себѣ подобнымъ и кого не могутъ понять низкіе расчетливые люди, того сейчасъ прославятъ вѣтреникомъ, мотомъ и, глядя на его христіанское милосердіе, пожимаютъ плечами, какъ будто онъ сдѣлалъ самый злостный, самый непростительный проступокъ: Ничто не оскорбляетъ такъ мелочныхъ людей, какъ если покажешь на дѣль, что отличаешься отъ нихъ и имъ подобныхъ какою-нибудь добродѣтелью. Пусть теперь осмѣлятся мнѣ кто-нибудь хоть заикнуться противъ этого честнаго человека! Но его надо уговорить, чтобъ онъ пересталъ разсыпаться такимъ образомъ свои благодѣнія. Напрасно онъ кидаетъ деньги на вѣтеръ, не осведомляясь о людяхъ, которымъ даетъ! Я заставлю его понять, что въ нашемъ гнусномъ мірѣ и у щедраго человека двойная обязанность: сохранять свое достоинство и употреблять его съ пользою.

— Такъ это кончено! вы по-уши влюблены въ барона! сказалъ докторъ, улыбаясь и погрозивъ пальцемъ матери. Милая мамаша, вы просили меня предохранять васъ отъ легковѣрія... вспомните только того поляка, графа, и свои серебряныя ложки!

— Что за вздоръ! вскричала съ неудовольствіемъ совѣтница. Полякъ этотъ былъ ничто иное, какъ презрѣнный авантюристъ, воръ, и если я имѣла о немъ лучшее мнѣніе...

— Не сердитесь, добрая мамаша: не вы, а доброе ваше сердце было тогда виновато, сказалъ докторъ, глядя мать свою по щеку. Принадлежность благороднаго характера вѣрять

только добру, не смотря, что вамъ часто платили неблагодарностью. Впрочемъ, я совершенно вашего мнѣнія на счетъ Зильбурга, котораго уважаю и думаю, что онъ достоинъ нашей дружбы; я даже храбро переломилъ за него коше у Аккермановъ. Вообразите, что онъ ужасно не понравился Шарлотъ; она его терпеть не можетъ! Она находитъ, что онъ... Ну, отгадайте, что она находитъ?

— Можетъ быть онъ слишкомъ откровененъ? слишкомъ общителенъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, у него слишкомъ рыцарскіе, слишкомъ аристократическія понятія?

— Нѣтъ, не то.

— Можетъ быть, наружность его ей не нравится? Онъ слишкомъ старъ? слишкомъ серьезенъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; совсемъ не то. Такъ знайте же, что она находитъ Зильбурга слишкомъ романтическимъ и видитъ въ сентиментальности его много пробъловъ.

— Какъ это похоже на Шарлоту! Много пробъловъ въ сентиментальности! вскричала смѣясь совѣтница.

— Доротея, напротивъ, жарко вступилась за барона: она находитъ разговоръ его привлекательнымъ, и говоритъ, что рѣдко встрѣчала чловѣка, который бы, при такой оригинальности, соединялъ въ себя столько прямодушія и любезности.

— Такъ это мнѣніе Доротеи! вскричала съ удивленіемъ старушка. Но она двухъ словъ не сказала Зильбургу, когда они были у меня.

— Почему васъ такъ удивляетъ, что онъ понравился Доротеѣ? спросилъ докторъ.

— Послушай, Карлъ, продолжала совѣтница помолчавъ немного и перемѣняя тонъ: меня это вовсе не удивляетъ въ Доротеѣ; но меня вотъ что удивляетъ, что ты такъ спокойно передаешь слова ея, а между тѣмъ знаешь, какъ она уважаетъ тебя, и какъ ждетъ отъ тебя только одного слова, чтобъ отдать тебѣ вполнѣ и душу свою и свое доброе, вѣрное, преданное сердце; а ты все медлишь и не произносишь этого слова и не видишь даже, что Доротея самая прекрасная, самая чистая и прелестнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ!

— Этого нельзя сказать, милая мамаша! вскричалъ докторъ въ какомъ-то испугѣ: у Доротеи нѣтъ друга преданнѣе меня!

— Молчи, сдѣлай милость! сказала старушка съ нѣкоторой досадой: съ преданностью своею и дружбою ты стоишь передъ этой прелестной дѣвушкой, не умѣешь разсмотрѣть всѣхъ ея совершенствъ и болѣе года уклоняешься отъ самаго пламеннаго моего желанія; а Доротея, между тѣмъ, въ неизвѣстности, ходитъ опустивъ голову. Какъ будто ты не знаешь, что она любитъ тебя безпредѣльно! какъ можешь ты равнодушно смотрѣть на такую добрую, кроткую дѣвушку, которая проводитъ лучшіе года свои въ страданіяхъ и не перестаетъ плакать о тебѣ. Помилуй, Карль! гдѣ у тебя глаза, гдѣ умъ твой, гдѣ разсудокъ? Доротея Аккерманъ единственная женщина въ мірѣ, достойная тебя; ты какъ будто созданъ нарочно для нея!

— Боже мой! въ какой разговоръ мы пустились! Я признаю, точно также какъ и вы, всѣ достоинства Доротеи; но неужели вы хотите, чтобъ разсудокъ, одинъ холодный разсудокъ заставилъ дѣйствовать меня тамъ, гдѣ должно рѣшать сердцу? Вы не можете желать этого, потому что сами нѣсколько тысячъ разъ говорили, что презираете человека, который въ подобныхъ дѣлахъ слѣдуетъ разсудку, а не покоряется влеченію сердца.

— Но если сердце слѣпо? но если оно не имѣетъ предчувствія высокаго блаженства, и лучшіе цвѣты его топчетъ ногами...

— Сердце мое не слѣпо, отвѣчалъ докторъ, пристально и съ чувствомъ глядя на мать свою: оно, можетъ быть, гораздо прозорливѣе, чѣмъ вы думаете, потому что блаженство, на которое вы мнѣ указываете, исчезаетъ предъ другимъ блаженствомъ, еще роскошнѣйшимъ, которое также цвѣтетъ на пути моемъ, и потому отнимаетъ ту силу привязанности у сердца вашего сына, которую онъ съ радостью отдалъ бы вашему цвѣтку, хотъ для того толькѣ, чтобъ угодить вамъ. Нѣтъ, другъ мой мамаша, не я, а вы слѣпы и до того слѣпы, что до-сихъ-поръ не замѣтили еще... Неужели вы не понимаете, наконецъ, что я могу любить Доротею всею душою, а между тѣмъ любить сестру ея еще больше?

— Я не понимаю тебя, Карль! вскричала совѣтница, съ трудомъ удерживая гнѣвъ свой. Она понимала, что наступила минута, которая должна была рѣшить счастье всей ея жизни и разрѣшить вопросъ: «исполнится ли самое пламенное желаніе ея сердца?»

Докторъ съѣлъ подлѣ матери и, взявъ ея обѣ руки, прибавилъ ласково:

— Не принимайте на себя такого сурового и торжественнаго вида; улынитесь, ангель мамаша, и проясните лицо свое, всегда милое и спокойное! Мнѣ или, лучше сказать, сердцу моему нравится тоже самое, что нравится глазамъ вашимъ, и выборъ мой вѣроятно будетъ и вашимъ выборомъ. Да, дорогой другъ мой, я люблю не Доротею, а Шарлоту; и если я это до-сихъ-поръ скрывалъ отъ васъ, такъ потому только, что хотѣлъ сперва удостовѣриться въ ея взаимности.

— Боже мой! такъ ты любишь Шарлоту! вскричала въ задумчивости старушка, потирая себѣ лобъ, какъ будто слыша въ первый разъ имя Шарлоты и стараясь припоминать, кто такая это Шарлота.—Такъ ты любишь Шарлоту! За чѣмъ же было скрывать отъ меня? И какое странное понятіе ты имѣешь объ этой дѣвушкѣ! Она не можетъ быть твоею женою!

Докторъ хотѣлъ отвѣчать.

— Не спорь со мною, Карлъ, по-крайней-мѣрѣ теперь... Я слишкомъ взволнована, не могу собрать мыслей и не понимаю, какъ можетъ быть, чтобъ Шарлота... и сынъ мой...

— Что жъ тутъ такого непонятнаго, милая мамаша?.. что можетъ васъ такъ сильно волновать? вскричалъ докторъ съ удивленіемъ и трепетомъ. Любовь Шарлоты, если бы я былъ увѣренъ въ ней, сулитъ мнѣ все, что украшаетъ жизнь, все, для чего стоитъ жить на свѣтъ. Чего жъ тутъ бояться?

— Всего, вскричала совѣтница... Потомъ, помолчавъ немного, продолжала кроткимъ, но твердымъ голосомъ: Тебѣ не такую жену надо, какъ Шарлота. Вы не созданы другъ для друга; васъ разъединяетъ существенная разница; то, что тебя привязываетъ теперь къ Шарлотѣ, что восхищаетъ тебя въ ней, будетъ впоследствии пропастью, гдѣ навсегда и безвозвратно погибнетъ ваше общее счастье. О! нѣтъ, нѣтъ! Не дай Господи, чтобъ вы когда-нибудь соединились! вскричала она, сложивъ руки и поднявъ къ небу молящій взглядъ. Глаза ея блѣтали. Это было бы противъ самой природы, прибавила она, помолчавъ немного: не брачныя узы, а тяжелыя цѣпи, которыя, вмѣсто того, чтобъ соединить души ваши, покрыли бы ихъ своею ржавчиною... Нѣтъ, нѣтъ!.. избави Богъ и тебя и милую мою Шарлоту отъ такого несчастія!

Унцеръ не въ состояніи былъ отвѣчать, потому что не ожидалъ подобнаго рѣшенія, и голосъ матери бользненно отдавался въ его сердцѣ.

Г-жа Унцеръ чувствовала, что слишком увлеклась, слишком предалась своимъ ощущеніямъ; видѣла, какой ужасъ слова ея навели на сына, видѣла страданія на лицъ его, и, подойдя къ нему, сильно прижала къ груди его голову и сказала нѣжно:

— Прости меня, Карль, но слова твои вывели меня изъ себя. Дай мнѣ подумать: никогда не надо слушать и рѣшать въ одно и то же время. Я слишкомъ много сказала; мысли мои и надежды обращены уже давно были къ Доротее; я все устроила, все приготовила до послѣднихъ даже мелочей, и составила изъ васъ самую счастливую чету. Я видѣла передъ собой всю вашу жизнь; которая проходила, какъ прекрасный весенній день; а ты всталъ поперегъ дороги съ своею Шарлотой! Нѣтъ, она не можетъ быть твоею женою; подумай хорошенько, Карль: можно ли ей идти за мужъ? ей, сильфидъ, генію, неземному духу! Нѣтъ, нѣтъ, она слишкомъ деликатна, чтобъ переносить превратности и заботы жизни! Тотъ, кто поведетъ ее къ брачному алтарю, поведетъ къ смерти! да, Карль, къ смерти!

— Такъ вы думаете, что Шарлота неспособна любить? вскричалъ Унцеръ, крайне удивленный словами матери. Такъ укажите хоть на одну дѣвушку нашего города, которая бы истиннѣе, сильнѣе и глубже ея чувствовала. Есть-ли женщина, которая, обладая такимъ умомъ и такимъ образованіемъ какъ Шарлота, была бы больше ея женщиною.

— Вотъ почему она и не должна быть твоею женою, отвѣчала упрямая совѣтница. Повѣрь, душа моя, мы женщины лучше васъ мужчинъ можемъ судить, когда дѣло идетъ о бракъ, потому что званіе матери и супруги наше собственное назначеніе. Вы видите въ насъ только самихъ себя, свои желанія, свой идеаль; женщина же судить другую женщину гораздо вѣрнѣе и съ перваго разу видитъ, кто именно можетъ составить ея счастье. До-сихъ-поръ я не нашла еще никого, не исключая даже и тебя, кто бы могъ составить счастье Шарлоты. Еще недавно она мнѣ признавалась, что самый умный, любезный и прекрасный человекъ сдѣлается ей равнодушнымъ и даже отвратительнымъ, если она узнаетъ, что онъ влюбленъ въ нее, и не дальше, какъ вчера, увѣряла меня, что искусство до того наполняетъ умъ ея и сердце, что другая привязанность, другой предметъ желаній будетъ ея несчастіемъ. И вотъ дѣвушка, на которой ты хочешь жениться! Вся жизнь ея перешла въ искусство; она не видитъ другой цѣли; иначе ей пришлось бы выйти изъ своей

сферы, противорѣчить своей натурѣ, еслибъ судьба призвала ее къ новымъ заботамъ, къ другому долгу. Будь увѣренъ, другъ мой, что эта прекрасная райская птичка создана для облаковъ, и если спустится на землю, такъ для своего несчастія.

— Слова ваши разбили самую чудную мечту мою, унесли самую лучшую надежду, отвѣчалъ тихо докторъ, опустивъ голову. Да, матушка, чтобъ желать обладать Шарлотой, надо имѣть хоть сколько-нибудь храбрости; надо имѣть возвышенную душу, способную сильно и глубоко любить и заключать въ себя поэтической восторгъ, чтобъ завладѣть такимъ сердцемъ, какъ сердце Шарлоты; но еслибъ случилось то, что намъ обоимъ кажется столь труднымъ, еслибъ всемогущество любви произвело бы это чудо, и Шарлота предалась бы мнѣ безусловно, что вы тогда сказали бы?

— Я сказала бы тогда, любезный Карлъ: будь достоинъ такого счастья, а ты, о, Боже, продли его подолье!

Тутъ мать и сынъ замолчали. Мать подошла къ цвѣтамъ и склонила голову надъ осенней гвоздикой, которая росла въ фарфоровой вазѣ. Слеза выкатилась изъ глазъ ея и упала на цвѣты. Какъ давно она не проливала подобныхъ слезъ! Она утерла ихъ тайкомъ, но докторъ наблюдалъ за нею: глубоко растроганный, онъ бросился къ матери, схватилъ ее въ свои объятія, крѣпко и нежно прижалъ къ сердцу и выбѣжалъ, не сказавъ ни слова.

— Онъ ушелъ! Тѣмъ лучше, сказала старушка. У постели больныхъ своихъ онъ найдетъ утѣшеніе, а добрая моя Доротея окончательно вылечетъ его.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННОКЪ.

АЛЬФРЕДЪ ДЕ МЮССЕ.

Никто еще не писалъ біографіи этого поэта. Луи-Шарль Альфредъ де Мюссе родился въ Парижъ 11 ноября 1810 года. Отецъ его, де Мюссе-Патэ, былъ некогда начальникомъ канцеляріи военнаго министерства, и умеръ въ 1832 году.

Благородное происхожденіе фамиліи де Мюссе не подвержено никакому сомнѣнію. Она обладала небольшимъ помѣстьемъ въ окрестностяхъ Вандома, въ которомъ, отъ дѣда къ внуку, переходило уваженіе, какимъ пользовались съ давнихъ поръ дворяне отъ земледѣльцевъ Орлеана.

Около восьмидесяти уже лѣтъ члены семейства Мюссэ идутъ по стезѣ извѣстности въ областяхъ литературы.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, Александръ-Марія де Мюссэ маркизь де Конье написалъ мемуары, безъ подписи своего имени, и *Нравственныя сказки*, еще, надо въ томъ признаться, посредственныя Мармонтелевыхъ.

Достойный послѣдователь и наследникъ своего двоюроднаго брата, отецъ нынѣшняго поэта Альфреда, употреблялъ свои досужные часы (а ихъ не мало у нашихъ чиновниковъ) на сочиненіе многочисленныхъ томовъ, которые спятъ и понынѣ непробуднымъ сномъ въ пыли нашихъ бібліотекъ. Но заслуженная извѣстность выпала на долю двумъ сыновьямъ. Слѣдуя за отцомъ по тому же пути, они имѣли болѣе счастья и болѣе успѣха. Старшій изъ нихъ, Поль-Эдмъ де Мюссэ, началъ свое литературное поприще сочиненіемъ, подъ названіемъ: «Ночной столикъ, парижскія продѣлки» и другимъ: «Голова и сердце, или еще продѣл-
*

ки.» За этими двумя сочиненіями следовало много другихъ романовъ, отличавшимися двумя равно хорошими качествами—вымысломъ и стилемъ.

Альфредъ, меньшей его братъ, кончилъ курсъ своихъ наукъ въ одномъ учебномъ заведеніи съ герцогомъ Орлеанскимъ.

Онъ подружился съ герцогомъ тѣсными узами и остался ему вѣрнымъ до несчастнаго дня, въ который судьба увлекла герцога на дорогу къ Нейли, на его погибель.

Поэтъ, котораго мы пишемъ біографію, принадлежитъ къ той массѣ людей, на идеи которыхъ политическія событія имѣли, къ несчастію, большое вліяніе. Рожденные въ ту эпоху дѣти, являясь на свѣтъ, были озаряемы блестящимъ лучемъ славы. Первый крикъ ихъ, былъ крикъ восторга, видя покоренную Европу въ цѣпяхъ, у ногъ Франціи.

Вдругъ и почти безъ малѣйшаго перехода, тучи заволокли этотъ лучезарный свѣтъ; надо было затануть восторгъ: непріятель воспрянулъ и осыпалъ оскорбленіями прежнихъ своихъ побѣдителей.

Дитя поняло торжество и не могло понять униженія.

Подрастая, окруженный новымъ горизонтомъ, влекомый къ новымъ стремленіямъ, онъ упрямылся и стоялъ въ своемъ удивленіи къ прошлому, пренебрегая настоящимъ, не смотря на всѣ доводы людей, ихъ окружавшихъ.

По выходѣ изъ училища, Альфредъ де Мюссэ переходилъ отъ науки къ наукѣ, принимаясь то за медицину, то за правъ, то за живопись.

Поверхностное образованіе, по собственному его сознанію, дѣлало его неспособнымъ ко всѣмъ родамъ занятій.

Онъ читалъ много; но чтеніе это, дурно имъ освоенное, вредило здравому его сужденію о предметахъ.

«Мой умъ, говоритъ Альфредъ въ своей «Исповѣди сына нынѣшняго вѣка», въ которой онъ описываетъ почти всю свою жизнь, «мой умъ можно было уподобить комнатѣ, въ которой снесена и смѣшана мебель всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Моя голова, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, была пуста и напитава, какъ губка.»

Въ 1828 году, Альфредъ напечаталъ довольно плохую брошюру, подписалъ ее только начальными буквами своего имени, подъ названіемъ «Англичанинъ, пожиратель опіума.» Эта бро-

шюра не стоитъ анализа, и вѣрно предана забвенію самимъ авторомъ, какъ первымъ грѣхомъ своего пера.

Спустя два года послѣ этого, мы встрѣчали поэта между молодыми литераторами, толнящимися въ залъ Королевской площади. Онъ приходилъ туда читать, въ присутствіи своего общаго, нѣкоторые подражанія Андрею Шеньё, или испанскихъ пѣсень, заслужившихъ одобреніе и похвалу.

Счастливымъ своимъ успѣхомъ, гордый уваженіемъ, оказываемымъ ему пѣвцомъ «des Orientales», онъ ревностно принялся за трудъ, и, спустя шесть мѣсяцевъ работы, вынулъ въ свѣтъ «Испанскія и итальянскія Новеллы». Эта книга произвела въ области литературной явленіе, подобное метеору. Она удивила и ослѣпила.

Сентъ-Бёвъ, съ давнихъ поръ занимающійся изданіемъ портретовъ, весьма художественныхъ въ литературномъ отношеніи, но нисколько не схожихъ съ оригиналами, хочетъ насъ увѣрить, со свойственною ему неснисходительностью, впадающею уже въ жесткость, что Альфредъ де Мюссэ есть ничто иное, какъ слабый подражатель многихъ поэтовъ, какъ современныхъ, такъ и предшественниковъ нашихъ.

По словамъ Сентъ-Бева, Мюссэ, то подражаетъ Андрею Шеньё, то Виктору Гюго, Шекспиру, Матюрину Реньё, Мериме и Байрону, подобно скульптору, котораго бы недостатокъ творчества ввель въ музей съ молотомъ въ рукахъ и заставилъ бы разбивать лучшія статуи, чтобы изъ обломковъ ихъ составить свою собственную.

Сентъ-Бёвъ не правъ. Онъ смѣшиваетъ попытки начинающаго юноши съ зрѣлымъ трудомъ возмужалаго мужчины. Величайшіе художники копировали прежде, чѣмъ приступить къ собственному созданію. Изученіе должно предшествовать творчеству.

Авторъ «Испанскихъ и итальянскихъ Новеллъ» самостоятеленъ; онъ не отражаетъ въ себѣ никакого поэта другой эпохи. Предоставляемъ Альфреду де Мюссэ самому отвѣчать Сентъ-Беву:

«Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre.»
(Мой стаканъ не великъ, но я пью изъ собственнаго стакана).

Это справедливо во всѣхъ отношеніяхъ.

Намъ неизвѣстно, на сколько справедлива исторія невѣрности любимой женщины, въ «Признаніяхъ сына вѣка», но видно, что

оскорбленіе преданнаго сердца и недостойно-обманутаго въ своихъ чувствахъ, повело поэта по опасному пути, на которомъ онъ и погубилъ свое дарованіе.

Въ *Revue des deux mondes* старались излечить эту больную, израненную музу, которая, ежедневно растравляя свои раны, близилась къ своей гибели. Бюлозь давалъ поэту разумные совѣты.

— Повѣрьте мнѣ, говорилъ онъ поэту: начните писать прозою, попробуйте трудиться надъ журнальными статьями и когда вы успокоитесь отъ тревожнаго состоянія вашего духа, вы обретете благоразуміе, котораго теперь въ васъ нѣтъ, и тогда снова обратитесь къ поэзіи.

Альфредъ де Мюссэ послушался, и сочинилъ для Бюлоза нѣсколько пословицъ, выполненныхъ съ неподражаемою граціею и доказавшихъ неоспоримо, что таланту поэта доступны возвышенныя сферы тонкихъ чувствъ нѣжности, нравственности и остроумія.

Читателямъ *Revue de deux mondes* не можетъ не быть памятна увлекательная проза поэта, который подарилъ имъ пятнадцать пословицъ своего сочиненія *.

Эти легкіе очерки, созданные безъ всякаго солиднаго основанія, построенные такъ сказать на кончикъ иголки, никогда не назначались для сцены. Прекрасная артистка г-жа Алланъ вздумала, десять лѣтъ спустя послѣ ихъ появленія на страницахъ журнала и за восемьсотъ лѣтъ отъ Парижа, разыгрывать ихъ на петербургской сценѣ. Они имѣли успѣхъ поразительный.

Отъ русскихъ, пословицы Альфреда Мюссэ перешли на сцену Французской Комедіи, когда уже они насладились первинкой, и когда эти прелестныя драматическія цвѣтки появились на французской сценѣ, Альфредъ Мюссэ уже пересталъ писать. У насъ скоро забываютъ, и поэтъ, который позволяетъ забыть себя, убиваетъ свою славу.

Пословицы Альфреда Мюссэ разбудили вниманіе публики. Можно сказать, что пѣвецъ «Роллы» обязанъ г-жѣ Алланъ и Арсену Гуссэ тѣмъ, что онъ нынѣ членъ академіи. Сотрудничество автора испанскихъ Новеллъ въ *Revue de deux mondes*, доставило ему счастье сблизиться съ г-жею Жоржъ-Зандъ, и

* *André del Sarto, Lorenzaccio, Les caprices de Marianne, Fantasio, ou ne badine pas avec l'amour, La nuit vénitienne, Barberine, le Chandelier, Il ne faut jurer de rien, Un caprice, Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée, Louison, On ne saurait penser à tout, Carmosine, Bettine.*

путешествовать съ нею по Италіи. Задерживаемъ занавѣсь на всѣ приключенія этого заалпійскаго вояжа. Венеція, страна таинственныхъ чувствъ, пусть она хранитъ тайну ихъ.

Но мы знаемъ навѣрно, что поэтъ, облеченный въ качество секретаря своей спутницы, снова впалъ въ ту глубокую грусть и разочарованіе, которыя дѣлали его равнодушнымъ ко всему, даже къ собственной славѣ.

Враги де Мюссé, (враги не останавливаются ни передъ какою-либо клеветою или ложью), приписывали въ это время перу поэта отвратительное сочиненіе, подъ названіемъ «Графиня Гаміани», гдѣ будто бы Жоржъ-Зандъ описана съ ногъ до головы самыми черными красками.

Снѣдаемый непонятною тоскою, оставшеюся тайною для всѣхъ, Альфредъ де Мюссé все болѣе и болѣе вдавался въ унижительную страсть. Онъ не брался иначе за перо, какъ со стаканомъ въ рукѣ.

Читая его «Признанія сына вѣка», появившіяся въ 1836 г., вамъ становятся памятны всѣ муки поэтической души, напрягающей всѣ свои силы, чтобы воспрянуть до высокихъ сферъ любви и тотчасъ упадающей въ безсиліи своихъ отягченныхъ крыль.

При появленіи этого сочиненія въ свѣтъ, Альфреду де Мюссé минуло 25 лѣтъ жизни. Молодой, красивый, съ прекрасными манерами и одаренный благородствомъ въ движеніяхъ, которое онъ сохраняетъ даже въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ каждый изъ насъ теряетъ всю свою грацію, поэтъ былъ любимцемъ моднаго свѣта.

Но онъ уклонялся отъ всякихъ свѣтскихъ демонстрацій. Нравы гостиныхъ не симпатизировали съ его нравомъ.

Въ эту эпоху онъ былъ безъ всякаго состоянія. Семейство его пользовалось весьма умѣренными доходами съ помѣстья, а вырученныя деньги за первыя его сочиненія скоро были имъ растрачены на удовольствія молодыхъ лѣтъ.

Гордый, онъ не хотѣлъ показать недостаточность своихъ средствъ, и издерживалъ въ трое сутокъ заработанное имъ въ *Revue de deux mondes*, бросая деньги съ байроновскою расточительностью, и потомъ скрывался въ Ферте-су-Жуаръ у поселянь, питаясь сыромъ цѣлые полгода.

Герцогъ Орлеанскій проникъ тайну нуждъ поэта и принудилъ его принять должность бібліотекаря въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ никогда бібліотеки не существовало. Это

былъ родъ пенсіи, или дохода безъ должности. Въ 1848 году эта должность была отнята, но имперія ему ее возвратила.

Въ *Revue de deux mondes* стали замѣчать, что ей не исправитъ автора «Испанскихъ и италіянскихъ Новелль.» Бюлозъ ничего не могъ съ ними сдѣлать. Когда онъ приходилъ за рукописью къ поэту, тотъ отвѣчалъ ему:

— Пришли мнѣ сегодня же вечеромъ пятьдесятъ франковъ и бутылку спирту, а нѣтъ — такъ не видать тебѣ моеи по-словицы.»

Надо было сдѣлать, какъ было угодно автору.

На другой же день пословица была готова и бутылка вышита.

Когда пробѣгаешь эти прелестныя созданія, эти страницы, полныя чувства и ума, отъ начала сочиненія до конца; когда по строкамъ передъ очами вашими бѣгаютъ огоньки остроумія, ослѣпляющія васъ, вамъ трудно повѣрить, что они явились на свѣтъ при такихъ обстоятельствахъ. Или и вправду говорятъ, что вино — питательное молоко для старцевъ и поэтовъ.

Шапель, нашъ старинный поэтъ съ рдѣющимъ лицомъ, пивалъ для возбужденія своей веселости, для воспламененія своей энергіи, и пилъ лучшія и тонкія вины. Альфредъ де Мюссэ, напротивъ, пьетъ *кряпкую*, чтобы ею выгнать изъ памяти и изъ сердца грызущую его тоску. Это не невоздержность, но отчаяніе.

Такая слабость, по нашему мнѣнію, не прощительна.

Сила духа есть непремѣнный даръ всякаго генія.

Терять эту славу — значитъ оскорблять природу.

Неужели Альфредъ де Мюссе не понимаетъ, что состояніе, въ которомъ онъ сочиняетъ, заставляетъ перо его спотыкаться, дѣлать промахи и пятна, въ которыхъ мы его упрекаемъ. Если ему удалось произвести на свѣтъ много замѣчательныхъ сочиненій въ нетрезвомъ видѣ, чѣмъ бы могли быть его созданія, написанныя во всей чистотѣ и блескѣ его высокаго разума?

Враги поэта говорятъ, что Альфредъ де Мюссе есть не что иное, какъ рядовой того полка, надъ которымъ начальствовалъ лордъ Байронъ. Надобно бы ему опровергнуть мнѣніе враговъ.

Друзья поэта ставятъ его на высокій пьедесталь и прославляютъ его Наполеономъ поэтовъ. Надобно бы оправдать мнѣніе друзей.

Откройте третью часть собранія стихотвореній Альфреда де Мюссе и прочтите начало «Роллы».

Regrettez-vous le tems où le ciel sur la terre
 Marchait et respirait dans un peuple de preux?
 Où Venus Astarté, fille de l'onde amère,
 Secouait, vierge encor, les larmes de sa mère,
 Et fecondait le monde en tordant les cheveux?
 Regrettez-vous le tems où les nymphes lascives
 Ondoyaient au soleil parmi les flers des eaux,
 Et d'un éclat de rire agagaient sur les rives
 Les faunes indolents, couchés dans les roseaux?

Трудно найти гдѣ-нибудь болѣе богатую и блестящую поэзію; но мы вѣримъ вдохновенію, когда оно дитя вѣрованія. Вдохновеніе де Мюссе, къ сожалѣнію, проистекаетъ изъ другаго источника. Онъ олицетворилъ себя и поколѣніе свое въ «Ролль.»

Нѣтъ, нѣтъ пѣвецъ! ты еще не досоздалъ своей поэзіи; ты только что выказалъ свое дарованіе—и только.

Отбрось отъ себя всю ветошь скептицизма, возвысь твое чело, страхни грусть съ твоей вдохновенной головы и ступай по пути, избранному до тебя великими писателями, по пути Шатобриана, Виктора Гюго, Ламартина. Одна страница каждаго изъ нихъ опрокинетъ сто томовъ Вольтера!

Ты поэтъ, созданъ изъ гранита, то есть изъ такого матеріала, изъ котораго дѣлаютъ великихъ... не отставай, не оставляйся, какъ пигмей, въ узкой колѣсѣ.

Оттолкни отъ себя земное и воспарь въ высь, гдѣ встрѣтишь Творца Вселенной, Втрѹ, любовь и безсмертіе!

Правду говорятъ обыкновенно тому, кого любятъ!

Между прочими замѣчательными сочиненіями Альфреда де Мюссе, въ третьей части его твореній, нельзя не замѣтить «Ночи», по лиризму и привлекательной свѣжести ихъ. Читая ихъ, кажется, будто бы поэтъ уже переступилъ въ область нѣжной и религіозной поэзіи.

Къ несчастію, послѣ этого поэтъ остановился, и съ той поры не дарилъ болѣе ничѣмъ читателей, за исключеніемъ «Бѣлаго Дрозда,» прелестное, художественное сочиненіе въ прозѣ, который одинъ, самъ по себѣ, могъ упрочить успѣхъ цѣлаго живописнаго изданія, въ которомъ онъ появился. Это изданіе вышло подъ названіемъ: «Les animaux peints par eux memes.»

Здоровье поэта начало слабѣть. Онъ отправился въ имніе

матери, женщины необыкновеннаго ума, которая нерѣдко давала ему полезныя совѣты для его созданій.

Если вѣрить ихъ домашнимъ друзьямъ, то первая мысль «Благо Дрозда» принадлежитъ матери де Мюссе.

Въ маленькомъ ея помѣстьи, въ Орлеанской области, уединенномъ и тихомъ пріютѣ, незнакомомъ для равнодушныхъ и непріятныхъ посѣтителей, собирались, въ извѣстную пору времени, всѣ члены семейства де Мюссе.

Поль, романистъ журнала *le National*, сопутствовалъ автору «Роллы» въ помѣстьи госпожи де Мюссе, у которой была дочь, прелестная дѣвушка, обожаемая двумя ея братьями. Пріѣздъ ихъ былъ лучшимъ праздникомъ для сестры. Дядя съ отцовскою стороны, съ своею супругою, дополняли общество. Онъ еще живъ. Дядюшка Дезербіе не имѣлъ никакого состоянія.

Разъ вечеромъ поэтъ сказалъ ему:

— Черезъ три дня мы будемъ праздновать день вашего рожденія; хотите ли принять, дядюшка, отъ меня, вмѣсто подарка, мѣсто подпрефекта?

— Еще бы не хотѣть, отвѣчаетъ Дезербіе.

Поэтъ подошелъ къ письменному столу, взялъ перо, написалъ имъ наскоро нѣсколько строкъ, адресованныхъ къ герцогу, въ дружбѣ котораго и благоволеніи поэтъ не сомнѣвался, и на другой же день получено было назначеніе Дезербіе въ Вогезскій Округъ.

— Далеконько! сказалъ дядюшка племяннику.

— Простите моему эгоизму, отвѣчалъ авторъ испанскихъ новеллъ. Мнѣ предписаны пломбьерскія воды; это въ двухъ шагахъ отъ вашей подпрефектуры. Всякій годъ я буду навѣщать васъ и всѣ наши вмѣстѣ со мною.

— Bravo! bravo! чудесно придумано! закричала семья хоромъ.

Чемоданы уложены, и всѣ пустились въ Вогезскій Округъ. Дядюшка расположился въ немъ на житье. Всѣ были довольны. Альфредъ де Мюссе пересталъ заниматься. Ему было тридцать лѣтъ, онъ обладалъ извѣстностью, славою, порядочною дозою лѣни, а сверхъ того въ Лоррени пьютъ на славу.

Нашъ поэтъ удостоилъ провинціаловъ разделять съ ними круговую и показать имъ благородное чело свое, украшенное лаврами Пинда.

Замѣчая по временамъ, что фамильярность этихъ господъ не-

реходить черезъ границы, онъ облакался въ свое величіе, въ свою олимпійскую недоступность и удалялъ на-время господъ воезцевъ отъ себя на нѣкоторое разстояніе. Альфредъ де Мюссе любилъ постоянно позировать какъ знаменитость, а если эта роль забывалась имъ иногда, то рано или поздно онъ снова входилъ въ нее, не заботясь, что онъ тѣмъ оскорблялъ сблизившихся съ нимъ. Вообще де Мюссе не любитъ общества умныхъ людей, а предпочитаетъ имъ глупцовъ.

Разъ, переходя улицы, поэтъ уронилъ перчатку. Молодой адвокатъ Шапюи поднялъ ее и въжливо ему подалъ. Де Мюссе даже не взглянулъ на того, который оказалъ ему такую учтивость, взялъ молча перчатку и продолжалъ путь.

Не привыкнувъ къ такому обращенію, молодой человекъ былъ непріятно пораженъ такимъ обхожденіемъ.

Пробѣжавъ за поэтомъ, онъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Эй, господинъ! вы не дадите мнѣ ничего за трудъ!

Спустя нѣсколько дней, Поль, романистъ, сопровождавшій брата въ ихъ помѣстье, тоже получилъ маленькій урокъ, еще болѣе имъ заслуженный, и отъ того же молодаго человека.

Былъ праздникъ въ соседней деревушкѣ. Поселяне любятъ пѣть хоромъ за стаканомъ вина, особенно въ праздничные дни. Они просили почитателей пристать къ нимъ и пѣть съ ними вмѣстѣ. Господа и госпожи не отказались. Когда дошла очередь до Поля де Мюссе, онъ сталъ отговариваться незнаніемъ ни одной пѣсни.

— Неправда! неправда! сказала ему сестра его: а прелестная баркаролла, сочиненная тобою въ Неаполь, почему ты не споешь ее?

— Вотъ вздумала! отвѣчалъ братъ Поль, но недовольно тихо, чтобы нельзя было его разслушать... разсыпать блестящія поэзіи передъ этими горланами!.. *Margaritas ante porcos*. И съ этими словами онъ запѣлъ не совсѣмъ приличную, но всѣмъ извѣстную пѣсню:

Père Barbançon

çon, çon,

Payez vous de l'eau de vie?

Oui, Oui.

И такъ далѣе, но ужъ мы не приведемъ здѣсь прочаго. Всѣ были поражены.

Молодой человекъ, тотъ самый, что наканунѣ поднялъ перчатку Альфреда, поднялся съ своего мѣста и сказалъ:

— Вы похожи на знаменитаго брата вашего: вы оба подвержены забывчивости.

— Забывчивости? спросилъ удивленный Поль.

— Ну, конечно. Вы забыли лучшій куплетъ.

— Какой же это? спросилъ романистъ.

— А вотъ послушайте:

И молодой человекъ сталъ импровизировать и спелъ насмѣшливымъ тономъ слѣдующее четверостишье.

J'ai lû dans les livres,
Que les gens d'esprit
Sitôt qu'ils sont ivres
Sont bien mal aopris.

(Я читалъ въ книгахъ, что умные люди, въ пьяномъ видѣ, становятся невежды).

Ударъ былъ не въ бровь, а прямо въ глазъ; всѣ присутствующіе подхватили хоромъ и повторяли нѣсколько разъ импровизацію молодого человека.

Поль де Мюссе понялъ необходимость говорить тише, когда называешь людей неучтивыми именами.

За исключеніемъ этихъ маленькихъ эпизодовъ, орлеанскіе помѣщики не могли нахвалиться пребываніемъ въ Вогезскомъ округѣ и гостепріимствомъ его жителей. Всѣ снѣшили давать праздника въ честь ихъ. Девница де Мюссе, кроткая и обходительная, останавливала и удерживала своихъ братьевъ, сколько могла, отъ привычекъ ихъ задѣвать самолюбіе ихъ окружающихъ. Авторъ Роллы не былъ на деревенской импровизаціи: онъ наканунѣ утхалъ къ Пломбьерскимъ водамъ.

Пользуясь водами, Альфредъ де Мюссé встрѣтилъ и полюбилъ прелестную дочь Вогезскаго префекта. Она была чувствительна къ предпочтенію поэта, и можно было подумать, что все должно кончиться свадьбою. Но поэтъ побоялся не сдержать честнаго слова, *котораго отъ него требовали—отказаться отъ своей несчастной привычки*: онъ остался ей вѣренъ и сохранилъ свободу холостяка.

Привычка эта, привившаяся къ поэту во время его труда и вдохновеній, справедливо могла казаться совершенно лишнею и губельною въ бездѣйствіи, и заставила Альфреда де Мюссе отказаться отъ другаго брака съ молодою особою, качества кото-

рой были бы для него неисчерпаемымъ источникомъ блаженства. Онъ прошелъ мимо ангела хранителя своего генія и не узналъ его.

А между тѣмъ, не самъ ли поэтъ сказалъ гдѣ-то въ своихъ поэтическихъ стихахъ:

Le droit est au plus fort en amour comme en guerre,
Et la femme qu'on aime aura toujours raison.

Зачѣмъ же онъ не слѣдуетъ своей собственной логикѣ? Напрасно поэтъ нашъ не разсудить, что избгая исцѣленія черезъ любовь, отъ болѣзни которой была причиной любовь, онъ бѣжить къ своей гибели. Женщина погубила его, женщину только и можно спасти его. Странный образъ жизни, которую ведетъ поэтъ уже болѣе десяти лѣтъ, не имѣетъ никакого смысла. Въ кое-какихъ статьяxъ въ прозѣ, и въ рѣдко появляющихся стихотворныхъ его произведеніяхъ, порожденныхъ прихотью или бессознательно, замѣтна преждевременная усталость, не совместная ни съ дарованіемъ его, ни съ лѣтами. Поэтъ засыпаетъ въ рано-разцвѣтшей славѣ своей; плоды ея скоро опадутъ и не доживутъ потомства, если онъ не позаботится о зрѣлости ихъ посредствомъ теплоты труда и обдуманности.

Возстань, поэтъ! Франція смотритъ на тебя. Для тебя еще много впереди благоуханныхъ и плодотворныхъ весеннихъ дней.

Quand j'ai passé par la prairie,
J'ai vu ce soir, dans le sentier,
Une fleur tremblante et flétrie
Une pâle fleur d'eglantier.
Un bourgeon vert à côté d'elle
Se balançait sur l'arbrisseau;
J'y vis poindre une fleur nouvelle,
La plus jeune était la plus belle:
L'homme est ainsi, toujours nouveau.

Вѣдь это ваша прелестная строфа, г. де Мюссе, и можно бы привести изъ вашихъ произведеній много чего подобнаго, что осуждаетъ вашу непонятную дремоту.

Вы не имѣете права сами спать, когда всѣхъ разбудили своими восхитительными лирическими напѣвами.

Дядюшка Дезербіе, подпрефектъ Вогезскій, привилъ племяннику двѣ гибельныя страсти: страсть къ шахматной игрѣ и страсть къ каламбурамъ.

Альфредъ проводитъ полжизни своей въ кафе Regence, занятый самымъ важнымъ образомъ толканіемъ впередъ пьшекъ, скаканьемъ костяныхъ коньковъ, защитою лодокъ и несчастной королевы-ферязи противъ нападений офицеровъ. Шестъ и даже восемь партій въ эту игру не утомляютъ его, а иная партія длится иногда битыхъ два часа. Онъ выкуриваетъ до пятнадцати сигаретъ въ каждую партію, запивая ихъ несчетнымъ числомъ рюмокъ польсковои водки.

Что же касается до каламбуровъ, этой пошлости нашего вѣка, которую тщетно хотятъ прикрыть остроуміемъ, эта страсть такъ развивается въ нашемъ поэтѣ, что онъ вскорѣ можетъ состязаться въ нихъ съ гг. Вьене и Сальванди.

Двица Августина Брoganъ, актриса Французской Комедіи, и Альфредъ Араго, братъ знаменитаго астронома, своими похвалами укрѣпили эту манію въ поэтѣ. Всѣ трое равно подвизались на этомъ поприщѣ. Впрочемъ, ни Араго, ни мамзель Брoganъ не могутъ сравняться съ Альфредомъ де Мюссé. У нихъ поиски за каламбурами не составляютъ главнаго занятія въ жизни. Араго извѣстенъ какъ замѣчательный живописецъ, и нынче назначенъ инспекторомъ художествъ. Августина обладаетъ пленительнымъ умомъ, особенно когда она захочетъ его выказать. Придетъ время, когда мы займемся ею и передадимъ читателямъ множество чертъ ума ея, разсыпанныхъ ея устами, подобно Нивонъ де Ланкло и Софій Арну.

Кромъ каламбуровъ и шахматной игры, Альфредъ де Мюссé обладаетъ въ высшей степени даромъ проворства рукъ.

Случилось, что во время пребыванія поэта въ Лоррени, тетушка собрала у себя на вечеръ до двѣнадцати молодыхъ дѣвицъ и дамъ, любопытствовавшихъ увидать и познакомиться съ знаменитымъ писателемъ.

При видѣ его, всѣ сердца забились сильнѣе обыкновеннаго. На поэта смотрѣли, его слушали, или, правильнѣе, собирались слушать и ждали, что чело его освѣтится лучезарностью вдохновенія. Ожидали прелестныхъ стиховъ, мѣрныхъ и жгучихъ какъ въ его «Андалузянкѣ», съ нетерпѣливымъ восторгомъ. Увы! надеждамъ трепетнаго общества не суждено было исполниться! Думали удивляться поэту, а пришлось удивиться послѣдователю Роберта-Гудена.

Г. де Мюссе разрѣзалъ платокъ одной изъ присутствующихъ дѣвицъ на тысячу кусковъ и возвратилъ ей его потомъ въ преж-

немъ видѣ, а тетушкино кольцо ловко засунулъ въ табакерку своего дяди, и такимъ способомъ прозабавился поэтъ цѣлый длинный вечеръ.

Главнымъ занятіемъ любимца музъ, во время его пребыванія у дядюшки подпрефекта, всегда было въ томъ, чтобъ устанавливать яйцо на выпукломъ стеклѣ карманныхъ часовъ. Госпожа Дезербіе не мало жаловалась нещадному истребленію яицъ любезнымъ племянничкомъ; она придумала наконецъ, заставить служанку подставлять блюдо во время опытовъ эквилибриста; такимъ образомъ яйца не падали уже на полъ, и могли годиться для употребленія. За то яичница была постояннымъ кушаньемъ на столѣ подпрефекта.

Въ одно утро, меръ города взошелъ безъ доклада въ комнату, занимаемую у дядюшки авторомъ Роллы. Онъ видитъ его окруженнымъ каминными щипцами, тросточками, половыми щетками, зонтиками, креслами и стульями, опрокинутыми кверху ногами и много другихъ вещей, поставленныхъ имъ очень искусно въ равновѣсіе.

— Не подходите, не подходите! закричалъ онъ вошедшему: вы все уроните.

И посетитель удалился, чтобы не помѣшать его занятію.

Когда Альфреду де Мюссе не удастся какой-либо изъ его опытовъ, или если присутствующіе съ своими требованіями и объясненіями поставятъ его въ затрудненіе, онъ выпутывается изъ него шуткой и отдѣлывается новыми штукаами—на словахъ, или какой-нибудь мистификаціей, въ родъ того насмѣшника, который хвалился, что переломитъ по-поламъ пятифранковую монету.

— Держу пари, что не переломите, сказалъ ему кто-то.

— Ручаюсь, что переломлю. Давайте монету, говорилъ хвастунъ.

Монету ему подали. Онъ взялъ ее, серьезно повертѣлъ ее въ своихъ пальцахъ, сдѣлалъ видъ, что хочетъ переломить, но вдругъ, какъ бы одумавшись, сказалъ:

— Нѣтъ, я ее переломлю у себя дома, и положилъ монету въ карманъ.

Прежде чѣмъ сдѣлаться поэтомъ, де Мюссе намѣревался быть живописцемъ. Долго сохранялъ онъ привычки и обыкновенія довольно эксцентричныя, которыя можно встрѣтить въ мастерскихъ этого рода художниковъ.

Нынче поэтъ уже остепенился, или, вѣрнѣе сказать, онъ сдѣ-

лался скучнымъ. Званіе академика тяготитъ его плечи, какъ свинцовая мантия. Онъ понимаетъ, что если онъ достаточно сдѣлалъ для того, чтобы получить это званіе, однако далеко не закончилъ своего труда, чтобы заслужить безсмертіе. Но что дѣлать? Сладкое *far niente* одолеваетъ его. Поэту нуженъ какой-нибудь необыкновенный толчокъ, чтобы потухающій свѣтлыиикъ поэзіи снова воспламенился въ рукахъ его.

Быть можетъ, намъ удастся дать ему этотъ толчокъ и возвратитъ въ область искусства одного изъ благороднѣйшихъ сыновъ его.

Мы уже говорили тебѣ именемъ Франціи: возстань поэтъ! надънь твой вѣнокъ, воспрянь на твой пьедесталь и брось презрительный взглядъ на толпу людей, тебя окружающихъ, пошлыхъ, глупыхъ и невѣжественныхъ, которые ѣдятъ не имѣя голоду, пьютъ не имѣя жажды, любятъ безъ сердечнаго участія, проводятъ одну половину въ томъ, чтобы убивать свое здоровье всякаго рода излишествами, а другую половину въ леченіи своихъ недуговъ, ими самими пріобрѣтенными.

Но исцеленіе невозможно. Съ утратою здоровья утрачивается и здравомысліе.

Что можетъ быть плачевнѣе, что можетъ быть ужаснѣе положенія: бывъ уже извѣстнымъ, присутствовать самому на похоронахъ своей славы!

Богъ создалъ поэта свѣтлымъ путеводителемъ на пути жизни. Потушить этотъ свѣтъ, данный ему свыше, величайшее преступленіе.

Поэтъ не вправе убивать свой гений. Этотъ гений не его собственность: онъ принадлежность, достояніе всѣхъ людей и будущности.

III.

ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

(Отъ XII до XVI вѣка).

Н. БЕКТЫШЕВА.

Чѣмъ долѣе существуетъ, дѣйствуетъ и мыслить народъ, чѣмъ долѣе продолжается развитіе духовныхъ его силъ, тѣмъ яснѣе онъ сознаетъ цель свою, тѣмъ опредѣленнѣе выражаетъ свой характеръ, свою природу во внѣшнемъ, его окружающемъ. Въмѣстѣ съ историческимъ шествіемъ народа увеличиваются и богатѣютъ числомъ результаты, получаемые имъ изъ жизни, нагоняются произведенія его дѣятельности, никогда не умолкающей, но постоянно совершенствующейся и усиливающейся. Здѣсь-то находитъ наука драгоценные для своихъ изслѣдованій матеріалы и тѣ данныя, на основаніи которыхъ узнаетъ она законы всего существующаго. Но эти историческіе матеріалы, столь разнообразныя и разнородныя, имѣютъ не одинаковое достоинство и цѣну для изслѣдователя: выше ставятся и дороже цѣнятся тѣ изъ нихъ, которые болѣе отражаютъ на себѣ слѣдовъ духовной дѣятельности чловѣка, какъ высшаго и благороднѣйшаго достоянія его природы; по этому, письменныя, литературныя памятники должны занимать первое мѣсто среди всѣхъ другихъ произведеній жизни народной.

Изучая литературу извѣстнаго народа, историкъ находитъ въ ней для себя обильный источникъ драгоценныхъ свѣдѣній; особенное же значеніе имѣетъ для него поэзія лирическая, которая, какъ вѣрное зеркало сокровеннѣйшихъ чувствъ, желаній и страстей чловѣка, ярче всего обрисовываетъ черты народной фizioноміи и характера. Изъ прозаическихъ произведеній, имѣющихъ такое великое значеніе для науки, могутъ быть причислены сюда: мемуары, лѣтописи, путешествія, письма и такъ далѣе, ибо въ нихъ разрѣшаются многіе важныя, современныя вопросы, изображаются характеры отдѣльныхъ личностей въ самой возможной полнотѣ и цѣльности, оказывается очевиднымъ образомъ просвѣщеніе народа и его отношеніе къ другимъ.

Литература русская имѣетъ такого рода памятники, хотя не въ огромномъ количествѣ, но тѣмъ не менѣ заслуживающіе вниманія. Не говоря уже ни слова о нашихъ летописяхъ, грамматкахъ, актахъ, письмахъ и тому под., которые, по значенію своему для исторіи отечественной, если дѣйствительно не превосходятъ бібліотеки и древлехранилища многихъ государствъ европейскихъ, то едва ли имъ уступятъ; неговоря уже объ этомъ ни слова, скажемъ здѣсь объ однихъ только древнихъ путешествіяхъ нашего народа, ведущихъ свое начало съ XII вѣка (по Р. Х.)

Этотъ послѣдній отдѣлъ русской литературы тѣмъ болѣе для насъ кажется важнымъ и замѣчательнымъ, что памятники, которые онъ въ себѣ заключаетъ, будучи весьма немногочисленны, могутъ однакоже дать ясное и вѣрное понятіе о идеяхъ, господствовавшихъ въ народѣ нашемъ во все продолженіе древняго періода его жизни и опредѣлившихъ какъ характеръ, такъ и будущую его судьбу. Эти памятники сообщаютъ намъ любопытнѣйшія свѣдѣнія о современномъ состояніи государства и событіяхъ въ немъ происходившихъ, о степени образованія народа, объ образъ его мыслей и воззрѣнія на предметы, и наконецъ предлагаютъ въ самомъ языкѣ многія важныя данныя для филолога, много формъ, словъ и оборотовъ изъ народной, современной рѣчи. Такимъ образомъ, путешествія русскихъ людей, заключающія въ себѣ троякій интересъ, могутъ быть изучаемы съ трехъ сторонъ: исторической, эстетической и филологической.

Предметомъ настоящей статьи взяты семь путешествій, совершенныхъ въ теченіе XII, XIV и XV вѣковъ русскими людьми и описанныхъ ими. Эти памятники древней русской словесности рассматриваются здѣсь по отношенію ихъ къ мысли и языку, то-есть, со стороны эстетической и филологической.

Первое, древнѣйшее путешествіе русскаго человека, о которомъ мы знаемъ и которое дошло до насъ въ полнѣйшихъ спискахъ, относится къ XII вѣку и принадлежитъ игумену Даніилу, бывшему въ Палестинѣ, по всѣмъ соображеніямъ, въ первой половинѣ XII вѣка, въ княженіе Великаго Князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича Кіевскаго, какъ онъ самъ упоминаетъ въ послѣсловіи къ своему хожденію *. Это было въ ту блистательную, славную эпоху исторіи Западной Европы, когда она, проникнутая священнымъ, религіознымъ энтузіазмомъ, начала первый крестовый походъ и высылала одно за другимъ

* См. Сахарова: Сказанія Русскаго Народа, ч. VIII. изд. 1849.

многочисленные ополченія лучшихъ, знатнѣйшихъ своихъ воиновъ и рыцарей на освобожденіе Св. Гроба въ Палестину.

Въ противоположность этой бранной, воинственной силѣ Запада, съ восточнаго края Европы, изъ Россіи идутъ туда же пѣшіе бѣдные иноки *, не съ мечемъ въ рукахъ, не съ враждою въ сердцахъ, но съ посохомъ странника и съ теплою молитвою на устахъ. Великое пространство земли перешелъ Данилъ своими ногами, принялъ много труда, претерпѣлъ много нуждъ и лишеній, ради того только, чтобы исполнить свое смиренное желаніе— «видѣть Іерусалимъ, землю обѣтованную и тѣ мѣста святыя, гдѣ Христосъ Богъ походи своими ногами, и много чудесъ показаль», для того, чтобы выполнить благочестивую мысль свою, помолиться за князей и за всю землю русскую. Такою-то въ первый разъ явила себя Россія предъ другими народами въ чужой, далекой землѣ! Таковъ былъ первый ея представитель и таковы были его мысли!

Хожденіе въ Іерусалимъ было совершено Даниломъ не изъ минутнаго увлеченія, не изъ легкомысленнаго желанія или прихоти, какъ это часто бываетъ, но съ полнымъ сознаніемъ своей цѣли, своего труда. «Мнози бо дома сущи», говоритъ онъ въ краткомъ вступленіи къ своему разсказу, «въ своихъ мѣстахъ добріи челоувѣцы милостынями удобрили и добрыми дѣлы своими достизаютъ мѣсть святыхъ, ижъ большую мзду пріимуть отъ Бога. Мнози жъ, доходивше до святыхъ сихъ мѣсть, и увидѣвши святый градъ Іерусалимъ, и вознесшеся умомъ, яко нѣчто добро сотворивше, погубляютъ мзду труда своего.»

Руси, только-что успокоившейся отъ долгихъ и тяжкихъ страданій подъ державою Мономаха, нужно было тогда пролить много теплыхъ слезъ предъ Богомъ съ благодарностію за избавленіе отъ минувшихъ бѣдствій и съ молитвою о подкрѣпленіи и помощи отъ предстоящихъ испытаній. И этотъ подвигъ, этотъ трудъ, какъ жертву, Богу угодную, принялъ на себя Данилъ отъ лица всей русской земли. И смиренный поломникъ былъ весь проникнутъ этою высокою мыслию, занять ею одною; все же прочее занимало и обращало его вниманіе по стольку, по скольку относилось оно къ святынь, къ религіи, къ Богу. Записаль онъ подробности своего путешествія единственно съ тѣмъ, «чтобы не забыть всего того, что Богъ показаль ему недостойному.» Изъ

* Ему сопутствовали еще многіе другіе русскіе люди, какъ это видно изъ многихъ мѣтъ путешествія.

всего этого ясно, что отъ такого путешественника, каковъ былъ Данилъ, невозможно уже ожидать лжи, вымысла и недобросовѣстности въ повѣствованіи. Многаго замѣчательнаго Данилъ не могъ видѣть и узнать въ Палестинѣ потому, что (какъ онъ самъ признается) не зналъ греческаго и итальянскаго языка, наконецъ не имѣлъ достаточно денегъ, чтобы расположить въ свою пользу иноземцевъ. Но, не смотря на то, санъ его, или смиреніе, или наконецъ расположеніе Балдуина, князя іерусалимскаго, которое онъ умѣлъ пріобрѣсти, доставили ему возможность видѣть и совершить все то, что онъ желалъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ сочиненія, мы не будемъ критически слѣдить за вѣрностью описываемыхъ путешественниками мѣстностей, не будемъ сравнивать ихъ съ извѣстными новѣйшихъ путешественниковъ и т. д., ибо такого рода изслѣдованіе слишкомъ далеко отклонило бы насъ отъ вышеизложенной цѣли; но всегда будемъ указывать на тѣ только описанія предметовъ и событій, въ которыхъ ярко обнаруживается образъ мыслей и характеръ писателей. Такія только описанія могутъ служить намъ драгоценными матеріалами для опредѣленія самыхъ личностей путешественниковъ.

Обозрѣвая всѣ достопримѣчательныя библейскія священныя окрестности Іерусалима, Данилъ всегда поражался какъ величіемъ и красотою самой природы ихъ, такъ и тѣми идеями, тѣми воспоминаніями, которыя соединены съ ними для всѣхъ христіанъ: «никто же бо можетъ не прослезиться, видѣвши землю желанную, и мѣста святія, иде же Христосъ Богъ нашего ради спасенія походи.» Повсюду находитъ онъ слѣды Божескаго присутствія, Его всемогущества и благодати. Библия постоянно служила ему въ странствованіи вѣрнымъ истолкователемъ и указателемъ святыни.

«Истинно земля та благословенная отъ Бога всѣхъ добротъ,» восклицаетъ Данилъ, «и пшеницею, и виномъ, и масломъ, и всякимъ овощемъ весьма обильна, и скотомъ, и овцами исполнена, ибо красивый скотъ дважды въ годъ рождается, а также и пчель много тамъ...» Изъ всѣхъ плодовъ, которые онъ видѣлъ и вкушалъ здѣсь, виноградъ показался ему всѣхъ лучше, такъ что называетъ его подобнымъ «небесному овощу.» Богатая растительность по берегамъ Іордана удивила также нашего странника; онъ описываетъ многія изъ этихъ растений, сравниваетъ съ отечественными, но не знаетъ собственнаго ихъ имени. «Есть

же по сей странъ рѣчь купъли тоя, яко льсокъ малъ, дровіе многи и прѣвысоки по берегу Іорданову, яко вербъ подоблю, но нѣсть верба; и выше купъли есть лозіе мнози по берегу Іорданову, но нѣсть яко лозя наша, но инака, яко ксиляжи подобно есть, и есть ихъ тростіе много.» Три раза былъ Даниль у Іордана; видно, что эта священная рѣка весьма ему полюбилась. До мельчайшихъ подробностей описываетъ онъ окрестности Іордана и свойство воды его; эта рѣка приводитъ ему на память одну изъ красивѣйшихъ рѣкъ отечества, Сосновую; мысль эта, быть можетъ, сильнѣе всего и привлекала сюда его сердце. Не столько города и селенія возбуждаютъ его удивленіе, сколько горы: онъ своею громадностію и высотой поражаютъ жителя долинъ и стеней; Даниль всѣ горы Палестины называетъ «вельми высокими,» а хребетъ Ливана — каменными, крутыми, «страшными» горами. Одна только гора Фаворская произвела на него противоположное впечатлѣніе: при видѣ ея онъ ощутилъ въ себѣ не чувство страха, но восторгъ и благоговѣніе. «Фаворская гора»—говоритъ онъ—«чудно и дивно уродилась отъ Бога, поставлена есть красно и высоко вельми, посреди моря красно уродилась гора та, аки стогъ высока.» Ходя повсюду пѣшій, Даниль усмотрѣлъ разстоянія между мѣстностями и высоту возвышеній, по большой части глазомѣромъ, приблизительно, черезъ бросаніе камня и стрѣляніе изъ лука. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ: «И ту есть мѣсто близъ отъ пещеры тоя (идѣ же преданъ бысть Христосъ отъ Іуды за 30 сребренникъ жидомъ) яко доверженъ мужъ каменіемъ малымъ, при горѣ Елеонстей, идѣ же помолисъ Христосъ къ Отцу своему въ нощи... И есть на мѣсть томъ создана церковь мала. А оттуду до гроба Іосафатова вдалье, яко же человекъ дострѣлить.» Неоднократно жалуется странникъ на притѣсненіе и жестокость Арабовъ, которые, скрываясь въ горахъ, грабили тогда путешественниковъ. Такъ онъ упоминаетъ о нихъ въ окрестностяхъ Аскалона, Мертваго моря, на пути отъ Іерусалима къ Іордану, отъ села св. Пророковъ къ Вилеему, отъ Фавора къ Назарету и отъ Іерусалима до Тиверіады: «поганіи мнози приходятъ и избиваютъ христіанъ въ горахъ и дебряхъ страшныхъ.» Но эти опасности не могли остановить ревностныхъ и набожныхъ богомольцевъ: они, возложивъ надежду на Бога, безъ оружія и даже безъ провожатыхъ, часто проходили такія мѣста, и Богъ избавлялъ ихъ отъ бѣдствій и отвращалъ отъ нихъ

всякую обиду. Самые начальники Сарацинъ охраняли отъ разбойниковъ и съ оружіемъ провожали ихъ, когда шли они отъ села Пророковъ въ Внелеемъ.

Въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, Данилъ, близъ озера Тиверіадскаго, встрѣтилъ Балдуина, князя іерусалимскаго, который шелъ съ войскомъ къ Данилу; здѣсь впервые увидѣлъ полонникъ этого благороднаго рыцаря и искренно полюбилъ его за его доброту и милосердіе. Въ послѣдствіи, когда онъ пожелалъ поставить свое кандило на Св. Гробъ въ день Великой Субботы, вторично видѣлся съ нимъ и былъ имъ облаканъ.

Во время всенощной божественной службы у Гроба Господня, Балдуинъ далъ возможность Данилу видѣть схождение небснаго свѣта, не смотря на то, что великое множество народа наполняло храмъ. Онъ повелѣлъ ему прійти къ себѣ, самъ ввелъ его въ храмъ и высоко поставилъ, надъ самыми дверьми гробными, противъ великаго алтаря, чтобъ можно ему смотрѣть въ двери гроба. Такое вниманіе и безкорыстное сочувствіе къ старцу-страннику показываетъ ясно все благородство души этого князя. И тѣ немногія черты его характера, о которыхъ упоминаетъ Данилъ, должны имѣть для насъ историческое достоинство, какъ свидѣтельство безпристрастнаго иноземца.

Но ни о чемъ Данилъ не говоритъ съ такимъ умиленіемъ и чувствомъ, ничего не описываетъ такъ краснорѣчиво и торжественно, какъ схождение свѣта на Гробъ Господень. Причину этому не трудно будетъ угадать, если только мы обратимъ вниманіе на внутреннее состояніе его духа, на тѣ чувства и мысли, которыя господствовали тогда въ его сознаниі. Данилъ пришелъ сюда помолиться за отечество, и усердная, сердечная молитва была непрестанно на языкъ его, и все его дѣйствія были ни чѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ усердной, пламенной молитвы.

«Богъ тому послухъ и св. Гробъ Господень,» говоритъ онъ о себѣ, «яко во всѣхъ сихъ мѣстахъ святыхъ не забылъ именъ князей русскихъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ николи же не забылъ есмь, но вездѣ поминалъ всихъ.» Но не одною только молитвою и трудами желалъ окончить свой подвигъ Данилъ; онъ просилъ у Бога очевиднаго знаменія въ томъ, что его слезы и сердечные вздохи были Ему угодны. Для сего-то остался онъ въ Іерусалимѣ на праздникъ Великаго Воскресенія, купилъ лампаду и масла и, изпросивъ позволеніе у князя Балдуина, поста-

вилъ ее въ ногахъ Св. Гроба «отъ всей русской земли и за всѣхъ князей и за всѣхъ христіанъ земли русской.» И вотъ въ десятомъ часу ночи снисходитъ небесный огонь въ храмъ ко гробу и возжигаетъ эту лампаду. Получивъ желаемое, Данилъ съ великою радостію беретъ лампаду свою съ горящимъ масломъ и выходитъ потомъ изъ Іерусалима, «съ радостію великою зъло, обогатився Божіею благодатію, нося въ руку даръ и знаменіе Св. Гроба, просвѣщая симъ вся мѣста, идохомъ радуясь, яко нѣкако сокровище богатствъ обрѣтохъ.»

Составя себѣ нѣкоторое понятіе о содержаніи этого памятника, легко можно заключить, какое вліяніе долженъ былъ онъ произвести на народъ свой и какое значеніе для него имѣлъ. Въ немъ русскій народъ впервые нашелъ извѣстія и подробное описаніе св. мѣсть на родномъ языкѣ, получилъ понятіе о чужой землѣ и нравахъ ея жителей. Вскорѣ явилось безчисленное множество списковъ съ рукописи Данила, которые читались и рассказывались всѣми съ великимъ сочувствіемъ. Въ слѣдствіе этого должно было непременно произойти искаженіе въ самомъ текстѣ и языкѣ этого памятника; многія мѣста опускались, многія дополнялись переписчиками; одни выраженія замѣнялись другими по произволу; наконецъ древнія формы языка стали постепенно принимать новый отънокъ и обращаться въ позднѣйшія.

Вотъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій, вполне характеризующее XII вѣкъ! Слѣдующій затѣмъ XIII вѣкъ не произвелъ ничего подобнаго; онъ былъ бесплоденъ, какъ въ отношеніи къ литературѣ, такъ и къ искусствамъ и наукамъ. Всякая жизнь замирала тогда подъ тяжелымъ молотомъ бѣдствій, которыя скопила на Русь судьба: не было тогда мѣста и страствованіямъ, развѣ только за исключеніемъ тѣхъ постыдныхъ и униженныхъ хожденій князей въ Орду, гдѣ они вымаливали себѣ право на жизнь у хановъ татарскихъ. Это безмолвіе и тяжелая дремота продолжались у насъ до второй половины XIV вѣка, когда народъ снова почувалъ въ себѣ силы, укрѣпившіяся въ столь многія лѣта бездѣйствія. Уже при Симеонѣ Іоанновичѣ Гордомъ мы находили снова подобные литературные памятники, а именно, три путешествія въ Царьградъ, описанныя новгородцемъ Стефаномъ, дьякомъ Александромъ и дьякономъ Игнатіемъ.

Чтобы объяснить явленіе этихъ памятниковъ въ нашей литературѣ, должно обратить вниманіе на состояніе Россіи и Греціи въ этомъ вѣкѣ и на взаимное ихъ отношеніе. Судьба Греціи въ

эту эпоху была подобна судьбѣ нашего отечества. Турки, занявъ мало-по-малу всю южную и западную часть Балканскаго полуострова, угрожали Восточной Имперіи совершеннымъ порабощеніемъ. Гибнущая, она обратилась тогда къ единовѣрной Россіи, прося у нея помощи и защиты; посылала духовныхъ лицъ своихъ къ князьямъ собирать подаяніе, и всеми мѣрами старалась возобновить съ ними тѣсныя, торговыя сношенія. Тогда-то многіе изъ русскихъ отправились въ Грецію и, съ различными цѣлями, посѣщая Константинополь, составляли свои путевыя записки, въ которыхъ описывали все, что находили тамъ замѣчательнаго. Три путешествія въ Царыградъ дошли до насъ отъ этого времени (отъ 1350—1390); они суть, какъ сказано выше: путешествія Стефана новгородскаго, дьяка Александра и дьякона Игнатія.

Стефанъ, также какъ и Даніилъ полонникъ, не говоритъ въ своихъ запискахъ о себѣ ничего и не упоминаетъ ни о званіи своемъ, ни о годахъ хожденія. Такая черта — обща всемъ памятникамъ древне-русскимъ. Но какъ объяснить ее? Намъ кажется, что она должна объясняться не иначе, какъ только самымъ характеромъ народа и свойствами души его; мы думаемъ, что это есть слѣдствіе безграничнаго смиренія и подчиненія своей личности и интересовъ всякой другой личности и интересамъ, чувство и движеніе души доброй, истинно-благочестивой. Многіе видятъ въ этой безличности нашихъ предковъ отсутствіе самосознанія и своей индивидуальности; но справедливо ли ихъ мнѣніе и дальновидное заключеніе, предоставляемъ судить всякому, кто хотя мало знакомъ съ характеромъ и исторіею нашего народа. Напротивъ того, мы видимъ, что самосознаніе высказывается у каждаго изъ нашихъ древнихъ писателей такъ рѣзко, что невольно бросается въ глаза и не можетъ остаться незамѣченнымъ *. Не смотря однакоже на молчаніе Стефана о себѣ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его путешествія узнаемъ, что онъ былъ новгородецъ, инокъ и путешествовалъ около 1350 года, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Все время своего пребыванія въ Константинополь онъ посвятилъ обозрѣнію памятниковъ и храмовъ, былъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только находилась святиня христіанская и подробно описалъ ихъ. Но дряхлость и немощь много, видно, препятствовали ему въ странствованіи, ибо онъ неоднократно объ этомъ упоминаетъ. На каждомъ шагу

* Подвигъ Даніила, сейчасъ нами разсмотрѣнный, краснорѣчивѣе всего доказываетъ всю нелѣпость такихъ мнѣній.

изумляется старецъ великолѣпно зданій Константинополя, которымъ подобныхъ не видалъ ни въ одномъ городѣ русскомъ. «Много бо суть видѣхомъ въ Царь-градъ видѣнія, еже немочно всего написать. Толико бо Богъ прославилъ св. мѣста, еже немочно растатися».

Должно сознаться, что этотъ памятникъ стоитъ несравненно ниже предъидущаго, какъ по мысли, такъ и по выраженію. Путешествіе Стефана можно справедливо назвать «подробнымъ описаніемъ святыни Константинополя», ибо обо всемъ другомъ онъ говоритъ весьма кратко. Можно ясно замѣтить, что, или лѣта, или время не позволяли ему обращать вниманіе на другіе предметы. Но у него мы находимъ, между прочимъ, два любопытныя историческія извѣстія о патріархѣ константинопольскомъ Исидорѣ и о монастырѣ Студійскомъ, которыя вполне заслуживаютъ вниманія.

Патріархъ константинопольскій Исидоръ, въ шестой годъ пастырства котораго новгородецъ Стефанъ съ своими спутниками былъ въ Греціи, призвалъ къ себѣ странниковъ, благословилъ ихъ и бесѣдовалъ съ ними милостиво. Такая доброта великаго пастыря изумила старца и возбудила въ немъ чувство глубокаго уваженія. «О, великое чудо!» восклицаетъ Стефанъ: «колико смиренія бысть ему, иже бесѣдова съ странники ны грѣшнии.»

Говоря о монастырѣ Студійскомъ, онъ описываетъ свиданіе съ своими земляками, новгородцами Иваномъ и Добрилой, и предлагаетъ объ нихъ слѣдующее любопытное извѣстіе: «они нынѣ живутъ туто (т. е. въ монастырѣ Студійскомъ), списаючи отъ книгъ святаго писанія, за не бо искусни зѣло книжному писанію» и къ сему прибавляетъ: «что изъ того монастыря въ Русь посылали много книгъ: уставъ періодъ и иныя книги». Важный и драгоцѣнный фактъ для исторіи нашей литературы! Изъ этого извѣстія мы можемъ съ достовѣрностію заключать, что при Василіѣ Іоанновичѣ Темномъ и Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ часто посылались въ Грецію ученые мужи, какъ для списыванія и перевода книгъ церковныхъ, такъ и для исправленія прежняго славянскаго текста.

Характеръ Стефана вполне высказывается въ его повѣствованіи; онъ повсюду обнаруживаетъ свое смиреніе, добродушіе и простосердечіе, ибо на-слово вѣритъ онъ всѣмъ разсказамъ, даже и вовсе незаслуживающимъ вѣроятія.

Путешествіе дьяка Александра, бывшаго въ Константинопо-

ль почти въ одно время съ Стефаномъ, не имѣеть никакого особеннаго интереса: оно сухо и кратко до невѣроятности. Это собственно не описаніе путешествія, а только перечень замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, которыя посетилъ Александръ и записалъ для себя на память. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія путешествіе Игнатія, какъ въ историческомъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніи.

Дьяконъ Игнатій сопутствовалъ митрополиту Пимену въ Константинополь около 1390 года и, по его приказанію, составлялъ подробное описаніе своего путешествія. Пимень, въ 1389 году, тайно уѣзжаетъ изъ Москвы и черезъ Азовъ приходитъ въ Константинополь, чтобы тамъ списать для себя покровительство патріарха Антонія. Путь до Азова описываетъ съ большою подробностію и сообщаетъ намъ любопытныя свѣдѣнія о тогдѣшнемъ состояніи Южной Россіи. Отъ Переяславля Рязанскаго, гдѣ митрополитъ былъ дружжелюбно принятъ великимъ княземъ Олегомъ, до самаго Дона, его провожали духовенство и дружина княжеская «разбоя дѣля», какъ замѣчаетъ авторъ. Достигши береговъ Дона, они съѣли на суда и поплыли внизъ по теченію. Это плаваніе было, по его словамъ, печально и уныло: «Далеко вокругъ простирается пустыня, не видно въ ней ни города, ни селенія; здѣсь были когда-то славные и красивые города, но теперь здѣсь все пусто и безлюдно. Нигдѣ не встрѣтишь чело-вѣка, а видишь только одну пустыню и множество звѣрей, козь, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ; изъ птицъ же: орловъ, гусей, лебедей, журавлей, и пр.»

Миновавъ развалины Саркела и Великую-Луку, путешественники первый разъ встрѣчаютъ татаръ, по обѣимъ сторонамъ Дона, въ такомъ множествѣ, что сравниваютъ ихъ съ древесными листьями и пескомъ; удивляются безчисленнымъ стадамъ овецъ, козь, воловъ, верблюдовъ и коней, которые пасутся вокругъ улусовъ. «Мысль, что находимся среди враговъ своихъ, утѣшила насъ,» говоритъ Игнатій, — «и привела въ трепеть, но татары не нанесли намъ никакой обиды, но только спрашивали вездѣ, куда ѣдемъ, и выслушавъ, приносили намъ молока. Такимъ образомъ мы плыли спокойно и благополучно.»

Послѣ многихъ бѣдствій, которыя претерпѣли въ Азовѣ отъ генуэзцевъ и на Черномъ морѣ отъ бурь, патріархъ и его спутники достигли турецкаго города Астравинъ, гдѣ услышали, что султанъ Амуратъ идетъ съ войскомъ на сербскаго царя Лазаря.

Поэтому случаю авторъ излагаетъ исторію Амурата и войну его съ сербами, рассказанная ему гражданами Астравин. Оставивъ здѣсь патриарха по случаю болъзни, Игнатій, вмѣстѣ съ другими, отправился въ Константинополь. Не передавая здѣсь всѣхъ подробностей странствованія Игнатія по Константинополю и его окрестностямъ, мы прямо переходимъ къ самому замѣчательному мѣсту въ его повѣствованіи, а именно — къ описанію коронаціи императора Эмануила, происходившей 11 февраля 1391 года, которую своими глазами видѣлъ Игнатій. Это самая одушевленная часть въ путешествіи Игнатія, ибо въ ней, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, обнаруживаются его чувства и образъ мыслей.

Многочисленность греческаго двора, великолѣпіе ихъ одеждъ, сіявшихъ серебромъ и золотомъ, и величественная осанка вельможъ, изумили русскаго инока. «Бяху ту римляне отъ Рима, и отъ Испаніи нѣмцы, и орязовъ отъ Галаты, а инии цареградстїи, а инии зеновици, а инии венеицы, а инии угры, и тѣхъ бяше чинъ видѣти чуденъ.» Но болѣе всего ему полюбилось церковное греческое пѣніе, которое, какъ говоритъ онъ, «было пречудно, и странно, и несказанно, умъ превосходящъ.» Особенно же Херувимская пѣснь пѣлась, по его словамъ, «долго зъло, и красно, и предивно, и умильно.» Эти слова, будучи истиннымъ выраженіемъ чувствъ, представляютъ намъ самое полное объясненіе того сочувствія, которое русскій человекъ отъ древнѣйшихъ временъ имѣлъ ко всему греческому. Въ самомъ дѣлѣ, чувство художественное имѣло въ исторіи нашего народа такое великое значеніе и вліяніе на его собственную судьбу, какого мы не видимъ ни у какого другаго народа. Краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ тому можетъ служить самое избраніе, или, лучше сказать, способъ избранія Вѣры нашими предками. Въ этомъ великомъ дѣлѣ, чувство изящнаго было ихъ главнымъ руководителемъ и наставникомъ. Послы Владиміра, повѣствуя лѣтописецъ, прибывъ въ Константинополь и выслушавъ тамъ въ храмъ Богослуженіе греческое, не хотѣли уже и слышать ни о какой другой вѣрѣ, кромѣ греческой. «Не вѣмы,» говорили они князю по своемъ возвращеніи, «на небѣ ли есмы были, ли на землѣ; нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъ дѣ Богъ въ челоуѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо челоуѣкъ, аще оукуситъ сладка, послѣди горести не приимаетъ, такъ и мы

неимамы здѣ быти.» И-не обмануло ихъ это чувство, но какъ свѣточъ божественнаго духа, привело къ истинѣ и освѣтило всѣхъ своею небесною благодатию. И такъ, можно сказать, что въра нигдѣ не приходила въ такое отношеніе съ художественнымъ чувствомъ чловѣка, какъ у насъ: христіанство въ Россіи было чудесно сознано и пріобрѣтено ею одною.

Древнее церковное пѣніе греческое, съ своими поражающими, глубоко трогающими душу напѣвами и звуками, всегда приводило въ умиленіе и восторгъ нашихъ предковъ. И хотя въ XI еще вѣкъ у насъ, въ Россіи, были уже искусныя пѣвцы и пѣніе на шесть различныхъ гласовъ, но, не смотря на то, оно все-таки не было доведено до такой степени совершенства, какъ въ Царьградѣ, при дворѣ восточныхъ римскихъ императоровъ, въ главномъ центрѣ Православія.

Но не одно только пѣніе греческаго клира въ этомъ торжествѣ произвело такое глубокое впечатлѣніе на Игнатія, его привела въ восторгъ и внѣшняя, обрядовая сторона вѣнчанія императора: та величавость дѣйствій и то благочестіе, съ которыми совершали его духовныя особы. «Только бысь (все) благочинно и чествованно и преукрашено, говоритъ онъ, яко умъ чловѣчскій превосходя.» Пять разъ повторяетъ Игнатій въ своемъ описаніи о красотѣ и величественности поклоновъ, которые воздавали другъ другу священнодѣйствующіе, и всякій разъ повторяетъ слѣдующія слова: «точію главы своя къ персьмъ своимъ приклоняше — благочинно и уставно дѣло.» Таковы были чувства и мысли, возбужденныя въ Игнатіи этимъ событіемъ.

Далѣе онъ описываетъ свое путешествіе въ Палестину. Эта часть его записокъ отличается отъ первой необыкновенною краткостію и сухостію изложенія, причина понятная: онъ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ повторять того, что уже было такъ подробно описано Даніиломъ еще въ XII вѣкъ; а только велъ для себя здѣсь дневникъ, въ которомъ упоминалъ о мѣстахъ, имъ уже посѣщенныхъ.

Читая эту любопытную рукопись Игнатія, нельзя не обратить вниманія на самый языкъ ея, отличающійся необыкновенною правильностію и силою.

Языкъ и слогъ Игнатія можно назвать, по справедливости, классическимъ: такъ онъ гибокъ, правиленъ, простъ и изобразителенъ. Каждая рѣчь, каждое слово сказано имъ мѣтко, съ полнымъ сознаніемъ дѣла, складно и выразительно; онъ немногими

словами умѣсть столь ярко, въ такомъ свѣтѣ изобразить предметъ или вещь, что невольно дивнись силѣ и богатству языка, которымъ онъ такъ мастерски владѣеть. Ничего не докончаннаго, недосказаннаго, или непонятнаго нѣтъ въ его разсказѣ: все вполне зрѣло и обсужено, все выражено и обозначено. По вѣсѣмъ этимъ признакамъ рѣчи, которая служитъ вѣншимъ выраженіемъ духа, можемъ мы отчасти заключать о внутреннихъ свойствахъ (человѣка) и не безъ основанія догадываться о образованіи автора.

Отъ XIV перейдемъ къ XV вѣку.

Въ XV вѣкѣ мы находимъ такое же число путешествій, какъ и въ предъидущемъ. Иеродьяконъ Зосима, Симеонъ Суздальскій и Аванасій Никитинъ, въ царствованія князей: Василія II Димитріевича, Василія III и Иоанна III, совершили путешествія: первый въ Грецію и Палестину, второй въ Италію и наконецъ третій — въ Индію.

По одному только названію тѣхъ странъ, куда они отправлялись, можно уже заключить объ успѣхахъ народнаго образованія въ эту эпоху и о важности пріобрѣтеній, ими совершенныхъ: знакомство съ западомъ и далекимъ востокомъ значительно распространило горизонтъ понятій нашего народа и показало ему тѣ богатства, которыя приносятъ съ собою промышленность и просвѣщеніе, въ тѣхъ странахъ господствующія и процвѣтающія. Оно породило въ немъ идею о совершенствованіи собственномъ и о государственномъ благоустройствѣ, тѣ идеи, которыя вскорѣ стали приводиться въ исполненіе Иоаннами III и IV.

Но первый памятникъ, явившійся въ этомъ вѣкѣ, не носитъ еще на себѣ никакого признака новизны; онъ, какъ по идеямъ своимъ, такъ и по духу, совершенно принадлежитъ времени прошедшему. Въ Зосимѣ видимъ мы такого же смиреннаго половека, идущаго къ Св. Мѣстамъ молиться о грѣхахъ своихъ, такого же простодушнаго повѣствователя событій, каковъ былъ въ XIII вѣкѣ Стефанъ Новгородскій. И въ самомъ дѣлѣ, сравнивъ его записки съ записками Стефана, мы откроемъ поразительное между ними сходство, такъ что рѣшительно невозможно прибавить ни одной особенной, характеристической черты къ сему послѣднему; такъ все у нихъ обще и сходно. Напротивъ, путешествія Симеона и Никитина являются уже съ инымъ характеромъ. Оба писателя резко отдѣляются отъ предшествовавшихъ, какъ самой новизной описываемыхъ ими странъ, такъ и тѣми цѣлями, которыя туда ихъ

приводили. Первый отправлялся на западъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Исидоромъ для того, чтобы принять участіе во вселенскомъ соборѣ и защитить тамъ Православіе; второй же ходилъ въ Индію съ намѣреніемъ вывести въ Россію товары для своей торговли. Но, къ несчастію, предпріятія ихъ не имѣли успѣха. Тѣмъ не менѣе, записки того и другаго имѣютъ для насъ интересъ, ибо предлагаютъ много вѣрныхъ, историческихъ фактовъ, много любопытныхъ наблюденій и замѣчаній о современномъ состояніи посѣщаемыхъ ими странъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ статистическомъ отношеніи.

Въ путешествіи Симеона Судальскаго мы находимъ, съ одной стороны, вѣрное изображеніе характеровъ великаго князя московскаго Василія и митрополита Исидора, подробное описаніе событій бывшихъ на Флорентійскомъ соборѣ, и всѣхъ преній, тамъ между присутствующими происходившихъ, а съ другой — всего того, что онъ видѣлъ достопримѣчательнаго въ городахъ Германіи и Италіи, черезъ которые проѣзжалъ.

Путешествіе Аѳанасія Никитина, не смотря на то, что онъ былъ гораздо ниже по своему образованію Симеона, много предлагаетъ интересныхъ свѣдѣній и глубокихъ замѣчаній. Онъ даетъ намъ понятіе о такой странѣ, которая въ это время была еще неизвѣстна европейцамъ; описываетъ бытъ ея жителей, ихъ вѣру и нравы, исчисляетъ главныя произведенія земли и упоминаетъ о такихъ мѣстностяхъ, которыя вовсе не были извѣстны лучшимъ географамъ XVI и XVII вѣковъ.

Къ сожалѣнію, этотъ памятникъ дошелъ до насъ въ самомъ искаженномъ и неполномъ видѣ: многія мѣста опущены, многія искажены такъ, что весьма трудно угадать истинныя ихъ названія.

Сдѣлавъ краткій очеркъ всѣхъ путешествій русскаго народа, совершенныхъ имъ въ продолженіе трехъ вѣковъ и показавъ ихъ значеніе въ наукѣ, почитаю необходимымъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ общихъ чертахъ ихъ характеровъ, о томъ вліяніи, которое они имѣли на послѣдующую судьбу нашего народа и наконецъ о слѣдствіяхъ, отсюда происшедшихъ.

Во всѣхъ этихъ памятникахъ, не смотря на вѣшнюю разнообразность колорита, мѣстностей и времени, можно легко замѣтить общую черту, общую идею, которою они все соединяются между собою и составляютъ одно цѣлое. Эта идея, лежащая въ основаніи каждаго изъ рассмотрѣнныхъ нами путешествій и

рѣзко характеризующаго самихъ авторовъ, есть теплая вѣра и чувство религіозное, — тѣ мотивы, въ которыхъ вполне отразилась вся жизнь русскаго народа въ древній періодъ его исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ продолженіе трехъ вѣковъ цѣлю путешественниковъ была одна святыня, а мыслию — молитва. Въ это время русскіе посѣщали только Іерусалимъ и Константинополь, — эти двѣ личности, равно для нихъ священныя по вѣрѣ; другихъ странъ они почти вовсе еще не знали. Какъ исключеніе является между ними путешествіе Аѳанасія Никитина, совершенное преимущественно съ цѣлью торговою; но и въ немъ, послѣ пристальнаго и внимательнаго разсмотрѣнія, находимъ, что вѣра и идеи религіозныя занимали автора болѣе, нежели самыя дѣла торговли.

Но не въ эти только три вѣка продолжалось уединеніе и рѣшительное отчужденіе Руси отъ всѣхъ народовъ западной Европы; оно, можно сказать, еще болѣе, еще рѣзче оказывается въ вѣка послѣдующіе. Такъ мы видимъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ русскіе, вмѣсто общенія и знакомства съ просвѣщенными народами Европы, (чего бы и должно было естественно ожидать) обращаются на Востокъ и на Югъ, посѣщаютъ страны отдаленныя и входятъ въ сношенія съ народами Азіи и Африки. Объ этомъ свидѣтельствуютъ: путешествіе казацкихъ атамановъ Ивана Петрова и Бурнама Елычева, которые, въ 1567 году, прошли всю Сибирь и были при дворѣ китайскаго богдыхана въ Пекинѣ; за ними вторично такое же путешествіе было совершено Байковымъ въ 1654 году. Далѣе, Василій Гогора, въ 1654 году, прошелъ почти всю Малую Азію и Египеть, а іеромонахъ Арсеній Сухановъ, въ 1651 году, подробно изслѣдовалъ Греческій Архипелагъ и Закавказскій край.

Всѣ эти факты невольно приводятъ насъ къ вопросу: что за причина была такому странному поведенію русскаго народа? Что заставляло его избѣгать всѣхъ вообще европейцевъ и дичиться ихъ столь долгое время? Слишкомъ ошибется тотъ, кто станетъ объяснять это явленіе одними внѣшними, политическими событіями. Причины болѣе существенныя, побужденія болѣе сильныя должны были дѣйствовать и управлять жизнію древняго русскаго человека, и сообщить ей тотъ, а не другой характеръ. И дѣйствительно, на основаніи свидѣтельствъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ здѣсь памятниковъ, мы ясно можемъ видѣть, что основнымъ началомъ, условившимъ собою характеръ и судьбу нашего

народа, была самая вѣра. Вѣра Христіанская, просвѣтившая народъ нашъ во времена Св. Владиміра и такъ благодатно къ нему привившаяся, по волю Мудраго Промысла, должна была скоро еще глубже войти въ его сознаніе, еще тверже и непоколебимѣе запечатлѣться въ сердцѣ и сдѣлаться основою всей его жизни. Но для такого полнаго, совершеннаго религіознаго развитія необходимы были средства сильныя, испытанія тяжкія и мучительныя; ибо одними только страданіями сердце человѣческое скорѣе всего можетъ быть подвинуто къ исправленію и очищено отъ заблужденій. И въ самомъ дѣлѣ, что вынесъ русскій человѣкъ изъ продолжительной эпохи своихъ бѣдствій? Вынесъ онъ оттуда совершенное духовное обновленіе, крѣпость силъ и пламенную вѣру въ Бога, Который подкрѣплялъ его и спасалъ отъ гибели. Отсель вѣра сдѣлалась для него такимъ сокровищемъ, которое ставитъ онъ выше всего и для котораго жертвуетъ всѣмъ, что только есть дорогаго и священнаго. Отсюда понятно, почему Іерусалимъ и Константинополь были по преимуществу цѣлями нашихъ путешественниковъ. Когда же русскій человѣкъ ощутилъ въ себѣ потребность въ умственномъ образованіи, тогда необходимо уже долженъ былъ обратиться къ просвѣщенному западу и отъ него принять науки и искусства. Но въ этомъ прекрасномъ стремленіи онъ встрѣтилъ неопредѣлимое препятствіе. Просвѣщенные европейцы не хотѣли дешево уступить русскому народу тѣхъ плодовъ образованія, которые были ими добыты; они хитростію и лукавствомъ старались его приманить къ себѣ, а въ то же время предательски похитить у него самое драгоценное—вѣру и замѣнить ее своею собственною. Яснѣе всего эти замыслы католическаго міра обнаружили на Флорентійскомъ соборѣ. Не смотря на свою неудачу, западное духовенство и въ послѣдующее время не переставало угрожать Россіи со стороны вѣры и имѣть на нее свои виды.

Послѣ всего этого, возможно ли было нашимъ предкамъ сблизиться съ западомъ и дружески подать ему руку? Нѣтъ, русскій народъ рѣшилъ лучше отказаться отъ иноземныхъ учителей и самобытно развиваться, нежели измѣнить своей вѣрѣ и основамъ жизни.

Вотъ чѣмъ вполне можетъ объясняться весь девяти-вѣковой древній періодъ жизни нашихъ предковъ.

ГУЦУЛЫ,

ОБИТАТЕЛИ ВОСТОЧНОЙ ОТРАСЛИ КАРПАТСКИХЪ ГОРЪ *.

Гуцулы, обитатели Карпатскихъ горъ, на Покутьѣ и въ Буковинѣ, въ частяхъ прежняго Галицкаго княжества и на южномъ склонѣ Карпатъ въ Венгріи, суть послѣдніе потомки древнихъ кочевыхъ народовъ, а именно: по изысканіямъ филологическимъ и по исторіи южно-русской, потомки древнихъ узовъ. Что касается до начала и происхожденія имени *гуцуль* **, то оно, не смотря на нѣкоторые, будто бы сродственные ему, звуки въ южно-русскомъ нарѣчьи, чужое и перешло въ славянщину изъ другаго края, въ позднѣйшее время. Впрочемъ, въ самомъ гуцульскомъ нарѣчьи оно означаетъ смѣлаго, храбраго мужа, (Сравни. Узко-

* Эта статья написана на Ческомъ языкѣ извѣстнымъ галицко-русскимъ ученымъ священ. Вагилевичемъ, и переведена подъ руководствомъ профессора П. П. Дубровскаго.

** По изысканіямъ Голэмбѣвскаго (Lud Polski, стр. 13), имя *Гуцуль* происходитъ отъ глагола *кочевать*, въ смыслѣ: вести пастушескую жизнь, и измѣнилось въ *Кучуль-Гуцуль*. Но это объясненіе ложно, потому что бездоказательно основано на случайномъ сходствѣ звуковъ. Въ южно-русскомъ нарѣчьи, слова: *Гуцуль* и *Кочуль*, совершенно разнородны; притомъ между *к* и *г* нѣтъ никакого соотношенія, потому что обѣ эти буквы чрезвычайно различны: *к* переходитъ въ *ц* и *ч*, а *г* въ *з* и *ж*. Было бы гораздо ближе производить эти слова отъ гуцульскаго глагола: *гуцулькаты се*, тоже что *нянчиться*; но это слово прямо происходитъ отъ *гуцуль* и можетъ быть принято, какъ поговорка, потому что гуцулы любятъ нянчиться съ дѣтьми.

Печеньжскія имена особъ: Уцакъ, Уцарь, Арбузь). Но, разсматривая слово *уцуль* по правиламъ мало-русскаго нарѣчя, мы замѣтимъ въ немъ другую первоначальную основу: ибо *и* южно-русская придыхательная буква, какъ *в*, всегда измѣняющаяся передъ гласными, наприм. *горихъ*, *ворихъ*—*орихъ* (орѣхъ). *Уль* есть членъ румунскій или валашскій; напр. *туркуль* — турокъ, *нльцуль*—нѣмецъ. И такъ, первоначальный корень этого слова есть *уц*, *уз*, повторяющійся въ видоизмѣненіяхъ: *ози*, *ѣзи*—*узи*.

Древніе узы, названные въ русскихъ лѣтописяхъ торками, принадлежали къ турецкому племени и, вошедши въ политическій составъ Руси, то во время мира и пріязненныхъ сношеній, то во время междоусобій, различнымъ образомъ породнились съ славянскимъ племенемъ. Поэтому мы считаемъ неизлишнимъ подробно разсмотрѣть здѣсь начало его исторіи, ибо тогда намъ легко будетъ признать узовъ предками гуцуловъ.

Когда гакасы разрушили въ Сѣверной Азіи (846 г.) огромное турецкое государство *гоетовъ* (см. Палацкаго *Geschichte von Böhmen*) и вытѣснили многочисленныя племена къ востоку, то произошло новое движеніе кочевыхъ народовъ надъ Хвальнскимъ и Чернымъ морями, что, въ послѣдствіи, и способствовало появленію этихъ народовъ въ Европѣ. Сильное Хазарское царство, котораго многочисленныя села и города процветали промышленностію, простиралось въ это время отъ Волги къ западу до Днѣпра, и подвержено было частымъ набѣгамъ печенѣговъ и узовъ; между тѣмъ какъ на сѣверѣ стало развиваться русское государство при Рюрикѣ и его наследникахъ. Дикіе печенѣги, гроза своихъ сосѣдей, безпрестанными набѣдами тревожили владѣнія хозаровъ и пробрались даже подъ Кіевъ въ 867 году. Безъ сомнѣнія, хозарамъ вмѣстѣ съ узами случалось поражать ихъ и вытѣснять къ востоку и западу (883 г.). Одна часть, устремившаяся къ западу, напала на маджаровъ, въ то время подвластныхъ хозарамъ, выгнала ихъ изъ собственныхъ поселеній и принудила вступить въ Европу; послѣ она основалась въ Буджакѣ и Добручѣ, нашедши въ дунайскихъ болгаряхъ, въ то время еще не ославянившихся, своихъ соплеменниковъ и союзниковъ. Такимъ образомъ западные печенѣги утвердили свой политическій бытъ, снова приходили въ силы и, помогая другъ другу, имѣли дѣятельное вліяніе на политическую жизнь Маджарскаго и Греческаго государствъ. Въ самомъ началѣ будучи соединены съ болгарями, они послѣ кровопролитныхъ битвъ побѣдили мад-

жаровъ и заняли, въ 892 г., ихъ поселенія, названныя Ателькузи, то-есть пограничія. Въ 943 г. они исправляли военную службу во время похода князя Игоря къ Цареграду; въ 965 г. въ первый разъ вторгнулись въ Русь и явились подъ Кіевомъ, но Святославъ отразилъ ихъ съ величайшими для нихъ потерями. Въ 972 г. они убили въ засадѣ князя Святослава, который возвращался изъ несчастнаго греческаго похода, 998 г. и съ честію служили Болеславу Храброму въ походъ на Русь. Въ 1018 году они служили ему въ другой разъ, когда онъ помогаль князю Святополку противъ Ярослава; въ 1019 г. будучи призваны княземъ Святополкомъ въ военную службу противъ князя Ярослава, приблизились къ рѣкѣ Альтъ; въ 1037 году ворвались во Фракію и жестоко опустошали ее; въ 1050 году, послѣ продолжительныхъ битвъ, вошли въ переговоры съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ и вступили въ военную службу; но озлобленные предательствомъ грековъ, они начали упорную и кровопролитную борьбу, которая едва съ величайшимъ трудомъ окончена была перемиріемъ въ 1052 году. Въ 1058 году, снова возмущившись противъ грековъ, они вели несчастную войну съ императоромъ Исаакомъ Комненомъ.

Восточныя печенѣги, не имѣя между собою тѣсныхъ связей, не могли соединиться въ одно политическое тѣло, и въ скоромъ времени измельчали. Впрочемъ, ихъ потомство расширилось и усиливалось, по мѣрѣ того, какъ имъ благоприятствовала война то съ упавшимъ государствомъ хазаровъ, то съ русью. Такимъ образомъ, въ отсутствіе князя Владиміра они напали, въ 993 году, на Русь и завладѣли порѣчьемъ Днѣпра. Въ другой разъ они напали на Русь въ 994 году, а князь Владиміръ, угрожаемый опасностію, едва могъ спасти жизнь свою подъ мостомъ въ Васильевѣ. Въ 997 году, въ отсутствіе князя Владиміра, который удалился по причинѣ приготовленій къ войнѣ противъ нихъ, они вторгнулись въ Русь, обложили Бѣлградъ и едва не завладѣли имъ. Послѣдній ужасный набѣгъ печенѣговъ случился въ 1037 году. Князь Ярославъ сразился съ ними подъ самымъ Кіевомъ и остался побѣдителемъ, послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день. Въ 1050 году они вели жестокою битву съ узами, которые напали на нихъ. Наконецъ, въ 1060 году, они начали грабить досель неизвѣстныхъ дикарей кумановъ, названныхъ въ русскихъ летописяхъ Половцами (см. Карамзина ист. Рос. т. II, стр. 70). При такихъ обстоятельствахъ печенѣги исчезали, соединя-

ясь съ остатками прочихъ кочевыхъ племень въ одну толпу, которая отличалась черными шапками (клобуками), отчего въ русскихъ летописяхъ они вообще и называются *черными клобуками*. собственно же они назывались берендеями, ковуями, черкесами и т. д. Эта самая смьсь народовъ, подъ владычествомъ кумановъ, разсыянно кочевала между Волгою и Дономъ. Будучи каждый разъ болѣе и болѣе утѣсняема, она боролась за свою независимость, но принужденная въ 1111 году охранять Русь, поселилась въ княжествѣ Сѣверскомъ и имѣла большое вліяніе на политическій бытъ Южной Руси. Такимъ образомъ пали и узы, но они не были совершенно поработаны. Будучи тѣсними нашествіемъ кумановъ, въ 1050 году, и убѣгая отъ нихъ послѣ продолжительной борьбы, они ворвались къ печенѣгамъ, потомъ оставили свои поселенія, въ 1065 году перешли Дунай и жестоко разорили Болгарію и Македонію. Когда же императоръ Константинъ Дука выступалъ на войну противъ нихъ, то узналъ, что они уже убѣжали за Дунай, томимые голодомъ и морозомъ и преследуемые мщеніемъ соединившихся болгаровъ и печенѣговъ. Они искали счастія въ другихъ странахъ, и въ 1070 году съ грабительствомъ вторгнулись въ Венгрію, но настигнутые князьями Гейзою и Владиславомъ и побѣжденные въ кровопролитной битвѣ, разсыялись. Въ-послѣдствіи, вступивши въ переговоры съ греками, они опредѣлялись къ нимъ въ военную службу. При такихъ обстоятельствахъ, узы и печенѣги, находясь между собою въ сосѣдствѣ, въ Добручъ и Буджакъ, были разоряемы или сами разорялись, потомъ въ общемъ обезсиліи стали соединяться въ одну толпу людей, которая въ темныя до-татарскія времена являлась по болѣеи части подъ именемъ *узовъ*. Съ этихъ поръ имя ихъ почти исчезаетъ въ исторіи, и только иногда показывается въ битвахъ венгерцовъ, грековъ, болгаровъ и русскихъ, какъ имя воиновъ, принятыхъ въ службу. Находясь въ такомъ положеніи, въ 1073 году, они разорили Болгарію и Фракію. Въмѣшавшись въ домашнюю войну, въ 1075 году, между Королемъ Саломономъ и Гейзою, они были предательски поражены. Заключивши перемиріе съ греческимъ императоромъ Алексѣемъ Комниномъ въ 1088, они побѣдили кумановъ, опустошившихъ Фракію. Въ 1091 году они вторгнулись въ Седмиградскъ, всюду распространяя ужасъ, но были поражены королемъ Владиславомъ и взяты въ плѣнъ при рѣкѣ Тисъ; между тѣмъ какъ ихъ собратія напрасно старались освободить ихъ, они остались

подъ владычествомъ венгерцевъ, какъ союзники. Это предки нынѣшнихъ язиговъ или ясовъ, то-есть стрѣльцовъ, теперь превращенныхъ въ маджаровъ. Въ 1094 году они безуспѣшно помогали Диогенезу, который воевалъ съ Алексѣемъ Комниномъ за императорскую корону.

Въ цвѣтущее состояніе княжества Галицкаго, въ концѣ XI ст., въ то время, когда оно имѣло большое вліяніе на политическую жизнь сосѣднихъ государствъ: венгерскаго, болгарскаго и греческаго, и развилось во всей своей силѣ, узы и печенѣги зависѣли отъ галицкихъ князей (такъ по-крайней-мѣрѣ я понимаю слова въ пѣсни о полку Игоревѣ: «Затвори въ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облаки, суды ряда до Дуная»), ибо они, будучи подвержены частымъ нападеніямъ кумановъ и не имѣя силъ противостоятъ имъ, сами добровольно покорялись галицкому владычеству. По этой причинѣ, кажется, они давно уже искали убѣжища внутри Галицкой Руси и селились въ ея деревняхъ и городахъ *.

Къ числу древнихъ поселеній узо-печенѣговъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ слѣдующія: *Печенижинъ*, мѣстечко на Покутьѣ; *Печенія*, деревня въ Злочовскомъ краѣ; *Узинъ*, деревня въ округѣ Тысьменицы, и *Узіѣвъ*, въ округѣ Болехова. Когда, въ началѣ XII столѣтія, куманы, расширяясь въ Буджакъ и Добручъ, стали селиться въ этихъ странахъ, то узы и печенѣги переходили къ сосѣднимъ венграмъ, болгарамъ и галичанамъ, и только малая часть изъ нихъ осталась между куманами. Они вели жизнь дикую и непостоянную, не имѣли опредѣленныхъ постановленій и руководились только любостыжаніемъ и алчностью. Замѣчательнъ былъ тамъ многолюдный и большой городъ *Берладъ*, первообразъ позднѣйшей Съчи, гнѣздо дикихъ грабителей **.

* Князь Трембовеельскій *Василько*, во время заточенія во Владиміръ, раскаяваясь на исповѣди въ надменности, по причинѣ довѣрія къ своимъ союзникамъ узамъ (въ русск. лѣт. *Торки*), куманамъ, берендеямъ и печенѣгамъ, даетъ намъ поводъ думать, что связь этихъ народовъ съ княжествомъ галицкимъ была не маловажна. См. Карамзина, Исторію Государства Россійскаго том. II, стр. 126: «Богъ наказалъ меня за гордость. Зная, что идти ко мнѣ союзныя торки (узы) берендѣи, половцы и печенѣги, я думалъ въ своей надменности: теперь скажу брату Володарю и Давиду: «дайте мнѣ только младшую дружину, а сами пейте и веселитесь!» Зимой выступлю, лѣтомъ завоюю Польшу. Земля у насъ не богата жителями: пойду на *дунайскихъ болгаровъ* и *пльиниками* населю ея пустыни.»

** *Берладъ*, теперь *Барладъ*, некогда многолюдный городъ, основанный близъ

Русь въ это время была въ печальномъ состояніи, особенно южная. Извнѣ—частыя нападенія кумановъ и литовцевъ; внутри—безпрестанныя смуты. Князья, ссорясь между собою и заботясь только о себѣ, мало думали о счастіи своихъ подданныхъ. Вотъ почему исторія этого времени представляетъ намъ смуты и безпорядки, безпрерывныя войны и перемирія, и въ особенности хищничество чужеземныхъ наемныхъ воиновъ. Во время такихъ смутъ народъ обыкновенно оставлялъ свои убѣжища, скрывался въ укрѣпленныхъ мѣстахъ или во глубинѣ лѣса; и это безпрерывное скитанье было одною изъ главныхъ причинъ, что дикіе мірограбители, татары, въ половинѣ XIII столѣтія, наложили свое варварское ярмо на всю Русь. Русины, живя разсыянно и несогласно, сражались по необходимости, лишеныя силъ и пособій. Такимъ образомъ, сѣверная Русь, разбросанная пепелищами деревень и городовъ и упитанная кровію непогребенныхъ гражданъ, покорилась татарскому игу. Той же участи подверглась южная Русь, безъ сомнѣнія не столь грозной въ отношеніи политическимъ, ибо долготѣнее поработеніе соединено было съ печальными событіями, которыя ускорили потерю политическаго значенія этой страны. Предпріятіе мудраго короля галицкой Руси, Данила, хотѣвшаго, помощію религіозно-политическаго союза съ западной Европою, освободить Русь отъ татарскаго ига, было тщетно, потому что неоставало къ этому согласія западныхъ монарховъ, а папская власть, по отдаленности своей, была слаба и недѣйствительна. Данилъ, будучи не въ состояніи противиться непріятелю и платя ему дань, успѣлъ снискать у хановъ Золотой Орды довѣріе къ себѣ и подтвержденіе своего государства, и такимъ образомъ утвердивши спокойствіе своихъ подданныхъ, заслужилъ себѣ благодарность и потомства. Ужасно было татарское иго; народъ погибалъ сперва отъ меча и голода, потомъ отъ мора. Скрываясь въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, онъ не могъ возобновлять своихъ сожженныхъ поселеній и об-

развалинъ древней дакской *Сусидавы*, былъ населенъ бѣглецами, которые столько разъ приобрѣтали себѣ славу. Эти люди происходили отъ разныхъ народовъ и были разныхъ исповѣданій; они жили безъ всякаго понятія о законахъ; единственною цѣлію ихъ было хищничество, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Такимъ образомъ толпы ихъ ограбили въ 1159 году цвѣтущій городъ Олешье, при устьѣ рѣки Днѣпра, гдѣ находилась складка греческаго хлѣба. Названіе *Берладникъ* означало въ то время бродячаго воина; въ томъ же смыслѣ названъ былъ берладникомъ и Іоаннъ Ростиславичъ Галицкій.

работывать опустошенныхъ полей. Нашествіе татаръ коснулось не только Руси, но и отдаленныхъ степей, гдѣ, кромѣ кумановъ, уже частію осѣдлыхъ, бродили еще остатки разсыянныхъ орды узскихъ, печенѣжскихъ и яскихъ, и русскихъ бѣглецовъ. Обитатели степей, на которыя нападали татары, не въ состояніи были противиться такому натиску, и съ ужасомъ убѣгали, отыскивая убѣжища въ Венгріи, Болгаріи и Греціи, также внутри галицкой Руси, по словамъ волынскихъ лѣтописцевъ (ист. Карамзина, исторія Государства Россійскаго, томъ IV, примѣчаніе стр. 45).

Ихъ новыя поселенія въ Венгріи находились въ кечкематской пустынь, въ Болгаріи и Греціи на Балканахъ; но нельзя достоверно сказать, гдѣ именно въ галицкой Руси они поселились; впрочемъ, кажется, что на Покутьѣ, около своихъ соплеменниковъ узо-печенѣговъ, гдѣ, посреди неприступныхъ лѣсистыхъ возвышенностей, они могли вести свою дикую, разбойническую жизнь.

Когда пало княжество галицкое, въ первой половинѣ XII столѣтія, и начала ослабѣвать сила монголовъ, то они испытали въ галицкой Руси первое вѣдшее пораженіе со стороны запада. По прекращеніи рода Мстиславичей, во время битвы поляковъ и венгерцевъ за наслѣдіе, желая своимъ мечемъ освободить этотъ край, они, съ большими потерями, разбиты были въ 1341 году, получивши послѣдній ударъ, нанесенный имъ венгерскимъ королемъ Людовикомъ I, такъ, что принуждены были немедленно оставить свои поселенія въ Буджакъ и Добручъ. Между тѣмъ, какъ румыны (валахи), по своей многочисленности, стали расширяться отъ карпатскихъ горъ до древняго княжества галицкаго, они нашли тамъ, кромѣ малаго числа румыновъ, жившихъ на равнинахъ, также (основываясь на словопроизводствѣ *Гуцулы*) и *узовъ* на горахъ. Я не могу здѣсь распространиться о томъ, какія средства употреблены были румынами для укрѣпленія этихъ новыхъ поселеній, хотя и слѣдовало бы вникнуть въ это обстоятельство. Кажется, не могло быть иныхъ средствъ, кромѣ лести и пронырства, съ которыми они втирались въ стѣхю народной жизни, и такимъ образомъ не обманулись въ своемъ пагубномъ вліяніи. Исторія, описывая выходъ румыновъ изъ внутренности Дакии, полагаетъ причиною этому, кромѣ многолюдства, также и притѣсненіе отъ такъ называемыхъ соседнихъ новыхъ румыновъ. Можно бы предполагать, что поводомъ

къ этому притъсненію было не различіе въроисповѣданій, но различіе народности; въ самомъ же дѣлѣ наиболѣе этому способствовали пришлецы *узы-печенги*.

Такимъ образомъ объясняется давняя и до-сихъ-поръ еще продолжающаяся ненависть нынѣшнихъ монтавяновъ (валаховъ) къ гуцуламъ, ибо узы, какъ обитатели горъ, были проворнѣе, живѣе и гораздо сильнѣе, нежели кроткіе, пастушескіе румыны и осѣдлые земледѣльцы русины, и это самое побуждало ихъ къ хищническимъ наѣздамъ на низменные страны.

Пришествіе узовъ въ галицкую русь также сопровождалось кровопролитіемъ; ибо они занимали страны на Покутьѣ, частію населенныя природными русскими, отъ чего еще до-сихъ-поръ у гуцуловъ остались древніе *грады* * съ урочищами. Бойки въ нижнихъ странахъ Покутьѣ даже до конца прошлаго столѣтія носили остроконечныя круглыя кучмы (бараньи шапки) и убрание (темносинее исподнее платье), и еще до-сихъ-поръ носятъ короткіе черныя сердаки (верхнее платье, тоже что у словаковъ *гуля*); изъ чего ясно видно, что эти бойки нѣкогда были горцами, которыхъ узы прогнали въ низменные страны. И потому-то эти нижніе обитатели Покутьѣ ненавидятъ гуцуловъ и опасаются ихъ, какъ давнишнихъ своихъ притъснителей; притомъ съ прозвищемъ *гуцуль* соединена у нихъ самая постыдная брань, которая не легко забывается. Няньки пугаютъ дѣтей этимъ именемъ, какъ домовымъ, которое у нихъ тоже значитъ, что имя *вово* или *бобо*.

Нѣтъ сомнѣнія, что узы, по прибытіи своемъ, не имѣя ни

* Грады (hradiska, hradiste южно-русское *городища*) суть первоначальныя славянскія укрѣпленія, насыпи изъ чернозема на почвѣ изъ крупнаго рѣчнаго песку, болѣею частію на высотахъ и при стеченіи двухъ рѣкъ.

Въ такихъ городищахъ, въ древнее время совершались религіозные обряды съ пѣснями и плясками, бывали также общественныя и гражданскія сходки, а во время войны эти городища служили вѣрною защитой. З. Д. Ходаковский, основываясь на отдаленности одного городища отъ другаго, также на общемъ и самомъ обыкновенномъ названіи славянскихъ начальниковъ—*староста*, думалъ, что въ округѣ каждаго городища было сто осѣдлыхъ семействъ, управляемыхъ старостами (т. е. старе-ста). Такое доказательство, основанное на ошибочномъ словопроизводствѣ, неудовлетворительно: этотъ вопросъ, одинъ изъ важнѣйшихъ, относительно славянской древности, остается и останется навсегда предположеніемъ. Между прочимъ достойно особеннаго замѣчанія сходство мѣстныхъ именъ, встрѣчающихся во всемъ славянствѣ. Такія имена заключаются или въ односложныхъ или многосложныхъ словахъ, напримѣръ: *орель*, *соколъ*, воронь (врань), *жаворонокъ* (skriwan), галка (kawka), *сорока* (straka) и т. д.

постоянныхъ осѣдлостей, ни пропитанія и убѣжища, безпрестанно вооруженною рукою нападали на низменные страны, грабили и разоряли поселенія мирныхъ земледѣльцевъ; также нѣтъ сомнѣнія, что стеченіе такихъ обстоятельствъ продолжалось долго, до-тѣхъ-поръ, пока мирные земледѣльцы, терзаемые частыми наѣздами, не опомнились и не пришли въ силы.

Съ этого времени, дикіе и свободные гуцулы, воспитанные на лонѣ природы, испытавшіе счастье и несчастье, стали мужать и возрастать. Жизнь русская, привитая къ ихъ народу, начала ровно приниматься, не смотря на ихъ дикую суровость, и преобразовываться въ благоустроенное общество, въ которомъ народъ созналъ самого себя.

Мы можемъ считать гуцуловъ народомъ смѣшаннымъ, народомъ полудикимъ, котораго бездушное и грубое существованіе ознаменовано отпечаткомъ оцепенѣнія. Это ясно показываетъ ихъ характеръ, наружно-спокойный и кроткій, внутренно же упорный, холодный и безчувственный; низость, жестокость и гнусная жадность до-сихъ-поръ отличаютъ ихъ отъ сосѣдей. Впрочемъ, гуцулы, посредствомъ частыхъ сношеній съ сосѣдними бойками, находились подъ вліяніемъ русскихъ; вмѣстѣ съ церковными обрядами, они приняли и языкъ русскій, также всю опытность народа и познанія, развитыя въ немъ; однакожь, они не умѣли духовно слиться съ русскими старожилками. Южно-русская народность, непонятая ими, заглохла въ нихъ и до-сихъ-поръ не можетъ процвѣсти и дать плодовъ чистой человѣческой образованности. И потому-то вліяніе образованности русиновъ на гуцуловъ и тѣсныя между ними сношенія не возбудили еще того пламеннаго сочувствія, которое замыкаютъ соединяющихся въ одинъ общественный кругъ; вообще ихъ нравственная природа носить на себѣ отпечатокъ чего-то чуждаго и непріятнаго. Впрочемъ, и то положеніе, въ которомъ мы теперь ихъ находимъ, дѣлаетъ ихъ важнымъ предметомъ для каждаго изыскателя славянщины вообще и особенно для русскаго; ибо изслѣдованіе ихъ быта, съ низшимъ и высшимъ взглядомъ, раскроетъ матеріалы, которые доставятъ разнообразное содержаніе для правоописательныхъ замѣчаній.

Безъ сомнѣнія, ихъ русскіе сосѣди, нижніе бойки *, во всякомъ случаѣ, превышаютъ ихъ, но и гуцуламъ нельзя отказать

* Авторъ этой статьи обѣщаетъ со временемъ представить обширѣйшее сужденіе о бойкахъ, которые сами такъ называютъ себя и сербовъ.

въ ихъ собственномъ преимуществѣ. Все въ исторіи имѣетъ свое основаніе. Бойки, будучи издавна ограждаемы постоянными обрядами Богослуженія и учрежденіемъ законовъ, выдержали борьбу съ своею участью, всегда имъ непріязненною; между тѣмъ какъ внутреннее духовное развитіе, хранимое ими съ давнихъ временъ, придавало имъ силы и не допускало ихъ сдѣлаться дикими. Бойки происходятъ отъ древняго народнаго поколѣнія, у котораго изъ самыхъ зачатковъ произрасло сѣмя просвѣщенія и потомъ многообразно развилось; вотъ почему суровое время, разрушительно коснувшись колыбели этого образованнаго народа, не смотря на роковые перевороты, не могло истребить всѣхъ остатковъ лучшаго времени и въ полномъ цвѣтѣ развитой жизни у этого народа. Опытный изыскатель могъ бы, относительно исторіи и обычаевъ, представить довольно занимательный очеркъ жизни этой страны. Галичъ при Днѣстрѣ былъ знаменитою столицею княжества, процвѣтавшаго образованностію и силою. Однакожъ, древняя слава исчезла, княжество пало. Но воротимся къ гуцуламъ.

Черта, отдѣляющая гуцуловъ отъ бойковъ-русиновъ, начинается въ Стрыйскомъ краѣ, близъ Попадіи, одной изъ низшихъ карпатскихъ вершинъ, на самыхъ границахъ, и тянется вдоль потока Молоды и Ломницы на востокъ до Станиславовскаго края, за мѣстечко Солотвину, около Надводны до Делатына, потомъ до Коломыйскаго, въ сторону отъ Прута и Лужки къ Яблону, Пыстыну, Косову до самыхъ Куть (Kuty), наконецъ до Буковины, до самаго Серета, гдѣ захватываетъ послѣднюю часть Валахіи. Не могу съ точностію опредѣлить, какъ далеко простираются ихъ селенія по другую сторону Карпатъ въ Венгрію.

Наружность гуцуловъ отличается статностію, пригожествомъ и очень хорошо согласуется съ краемъ, въ которомъ они живутъ. Подъ густыми бровями черные пламенные глаза; черты лица выразительныя и исполненныя жизни, ростъ стройный и высокій; движеніе, не атлетическихъ, но мужественныхъ членовъ, гибкое и проворное.

Одежда мужчинъ и женщинъ отличается приличіемъ. Мужчины мало заботятся о своемъ убранствѣ: и взрослые и дѣти одѣваются почти одинаково. Рубашка короткая, едва закрывающая грудь, вышитая на плечахъ *мережками*, т. е. цвѣтами*;

* Мы не совсѣмъ согласны съ авторомъ, потому что мережка не собственно цвѣты, но вышивка и цвѣтами, и полосками, и арабесками. *Прим. Ред.*

исподнее платье широкое, красное, из толстаго сукна; обувь из толстой кожи, гладко и плотно прикрывленная къ ногамъ *волоками* (шерстяными перевязками); широкій, ременный поясъ, всploшь усаженный гвоздиками и крючками и обвѣшанный рядами шариковъ, перстней и колець, между ними висить огниво и длинная игла; за поясомъ пара пистолетовъ и ножъ въ ножнахъ, иногда же и длинная *писаная* (то-есть съ разрисованной рукоятью) свирка, на груди маленькіе красивые крестики; черезъ плечо повѣшена кожаная сумка, всploшь усаженная гвоздиками, иногда разноцвѣтный шерстяной кошелекъ (у гуцуловъ *дзевенка*); короткій, красный плащъ, застегиваемый на шею крючкомъ, теперь всегда съ рукавами, спущенный; подъ плащемъ надѣтъ родъ кафтана, (у гуцуловъ *киптарь*), красиво вышитаго шелкомъ; шапка (у гуцуловъ *кресаніе*) высокая, остроконечная, внизу покрытая широкою бляхою, убранныя пукомъ птичьихъ перьевъ, особенно павлиньихъ, также пукомъ цвѣтовъ или еловыхъ вѣтокъ; кромѣ длинныхъ волосъ, спадающихъ по плечамъ, они носятъ также густые, отвислые усы. Это обыкновенный гуцульскій нарядъ, который частію иногда изменяется, какъ напримѣръ въ окрестностяхъ Подгорья, гдѣ обыкновенно плащи длиннѣе, бараньи шапки (кучмы) выше, исподнее платье по бoльшей части синее, *кресаніе*, или просто шапка, низкая, съ широкими полями; зимою же они носятъ короткій тулущъ и лисью шапку (у гуцуловъ *кляпаніе*); въ Предгорья широкій кашонъ (у гуцуловъ *джугла*), а за Карпатами, въ Венгріи, косматую *чулу*. Прежде головной уборъ гуцуловъ былъ красивѣе, потому-что они носили высокій колпакъ, обшитый пестрою тканью; на немъ блестяли бусы и побрякушки, наверху воткнуть былъ пукъ изъ перьевъ какой-нибудь птицы, или изъ еловыхъ вѣтокъ.

Такой колпакъ упоминается всегда въ народныхъ повѣстьяхъ о гайдамакахъ. Между тѣмъ, какъ мужской нарядъ отличается простотою и скромностію, женскій, напротивъ, богатствомъ и роскошью, притомъ онъ всегда соединенъ съ некоторымъ вкусомъ. Тонкая рубашка, съ широкими вышитыми рукавами, которыхъ складки подобраны внутрь и обхватываютъ руку, а плечи вышиты шерстью наподобіе розъ, коньковъ и *церкви* *; на рубашку набрасывается матерчатая душегрѣйка, бoльшею частію краснаго цвѣта, иногда прошита золотыми нитками; исподница

* Такъ бойки и гуцулы на Предгорья называютъ три цвѣтка, которыми въ особенности вышивается женское бѣлье.

въ складкахъ, иногда изъ цвѣтнаго каленкора; повѣрхъ исподницы пестрый передникъ (у гуцуловъ *фота*) и красный *каламайковий** поясъ, широкіе, суконные чулки (у гуцуловъ *опеньки*), красные сапожки съ подковками, чаще же башмаки; шея украшается всякими женскими побрякушками, ниткою изъ коралловъ или цѣпочками (у гуцуловъ *гарда*) и дорогими бусами (по-малороссійски *намисто*) изъ каралловыхъ снурковъ, съ крестиками, прицѣпками, перстнями; на пальцахъ серебряные перстни и кольца; наконецъ сверху надѣвается черный плащъ.

У дѣвушекъ волосы заплетаются въ двѣ косы, перевиваются краснымъ гарусомъ, складываются вѣнкомъ и убираются повязкою, узорчато вышитою блестками; сверху прикалывается букетъ или павлинье перо; у замужнихъ* голова покрывается бѣлымъ флеромъ. Вотъ описаніе щегольского наряда гуцулокъ; вообще онъ бываетъ нѣсколько различенъ въ нѣкоторыхъ странахъ, но это различіе не отнимаетъ у него свойственнаго ему характера. Дѣвушки въ Буковинѣ надѣваютъ на голову повязку, а на венгерскихъ гористыхъ мѣстахъ надѣваютъ, по старинному обычаю, вѣнокъ изъ руты или барвинка**. Гуцулки красивы, пріятны и одарены всеми прелестями своего пола столько же, сколько и самые гуцулы. Онѣ вполнѣ это сознаютъ, и потому-то стараются нравиться величественнымъ ростомъ и бѣлизною лица; притомъ онѣ, по обыкновенію, большія кокетки; однакожь, что касается до тѣлеснаго сложенія, то женщины вообще низки и не столь видны собою, какъ мужчины; кромѣ того, по справедливости можно отказать имъ въ красоту, потому что онѣ часто толстѣютъ, теряютъ прелесть и скоро старѣются.

О нравственности гуцуловъ вообще можно сказать, что глав-

* *Каламайка* — шерстяная матерія, нѣкогда завезенная крымскими татарами.

** Гуцулы Соловинскаго повѣта, или староства, одѣваются подобно горцамъ и сосѣдямъ ихъ, бойкамъ, въ Стрыйскомъ краѣ. Мужчины носятъ низкія шляпы съ широкими полями, обведенныя жестянымъ ободочкомъ, или цвѣтною лентою; черныя плащи и синее исподнее платье; зимою же высокую баранью шапку; дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу, спущенную вдоль плечъ и перевитую разноцвѣтными лентами; на вискахъ мелкіе кудри, а въ серьгахъ золоченые листки барвинка. Замужнія обвиваютъ голову бѣлымъ покрываломъ (перемятка), котораго длинныя и широкіе два конца сзади спадаютъ до-земли. Они занимаются земледѣліемъ и хозяйствомъ, не брѣютъ головы и только по названію своему принадлежать къ гуцуламъ; что же касается до этнографическихъ отличій, то они составляютъ пынь часть бойковъ.

ную черту ихъ характера составляетъ чрезмѣрная или, лучше сказать, низкая алчность, которая проявляется въ разныхъ склонностяхъ и, какъ паутина, опутываетъ ихъ всеневную жизнь, имѣя сильное вліяніе на развитіе ихъ понятій. Эта алчность, смотря по свойствамъ, обнаруживается разнымъ образомъ. Впрочемъ, искренность, смѣлость, разговорчивость составляютъ похвальные качества гуцуловъ обоюго пола; однакожь они не позволяютъ шутить надъ собою, нескоро забываютъ обиду: ихъ мщеніе, соединенное съ коварнымъ упорствомъ, можетъ быть ужасно. Съ другой стороны, эту алчность можно также назвать причиною ихъ дѣятельности и живости; ибо она сначала пробудивъ ихъ отъ мертвой бездѣйственности и призвавъ къ удалой гайдамацкой * жизни, теперь ведетъ ихъ къ благоустройству въ домашней жизни и много способствуетъ улучшенію ихъ положенія. И потому-то, у нынѣшнихъ гуцуловъ, посредствомъ торговли съ низменными странами, стала развиваться нѣкотораго рода промышленность, хотя слабая и незначительная, однакожь похвальная.

Деревни гуцульскія обширны; хижины разбросаны такъ, что каждая изъ нихъ стоитъ особю, отдѣляясь одна отъ другой са-

* Выше уже было замѣчено мною, что въ Берладѣ надобно искать первыхъ слабыхъ начатковъ старой сѣчи. Узы, и послѣ своего изгнанія изъ древнихъ поселеній, и по принятіи другаго образа жизни, какъ грубые пастухи, не бросили совершенно своихъ давнихъ обычаевъ. Душа ихъ по природному влеченію стремилась къ гайдамачеству. Не излишнимъ будетъ описать здѣсь гайдамацкую жизнь по образцу В. Стефановича Караджина (въ разсужденіи о *Айдукахъ*); особенно потому, что, какъ въ именахъ *гайдука* и *гайдамака*, такъ и во всей ихъ дѣйствительной жизни, замѣтно чрезвычайное сходство. (Слово *гайдамака*, *гайдамаха*, *гайдамакъ*, несправедливо производили отъ словянскаго *гай-дамакъ*, т. е. *обитатель роши* (Гай). Это слово чужеземное, именно, заимствованное изъ турецкаго языка; сравн. *гайдей* съ *hiltaj* и *hultaj* (гуляка, удалецъ). Последнее слово слышится также въ языкѣ румынскомъ и означаетъ бродящаго пастуха, а на южно-русскомъ нарѣчій неженатаго бродягу). По-крайней-мѣрѣ, хотя слегка, коснусь здѣсь этого предмета. Исторія края, названнаго Покутьемъ, съ незапамятныхъ временъ представляетъ только бѣдствія и безпорядки; этотъ край былъ на распутіи словянскихъ народовъ, которые занимались земледѣліемъ и ремеслами съ бродящими пастухами сѣвернаго племени. По этой причинѣ являлись и опять исчезали въ этихъ странахъ многочисленныя народы и поколѣнія, бывшіе то *воителлями*, то бѣглецами, то мучениками. То же самое происходило, когда этотъ край частію составлялъ галицкое княжество, также когда вошелъ въ составъ польскаго королевства, да еще и до того времени, когда *бушевали* половцы и маджары, потомъ волахи и татары, которые стали грабить и тѣснить эту часть южной Руси. Турки частыми нападѣніями и войнами произвели въ здѣшнемъ рускомъ народѣ новое бѣдственное изнемо-

дами, лугами или перельсками и лощинами. Эти хижины бывают съ низкими, досчатыми кровлями, съ двумя дверями, иногда съ *святлицею* и коморкою; внутри полъ деревянный, иногда, кромь каминовъ (у гуцуловъ *горна*), часто можно найдти въ нихъ нѣсколько большихъ образовъ. Во внутренности законченной дымомъ хижины, напротивъ большой печки, находятся полки для кухонной посуды, у стѣны стоятъ двѣ лавки, *кровать*, покрытая одяломъ, наконецъ *жердь*, на которой вѣшается всѣдневное платье; кромь того, столъ на крестообразныхъ ножкахъ, покрытый бѣлою скатертью, иногда же *сундукъ* съ бѣльемъ и платьемъ. На дворѣ стоятъ сарай, хлѣвъ и пчельникъ; находится также небольшой огородъ для зелени и овощей, а вокругъ простираются луга или садъ. Вотъ общій очеркъ гуцульской домовитости. Нѣсколько стоящихъ вмѣстѣ хижинъ составляютъ *конецъ* (т. е. особое отдѣленіе деревни съ собственнымъ имениемъ, подъ управленіемъ *челяднаго* начальника (у гуцуловъ *ватажка*); представителемъ же всей деревни есть князь или атаманъ, который, вмѣстѣ съ ватажками, составляя общій советъ старшинъ, совѣщается съ ними и рѣшаетъ судебныя дѣла. Гу-

женіе. Очевидно, что при такихъ бѣдствіяхъ и притѣсненіяхъ, народъ самъ долженъ былъ заботиться о своей участи. Это было причиною, что толпы бѣглецовъ искали убѣжища на гуцульскихъ горахъ, гдѣ, если случалось, они воплощались въ массу гуцуловъ, частію превращая своихъ служителей въ русиновъ, частію отказываясь отъ всякаго общественнаго благоустройства и порядка. Изъ смѣшенія разныхъ породныхъ стихій образовалась эта особенная жизнь, съ признакомъ нѣкотораго порядка и законовъ, т. е. удалая, гайдамацкая жизнь. Эта жизнь вполнѣ развилась на высотахъ Покутья. Буйные и сильные гайдамаки, какъ горы, на которыхъ жили, готовые мстить своимъ притѣснителямъ за оскорбленіе и обиду, отказались отъ чувства челолюбія и предались необузданнымъ жестокостямъ. Однакожь, они составляли часть русскаго народа: одинъ и тотъ же духъ оживлялъ ихъ и проявлялся такимъ же образомъ, какъ и у другихъ русскихъ поколѣній. Безъ сомнѣнія, все, что касается до ихъ дѣятельной и *удалой* жизни, чрезвычайно занимательно и, по многимъ отношеніямъ, всегда останется важнымъ для исторіи. Жизнь гайдамацкая на Покутьѣ очень рано развилась и процвѣла, но истинная, самобытная народность не могла ни возникнуть, ни получить начала отъ другой, во время непрерывной, свирѣпой войны. Послѣ этихъ временъ осталось только то, что народъ еще досихъ-поръ воспоминаетъ о гайдамакахъ; въ чемъ мы можемъ замѣтить какую-то мечтательную любовь къ своей славі. Къ одному изъ самыхъ живыхъ воспомнаній о гайдукахъ, принадлежитъ воспоминаніе о единственномъ въ своемъ родѣ богатырѣ *ватажкѣ Добощукѣ*, (который называется также *Добошемъ*), прославляемомъ въ народныхъ пѣсняхъ и повѣстьяхъ на Подгорьѣ и на Подоліи. (Мы приведемъ ниже пѣсню о его смерти).

цумы выслушиваютъ ихъ приговоры, какъ достохвальныя изреченія наслѣдственной мудрости, основанной на многолѣтней опытности.

По этой причинѣ они много уважаютъ своихъ семейныхъ начальниковъ: когда встрѣчаются съ ними, то всегда цѣлуютъ у нихъ руку и подходятъ къ нимъ подѣ благословеніе. Узы взаимности, утвержденныя челядными начальниками, соединяютъ все семейства въ общій дружественный кругъ, и потому они охотно собираются на общественныя празднества (*кошани*) и на вечерницы (т. е. на общественныя вечернія работы), гдѣ молодые люди, прислушиваясь къ обычному разговору стариковъ, развиваютъ свои душевныя способности и образуютъ умъ.

Сельское хозяйство у гуцуловъ еще находится на низкой степени. Рѣдко гдѣ можно увидѣть на полѣ посѣвъ зеленого овса или льну; иногда попадаетъ кукуруза, чаще же картофель, который, болѣею частію по нерадѣнію и невѣжеству, пропадаетъ на полѣ, притомъ рѣдко бываетъ поздняя жатва, потому что жестокая зима, иногда еще въ августѣ, съ морозами и снѣгами, свирѣпствуетъ на горахъ, такъ, что нѣтъ времени ни созрѣть хлѣбу, ни собрать его. И потому у гуцуловъ нѣтъ ни плуга, ни житницъ, ни даже воза и саней. За то скотоводство составляетъ главную ихъ промышленность, которою они усердно занимаются, находя въ ней единственный способъ для своего пропитанія. Многочисленные пчельники и стада рогатаго скота показываютъ, съ какой любовью, опытностію и старательностію занимаются они этими вѣтвями сельскаго хозяйства. Если же иногда случается встрѣтить между ними довольство, то оно происходитъ отъ разведенія овецъ, потому что овца, какъ говоритъ народная пословица горцевъ, одѣваетъ и питаетъ молокомъ, а землю удобряетъ навозомъ. И потому-то хорошій овчаръ и хорошая собака означаютъ у гуцуловъ довольство. *Мишеніе* (у испанскихъ горцевъ *mesta*), когда хозяева выгоняютъ на пастбище въ горы своихъ овецъ, на Карпатахъ считается большимъ, веселымъ праздникомъ. Хозяева съ семействами сходятся на назначенномъ полѣ (на пастбищѣ), когда выгоняется *турма* (т. е. стадо изъ 2000 штукъ) ихъ овецъ; тамъ избираютъ главнаго ватажка надо всеми овчарами, допускаютъ по порядку, поочередно, донѣ своихъ овецъ и раздадутъ маленькихъ ягнятъ тѣмъ, у которыхъ есть худыя. Все это соединено съ радушнымъ угощеніемъ, попойкою, плясками и музыкою.

На высотахъ, гдѣ пасутся овцы, вполне представляется кочевая жизнь: овчары, въ черныхъ рубахахъ, въ круглыхъ шляпахъ, сваленныхъ изъ шерсти, тянутся съ пастбища на пастбище, дѣлають загородку для овецъ, шалаши для своего жилья и сараи для стада. Эта жизнь бѣдна и безпокойна, ибо они бывають принуждены сносить или безпрестанныя непогоды или нестерпимый зной и, часто, неизбежныя укушенія роящихся комаровъ; впрочемъ, они находятъ некоторое утѣшеніе въ пѣсняхъ и музыкѣ. Тамъ, на высотахъ, подъ шалашами, они отваривають *будзь* (снятое молоко), изъ котораго дѣлается сыръ; собирають *жипичицы* (т. е. сыворотку овечьяго молока) и *урду* (*caseus secundarius*), которая служитъ для горцевъ пріятнымъ лакомствомъ; *будзь* и *урда* отвозятся на вьючныхъ лошадяхъ въ кадкахъ (по-гуцульски *терьхъ*) въ деревню. Подобную жизнь ведутъ пастухи въ горныхъ долинахъ, гдѣ пасется рогатый скотъ. Эти пастухи въ шалашахъ отваривають изъ молока *паренку* (т. е. пареное молоко, у гуцуловъ *цванка*), самую густую; дѣлають также сыръ и молоко.

Вмѣстѣ съ скотоводствомъ отчасти развилась у нихъ хозяйственная промышленность. Гуцулы дѣлають множество кадокъ для молока, сыра, масла, сыворотки и проч.; кромѣ того, они вытачивають разную посуду и вырѣзываютъ на ней особеннаго рода изображенія и странныя узоры, которыми отличается также ихъ вооруженіе; гуцулки прядутъ чесаный ленъ и шерсть, ткуть полотна и сукна, которыя очень искусно умѣють красить.

Кромѣ молока и рыбы, главную пищу гуцуловъ составляютъ хлѣбныя растенія: овесъ и кукуруза. Изъ овса они приготавливають *чиръ* (въ родѣ киселя) и пекутъ изъ кукурузы *коржи* (лепешки); кромѣ печенія, извѣстнаго у нихъ подъ названіемъ *мелайнь* (лепешка) и *стунье* (пирогъ), они готовятъ еще свои любимыя кушанья *мантули* (пироги) и *кулеши* (кашица). Изъ овощей, исключая капусты, они употребляютъ рѣпу и картофель. Мяса не ѣдятъ, развѣ только иногда въ праздникъ и во время пиршествъ.

Гуцулы ведутъ жизнь бѣдную и отягощенную недостатками, однакожь неохотно оставляють свои печальныя горы, въ которыхъ находятъ какую-то необыкновенную пріятность. Когда гуцулъ бываетъ на низовьяхъ, то сердце его наполняется тоскою, скука одолеваетъ его и снова влечетъ къ синимъ высотамъ и

прохладнымъ источникамъ. Гуцулы суть горцы; простыя дѣти дикой природы, полныя жизни, вотъ почему они всей душею привязаны къ природѣ; они, такъ сказать, находятся въ томъ періодѣ, когда человекъ, будучи связанъ общественными узами со всеобщою великою жизнію, есть ни что иное, какъ только частица единого бытія. Гуцулъ бываетъ бодръ и веселъ на горахъ, гдѣ бушуетъ вѣтеръ; думы и мечты его находятся надъ пропастями и водопадами; онъ любитъ звѣздами небесными и земными, которыя разсыпаны надъ нимъ и вокругъ шалашей. И гуцулка, въ грустныхъ мечтахъ о своемъ миломъ, съ которымъ разлучилась, братается съ вѣтромъ и мѣсяцемъ, и называетъ звѣзды своими сестрами.

Гуцулы не любятъ торговли, и потому они скромны въ своихъ желаніяхъ и не знаютъ большихъ нуждъ; по этой же причинѣ только теперь начинаютъ развиваться у нихъ промышленность; между ними часто можно найти людей, которые никогда не выходили изъ своей деревни, равнодушно и спокойно оставаясь въ ней. Но голодъ и недостатки побуждаютъ ихъ къ дѣятельности; такимъ образомъ бѣдные жители таскаются по низовьямъ съ цѣлыми семействами и нанимаются въ полевые работники, съ косою или топоромъ. Особенно на весну гуцулы съезжаются на своихъ лошадкахъ въ сосѣдніе города: *Выжницы, Куты, Косовъ, Пистинъ, Яблоновъ, Делатинъ* и *Надворну*, гдѣ свои суровые земные плоды, или разныя рукодѣлія, они мѣняютъ на овесъ и кукурузу. Такимъ же образомъ, лѣтомъ, они иногда сплавливаютъ по рѣкамъ лѣсъ и доски къ низовьямъ для подгорцевъ, прозванныхъ *мажарами* отъ ихъ *мажъ* (т. е. тельгъ). Эти-то мажары, поддерживая сообщеніе между Покутьемъ и Подолією, имѣютъ наибольшее вліяніе на образованность гуцуловъ.

Я теперь не могу представить полного очерка жизни гуцуловъ, и потому, набросавши безъ связи отдѣльные черты, приступаю къ разсмотрѣнію ихъ умственной жизни, а именно къ языку.

Языкъ гуцульскій состоитъ изъ двухъ стихій: изъ собственно узской и привитой русской (русинской), или, лучше сказать, онъ не что иное, какъ языкъ русскій, привитый къ узскому корню, только, не смотря на сходство съ сосѣднимъ нарѣчіемъ бойковъ, преобразованный на собственныхъ началахъ. Кромѣ

непріятной пѣвучести словъ *, онъ отличается еще какою-то грубостію и шероховатостію: *л* и *ы* звучатъ чрезвычайно рѣзко и твердо; *у* часто переходитъ въ средній звукъ между *о* и *у*; знакъ *ь* очень рѣдко бываетъ слышенъ; *ь*, собственно южно-русское, болѣе выражаетъ звукъ *е* нежели *і*; но *а* и *я* превращаются въ *е* и *іе* (*је*).

Что касается до обѣихъ стихій гуцульскаго языка, то узская, какъ можно заключить по отрывку нижеприведенному, совершенно необработана и происхожденія иноземнаго, также вообще не имѣетъ никакого сходства съ словянскимъ языкомъ, или съ нарѣчіями, сродственными ему. Напротивъ того, привитый къ узскому языку, языкъ русскій есть вѣтвь великаго словянскаго корня, вѣтвь живая, исполненная крѣпкой силы. Кромѣ вышеупомянутыхъ, отдѣльныхъ выраженій, присоединимъ еще здѣсь небольшой словарь гуцульскаго языка, предоставляя объясненіе особенныхъ словъ изыскателямъ языка; именно потому, что нѣкоторыя выраженія, не смотря на то, что въ нихъ отзываются чуждые звуки, существуютъ еще и въ прочихъ образованныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ **. Прежде всего обратимъ вниманіе читателя на подобозначащія выраженія, которыя часто встрѣчаются въ гуцульскомъ языкѣ; напримѣръ *Флекевъ*—*легинь* (юноша); *регезу.не*—*дивка* (дѣвушка), *баструкъ*—*копель* (незаконнорожденный); *ливада*—*лазъ* (лугъ); *дилъ*—*горбъ* (бугоръ); *звиръ*—*іеруга* (проваль); *горкань*—*макура* (высокая гора, латинск. *alpis*); *аршица*—*полопина* (крутая гора), *смила*—*млака* (болото), и т. д.

Вотъ другія гуцульскія слова:

* Известно, что главнымъ отличіемъ языковъ сѣвернаго племени есть очевидная бѣдность въ словахъ, которыхъ разнозвучность удивительна до такой степени, что одно и тоже слово, смотря по различному его произношенію, имѣетъ множество разныхъ значеній. Почти тоже самое отличало и языкъ узовъ; и потому легко объяснить ту пѣвучесть и твердость, которыми отличается гуцульское нарѣчіе. Безъ сомнѣнія, русскій языкъ, сдѣлавшись у гуцуловъ природнымъ, долженъ былъ принять характеръ того языка, котораго мѣсто онъ занялъ; съ чужими выраженіями тогда же слились природные звуки, и такимъ образомъ возникло нынѣшнее гуцульское разно-нарѣчіе (*hypodialectus*).

** Такія слова болѣею частію мы встрѣчаемъ у тѣхъ словянскихъ поколѣній, которыя находятся въ сосѣдствѣ, или издавна были въ сосѣдствѣ, съ турецкими племенами; напр. у сербовъ: *амбергъ*, *газда*, *ливада*, *чабанъ*, *джерла*; въ украинскомъ: *нене*, *дѣдо*, *чваръ*, *потала*, *байдакъ* и т. д. Удивительно, что нѣкоторыя гуцульскія слова употребляются также у волоховъ.

- Анберь — анбарь.
 Апта — вишневое дерево.
 Арькань — аркань.
 Аршица — дикая гора.
 Байдакъ — паромъ, перевозъ.
 Балтоваты — баловаться.
 Баковаты — тужить.
 Баструкъ — незаконнорожденный.
 Беръчевъ — колыбель.
 Бери — засовка въ дверяхъ.
 Безыты — поручиться за что-нибудь.
 Блавиты — портить, истреблять.
 Бліета — топоръ.
 Бутей — *opilio inferior*.
 Быгарь — палка, дубина.
 Варе — почти.
 Вержь — пропастъ.
 Ворохъ — вмѣсть.
 Газда — хозяинъ.
 Гелетка — Четверть,
 Гелево — брюхо.
 Горконь — раст. *galanthus*.
 Говиты — говѣть*.
 Гранатка — окно.
 Грегить — груда камней.
 Грунь — заросшая гора.
 Гараваты — утомиться.
 Глей — рѣчная глина.
 Глоскомъ — безпорядочно.
 Горнъ — камень.
 Дъде — отецъ.
 Дешевый — такъ и по-русски.
 Дибіе — едва.
 Диль — пригорокъ.
 Дука — богатый.
 Дзіема — похлѣбка.
 Дзеръ — сыроватка.

* Намъ кажется, что этого глагола не следовало помещать въ словарь, потому что онъ чисто русскій, только въ малороссійской формѣ. *Прим. Ред.*

- Джорле — свинья.
 Джугля — шуба.
 Ерьчъ — ежъ.
 Жерь — ржа.
 Жніега — трусь.
 Кимакъ — палка.
 Клевецъ — молотокъ.
 Копель — незаконнорожденный.
 Ковыніе — кустъ.
 Кулье — домъ.
 Лазъ — лугъ.
 Лэлэгчы — сѣтовать.
 Лемзиты — торопиться.
 Лэгинь — юноша, молодець.
 Мывауа — лугъ.
 Майданъ — пространство въ боку горы.
 Макура — раст. *galanthus*.
 Малигъ — стадо.
 Мериндье — обѣдъ.
 Млака — болото.
 Мусадъ — огниво.
 Нене — мать.
 Облазь — поросшая травою вершина горы.
 Пантроваты — стеречь.
 Пажовытый — прозорливый.
 Петекъ — верхнее платье.
 Плай — узкая тропинка.
 Прымха — болтунъ.
 Рапа — скала.
 Ринь — крупный рѣчной песокъ.
 Рондиль — ссора.
 Ршіе — жеребенокъ.
 Рунтоваты — возмущать.
 Сага — приливъ.
 Салабаныты — выступать.
 Сарака — бѣднякъ.
 Саупъ — скамья.
 Саваты — докучать, втираться.
 Саврасыстый — бѣшенный, свирѣпый.
 Склепитіе — утесъ.

- Сохтоваты — готовить.
 Сокотиты — стеречь.
 Сугъ — проваль.
 Сутычь — переулокъ.
 Сыгла — болото.
 Сымбрылье — мзда.
 Таль — обѣтъ, обѣщаніе.
 Телемъ — развалины дома.
 Торонкій — щедрый.
 Товтеръ — купецъ.
 Угурный — обоудный.
 Фацарный — своевольный.
 Файный — чистый, опрятный.
 Фель — ударъ.
 Флекевъ — юноша.
 Флудоваты — баловаться.
 Фрига — привидѣніе, призракъ.
 Фуловаты — чистить.
 Халактерникъ — чародѣй*.
 Хамный — чистоплотный.
 Хороны — (мн.) своды.
 Чабанъ — пастухъ.
 Чембиръ — покровка.
 Чукурлей — жаворонокъ.
 Чваръ — военная тревога.
 Шкана — плохая лошадь.
 Штола — скала.
 Ярокъ — пучина, водоворотъ.

Гуцулы отъ вліянія узкаго языка и отъ частыхъ сношеній съ бойками, забыли природный языкъ**, и присвоили себѣ чужой,

* У запорожцевъ—характерникъ. *Прим. Ред.*

** Чтобы нѣсколько дополнить гуцульскій словарь, я приведу еще нѣкоторыя извѣстные мнѣ, родовыя имена, также названія заселенныхъ и пустыхъ полей, наконецъ рѣкъ и потоковъ. Родовыя имена: *Галатъ, Гоцманъ, Вашкуръ, Манджула, Магасъ, Кыка, Гырда, Гава, Цебанъ, Салабанъ, Кофель, Клусъ, Майло, Базалукъ, Губеръ, Пындюкъ, Гарухъ, Куря, Гайда, Гуля, Флока, Дзиеба, Дронокъ, Минда*. Названіе заселенныхъ полей: *Шешоры, Акрышоры, Ферескулье, Дора, Брустуры, Рунуры*, пустыхъ: *Кондолинка, Гига, Пецыга, Бурканъ, Росшивъ, Горіанъ, Кепута, Стрыпленка, Свалъсужи, Гарцецъ, Чептурашиъ, Пштрисг*.

русскій, переимавши его по своему. Бойки же, съ своей стороны, заняли отъ гуцульскаго языка довольно много формъ и выраженій; напр. частое употребленіе буквы *г* (*д*) *газда*, *грунь*, *гелево*, *гелетка*, *легинь*; также двугласное *йе* (*ъ*) вмѣсто *я*, *йейце*, *йевирь* и т. д. Чѣмъ далѣе отъ гуцульскихъ странъ, тѣмъ болѣе неизвѣстны эти формы и выраженія, а вышеприведенныя слова образованными бойками произносятся: *Грунь*, *Телево*, *Діелетка*, *Лединь*, *Яйце*, *Явирь* и т. д.

Гуцулы народъ веселый и проворный; они большіе любители плясокъ, которыя, можетъ быть, улаждаютъ ихъ суровую, заботливую жизнь. Сама природа на своихъ высотахъ, обуреваемыхъ вѣтрами, нѣкоторымъ образомъ есть ихъ наставница въ пляскахъ и преподаетъ имъ прекрасную науку гибкости и стройности. По этой-то причинѣ, толпы гуцуловъ всегда съ веселымъ говоромъ сходятся на игры, и обыкновенно съ музыкою и пѣснями до поздней ночи предаются пляскѣ. Ихъ пляски живы и быстры, исполнены удалства и рѣзвости, и очень вѣрно выражаютъ ихъ жизнь съ ея праздною веселостію, заботами и безпечностію; вотъ ихъ названія: Волошскій Арканъ, который танцуютъ мужчины, и русское коло, которое танцуютъ женщины. Арканъ есть танецъ дикій и многосложный, согласный съ характеромъ мужчинъ; онъ исполненъ живыхъ, быстрыхъ и смѣлыхъ оборотовъ, въ которыхъ выказываются сила и проворство. Въ этомъ танцѣ участвуютъ только молодые парни съ топоромъ въ рукѣ. Ставши длиннымъ рядомъ всѣ вмѣстѣ, берутся одной рукою за поясъ, другою за плечо и, по данному голосу *проводатора* (по ихъ выраженію), начинаютъ безконечныя обороты, столь же пріятныя, сколь ужасныя для глазъ. Когда только начинаетъ, такъ сказать, развиваться танецъ, когда составляются полукруги, круги и ряды, то парни грозно начинаютъ махать своими топорами, скакать и выдѣлывать ногами *дробушки*, какъ они выражаются, тутъ же пускаются въ присядку по-козацки, потомъ проворно отскакиваютъ, съ веселымъ крикомъ ловко подбрасывая топоры и хватая ихъ на-лету. Танецъ Коло, называемый также *коломыйкою*, принадлежитъ женскому полу: онъ пріятенъ и прекрасенъ; исполненъ дѣвической застѣнчивости и стыдливости, въ немъ поэтически отражаются непонятная тревога чувствъ и первоначальныя мечты любви. Въ этомъ танцѣ становятся въ кругъ дѣвушки и молодыя женщины; онъ начинаютъ танцовать сперва тихо, легко, потомъ уже живѣе и быстрѣе, такъ, что всегда

перенутываются; когда же эта суматоха вдруг разсыплется и приведет въ беспорядокъ танцующихъ, тогда и парни съ веселыми криками вмѣшаются къ нимъ: посреди пляски и топанья раздаются также пѣсни, гуцульскія, короткія, отрывочныя пѣсни, по содержанію и выраженію, сходныя съ пѣснями, называемыми *коломійками*, вѣрно подделушанныя у природы, болѣе или менѣе приноровленныя къ собственнымъ внутреннимъ чувствамъ.

Гуцуль всегда поетъ грустныя и печальныя пѣсни, которыя раздаются такъ смутно и глухо, какъ шумъ и гулъ на раздольяхъ горъ. Эти пѣсни и эта музыка, подобно шуму льсовъ и свисту вѣтровъ, вдругъ отзовутся и исчезнуть вдали... Кромѣ вообще-извѣстныхъ *гуслей* новаго рода, которыя однакожь замѣняютъ теперь старыя гусли, изъ числа музыкальныхъ инструментовъ упомяну сперва о громкой *дудкѣ*. Этотъ инструментъ въ искусныхъ рукахъ издаетъ полныя, живыя звуки, измѣняемые по разнымъ тонамъ и глубоко проникающіе въ душу слушателей. Между инструментами этого рода извѣстны также *Сопилка* (у гуцуловъ *Фрело*), подобная флейтъ, и *пастушій рожъ* (*свирль*). Почти каждый гуцуль умѣетъ играть на сопилкѣ; она издаетъ очаровательныя и стройныя звуки; вмѣстѣ съ ними вырываются изъ глубины груди какіе-то печальныя вздохи. Столь же очарователенъ звукъ пастушескаго рожка, особенно когда онъ громко раздается въ ночной тишинѣ и теряется вдали, на вершинахъ горъ.

Чтобы показать пѣсенный характеръ гуцуловъ, я приведу здѣсь сперва хотя нѣсколько небольшахъ гуцульскихъ пѣсень, потомъ эпическую пѣсню о Добощукѣ *.

А шо тото за зилечко въ городцы? (1) Маруна!

Яко была люба, люба теперь се мынула (2);

А Маруна пошодыла, та пополовила (3),

* Я долженъ обратить вниманіе читателей на то, что гуцульскій прозаическій языкъ чрезвычайно различается отъ языка пѣсеннаго, ибо звучный и пріятный языкъ въ пѣсняхъ приближается въ составѣ и оборотахъ (какъ мнѣ кажется) къ нынѣшнему южно-русскому нарѣчію, которое уже совершенно развито въ народныхъ пѣсняхъ. По этой причинѣ чужестранныя гуцульскіе звуки и обороты въ пѣсняхъ только иногда, и то разнообразно, бывають замѣчательны, такъ что едва можно узнать, изъ которой околицы они происходятъ.

(1) Въ садочку.

(2) Погибла.

(3) Завяла.

Яка была душка любя, та се притаила.
 Кобы мы се бучокъ (4) розвивъ, я топорецъ въ руки,
 Черезъ гору високою най (5) не брешутъ суги
 Видсы (6) гора, видты (7) друга, а тамъ долинонька,
 Межы тымы гороньками моя дывчинонька;
 Мушу горы порубаты, долины зровнаты,
 Шобы мыни было выдно ажъ до ей хаты.
 Куда мыла походыла звинкомъ (8) позвоныла,
 Тамъ сходыла (9) и розцвыла руже и калына.
 Ой тамъ, ой тамъ на лывадцы (10) ватерка (11) се курить;
 Ходимъ брате до дывчины, дывчина се журить (12)!
 А я тоту люблю, люблю и биг-ме (13) и биг-ме,
 Бо огорошо (14) поцюлое и красно обіше.
 Траву кошу, траву кошу, витерь траву сушить,
 Колы мыла пацюлое, какъ гадына вкусить.
 Ой гуцуль се лэгко вбуе (15), лэгко му ходыты,
 Любка моя солоденька (16) лышь бы тѣ любыты;
 Любка моя солоденька, лышь бы тѣ любыти,
 Маешъ очи черненьки, выкапалы бы ты
 Пишли вивци (17) въ полонину (18) сами биленькіі,
 А за нымы вивчерыки (19) сами молодіі!
 А чому вы вивчерыкы та не спиваете,
 А де свой спиваночки та подиваете?
 Ой мы свой спиваночки подіемъ, подіемъ
 Въ полонинци зъ овечками на шуваръ (20) посіемъ

(4) Букъ (дерево).

(5) Пусть.

(6) Отсюда.

(7) Оттуда.

(8) Звонкомъ.

(9) Входила.

(10) Луговина.

(11) Огонекъ.

(12) Тоскуеть.

(13) Дай Богъ.

(14) Приятно.

(15) Обуется.

(16) Сладкая, милая.

(17) Овцы.

(18) Нагорная пастбища.

(19) Овчары.

(20) Раст. ирѣ. (acorus).

Та посіємъ спиваночки довгими путами (21),
 Будемо се умываты дрибными слезами.
 А муть (22) туда вивчерыкы зъ вивцеми ходыты;
 Будуть наши спиваночки любви находыты;
 Муть за намы вивчерыкы та овечкы пасты,
 Будуть наши спиваночки за кресаны (23) класты.
 Ой, укравъ я побратыме егныцу, (24) егныцу,
 Оны на мнѣ збудовалы нову шыбеныцу (25).
 Ой, ешобы ты мый мылѣнькій, такій веселѣнькій,
 Якъ у лити въ черно-горя витеръ студененькій.
 Ой, шо-бы ты моя мыла така веселѣнька,
 Яка у лити въ черно-гори вода студененька.
 Кабы мы се той букъ розывъ, той березы били.
 Ой, пишовъ-бымъ въ гайдамахи хоть на три недѣли.
 Тамъ тѣ любко наобіймовъ, та нацюлювавъ се,
 Якъ соловіи у садочку ягидь надзюбавъ се,
 Ой пійду я въ полонину, тай тамъ и загыну,
 Скажу соби посадыты пры лычку (26) калыну,
 Пташки будутъ прылитаты колынонку пійеты,
 Будуть мыни прыносыты видъ (27) мылои висты.
 Въ мене очка черненька якъ тернь на галузи,
 Лычко такѣ румененьке, якъ калына въ лузи.
 Чы ты ненько (28) свого сына у меду купала?
 Та шо-бы я его лычка нацюлювала?
 Ой, кобы я така красна, якъ та зора ясна,
 Свитала бымъ на все поле, николи (29) не згасла.
 Любыламъ тѣ, лѣгынину (30) якъ зъ гориха зернѣ,
 Буду тебе обходыты, якъ колючѣ тернѣ.
 Ой, не литай муранделю (31) попидъ чорну стезлю (32),

(21) Пүтами.

(22) Будуть.

(23) Шляпа.

(24) Ягненка.

(25) Висѣлица.

(26) Подлѣ лица.

(27) Отъ.

(28) Матушка.

(29) Никогда.

(30) Молодецъ.

(31) Муравей.

(32) Потѣлокъ.

Не порошы мыленькому билэньку постелю.
 Ой кобы ты меня не бывъ, я бымъ тѣ любила,
 Я бымъ тоби шо суботы головоньку змыла;
 Змыла бымъ ты головоньку, кичери зчесала,
 Щебымъ тебѣ обіймыла, та поціюлювала.
 Ъ ди въ мене (33) въ городечку (34) червона ружечка,
 За любочкомъ моимъ мылымъ болыть головечка.
 Бодай тебе, мый мыленькій, стільки разъ кололо,
 Кылькѣ разы твое лычко було коло мого.
 Тече вода з-за города (35) тече вода ричка,
 Ой, мій милый, чорнобривый, якъ у трави чичка. (36)
 Чы ты, милый такий ладный, чы мини здаѣ се,
 Що мій милый, черезъ тебе спанѣ не бере се?
 Ой тожъ томъ се находыла гори тымъ потокомъ,
 Ой томъ же се налюбыла мылого пидъ бокомъ.
 Коды хочешъ, любку мылый, шо бымъ тѣ любыла,
 Поставъ лавку черезъ ричку, шо бымъ не бродыла.
 Ой изійшовъ мисеченько та обгородывъ се,
 Не въ счеслыву годыноньку мый любко вродывъ се.
 Гадай любку загодочку та на давни слова,
 Яка була межы намы любая розмова;
 Яке було записване, яке за коханѣ,
 Таке буде межы намы любое мешканѣ (37).
 Витеръ віе, витеръ віе, витрець повивае,
 Тожъ то мыни за мыленькимъ серденько вливае (38).
 Чы я се не находыла тыми плайочками (39),
 Чи сы бидку (40) ноглаила (41), та спиваночками.

Пѣснь о Добошукѣ подражали многіе польскіе поэты, болѣе или менѣе удачно. Такъ какъ эта пѣсня повсемѣстно распространена въ подкарпатской Руси и на Подоліи, следовательно

(33) Есть у меня.

(34) Въ садикъ.

(35) Изъ огорода.

(36) Цвѣтокъ.

(37) Житѣ.

(38) Зампраеть.

(39) Тронинками.

(40) Бѣду (уменьш.)

(41) Не отгоняла.

переиначена, то я привожу здѣсь ее въ подлинникъ, такъ какъ слышалъ отъ самихъ гуцуловъ.

По пидъ дилокъ (42) зелененькій
 Ходыть Добомъ молоденькій,
 На топиръ се подпирайе;
 На молодци поклыкайе;
 Ой вы хлопцы, та молодцы,
 Уставайте та раненько,
 Убувайте се гладенько,
 Бо пійдемо та до *Дзвинкы*,
 Та до любки йего жинки,
 Пійдемъ ии се запитаты,
 Чы всимъ намъ дасть вечераты (43).
 Чы спышъ, кумцѣ, чы чуешъ,
 Чы вечеру намъ готуешъ?
 Ой вечера не готова,
 Бо Стафана нема дома,
 А вечера буде пылна
 На весь свитокъ (44) буде дывна.
 Пусты К... Р..., та до хаты,
 Бо се буду добуваты (45),
 Симъ литъ сылки закохаты (46),
 А бы мои замкы знаты.
 Въ мене двери кидровіи,
 Въ мене замкы сталеніи.
 Взеувъ се Добошъ добуваты,
 Взелы замкы видлитаты (47),
 Тай двери се отвараты,
 Взелы хлопци доступаты.
 Ёдни двери тай утворивъ,
 А другіе лышь пыдхыливъ;
 Стефанъ стрилывъ, тай поциливъ,
 Въ саме сердце право вциливъ.
 Ой вы хлопцы та молодцы,

(42) Подъ пригоркомъ.

(43) Ужинать.

(44) Уменьш. отъ *світъ*.

(45) Добиваться.

(46) Силы сохранить.

(47) Отлетать.

Берить мене на топорци,
 Неси мене въ Черногору,
 Бо вжу здрада (48) надо мною.
 Поставте мнѣ та шидь бука,
 Бо намъ буде вси мъ розлука.
 Теперь мене поховайте,
 А гришми (49) се роздѣляйте,
 Ой гришми се раздѣлите,
 А уси (50) се розійдите.
 Розбываты не будете,
 Бо способу не знайте,
 Розійдуть се по свиточку,
 Не майете приводочку (51).

Гуцулы народъ собственно поэтический, необузданный и смѣлый: онъ всегда борется съ двяательною и разнообразно-запутанною жизнью.

Стихія народной поэзіи облекается въ человеческомъ сердцѣ въ безтѣлесный образъ, вселяется въ немъ, зрѣеть и, перешедши въ общезитіе, составляетъ до некоторой степени его поэтический характеръ.

Гуцульская поэзія есть цвѣтистый образъ, взятый изъ дѣйствительной жизни.

Она отличается изобиліемъ и свѣжестію выраженія, сжатостію, притомъ какою-то отрывочностію, неожиданными и несвязными переходами, беспорядкомъ въ мысляхъ. Все это составляетъ отпечатокъ лирической гуцульской поэзіи. Эпическая поэзія сходна съ нею, но болѣе развита и обработана; въ ней также отражается дѣйствительная жизнь, со всею своей свѣжестію, полнотою и изобиліемъ; также замѣтна какая-то торопливость и отрывочность, ознаменованная вдохновеніемъ. Эта отличительная черта гуцульскаго эпоса объясняется вліяніемъ сказочнаго міра, основаннаго на языческомъ вѣрованіи въ мифологическую жизнь; но неисповѣдимые и ужасные удары судьбы и кровавая съ нею борьба также составляютъ часть эпическихъ гуцульскихъ

(48) Измѣна.

(49) Деньгами.

(50) Всѣ.

(51) Уменьшительн. отъ *вождь* (предводитель).

пѣсней: по этой причинѣ мы встречаемъ въ нихъ только юношеское удалство и кровавыя картины *.

Върваніе въ мифологическую жизнь издавна сохранилось у гуцуловъ во всей своей полнотѣ, проявляясь въ различныхъ формахъ и ясно обозначаясь въ ихъ нравахъ и обычаяхъ. И потому гуцулъ еще всюду видитъ чары, разгадываетъ ихъ, предается имъ съ юношескимъ восторгомъ, непрерывно волнуемый то горестію, то наслажденіями.

Однако, этотъ міръ языческихъ суевѣрій, не смотря на свое особенное устройство, принадлежалъ вообще славянамъ. Онъ зиждется на томъ же основаніи и блеститъ тѣми же красками, такъ, что кромѣ одного названія *бѣсовъ* — *Осиновъ* ** ничего чужаго и особеннаго въ немъ нельзя найти. Такъ какъ сущность и главные признаки сверхъ-естественнаго міра у гуцуловъ, болѣе или менѣе, известны изъ другихъ источниковъ, то я слегка коснусь здѣсь того, что уже некото-

* Я долженъ еще кое-что сказать здѣсь для дополненія моихъ мыслей о гуцульской поэзіи. Читатель легко можетъ судить по вышеприведеннымъ пѣснямъ, основательны ли мои мнѣнія о лирической гуцульской поэзіи. Кромѣ того, должно замѣтить, что этотъ лиризмъ, по основанію, формѣ и музыкальности, принадлежитъ вообще поколѣнію мало-русскому, польскому и венгерско-славянскому, обитающему на пригорьѣ Карпатъ и Бескидовъ. Замѣтна только нѣкоторая разница въ составѣ стиха, кромѣ обыкновеннаго трохеическаго, ибо мало-русскій стихъ бываетъ семистопный; польскій и словенскій—шестистопный. Что касается до гуцульскаго эпоса, то объ немъ надобно бы было поговорить обширнѣе и объяснить его разными пѣснями и повѣстями; но, не имѣя теперь средствъ близко и подробно рассмотреть этотъ предметъ, я принужденъ оставить его до будущихъ изысканій.

* *Бисы*—*Осины*, кажется, указываютъ на асовъ или ясовъ, древній народъ на кавказскихъ горахъ, памятный своимъ рабительствомъ и дикостію, теперь немногочисленный и извѣстный подъ областнымъ названіемъ *Проицевъ*, у рус. *Асетинцевъ*. Какимъ образомъ сохранилась память объ этомъ народѣ на карпатскихъ горахъ, нельзя ни чѣмъ инымъ объяснить, какъ преданіемъ узовъ, ихъ соудей. Это слово, кромѣ обыкновенной формы *Осина*, извѣстно также въ формахъ *Осента* и *Осетей*, и встречается въ народныхъ повѣстяхъ, наиболѣе въ видѣ заклія, совершенно непонятнаго: *Пекти—Осина*, которое собственно отвѣчаетъ южно-русской формулѣ *Цуръ* или *Цураха*. (Чуръ меня). (*)

(*) Почтенный авторъ крѣпко ошибается въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію. У малоруссовъ тоже употребляется эта фраза въ видѣ заклія: *цуръ тоби, пекъ тоби, осина тоби!* Но здѣсь нечего искать намѣки на осетинцевъ: *пекъ* тоби, сокращенное *пекло* (адъ) тебѣ; *осина*—же, дерево осина, на которомъ, по преданію, повѣсился Иуда. Оттого и въ русскомъ языкѣ есть выраженіе на осину.

Прим. Ред.

рымъ образомъ, дѣлалось всеобщимъ, какъ напримѣръ *Вовкунъ* (на польск. и укр.) *Вовколакъ*, сравн. польск. *Wilkolak*, серб. *Вукодлакъ*, венгерско-слав. *Енжибоба*; *Опиръ* (на подоліи и укр. *Упырь*), сравн. польск. *Upiog*, чesk. *Uřjg*, серб. *Вампиръ*; *Змора*; *потопленникъ* (сравн. польск. *Topielec*, чesk. *Wodnik, hashrnan*) и т. д. Разсмотримъ же теперь то, что до-сихъ-поръ известно бы-бо или только частію и ошибочно, или вовсе неизвѣстно.

Летавица (сравн. польск. *Latawiec*), злой духъ въ видѣ летящей звезды; когда онъ ступитъ на землю, то принимаетъ на себя человѣческой образъ, чарующій всѣми волшебными прелестями. Народъ рассказываетъ, что этотъ духъ принадлежитъ, или женскому, или мужскому полу, но всегда является въ очаровательной, юной красотѣ, съ стройнымъ станомъ, съ длинными желтыми волосами. *Летавица* является въ уединеніи юношамъ и дѣвушкамъ, когда пробуждаются въ нихъ первыя мечты любви; когда же влюбленные въ безумномъ восторгѣ пьютъ изъ ея усть губительную сладость, тогда, внезапно запутанные въ сѣти, они вянутъ и сохнутъ. Для огражденія себя отъ этого злаго духа любви, когда спадаетъ звезда, обыкновенно употребляютъ слѣдующія слова: «*Баранъ третекъ, голову зломывъ та-и-ты!*»; оно отнимаетъ у злаго духа силу принять на себя человѣческой образъ; кромѣ того, юноши и дѣвушки, опасаясь его любовныхъ оболещеній, всегда носятъ при себѣ лукъ. Когда же *Летавица* оболещитъ кого-нибудь чарами сладострастія и восторговъ, съ ласкательствомъ вкрадывается въ душу, тогда уже трудно вырваться изъ ея сѣтей; впрочемъ и одержимые недугомъ лечатся сокомъ трехъ травъ *тояда, троляна и деляна**, Этотъ сокъ они пьютъ и въ немъ же купаются. Судя по психологическому расположенію обоехъ половъ, можно заключить, что дѣвушки чаще бываютъ подвержены этой любовной немочи. И въ самомъ дѣлѣ, въ народныхъ повѣстяхъ наиболее упоминается о дѣвушкахъ.

Дидо, также *Дидухъ* (дидъ — духъ); духъ дѣятельный, но при всемъ томъ чрезвычайно странный; домашній стражъ (домовой), онъ большею частію живетъ въ кустарникѣ сирени. По народному преданію, наружность этого духа безобраз-

* Эти травы: *Тояда*—*aconitum napellus*; *Деляна*, также *Оделяна*, *pumphasa lutea*; а что такое *Троляна*—не знаю; можетъ быть, это имя тождественно съ польскими *Trojesc* (*asclepias vincetoxicum*—стовичный корень?)

на и неприятна: тѣло величиною съ пядень, голова большая съ длинными волосами и съдой бородою. Такая уродливая наружность совершенно соответствуетъ его насмѣшливому нраву, смѣшанному съ добродушіемъ. Народъ, въ своихъ сказкахъ, очень часто вспоминаетъ объ этомъ духѣ; но эти сказки суть остатки изъ древнѣйшихъ временъ, когда еще такъ обыкновенны были сношенія съ этимъ духомъ; следовательно, онъ теперь болѣе и болѣе исчезаетъ въ народной памяти. Еще кстати упомянуть объ обычаѣ жечь солому послѣ коледы, при чемъ скачутъ чрезъ огонь. Такой обычаѣ соблюдается у бойко-русиновъ и называется сожженіемъ Дида или Дидуха. Это должно быть предохранительное средство отъ вреднаго вліянія Дида; однакожь, кажется болѣе правдоподобнымъ, что этотъ обычаѣ касается Дидька, существа подчиненнаго и малаго, впрочемъ сходнаго съ Дидомъ, и между прочимъ совершенно отдѣльнаго.

Видьма (вѣдьма) слав. сербск. *вѣштица*; женщина, отъ природы умная и проникательная, хотя ея врожденныя способности, особенно въ началѣ, какъ зародышъ, должны мало-по-малу развиваться долготѣмъ упражненіемъ подъ руководствомъ бабъ-видьмъ. Змѣиный хвостъ есть главное отличіе видьмы. Обыкновенно молодья видьмы всегда бываютъ неопытныя среди волненія суетной жизни, обуреваемой чувствами и страстями; но бабы-видьмы съ холоднымъ, безчувственнымъ сердцемъ, отказавшись отъ всѣхъ домашнихъ занятій, исключительно посвящаютъ себя изученію тайнъ природы, и потому всегда бываютъ въ тѣсныхъ съ нею сношеніяхъ. Совершенная видьма, принимая на себя образъ разныхъ животныхъ, напр. кошки, свиньи, собаки, коршуна, нетопыря, она въ ночное время начинаетъ свои похождения: бѣгаетъ по лугамъ и срываетъ разные цвѣты, или носится по воздуху, собирая крушинки льда и звезды. Отъ этого происходятъ неурожаи, то во время непогоды, то во время большой засухи. Видьмы сходятся на шумныя сборища подъ предводительствомъ старшины; тамъ онѣ совершаютъ страшныя оргіи, съ пѣснями, принося въ жертву людей. Народъ обыкновенно приписываетъ видьмамъ власть надъ вещественнымъ и духовнымъ міромъ; впрочемъ, изъ этого ничего опредѣлительнаго нельзя вывести, потому что понятіе о видьмѣ смѣшалось съ понятіемъ о колдуньяхъ; следовательно, этотъ предметъ, по своей запутанности, будетъ недоступенъ безъ тщательнаго изслѣдованія. Прибавлю еще, что видьма умѣетъ заклинать звезды, лишать ихъ свѣта и даже

совершенно истреблять ихъ; не смотря на то, видьма (какъ бы родъ женскаго Вампира) послѣ смерти не теряетъ своей силы, и также, какъ при жизни, имѣетъ вліяніе на рожденіе и живыя существа. Въ старину былъ обычай во время жаровъ цѣлыми толпами купать женщинъ; когда народъ узнавалъ между ими видьмъ, то для устраненія всякой опасности, хваталъ ихъ и наказывалъ. Изъ числа наказаній самое ужаснѣйшее было—сожиганіе на терновомъ огнѣ. Такое купанье видьмъ и ужасное ихъ истязаніе происходило у гуцуловъ въ 1827 г. въ Микуличинѣ.

Приступаю теперь къ *Майкамъ*, къ этимъ сверхъ-естественнымъ созданіямъ бойко-русиновъ, къ фантастическимъ двамъ прекраснаго Подгорья, отражающагося въ нихъ со всеми прелестями; онъ дѣти восторженнаго вдохновенія, которое, подъ одеждою сладостныхъ мечтаний, перешло въ жизнь, исполненную тревоги и увлекательныхъ прелестей. Эти существа, подобно украинскимъ русалкамъ, которыхъ особенно напоминаетъ названіе: *Мавка*, тождественное съ названіемъ *Майка**: сюда же вѣрно относятся и горно-польскія *дивы*—*женщины*. Впрочемъ, между ними есть различіе. Русалками бываютъ двушки изъ дикихъ украинскихъ степей, рѣзвыя и своевольныя, какъ вѣтерки, играющія по обширнымъ степямъ. *Дивы*—*женщины* совершенно отличны отъ нихъ: это духи, витающіе на ужасныхъ мрачныхъ Татрахъ (Карпатахъ), дикіе и свирѣпые, какъ вихри, которые бушуютъ въ пустынь, исполненные зависти и злобы, и притомъ немьющіе ни искры чувства. Не такъовы рѣзвыя и веселыя майки, фантастическія дѣвицы Подгорья; онѣ не знаютъ ни злости, ни алчности и заботятся о благосостояніи полей и стадъ. Майки, по преданію народа, живутъ въ пустыхъ пещерахъ, выходящихъ въ обширныя про-

* Слово *мавка* Котляревскій производитъ отъ глагола *маати*, то-есть кивать головою. Другіе же думаютъ, что оно происходитъ отъ *мяукавья*, по сходству крика русалокъ съ мяуканьемъ кошекъ. См. Бант.—Кам. Ист. Малой Росс. т. III, стр. 84. Но оба объясненія этого слова, кажется мнѣ, слишкомъ отвлеченны и несообразны. По моему мнѣнію, слово *мавка* произошло отъ *мавати*, глагола многократнаго, отъ корня *май*, отъ котораго происходитъ *майати*—*мавати*; *в* и *й* суть южно-русскія приставки, которыя часто между собою мѣняются. Май значить тоже, что по-польски *latorosk*; Майати—*блистать*, отсюда *майачити*—фантазировать. Такимъ образомъ, слово *мавка* тождественно съ словомъ *майка*, и означаетъ не что иное, какъ фантастическое видѣніе, призракъ; потому что обѣ формы суть только мадыя отлпчія въ словѣ одного происхожденія и значенія. Я долженъ еще упомянуть здѣсь, что народъ съ словомъ *майка* привыкъ соединять понятіе о быстролетной танцовщицѣ.

странства. Въ глубинѣ ихъ находятся холмы, на которыхъ растутъ сады и виноградники, покрытые золотомъ, и растенія съ чудными цветами и запахомъ; у подножія этихъ холмовъ журчатъ прозрачные источники, чрезъ которые перекинута жемчужные мосты; замокъ маекъ возносится надъ озеромъ чистой воды, гдѣ онъ обыкновенно купаются; комнаты обвѣшаны коврами; тамъ майки прядутъ краденый ленъ, ткуютъ полотно, бѣлятъ его и занимаются шитьемъ. Когда на горахъ разстаетъ снѣгъ, то майки убѣгаютъ въ горы и долины и сажаютъ тамъ травы, а когда луга и лѣса одѣнутся свѣжею зеленью, то онъ толпами рѣзво бродятъ по горамъ и долинамъ, срывая цветы и убирая ими голову, или купаясь; но чаще всего онъ плянуть на любимыхъ ими *майданахъ*, то-есть на ровныхъ, отовсюду открытыхъ мѣстахъ, за горами. Простой народъ называетъ эти мѣста *игровищами*. Кромѣ плясокъ, въ ихъ сходбищахъ бываютъ также и другія увеселенія, и особенно въ день Купалы*. Майки имѣютъ стройный станъ, кругловатое лице, длинныя, спадающія по плечамъ косы, убранныя вынками изъ разныхъ цвѣтовъ; онъ одѣты въ тонкое прозрачное платье, которое небрежно спускается съ ихъ нежныхъ плечъ; онъ рѣзвы и прекрасны и соединяютъ въ себѣ все прелести.

Каковъ долженъ быть мужескій полъ у этихъ созданий, остается нерѣшенной загадкою; впрочемъ, мужескій полъ иногда подразумѣвается подъ общимъ названіемъ *дидковъ*. Это нѣсколько подтверждается нападеніями статныхъ, красивыхъ юношей, которые обольстительными средствами часто запутываютъ маекъ въ свои сѣти, или, оморочивши ихъ, увлекаютъ съ собою. Еще есть другое народное преданіе, что эти юноши играли съ ними во время ихъ плясокъ, и что майки въ испугъ убѣгали, если за ними кто-нибудь гнался и оставляли схваченныхъ. Теперь уже очень рѣдки слухи о тѣсныхъ сношеніяхъ маекъ съ людьми; часто только у кого-нибудь ночью онъ крадутъ или прядутъ ленъ; также въ народныхъ повѣстьяхъ есть много разныхъ воспоминаній объ ихъ воздушныхъ играхъ. Такія воспоминанія всегда бываютъ соединены съ печальнымъ сожалѣніемъ объ утратѣ ихъ пріятнаго сообщества, потому что когда онъ находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ

* Купало (24 іюня) былъ большой лѣтній праздникъ у славянъ; польская *суботки*, венгерско-славянское *вагано*.

народомъ и разными способами вмѣшивались въ его бытъ, то всюду было счастье и довольство *.

Кажется, не излишне будетъ упомянуть здѣсь кое-что о *бабахъ* или *дикихъ женщинахъ*, именно потому, что представленіе этихъ существъ, по причинѣ нѣкотораго сходства, иногда смѣшивается съ понятіемъ о майкахъ. *Дикія женщины*, (сравни. польск. Strzygi) сверхъ-естественныя и злобныя женщины, съ холоднымъ, безчувственнымъ сердцемъ, съ ненасытною алчностью, и нелюдимыя. По народному преданію, онѣ должны быть высокія, худыя, съ блѣднымъ лицомъ, съ длинными, растрепанными волосами, въ обыкновенномъ платьѣ, и подпоясанныя какой-то травою, названною *суходольникомъ*. Онѣ живутъ въ пещерахъ (изъ которыхъ одна извѣстна у гуцуловъ подъ именемъ *брусни-двери*, въ округѣ Яблоньки) на неприступныхъ мѣстахъ. *Дикія бабы* выходятъ оттуда ночью. Тѣ, которыя имѣють дѣтей, по-одиночкѣ расходятся по деревнямъ и прокрадываются въ крестьянскія избы; тамъ онѣ тихонько подмѣнивають шестинедельныхъ дѣтей, оставляя своихъ мерзкихъ, нечистыхъ подкидышей, вмѣсто хорошихъ и здоровыхъ младенцевъ. Эти подкидыши не умѣють ни говорить, ни ходить и только пронзительно кричатъ, ползая на четверенькахъ; при томъ они чрезвычайно обжорливы. Иногда они принимаютъ на себя ужасный, исполинскій видъ, особенно когда бываютъ одни. Иногда *дикая баба* добровольно мѣняетъ похищеннаго ребенка, но только въ то время, когда этотъ ребенокъ такъ будетъ измученъ, что совершенно сдѣлается похожимъ на подкидыша; *дикая баба* часто подбрасываетъ чужаго ребенка его матери, чтобы она, слыша его вопли, еще болѣе терзалась мученіями. Бездѣтныя же *дикія бабы* толпами бѣгаютъ по полямъ и лѣсамъ, скачутъ и хлопаютъ въ ладони; но когда имъ случится встрѣтиться съ людьми, то онѣ щекотаньемъ умерщвляютъ взрослыхъ обоюго пола. Народъ всегда остерегается злаго навожденія этихъ враждебныхъ чудовищъ. Молодые люди обоюго пола не ходятъ одни ночью по полямъ и лѣсамъ; если же случится, что необходимость непременно этого требуетъ, то отправляются въ путь толпами, или по-крайней-мѣрѣ носятъ за на-

* Я слышалъ, что есть въ обиходѣ нѣсколько пѣсень о майкахъ; однакожь мнѣ еще ни разу не случилось попасть на ихъ слѣдъ. Не одного ли рода эти пѣсни съ пѣснями о Русалкахъ?

зухою чеснокъ, или что-нибудь металлическое. Самое дѣйствительное средство противъ *дикихъ бабъ* есть растеніе *троля*, которое лишаетъ ихъ жизни, какъ утверждаетъ народъ. *Дикія бабы* всегда имѣютъ дѣло съ людьми, и потому вездѣ много объ нихъ разказовъ, особенно о подкидываніи дѣтей и похищеніи юношей, но болѣе всего объ ихъ веселыхъ и шумныхъ празднествахъ.

Показавши здѣсь, въ отрывочныхъ очеркахъ, языческое суевѣріе гуцуловъ, считаемъ нужнымъ разсмотрѣть, какъ развивались у нихъ религіозныя начала, глубоко ли они проникнулись ими, и какъ ихъ поняли? Религіозныя понятія приняты гуцулами отъ русиновъ *,

* Здѣсь самъ собою рождается вопросъ: были ли гуцулы язычниками, или христіанами въ то время, когда поселились на высотахъ карпатскихъ горъ? Трудно рѣшить этотъ вопросъ, да никто еще и не покушался рѣшить его; впрочемъ, хотя слегка здѣсь коснемся его. Если мы глубже вникнемъ въ исторію узовъ, то намъ откроется множество выводовъ; относительно внутренней жизни этого народа, они бросятъ нѣкоторый свѣтъ на предметы нашего изысканія. Должно думать, что узы, находясь еще въ первоначальныхъ своихъ поселеніяхъ, какъ народъ кочевой, и потому чрезвычайно бѣдный религіозными понятіями, жившій въ сосѣдствѣ съ христіанскими козарами, давно уже имѣли понятіе о христіанствѣ. Когда они, въ своихъ новыхъ поселеніяхъ въ Буджакъ и Добручъ, соединившись съ печенѣгами, получили новое политическое значеніе, то стали различнымъ образомъ сливаться съ жизнью сосѣднихъ государствъ: Болгаріи, Венгріи, Греціи, особенно же съ жизнью русскаго народа. Это было причиною, что они, умѣряя съ теченіемъ времени суровость и дикость нравовъ и принимая другія болѣе смягченныя формы, съ каждымъ разомъ успѣвали въ образованіи; наконецъ, утративши свой отличительный характеръ, совершенно превратились въ другой народъ. Между тѣмъ узы, наблюдая домашнюю жизнь сосѣднихъ христіанскихъ государствъ, могли лучше узнать и оцѣнить ихъ внутреннее устройство, а вмѣстѣ и христіанское вѣроисповѣданіе. Такимъ образомъ начало распространяться у нихъ христіанское богослуженіе, въ замѣнъ идолопоклонства и безчеловѣчнаго исламизма. Однакожь, такое распространеніе христіанства происходило незамѣтно и не быстро подвигалось впередъ, потому что борьба христіанства съ язычествомъ была не внѣшняя, но духовная. Что Карамзинъ замѣчаетъ въ своей исторіи о половцахъ (см. Ист. Госуд. Рос. т. III., прим., стр. 216), тоже самое можно сказать объ узакъ, какъ о хищномъ народѣ, особенно въ Добручъ и Буджакъ, гдѣ, въ ихъ поселеніяхъ, былъ притонъ бѣглецамъ изъ разныхъ народовъ, и гдѣ сами собою распространились различныя вѣрованія. Половцы, не смотря на то, что отъ своихъ сосѣдей, русиновъ, получили склонность къ постоянной осѣдлости и стали заниматься домоводствомъ, болѣею частію еще держались язычества, послѣ переселенія своего въ Венгрію. Тоже самое было и съ узакъ, тѣмъ болѣе, что христіанство распространялось у нихъ постепенно и медленно. По этой причинѣ, христіанское вѣроисповѣданіе не могло вкорениться въ общественную жизнь народа; а когда народъ снова впалъ въ невѣжество, то оно

по мѣрѣ того, какъ они съ ними освоивались, развивалось также и нравственное образованіе; христіанская вѣра, озаряя народы яркимъ свѣтомъ истины и выводя ихъ изъ мрака заблужденій, безъ сомнѣнія, развивала зародышъ добродѣтели и, вмѣстѣ съ спасеніемъ, приносила съмена новой жизни. Въ то же время гуцулы, какъ христіане, освобождаясь отъ грубаго язычества, приняли нѣкоторыя нравственныя начала, которыя сдѣлались правилами жизни. Они греческаго исповѣданія, бѣльшею частію соединеннаго съ римско-католическимъ. Можно сказать, что, по приѣзду своихъ полубратьевъ русиновъ, смиренно принявши спасительную вѣру, они въ простотѣ сердца уразумѣли ея основанія и совершенно приобщили ихъ къ своей жизни.

Хотя ихъ понятія о христіанствѣ, при совершенномъ небреженіи нравственнаго образованія, бываютъ сбивчивы и недостаточны, однако жъ они набожны, усердны къ вѣрѣ, и питаютъ благоговѣніе къ божеству и къ своимъ священникамъ, которыхъ называютъ не иначе, какъ *папами-отцами*. Еще до-сихъ-поръ они не достигли высочайшей степени внутренняго сознанія христіанской вѣры; но за то, какъ бы въ замѣнъ недостатковъ нравственнаго образованія, прильпились всею сердцемъ къ вѣншимъ обрядамъ, которые болѣе понятны и нѣкоторымъ образомъ замѣняютъ имъ правила религіи. По этой причинѣ гуцулы строго соблюдаютъ все условныя обряды. Ихъ церкви выстроены бываютъ на подобіе греческихъ, съ тремя башенками, на кото-

совершенно было забыто. На эту, такъ сказать, одичалость нравовъ указываютъ преданія мало-русскаго народа, представляющія гуцуловъ въ суровыхъ чертахъ какого-то омертвѣнія, которыми выражаются ихъ нравы и обычаи. Снявши съ этихъ преданій грубую кору, мы увидимъ, что въ нихъ достоверно только то, что касается до закоренѣлаго язычества гуцуловъ. Приведемъ здѣсь двѣ отрывочныя пѣсни, какъ отголосокъ этихъ преданій:

Ой гуцылы, гуцуленьки, де сте бойка дилы?

Чы вы його испеклысте, чи сырого зылы?

Ни мы його испеклысмо, ни сырого зылы;

Лыше ишовъ черезъ гору, та го вовкы зылы.

Ой гуцуле, гуцуленьку, поганая вира!

Твоя жинка у пѣтныцу солоныну йла.

Неизвѣстно, въ чемъ состояло ихъ языческое вѣрованіе; но, судя по ихъ жизни, можно утвердительно сказать, что оно было скудно и неопредѣленно. Не лзя опредѣлить ни обстоятельствъ, ни времени, когда гуцулы приняли христіанскую вѣру, именно потому, что у насъ нѣтъ мѣстныхъ лѣтописей, которыя могли бы руководить насъ въ этомъ отношеніи.

рых водружаются желѣзные кресты; въ Венгріи же замѣтно собственно словянское зодчество: одна только башенка на подобіе конуса, а по бокамъ ея четыре, остроконечныя башенки. Подлѣ церкви всегда находится трапеза, куда, также какъ и на погостъ, обыкновенно съ большимъ шумомъ собирается народъ. Семейные люди ведутъ на этихъ сходкахъ важныя и дѣльныя разговоры, а молодежь обоюго пола довольствуется скромною болтовнею. За день предъ воскресеньемъ, или праздникомъ, ватажки извѣщаютъ всѣхъ о празднествѣ и призываютъ къ службѣ Божіей; народъ вслѣдъ же за нимъ и выступаетъ; въ церкви, во время Богослуженія, каждый стоитъ съ глубокимъ молчаніемъ и благоговѣнно слушаетъ священное чтеніе. Но вообще можно сказать, что пожилые гуцулы нерадивы въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, по причинѣ мѣстной отдаленности отъ церквей; въ юномъ же возрастѣ принуждаютъ ихъ къ этому другія причины. Нисколько не удивительно встрѣтиться съ двадцатилѣтнимъ парнемъ, который еще ни разу не былъ у обѣдни и всегда пасъ овецъ; напротивъ того, на женатаго, имѣющаго разныя обязанности, рѣдко можно пожаловаться, чтобы онъ не радѣлъ къ службѣ Божіей. За то гуцулы, въ праздничные дни, соединенные съ нѣкоторыми обрядами и играми, сходятся цѣлыми семействами, чтобы послѣ Богослуженія совершать обряды и игры, по древнимъ обычаямъ. Изъ всѣхъ этихъ праздниковъ, самымъ торжественнымъ почитается храмовый праздникъ (у гуцуловъ *Храмъ*). Въ то время для гостей готовится большой пиръ во всей деревнѣ, гдѣ находится церковь. Кромѣ этихъ всеобщихъ празднествъ, столь же важны семейные религіозные обряды, при разныхъ случаяхъ. Во время такихъ обрядовъ совершаются шумныя *комашни*, гдѣ, сверхъ обыкновеннаго угощенія, еще приносятъ въ церковь яствы въ честь и память умершихъ родителей; въ дни же поминовенія усопшихъ, кромѣ обыкновенныхъ приношеній для церкви, раздаются бѣднымъ пироги.

Въ заключеніе нашего разсужденія о гуцулахъ, мы присоединимъ еще здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній, чтобы подробнѣе объяснить нѣкоторые предметы.

Читатель припомнить, что я призналъ гуцуловъ смѣшаннымъ турецко-русскимъ народомъ, а именно—потомками узовъ, которые долго имѣли сношенія съ южной Русью и тѣмъ самымъ производили различное вліяніе на языкъ и характеръ южной Руси. Эти примѣты, заставившія меня признать правдоподобность моего

домысла, схвачены мною при изысканіи языка и правовъ народныхъ. Въ отношеніи къ языку, доказательства суть слѣдующія:

- 1) Народное названіе *гуцуль* происходитъ отъ корня *узъ* и сдѣлалось столь общимъ, что названіе *русинъ* вовсе не употребляется, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда рѣчь идетъ о различіи въ роисповѣданій, а именно латинскаго и греко-славянскаго, изъ которыхъ последнее обыкновенно называется въ Галиціи *рускиль*, напротивъ того латинское—*польскиль*.
- 2) Звуки, не свойственные гуцульскому нарѣчію, или совершенно ему чужды, или встрѣчаются въ нарѣчіяхъ славянскихъ племенъ, нѣкогда находившихся въ близкомъ сосѣдствѣ съ турецкими племенами.
- 3) Шероховатость, твердость и непріятная пѣвучесть отличаютъ гуцульское нарѣчіе и наиболее господствуютъ въ чудскихъ и турецкихъ нарѣчіяхъ.
- 4) Мѣстныя и фамильныя имена непонятны и несвойственны мало-русскому нарѣчію; они еще иногда встрѣчаются въ чудскихъ и турецкихъ языкахъ, какъ-то: *Шешоры*, *Акришоры*, срав. Лезго-аварск. *уар. ор.*, мадж. *арок*.—потокъ, быстрина; *Рун-куры*, сравн. татарск. *кур.*, *ур.*—могила, пригорокъ; *фересъ-куліе*, сравн. турецк. *куля*—башня, свѣтлица; *Гула* сравн. мадж. *Гуліа*—стадо; *манджуля*, сравн. древле-маджарск. *Муижукъ*; *Базалукъ*, сравн. куманск. *Осулукъ*; *Вашкуръ*, сравн. куманск. *Куря*; *Гоцманъ*, сравн. печенѣжск. *Уц-ак*; *Гыла*, сравн. мадж. *Гели*—пригорокъ, и т. д. Имена нарицательныя съ окончаніемъ *укъ* или *юкъ* суть собственно-турецкія. Въ отношеніи правоописательномъ, привожу слѣдующія доказательства:
- 5) Собственно-гуцульскій характеръ выражается у мужчинъ какимъ-то дикимъ удалствомъ и суровостію, а у женщинъ необузданнымъ кокетствомъ; сюда же должно отнести любовь къ праздной, кочевой жизни.
- 6) Иностранныя рѣзкія черты лица, густая борода, черные глаза и черные волоса, хотя гуцулы и обитатели горъ.
- 7) Яркіе, несвойственные окружнымъ славянамъ, цвѣта гуцульской одежды.
- 8) Сходство нравовъ съ образомъ жизни, болѣе же всего одежда у жителей долинъ на Покутьѣ и у горныхъ бойко-русиновъ, (на западъ отъ гуцуловъ) показываетъ, что этотъ народъ, не смотря на общее прозваніе *бойко*, нѣкогда соединенъ былъ другими, тѣснѣйшими связями—сосѣдства и взаимныхъ сношеній, и что только въ послѣдствіи времени, по пришествіи гуцуловъ, вытѣсненный изъ своихъ жилищъ, поселился въ долинахъ. Доказательствомъ этой догадки можетъ служить еще прозваніе *бойко*, сдѣлавшееся общимъ въ нѣкото-

рыхъ селеніяхъ Подолія и Вольни, и между другими поколѣніями; также взаимная ненависть между бойками, живущими въ долинахъ, и горцами-гуцулами. 9) Чужестранное и общее нѣкоторымъ мѣстамъ Подгорья и Ополя повѣрье о *Бѣсыихъ-осинахъ*, занесенное асами, распространеніе которыхъ не иначе можно объяснить, какъ переселеніемъ ихъ посредствомъ узовъ, безъ сомнѣнія имѣвшихъ сношенія съ асами.

Кромѣ этихъ доводовъ, встрѣчаются еще нѣкоторыя историческія обстоятельства. Вообще извѣстно, что половцы, тѣснимые татарами, нашли убѣжище въ Панноніи, гдѣ они поселились такимъ же образомъ, какъ прежде на Руси; мужескій полъ отличался удалствомъ, а женскій необузданнымъ кокетствомъ. Здѣсь представляется важный вопросъ: куда же дѣлись узы и печенѣги? Они, безъ сомнѣнія, предшествовали половцамъ и, желая обезопасить себя, они поселились на неприступныхъ горахъ Дакіи, чтобы свободнѣе вести свою хищническую жизнь и, какъ кажется, своими разбойничьими наездами вытѣснили валаховъ изъ ихъ поселеній. Это мнѣніе подтверждается тѣми обстоятельствами, что восточная часть Карпатскихъ горъ, до XVI ст., была сборищемъ различныхъ племенъ, не имѣвшихъ ни постоянныхъ осѣдлостей, ни средствъ къ пропитанію. Объ этомъ упоминають польскіе историки, въ особенности Краевскій, въ жизнеописаніи Чарнецкаго. Впрочемъ, я не думаю, чтобы доказательства мои были неоспоримы и справедливы, и чтобы никто ничего не могъ сказать противъ нихъ: они недостаточны и основаны только на правдоподобіи. Такъ, можетъ быть, я опрометчиво призналъ гуцуловъ потомками узовъ. Нельзя мнѣ было изложить свое мнѣніе, не всмотрѣвшись сперва внимательно въ главный предметъ, тѣмъ болѣе, что я поступалъ здѣсь какъ изыскатель. Каковы были мои изслѣдованія, таковы, безъ сомнѣнія, и мои настоящіе выводы. Признаю несомнѣннымъ, что гуцулы пришли не изъ неизменныхъ странъ днѣстровскихъ, не съ хлѣбородныхъ нивъ, но изъ другихъ мѣстъ, т. е. оттуда, гдѣ кочевали; признаю также, что изъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ не обратились они въ дикіхъ пастуховъ*.

* По окончаніи этого разсужденія, я случайно собралъ довольно много новыхъ матеріаловъ, въ числѣ ихъ и преданіе на Ополѣ и Подгорьѣ о томъ, что первоначальныя селенія гуцуловъ находились въ Буджакѣ, надъ Чернымъ моремъ. Это преданіе очень важно, потому-что бросаетъ большой свѣтъ на происхож-

Гуцулы приняли теперь русскую народность и, относительно нравственнаго образованія, не смотря на свою дикость и невежество, носят на себѣ отпечатокъ русской же жизни, потому что мы видимъ въ нихъ ту же смѣтливость въ понятіи и наблюдательности. Однакожъ, русская народность, частію смягчая грубое сердце гуцула, не возбудила еще той дѣятельности, изъ которой со временемъ могло бы развиться что-нибудь свое, самородное. Гуцулы, занимаясь скотоводствомъ и будучи не въ состояніи безъ успѣховъ земледѣлія пробудиться отъ долголѣтняго сна, пресмыкаются въ своихъ шалашахъ, ибо скотоводство не украшаетъ цвѣтами человѣческой жизни, но каждаго заставляетъ жить уединенно и коснѣть въ усыпленіи и бездѣйствіи. Этому не мало способствуетъ и то, что гуцулы, какъ вольные и гордые горцы, чрезвычайно ограничены въ своихъ нуждахъ и, любя свои пустынные горы, неохотно пускаются въ путь по низовьямъ. Безъ тѣсныхъ, продолжительныхъ сношеній съ бойками, живущими въ долинахъ, имъ почти невозможно измѣнить свой бытъ и преобразовать себя. Но и въ этомъ ограниченномъ положеніи гуцулы переимчивы и способны; теперь же, когда они начинаютъ выходить изъ грубаго оцѣпенія, свойственнаго всемъ кочевымъ племенамъ, можно надѣяться, что исчезнетъ и это дѣ слѣдъ прежней дикости и суровости, которая до-сихъ-поръ замѣтна въ нихъ; наконецъ, преодолая всѣ препятствія и воспринявши зародышъ словянской жизни, они могутъ сдѣлаться приверженными братьями русинскаго народа въ Галиціи.

деніе гуцуловъ. Только слегка намекнувши здѣсь объ этомъ обстоятельстве, я оставляю до будущаго времени подробнѣе и основательнѣе изслѣдовать его,

КРАСНОКОЖІЕ.

Сцены изъ жизни индійцевъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ЗАПАДЪ (*).

I.

Неизвѣстнымъ западомъ назывались въ Сѣверной Америкѣ далекія на западъ земли, которыя, казалось, долго еще не будутъ доступны работѣ, плугу и всемъ принадлежностямъ цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было ожидать, что такъ скоро нарушится величественное уединеніе лѣсовъ, надшихъ подъ топоромъ неутомимыхъ земледѣльцевъ; что необозримые луга, служившіе пріютомъ дикихъ стадъ, избороздятся плугомъ и сдѣлаются плодоносными; что величественныя рѣки и озера будутъ разсѣкаться острою грудью судовъ.

Поставивъ себя на мѣсто первыхъ колонистовъ, населившихъ Сѣверную Америку, спросимъ: могли ли они думать тогда, что новые поселенцы проникнуть чрезъ неизвѣстныя земли отъ береговъ Атлантики до береговъ Восточнаго Океана, отъ устья Делавары до устья Колумбінъ,—отъ одного края великаго Континента до другаго.

* Соч. Ксавье Эйма.

Дѣйствительно, миль на десять отъ обработаннаго поля, или отъ морскаго берега, долженъ былъ для поселенцевъ начинать-ся неизвѣстный, таинственный край, ожидающій завоеванія.

Въ то время стоило немалого труда утвердиться европейцамъ на восточномъ берегу отъ мыса Кодъ до мыса Феаръ, отъ Массачуссета до Каролины, гдѣ сосредоточивались все усилія англійскихъ эмигрантовъ. Когда же, въ-послѣдствіи, народонаселеніе увеличилось, оно потекло прежде на югъ вдоль берега и, обогнувъ оконечность Флориды, заняло побережье Мексиканскаго залива. За тѣмъ, все скрывавшееся въ глубинахъ запада, начиная отъ первой завѣсы лѣсовъ, ограничивающей ферму колониста, было уже *неизвѣстный западъ!*

Но вскорѣ изслѣдователи, одушевляемые любопытствомъ открытій, перешли за лѣса и рѣки; за ними, по мосту, брошенному наукою, устремились честолюбіе и алчность. Одинъ шагъ былъ необходимымъ слѣдствіемъ втораго, и, мало-по-малу, вдругъ, со всѣхъ пунктовъ съвера, востока и юга отодвинули на нѣсколько миль завѣсу, скрывавшую таинственное. По мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ, *неизвѣстный западъ* уходилъ въ средину Американскаго континента, потомъ къ предѣламъ Тихаго Океана и со дня на день, терялъ свою очаровательность.

Неизвѣстный западъ походилъ на горизонты, рисующіеся плавателю въ открытомъ морѣ. Кажется, небо соединяется съ волнами и не очень отъ васъ далеко. Но, по мѣрѣ того, какъ судно приближается къ этому рубежу, небосклонъ точно на столько же отъ васъ удаляется и бѣжитъ все далѣе и далѣе со скоростью равной вашему ходу; напослѣдокъ, за непроницаемыми туманами, является желанная земля и таинственность исчезаетъ. Такъ и *неизвѣстный западъ* въ Америкѣ отступалъ передъ каждымъ шагомъ цивилизаціи. Очевидно, гдѣ былъ *неизвѣстный западъ* для учредителей колоній, тамъ цвѣтетъ теперь богатая, воздѣланная страна, прорѣзанная желѣзными дорогами и исчерчиваемая пароходами.

Нынѣ, *неизвѣстный западъ* совсѣмъ не то, чѣмъ былъ назадъ тому пятьдесятъ, тридцать, даже десять лѣтъ.

Правильнѣе сказать, *неизвѣстный западъ*, въ томъ смыслѣ, что онъ значилъ прежде, теперь не существуетъ. Надлежало открыть земли—онѣ найдены; проникнуть въ таинственность—свѣтъ озарилъ все покрытое мракомъ; теперь весь кон-

тинентъ отъ Делавары до Колумбін доступенъ благодѣніямъ цивилизаціи! Наконецъ, какъ бы для ускоренія рѣшенія великой человѣческой задачи, надо было Калифорніи, земль потерянной въ рукахъ Мексики, сдѣлаться добычею Соединенныхъ Штатовъ и, при первомъ ударѣ желѣза, источить изъ жилъ своихъ несмѣтное богатство золота. Это было рѣшительнымъ заключеніемъ. Работа и населеніе, медленно подвигавшіяся въ *неизвѣстномъ западѣ*, явились, какъ-бы магически, въ самой срединѣ этой земли и потекли быстрымъ потокомъ на встрѣчу цивилизаціи, къ сѣверу и востоку.

II.

Мы уже видѣли, что *неизвѣстный западъ* не имѣетъ теперь того значенія, которое давалось ему прежде.

Мнѣ кажется, американцы употребляютъ его изъ одного тщеславія и народной гордости, чтобъ имѣть право, когда кто ихъ спроситъ: но гдѣ же этотъ *неизвѣстный западъ*? — отвѣчать:

— Онъ былъ тамъ, гдѣ вы видите нынче города, обработанныя поля, фабрики, заводы, желѣзныя дороги, пароходы, каналы, цвѣтущую торговлю, цѣлыя общества — вчера еще на просторѣ, сегодня уже сближенные и завтра въ тѣнотѣ!

На мѣсто печальнаго зрѣлища погребеннаго въ травѣ селенія, котораго камни истачивались пресмыкающимися, смотрите на сотню новыхъ илліоновъ, гордо возвышающихся надъ удивленной почвой!

Американецъ могъ-бы къ этому прибавить:

— И все это плодъ современной цивилизаціи, труда; но онъ не забудетъ также сказать: — трудъ этотъ принадлежитъ намъ, народу будущности!

III.

И такъ *неизвѣстный западъ* болѣе не существуетъ. Еще нѣтъ тому и десяти лѣтъ, какъ одинъ путешественникъ, наслышав-

нись объ этомъ западъ, надвлялъ его, въ своемъ воображеніи, прежнюю таинственностію: онъ находился тогда въ Буффало, и видя прибывшій съ четырьмя стами пассажировъ пароходъ, спросилъ: откуда этотъ Ноевъ ковчегъ?

— Съ запада, отвѣчали ему.

Въ Сан-Луи, хозяинъ гостиницы, въ которой онъ остановился, обѣщаль ему всевозможныя удовольствія, потому что у него живетъ теперь много негоціантовъ съ запада и отъ нихъ есть чего послушать. Къ набережной Сан-Луи приставали ежедневно два, три, четыре, шесть пароходовъ и выгружали желѣзо, рогатый скотъ, лошадей, каменный уголь; другіе пароходы нагружались разными товарами и набирали цѣлыя арміи пассажировъ; когда онъ спросилъ у своего сосѣда: куда идутъ и откуда приходятъ эти пароходы?

Ему отвѣчали: одни пришли съ запада, другіе идутъ на западъ.

Этотъ путешественникъ послѣдовалъ представлявшемуся ему примѣру и отправился водою на западъ. По мѣрѣ того, какъ онъ туда углублялся, ему встрѣчались пароходы съ путешественниками, которые ѣхали еще далѣе на западъ или оттуда возвращались.

Для любопытнаго путешественника сдѣлалось очевиднымъ, что весь умъ, вся дѣятельность, все усилія американцевъ стремятся къ таинственному западу. И какъ будто-бы *non plus ultra* благополучія для Соединенныхъ Штатовъ скрывалось за послѣднею чащею деревьевъ, за послѣднимъ неизслѣдованнымъ въ этой обширной странѣ лѣсомъ, большіе города начинали уже жалеть, что нѣтъ близъ нихъ прежнихъ пустынь.

— Теперь мы обречены на неподвижность, сказалъ мнѣ однажды житель Цинцинати (въ Огіо), между тѣмъ, какъ городъ нашъ прежде быстро распространялся.

— Какая же этому причина? спросилъ я.

— Причина та, отвѣчалъ онъ грустно, что мы *не довольно углублены на западъ*. Тамъ будущность, прибавилъ онъ, бросивъ завистливый взглядъ по направленію къ юнымъ штатамъ Индіаны, Иллиноа и Ювы. Придетъ время, что и эти штаты постарѣютъ. Новые колонисты проходятъ теперь мимо насъ, не касаясь нашихъ береговъ. Даже наши дѣти оставляютъ насъ безъ сожалѣнія.

Характеръ американцевъ именно заключается въ этихъ жало-

бахъ гражданина изъ Цинциннати. Этому народу, жаждущему возведенія новыхъ городовъ и заведенія новыхъ промысловъ, ему нужна дѣвственная почва, гдѣ бы онъ могъ все созидать. Для удовлетворенія чувству народной гордости, ему надо быть зрителемъ и работникомъ при мгновенномъ обращеніи пустыни въ дѣятельные заводы, въ города съ мраморными зданіями. Въ сущности, тутъ заключается и матеріальная выгода, потому что дѣло идетъ всегда о томъ, чтобъ какъ-нибудь нажить себѣ состояніе или удвоить его.

Вообще, американцу нужна страна, которая бы по любопытству своему и по надеждѣ прибылей привлекала къ себѣ множество людей, капиталовъ и судовъ.

По этому, сначала западъ, а потомъ *неизвѣстный западъ*, дѣлались театрами, на которыхъ смѣнялись новые актеры, начиная въ теченіе двухъ-сотъ-пятидесяти лѣтъ въ тысячный разъ разыгрываніе одной и той же пьесы. И когда мало-мальски обстоятельства благоприятствовали, успѣхъ завтрашній далеко превосходилъ вчерашній. Цинциннати, напимѣръ, оплакиваетъ свою будущность. Какой-нибудь уголокъ земли, безвѣстный нынѣ, покрытый высокою травою, въ которой нельзя видѣть рослаго челоуька на рослой лошади, въ свою очередь подвергнется одинаковой участи съ Цинциннатомъ, тогда какъ Сан-Франциско, очевидно, предназначень затмить богатствомъ своимъ и роскошью Нью-Йоркъ.

IV.

Что же значить: *западъ* и *неизвѣстный западъ*? и гдѣ ихъ искать?

Разверните любую географію, напечатанную въ Соединенныхъ Штатахъ, и вы увидите, что Союзъ состоитъ изъ четырехъ великихъ территорій: изъ штатовъ: восточныхъ, центральныхъ, южныхъ и западныхъ.

Последніе заключаютъ въ себѣ: Кентуки, Огіо, Теннессе, Индіану, Иллиноа, Мичиганъ, Миссури, Арканзасъ, Висконсинъ, Юву, Калифорнію и земли Орегона, Миссури, Ута, Новой Мексики и Миннесота.

Довольно бросить взглядъ на карту Сѣверной Америки, для

убѣжденія, что эти земли не могли быть доступны ни первоначальнымъ колонистамъ, привезеннымъ въ 1607 году, Христофоромъ Ньюпортомъ и Джономъ Шмитомъ въ Виргинію, ни плимутскимъ выходцамъ. Оставивъ въ сторонѣ отдаленную древность, познакомимся нѣсколько ближе съ этими странами.

Само собою разумется, что жизнь и дѣятельность развились въ нихъ постепенно, отъ прикосновенія къ цвѣтущимъ уже городамъ: такимъ образомъ, поселеніе европейцевъ въ Огіо начинается съ 1789, въ Кентуки съ 1792, Теннесси съ 1796 года. Всѣ эти штаты прикасаются къ Пенсильваніи, Виргиніи и Сѣверной Каролинѣ, то есть къ первымъ центрамъ колонизаціи и подтверждаютъ наши доводы.

Въ эпоху, когда началось благосостояніе упомянутыхъ выше трехъ штатовъ, Сѣверная Америка не имѣла еще излишка въ народонаселеніи и не посылала, какъ то было въ-послѣдствіи, эмигрантовъ и піонеровъ съ топоромъ, заступомъ и ружьемъ, въ страны, непосредственно слѣдующія за этими штатами. Отъ этого населеніе Иллиноа, Мичигана, Іовы, Индіаны, Висконсина и Арканзаса, шло медленно и послѣдовательно, смотря по относительной географической ихъ долготѣ и сосѣдству съ процвѣтающими землями, гдѣ эмигрантамъ становилось уже тѣсно.

V.

Западная сторона Соединенныхъ Штатовъ не замедлила потерять первоначальный свой характеръ недоступности. Сѣверный американецъ занимаетъ мѣсто въ глубинѣ пустынь и говоритъ: терпѣніе! Здѣсь скоро будетъ двадцать, тридцать, сто тысячъ жителей!

Нельзя не сознаться, что климатъ и плодородіе почвы также много способствуютъ къ благосостоянію штатовъ на западъ и на *отдаленномъ западѣ* *. Изъ всѣхъ частей Союза, западъ преимущественно надѣленъ большими и малыми рѣками; нѣкоторыя изъ нихъ дали свои названія штатамъ, которые они орошаютъ. От-

* Не говорю о Калифорніи, которой блестящія судьбы происходятъ отъ особыхъ обстоятельствъ, ни о территоріяхъ Ута, недавно прибрѣтенныхъ отъ Новой Мексики, на которыя вліяніе американцевъ не успѣло еще дѣятельно распространиться.

сюда проистекаетъ великое удобство для путешествій и торговли. Теперь считается болѣе пятисотъ пароходовъ, снующихъ по рѣкамъ запада и *отдаленнаго запада* и тысячи различныхъ судовъ, плавающихъ по каналамъ и озерамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя доступны даже военнымъ судамъ, какъ на примѣръ озеро Мичиганъ, на которомъ коммодоръ Перри одержалъ въ 1813 году морскую побѣду надъ англичанами.

Свинець, желѣзо, каменный уголь, соль и известь, суть минеральныя произведенія запада; земледѣльческія произведенія этого края состоятъ изъ пеньки, хлѣбныхъ растений, табаку, хлопчатой бумаги, манса, ячменя и овса.

Въ этой части Союза считается свыше шести милліоновъ жителей, въ томъ числѣ до шести-сотъ-тысячъ невольниковъ. Только въ четырехъ штатахъ: Теннессе, Кентуки, Миссури и Арканзасѣ невольники и находятся. Быстрое развитіе этихъ странъ ясно видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1820 году число невольниковъ состояло изъ 218,678 душъ, въ 1850 ихъ было 584,846, слѣдовательно, въ теченіе тридцати лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилось.

Жителей, принадлежащихъ къ свободному классу, въ 1820 году считалось около двухъ милліоновъ, теперь число ихъ возрасло до шести милліоновъ.

Западъ и *отдаленный западъ* покрыты густыми лѣсами и необозримыми лугами. Эти страны послужили убѣжищемъ для индійцевъ, которые мало-по-малу были вытѣсняемы изъ обитаемыхъ ими прежде мѣстъ и нынѣ занимаютъ эти обширныя, привольныя страны, которыя назначены имъ «навсегда», такъ, по крайней-мѣрѣ, гласятъ трактаты. Но исторія послѣдовательнаго отступленія индійцевъ, передъ идущей на встрѣчу къ нимъ цивилизаціей, позволяетъ намъ перевести это слово слѣдующимъ образомъ: «Земли вамъ данныя, будутъ вамъ принадлежать до-толь, пока не встрѣтятся въ нихъ надобности, тогда васъ вновь погоняютъ, и будутъ съ каждымъ годомъ гнать все далѣе и далѣе до самаго Ледовитаго моря, гдѣ остатки вашего племени должны будутъ исчезнуть или принять цивилизацію.»

Особенно на западъ встрѣчаются четыре знаменитые американскіе луга. Они раздѣляются на большіе и малые; послѣдніе, гдѣ равнины смѣняются пригорками, поросшими лѣсомъ, дѣйствительно живописны. Едва ли самый искусный артистъ можетъ представить вамъ картину, подобную той, какую вы на самомъ

двѣ видите,—такъ щедро расточаетъ здѣсь природа дары свои. Вы увѣрены, что не встрѣтите тутъ человѣческаго жилья, между тѣмъ на сердца у васъ отрадно и вы испытываете неизъяснимое наслажденіе. Замѣчательный американскій писатель Джемсъ Галль, описывая отдаленный западъ, говоритъ, что малые дуга, съ своими равнинами, лѣсомъ, кучами деревьевъ, походятъ на озера, то распространяющіяся, то сжимающіяся, тогда какъ большіе, однообразные дуга уподобляются безбрежнымъ океанамъ. Только кое-гдѣ, прибавляетъ онъ, одинокое, согбенное ветромъ дерево, возвышается какъ мачта потерпѣвшаго крушеніе корабля.

VI.

На самой границѣ земель, занимаемыхъ индійцами, цивилизація терпеливо исполняетъ свое дѣло, тогда какъ дикари пустыни не принимаютъ въ немъ никакого участія.

Я помню, что на выставкѣ живописи въ Нью-Йоркѣ видѣлъ одну картину, имѣвшую философическое значеніе, которое, можетъ быть, ускользнуло отъ самаго артиста.

На правой сторонѣ полотна возвышался городъ, надъ которымъ разстилался дымъ изъ трубъ заводовъ; съ одной стороны рѣки на другую брошены были арки мостовъ превосходной архитектуры; вдаль виднѣлся поѣздъ вагоновъ, летящій по желѣзной дорогѣ; вездѣ земледѣльцы сгибались надъ плугами. На лѣвой сторонѣ полотна, на возвышеніи была группа индійцевъ: одни спали, другіе спокойно курили свои трубки и безопасно, безсознательно смотрѣли на это зрѣлище человѣческой дѣятельности.

Чего же и ожидать отъ этихъ дѣтей пустыни, которые встрѣчались съ цивилизаціей только для того, чтобъ ей противоборствовать и замедлять ея ходъ, вмѣсто того, чтобъ вступить въ ряды своихъ завоевателей и пріобрѣсти въ нихъ себѣ друзей и покровителей.

Гонимые со всѣхъ пунктовъ, гдѣ начались поселенія первыхъ колонистовъ, индійцы устремились къ неизвѣстнымъ и еще не нужнымъ для европейцевъ землямъ запада. Они тамъ умножились и утвердились; внушаемый ими страхъ и поставляемыя всюду преграды облекли *отдаленный западъ* какою-то поэтической неизвѣстностію.

Во всякомъ случаѣ, справедливо то, что когда сдѣланы были первые шаги на западъ, индійцы возобновили противъ колонистовъ и эмигрантовъ губительныя войны, замедлившія успѣхи колонизаціи. Нѣкоторыя изъ этихъ войнъ громко огласились и были причиною дѣйствительнаго безпокойства штатовъ, которыя могли очень пострадать отъ безопадныхъ убійцъ и зажигателей.

Отъ этого Кентуки до 1755 постоянно останавливаемъ былъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, безпрестанно отражая нападенія индійцевъ, и только по совершенномъ ихъ разсыаніи и прогнаніи, этотъ штатъ сталъ наслаждаться спокойствіемъ, необходимымъ для порожденія земледѣлія, торговли и промышленности. Индійцы, изгнанные изъ Кентуки, потянулись къ сѣверозападу и стали дѣлать набѣги на жителей Индіяны, что продолжалось до 1811, когда нанесено имъ было рѣшительное пораженіе генераломъ Гаррисономъ.

VII.

Война въ Индіянь есть одна изъ самыхъ знаменитыхъ и кровопролитныхъ съ индійцами. Въ ней большую роль играли: извѣстный предводитель дикихъ Текумсе и братъ его Тенсква-то-вай, прозванный «пророкомъ.»

Текумсе былъ однимъ изъ немногихъ индійскихъ начальниковъ, которые рѣшались противопоставлять энергической, отчаянный отпоръ оружію англо-американцевъ.

Въ то самое время, какъ Текумсе произвелъ возстаніе въ Индіянь, Англія и Соединенные Штаты готовы были объявить другъ другу войну. Случай тѣмъ болѣе благопріятствовалъ индійцамъ, что англійскіе агенты способствовали этому заговору и обѣщали съ своей стороны Текумсе пособіе, дабы усилить ненависть его къ американцамъ. Судья Галль, въ публичной похвалѣ генералу Гаррисону, изобразилъ въ рѣзкихъ очеркахъ портреты Текумсе и его брата, откуда мы заимствуемъ нѣсколько чертъ.

Этотъ Текумсе принадлежалъ къ племени Шаванесъ. Онъ съ давняго времени питалъ намѣреніе соединить всѣ племена запада противъ бѣлыхъ для истребленія ихъ поселеній въ долину Миссиссипи, простирающейся отъ скалистыхъ горъ до Аллегамскихъ и для изгнанія незваныхъ пришельцевъ. Для приведенія въ ис-

полненіе этого плана, отважный начальник посѣщаль разныя пограничныя племена, и, сколько хитростію, столько и даромъ убѣжденія, успѣль возжечь въ нихъ пламя мести къ породѣ бѣлыхъ. Онъ живо изобразилъ имъ: какимъ угнетеніямъ и несправедливостямъ они безпрестанно подвергаются отъ бѣднолицыхъ. Участникомъ этой пропаганды былъ родной его братъ, прозванный «Пророкомъ», что буквально значило «Отворенная дверь» и, вѣроятно, служило намѣкомъ на путь избавленія, который онъ открываль краснокожимъ; имя Текумсе въ переводѣ означаетъ «ползающій барсъ».

Текумсе—отважный, проникательный, былъ знаменитымъ ораторомъ, искуснымъ полководцемъ и счастливымъ переговорщикомъ. Отметить «бѣднолицымъ» было постоянною мечтою всей его жизни.

Пророкъ не имѣлъ ни одного изъ мужественныхъ качествъ своего брата. Онъ былъ лукавъ, жестокъ, трусливъ и преданъ чувственности. Но суевѣріе индійцевъ и могущественная подпора со стороны брата, который показываль, что почитаетъ его за вдохновеннаго, доставили ему великое вліяніе надъ племенами.

Одинъ, общій его талантъ съ братомъ, было увлекающее краснорѣчіе; но онъ употребляль его въ рѣдкихъ случаяхъ, предпочитая чаще прибѣгать къ шарлатанству. Текумсе постарался увѣрить, что братъ его имѣеть непосредственное сношеніе съ *Великимъ духомъ*. Это было тѣмъ правдоподобнѣе, что племя Шаванесъ считалось подъ особымъ покровительствомъ *Великаго духа*. Оно когда-то обладало знаніемъ и всеобщей тайной науки, говорили старики Сашемсъ, но въ наказаніе за важное согрѣшеніе, *Великій духъ* отнялъ у нихъ это знаніе и отдалъ бѣлымъ. Настало время, прибавляли они, въ которое бѣлые, волею *Великаго духа*, должны возвратитъ краснокожимъ это важное преимущество.

Возбужденные всякаго рода шарлатанствомъ, индійцы предприняли знаменитую войну противъ Индіаны и были совершенно разбиты въ Типпеканое генераломъ Гаррисономъ.

Во время этой битвы, въ отсутствіе Текумсе, «Пророкъ» удалился на соседственное возвышеніе въ бухтѣ Типпеканое и, находясь тамъ въ безопасности, оглашалъ воздухъ воинственною пѣсню. Когда же увидѣль пораженіе несчастныхъ своихъ соотечественниковъ, увлеченныхъ имъ въ гибель, постыдно бѣжалъ и навсегда скрылся со сцены.

VIII.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ находитъ нынѣ важное пособіе въ умноженіи числа крѣпостей, которыя могутъ почитаться авангардомъ цивилизаціи на *отдаленномъ западѣ*.

Одна изъ этихъ крѣпостей, называемая Снеллингъ, построена была при соединеніи рѣки Св. Петра съ Миссиссипи, близъ прекраснаго водопада Св. Антонія.

Племя индійцевъ Сиу, кочующее близъ водопада Св. Антонія, принадлежитъ къ большому племени, живущему на берегахъ Миссури; оно имѣетъ одинакіе съ послѣднимъ нравы, немного лишь измѣненные отъ прикосновенія съ цивилизаціею.

Вообще, всѣ племена индійцевъ, разсыянные на западъ, безъ единства и энергіи не могутъ теперь противопоставить ни малѣйшей преграды противъ нашествія европейцевъ и постепеннаго завладѣнія землями даже на *отдаленномъ западѣ*.

Съ нѣкотораго времени охотники на пушныхъ звѣрей проникли къ самымъ отдаленнѣйшимъ племенамъ. По слѣдамъ ихъ устремились купцы и открыли пути для торговли въ большомъ размѣрѣ.

Можетъ быть не вѣсьмъ извѣстно, что на этой индійской территоріи ежегодный оборотъ торговли простирается на нѣсколько милліоновъ долларовъ. Но пути торговли еще не безопасны. Купцы идутъ караванами, чтобъ не подвергнуться въ расплотъ нападенію индійцевъ. Нерѣдко раздаются ружейные выстрѣлы, и путешественникъ, слѣдуя по этимъ безмѣрнымъ равнинамъ, часто попираетъ своими ногами трупы.

Случается, что охотники проводятъ цѣлые годы между индійцами, не видя европейцевъ. Они свыкаются съ жизнію дикарей, частію по необходимости, частію изъ политики, въ надеждѣ обогащенія. Но достигаютъ ли они этой послѣдней цѣли? Сомнительно. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ большимъ компаніямъ англичанъ и американцевъ, ведущимъ въ огромномъ размѣрѣ торговлю рухлядью; другіе же, —вольные охотники, занимающіеся этимъ промысломъ собственно для себя.

Однажды я встрѣтилъ въ сѣверномъ краѣ одного изъ этихъ послѣднихъ охотниковъ, возвращающагося изъ отдаленныхъ пустынь: онъ былъ столь же бѣденъ, какъ и при началѣ своего труднаго и опаснаго промысла. Это былъ французъ, называвшійся Камусомъ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, предпринимавшій путешествіе на западъ, бралъ его съ собою на выгодныхъ для него условіяхъ. Камусъ рѣшительно отъ сего отказался; мы желали знать побудительныя къ тому причины.

IX.

Камусъ намъ разсказалъ, что три года занимался звѣринымъ промысломъ для одной компаніи, отъ которой получалъ по осьмидесяти долларовъ въ годъ жалованья. Сначала охота его такъ была удачна, что онъ рѣшился трудиться для самого себя, и сдѣлался вольнымъ охотникомъ, надѣясь разбогатѣть, потому что директоръ компаніи обѣщалъ ему платить по одному доллару за каждую бобровую шкурку. Камусъ послѣ того пять лѣтъ охотился и не продалъ компаніи ни одного мѣха, потому что шкуры всѣхъ убитыхъ имъ звѣрей, куда бы онъ ихъ ни пряталъ, были похищаемы индѣйцами.

— Эти разбойники, говорилъ онъ, еще боятся охотниковъ, принадлежащихъ компаніямъ, потому что въ распоряженіи послѣднихъ есть ружья, готовые на защиту своихъ служителей. Но индѣйцы ни сколько не уважаютъ вольныхъ охотниковъ, за которыхъ некому заступиться, а потому дикари вымѣщаютъ на нихъ все свои неудачи и принужденія. Имъ непременно нужно на чей-нибудь счетъ да пожитья, и мы бѣдняки доставляемъ имъ легкую поживу. Я могу вамъ, господа, служить примѣромъ. У меня, въ мои лѣта, нѣтъ гроша въ карманъ, между тѣмъ какъ страдаю весь ревматизмомъ. Правда, недавно наклеывался мнѣ одинъ случай, который могъ бы поправить мои дѣлишки, но ускользнулъ...

— Какъ же это? спросилъ я.

— А вотъ какъ, добрые господа. Я проходилъ по долину Миссури и очутился на склонѣ скалистыхъ горъ, гдѣ водятся дорогіе сѣрые медведи: они пріютились во льду и вѣчныхъ снѣгахъ, покрывающихъ вершины этихъ горъ. Тамъ встрѣтилъ я двухъ индѣйцевъ, которымъ мнѣ удалось оказать какую-то услугу, они были признательны и обѣщали въ свою очередь мнѣ отплатить. И такъ мы встрѣтились не безъ взаимнаго удовольствію въ одномъ ущельи; насъ застигла темнота и мы рѣшились тутъ переночевать. На другой день, прежде восхожденія

солнца, проснувшись, я увидѣлъ въ десяти шагахъ отъ себя жирную медвѣдицу, колоссальныхъ размѣровъ; она сидѣла съ достоинствомъ, свойственнымъ ея полу, между двумя медвѣжатами и пристально на насъ смотрѣла. Въ ту же минуту я замѣтилъ, что остатки вчерашняго нашего ужина до послѣдней крошки были истреблены и даже котомка моя съ бѣльемъ, порохомъ и свинцовыми пулями была обшарена не хуже таможеннаго досмотрщика. Первою моею мыслию было внутренно поблагодарить честнаго звѣря, что не пожралъ меня съ товарищами; я вспомнилъ индійскую пословицу, что сонный человекъ составляетъ таинственное (вещь священную) для сѣраго медвѣдя. Но я уже проснулся, и потому не имѣлъ болѣе ни какого права на уваженіе медвѣдицы, тотчасъ схватился за ружье и сильно пошевелилъ обоихъ индійцевъ. Я направилъ ружейное дуло прямо на медвѣдицу, которая и не думала трогаться съ мѣста, между тѣмъ я былъ увѣренъ, что не дамъ промаха, и уже воображалъ себя обладателемъ звѣриной шкуры, за которую всякая компанія дала бы мнѣ порядочную плату; но...

— Чтожь, развѣ медвѣдица сама въ тебя выстрѣлила?

— Нѣтъ, отвѣчалъ простосердечно охотникъ: но въ ту самую минуту, какъ я хотѣлъ спустить курокъ, индійцы съ живостію отвели дуло моего ружья.

— Несчастный бляднлицій! вскричалъ одинъ изъ нихъ съ негодованіемъ: или ты не знаешь, что нельзя убивать калеба (такъ называютъ они сѣраго медвѣдя): этимъ ты наведешь на насъ проклятiе Великаго духа! Да впрочемъ, прибавилъ другой товарищъ: вотъ идетъ и сожигатель медвѣдицы, намъ теперь съ ними и не справиться. За тѣмъ, мы побѣжали отъ нихъ со всѣхъ ногъ.

— Вотъ, господа, продолжалъ Камусъ поучительнымъ тономъ, — какъ мысленно продавши шкуру, прежде чѣмъ убилъ звѣря, я на этотъ разъ потерпѣлъ окончательное разореніе отъ глупѣйшаго суевѣрія.

— Конечно, это очень трогательно, сказалъ я Камусу: но, право, я не вижу причины, почему ты отказался слѣдовать съ моимъ пріятелемъ, который предлагалъ тебѣ выгодныя условія. Можетъ быть ты боишься, чтобъ не узналъ тебя въ скалистыхъ горахъ калебъ?

— Медвѣдей-то я не боюсь, отвѣчалъ Камусъ; но боюсь, чтобъ меня не узнали индійцы.

— А! а! Стало быть, за тобою водится какой-нибудь гръшокъ.

— Да, сударь.

— Право! какой же?

— Я оставилъ жену мою Т'селл'ни, дочь Мон-Сон-Са, на которой женился не совсѣмъ по своей воли. Надо вамъ признаться, господа, что я, посѣщая многія племена, вездѣ обѣщаль жениться и никогда не исполняль обѣщанія. Можетъ быть вы скажете, что индѣйцы не придають этому большой важности. Но это не совсѣмъ такъ въ отношеніи къ европейцамъ, въ особенности къ французамъ...

— И въ особенности къ тебѣ, Камусъ? Не правда ли?

— Я не скажу нѣтъ. Этѣ краснокожія женщины чрезвычайно любятъ бѣлыхъ мужей и разставляютъ предательскія сѣти для залученія въ нихъ бѣдныхъ охотниковъ. Въ теченіе осьми лѣтъ, что я живу въ этихъ лугахъ, я оставилъ, по-крайней-мѣрѣ, полдюжины безутѣшныхъ красавиць. Моя репутація до того распространилась въ пустынь, что отцы и мужья были въ большомъ страхѣ.

Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, я очень ухаживаль за дѣвицею Т'Селл'ни, изъ племени шіенъ. Я мало съ ней разговариваль, но подарилъ ей серьги, найденныя въ чемоданѣ купца, котораго убили пятеро или шестеро товарищей моего будущаго тестя. Часто доводилось мнѣ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, но для самосохраненія надлежало дѣлать, какъ бы ничего не замѣчаль.

Мой подарокъ и разговоры съ Т'Селл'ни не оставили никакого сомнѣнія въ намѣреніяхъ такого опаснаго волокиты, о которомъ шла недобрая молва въ вигамъ. На другой день послѣ сдѣланнаго мною подарка, я находился въ чащѣ лѣса и получилъ неожиданное посѣщеніе брата Т'Селл'ни, храбраго воина, извѣстнаго подъ именемъ Па-ту-ко-ра (пестраго барса)—названіе, какъ видите, довольно обѣщающее. Онъ обошелся со мною довольно ласково для дикаря и сказалъ мнѣ спокойнымъ голосомъ:

— Я долженъ поговорить съ тобою объ одной вещи, до тебя касающейся. Знаешь ты Т'селл'ни? Я качнулъ ему головою, въ знакъ утвержденія.

— Ты находишь, что она хороша; не такъ ли?

Я отвѣчаль ему жестомъ, да.

— Знаешь ли также Па-ту-ко-ра? продолжалъ онъ.

— Это ты, отвѣчалъ я.

— Такъ ты долженъ знать, что я храбръ и не щажу моихъ непріятелей. Слушай-же, что я тебѣ скажу: ты долженъ сейчасъ выбрать одно изъ двухъ: или жениться на сестрѣ моей или быть убитымъ моимъ томагакомъ: выбирай.

Говоря это, «пестрый барсъ» выставилъ передъ моими глазами здоровенную дубинку, заставившую меня серьезно призадуматься.

— Чтожъ ты выбираешь? спросилъ меня Па-ту-ко-ра.

— Я рѣшаюсь жениться на Т'Селл'ни. Когда же будетъ наша свадьба? Поспѣшимъ къ Мон-Сон-су.

«Пестрый барсъ», казалось, былъ радъ моей поспѣшности; онъ взялъ меня подъ руку и привелъ въ вигамъ своего отца, гдѣ я нашелъ мою невѣсту. Обрядъ бракосочетанія не замедлился. Т'Селл'ни, въ знакъ согласія имѣть меня своимъ мужемъ, положила на нашу брачную постель ожерелье изъ раковинъ, украсившее ея шею, что во многихъ племенахъ служить также и видимымъ знакомъ непорочности невѣсты.

— Т'Селл'ни сдѣлалась моею женою передъ этимъ племенемъ; но могъ ли я почитать ее дѣйствительно моею женою, когда нашъ бракъ не былъ освященъ законнымъ обрядомъ. Ахъ, господа! вскричалъ жалобнымъ голосомъ Камусъ: я слыхалъ, что многіе во Франціи жалуются на такъ называемые браки по приличію, когда лица, ихъ заключающія, вовсе неприличествуютъ другъ другу! Но что это значитъ въ сравненіи съ бракомъ, заключеннымъ подъ вліяніемъ дубинки, какъ бы ни была хороша невѣста и какъ бы вы ни желали обладать ею! Да это, просто, до того невыносимая пытка, что спустя одну недѣлю, не смотря на выгоды, которыя пріобрѣталъ я на будущее время для моей охоты, ночью, потихоньку, я вышелъ изъ вигамы и побѣжалъ безъ оглядки въ глубину лѣса, съ твердымъ намѣреніемъ никогда болѣе не возвращаться къ дражайшей моей половинѣ.

Я зналъ, что не найду вѣрнаго пристанища ни у какого племени. Вездѣ я долженъ былъ бояться женскаго гнѣва; съ другой стороны, охота моя ничего добраго мнѣ не принесла, а потому немного и жалѣлъ о ней. Я рѣшился возвратиться въ европейскія общества. Вотъ почему вы встрѣтили меня здѣсь, и почему я наотрѣзъ отказался сопутствовать вамъ на западъ.

Мой пріятель нашелъ положеніе Камуса дѣйствительно довольно серьезнымъ и не настаивалъ болѣе.

По правдѣ сказать, меня удивляло, что французъ рѣшился сдѣлаться охотникомъ въ американскихъ пустыняхъ; для такого промысла нужны постоянство и твердая воля, а этихъ качествъ, по болѣе части, недостаетъ нашимъ соотечественникамъ—эмигрантамъ. Я желалъ знать, какія побудительныя причины заставили его избрать этотъ родъ жизни?

— Ахъ, сударь, отвѣчалъ онъ: мнѣ не представлялось выбора: жизнь моя всегда шла противъ шерсти. Я прибылъ въ Нью-Йоркъ для отправленія двойной работы—привратника и полотера.

— Это дѣйствительно было не очень расчетливо! Въ Америкѣ не держатъ привратниковъ и половъ не лакируютъ, потому что зимою они покрыты коврами, а лѣтомъ циновками.

— Я и самъ скоро узналъ это по опыту, возразилъ Камусъ; но дѣлать было нечего: никакого другаго ремесла я не зналъ и потому одинъ знакомый мнѣ американецъ легко убѣдилъ меня сопутствовать ему на западъ, гдѣ, какъ вы видѣли, я прожилъ нѣсколько лѣтъ, полныхъ сильными ощущеніями.

X.

Эпизодъ Камуса немного насъ отдалилъ отъ предмета нашихъ изслѣдованій объ *отдаленномъ западѣ*.

Изъ всего сказаннаго выше явствуетъ, что *отдаленный западъ*, означавшій у первыхъ американскихъ поселенцевъ страну неизвѣстную, непроницаемую, исполненную всякаго рода опасностей, постепенно раскрывался для труда и цивилизаціи, и что вездѣ, куда послѣдняя ни проникала, пущены ею глубокіе корни. Новые Штаты послѣдовательно подвигались далѣе и далѣе на западъ. Прибавимъ къ сему, что остающіяся въ этомъ краѣ свободныя земли не замедлятъ также въ свою очередь преобразоваться.

Что касается до нынѣшнихъ индійцевъ, американское правительство держитъ ихъ въ своихъ рукахъ. Ему хорошо извѣстны всѣ племена, числительная ихъ сила и относительная важность. Это правительство непосредственно господствуетъ надъ ними чрезъ своимъ агентовъ, обязанныхъ защищать дикарей и имѣть

за ними надзоръ—двойная роль, ближайшая цель которой состоитъ въ приготовленіи почвы для организованнаго общества. Время сдѣлаетъ остальное.

Но эпоха этой развязки не можетъ быть далека.

Если прибудеть еще одинъ миллионъ новыхъ поселенцевъ въ Сѣверную Америку, то существующій теперь на сѣверо-западѣ пробѣль немедленно пополнится и Новые Штаты займутъ неизслѣдованныя земли *отдаленнаго запада*.

Результатъ этотъ такъ близокъ къ осуществленію, что я не колеблюсь повторить сказанное при началѣ.

Отдаленный или *неизвѣстный западъ* не имѣетъ въ Сѣверной Америкѣ прежняго значенія. Теперь надо принимать его не болѣе какъ въ смыслъ просто географическаго опредѣленія этой страны.

РИП-ВАН-ВИНІЛЬ.

I.

Кто путешествовалъ по Гудсону, тотъ вѣрно помнитъ горы Катскиль, отрасль хребта Ападахскаго. Каждое время года, каждая переменна въ погоду, каждый, можно сказать, часъ дня перемѣняютъ видъ и фizioномію этихъ горъ; старушки смотрятъ на нихъ, какъ на низшій барометръ.

Когда день ясный и тихій, Катскиль одѣвается пурпуромъ и лазурью и рисуется въ смѣлыхъ и рѣзкихъ очеркахъ на чистомъ вечернемъ небѣ; но случается, что и при безоблачномъ горизонтѣ, вершины горъ покрываются съдымъ туманомъ, какъ шапкою, которая, освѣщаясь лучами заходящаго солнца, сіяетъ на ихъ чель вѣнцемъ славы.

У подошвы этихъ горъ, путешественникъ можетъ замѣтить легкій дымокъ, вьющійся спиралью надъ деревенькою, которой деревянныя крыши блестятъ изъ-за деревьевъ, между тѣмъ какъ голубоватый отливъ горъ смѣшивается съ свѣжею зеленью. Эта небольшая старинная деревенька основана первоначальными голландскими колонистами, когда еще управлялъ поселеніями добрый Петръ Стивесанъ (миръ праху его!) Еще недавно существовало тутъ нѣсколько домовъ, принадлежавшихъ первымъ вла-

дѣтелямъ, построенныхъ изъ маленькихъ желтыхъ кирпичей, вывезенныхъ изъ Голландіи, съ окнами, снабженными рѣшетками и съ кровлями, надъ которыми возвышались вертящіяся флюгерки.

Въ одномъ изъ домовъ этой деревни, наиболее пострадавшемъ отъ времени, жильё—давненько правда, когда вся эта страна принадлежала еще Англіи—простякъ и добрякъ, по имени Рип-ван-Винкль. Это былъ потомокъ того ван-Винкля, который былъ извѣстенъ въ рыцарскія времена Петра Стивесана и находился съ нимъ при осадѣ крѣпости Христины. Но Рипъ мало наследовалъ мужества отъ своихъ предковъ. Я уже сказалъ, что онъ былъ добрякъ и простякъ; прибавлю къ этому, что онъ былъ еще услужливый сосѣдь и мужъ въ полномъ повиновеніи своей жены, или, какъ говорится, подъ ея башмакомъ.

Последнее обстоятельство такъ благопріятно подѣйствовало на его характеръ, что онъ успѣлъ приобрести себѣ общую любовь: извѣстно, что мужчина, живущій подъ властію своенравной женщины, дѣлается въ отношеніи къ другимъ ласковъ и услужливъ. Характеръ такого чловѣка, перегорѣвшій въ огнѣ домашнихъ напастей, дѣлается мягкимъ: брань жены, право, дѣйствительныя всякихъ поученій и скоро научить терпѣнію и самоотверженію.

И такъ, своенравная женщина, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть благо; допустивъ это, Рип-ван-Винкль былъ какъ нельзя больше благодѣтельствованъ.

Нашъ герой былъ въ милости у всѣхъ добрыхъ женщинъ, которыя, по привычкѣ, свойственной прекрасному полу, принимали всегда сторону Рипа во всѣхъ домашнихъ его ссорахъ и на вечернихъ бесѣдахъ не щадили госпожу ван-Винкль. Ребятишки подымали радостный крикъ при появленіи Рипа. Онъ участвовалъ въ ихъ забавахъ, учреждалъ игры, училъ перехватывать бумажный змѣй и рассказывалъ имъ длинныя исторіи про мертвецовъ, колдуновъ и индѣйцевъ.

Лишь только выбѣжавъ украдкой изъ своего дома, онъ показывался на краю деревни, толпа ребятишекъ его окружала: кто цѣплялся ему за ногу, кто вскакивалъ на спину, словомъ, всѣ безнаказанно могли дѣлать съ нимъ тысячу шалостей, и ни одна уличная собака никогда на него не лаяла.

Главнымъ недостаткомъ Рипа было неопределимое отвращеніе отъ всякаго полезнаго труда, не потому, чтобъ онъ не имѣлъ терпѣнія и постоянства; напротивъ, онъ готовъ былъ сидѣть на

берегу рѣки съ длиннымъ, тяжелымъ шестомъ цѣлый день и удить рыбу, еслибъ она даже ни разу не клонула приманки; онъ по цѣлымъ часамъ таскалъ за спиной ружье, рыскавая по лѣсамъ и болотамъ, подымаясь на утесы, спускаясь въ овраги, чтобъ подстрѣлить бѣлку или дикаго голубя. Никогда не отказывался онъ пособить сосѣду даже и въ трудной работѣ; всегда былъ первымъ на деревенской сходкѣ, понадобится ли молотить мансъ, или сдѣлать гдѣ каменную перегородку.

Женщины этой деревушки нерѣдко употребляли его по своимъ комисіямъ, за которыя и не подумали бы взяться иные не слишкомъ угодливые мужья. Коротко сказать, Рипъ готовъ былъ трудиться для всѣхъ, выключая самого себя: исполнять домашнія свои обязанности, содержать въ порядкѣ свою ферму—было свыше силъ его.

Онъ объявлялъ за непреложную истину, что не стоитъ труда обрабатывать его ферму, что это самый скверный клочекъ земли изъ всего околodka, что на ней, какъ будто на зло ему, все идетъ день-ото-дня хуже. Стѣны ограды распадаются, корова или заблудится или потопчетъ капусту; дурная трава какъ нарочно растетъ только на поляхъ его, дождь непременно полетѣтъ въ то время, когда нужно работать ему внѣ дома, наследственное его достояніе гибнетъ десятина за десятиной, такъ что остается небольшая уже полоска для кукурузы или картофеля; словомъ, ферма нашего Рипа была въ самомъ жалчайшемъ состояніи.

Дѣти его худо содержались, безъ призора, какъ будто не было у нихъ родителей. Сынъ его Рипъ, толстый, скучный мальчишка, похожій на отца, обѣщалъ наследовать всѣмъ его привычкамъ, какъ уже и наследовалъ старое платье. Онъ обыкновенно бѣжалъ, какъ жеребенокъ за своею матерью, нарядясь въ широкіе отцовскіе панталоны, брошенные за негодностью, поддерживая ихъ рукою, какъ поддерживаютъ свои юбки, прекрасныя дамы въ дурную погоду.

Рип-ван-Винкль принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ смертныхъ, которые по своему беззаботному характеру всѣмъ на свѣтѣ довольны. Есть у него бѣлый хлѣбъ—хорошо; нѣтъ, онъ и чернымъ довольствуется; но скорѣе готовъ помереть съ голоду съ послѣднимъ пенни, чѣмъ заработать деньги. Когда бъ онъ былъ одинъ, то прожилъ бы цѣлый свой вѣкъ припѣваючи,

но жена безпрестанно трубила ему въ уши: лѣтній, ты своею лѣнностію погубишь все семейство.

II.

И утромъ, и днемъ, и ночью, языкъ г-жи ван-Винкль не умолкалъ; и чтобы ни дѣлалъ, чтобы ни говорилъ Рипъ, красно-рѣчивыя поученія дражайшей половины текли рѣкою.

На всѣ выходки своей жены, Рипъ отвѣчалъ всегда однимъ манеромъ, такъ что это обратилось у него въ судорожную привычку. Онъ обыкновенно пожималъ плечами, наклонялъ голову, подымалъ глаза, но не произносилъ ни слова, и какъ это давало поводъ къ новымъ нападкамъ жены, онъ ретировался тогда къ двери, единственному спасенію мужа, находящагося подъ властью женщиной юбки.

Единственнымъ домашнимъ другомъ Рипа была его собака Вольфъ, съ которой также дурно обходились, какъ и съ ея господиномъ; г-жа ван-Винкль считала ихъ обоихъ за лѣнливцевъ и особенно смотрѣла на Вольфа непріязненнымъ окомъ, почитая его за главную причину всѣхъ заблужденій своего мужа.

Надо правду сказать, что Вольфъ имѣлъ всѣ свойства доброй собаки и не уступалъ въ смѣлости ни одному лѣсному звѣрю; но какая смѣлость можетъ противустоять бранчивому языку женщины? Вольфъ приходилъ домой понуривъ голову, поджавъ хвостъ, бродя вездѣ какъ осужденный, бросая изъ подлобья взгляды на г-жу ван-Винкль, и, завидѣвъ въ рукахъ ея метлу или ухватъ, бросался съ визгомъ къ двери.

Съ продолженіемъ этого брака, участь Рип-ван-Винкля становилась все хуже и хуже. Сварливый характеръ не смягчается временемъ. Острый язычекъ отъ употребленія не притупляется, подобно инструменту, а еще дѣлается болѣе острымъ. Единственнымъ утѣшеніемъ Рипа было, когда выгонять его изъ дому, отправиться въ собраніе, въ родъ клуба, состоящее изъ мудрецовъ, философовъ и прочихъ праздношатающихся, которые постоянно возсѣдали на прилавкѣ предъ небольшою гостиницей, имѣвшей на своей вывѣскѣ размалеванный портретъ Георга III. Въ долгіе лѣтніе дни, они покоились въ тѣни, рассказывая другъ другу деревенскія сплетни, переливая изъ пустаго въ порожнее.

Иной дорого бы далъ, чтобы послушать глубокомысленныя

разсужденія, когда попадалась въ ихъ руки какая-нибудь старая газета, случайно оставленная путешественникомъ. Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ они слушали медленное ея чтеніе Деррикъ-ван-Бюммеля, школьнаго учителя, маленькаго живаго чловѣка, котораго не утрашали даже самыя мудренныя слова. И какъ важно они судили и рядили о политическихъ событіяхъ, давнымъ давно совершившихся!

Мнѣніями этого собранія управлялъ Николай Веддеръ, старшина въ деревнѣ и владѣтель гостинницы, предъ дверьми которой онъ садился съ утра и оставался до ночи, подвигаясь только немного по лавкѣ, чтобы быть всегда въ тѣни отъ растущаго насупротивъ съ густыми вѣтвями дерева, такъ что, наблюдая его движенія, можно было, какъ по солнечному циферблату, знать съ точностію время.

Рѣдко слышали Николая Веддера говорящимъ, но за то онъ всегда курить. Его приверженцы (какой же великій чловѣкъ не имѣетъ ихъ) хорошо понимали и умѣли вполнѣ передавать его мысль.

Когда кто говорилъ или читалъ не по немъ, онъ начиналъ курить сильно и выпускалъ частыя, маленькіе, рвущіеся клубы дыма. Когда же, напротивъ, доволенъ былъ слышаннымъ, всасывалъ дымъ, потихоньку пуская легкія, покойныя облака; иногда же, отнимая прочь трубку, оставлялъ дымныя облака плавать вокругъ себя и важно покачивалъ головою въ знакъ совершеннаго одобренія.

Но, увы! и изъ этого мѣста, гдѣ Рипъ считалъ себя въ совершенной безопасности, былъ онъ изгнанъ неумолимою женою, которая вдругъ нарушила тишину собранія и наругалась надъ всеми его членами. Злой языкъ этого женскаго козыря не пощадилъ даже и величественнаго Веддера, котораго она обвиняла въ поощреніи мужа къ лзости.

Наконецъ, бѣдный Рипъ приведенъ былъ въ совершенное отчаяніе; чтобы избавиться отъ работы на фермѣ и отъ брани жены своей, ему ничего болѣе не оставалось, какъ схвативъ ружье, бѣгать по лѣсу. Иногда онъ садился у подошвы дерева и раздвѣлялъ скудный запасъ своей котомки съ вѣрнымъ Вольфомъ, къ которому шталъ привязанность, какую можно испытывать къ преслѣдуемому другу.

— Бѣдный Вольфъ, говорилъ онъ, хозяйка заставляетъ тебя

вести жизнь собачью; но будь покоенъ дружокъ: пока я живъ, ты не останешься безъ покровителя.

Вольфъ смотрѣлъ на господина своего и махалъ хвостомъ, и если собаки могутъ чувствовать жалость, я увѣренъ, что Вольфъ платилъ Рипу симпатіею за симпатію.

III.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, въ хорошій осенній день, Рипъ нечаянно дошелъ до самой вершины Катскиля. Онъ занимался любимымъ своимъ дѣломъ, охотою за векшамп, и безмолвныя пустыни не разъ оглашались эхомъ его ружейныхъ выстрѣловъ.

Задыхающійся, измученный, подвѣчеръ онъ легъ отдохнуть на площадкѣ, покрытой зеленью надъ страшною пропастью. Сквозь прогалнну деревьевъ, онъ видѣлъ на цѣлую мило страну, одѣтую богатѣйшею растительностію. Вдали гораздо ниже его сверкала могучій Гудсонъ, тихо и величественно катящій свои воды, въ которыхъ, какъ въ зеркаль, отражались пурпуровое облако, или парусъ лѣниво скользящей барки по прозрачной поверхности Гудсона.

Съ другой стороны, взоръ его погружался въ глубокую, дикую, уединенную, безжизненную долину, дно которой устьяно было осколками нависшихъ утесовъ, едва освѣщаемыхъ послѣдними лучами вечерняго солнца.

Рипъ не могъ отвести глазъ отъ этого зрѣлища. Сумракъ мало-по-малу распространялся и горы стали покрываться голубоватыми тѣнями. Онъ увидѣлъ, что ночь настигнетъ его прежде, чѣмъ успѣетъ онъ дойти до деревни и глубоко вздохнулъ при мысли: какимъ разразится на него гнѣвомъ г-жа ван-Винкль.

Когда онъ хотѣлъ спускаться, услышалъ, что издалика кто-то его кличетъ.

— Рип-ван-Винкль! Рип-ван-Винкль!

Онъ оглянулся во всѣ стороны, но никого не видалъ, кромѣ одного важно по горѣ идущаго ворона. Рипъ подумалъ, что это игра воображенія и обернулся опять къ спуску, но въ ту же минуту опять раздалось въ тишинѣ вечерняго воздуха:

— Рип-ван-Винкль! Рип-ван-Винкль!

Въ то же время шерсть на Вольфѣ оцетинилась, онъ завор-

чалъ и прижался къ хозяину, робко посматривая на долину. Невольный ужасъ овладѣлъ Рипомъ; онъ посмотрѣлъ съ безпокойствомъ въ ту же сторону и увидѣлъ престраннаго человѣка, медленно идущаго по утесамъ и сгибающагося подъ тяжестью ноши. Рипъ крайне былъ удивленъ, видя человѣка въ этомъ уединенномъ, столь мало посѣщаемомъ мѣстѣ; но полагая, что это кто-нибудь изъ сосѣдственнаго селенія, поспѣшилъ спуститься и подать ему помощь.

Приближаясь къ нему, онъ еще болѣе пораженъ былъ страннымъ видомъ незнакомца: это былъ маленькой старикъ, почти квадратной фигуры, съ густыми, длинными волосами и съдою бородой. Костюмъ его походилъ на старинный голландскій; на немъ была куртка и нѣсколько вздытыхъ одни на другіе панталонъ, изъ которыхъ наружныя, весьма широкіе, украшены были по швамъ рядами пуговицъ, а около колѣнъ бантами. Онъ несъ на спинѣ боченокъ, наполненный, казалось, жидкостью и сдѣлалъ Рипу знакъ, чтобъ тотъ пособилъ ему. Хотя Рипу и не очень нравилось это новое знакомство, но онъ не измѣнилъ своей привычки: и вотъ, помогая другъ другу, вошли они на узкую тропу, похожую на высохшее русло горнаго потока. Когда они по ней поднимались, Рипъ время отъ времени слышалъ глухой шумъ, подобный раскатамъ отдаленнаго грома, выходящій, какъ казалось, изъ глубокаго оврага или изъ ущелья между двумя высокими скалами, куда вела ихъ тропинка. Рипъ остановился—было, но полагая, что шумъ происходитъ отъ грозы, часто случающейся въ высокихъ горахъ, продолжалъ дорогу. Минуя оврагъ, они приблизились къ впадинѣ, похожей на амфитеатръ, окруженный отвѣсными скалами. Деревья, висѣвшія на ихъ бокахъ, ветвями своими почти закрывали лазурь небесъ и прекрасныя вечернія облака.

Пока продолжалось ихъ восхожденіе, Рипъ и его товарищъ хранили молчаніе: первый не давалъ себѣ отчета,—какая польза нести боченокъ съ жидкостью по дикимъ горамъ; видъ незнакомца имѣлъ что-то странное, неповѣтное, внушающее страхъ, не располагающій къ фамиллярности.

Достигнувъ амфитеатра, Рипъ пораженъ былъ новыми предметами. Въ срединѣ, на ровной площадкѣ, группа странныйшихъ людей играла въ кегли. Одежда ихъ была странная, эксцентричная.

На ихъ были короткія куртки, на другихъ камзолы, и у

всѣхъ широкія панталоны, и на поясахъ висѣли длинныя ножи. Лица ихъ были также очень странны: одинъ съ большою головою и широкимъ лицомъ имѣлъ маленькіе, какъ у свиньи, глаза, у другаго вся фязіономія заключалась въ одномъ огромномъ носѣ и на головѣ была бѣлая шляпа, на манеръ сахарной головы, съ краснымъ пѣтушымъ перомъ. Одинъ изъ нихъ казался начальникомъ: это былъ толстый старикашка, порядочно согбенный, камзолъ у него былъ обложенъ позументомъ, на широкомъ поясѣ висѣлъ ножъ, высокая шляпа украшалась перьями, красныя чулки, башмаки съ каблукми и бантами довершали его нарядъ.

Эта группа напомнила Рипу фламандскую картину, видѣнную имъ въ залѣ священника, которая привезена была изъ Голландіи еще первыми колонистами.

Всего болѣе удивляло Рипа то, что хотя эти люди и занимались игрою, но сохраняли важность и таинственное молчаніе: никогда еще онъ не былъ свидѣтелемъ такой скучной игры. Ни что не нарушало здѣсь странной тишины, выключая шума катающихся шаровъ, который и казался отдаленнымъ громомъ.

Когда подошли къ нимъ Рипъ съ товарищемъ своимъ, они оставили игру и глядѣли на пришельца съ неподвижными глазами, какъ статуи. Ихъ взоры были такъ странны, тусклы и жестки, что Рипъ струсилъ и колѣна его задрожали. Товарищъ его вылилъ изъ боченка жидкость въ большія чаши и далъ Рипу знакъ, чтобъ онъ подносилъ ихъ собранію. Рипъ повиновался, дрожа отъ страха. Всѣ пили эту жидкость не произнося ни слова; потомъ обратились опять къ игрѣ.

Нечувствительно оцѣнѣніе и страхъ Рипа исчезли. Онъ даже рѣшился, въ минуту когда на него никто не смотрѣлъ, отвѣдать влаги, которая показалась ему превосходною голландскою анисовою водкою. Рипъ имѣлъ некоторую склонность къ напиткамъ и ему захотѣлось еще попробовать. За глоткомъ пошелъ другой глотокъ, и онъ такъ часто сталъ приставлять губы къ чашѣ, что напоследокъ потерялъ чувста; глаза сомкнулись, голова наклонилась и онъ впалъ въ глубокій сонъ.

IV.

Пробнувшись, Рипъ очутился на той самой зеленой площадкѣ, съ которой увидѣлъ въ первый разъ страннаго старика.

Онъ протеръ свои глаза; утреннее солнце сіяло въ полномъ блескъ, птицы щебеца порхали по деревьямъ, орелъ парилъ въ высоту, вдыхая въ себя чистый нагорный воздухъ.

— Не можетъ быть, чтобъ я провелъ здѣсь цѣлую ночь, подумалъ Рипъ.

Онъ старался привести себя на память все случившееся съ нимъ до сна: старика съ боченкомъ, гору, оврагъ, амфитеатръ, окруженный скалами, игру въ кегли и чашу съ напиткомъ...

— О, проклятый напитокъ! вскричалъ Рипъ: какое я могу теперь принести оправданіе г-жѣ ванъ-Винкль?

Онъ сталъ искать ружье свое и, вмѣсто новаго, хорошаго, нашель какое-то старое, съ заржавленнымъ дуломъ и источеннымъ червями прикладомъ. Рипъ подумалъ, что молчаливые игроки въ кегли сыграли съ нимъ эту штуку, нарочно напоивъ его, чтобъ подмѣнить ружье.

Исчезъ и Вольфъ; но онъ, можетъ быть, заблудился, гоняясь за бѣлкой или куропаткой; Рипъ свиснулъ, и громко позвалъ Вольфа; эхо повторяло въ горахъ свистъ и имя Вольфа, но собака не являлась. Рипъ рѣшился осмотрѣть мѣсто вчерашнихъ своихъ подвиговъ и, встрѣтясь съ кѣмъ-нибудь изъ этой шайки, взять назадъ свою собаку и ружье. Когда онъ всталъ на ноги и хотѣлъ идти, то почувствовалъ, что нѣтъ въ немъ прежней легкости и силы.

— Видно ночлегъ на этихъ горахъ былъ мнѣ не поздоровью; и если я схвачу ревматизмъ, то придется мнѣ проводить пріятные часы съ г-єю ван-Ванкль!

Съ трудомъ онъ спустился въ долину, отыскавъ тропу, по которой вчера поднимался съ старикомъ; но, къ величайшему его удивленію, тамъ низвергался съ утеса на утеса водопадъ, наполнявшій шумомъ всю долину. Рипъ сталъ подниматься на скалы, цѣпляясь за вѣтви березъ, сассафраса, орешника и задевая ногами за дикій виноградникъ, который переплетался съ тью по его дорогѣ.

Наконецъ онъ достигъ до того мѣста, гдѣ вчера было отверстіе въ амфитеатръ, но теперь не было и слѣда его: по отвѣснымъ скаламъ широкою скатертью стремились потоки въ темный глубокий оврагъ, освѣщенный со всѣхъ сторонъ деревьями. Тутъ Рипъ долженъ былъ остановиться. Онъ снова свиснулъ и позвалъ Вольфа; но вмѣсто всякаго отвѣта услышалъ карканье стаи вороновъ, летавшихъ надъ сухимъ деревомъ, повисшимъ надъ

самой бездной: они съ высоты, какъ будто насмѣшливо посматривали на бѣдняка. Что было дѣлать? утро подвигалось, Рипъ почувствовалъ, что желудокъ его пустъ. Горевалъ онъ о потерю Вольфа и новаго ружья и боялся встрѣчи съ женою; но не оставаться же еще цѣлый день въ горахъ. Покачавъ головой, бросилъ онъ на плечо старое заржавленное ружье и, съ стѣсненнымъ сердцемъ, рѣшился идти домой.

Приближаясь къ деревнѣ, онъ встрѣтилъ много людей и ни одного изъ нихъ знакомаго, что не мало его удивило, потому что онъ, кажется, зналъ хорошо живущихъ въ околodкѣ. Да и костюмъ ихъ былъ какъ-то отличенъ отъ обыкновеннаго. Всѣ встрѣчающіеся съ нимъ останавливались и глядя на него дивовались, почесывая подбородокъ. Рипъ тоже хотѣлъ почесать свой подбородокъ и, къ величайшему изумленію, нашель у себя предлинную бороду.

Вотъ ужъ онъ и у деревни. Толпа незнакомыхъ мальчишекъ бѣжитъ по пятамъ его: они насмѣхаются надъ нимъ и указываютъ пальцами на его съдую бороду. Собаки, тоже незнакомыя, подняли на него лай. Видъ деревни измѣнился, улица пошире и дома понаряднѣе. Явились и новыя зданія, а прежнія исчезли. Надписи надъ дверями съ новыми именами, въ окнахъ смотрять неизвѣстныя лица: все для него ново.

Страхъ овладѣлъ Рипомъ; ужъ не околдованъ ли я и все, меня окружающее? подумалъ онъ. Но дѣйствительно онъ находился въ родимой ему деревнѣ, изъ которой вышелъ только вчера. Вотъ катскіе горы, вотъ Густонъ, вотъ знакомые утесы и долины—все они на своихъ мѣстахъ.

Рипъ былъ въ страшномъ смущеніи.

— Очевидно, подумалъ Рипъ, что вчерашній напитокъ потемнилъ мой разумъ.

—

V,

Съ трудомъ сыскалъ Рипъ дорогу къ собственному своему дому и подходилъ къ нему съ содроганіемъ, ожидая ежеминутно услышать пронзительный голосъ г-жи ван-Винкль. Онъ нашель домъ въ полномъ разрушеніи, крыша провалилась, окна безъ рамъ, двери сорваны съ крючьевъ. Голодная собака, похожая на Вольфа, бродила около развалинъ. Рипъ назвалъ ее по

имени, но собака опустила свой хвостъ, показала ему зубы и пошла своей дорогой. По чести, это большое несчастье!

— Даже моя собака, сказавъ вздохнувши Рипъ, собственная моя собака меня не узнаеть!

Онъ вошелъ въ домъ, который, надо правду сказать, г-жа ван-Винкль держала въ порядкѣ.

Домъ пустехонекъ, все въ немъ верхъ дномъ, повидимому онъ со всѣмъ оставленъ. По-крайней-мѣрѣ Рипъ пересталъ боятся жены своей. Онъ громко звалъ ее и дѣтей своихъ. Въ комнатахъ раздавался его голосъ, потомъ опять все замолкло.

Онъ вышелъ изъ дому и отправился къ любимой гостинницѣ; знакомая гостинница тоже исчезла: на томъ мѣстѣ возвышалось большое деревянное строеніе, съ широкими окнами, надъ дверьми же была слѣдующая надпись:

«Гостинница Союза, содержимая Ионафаномъ Дулитлемъ.»

На мѣсто высокаго дерева, осѣнявшаго прежнюю небольшую голландскую гостинницу, поставлена была высокая голая мачта, на верху которой надѣто было что-то въ родѣ ночнаго колпака; тутъ же развѣвался флагъ съ полосами, испещренный звѣздочками. Все это было странно и непонятно для Рипа. Онъ замѣтилъ однакожь на вывѣскѣ портретъ короля Георга, подлѣ котораго бывало съ наслажденіемъ куривалъ онъ трубку; но портретъ этотъ то же измѣнился: вмѣсто краснаго мундира былъ снѣгій, вмѣсто скипетра въ рукѣ была шпага и на головѣ треугольная шляпа, внизу же большими словами написано:

ГЕНЕРАЛЪ ВАШИНГТОНЪ.

Какъ и въ прежнее время кружокъ народа толпился предъ дверьми. Но Рипъ ни кого не узнавалъ, даже характеристика людей измѣнилась. На мѣсто прежняго спокойствія явилась какая-то тревожность, озабоченность, охота къ спору и шуму. Онъ искалъ судью Николая Веддера, съ его широкимъ лицомъ, двойнымъ подбородкомъ и длинною трубкою, изъ которой, бывало, на мѣсто рѣчей выпускалъ разнообразныя клубы дыма; или Ван-Бюммеля, школьнаго учителя, читавшаго новости въ старомъ журналѣ.

Вмѣсто ихъ, онъ увидѣлъ сухаго, желчнаго челоуѣка съ карманами, набитыми какими-то бумагами, говорящаго съ жаромъ о выборахъ, о членахъ конгресса, о герояхъ 1776 года и другихъ предметахъ, казавшихся Рипу языкомъ вавилонскимъ.

Наружность Рипа, съ длинною сѣдою бородою, его заржавленное ружье, одежда, вышедшая давно изъ моды, и цѣлая армія женщинъ и дѣтей, его сопровождавшихъ, заставили трактирныхъ политиковъ обратить на него вниманіе.

Они окружили Рипа и съ великимъ любопытствомъ осматривали съ головы до ногъ. Ораторъ собранія, подойдя къ нему, спросилъ его потихоньку:

— На чью сторону будете подавать голосъ?

Рипъ ничего не понималъ.

Маленькій человекъ, повидимому дѣлецъ, повисъ ему на руку, поднялся на цыпочки и шепнулъ на ухо:

— Вы союзникъ или демократъ?

Рипъ рѣшительно одурѣлъ. Въ эту самую минуту одинъ старый джентлеменъ, важной осанки, въ высокой остроконечной шляпѣ, растолкавъ локтями собраніе, подошелъ къ Рипу, подбоченясь одною рукою и опираясь другою на трость. Его взоры и остроконечная шляпа такъ и пронзали сердце Рипа. Важный человекъ спросилъ строгимъ голосомъ бѣдняка: за чѣмъ онъ пришелъ на выборы съ ружьемъ на плечахъ и привелъ съ собою такую ватагу; ужъ не замышляетъ ли онъ чего при подачѣ своего голоса?

— Ахъ, государи мои! вскричалъ устрешенный Рипъ: я просто бѣдный, мирный человекъ, уроженецъ этой деревни и вѣрный слуга короля, дай Богъ ему многія лета!

Въ собраніи поднялся общій крикъ:

— Тори! тори! шпионъ! выходецъ! долой его! долой!

Съ большимъ трудомъ важный человекъ, въ остроконечной шляпѣ, успѣлъ водворить въ собраніи тишину и порядокъ и, принявъ на себя еще болѣе строгій видъ, вновь спросилъ обвиняемаго незнакомца: за чѣмъ онъ къ нимъ пришелъ? Бѣднякъ отвѣчалъ съ покорностію, что не имѣетъ никакого злаго умысла, а пришелъ сюда, чтобъ найдти своихъ знакомыхъ, которые обыкновенно тутъ собирались.

— Но кто же твои знакомые? назови ихъ?

Рипъ, подумавъ немного, спросилъ: гдѣ Николай Веддеръ.

Послѣ минутнаго молчанія, одинъ старичокъ дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Николай Веддеръ! онъ умеръ и погребенъ назадъ тому осьмнадцать лѣтъ. На кладбищѣ былъ ему деревянный памятникъ.

никъ съ надписью, но и тотъ уже разрушился, и слѣдовъ его не осталось.

— Гдѣ Бромъ Дукеръ?

— Этотъ отправился въ армію, при самомъ началѣ войны; одни говорятъ, что онъ убитъ при осадѣ Stoney-point, другіе, что погибъ гдѣ-то во время бури... по-крайней-мѣрѣ вѣрно то, что онъ съ-тѣхъ-поръ сюда не являлся.

— Гдѣ Ван-Бюммель, школьный учитель?

— Онъ тоже ушелъ на войну и сдѣлался знаменитымъ генераломъ; теперь онъ засѣдаетъ въ конгрессѣ.

Отъ всѣхъ этихъ новостей Рипъ едва не лишился чувствъ: онъ оставался одинехонекъ, каждый отвѣтъ болѣе и болѣе удивлялъ его: война, конгрессъ, Stoney-point были ему непонятны... онъ не осмѣливался ни о комъ болѣе спросить, но въ отчаяніи вскричалъ:

— Неужели здѣсь ни кто не знаетъ Рип-ван-Винкля?

— Рип-ван-Винкля! отвѣчали двое или трое, какъ не знать. Вонъ, Рип-ван-Винкль стоитъ, тамъ, прислонившись къ дереву.

Рипъ посмотрѣлъ и увидѣлъ вѣрную копию самого себя, какъ онъ былъ передъ выходомъ изъ деревни. Этотъ двойникъ казался такимъ же лентяемъ и нерадивцемъ, какъ и настоящій Рипъ.

Бѣднякъ совершенно растерялся, и сталъ даже сомнѣваться, точно ли онъ Рипъ, а не кто другой. Въ эту самую минуту господинъ въ остроконечной шапкѣ спросилъ его: — какъ тебя зовутъ?

— Богъ знаетъ! вскричалъ бѣднякъ внѣ себя: я сдѣлался кѣмъ-то другимъ. Вонъ, я тамъ; но нѣтъ, это кто-нибудь въ моихъ башмакахъ. Въ прошлую ночь я уснулъ на горѣ, у меня перемѣнили ружье, все вокругъ меня перемѣнилось и я самъ перемѣнился; теперь я не знаю, какъ меня зовутъ и кто я.

Присутствующіе посматривали другъ на друга, дѣлали знаки и почесывали себѣ лобъ. Нѣкоторые потихоньку говорили: не отобрать ли у старика ружье, чтобъ не случилось какого несчастья; услышавъ это, важный человекъ съ высокой шляпой поспѣшилъ убраться прочь. Въ эту критическую минуту, одна здоровая, красивая женщина протѣснилась сквозь толпу, чтобъ взглянуть на незнакомца съ сѣдою бородой.

У ней на рукахъ былъ ребенокъ, который, увидя Рипа, принялся кричать.

Рипъ, Рипъ, сказала мать: не кричи душенька, старичекъ не обидить тебя.

Имя ребенка, наружность матери, ея голосъ пробудили въ ван-Винкль цѣлый рядъ воспоминаній.

— Какъ зовутъ васъ, сударыня? спросилъ онъ.

— Юдифа Гордене.

— А вашего отца какъ звали?

— А! Бѣдный человекъ! его звали Рип-ван-Винкль. Назадъ тому двадцать лѣтъ, онъ ушелъ изъ дому съ ружьемъ, и съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху, ни духу. Собака его воротилась домой, и ни кто не знаетъ: погибъ ли онъ или попался въ плѣнь къ индѣйцамъ. Я была тогда еще ребенкомъ.

Рипу оставалось сдѣлать еще одинъ вопросъ и онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Гдѣ же ваша матушка?

— О! она недавно умерла: у нее лопнула жила въ припадкѣ гнѣва на разнощика Новой-Англіи.

Вотъ ушла наконецъ первая капля утѣшенія въ сердце Рипа! бѣднякъ не могъ долѣе удерживать себя: онъ заключилъ въ объятія молодую женщину и ея ребенка.

— Я твой отецъ, вскричалъ онъ, нѣкогда молодой Рип-ван-Винкль. Не ужели никто не узнастъ бѣднаго Рип-ван-Винкля?

Всѣ смотрятъ на него съ недоумѣніемъ, какъ одна старуха, вышедъ изъ толпы, приложила руку свою ко лбу и посмотрѣвъ Рипу прямо въ лицо, вскричала:

— Ну, конечно, это Рип-ван-Винкль! это точно онъ! здравствуй, старый соседъ, гдѣ ты пропалъ двадцать лѣтъ?

Рипъ скоро разсказалъ свою исторію, потому что для него всѣ эти двадцать лѣтъ прошли въ одну ночь. Вся публика, выслушавъ его, была въ крайнемъ изумленіи.

VI.

Рѣшились посовѣтываться съ старымъ Петромъ Вандердонкомъ, который въ это время шелъ тихонько по дорогѣ. Онъ былъ потомокъ историка этого же имени, писавшаго повѣствованія о началѣ провинціи. Петръ былъ старше всѣхъ въ деревнѣ и зналъ хорошо всѣ мѣстныя старинныя легенды. Онъ вспомнилъ, что знавалъ Рипа и подкрѣпилъ его разсказъ несомнѣннымъ дока-

зательствомъ. Вандердонкъ утверждалъ, что его предокъ-историкъ свидѣтельствуесть, что горы Котскиль всегда посѣщались странными существами, и положительно извѣстно, что великій Генрихъ Гудсонъ, открывшій и рѣку и страну, чрезъ каждые двадцать лѣтъ является на эти мѣста съ своею шайкою, чтобъ взглянуть на сцену своихъ подвиговъ, на рѣку и городъ, носящіе его имя. Отецъ Петра однажды встрѣтилъ ихъ въ старинныхъ голландскихъ костюмахъ и видѣлъ, какъ они играли въ кегла во впадинѣ горъ; да и самъ онъ, Петръ, какъ-то послѣ полудни слышалъ шумъ отъ двухъ катающихся шаровъ, подобно ударамъ отдаленнаго грома.

Скажемъ для сокращенія этой длинной исторіи, что собраніе разошлось, и занялось важнымъ дѣломъ выборовъ. Дочь Рипа повела своего отца къ себѣ въ домъ, который содержался въ порядкѣ. Мужъ ея былъ бравый фермеръ, котораго Рипъ знавалъ палуномъ мальчишкой, имѣвшимъ привычку садиться къ нему на спину.

Что касается до сына и наследника Рипа, онъ былъ точнымъ изображеніемъ отца; его взяли-было въ работники на ферму, но онъ имѣлъ врожденную склонность заниматься всѣмъ чѣмъ угодно, кромѣ настоящаго дѣла.

Рипъ вспомнилъ свои прежнія прогулки и всѣ привычки; онъ отыскалъ нѣкоторыхъ изъ старинныхъ своихъ друзей, но до того одряхлѣвшихъ, что предпочелъ имъ пріятелей изъ новаго поколѣнія, которые скоро его полюбили.

Рипъ, не имѣя никакихъ въ домъ занятій и достигнувъ до счастливаго возраста, когда человекъ можетъ безъ укоризны ни чего не дѣлать, занялъ прежнее свое мѣсто на скамьѣ противъ гостиницы. Его почитали какъ патріарха деревни, какъ живую хронику «до войны». Не мало нужно было времени познакомить его со всѣми событіями, случившимися въ продолженіе его сна; какъ началась война, какъ жители Америки свергнули съ себя иго старой Англій, и какъ, вмѣсто подданнаго короля Георга III, сдѣлался онъ гражданиномъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Рипъ впрочемъ не охотникъ былъ до политики. Теперь онъ освободился отъ ига г-жи ван-Винкль и могъ приходить и выходить по своему произволу, не боясь ея гнѣва. Но всякій разъ, когда произносили имя покойницы, онъ, по старой привычкѣ, покачивалъ головою, пожималъ плечами и подымалъ глаза.

Рипъ любилъ рассказывать свои похождения каждому незна-

комцу, являвшемуся въ гостинницу Дулитль. Сначала замѣчали нѣкоторую разность въ подробностяхъ его повѣствованія; напослѣдокъ онъ остановился на той самой редакціи, которая здѣсь передана съ величайшею точностію. Не было въ цѣлой деревнѣ ни одного человѣка, ни одной женщины, ни даже ребенка, которые не знали бы его исторіи наизусть. Конечно, были нѣкоторые маловѣрные, сомнѣвавшіеся въ истинѣ его разказа; они даже осмѣливались думать, что Рипъ былъ все это время не въ полномъ умѣ.

Но старожилы, напротивъ, рѣшительно всему вѣрили. Даже теперь, когда послѣ полудни, загремитъ въ горахъ Катскиля громъ, говорятъ: вотъ Генрихъ Гудсонъ съ своею шайкою заигралъ въ кегли; нѣкоторые же мужья, на долю которыхъ, въ семейномъ ихъ быту, досталась участь Рип-ван-Винкля, желали бы, для спокойствія своего, попробовать напитка изъ очарованной чаши.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Огюсть Бризе (*современный французский поэт*). **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Сцены и очерки парижской театральной жизни (*статья пятая*). — Биографія французскаго актера Меленга (*статья Александра Дюма*). **ОТКРЫТИЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Столѣтній указатель, какъ достигнуть глубокой старости посредствомъ естественно-умѣреннаго образа жизни (*сочиненіе доктора Рейнбека*). **АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, НОВОСТИ:** Гополулу. — Респираторъ изъ древесныхъ угольевъ. — Лотерея Барнума. — Попугай въ снѣгу. — Дукціонъ автографовъ. — Американскіе выборы. — Парижскія афши. — Ручной журавль. — Генрихъ IX, король англійскій. — Что женщины держатъ въ рукахъ. — Благодѣтели челоѳчества въ Англіи. — Новое лекарство. — Любопытный расчетъ. — Дюпотонныя кости. — Американское объявленіе. **ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ:** Поездка въ тележкѣ по Аргентинской области. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ:** Дикъ и Дакъ (*разсказъ Шарля Дели*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Огюсть Бризе (*современный французский поэт*). Бризе принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ личностей нашего времени. — Уже двадцать три года, какъ онъ пользуется расположеніемъ читающей публики во Франціи. Онъ даже не страшится прихотливаго вкуса моды; а такую безопасность наслаждаются конечно не всѣ современные писатели. — Будучи представителемъ молодаго поколѣнія, которое столько разъ увлекалось самыми отвлеченными и непримѣнными теоріями, самыми утопическими системами, Бризе все-таки остался самобытнымъ, оригинальнымъ, а главное — вѣрнымъ петинѣ. Онъ задавалъ вопросы только своимъ собственнымъ чувствамъ, совѣтовался только съ своими личными впечатлѣніями, и его сердце подсказывало ему такія мысли,

которыя взволновали не одну женщину, увлекли не одинъ свѣтлый умъ. Бризё восхищаетъ и нѣжную, чувствительную, но простую душу, и въ то же время, нравится образованнымъ, для которыхъ недостаточно одного настоящаго, которые, чтобъ отдохнуть отъ скучныхъ и прозаическихъ мыслей жизни, переносятся въ прошедшее.

Мы могли бы насчитать довольно именъ, надѣлавшихъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ немало шуму и теперь уже забытыхъ. — Между тѣмъ, Бризё, напечатавшій первыя свои стихотворенія въ сентябрѣ 1831 года, до-сихъ-поръ еще занимаетъ то видное мѣсто, которое доставила ему поэма: «Марія.» — Чему-же приписать такой постоянный успѣхъ, какъ не любви и стремленію извѣстнаго класса читателей къ истинному, естественному, правдоподобию? Какихъ бы убѣжденій ни былъ читатель, онъ невольно соглашается съ искренними и чистосердечными мыслями поэта. Нельзя не признать его стиховъ за выраженіе дѣйствительнаго и истиннаго.

Бризё и теперь тотъ же, какимъ былъ двадцать три года тому назадъ; по прежнему, вѣрно и убѣдительно передаетъ свои чувства, съ такимъ же восторгомъ воспѣваетъ семейное счастье, также увлекательно рассказываетъ старинныя преданія и отжившія вѣрованія. Непостоянство мнѣній не затмило его славы. Все тѣ, которыхъ онъ тронулъ разсказомъ о своихъ несчастіяхъ, которыхъ увлекъ гармоническимъ и ненапыщеннымъ стихомъ, до-сихъ-поръ сохранили пріятное воспоминаніе объ его первыхъ элегіяхъ; въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ онъ никогда не удалялся явно и рѣшительно отъ истины. Характеристическая черта современной литературы не недостатокъ талантовъ, но отсутствіе искренности.

Искусства и художества въ наше время производятъ впечатлѣніе только на вишія чувства: музыка дѣйствуетъ на ухо, живопись и ваеніе на глазъ. Бризё тѣхъ же мнѣній о живописцахъ, скульпторахъ и музыкантахъ, которые хлопчутъ только о томъ, чтобъ удивить и вовсе не заботятся заставить прочувствовать выраженную ими мысль или идею. Стихи, написанные имъ двадцать три года тому назадъ, прежде всего обнаруживаютъ его прямой и чистосердечный характеръ. Онъ не говоритъ изъ одного удовольствія говорить, нѣтъ — онъ молчитъ, когда ему нечего сказать. Онъ предоставляетъ другимъ стараніе облечь въ блистательныя строфы какой-то жалкій призракъ мысли, какой-то неясный и неудачный намекъ на нее; онъ довольствуется простымъ и безыскусственнымъ разсказомъ того, что самъ перечувствовалъ. Въ области поэзіи Бризё никогда не смѣшивалъ дѣла съ средствами. Онъ описываетъ не для того, чтобъ только описывать, но чтобъ придать

болѣе жизни, рельефности своимъ героямъ. Онъ рисуетъ пейзажи, не выходя изъ предѣловъ естественности и, для полноты картины, никогда не забываетъ челоѣка, помѣщая его въ свойственныхъ и приличныхъ ему рамкахъ. Онъ предпочитаетъ сочувствіе удивленію.

Поэма его *Марія* была принята съ восторгомъ и живѣйшимъ участіемъ. Люди со вкусомъ наперерывъ сѣшили высказывать свои мнѣнія о рѣдкихъ достоинствахъ этого произведенія. Дѣйствительно, оно дышетъ свѣжестью и граціей идилліи и, въ то же время, проникнуто грустью и серьезностью элегій. Въ похвалахъ не было недостатка. Имя Бризе сдѣлалось извѣстно въ кругу любителей литературы. Впрочемъ, не смотря на это, все-таки не было обращено достаточно вниманія на особенность и оригинальность идеи этого сочиненія. Марія, молоденькая дѣвушка, которую любить и воспѣваетъ самъ поэтъ, о которой съ увлеченіемъ рассказываетъ малѣйшія подробности, не можетъ быть поставлена на ряду съ другими женщинами, прославленными громкими и блестящими стихами: Прочтетъ ли когда-нибудь сама Марія тѣ стихи, которые написалъ вдохновенный ею поэтъ?—нѣтъ, потому что она родилась, выросла и живетъ вдали отъ свѣта, въ неизвѣстности, потому что она не умѣетъ читать и не понимаетъ даже языка своего обожателя, говоря только на бретанскомъ нарѣчій. Понятно, что Бризе не найдетъ подражателей, не образуетъ школы, потому что въ натурѣ челоѣка любить, чтобъ быть любимымъ. Привязанность самая нѣжная, самая некрепкая, безъ взаимности, исчезаетъ. Это неоспоримо и неизбѣжно. Но для тѣхъ, которые посвятили себя изученію челоѣческаго сердца во всѣхъ его сокровенныхъ изгибахъ, для тѣхъ существуетъ другого рода любовь, которая, какъ будто поддерживается сама собою, не требуя ни награды, ни взаимности. Пусть будетъ смѣшно и оригинально ученіе послѣдователей Петрарки: любить безнадежно или, по-крайней-мѣрѣ, жить только такою надеждою, которая никогда не можетъ осуществиться; пусть такая страсть будетъ признакомъ ума слабаго и неразвитаго, пусть люди положительные назовутъ ее ребячествомъ, но мы не бросимъ камень въ несчастныхъ страдальцевъ. Конечно, благоразуміе и выгодиѣ любить и быть любимымъ, чѣмъ находится въ томъ грустномъ и жалкомъ состоянїи, когда ни словомъ, ни знакомъ не ободряютъ, не утѣшаютъ бѣдное, больное, растерзанное сердце; конечно, такія раны невыносимо-мучительны; но тѣмъ не менѣе, эти страданія, называемыя иногда глупостью, шалостью и другими звучными и заслуженными эпитетами, знакомы иногда людямъ даже съ возвышенной душой. Притомъ, не страдаетъ ли челоѣкъ, когда любимое, обожаемое имъ существо оставляетъ его навсегда, когда онъ провожаетъ его въ послѣднее жилище?

Но для насъ умирають не только покидающіе землю, но и тѣ, которыхъ мы любимъ, которыхъ мы считали за перлы созданія, предъ которыми преклонялись какъ предъ существами высокими, недосягаемыми, неземными и въ которыхъ вдругъ разочаровываемся и видимъ тысячи недостатковъ и пороковъ. Развѣ это не печальная любовь? Когда пройдетъ пора мечтаній, когда вмѣсто самоотверженія и преданности мы найдемъ въ сердцѣ человѣка самый холодный эгоизмъ, тогда не только не радуемся осуществившимся надеждамъ и желаніямъ, но даже сожалѣемъ, что достигли того періода жизни, когда нечего болѣе желать, нечего надѣяться, не о чемъ мечтать. Подобныя разочарованія не угрожаютъ тому, кто дышетъ и живетъ платоническою любовью; такіе обманы чувствъ не знакомы людямъ, проникнутымъ благороднымъ, безкорыстнымъ чувствомъ, которые любятъ для того только, чтобы любить. Если сонеты Петрарки къ его несравненной Лаурѣ возбуждаютъ удивленіе, восторгъ и глубокое уваженіе, то элегии Бризё, воспѣвающія женщину, не умѣющую читать, внушаютъ не менѣе живое сочувствіе. Главная характеристическая черта поэмы «Марія» заключается въ необыкновенной простотѣ и естественности. Дѣйствительно, трудно представить себѣ цѣлый рядъ элегій, въ которыхъ искусство принимало бы такое слабое участіе. Поэма Бризё ничто иное, какъ задумчивая, чистосердечная повѣсть любви, развившейся въ деревнѣ, любви, о которой поэтъ сохранилъ самыя страданія, живыя воспоминанія и посреди городского шума. Особенную и совершенно новую фязіономію произведеній нашего поэта составляетъ то, что онъ не поражаетъ трескучими эффектами и неожиданностію развязки. При чтеніи поэмы Бризё, невольно задаешь себѣ цѣлый рядъ вопросовъ: почему герой поэмы не старается удержать той женщины, съ которой ему приходится разлучиться? Отчего не дѣлается попытки вступитъ въ борьбу съ молодымъ фермеромъ, которому должна будетъ принадлежать Марія? зачѣмъ не предлагаетъ онъ Маріи свою защиту, свое имя, свою руку? почему не рѣшается взять на себя отвѣтственность въ ея судьбѣ? Мы не беремся разрѣшить эти вопросы. Людямъ, окруженнымъ шумными удовольствіями города, ослѣпленнымъ блескомъ современной цивилизаціи, будетъ непонятна эта страсть, полная восторговъ и увлеченій и сосредоточенная въ самой себѣ, полная надеждъ и желаній и между тѣмъ все-таки ежеминутно готовая безропотно покориться неумолимому приговору судьбы.

Обожатель Маріи можетъ принести ей въ даръ одну только бѣдность и надежду на отдаленную славу. Сама героиня говоритъ только языкомъ жителей Арморики, и не понимаетъ любви вдали отъ тѣни и говора лѣсовъ, безъ яркаго солнца, озаряющаго поля, безъ шума волнъ

и пѣны моря у пустынныхъ, песчаныхъ береговъ; увлечь такую женщину къ городской жизни и за лишеніе тихаго, безмятежнаго спокойствія вознаградить непрерывнымъ рядомъ заботъ и огорченій, развѣ это значитъ любить? Нашъ поэтъ, вмѣстѣ со всеми безпристрастными судьями, держится того же самого мнѣнія.

Стихотворенія, подъ названіемъ *La Fleur d'og*, которыя въ послѣдствіи были названы *les Ternaires*, выказываютъ съ другой стороны талантъ поэта. — Въ области чистаго разума, это собраніе составляетъ шагъ къ усовершенствованію и развитію, противъ чего нельзя возражать; но имѣетъ ли оно такое же значеніе въ области поэзіи? — Самые снисходительные критики могутъ въ этомъ сомнѣваться. Къ чистосердечному и искреннему воодушевленію, оживлявшему поэму «Марія», Бризѣ захотѣлъ присоединить философію и тонкій анализъ. Если смотрѣть на попытку соединить такіе разнообразныя элементы, какъ на умственное упражненіе, то, конечно, нельзя отвергать ея пользы; но увлечь толпу — попытка эта безсильна. Конечно, въ этомъ собраніи поэтическихъ произведеній попадаются страницы, въ которыхъ авторъ, не смотря на свое твердое намѣреніе философствовать, не можетъ вполне отрѣшиться отъ своего основнаго характера и невольно увлекаетъ читателя; но такихъ страницъ, къ сожалѣнію, немного.

Поэма «Бретонцы» (*Les Bretons*), вышедшая лѣтъ десять тому назадъ, сдѣлала имя Бризѣ извѣстнымъ между самыми знаменитыми современными писателями. Хотя она и не превышаетъ достоинствомъ двѣнадцати элегій, воспѣвающихъ Марію, но нельзя не восхищаться соединеніемъ граціи съ строгимъ величіемъ, характеризующимъ это произведеніе глубоко обдуманное, написанное въ часы досуга, обработанное до мелочей, каждая страница котораго доказываетъ полное уваженіе къ читателю, проникнута истиннымъ чувствомъ литературнаго достоинства. Тѣ, которые бросаютъ разсыянной и праздною толпѣ недосказанныя мысли, перазъясненныя предположенія, тѣ, которые, вмѣсто того, чтобъ рисовать картины опредѣленнымъ образомъ, со всеми деталями, съ полной обстановкой, едва набрасываютъ темныя намѣки на свои мечты и идеалы, — такія лица не въ правѣ жаловаться, если ихъ произведенія, послѣ недѣльной шумной славы, забываются и исчезаютъ для потомства. Но, не смотря на то, что эта поэма оставляетъ глубокое впечатлѣніе, не смотря на то, что каждая ея строчка высказываетъ мысль или теплое чувство, не смотря на то, что читатель проникнуть глубокимъ уваженіемъ къ автору, не смотря на все это — читатель, по прочтеніи послѣдней страницы, невольно задаетъ себѣ вопросъ — имѣетъ ли право это сочиненіе быть названо поэмой; не составляетъ ли оно

скорѣе ряда картинъ, изъ которыхъ каждая отдѣльно отличается рѣдкими достоинствами, не соединенныхъ однакоже тѣсною неразрывною связью.

«Бретонцы» скорѣе романъ, чѣмъ поэма. Любовь Лоика и Анны, описанная въ этомъ произведеніи, не смотря на всю свѣжесть и разнообразіе эпизодовъ, не можетъ наполнить содержанія для поэмы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, потому что эти эпизоды, слѣдуя одинъ за другимъ, не находятся во взаимной зависимости, въ необходимой связи между собою. Впрочемъ, въ этой книгѣ находятся два эпизода, которые одни могутъ упрочить славу поэта. *Борцы* и *Рекруты* составляютъ такіе отрывки, въ каждой строкѣ которыхъ видна искусная рука художника. Точность наблюденія, искренность чувствъ, возвышенность мыслей, послѣдовательность ихъ, живость разсказа, оригинальная и рѣзкая обрисовка характеровъ, вотъ достоинство этихъ отрывковъ.

Въ поэмѣ: «Примель и Нола» (*Primel et Nola*) виднѣтъ обдуманнѣе возвращеніе къ тѣмъ чувствамъ, которыя продиктовали поэту «Марія.» Эта поэма, въ полномъ смыслѣ слова, полна свѣжести и граціи. Въ ней, какъ въ *Vogough* Джорджа Крабба, мы находимъ полную, живую картину сельской жизни, разсказъ, напоминающій своимъ характеромъ фламандскую и голландскую школу. Вотъ въ чемъ заключается сущность сюжета, развитаго у Бризе, если мы отбросимъ все лирическія прикрасы: крестьянинъ безъ памяти влюбленъ въ молоденькую, богатую и хорошенькую вдову; она также любитъ его и онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что получить ея руку, но соглашается на свадьбу только, когда на трудовую копѣйку купишь себѣ вѣнчальное платье.

Въ *Poétique nouvelle*, Бризе представилъ краткую исторію своего умственного развитія. Этому послѣднему произведенію, разсматриваемому въ чисто-дидактическомъ отношеніи, недостаетъ системы и оно не оправдываетъ даннаго ему названія, хотя и содержитъ высокія, поэтическія красоты. Бризе хотѣлъ описать въ этомъ произведеніи развитіе умственныхъ способностей, сперва подъ вліяніемъ врожденнаго чувства, которое проявилось въ идилліяхъ; потомъ это господство сердца замѣнилось колкою сатирою, направленною противъ пороковъ современнаго общества, наконецъ предъ красотами Рима душа поэта высказалась въ эпосѣ.

Бризе часто позволялъ себѣ, въ формѣ стиха, такія поэтическія вольности, которыя никогда не могутъ быть оправданы самымъ невзыскательнымъ вкусомъ: онъ не признавалъ строгихъ законовъ шитки и не наблюдалъ цезуры въ декасиллабическомъ размѣрѣ; а такъ какъ ко

всему этому присоединилось еще отсутствие рѣимы, то всякая проза въ тысячу разъ лучше такого варварскаго стиха.

Въ особенности заслуживаетъ вниманія слѣдующая характеристическая черта таланта поэта. Въ то время, когда господствовали въ массѣ самыя странныя и чудовищныя вкусы и принципы, Бризё сохранилъ свою самостоятельность и привлекъ къ себѣ всеѣхъ только своею простотою. Безискусственнымъ разсказомъ повѣсти своего сердца, онъ возбуждалъ сочувствіе во всякой пѣжной и неспорченной душѣ. Чтобы понимать и восхищаться его произведеніями, не нужно изучать памятниковъ древней и новой литературы. Хотя авторъ *Мари* подчасъ и не повируется законамъ пѣтики, но его вдохновляетъ природа, религія и нравственность; а эти дѣтели не страшатся требованій моды и прихоти вкуса.

Остается рѣшить еще одинъ вопросъ: оправдалъ ли Бризё тѣ надежды, которыя возбудилъ при изданіи въ свѣтъ своихъ первыхъ произведеній? Исполнилъ ли въ двадцать три года все обѣщанія, высказанныя въ поэмѣ *Мари*? Тѣ, которые только считаютъ число произведеній, вмѣсто того, чтобъ оцѣнить ихъ, конечно, вправѣ сказать, что авторъ не выполнилъ задачи своей литературной жизни. Мы отдадимъ справедливость не только достоинству его сочиненій, но и скромности его таланта: Бризё не старался писать много, но хотѣлъ писать хорошо, а главное—высказываться кстати. (Revue des deux mondes.)

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Сцены и очерки парижской театральнoй жизни (статья пятая). — Одинъ оригиналь, изучавшій во всеѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ все парижскіе театры, все труппы и современную драматическую литературу, рѣшилъ, что «театръ не существуетъ!»

— Какъ вы хотите, чтобъ существовалъ театръ, отвѣчалъ онъ на возгласы удивленія, когда, вотъ уже тридцать лѣтъ, ни публика, ни журналистика не говорятъ ни слова правды о пьесахъ, актерахъ, директорахъ? Все точно сговорились хвалить безусловно и избитые сюжеты, и пошлыхъ актеровъ, и пожилыхъ актрисъ, покрытыхъ драгоценными произведеніями промышленности и выходящихъ на сцену какъ на выставку. Гдѣ же у насъ искусство, таланты, когда на всеѣхъ театрахъ играютъ все одну и ту же старую пьесу, то растянутую, то сжатую, то вывернутую наизнанку? Гдѣ директора, заботящіеся не объ

обогащеніи, а объ усовершенствованіи театра? Драматическое искусство сдѣлалось лотереєю, кланеры рѣшаютъ судьбу пьесы, актрисы покупаютъ успѣхъ, журналисты продаютъ похвалы,—вотъ состояніе современныхъ парижскихъ театровъ, и я докажу вамъ это бѣглымъ очеркомъ всѣхъ труппъ.

Мнѣніе оригинальнаго театрала, разумѣется преувеличенное и эксцентрическое; но если въ немъ много желчи, то немало и правды; вотъ почему мы приводимъ его.

— Признаюсь, я не понимаю теперь существованія балета! говорить оригиналь. Въ эпоху, когда Франція была монархическая и мифологическая, когда Версаль былъ наполненъ мраморными и бронзовыми богами, когда самъ глава королевства являлся придворнымъ, въ костюмѣ Аполлона, и всѣ носили величественную живописную одежду, понятенъ былъ на сценѣ Олимпъ, фарфоровые пастушки и волшебныя аллегоріи, выплясываемыя богами. Но въ нашъ практическій, промышленный вѣкъ, въ пальто и съ зонтикомъ, не странно ли видѣть Марса, Вулкана и нимфъ, занимающихся ширютами. Директоры поняли эту аномалію и, спрятавъ всю мифологію и амуровъ, подняли на ноги средніе вѣка съ рыцарями, пажами, колюхами, баронессами. Когда же и это избилося, вывели на сцену воздушныхъ и мокрыхъ нимфъ: пери, сѣльфидъ, уддинъ, гитанъ, цыганокъ, альмей, принаравливаясь ко вкусу испанскому, итальянскому, персидскому, турецкому, индійскому.

Всѣ эти фантазіи уже отжили. И теперь, разберите всю планету, опуститесь на дно океана, побывайте въ лунѣ, солнцѣ, и все-таки не найдете новой программы балета.

Новый балетъ—это философскій камень, невозможность искусства.

Пантомима имѣетъ полное право состарѣться, потому что она произведеніе человѣческаго рода въ колыбели, когда люди не научились еще говорить, и теперь ни кто не оживить ее.

Въ наше время, никакой танцоръ, дѣлающій ногами зигзаки, не увѣритъ публику, что это необходимо для того, чтобы доказать танцоркѣ свою любовь. Теперь танцами ничего нельзя доказать, и танцоры сдѣлались смѣшны.

Гораздо выгоднѣе быть эквилибристомъ.

Пробовали уничтожить этого господина въ бѣлыхъ атласныхъ панталонахъ и голубой курточкѣ, съ вѣчною улыбкою; но развѣ можетъ существовать одинъ полъ въ балетѣ? Это значило бы убить балетъ окончательно.

Танцорка еще въ большой славѣ, и всѣ журналы прибираютъ ей названія — восхитительной, прекрасной, очаровательной и прочее,

къ какой бы націи она ни принадлежала. И, однакоже, всё согласны, что всякая новая танцовка въ наше время ниже своей предшественницы по искусству.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣческое тѣло можетъ складываться и разгибаться въ извѣстныя позы, и новаго нельзя уже ничего придумать. Передъ вами будетъ все таже сальфида кружиться какъ волчекъ; потомъ встанетъ на кончикъ ножки, потомъ упадетъ на руки подставки, называемой танцоромъ. Изобрѣсти какую-нибудь новую комбинацію движеній руками и ногами—нѣтъ никакой возможности.

Стало быть, и танцовка понемногу исчезаетъ, и хореграфіею восхищаются только старые театралы, стоящіе одной ногою въ партерѣ, другой въ могилѣ; остальные зрители ходятъ въ балетъ какъ на восточный базаръ.

Остается музыка, обязанная поддерживать театръ Большой Оперы.

Но что значить музыка во Франціи? Это одинъ человѣкъ, который называется то Россини, то Мейерберъ.

Если вдохновеніе этого человѣка закапризничаетъ, или захвораетъ, то вся машина остановится, афиша замерзнетъ, труппа превратится въ мраморъ.

Напрасно дирекція будетъ собирать самые рѣдкіе органы по всей Европѣ, напрасно будетъ платить тенорамъ милліоны; всё фокусы горла уже извѣстны, и публика начнетъ скучать, слушая вѣчно одно и тоже.

Будутъ пробовать, за неимѣніемъ настоящей музыки, давать поддѣльную, и журналы будутъ кричать, что это превосходно, удивительно, несравненно; но настоящая публика будетъ согласна со мною, что это—старо, избито, скучно.

Опера требуетъ радикальнаго переворота, чтобы оживиться и возродиться, или упадокъ ея очень близокъ.

Не смотря ни на какія разсужденія и увѣренія, Италіанскій театръ совсѣмъ не составляетъ потребности парижанъ. Идеи и нравы французовъ не имѣютъ никакого отношенія къ италіанской музыкѣ.

Каждый разъ какъ являлся въ свѣтъ гениальный человѣкъ съ могущественнымъ талантомъ, современники давали ему особенный театръ. Англія дала театръ Шекспиру, Людовикъ XIV Мольеру.

Когда Россини пріѣхалъ въ Парижъ, съ своими неизвѣстными еще произведеніями, французы посѣщали даъ ему Италіанскій театръ, который надобно бы было назвать театромъ Россини, потому что съ тѣхъ поръ на немъ ничего не слышать, кромѣ каватинъ и рудаль Россини, пѣтыхъ его же соотечественниками.

Когда же Россини, зѣвая, заперъ свое фортепяно, объявля, что люди

не отдають ему должныхъ почестей и онъ наказываетъ ихъ своимъ молчаніемъ, то можно бы было запереть и Италіанскій театръ, потому что существованіе его уже окончилось и онъ влечитъ самую печальную жизнь, то закрывая свои двери, то открывая и ожидая новаго генія.

Разумѣется, что пѣвицы въ родѣ Малибранъ и Пасты будутъ всегда привлекать публику, но онѣ будутъ пѣть все одну и ту же каватину, которую публика затвердила наизусть, и наконецъ надоѣдятъ до того, что ихъ невозможно будетъ слушать.

Всѣ фіоритуры избиты какъ фейерверкъ, грудное ш не производить уже восторга.

Было время, когда въ обществахъ всѣ пѣли италіанскія оперы. Биржевые агенты превращались въ *Фигаро*, жены нотаріусовъ въ *Анетъ*, и вездѣ слышались безконечныя каватины. Тогда ходили въ Италіанскій театръ, чтобъ учиться выдѣлывать пассажи; но мода эта, къ счастью, прошла, любители наконецъ поняли, что рулады ихъ доставляютъ удовольствіе только имъ однимъ, но ужъ никакъ не слушателямъ, и театръ опустѣлъ. *Отелло*, *Семирамида*, *Фигаро* пѣли почти въ пустынь.

Самъ Россини какъ-то устарѣлъ и опошлялся, потому что музыку его не только пѣли и цапѣвали фальшиво, но танцовали во всѣхъ концахъ Франціи. Прекрасное въ музыкѣ — это рѣдкое, неизвѣстное; а гдѣ оно?

Великіе пѣвцы дѣлаются тоже рѣже, и никакой бюджетъ не въ состояніи содержать ихъ прилично.

Одно только поддерживаетъ этотъ несчастный театръ: онъ считается аристократическимъ, и женщины пользуются этимъ, чтобъ показывать въ извѣстные дни свои наряды и брильянты. Но это уже не касается до искусства, по-крайней-мѣрѣ драматическаго. Правда, что италіанскіе буффы имѣютъ даръ смѣшнить, но *Лаблашъ* уже состарѣлся и какъ-то совѣтно смотрѣть на фиглярство старика, да притомъ французъ хочеть отъ души только когда его смѣшнить французъ, а не италіанецъ. Остроты непереводамы и непонятны внѣ своего отечества.

Стало быть, всѣ *Альмавива* съ бѣлыми перьями, всѣ *Ассур* съ пирогами на головѣ, даже новые *Рубини* и *Тамбурини* не могутъ воскресить Италіанскаго театра, если не явится новый геній, который дастъ электрическій толчекъ умирающей каватинѣ.

Пусть Россини пришлетъ изъ Болоньи, не оперу, потому что онъ уже разучился писать, но другаго Россини, молодаго и геніальнаго, и тогда только Италіанскій театръ воскреснетъ.

Домъ Мольера, храмъ драматической литературы, хранилище тра-

дицій, высокая комедія, котурны, Лекевъ, Превиль, Тальма, вѣжливость, манеры, костюмы,—вотъ слова, которыми закидываютъ всякаго, осмѣливагося критиковать Французскій театръ.

Я не отнимаю ни у кого прошедшей славы, уважаю бюсты великихъ людей, почитаю тѣни и преданія, но полагаю, что театръ долженъ быть театромъ, то-есть выражать современную литературу, жить, чувствовать, какъ всѣ, а не быть музеемъ, въ которомъ хранятся старыя пьесы, старые костюмы, старые артисты.

Французская Комедія очень серьезно играетъ роль хранительницы національной драматической славы и не хочетъ ничего знать объ успѣхъ, требованіяхъ вѣка, вкусѣ публики. Она не играетъ Расина и Мольера, но преподаетъ ихъ, гордясь, что имѣеть монополію великихъ авторовъ и не унижается до современныхъ пигмеевъ.

Публика ходить туда какъ на курсы древнихъ литературъ, актеры смотрять профессорами, актрисы не смѣютъ сдѣлать ни шага, ни жеста, не соответственнаго съ традиціями; всѣ стараются быть натянутыми, неестественными, чтобъ только походить на актеровъ времени Людовика XIV или Людовика XV. А между тѣмъ, эти подражанія не могутъ быть удачны, и если бы Мольеръ вышелъ теперь изъ гроба, чтобъ посмотрѣть, какъ играютъ его комедіи, то нашель бы, что пьесы Скриба разыгрываются гораздо лучше. Причина этому та, что сцена и театръ должны быть современны. Одна литература должна быть вѣчная.

Стало быть, артистъ стараго репертуара сдѣлался миломъ. Если онъ и существуетъ, то ему должно быть сто лѣтъ.

Классическій театръ и классическіе актеры имѣють привилегію играть какъ угодно, и что угодно и никто не имѣеть права сдѣлать имъ малѣйшее замѣчаніе. Они хранители языка и литературы, они неприкосновенны, и авторы, удостоившіеся чести быть принятыми на эту сцену, попадаютъ въ академію. Кто же послѣ этого смѣеть сказать правду, и чтожь это за театръ—безъ критики, безъ движенія, безъ жизни?

И какъ бояться его всѣ современные авторы! тогда какъ онъ обязанъ поощрять новые таланты и современную литературу.

Чтобъ добиться позволенія прочесть пьесу во Французскомъ театрѣ, надобно износить нѣсколько паръ желтыхъ перчатокъ, нѣсколько бѣлыхъ галстуконъ, надобно льстить всѣмъ общинцамъ, унижаться передъ всѣми общиниками, переносить дерзости. Мудрено ли, что комитетъ, собирающійся еженедѣльно, напрасно ждетъ образцовыхъ произведеній и принужденъ питаться старымъ репертуаромъ. Надобно имѣть много храбрости, чтобъ рѣшиться предстать передъ артистами, имѣющими право

не принять пьесы по капризу или недоброжелательности. Отчего же авторы не имѣютъ права назначать артистовъ на роли своихъ пьесъ?

Притѣсенія становятся невыносимы; бѣдные авторы избѣгаютъ этихъ страшныхъ членовъ комитета, отъ которыхъ зависить ихъ судьба и которые даже своими экипажами готовы раздавить современныхъ драматурговъ.

Положимъ, что молодой поэтъ добился чести быть принятымъ на чтеніе въ комитетъ общниковъ, что онъ перенесъ насмѣшки перваго любовника надъ его неловкостію, колкости актрисъ, совѣты стариковъ и пьеса его принята. Не думайте, что испытаніе окончилось, нѣтъ—оно только что начинается. Роли раздаются какъ понало и авторъ не смѣетъ ни во что вмѣшиваться; на репетиціяхъ все чптають по-своему, выпуская, что имъ угодно, прибавляя свои остроты; въ день представленія всякій старается отличиться, не думая о товарищахъ, и если пьеса не имѣетъ успѣха, то во всемъ виновать авторъ, тогда какъ успѣхъ принадлежитъ однимъ артистамъ.

Правда, правила и традиціи этого театра тверды и неизмѣнны и потому вы смѣло можете пуститься въ кругосвѣтное путешествіе. Возвратясь, вы найдете все на своемъ мѣстѣ: тотъ же репертуаръ, тѣхъ же актеровъ, тѣ же таланты. Развѣ нѣкоторыя декорации будутъ подновлены.

Развѣ искусство можетъ быть неподвижно? Окаменѣлый артистъ хуже чѣмъ мертвый.

Французскій театръ не охотно принимаетъ пьесы современниковъ, самъ чувствуя, что неловко послѣ классиковъ играть романтиковъ, возбуждать невыгодное сравненіе, унижать бѣдныхъ живыхъ передъ мертвыми, и это главная причина, отчего не являются образцовыя произведенія. Если бы на театрѣ Мольера приказывали играть какихъ-нибудь древнихъ авторовъ, съ которыми сравнивали современниковъ, то можетъ быть и Мольеръ не написалъ бы своихъ комедій. Теперь тоже можно сказать Французскому театру: для чего писать нове, когда вы совершенно довольны и счастливы своимъ старымъ репертуаромъ.

Что же это за національный театръ, который отталкиваетъ современную литературу, который боится сблизиться съ живыми и живетъ только въ прошедшемъ? Только въ живописи избѣгаютъ ставить Тиціана возлѣ Діаца, Корреджіо возлѣ Делакроа; но въ литературѣ древность не должна имѣть привилегій и таланты принадлежать всемъ вѣкамъ.

Да и что за знаменитости поддерживаютъ эту сцену? Не смотря на всѣ возгласы журналовъ, я все-таки утверждаю, что на сценѣ перваго французскаго театра нѣтъ великихъ артистовъ, потому что нельзя

назвать артистами актеровъ и актрисъ, которые не живутъ, не чувствуютъ страсти, не трогаютъ зрителя. Я почитаю Рашель красивою статуэткою, но не великою драматическою актрисою, потому что она не умѣетъ ни любить, ни трогать.

Стало быть, со всеми своими традиціями и привилегіями, Французскій театръ все будетъ для насъ старымъ профессоромъ и педантомъ, покуда не рѣшится жить современною жизнію.

Одеонъ, театръ молодости и любви, и потому директоры его никогда не могли вести дѣла выгодно, и рѣдкіе изъ нихъ не дошли до банкротства. За то въ немъ всегда много новаго, неожиданнаго, пьесы разнообразныя, фантастическія, химерическія, но за то всегда артистическія, потому что Одеонъ не школьникъ и не работникъ, но артистъ въ полномъ смыслѣ слова.

Отчего же онъ имѣетъ репутацію раззорительнаго театра? Оттого, что онъ находится въ невыгодномъ кварталѣ, далеко отъ биржи и что онъ ставитъ въ годъ никакъ не меньше трехъсотъ шестидесяти пяти пьесъ, чего Французскій театръ не сыграетъ и въ пять лѣтъ съ своей инвалидною труппою.

Одеонъ считаетъ своею обязанностію идти вмѣстѣ съ вѣкомъ, даже опережать его, забавлять публику всеми возможными средствами и для этого онъ иногда воскрешаетъ столѣтнія пьесы, выводитъ актеровъ, современныхъ пьесамъ, о существованіи которыхъ давно все забыли и смотрятъ на нихъ какъ на жильцовъ того свѣта. Но эти выдумки всегда похвальны и имѣютъ цѣлью доставить удовольствіе публикѣ, — словомъ, Одеонъ, исполняя свое назначеніе, общаетъ много для искусства. Если онъ начинаетъ скучать и задумываться, значитъ, что всеи остальнымъ театрамъ приходится плохо. Если все театры опустѣютъ, публика Одеона никакъ не измѣнитъ своему любимцу.

Комической Оперѣ угрожаетъ большое несчастіе, и отъ кого же? Отъ создателей комическихъ оперъ.

Въ одно прекрасное утро толпа композиторовъ римской школы объявить войну Комической оперѣ.

— Играйте наши оперы, будутъ кричать молодые композиторы. Сколько лѣтъ намъ общаютъ принять наши партитуры, а все поютъ двухъ или трехъ старыхъ современниковъ съ либрето Скриба, и мало того, возобновляютъ мертвецовъ: Гретри, Монсиньи, Мегюля, Далеирака и другое старье. А мы то что! Эти шутки давно намъ надоѣли. Мы учились въ Консерваторіи, которая объявила насъ композиторами, а мы не можемъ добиться даже либрето Сень-Жоржа. Долой Комическую оперу!

Это справедливое желаніе молодыхъ музыкантовъ будетъ имѣть слѣдствіемъ, что публика наконецъ услышитъ новую современную музыку. А то сколько лѣтъ она наслаждается сельскими пьесами, слушаетъ вѣчныхъ Жанетъ, Пьеро, Коломбинъ, Панталоновъ.

Старички, старушки, дядюшки, опекуны предпочитаютъ комическую оперу и приходятъ въ восторгъ отъ ариетъ, напоминающихъ имъ молодость.

Современники давно сдѣлали изъ комической оперы водевиль: забросили вольтанку, рожекъ, не хотятъ знать деревни.

Комическая опера забыта какъ эпическая поэма. И напрасно нѣжные теноры и кокетливыя сопрано будутъ стараться воспѣвать сельскія удовольствія и красоты природы; современная публика только пожметъ плечами и пойдетъ смотрѣть водевиль съ куплетами, безъ вольтанки.

Театръ Гимнази, это театръ Скриба, созданный по его подобію.

Вотъ отчего актеры, созданные имъ, акуратны, точны, прилежны, благообразны, не увлекаются ни положеніемъ, ни страстью, вѣжливы, образованы, лобезны, что-то среднее между частнымъ человѣкомъ и артистомъ, такъ что сцена Гимнази похожа на домашній театръ, гдѣ играютъ любители.

Говорятъ, что этотъ театръ литературный; но въ такомъ случаѣ онъ отыскивалъ бы авторовъ, любимыхъ публикою или талантъ которыхъ общааетъ много; онъ просилъ бы писать для него пьесы новыя, молодыя, поощрялъ бы молодыхъ писателей, не унижался передъ драматургами, извѣстными своею ловкостію надуть и забавлять зрителей.

Но развѣ можетъ существовать хоть одинъ директоръ, который рѣшится пойти къ автору попросить его написать пьесу. Директоры созданы на то, чтобъ писатели толпились у нихъ въ передней, ждали какъ милости, чтобъ пьесу ихъ приняли и потомъ благодарили, если пьеса имѣла успѣхъ.

Случается, правда, что на сценѣ являются и литературныя произведенія, но болѣею частью водевиль господствуетъ самовластно.

Труппа вся хорошо выучена, вышколена, всегда знаетъ роли, не ошибается ни въ одномъ движеніи, но за то въ ей игрѣ мало природы, неожиданности, увлеченія, точно видишь передъ собою школу учениковъ.

Гдѣ же тутъ искусство, спрашиваю я: гдѣ успѣхи драматической литературы?

По моему, больше всего мѣшаетъ развитію искусства на этомъ театрѣ то, что первая актриса въ то же время директриса, то-есть жена директора.

Я не отвергаю таланта Розы Шери. Напротивъ, сознаюсь, что она

одна изъ лучшихъ современныхъ актрисъ въ жеманномъ родѣ, но она, какъ начальница труппы, лишаетъ возможности другихъ играть первыя роли и отличатся.

Какая женщина, не только актриса, согласится видѣть подлѣ себя соперницу и отдастъ ей эффектную роль! Развѣ можетъ самолюбивая актриса сознаться, что кака-нибудь роль не въ ея средствахъ, что другая сыграла бы ее лучше? И притомъ, директриса имѣетъ полное право играть что она хочетъ: она дома, она хозяйка на сценѣ, всѣ должны ей повиноваться, и авторы обязаны писать не пьесы, но роли для Розы Шери. Если же кто недоволенъ пьесой или игрою директрисы, тотъ можетъ не ходить въ этотъ театръ, гдѣ всѣ обязаны восхищаться труппою и главное — постановкою.

Что касается до постановки, то можно отдать Гимназiи справедливость. Ни въ одномъ театрѣ нѣтъ такой роскошной мебели, свѣжихъ декораций, богатыхъ костюмовъ, вѣрныхъ аксессуаровъ. Всѣ двери отворяются свободно, все на своемъ мѣстѣ, перемѣны производятся быстро, машины превосходны... но все это не драматическая литература, не великіе таланты. Съ деньгами и разсудительностью каждый можетъ добиться того же, и мнѣ кажется, что тщательная постановка необходима только для слабыхъ пьесъ. Кто замѣтитъ эти мелочи въ гениальномъ произведенiи! Шекспиръ игралъ безъ декораций, Мольеръ съ плохими; отчего же современныя пьесы такъ дорожатъ обстановкою, какъ будто бы она можетъ снасти пьесу. Хвалить постановку пьесы это тоже самое, что хвалить правописанiе автора.

Впрочемъ, съ-тѣхъ-поръ какъ Скрибъ покинулъ сцену Гимназiи, она начинаетъ понемногу разнообразить свой репертуаръ; но критики до того къ ней пристрастны, до того ослѣплены, до того превозносятъ ее, что она не находитъ пужнымъ дѣлать новыхъ усилiй къ усовершенствованiю искусства.

Театры Палерояля, Водевля, Разнообразiя—настоящiя владѣнія водевиля всѣхъ родовъ, начиная отъ патетическаго до фарса.

Въ этихъ театрахъ всѣ между собою друзья. Авторы, актеры, режиссеры, суфлеры, декораторы—всѣ до того дружны, что говорятъ другъ другу ты.

Тутъ молодые писатели говорятъ съ самоувѣренностью:

— Чтобъ быть водевилистомъ, нѣтъ никакой надобности быть литераторомъ.

Стало быть, водевили этихъ театровъ просто машины, съ извѣстными сюрпризами, декорациями, куплетами на старые мотивы.

Какихъ же персонажей выводятъ эти водевилисты-нелитераторы?

Молодыхъ людей, вѣчно страдающихъ жаждою, гризетокъ съ сигарами, персонажей во всевозможныхъ фуражкахъ и иногда въ ночномъ костюмѣ, женъ, бѣгающихъ отъ мужей, торговцевъ разными комическими предметами, путешественниковъ пѣшкомъ—вотъ знаменитые члены общества, которые каждый вечеръ являются передъ публикою и забавляютъ ее болѣе своими жестами и гримасами, чѣмъ остротами. И это называютъ забавными пьесами!

Палероэль истощилъ уже весь запасъ своихъ фарсовъ и неблагопристойностей; комики его стары какъ Вѣчный Жидъ, каламбуры до того избиты, что каждый служилъ больше чѣмъ въ ста пьесахъ.

Всѣ возможныя комбинаціи придуманы, чтобъ насмѣшить публику, и ей уже надоѣло видѣть Сенвиля въ бочкѣ, Грассо въ колодецѣ, Равеля въ корзинѣ. Новаго же нельзя ничего выдумать для этихъ молодыхъ талантовъ.

Писать пьесы для Арналя или Ашара значить—исполнять всѣ ихъ требованія, капризы, подчиниться ихъ волѣ, испортить пьесу, передѣлавъ роли такъ, чтобъ комики могли вставить въ нее лучшіе свои фарсы.

И фельетоны другъ передъ другомъ прибираютъ эпитеты удивительнымъ артистамъ, не обращая никакого вниманія на авторовъ, которые впрочемъ въ этомъ случаѣ не заслуживаютъ никакой похвалы, потому что писали не пьесу, а роль великому комiku.

И до-сихъ-поръ никто не рѣшится сказать печатно, что пора оставить въ покоѣ гризетокъ и приѣщиковъ, спальни въ трактирахъ и встрѣчи подъ фонаремъ, что пора заняться серьезно литературою, а не фабрикаціею пошлыхъ фарсовъ. Но кто захочетъ ссориться съ могущественными директорами, съ артистами и, главное, съ актрисами, которыя играютъ важныя роли не на одной сценѣ?

Водевилю удавалось играть порядочныя пьесы, которыя поддерживали на время театръ, но потомъ опять съ нимъ случалось несчастье: директоръ умиралъ или объявлялъ себя банкротомъ, труппа расходилась, дѣла не могли долго поправиться, и сцена Водевиля страдала, покуда опять какое-нибудь новое юное произведеніе не воскрешало ее.

Директоры ловкіе и умные всегда найдутся, но оригинальныхъ пьесъ давно не видать, и Водевилъ, въ ожиданіи ихъ, добываетъ свои фарсы.

Театръ Разнообразія ищетъ новаго Одри и никакъ не находитъ его.

Привилегіи на театры получаютъ не опытные люди, а нажившіеся и отжившіе спекуляторы, которые хотятъ имѣть свой собственный театръ и которыми управляютъ актрисы безъ таланта, употребляющія сцену вмѣсто выставки.

За то водевильные театры дѣлаются безжизненны, веселость печезаетъ изъ пьесъ, каламбуры хромають. Водевиль хотѣлъ занять видное мѣсто въ литературѣ, но теперь видить, что ошибся и что ему не мѣшаетъ быть скромнымъ, потому что онъ не можетъ назвать даже ни одного изъ своихъ авторовъ.

Да и кто теперь пишетъ водевили? Никто или всѣ, то—есть сотрудники лѣпятъ какую-то уродливую форму и разыгрываютъ ее общими силами. Теперь пишутъ водевили режиссеры, клакеры, актеры, продавцы контрамарокъ; но настоящихъ писателей удаляютъ какъ людей ненужныхъ. Чего же требовать отъ подобныхъ пьесъ? Зачѣмъ искать въ нихъ мыслей, цѣли, интриги, занимательности? Довольно и того, что въ нихъ есть кровати, ночные колпаки, двери съ перегородками, бочки съ компками и разная домашняя посуда. Развѣ это не литература?

Что же дѣлають молодые писатели, обязанные посвящать театру свои труды, создавать новыя пьесы, образовывать новыхъ оригинальныхъ артистовъ?

Молодыхъ писателей теперь нѣтъ, потому что молодость не въ модѣ, а литераторы, имѣющіе драматическій талантъ, находятъ удобнѣе хвалить пьесы, составленныя фабрикою сотрудниковъ, чѣмъ писать самимъ водевили. Это почитается уже унижительнымъ; стало быть, водевиль въ настоящемъ видѣ никакъ не можетъ долго сѣуществовать.

Что дѣлаетъ старая бульварная драма? Неужели она, по прежнему, реветъ, рычитъ, рыдаетъ, стонетъ? Нѣтъ, прошло золотое время и для драмы.

Говорять, что на бульварныхъ театрахъ есть великіе актеры, какихъ нынче нигдѣ не найдете; но я долго изучалъ всѣ труппы и слышалъ все одну и ту же ноту Фредерика Леметра.

Какъ не вспомнить время драмы Бушарди, когда всѣ молодые писатели пробовали свои силы въ этомъ родѣ и изучали драму у главнаго учителя Анисе Буржуа и у Мишель Массона.

Тогда именно трудно было составлять эти чудовищныя планы съ запутанными интригами, и одинъ писатель, еще неопытный, никакъ не могъ сладить съ драмою. Вотъ почему составлялись цѣлыя общества, чтобъ написать одну пьесу.

Деннери въ тоже время преподавалъ искусство составлять волшебныя пьесы. Какое тогда было движеніе, какъ всѣ хлопотали, работали, чтобъ попасть въ число сотрудниковъ. Прекрасная эпоха ужасной, раздирательной драмы уже не вернется. Я помню слова одного тогдашняго директора молодому писателю:

«Ваша пьеса хороша, я не спорю, но я не могу ее принять, пото-

му что она очень понятна. Теперь имѣють успѣхъ пьесы, въ которыхъ никто не можетъ понять въ чемъ дѣло. Пишите въ этомъ родѣ, если хотите, чтобъ васъ играли. Совѣтую вамъ также перенести дѣйствіе въ какую-нибудь дальнюю, неизвѣстную страну: въ Данію, Норвегію, Сицилію, на Кавказъ. Выведите въ прологѣ женщину подъ вуалемъ, которая приходилась бы племянницею дочери старика, у котораго бы пятнадцать челоѣкъ дѣтей путались во время всей драмы. Для занимательности, выведите нѣсколько лицъ въ маскахъ и оставьте ихъ неизвѣстными до послѣдней сцены. Пускай большая часть актовъ происходитъ ночью. Это дѣлаеть пьесу темнѣе и таинственнѣе. Перемѣшайте вашихъ дѣйствующихъ лицъ такъ, чтобъ публика не знала навѣрное, кто отецъ, кто сынъ, кто мужчина, кто женщина, кто злодѣй, кто невинный. Выведите столько персонажей, чтобы на сценѣ было тѣсно, чтобъ десять интригъ путались одна съ другой, чтобъ публика не знала, за которой слѣдить, была въ безпрестанномъ волненіи и каждое дѣйствіе оканчивалось бы такою катастрофою, чтобъ нѣсколько дамъ въ ложахъ упали въ обморокъ. Вотъ вамъ самый вѣрный рецептъ драмы. Другихъ мы не принимаемъ.»

Но наконецъ публикѣ надѣло смѣтрѣть эти логогрифы, продолжающіеся до двухъ часовъ ночи и, вмѣсто раздирательной драмы, явилась сентиментальная.

На сценѣ явились несчастныя невинности, поселанки наивныя и преступныя, добрыя матери, старые солдаты, которые всегда приносятъ съ поля сраженія маленькихъ дѣтей. Дюкре Дюмениль занялъ мѣсто Бушарди.

Только мода проходить и на этотъ родъ, и бульварная драма не знаетъ куда броситься, чтобъ поддержать свое существованіе.

Стоитъ ли сожалѣть, если она совѣтъ умреть? Неужели мелодрама принадлежить къ литературѣ? Сами авторы очень наивно сознаются, что произведенія ихъ ненатуральны, глушы, невозможны, что нигдѣ и никогда не могло случиться ничего подобнаго, но что они набирають эффектовъ, ужасовъ, смертей, чтобъ только привести въ восторгъ раекъ.

Какая похвальная цѣль! и неужели бѣдный народъ не стоить, чтобъ для него писали что-нибудь логическое? Впрочемъ, авторы, кажется, ошибаются, полагая, что блузники и Титі способны понимать только уродливыя драмы. Когда въ извѣстные дни открываютъ для народа даромъ всѣ театры, то блузники бросаются во Французскій Театръ, и съ жадностью слушають Мольера или Расина, нисколько не сожалѣя, что не удастся посмѣтрѣть *Гаспардо* и другихъ разбойниковъ. Стало быть и у райкѣ вкусъ не такъ дурень, и мелодрамы не могутъ даже имѣть и

того извиненія, что пишутся для блузниковъ. Да къ тому же, и ужасы всѣ истощились, такъ что новое уже трудно придумать и поневоля надобно будетъ обратиться къ другому роду.

Театръ Сень-Мартенскихъ Воротъ находится въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ; но положеніе Амбигю и Веселости еще хуже, потому что они подражатели другихъ сценъ и не имѣютъ никакой специальности.

Послѣ этого спросятъ меня: Ужъ не закрыть ли всѣ театры, потому что они не идутъ по пути къ усовершенствованію?

Отчего же и не закрыть?

Правда, что это было бы жестоко, потому что театромъ живутъ многіе; но сколькихъ театръ и убиваетъ своею нынѣшнею системою? Если актеръ только спосенъ, его тотчасъ же провозглашаютъ великимъ артистомъ, и онъ перестаетъ учиться и разыгрываетъ въ частной жизни роль гения. Если актриса недурна собою, ей всѣ льстятъ; исполняютъ ея капризы, пишутъ для нея пьесы. А всѣ эти пьесы, написанныя толпою сотрудииковъ, безъ мысли, безъ цѣли, безъ таланта и поддержанныя только клакерами,—развѣ эти пьесы не убиваютъ таланта авторовъ? И нѣтъ ни одного фельетониста, который рѣшился бы сказать правду. Неужели это такъ трудно?

А между тѣмъ, одна правда можетъ спасти театръ. Пусть добросовѣстные журналисты авторамъ дѣлаютъ строгія замѣчанія, а не приходятъ въ восторгъ отъ всякой пустой пьесы, написанной цѣлымъ обществомъ; пусть тоже кто-нибудь рѣшится найти недостатки въ актеряхъ и актрисахъ, чтобъ они старались отъ нихъ избавиться и тогда театръ будетъ спасенъ и опять будетъ достоинъ названія храма искусствъ.

Если бы я сдѣлался директоромъ какого-нибудь театра, то изгналъ бы изъ него клакеровъ и написалъ бы на фронтонѣ: *Здѣсь имѣютъ право шикать дурному.*

Теперь обратимся собственно къ актеру, или комедіанту, какъ его называли наши дѣды.

Всѣ согласны, что актеръ существо самое надутое, самолюбивое, несносное, которое давно бы пора поставить на свое мѣсто, если бы кто-нибудь осмѣлился только поступить съ нимъ какъ съ простымъ смертнымъ.

Въ настоящее время актеръ имѣетъ порядочную наружность: онъ акуратенъ, ведетъ тихую жизнь, женится, наживается, дѣлается хорошимъ семьяниномъ и гражданиномъ. Но дѣло не въ томъ: гениальность

можетъ быть во всѣхъ классахъ общества, только теперь, кажется, она избѣгаетъ класса артистовъ.

А между тѣмъ актеры имѣютъ о себѣ самое высокое мнѣніе: они гениальны на мелкія закулисныя интриги, хитры и льстивы съ начальниками, надменны съ товарищами, дерзки съ низшими. Они играютъ главную роль не на сценѣ, но въ частной жизни, гдѣ рѣсчитано каждое ихъ слово, каждый жестъ и особенно каждый поклонъ, на что они чрезвычайно скупы.

И съ какою надменностію обращаются они съ бѣдными авторами, пьесы которыхъ уродуютъ, и съ фельетонистами, обязанными хвалить ихъ до того, что въ языкѣ недостаетъ прилагательныхъ и надобно придумывать новыя слова. Но за этимъ дѣло не станеть, и журналиеть, говоря о героѣ мелодрамы, котораго отцы наши не взяли бы въ аукціонисты, обязанные выкрикивать цѣны, печатають въ фельетонѣ, что такой-то *изваялъ* свою роль, *отчеканилъ* характеръ, *придалъ колоритъ* персонажу и пьесѣ.

Скоро не достанетъ сравненій въ искусствахъ и тогда будутъ брать ихъ въ ремеслахъ. Мы скоро прочитаемъ, что такой-то *выковалъ*, *обстругалъ*, *обтесалъ* какую-нибудь роль.

Объ актрисахъ ни одинъ фельетонистъ не можетъ говорить хладнокровно. Всѣ наши актрисы: звѣзды, цвѣты, неописанныя красавицы, неслыханные таланты, чудныя женщины, полныя ума, образованности, любви, остроумія, такта, манеръ, вкуса, наивности, и пр., и пр., и пр.

А между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что большая часть актрис платятъ директорамъ, чтобъ только показывать на сценѣ свою красоту и роскошныя наряды. Онѣ хорошія выставки промышленныхъ и модныхъ произведеній, но ужъ никакъ не артистки.

Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть ихъ въ пьесахъ, я предпочитаю разсматривать товары въ кристалльномъ дворцѣ.

Наши теноры и первыя актрисы имѣютъ такое содержаніе, какого не въ состояніи имѣть и банкиры. У нихъ мраморныя конюшни и висячіе сады. Я не осуждаю этого великодушія публики, но требую, чтобъ таланты хоть немного стѣбили этихъ пожертвованій.

Теперь еще вошло въ моду, что актеры сами хотятъ писать пьесы, въ которыхъ играютъ, находя, что писатели не умѣютъ составлять для нихъ ролей. Вотъ отчего въ послѣднее время явилось такъ много авторовъ или сотрудниковъ-актеровъ; но къ счастью, пьесы эти хоть и имѣютъ иногда успѣхъ, но уже никакъ не могутъ быть играны никѣмъ другимъ, кромѣ автора. Притомъ же, другой актеръ и не возьметъ этой роли, избѣгая сравненій. Эти Бомарше-Ловеласы-комики дѣлають большой вредъ драматической литературѣ, выводя на сцену не характере-

ры, а личности, не дѣйствіе, а эффекты, въ которыхъ силенъ актеръ, не мысли, а фарсы.

И многіе сознаются, что этого не должно быть, что Шекспиръ и Мольеръ писали не для себя, а для потомства и славы; но все-таки никто не смѣетъ сказать этого печатно. Когда привыкнешь лгать въ мелочахъ, обманъ дѣлается главною чертою правовъ, а искусство погибаетъ безвозвратно.

Вотъ мое мнѣніе о современныхъ парижскихъ театрахъ, изучаемыхъ мною въ продолженіе многихъ лѣтъ, и мое послѣднее слово къ фельетонистамъ: Правды, правды и какъ можно больше правды.

БЮГРАФІЯ ФРАНЦУЗСКАГО АКТЕРА МЕЕНГА. (Статья Александра Дюма).

Въ октябрѣ 1832 года, мой слуга вошелъ поутру въ мою спальню и спросилъ:

— Угодно ли вамъ принимать сегодня посѣтителей?

— Смотри потому, кто придетъ, отвѣчалъ я.

— Одинъ ужъ тамъ пришелъ.

— Кто такой?

— Молодой красивый мужчина.

— Этого мнѣ мало. Имя его?

— Онъ говоритъ, что его зовутъ Густавъ.

— Да это имя, а фамилія?

— Онъ больше ничего не сказалъ.

— Нѣтъ ли у него письма отъ кого?

— Какъ же, есть; онъ велѣлъ сказать, что привезъ вамъ изъ Руана письмо отъ г-жи Дорваль.

— Отъ Дорваль? глупецъ, такъ ты съ этого бы и началъ.

Я побѣжалъ къ двери и не видя еще въ потьмахъ, протянулъ руку и сказалъ:

— Извините меня, пожалуйста. У меня новый слуга. Онъ еще не знаетъ друзей моихъ; а я увѣренъ, что вы имъ будете, какъ скоро пришли съ письмомъ отъ моей доброй Дорваль.

Молодой человѣкъ дружески пожалъ протянутую ему руку.

— Я не удивляюсь вашему ласковому приему. Г-жа Дорваль сказала мнѣ, что вы самый радушный и любезный человѣкъ.

— Гдѣ вы оставили Дорваль?

— Въ Руанѣ.

— Много ли она собираетъ денегъ?

— Она имѣла большой успѣхъ.

— Это, конечно, несовсѣмъ то, о чемъ я спрашиваю...

— Въ теперешнее время года сборы не могутъ быть хороши.

— Позвольте однако... что же она пишетъ?

Я взялъ письмо и читая его, разсматривалъ посѣтителя. Онъ былъ молодъ, статенъ, красивъ собою. Дорваль писала:

«Любезный Дюма!

«Посылаю тебѣ г. Густава. Онъ игралъ со мною въ Руанѣ. Взгляни на него и ты увидишь, что это отличный *первый сюжетъ*. Въ немъ бездна таланта, доброй воли и неопытности. Слѣдственно, его надобно помѣстить въ театръ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ. Онъ и тебѣ потомъ пригодится для твоихъ пьесъ. Впрочемъ, разговорись съ нимъ. Заставь его рассказать исторію своей жизни, и ты, можетъ быть, изъ нея сдѣлаешь романъ.

Марія Дорваль.

Р. S. Если нѣтъ мѣста въ театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, то постарайся дать ему другую работу. Онъ скульпторъ и живописецъ.

— Прекрасно! вскричалъ я прочтя. Да вы артистъ по всеѣмъ частямъ.

— По-крайней-мѣрѣ я перепробовалъ много занятій, и даже плясалъ на канатѣ.

— Неужели?

— Вѣдь Кинъ былъ же эквилибристомъ.

— А вы видѣли Кина?

— Нѣтъ! но съ помощію Божіею надѣюсь увидѣть его. Ламаншскій проливъ не такъ широкъ, какъ Атлантическій океанъ, а Лондонъ ближе, нежели Гваделуна.

— А вы были на Антильскихъ островахъ?

— Я прямо оттуда.

— О! я вижу, что Дорваль совершенно права, убѣждая меня уговорить васъ, чтобъ вы рассказали всю свою жизнь.

— Охотно. Но это, право, незанимательно. Это была просто кочующая, цыганская жизнь.

— Тѣмъ лучше. Я опишу ее.

— Но рассказъ мой длинень.

— А развѣ вы обязаны быть сегодня на репетиціи.

— Увы, нѣтъ!

— Ну, такъ намъ и торопиться некуда; мы вмѣстѣ позавтракаемъ, а послѣ завтрака вы мнѣ все расскажете.

— Весьма охотно.

Я позвонилъ и велѣлъ готовить завтракъ. Мы усѣлись, и молодой

человѣкъ, чтобъ не тратить времени, просилъ позволенія начать до завтрака свой рассказъ.

А какъ этотъ рассказъ сдѣланъ былъ уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, то читатель и пойметъ, почему я дѣлаю изъ этого уже собственный мой рассказъ и говорю о Густавѣ *онъ* вмѣсто *я*.

Съ-тѣхъ-поръ онъ сдѣлался однимъ изъ отличнѣйшихъ артистовъ въ Парижѣ. Густавъ было его театральное первоначальное имя. Дѣйствительно же его звали Этьенъ Маренъ. Онъ родился въ Канѣ въ 1808 году, слѣдственно, когда я съ нимъ познакомился, ему было около двадцати четырехъ или двадцати пяти лѣтъ.

Въ первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства сохранилъ онъ въ памяти одну минуту, когда онъ, съ младшимъ братомъ своимъ Адольфомъ, стоялъ у кровати умирающей женщины. У камина на лавкѣ сидѣлъ мужчина въ военной одеждѣ, опуствя голову на-руки. Это были: мать Этьена и Адольфа и отецъ ихъ.

Другаго воспоминанія о матери Этьенъ не имѣлъ. Отецъ былъ солдатъ 92-го полка, человѣкъ лѣтъ сорока или сорока пяти. Онъ въ 1806 году вышелъ въ отставку и женился на той, которая, оставя ему двухъ сыновей Этьена и Адольфа, скончалась преждевременно.

Отецъ былъ высокаго роста и строгаго характера: никогда дѣти не видали, чтобъ онъ смѣялся. Выйдя въ отставку, получилъ онъ мѣсто таможеннаго стража, съ жалованьемъ по шестисотъ франковъ.

Стражи эти были въ то время настоящіе солдаты съ саблею, карабиномъ и пистолетомъ. Они безпрестанно должны были сражаться съ англійскими корсарами и контрабандистами.

Служба старика была тяжела: по недѣлѣ, по двѣ, иногда по мѣсицу былъ онъ въ отсутствіи изъ дома. Только послѣ 1815 года, по возвращеніи Бурбоновъ, служба сдѣлалась легче, и онъ могъ заниматься дѣтьми.

Каждый день вставалъ онъ на разсвѣтъ, вездѣ все чистилъ, обтиралъ, купалъ дѣтей. Когда же онъ былъ на службѣ, то дѣти отправлялись къ двумъ старухамъ, Меланъ и Пупинетъ, которыя содержали школу и у которыхъ Этьенъ и Адольфъ учились грамотѣ.

Отъ этихъ старухъ перешли дѣти въ руки къ старому унтеръ-офицеру, женившемуся на дочери одного профессора. Онъ завелъ школу, гдѣ тещъ училъ по-латини и по-французски, а зять математикъ и географъ.

Старшему Этьену былъ уже двѣнадцатый годъ, а младшему, Адольфу, десятый. Однажды у младшаго заболѣла голова, и его уложили спать; поутру не могъ онъ уже головы поднять. У него была горячка.

Выписали доктора. Тотъ посмотрѣлъ и сказалъ, что уже поздно и всякая помощь бесполезна.

Отецъ опустилъ голову, и сказалъ:

— Боже! да будетъ воля Твоя.

Онъ отослалъ Этьена къ теткѣ, а самъ остался съ умирающимъ Адольфомъ.

На другое утро отецъ пришелъ къ теткѣ и молча сѣлъ на скамью. Этьень спросилъ его:

— А что братъ?

— Ему теперь хорошо! отвѣчалъ старикъ и зарыдалъ.

На другой день похоронили Адольфа.

Съ этой минуты отецъ ни разу не упоминалъ объ Адольфѣ. Казалось, что у него и не было другаго сына, только по временамъ взглядывалъ онъ на пустую кровать его и молча отиралъ слезу.

Этьень остался одинъ. Бывало онъ игралъ съ братомъ въ дѣтскія игры; теперь онъ со скуки все читалъ книги. Больше всего ему понравились *путешествія* и въ мысль ему зашло сдѣлаться морякомъ. Отецъ замѣтилъ эту страсть, и прежде всего захотѣлъ испытать, можетъ ли будущій морякъ переносить море. Онъ взялъ его съ собою въ небольшую поѣздку, и оказалось, что во всю дорогу Этьень лежалъ въ морской болѣзни. Вскорѣ послѣ этого сдѣлалъ онъ вторичное путешествіе: еще хуже было съ Этьенемъ.

Оставалось слѣдственно придумать другое поприще. Увы! у Этьена вдругъ вспыхнула другая страсть. Ему захотѣлось быть танцоромъ на канатѣ и волтижеромъ. Онъ мечталъ иногда и о званіи актера, но последнее почиталъ всегда одною высокою мечтою.

Видя отвращеніе отца отъ пріѣзжихъ комедіантовъ, Этьень не смѣлъ однакоже сказать о своей страсти, а повиновался отцу, который видя, какъ ребенокъ самоучкою срисовываетъ разныя изображенія, отдалъ его въ рисовальную школу. Но, увы! домашній рисовальщикъ дѣлалъ въ школѣ самыя уродливыя носы и глаза.

Въ тоже время ходилъ Этьень къ рѣщику на деревѣ и тутъ ребенокъ гораздо больше успѣвалъ. Учителемъ его былъ итальянецъ Оделли, и въ его школѣ онъ вскорѣ сдѣлался первымъ ученикомъ, и при годовой раздачѣ наградъ получалъ первую премію.

Отецъ былъ въ восторгѣ, и пошелъ потомъ благодарить учителя.

— Не зачто! отвѣчалъ Оделли. Онъ получалъ награду не потому, чтобъ *хорошо* работалъ, а потому, что лучше его не было. А жаль! онъ бы могъ быть художникомъ въ своемъ ремеслѣ.

— Чтожъ надобно ему дѣлать?

— Запнматься имъ однимъ; а то его сума сводить здѣшніе комедіанты, для которыхъ онъ и работаетъ.

Отець, склоня голову, ушелъ домой, и поймавши Этьена далъ ему *отеческое наставленіе* за его страсть къ комедіантамъ. Этьень послѣ этого принялся работать для Оделли; но по несчастію, отецъ отправился на недѣлю въ очередной караулъ береговой стражи, и Этьень воспользовался этимъ временемъ, чтобъ *поработать* у комедіантовъ и цѣлую недѣлю игралъ въ пантомимахъ роль слуги.

Съ этой минуты молодой Этьень почти годъ велъ самую скитальческую жизнь, безъ всякой цѣли, то занимаясь у Оделли, то прыгая у эквилибристовъ, то играя въ театрѣ роли на выходъ. Часто ему доставалось за это отъ отца, но молодость рѣдко исправляется побоями. Ей нужна отеческая заботливость и направленіе.

Въ это самое время произошелъ съ Этьенемъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ случаевъ жизни, которые рѣшаютъ всю судьбу человѣка и будущее его поприще.

Нѣкто Леръ, совѣтникъ префектуры, большой любитель литературы и художествъ, посѣщавъ все школы и слѣдилъ за успѣхами учащихся. Онъ посѣтилъ школу Оделли, и съ удовольствіемъ разсматривалъ работу Этьена.

Разговорясь съ нимъ о будущихъ его планахъ въ жизни, получилъ онъ въ отвѣтъ, что пламеннѣйшимъ желаніемъ юноши было—ѣхать въ Парижъ. Леръ понялъ, что для осуществленія этого плана недостаетъ Этьену денегъ. А потому, чтобъ пощадить щебетливость отца, онъ объявилъ, что памѣрешъ купить нѣсколько рисунковъ сына, по собственной своей оцѣнкѣ. За голову Сенеки и Цицерона заплатилъ онъ по двадцати франковъ; за большую руку и ногу по десяти. Такимъ образомъ молодой человѣкъ имѣлъ шестьдесятъ франковъ.

Передъ такимъ авторитетомъ, какъ Леръ, отецъ не смѣлъ ничего сказать, а купилъ Этьену чемоданъ и экшипировалъ его на дорогу; взялъ ему мѣсто въ дилижансѣ, прибавилъ къ деньгамъ сына все свои наличныя, и съ твердостію спартамца проводилъ его.

Этьень много плакалъ, но когда дилижансѣ двинулся, и онъ вспомнилъ, что ѣдетъ въ Парижъ, то отеръ слезы и сталъ мечтать о будущемъ.

Пріѣхавши въ Парижъ, Этьень съ любопытствомъ молодости бросился бѣгать по улицамъ безъ всякой цѣли. А какъ онъ не обѣдалъ въ тотъ день, то купилъ себѣ булку и ѣлъ ее, продолжая путь.

Вдругъ онъ остановился предъ однимъ зданіемъ.

— Это театр! вскричалъ онъ, и сердце его затрепетало. Тот-

часъ же бросился онъ туда, купилъ себѣ билетъ и усѣлся въ ожиданіи публики.

Въ полночь окончился спектакль. Куда ему идти! гдѣ почевать?

Этьенъ началъ осматриваться, и увидѣлъ надпись; *Отель-Карре съ комнатами для ночлега*. Онъ вошелъ и потребовалъ себѣ комнату и кровать. У него потребовали паспорта; по счастію, онъ былъ при немъ, и комната была тотчасъ же отведена, съ платою впередъ *пятнадцати су*. Этьенъ говорилъ, что это дорого, и хозяинъ ему сказалъ, что онъ можетъ для экономіи взять себѣ товарища, и тогда комната обойдется ему только въ половину.

Понутру за обѣдомъ явился новый жилецъ, и Этьенъ, помня совѣтъ хозяина, предложилъ новопривышему жить съ ними въ одной комнатѣ: это былъ живописецъ Ипполитъ, и молодые люди остались потомъ навсегда друзьями.

Этьенъ явился прежде всего къ скульптору Бришару, занимавшемуся работами въ церкви св. Магдалины. Рѣчь и приемы Этьена понравились Бришару. Онъ велѣлъ ему явиться на другой день въ этотъ соборъ.

Тутъ нашелъ онъ двухъ братьевъ Обоеновъ, тоже изъ Кана, съ которыми вмѣстѣ игралъ на театрѣ слугъ, а теперь все вмѣстѣ стали съ рѣзцемъ въ рукахъ гранить камня.

Оттуда, по окончаніи, отправились все въ отель Карре и въ веселыхъ разговорахъ провели вечеръ. Оказалось, что все эти художники страстно любили театръ, и, послѣ нѣкоторыхъ преній, рѣшили играть между собою комедію *Simple histoire*, Скриба.

Расписали пьесу, выучили, сренетировали и сыграли, въ нѣсколько дней. Этьенъ имѣлъ больше всехъ успѣха. Нѣкоторые изъ *даровыхъ* зрителей предложили молодымъ людямъ сыграть за *деньги*, потому что въ подобные спектакли всегда являются агенты провинціальныхъ труппъ для вербованія недостающихъ сюжетовъ.

Въ 1827 году давались подобные спектакли въ улицѣ Вьель-Этьювъ, и тамъ-то былъ дебютъ Этьена и однокомнатнаго его товарища Ипполита. Имѣли-ль они успѣхъ, можно судить уже потому, что Дюмануаръ, директоръ третьей труппы перваго театральнаго округа, пригласилъ ихъ въ свою труппу.

Разумѣется, оба молодые человека радостно приняли предложеніе, а какъ директоръ, набравъ уже свою труппу, готовъ былъ къ выступленію, то Этьенъ и Ипполитъ черезъ два дни потомъ выступили въ походъ. Они все шли пѣшкомъ. Только для актрисъ и для гардероба была повозка.

Послѣ директора Дюмануара, главное лицо въ труппѣ былъ Фердинандъ, прозванный мамелюкомъ. Впрочемъ, точнѣе можно было ска-

зять, что Фердинандъ—Мамелюкъ былъ *первымъ* лицомъ. Онъ бралъ со всѣхъ сборовъ, за отчисленіемъ расходовъ, пять съ половиною долей, то-есть болѣе половины, а именно:

1. Полторы доли ему, какъ актеру, за талантъ.
2. Одну долю супругѣ его.
3. Одну долю дочери его.
4. Одну долю ему за званіе режиссера.
5. Наконецъ, одну долю за приготовленіе костюмовъ.

Самъ Дюмануаръ получалъ только одну долю. Всѣ прочіе артисты, а въ томъ числѣ Этьенъ и Ипполитъ, по полудолѣ. И, однако же, молодые люди почитали себя самыми счастливыми въ свѣтѣ.

Прежде всего труппа остановилась въ Валансьениѣ; возвѣстили спектакль и сыграли его.

Увы! — не собрали и на расходы.

Въ ту же ночь выѣхали изъ этого неблагоприятнаго и непросвященнаго города. На другой день доѣхали до Сентъ—Амана: тутъ была ярмарка. Это обстоятельство казалось очень благоприятнымъ.

Сыграли мелодраму: *Пальмеринъ, или Пустынный въ Галліи*. Собрали сто пять франковъ. Фердинандъ—Мамелюкъ получилъ изъ нихъ тридцать, Дюмануаръ десять, прочіе по пяти франковъ. Фердинандъ наѣлся до-сыта. Прочіе были полу-голодны.

Но какъ рѣшено было давать ежедневныя представленія, то и надеялись на будущее. Дѣйствительно, три дни сряду доставалось каждому сколько-нибудь.

Но на четвертый пріѣхала труппа Бертрана, который называлъ себя первымъ акробатомъ во Франціи. Всѣ бросились туда, и спектакли Дюмануара совершенно опустѣли.

Говорятъ, что голодъ лучшій совѣтникъ, и потому Этьенъ, вспомявъ прежнія свои акробатическія занятія, обратился съ просьбою къ Бертрану, а какъ у того труппа была только блистательна *на афишѣ*, въ самомъ же дѣлѣ очень не комплектна, то въ тотъ же вечеръ Этьенъ, подъ именемъ *Густава*, перешелъ къ акробатамъ.

Составъ этой труппы былъ слѣдующій:

1. Коломбье, дирижеръ оркестра, фейерверкеръ, режиссеръ, играющій на кларнетѣ и на скрипкѣ, когда нужно.
2. Бертранъ—главное лицо въ церемоніальныхъ шествіяхъ труппы, и Пьерро, въ пантомимахъ.
3. Г-жа Бертранъ, вертящаяся на подсвѣчникѣ головою внизъ. Она же кассиръ и бухгалтеръ труппы.

4. Старшая дочь ея, въ роляхъ Коломбины, и для пріятныхъ танцевъ на канатѣ.

5. Меньшая дочь, играющая статую въ пантомимѣ *Пигмалионъ*.

6. Мустафа, прозванный *демономъ*, за разныя фокусы и смѣлую волтжировку.

7. Флажолѣ, дѣлающей *подъ* канатомъ тоже самое, что Мустафа на канатѣ.

Въ этой новой труппѣ очутился Этьенъ или Густавъ. По словесному условію *долженъ* онъ былъ получать пищу, и *обѣщано* жалованье по пятидесяти франковъ. Во время же переѣздовъ труппы *имѣлъ Густавъ право идти пѣшкомъ*.

За это обязался онъ писать всѣ декорации, вывѣски и транспаранты; играть первыя роли въ мелодрамахъ и водевиляхъ; представлять волшебниковъ въ пантомимахъ, и ѣздить по городу герольдомъ.

Для дебюта своего поѣхалъ онъ на другой же день по улицамъ въ генеральскомъ мундирѣ и на великолѣпно убранной лошади съ барабанщикомъ впереди, и на каждомъ перекресткѣ возглашалъ:

«Жители города Сентъ-Амана! Большая и знаменитая труппа будетъ имѣть честь дать сегодня чрезвычайное и блистательное представленіе, въ которомъ: *г*-жа Бертранъ будетъ пять минутъ вертѣться на подсвѣчникѣ головою внизъ; дѣвица Бертранъ будетъ танцевать на канатѣ разныя пріятныя па; *г*. Мустафа, прозванный демономъ, будетъ безъ шеста производить разныя экзерциціи на туго-натянutomъ канатѣ и въ заключеніе сдѣлаетъ *salto mortale* взадъ и впередъ; *г*. Флажолѣ будетъ *подъ* канатомъ дѣлать все тоже, что *г*. Мустафа на канатѣ; *г*. *Густавъ* будетъ играть лирическую сцену Жанъ-Жака Руссо, *Пигмалионъ*, въ которой роль статуи будетъ играть дѣвица Бертранъ меньшая. После Пигмалиона будемъ мы имѣть честь дать *Арлекинъ-Бульдогъ*, большая пантомима съ великолѣпнымъ спектаклемъ, съ принадлежащими къ ней декорациями и костюмами. Въ заключеніе спектакля дань будетъ всюю труппою *Венеціанскій карнавалъ*.»

Это объявленіе возбудило всеобщее любопытство, и сборъ былъ полный.

Всякая подобная труппа раздѣляется на *высшій банкъ* и на *малый банкъ*. Наѣздники, танцоры на канатѣ, комедіанты, однимъ словомъ все, что имѣетъ талантъ, принадлежать къ *вышему*; всѣ прочіе къ *малому*.

Директоръ имѣетъ надъ всѣми неограниченную власть. Между репетиціями и представленіями всѣ должны заниматься дѣлами труппы

Женщины мыть и штопать бѣлье, шить костюмы, завивать всѣ головы; мужчины приготавливаютъ фейерверки, чистятъ сѣдла, платья и проч.

Дѣти готовятъ блестяшки. Кочующее приготовленіе ихъ весьма занимательно. Свинецъ и олово растопляются вмѣстѣ. Въ эту расплавленную массу опускаютъ круглый камешекъ, величиною съ горошину, прибрѣпленный къ палочкѣ. Вынувъ оттуда камешекъ, снимаютъ съ него тоненькую пластинку растопленного металла, приставшаго къ нему, округляютъ его ножницами, протыкаютъ дырочку, и пришиваютъ къ платью.

Если кто обязанъ играть роль и не умѣетъ читать, тому умѣющіе должны ее начитывать, покуда они выучатъ.

Наконецъ, всякій обязанъ учиться играть на какомъ-нибудь инструментѣ и когда выучится на одномъ, то приниматься за другой; барабанщиками должны быть всѣ.

Если дѣла пойдутъ очень худо, то вся труппа расходится, и всакій долженъ на этотъ случай знать какую-нибудь фабрикацію: мыла, помады, зубочистительныхъ порошковъ, ваксы и т. п. Дѣти же дѣлаютъ тогда на мостахъ и по улицамъ эквилибристическія штуки.

Но каждые два-три дня, смотря по разстоянію, вся труппа сходится и приноситъ директору добытыя деньги.

Три мѣсяца провелъ Густавъ въ этой жизни. Пищу онъ дѣйствительно получалъ, но жалованья ни одного су. Вдругъ получилъ онъ отъ друга своего, Ишполита, слѣдующее письмо:

«Труппа Дюмануара зоветъ тебя. Мамелюкъ исчезъ.»

И вотъ однажды, послѣ Пигмалиона, отправился онъ, не сказавши ни кому ни слова, въ Оленардъ, гдѣ кочевалъ Дюмануаръ.

Густавъ нашелъ эту труппу въ весьма разстроенномъ состояніи. Она дѣйствительно имѣла въ немъ болѣе нужды, нежели онъ въ ней.

Въ тотъ же вечеръ составленъ былъ совѣтъ. Фердинандъ-Мамелюкъ, при побѣгѣ своемъ изъ труппы, увезъ съ собою весь ея гардеробъ. Рѣшили играть во всѣхъ городахъ военныя пьесы, для которыхъ брать на прокатъ мундиры гарнизоновъ, или внутренней стражи.

Съ этимъ рѣшеніемъ отправились въ путь, и въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ обошли всѣ города и деревни. Увы! успѣха и денегъ нигдѣ не было.

Наступила зима. Домашній гардеробъ износился у всѣхъ. Однажды Густавъ принужденъ былъ сбросить съ себя послѣднюю свою рубашку. Выставя изъ-за жилета бумажныя полисоны и застегнувшись до шеи, онъ скрывалъ *внутренній* недостатокъ своего гардероба.

Наконецъ нечего было вѣтъ. Питались только рѣпою, которую отыскивали на поляхъ.

Вдругъ, въ одно прекрасное утро, бѣжалъ и самъ директоръ, оставя прочей труппѣ письмо, въ которомъ назначалъ ей сойтись въ городѣ Армантьерѣ.

Это бѣгство изумило всѣхъ. Составили опять совѣтъ и рѣшили разойтись по-одиначкѣ, чтобъ каждый питался чѣмъ можетъ, но однакоже старался бы добрести до мѣста свиданія съ директоромъ.

Густавъ и Ипполитъ, какъ Орестъ и Пиладъ, остались вмѣстѣ. Они уже сутки не ѣли. У нихъ оставалось однакоже у обоихъ одна пара чулокъ, которыя, какъ излишнюю роскошь, положено было продать, и что-нибудь поѣсть, на другой день добраться до Армантьера, а въ тотъ же день дойти до Лилля.

— Нѣтъ ли какой проселочной дороги? спросилъ Ипполитъ.

— А вотъ спросимъ у перваго крестьянина, который намъ попадется.

Дѣйствительно, одинъ пѣшеходъ объявилъ, что первая дорога направо ведетъ въ Лилль проселкомъ и ближе двумя милями.

Они пошли по этой дорогѣ. Но пройдя съ милею, увидѣли они, что идутъ не по дорогѣ, а по полямъ. Шедшій снѣгъ закрылъ вскорѣ слѣдъ. Начиало смеркаться.

Вскорѣ Ипполитъ остановился.

— Я не могу долѣе идти, сказалъ онъ.

— Что съ тобою? спросилъ Густавъ.

— Я умираю съ голоду.

— Попробуй опереться на меня.

Сдѣлали еще шаговъ сто и оба остановились.

— Я вижу свѣтъ! вскричалъ Густавъ.

— Гдѣ!

— Вотъ вправо.

— Пойдемъ, пойдемъ.

Кое-какъ дошли они и постучались.

— Войди! вскричалъ женскій голосъ.

— Женщина! сказалъ Густавъ. Мы спасены. Женщины добрые.

Она не откажетъ намъ въ кускъ хлѣба.

Они вошли. У каминна сидѣлъ толстый мужчина, у стола пряла женщина.

Жалобно рассказали ей молодые люди, что заблудились и сутки не ѣли.

— Убирайтесь! сказалъ мужчина. У насъ самихъ мало хлѣба.

Но женщина, осмотрѣвши ихъ съ ногъ до головы, подошла къ буфету, отрѣзала толстый ломъ хлѣба и подала бѣднякамъ. Потомъ,

как бы боясь, чтобъ мужъ не отнялъ подавннн, она почти вытолкнула ихъ за дверь, сказавши:

— Ступайте! До Лиллн осталась только мнл. Молодые люди раздѣлили хлѣбъ, и пошли по направленню, указанному имъ доброю женщиною.

Вскорѣ добрали они до города. У воротъ оставовила ихъ таможенная стража и обыскала, пѣтъ ли у нихъ контрабанды, а когда нашла, что на нихъ не было и рубашекъ, то дозволила идти въ городъ. Но тутъ ихъ не пустили. У нихъ не было паспортовъ.

Съ отчаяннмъ въ душѣ отошли они отъ воротъ и прнютнлись въ какую-то оставленную караульную будбу. Тутъ плотно прижавшись другъ къ другу, чтобъ хоть сколько-нибудь согрѣться, рѣшились они провести остатокъ ночи.

Утѣшая одинъ другаго въ своихъ несчастняхъ, они немного уснули, и когда раскрыли глаза, то уже разсвѣло. Днемъ не пужно было паспорта, и они торжественно вошли въ ворота.

Прежде всего бросились они въ харчевню и почти обнлн горячую печъ, чтобъ отогрѣтъ оледенѣлые свои члены, а потомъ потребовали двѣ чашки кофе самаго горячаго.

Когда была удовлетворена эта первая потребность, Густавъ послалъ Ипполита отыскать въ городѣ одну швею Минну, съ которою онъ игралъ тутъ на театрѣ, чтобъ поручить ей тотчасъ же продать чулки для уплаты за вышитый кофе.

Тотъ отправился и черезъ три четверти возвратился съ самымъ веселымъ лицомъ. За чулки было выручено *сорокъ су*. Тогда потребовали себѣ еще кусокъ хлѣба, сыру и стаканъ пива. Все это стоило шестнадцать су. Оставалось двадцать четыре.

Послѣ кратковременнаго совѣта, собравшиеся артисты рѣшили сыграть три военныя пьесы, которыхъ мундиры заняли у жандармовъ, за что ихъ съ женами и дѣтьми безденежно впустили въ театръ. Сборъ простирался до шестидесяти франковъ за уплатою расходовъ; и Густавъ получалъ на свою долю пять франковъ шестьдесятъ сантимовъ.

Дали еще нѣсколько представлений. У Густава набралось девять франковъ, и онъ однажды ввечеру объявилъ Ипполиту, что отправится въ Канъ къ отцу, чтобъ вымолить у него прощенн.

Ипполитъ отговаривалъ его тѣмъ, что съ девятью франками мудрено пройти сто восемь лѣ, но Густавъ уже рѣшился, и на другое утро отправился по дорогѣ къ Парижу.

На пятый день онъ былъ уже у Сенъ-Мартенской заставы, и уже денегъ не было ни одного су. Онъ пустился на свою прежнюю квар-

тиру въ отель Карре... Какъ изобразить его изумленіе! Ни дома, ни улицы онъ не нашель. Домъ былъ сломанъ и проведена была новая улица.

Печально сѣлъ онъ у забора и задумался. Надобно было почевать, а безъ денегъ никуда не пустятъ... Вдругъ вспомнилъ онъ объ одномъ другѣ и побѣжалъ къ нему. Тотъ радушно его принялъ, накормилъ и далъ взаймы тридцать су.

Съ этими деньгами рѣшился онъ продолжать путь, и поутру вышелъ изъ Парижа.

Въ десять часовъ вечера прибылъ онъ въ Мантъ, сдѣлавъ четырнадцать льё.

Здѣсь на ночлегъ и пищу истратилъ онъ двадцать су. Оставалось десять на тридцать девять льё. Но какъ быть!

Пройдя съ милію отъ Манты, поравнялся онъ съ деревенскою закрытою тележкой, которой хозяинъ тихо брель по окраинѣ дороги. Густавъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, но какъ въ это время пошелъ дождь, то путешественникъ отправился въ свою коляску, а Густавъ, промокши до костей, остановился ночью въ какой-то деревнѣ.

На слѣдующій день достигъ онъ до Кана, но опять не ѣвши цѣлыя сутки. Съ изступленіемъ отъ голода и усталости бросился онъ къ жилищу отца своего... Онъ уже жилъ въ другой улицѣ. Онъ побѣжалъ туда, и какъ не зная, въ которомъ этажѣ тотъ живетъ, то сталъ громко звать отца.

Тотъ изъ втораго этажа услыхалъ знакомый голосъ, бросился по лѣстницѣ, схватилъ Густава на руки и внесъ его въ комнату.

Но уже Густавъ ничего не слыхалъ и не чувствовалъ. Онъ потерялъ всякое сознаніе. Только безотчетно помнилъ онъ, что ему въ ротъ влили какой-то крѣпкой жидкости и что отецъ раздѣвалъ его и целовалъ, приговаривая:

— Бѣдный Этьень!

Долго не могъ поправиться Густавъ; но силы молодости и попеченія отца все преодолѣли. Сперва онъ всталъ, потомъ сталъ выходить, а потомъ даже скучать.

Отецъ не спускалъ съ него глазъ и, казалось, читалъ въ нихъ каждую мысль его.

— Этьень! сказалъ онъ ему однажды:—тебѣ скучно.

Сынъ опустилъ голову и не отвѣчалъ.

— Пойдемъ со мною, продолжалъ отецъ.

Онъ привелъ его къ портному и заказалъ ему двѣ пары платья, чтобъ онъ могъ выходить и всюду являться.

Впрочемъ, Густавъ не то чтобы скучалъ, а занятъ былъ мечтами. О чемъ? Разуѣбется, о театрѣ.

Въ его отсутствіе пріѣзжала въ Канъ знаменитая актриса Дюшенуа, и имѣла большой успѣхъ. Покуда она играла, все въ восторгѣ были отъ ея таланта; когда же уѣхала, то все твердили о ея добротѣ и прекрасныхъ душевныхъ качествахъ.

Разказы эти дошли до Густава, и у него теперь въ умѣ вертѣлась мысль явиться къ Дюшенуа и просить ея протекціи, чтобъ попасть на одинъ изъ парижскихъ театровъ.

Когда новыя платья поспѣли, а Густавъ не сдѣлался веселѣе, отецъ со вздохомъ сказалъ:

— Я вижу, что тебѣ опять хочется въ Парижъ.

Густавъ отвѣчалъ однимъ вздохомъ.

Отецъ пошелъ въ контору дилижансовъ, взявъ мѣсто, принесъ билетъ сыну, отвелъ его туда, сунулъ ему въ руки кошелекъ со ста франками и сказалъ:

— Повзжай! Богъ съ тобою. Но совѣтую воротиться къ Бошару и работать въ церкви св. Магдалины. Ты попробовалъ, каковъ театръ. Довольно!

Густавъ все общалъ, обнялъ отца и уѣхалъ.

Пріѣхавши въ Парижъ, онъ въ тотъ же вечеръ отправился во *Французскій театръ*, чтобъ узнать адресъ г-жи Дюшенуа, а на другое утро въ одиннадцать часовъ былъ у нея.

Она его приняла.

— Что вамъ угодно?

— Я изъ Кана, гдѣ все помнить вашъ талантъ и сердечную доброту. Будучи артистомъ, я осмѣлился явиться къ вамъ... Думаете ли вы, что изъ меня можно что-нибудь сдѣлать?

— Физика хороша, отвѣчала она, оглядывая его. Но учились ли вы въ консерваторіи?

— Нѣтъ.

— Играли ли гдѣ?

— Въ провинціяхъ и по ярмаркамъ.

— Прочтите мнѣ что-нибудь изъ трагедій.

— Угодно изъ Ореста?

— Все равно... Но вы не видали-ли Тальмы въ этой роли?

— Его уже не было на свѣтѣ, когда я въ первый разъ былъ въ Парижѣ.

Онъ началъ читать. Дюшенуа прослушала.

— Голосъ хорошъ... Есть чувства... но ни тѣни ученья. Я дамъ

вамъ письмо къ Суме. Пусть онъ васъ возьметъ въ Одеонъ на маленькія роли.

Густавъ, поблагодаривъ какъ умѣлъ свою покровительницу, отправился съ письмомъ къ Суме.

Тотъ заставилъ его опять прочесть ту же тираду изъ Ореста — и сказалъ:

— Нѣтъ! вы не годитесь въ Одеонъ. Вы тутъ заглохнете. Вамъ надо учиться, работать, играя большія роли. Ступайте на загородныя театры; я вамъ дамъ письмо къ Севестру.

Дѣлать было нечего. Густавъ явился къ Севестру.

Опять заставили его читать монологъ, но на этотъ разъ онъ началъ Гамлета...

Едва успѣлъ онъ дойти до четвертаго стиха, какъ изъ сосѣдней комнаты вышелъ человекъ и остановя его, сказалъ:

— Проойте мнѣ что-нибудь.

Густавъ повиновался и спѣлъ два куплета.

— Славный басъ, вскричалъ вошедшій гость (это былъ братъ Севестра). Завтра заставлю я васъ сдѣлать репетицію, а послѣ завтра играть.

Дѣйствительно, на третій день Густавъ игралъ въ *Мишель и Христианъ*, водевилъ на театрѣ Монъ-Парнассъ.

И въ тотъ же вечеръ онъ подписалъ контрактъ съ жалованьемъ по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ.

Густавъ былъ счастливѣе всѣхъ богачей въ свѣтѣ. Онъ былъ артистомъ Бельвильскаго театра.

Радость его удвоилась, когда онъ въ этой же труппѣ встрѣтилъ Ипполита, который то же разными путями добрался до ангажемента.

Полгода продолжалась эта счастливая жизнь. Тутъ Густавъ замѣтилъ, что платье отцовское изнасилось, сапоги худы, а въ карманѣ пѣтъ ни су. Пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ выходили очень скоро на мелкія жизненныя потребности, но для возобновленія гардероба ихъ было мало.

Однажды явился къ нему какой-то неизвѣстный человекъ и спросилъ у него: охотникъ ли онъ путешествовать?

— Что за вопросъ? лучше скажите, что вамъ угодно?

— Прежде всего потрудитесь мнѣ отвѣчать.

— Ну, пожалуй, — я страстно люблю путешествія.

— Согласились ли бы вы ѣхать на Антильскіе острова, съ жалованьемъ по триста франковъ въ мѣсяцъ?

— Объ этомъ надобно подумать.

— Мнѣ нуженъ сейчасъ отвѣтъ; я сегодня же отправляюсь въ Гавръ. Рѣшайтесь, Гваделупа и Тринидадъ славные острова, женщины тамъ прелестныя, вы хорошій пѣвецъ и актеръ, а триста франковъ въ мѣсяцъ хорошія деньги.

Дѣло было рѣшено и условіе заключено. Въ задатокъ взято пятьдесятъ франковъ и положено, что черезъ два дня, вельдъ за директоромъ, уѣдетъ въ Гавръ и Густавъ.

Черезъ недѣлю Густавъ плылъ уже по Атлантическому океану на трехъ-мачтовомъ суднѣ *Industrie*, а черезъ сорокъ пять дней прибылъ онъ въ Гваделупу, гдѣ почитали это судно уже погибшимъ, потому что суда, вышедшія послѣ него изъ Гавра, пришли туда уже давно.

Густавъ былъ въ восторгѣ отъ природы Антильскихъ острововъ. Его даже удивляли голые негры, прогуливающіеся по улицамъ.

Черезъ недѣлю онъ дебютировалъ въ водевилѣ *Станиславъ* и имѣлъ большой успѣхъ.

Послѣ нѣсколькихъ представлений въ Гваделупѣ, труппа отправилась въ Мартинику и Тринидадъ. На каждомъ изъ этихъ острововъ давали спектакли по три недѣли.

На островѣ Мартиникѣ пришло во время ихъ пребыванія извѣстіе о июльской революціи въ Парижѣ. Негры тотчасъ взбунтовались, а губернаторъ, объявивъ городъ въ осадномъ положеніи, велѣлъ закрыть театръ.

Директоръ созвалъ труппу и объявилъ всѣмъ, что каждый можетъ идти куда ему угодно. Иные правда заговорили тутъ о контрактахъ, о недоплаченныхъ деньгахъ; но имъ отвѣчали, что теперь не время вести процессы, а лучше миролюбиво разойтись.

Такъ и сдѣлали. Директоръ открылъ кофейный домъ; трое отправились во Францію (у нихъ были деньги); баритонъ пошелъ въ пѣвчіе; второй любовникъ сдѣлался фехтовальнымъ учителемъ; первая субретка пошла въ компаньонки къ супругѣ губернатора; наконецъ басъ, Густавъ, послѣ нѣкотораго размышленія, основаннаго на безденежности, объявилъ себя миньатюрнымъ живописцемъ.

Купивъ себѣ три билліардныхъ шара и распиливъ ихъ, Густавъ получилъ тридцать досчечекъ слоновой кости разной величины. Ящикъ съ акварельными красками былъ у него. Потомъ онъ разнесъ по городу циркуляръ, что вновь прибывшій изъ Парижа извѣстный миньатюрный живописецъ Густавъ предлагаетъ свои услуги почтеннѣйшей публикѣ, ручаясь за совершенное сходство портретовъ.

Первою его работою былъ портретъ съ одного храбраго дуэлиста на островѣ, бывшаго тогда моднымъ героемъ. Портретъ удался, и съ этой

минуты мастерская Густава была всегда наполнена народомъ. Всѣ отъѣнки человѣческой кожи, отъ сенегальскаго негра до соутомпитонской блѣднолицой англичанки, прошли подъ кистью Густава.

Теперь, поправя свое состояніе, написалъ онъ къ отцу письмо, при которомъ приложилъ ему сперва всѣ газеты, гдѣ его хвалили, какъ пѣвца и актера, онъ увѣдомилъ, что отбавившись однакоже отъ театра, онъ теперь миниатюрнымъ живописцемъ въ Мартиникѣ живетъ безбѣдно.

Однажды явился одинъ мартиникскій житель и требовалъ, чтобъ Густавъ снялъ съ него портретъ въ большомъ видѣ и масляными красками; Густавъ согласился, хотя и зналъ, что это будетъ первая его попытка.

А какъ онъ не могъ найти въ городѣ холста, приготовленнаго для картины масляными красками, то и взялъ кожу съ стараго барабана и на ней написалъ требуемый портретъ. По счастью, онъ очень удался и заказывавшій унесъ его съ восторгомъ.

Вдругъ черезъ нѣсколько дней этотъ же человѣкъ прибѣжалъ къ нему съ ужасомъ, говоря, что портретъ его ежедневно мѣняетъ выраженіе лица. Густавъ пришелъ и догадался, что барабанная кожа растянулась отъ сырости. Онъ велѣлъ натопить комнату до 30° и увѣрилъ, что на другой же день прежняя фізіономія возвратится портрету.

Такимъ образомъ, Густавъ жилъ въ полномъ довольствѣ. Вдругъ однажды пришелъ къ нему одинъ руанскій житель, который въ тотъ же вечеръ уѣзжалъ во Францію. Онъ спросилъ, можетъ ли Густавъ снять съ него миниатюру часа въ два, чтобъ оставить свой портретъ одной особѣ на память? Густавъ тотчасъ же принялся за работу.

Во время работы они разговорились. Руанецъ видѣлъ Густава на театрѣ и хвалилъ его талантъ.

— Не хотите ли опять на сцену? спросилъ онъ.

— О, да! только не здѣсь, а въ Парижѣ.

— Я могу опредѣлить васъ въ Руанѣ. Тамъ мой братъ директоромъ.

— Можно бы согласиться... Но ѣхать на авось...

— О, нѣтъ! я негодіантъ. Я дамъ вамъ вексель въ тысячу франковъ. Съ этимъ пріѣзжайте въ Руанъ черезъ двѣ недѣли послѣ меня, и вашъ ангажементъ будетъ ужъ тамъ готовъ. Вы же мнѣ отдадите то, что у васъ останется отъ расходовъ вояжа.

Какъ было противиться!

Черезъ двѣ недѣли онъ уже плылъ на *Урсенъ*, заплативъ четы-

реста франковъ за переѣздъ съ пищею. За то пробылъ онъ въ вояжѣ два мѣсяца. Но наконецъ прибылъ однакоже въ Гавръ.

Руанскій негодіантъ сдержалъ свое слово. Когда Густавъ прибылъ въ этотъ городъ, ангажементъ его былъ уже готовъ. Ему назначено было двѣ тысячи франковъ.

Здѣсь Густавъ игралъ всѣ первыя роли новѣйшихъ драмъ: Герцога Гюиза въ Генрихѣ III, Карла V въ Гернани, Рафаэля въ Клотильдѣ, Буридана въ Нельской башнѣ. Но, вмѣстѣ съ своимъ ремесломъ, Густавъ занимался и другимъ. Онъ выучился гравировать. А наконецъ директоръ труппы заставилъ его быть и скульпторомъ: тогда праздновали годовщину рожденія Корнелия, и Густавъ долженъ былъ сдѣлать статую этого поэта. Эта работа прославила Густава. Всѣ газеты наполнились похвалами ему. Онѣ дошли и до отца, который самъ неожиданно къ нему явился, и расплакался при этомъ радостномъ свиданіи.

Онъ даже рѣшился смотрѣть его на сценѣ, и аплодисменты тронули старика. Онъ простилъ сыну театральное его поприще. Но какъ служба требовала присутствія старика въ Канѣ, онъ вскорѣ простился съ Густавомъ и отправился.

Въ это время прибылъ въ Руанъ Фредерикъ Леметръ, бывшій тогда во всей силѣ своего таланта и Густавъ игралъ съ нимъ много пьесъ.

Потомъ пріѣхалъ Потье, а наконецъ и актриса Дорваль. Съ послѣднюю онъ игралъ чаще всего и съ бѣльшимъ успѣхомъ.

Однажды, какъ онъ послѣ спектакля явился къ ней, чтобъ расхвалить ее за прекрасную игру, та начала совѣтовать ему отправиться въ Парижъ и общалась письмомъ къ другу своему, Дюма.

Мысль быть на парижскомъ театрѣ опять увлекла Густава. Онъ поблагодарилъ г-жу Дорваль, взялъ письмо, и полетѣлъ въ Парижъ.

Въ началѣ разсказа читатели видѣли, какъ онъ пришелъ ко мнѣ. Выслушавъ эту странную исторію, я спросилъ Меленга:

— На какомъ же театрѣ хотите вы быть опредѣлены?

— Я думаю у Сень-Мартинскихъ Воротъ.

— Хорошо. Зайдите ко мнѣ послѣ завтра. Я переговорю съ Гарелемъ.

Увы! когда я явился къ Гарелю, онъ былъ не въ духѣ, и съ первыхъ же словъ моихъ отказалъ на отрѣзъ. Я бы могъ обратиться къ г-жѣ Жоржъ; но когда Гарель былъ не въ духѣ, то и она была сердита. Я вспомнилъ тогда о Эпаньи, который имѣлъ большое вліяніе на обоихъ и убѣдилъ его взяться за опредѣленіе Густава.

— Охотно, отвѣчалъ онъ. Только ты знаешь, что Гарель упрямъ, какъ мулъ. Онъ разъ отказалъ и ни за что не перемѣнитъ рѣшенія,

какъ бы оно глупо ни было. Не знаетъ ли твой Густавъ какого-нибудь другаго ремесла?

— Онъ декораторъ, живописецъ, граверъ, литографъ.

— Постой, постой, довольно: я познакомлю его съ Гарелемъ. Узнавши, что Густавъ живописецъ, онъ будетъ сожалѣть, что тотъ не актеръ... пришли мнѣ этого Густава.

Густавъ явился, и Эпаньи заставилъ его сдѣлать литографическій портретъ г-жи Жоржъ.

Въ этотъ же день дѣло было сдѣлано, и Эпаньи отправился вмѣстѣ съ Густавомъ въ театръ, гдѣ играла Жоржъ, и представилъ ей сперва брошюру съ ея портретомъ, а потомъ и живописца.

Пришелъ и Гарель, и вида, что Жоржъ въ восторгѣ отъ своего портрета, хвалилъ и работу и художника.

На этомъ остановилось первое знакомство, и Эпаньи ни слова не сказалъ Гарелю о сценическомъ талантѣ Густава. Но самъ Гарель по уходѣ Густава, говорилъ:

— Какой славный ростъ, какой пріятный голосъ! жаль, что онъ не актеръ.

Впрочемъ, съ этого дня Густавъ получилъ позволеніе ежедневно ходить за кулисы.

Черезъ три дни потомъ назначена была Нельская башня. Театръ былъ полонъ; собирались начинать. Вдругъ Делетръ, занимавшій роль Буридана, прислалъ сказать изъ уборной, что онъ захворалъ и не можетъ играть. Бросились къ нему... Дѣйствительно, онъ лежалъ безъ чувствъ.

Эпаньи и Густавъ были въ эту минуту въ уборной у Жоржъ; туда же, какъ сумасшедшій, прибѣжалъ и Гарель.

— Чтó мнѣ дѣлать теперь, вскричалъ онъ. Полный сборъ, а этотъ болванъ Делетръ не въ состояніи пошевелиться. Я съ ума сойду...

— Позвольте, сказалъ Густавъ, я сыграю Буридана...

— Какъ? вы играете? Да вы вѣдь живописецъ?..

— И актеръ, если нужно: я игралъ въ Руанѣ всѣ первыя роли съ г-жею Дорваль.

— И теперь можете безъ репетицій?

— Разумѣется...

— Бѣгите же, одѣвайтесь, а я сдѣлаю анонсъ. Какъ же сказать объ васъ? *Густавъ* слишкомъ просто. Нѣтъ ли какой фамиліи?

— Моя фамилія *Меленгъ*.

— Прекрасно! Г. Меленгъ, первый актеръ Руанскаго театра, случайно находившійся за кулисами, и проч., и проч.

Черезъ десять минутъ начался спектакль, и Меленгъ, славный, любимый парижскій актеръ, дебютировалъ въ роль Буридана.

Съ-тѣхъ-поръ весь Парижъ его узналъ и могъ слѣдить за его артистическимъ поприщемъ. Слѣдовательно, незачѣмъ и описывать его.
(Voleur).

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

СТОЛѢТНІЙ УКАЗАТЕЛЬ, КАКЪ ДОСТИГНУТЬ ГЛУБОКОЙ СТАРОСТИ ПОСРЕДСТВОМЪ ЕСТЕСТВЕННО-УМѢРЕННАГО ОБРАЗА ЖИЗНИ. (*Сочиненіе доктора Рейнбека*). Подъ этимъ названіемъ вышла въ свѣтъ очень любопытная книжка, разборъ которой мы занимаемъ изъ журнала: *Lesefrüchte*.

Свѣжій, чистый атмосферическій воздухъ составляетъ изъ вѣхъ предметовъ въ природѣ самую необходимую потребность существованія. Въ особенности онъ для людей первая, жизненная пища (какъ древніе называли его). Подобно свѣжей и чистой ключевой водѣ, онъ не только предохраняетъ отъ множества болѣзней и заразительныхъ миазмовъ, но и при болѣзни составляетъ лекарство отъ головной боли, ревматизма, расстройства нервъ и другихъ недуговъ. При многихъ начинающихся болѣзняхъ не должно было бы скрываться въ спальню и въ кровать, а искать чистаго, свѣжаго воздуха, который можетъ еще предупредить развитіе болѣзни.

Сперва мы разсмотримъ здѣсь воздухъ, какъ средство къ поддержанію жизни и какъ предохраненіе отъ болѣзней. Эта тонкая жидкость, окружающая весь нашъ шаръ земной въ видѣ туманной оболочки, составляетъ не только необходимое вещество къ поддержанію жизни вѣхъ живущихъ, не только жизненная пища и главный дѣятель во вѣхъ явленіяхъ природы, но и драгоцѣннѣйшее лечебное средство въ безчисленныхъ болѣзняхъ.

Воздухъ еще болѣе можно назвать универсальнымъ лекарствомъ, нежели воду. Въ свѣжемъ и неспорченномъ своемъ состояніи онъ не вреденъ ни въ какой болѣзни, а во многихъ образуетъ превосходное лечебное средство. Слѣдственно, подробное свѣдѣніе о составѣ воздуха не только нужно для врача, но и для всякаго частнаго чело-вѣка. Для послѣднихъ скажемъ, что чистый атмосферическій воздухъ, эта прозрачная, невидимая, безцвѣтная, вѣсомая жидкость, состоитъ во ста частяхъ изъ 21 части кислорода и 79 азота, изъ небольшого количества углерода, а лѣтомъ еще съ небольшою примѣсью водорода, (котораго специфическій вѣсъ въ водѣ какъ 1 : 728).

Процессъ дыханія, какъ и пищеваренія, химическій. Оба должны обоюдно обуславливаться и составлять во всю жизнь необходимое поддержаніе существованія. Въ каждую минуту жизни происходитъ въ тѣлѣ животнаго болѣе или менѣе ускоренный размѣнъ матеріаловъ, такъ что часть тѣла то превращается въ отжившія вещества, то въ возобновленныя. Физиологія учитъ насъ, что каждое движеніе, каждое усиліе составляютъ слѣдствіе перемѣны въ этихъ веществахъ, и что каждое впечатлѣніе, каждое ощущеніе происходятъ отъ измѣненій въ составѣ мозговаго организма.

Къ поддержанію жизненнаго процесса нужны нѣкоторые матеріалы, называемые пищею. Рядъ измѣненій, совершающихся съ ними, служитъ или къ увеличенію тѣла, или къ замѣненію израсходованныхъ матеріаловъ организма, или же къ воспроизведенію силы, потому что каждый химическій процессъ заключаетъ въ себѣ электрическое явленіе и обратно, а какъ мы не можемъ себѣ представить раздѣленія силы отъ матеріи въ природѣ, то признаемъ въ этомъ другую истину. Принятіе пищи составляетъ только *одно* условіе жизни, второе же состоитъ во всегдашнемъ всасываніи изъ атмосферы кислорода. Покуда человекъ живъ, онъ безпрестанно вдыхаетъ въ себя этотъ газъ.

Тѣло взрослого человека при достаточной пищѣ не оказываетъ въ себѣ ни увеличенія, ни уменьшенія въ вѣсѣ, слѣдственно количество вдыхаемаго имъ кислорода весьма значительно. По химическимъ наблюденіямъ вдыхаетъ онъ въ годъ 750—830 фунтовъ — и, однако же, вѣсѣ его тѣла остается почти тотъ же. Потера углерода и водорода должна быть вознаграждаема въ тѣлѣ пищею. Количество пищи, требуемой организмомъ, находится въ прямомъ отношеніи вдохнутаго кислорода. А какъ количество вдохнутаго кислорода можно опредѣлить по числу вдыханія легкихъ, то и ясно, что количество пищи должно увеличиваться или уменьшаться по числу этихъ вдыханій. Дитя, котораго дыхательные органы въ большей дѣятельности, долженъ чаще принимать пищу, нежели взрослый, и не такъ легко переноситъ голодъ.

Женщины вообще скорѣе дышатъ, и процессъ пищеваренія скорѣе совершается у нихъ, поэтому тоже скорѣе чувствуютъ голодъ. Птица при недостаткѣ пищи умираетъ на второй—третій день; змѣя, мало потребляющая кислорода, живетъ три мѣсяца и долѣе безъ пищи. Человекъ, работающій на открытомъ воздухѣ, требуетъ болѣе пищи, нежели ведущій сидячій образъ жизни. Изобиліе пищи и недостатокъ во вдыхаемомъ кислородѣ, а равно и сильныя движенія, увеличивающія аппетитъ при испорченныхъ пищеварительныхъ органахъ, совершенно несовмѣстны.

Въ одинаковомъ объемѣ холоднаго и теплаго воздуха содержится не одинаковое количество кислорода: лѣтомъ воздухъ сырѣе, зимою суше, и содержитъ въ себѣ слѣдственно болѣе кислорода. При одинаковомъ вдыханіи у морскихъ береговъ получается болѣе кислорода, нежели во внутреннихъ материкахъ и на горахъ, потому что при низкомъ географическомъ положеніи воздухъ гуще, нежели въ высокихъ мѣстахъ. Поэтому—то морской воздухъ оживляетъ, увеличиваетъ аппетитъ и дѣлаетъ сонъ крѣпче. Тоже дѣйствіе производитъ и зимній воздухъ по густотѣ своей, когда человѣкъ при каждомъ дыханіи получаетъ десятью процентами болѣе кислорода, нежели въ жаркіе лѣтніе дни.

Между животнымъ и растеніемъ разница весьма важная: животные именно то выдыхаютъ, что растенія вдыхаютъ, то—есть углеродъ, и обратно выдыхаютъ то, что растенія испускаютъ изъ себя, то—есть кислородъ. Это объясняетъ, по чему разсадка молодыхъ деревьевъ не только очищаетъ воздухъ на кладбищахъ, у грязныхъ ямъ и проч., но и почему деревья эти прекрасно тутъ растутъ.

При новѣйшихъ изслѣдованіяхъ о процессѣ дыханія и количествѣ выдыхаемаго углерода получены разительные результаты. Для этихъ опытовъ устроенъ былъ слѣдующій аппаратъ. Подъ мягкою, непроницаемою для воздуха, содержимъ былъ постоянный токъ атмосфернаго воздуха посредствомъ шаровъ, при которыхъ вытянуть былъ воздухъ. Во все продолженіе опыта человѣкъ жилъ въ этомъ искусственномъ воздухѣ. Сила тока уравнивалась крапомъ, такъ чтобы вдыханіе и выдыханіе происходили безпрепятственно; приняты были все мѣры, чтобъ не потерять выдыхаемый газъ и чтобъ одинъ токъ воздуха былъ не больше одного раза подвергнуть дѣйствию легкихъ. Опыты дѣлались надъ здоровыми лицами, въ одно время дня (во 2 часу пополудни) и при одинаковыхъ по возможности условіяхъ характера, мускульной силы и рода пищи этихъ лицъ. Опыты этотъ повторялись до шести разъ съ каждымъ лицомъ. Результатъ былъ слѣдующій:

- a) Количество углерода, выдыхаемаго легкими, было различно, смотря по возрасту, полу и сложенію лица.
- b) Количество это различно по лѣтамъ, но не по вѣсу лицъ.
- c) Мужескій и женскій полъ различаются во всехъ періодахъ жизни, отъ восьми лѣтъ до глубокой старости, по количеству выдыхаемаго углерода. При одинаковыхъ обстоятельствахъ, мужчина больше выдыхаетъ нежели женщина. Эта разница наиболѣе чувствительна между 16-ти и 40-ка лѣтнимъ возрастомъ. Въ этомъ періодѣ даютъ мужскіе легкіе почти вдвое противу женскихъ.
- d) У мужчины количество выдыхаемой углеродной кислоты усид-

лишается отъ осьми до тридцати лѣтъ, когда бываетъ самое сильное выдыханіе. Съ тридцати лѣтъ начинается это количество уменьшаться и постепенно продолжаетъ до глубокой старости, такъ что возвращается къ количеству десятилѣтняго мальчика.

е) У женщинъ періодъ усиленія тотъ же самый только до совершеннолѣтія (*menstrualitas*). Съ этой минуты остается оно одинаковымъ до глубокой старости.

г) Въ періодъ беременности усиливается выдыханіе.

г) У обоихъ половъ выдыханіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ лице крѣпче тѣлосложеніемъ и мускулами.

Опытъ указываетъ, что излишняя сухость атмосферы, или продолжительные засухи лѣтомъ, какъ равно стужа и сухая погода зимою, порождаютъ множество болѣзней, и увеличиваютъ смертность, и что, напротивъ того, въ дождливое время люди здоровѣе: причина тому таже, что и здоровое качество морскаго воздуха. Это же отношеніе сохраняютъ и цѣлыя области. Напримѣръ: Египетъ сухъ и нездоровъ, Ирландія сыра, а весьма здорова и жители достигаютъ до глубокой старости.

Испорченный воздухъ имѣетъ вредное вліяніе на здоровье и жизнь, дѣйствуя въ одно время на кожу, на легкія и на пищевареніе. Здоровый воздухъ составляетъ главное условіе жизни. Безъ пищи можетъ человекъ прожить четыре, пять дней; безъ воздуха — ни минуты.

Но кислородъ и азотъ не одни входятъ въ составъ атмосферическаго воздуха. Онъ содержитъ въ себѣ еще тончайшіе жидкости (*fluida*) электрическія и магнетическія, которыя придаютъ ему извѣстныя свойства и силы, неизслѣдованныя однакоже еще любознательностію человека и состоящія въ тѣсномъ сношеніи съ общою основою жизненныхъ условій.

Разсматривая въ этомъ отношеніи только одни дѣйствія воздушнаго электричества, оказывается, что при ясной погодѣ человекъ веселъ, дѣятеленъ и расположенъ къ умственнымъ работамъ; что нервическіе люди чувствуютъ себя здоровыми и что все животное царство обнаруживаетъ усиленіе жизненнаго процесса. Все это происходитъ, если при ясной погодѣ воздушное электричество сильно. Дурная же погода и низкая степень электричества производятъ дурное расположеніе духа, вялость, неудовольствіе. Извѣстно, что при ясной погодѣ, при восточномъ и сѣверномъ вѣтрѣ, когда воздушное электричество возвышается, процессъ воспроизводительности въ животномъ царствѣ гораздо удобнѣе совершается, нежели при дурной погодѣ и западныхъ вѣтрахъ.

Кромѣ электрическаго свойства и различной степени сырости, весь-

ма важна также расширительная сила воздуха или различная степень давления его. Если южный или западный вѣтеръ вдругъ отойдетъ къ сѣверу или востоку и барометръ высоко поднимется, то всѣ больные ревматизмами сильнѣе страдаютъ, а истерическими и ипохондрическими припадками гораздо здоровѣе. Если ртуть въ барометрѣ быстро упадетъ, то припадки истерики, падучей болѣзни и сумасшествія дѣлаются чаще и сильнѣе, обнаруживаются зубная боль, мигрень, судороги въ желудкѣ, колика и поносъ, а начинающіе страдать чахоткою въ легкихъ чувствуютъ себя въ самомъ дурномъ состояніи.

У насъ барометръ часто въ нѣсколько часовъ опускается на цѣлый дюймъ. Въ Италіи, Испаніи, на Канарійскихъ островахъ, въ то же самое время, никогда не больше трехъ линій, а потому страдающіе грудными болѣзнями, чахоткою и сухоткою гораздо здоровѣе на южныхъ странахъ, нежели въ сѣверныхъ климатахъ. Люди, страдающіе судорогами, наиболѣе чувствуютъ себя здоровыми при ясной погодѣ и высокомъ стояніи барометра, когда давленіе воздуха сильнѣе дѣйствуетъ на тѣло. Купанье тоже полезно для нихъ. За то въ чахоткѣ и водяной хорошая погода и высокій барометръ тяжелѣе для больныхъ, и ванны имъ вредны; давленіе воды на тѣло производитъ боязнь, одышку и удушье.

Слишкомъ-легкій, или рѣдкій воздухъ, какой бываетъ на высокихъ горахъ или передъ грозою, возбуждаетъ въ здоровыхъ людяхъ, у дѣтей и женщинъ припадки боязливости, біенія сердца, усиленіе обращенія крови. Наиболѣе страдаютъ отъ этого воздуха слабые люди, расположенные къ головокруженію и къ удару. Вообще чахоткою и отъ удара умпраютъ во время равенствій, при низкомъ стояніи барометра.

Фактически подтверждается также, что быстрое измѣненіе въ давленіи воздуха благоприятствуетъ развитію грудныхъ и брюшныхъ болѣзней, такъ что онѣ могутъ сдѣлаться эпидемическими.

Вреденъ всякой спертый воздухъ, испорченный испареніями отъ людей и звѣрей, отъ разложенія животныхъ и растительныхъ веществъ; онъ можетъ произвести самыя злокачественныя болѣзни. Обыкновенный комнатный воздухъ уже не такъ хорошъ, какъ открытый, а особливо въ малыхъ, низкихъ и сырыхъ комнатахъ, наполненныхъ людьми, а зимою слишкомъ натошленныхъ. Отъ этого всѣ люди, ведущіе сидящій образъ жизни—слабы, блѣдны, подвержены ипохондрии, простудамъ, одышкѣ, мокротѣ, водяной, и вообще недолговѣчны.

Еще вреднѣе воздухъ въ госпиталяхъ, если комнаты содержатся не въ совершенной чистотѣ и не провѣтриваются: въ нихъ вскорѣ оказываются горячки съ пятнами.

Лучшими средствами къ очищенію воздуха въ больничныхъ комна-

тахъ, подземныхъ погребахъ, въ покояхъ, которые были подъ наводненіемъ, въ повокрашенныхъ комнатахъ, въ отхожихъ мѣстахъ и пр., безусловно, хлоровый газъ, впервые предложенный для очищенія воздуха французскимъ химикомъ Гюйтономъ—Морво.

Для очищенія воздуха въ комнатахъ, гдѣ живетъ много людей вмѣстѣ, недостаточно раскрывать окна и двери: нужны необходимо вентиляторы, изъ которыхъ *наружный* долженъ быть внизу, проводя воздухъ снизу вверхъ, а *внутренній* сверху, спускающій комнатный воздухъ внизъ. Они не должны быть одинъ противъ другаго, чтобъ не производить сквознаго вѣтра.

Электрическая матерія и магнитный токъ, оказывающіеся по новѣйшимъ открытіямъ, одинаковою невѣсомую жидкостію, состоятъ въ тѣсной связи съ жизненнымъ процессомъ. Всѣ явленія неорганической природы даже тѣсно съ ними соединены. Самостоятельность жизненнаго организма точно также подлежитъ законамъ тяжести, кристаллизации, химическихъ процессовъ, электричества и магнетизма: это уже сдѣлалось физиологическимъ фактомъ. Дыханіе и пищевареніе составляютъ электрохимическіе процессы, производящіе животную теплоту и заряжающіе живое тѣло, какъ электрическій столбъ. Напротивъ того, переработка (*assimilatio*) пищи служитъ разряженіемъ, причемъ кожа, какъ дурной проводникъ машины, изолируетъ машину отъ земли.

Множество наблюденій и опытовъ доказываютъ однако, что періодическія измѣненія въ нормальномъ состояніи нашей атмосферы, особливо въ новолуніе и полнолуніе, дѣйствуютъ на органическую жизнь вообще, на духъ и тѣло человѣка въ особенности, причемъ электромагнетизмъ и воздушное электричество играютъ главную роль. Вліяніе это обнаруживается не только на многихъ явленіяхъ жизненнаго процесса, но и въ происхожденіи многихъ болѣзней, въ особенности ревматическихъ и нервическихъ.

Въ прошедшихъ столѣтіяхъ ученые много писали о вліяніи небесныхъ тѣлъ на болѣзни. Теперь, бѣльшею частію, съ скептическимъ легкомысліемъ отвергаютъ это вліяніе. Напрасно. Все, что можетъ имѣть вліяніе на нашу атмосферу, участвуетъ въ условіяхъ жизненнаго процесса. Если необычайная погода, изверженіе вулкановъ, землетрясенія и т. п., производятъ разнаго рода болѣзни, то должно допустить и макрокосмическое вліяніе небесныхъ тѣлъ, могущихъ дѣйствовать на нашу атмосферу.

Вотъ по-крайней-мѣрѣ факты, не подверженные сомнѣнію:

а) Менструаціи оказываются наибѣлье въ новолуніе, за 2—3 дни, гораздо же чаще столько дней позже. Еслибы по причинѣ болѣзни онѣ

остановились, то нѣтъ лучше средства, какъ по выздоровленіи употреблять потомъ три-четыре недѣли электромагнитизмъ.

b) Извѣстные критическіе или рѣшительные дни въ лихорадкахъ: 7-й, 14-й и 21-й—соотвѣтствуютъ днямъ измѣненій луны.

c) Большая часть родовъ падаетъ на время полнолунія, а смертности въ новолуніе (въ приморскихъ странахъ происходитъ это въ тѣ часы дня и ночи, когда приливъ и отливъ). Отъ полуночи до утра случается наибольшее число родовъ; около полудня же умираютъ. А какъ магнитная сила земли всего слабѣе въ 11 часовъ утра, то, можетъ быть, это и имѣетъ вліяніе на смертность.

d) Глисты и солитеры всего легче выходятъ при уменьшеніи луны. Электрическими ударами въ нижнюю часть живота способствуютъ къ выходу солитеровъ.

e) При многихъ первическихъ болѣзняхъ припадки дѣлаются чаще и сильнѣе при новолуніи и полнолуніи, какъ равно при сумасшествіи и надучей болѣзни (древніе называли надучую болѣзнь *лунною*).

f) Многіе, впрочемъ здоровые люди, страдаютъ только болѣзнями въ новолуніе и полнолуніе; другіе въ день первой и послѣдней четверти страдаютъ головою и безпокойствомъ духа. Въ остальные дни они здоровы. Также припадки періодическаго запоя—этой худшей степени пьянства—случаются больше въ это же время.

g) Мозгъ и нервы составляютъ таинственный источникъ тѣлесныхъ отравленій чловѣка. Нервы служатъ проводникомъ нервной силы, которая, конечно, электрическаго свойства. Открытіе, что электричество естественно соединено съ кислородомъ воздуха и при вдыханіи отдѣляется отъ него, а равно и то, что желѣзо и уголь, находящіеся въ крови, составляютъ электрическіе проводники—озаряютъ свѣтомъ таинственность жизненныхъ отравленій мозга и нервной системы. При движеніи, производимомъ волею, возбуждается электричество мозга, которое чрезъ нервы передается мускуламъ. При осязаніи, прикосновеніе предметовъ возбуждаетъ электрическое дѣйствіе чувственныхъ нервъ, которые идутъ къ мозгу. Оба дѣйствуютъ однимъ и тѣмъ же матеріальнымъ агентомъ. Свойство первическихъ явленій ясно указываетъ на истощеніе и возстановленіе этого агента. Постоянное дѣйствіе мозга имѣетъ вліяніе на пополненіе электро-нервной жидкости.

Многія болѣзни первическія и ревматическія происходятъ отъ того, что электрическое напряженіе органовъ сдѣлалось аномальнымъ между ними и атмосферою. Если истеченіе электричества изъ тѣла останавливается, или измѣняется, то органы, до того времени изолированные, дѣлаются проводниками, и тогда образуются разныя уномянутыя болѣзни,

къ которымъ можно причислить: судороги, падучую болѣзнь, ломъ въ костяхъ, золотуху, гриппъ, пнохондрію, колики и водяную, потому что и онѣ всѣ видимо имѣютъ электрическія свойства. Напримѣръ, вода у больного водяною болѣзнію образуется совершенно также, какъ дождь во время грозы.

Состояніе многихъ нервическихъ и другихъ лихорадочныхъ болѣзней находится въ тѣсной связи съ силою земнаго магнетизма, когда онѣ въ высшей, или низшей точкѣ. Раздражительныя болѣзни достигаютъ до высшей своей точки въ три часа пополудни, какъ и магнитная сила земли. Замѣчательно, что въ здоровомъ состояніи желчь и слюна обнаруживаютъ щелоческую реакцію; молоко же, хилусъ, потъ, урина, напротивъ того кислая, точно такъ какъ разные полюсы Вольтова столба; но что, напротивъ того, въ болѣзненномъ состояніи совершенно наоборотъ, а именно при энцефаліи слюна оказываетъ кислую реакцію, а потъ и урина щелоческую. Всѣ органы, снабженные желѣзами, даютъ кислыя изверженія, прочія же—щелоческія.

Наша атмосфера составляетъ важнѣйшую наружную причину болѣшей части болѣзней, въ особенности воспалительныхъ и лихорадочныхъ, хронико-нервическихъ, ломотныхъ, ревматическихъ,—отъ быстрой перемѣны тепла и холода, сырости и сухости, усиленія или ослабленія давленія воздуха, (составляющее иногда въ сутки разницу въ тысячу шестьсотъ фунтовъ на взрослога человѣка), и отъ измѣненій въ нормальномъ состояніи воздушнаго электричества.

Эпидеміи находятся въ тѣсной связи съ отношеніями воздушнаго электричества. Чумныя болѣзни никогда не дѣйствуютъ сильнѣе, какъ во время чрезвычайныхъ явленій: землетрясеній, вулканическихъ изверженій, необыкновенныхъ воздушныхъ перемѣнъ и метеоровъ, измѣняющихъ нормальное состояніе воздушнаго электричества.

Когда желтая лихорадка свирѣпствовала въ Средней и Южной Америкѣ, и экзотическая остъ-индская холера въ Европѣ, воздушное электричество чрезвычайно ослабѣло, такъ что электрическія машины отказывались дѣйствовать. Когда же эпидемія дошла до высшей точки, то проводникъ не давалъ совсѣмъ искръ. Но когда однажды въ Чарльстунѣ, послѣ сильной грозы, желтая лихорадка мгновенно ослабѣла, то и электричество вновь обнаружилось замѣчательнымъ образомъ.

Подобныя отношенія между электричествомъ и азіатскою холерою давно замѣчали въ Европѣ. При возвышеніи барометра и при полнолуніи она была слабѣе, или даже прекращалась, а при новолуніи опять возобновлялась.

Передъ грозою, когда воздушное и земное электричество не урав-

новѣсилась еще посредствомъ дождя, всѣ нервно-раздражительные люди, дѣти, женщины и проч., чувствуютъ стѣсненіе въ груди и непріятное, щекотное ощущеніе въ рукахъ и ногахъ, подобно тому, какъ отъ искры, извлекаемыхъ изъ тѣла человѣка, употребляющаго электрическую ванну. Но это ощущеніе прекращается съ дождемъ и охлажденіемъ воздуха, уступая мѣсто пріятному чувству легкости и свѣжести по всему тѣлу. Если привести себя въ сообщеніе съ громовымъ отводомъ, находящимся на какомъ-нибудь высокомъ зданіи (разумѣется, когда гроза еще далеко, чтобъ не подвергаться опасности), то и до дождя исчезаетъ это стѣсненіе груди.

Противу застарѣлыхъ ревматизмовъ, нервическихъ головныхъ болей, глухоты, мигреней, желудочныхъ судорогъ, задержанія или прекращенія менструацій, какъ равно и противу истерическихъ и ипохондрическихъ припадковъ, весьма хорошее дѣйствіе производитъ электрическій дождь, а именно: больной, во время дождя съ грозой, долженъ легко одѣтый гулять отъ получаса до часа, ровнымъ шагомъ, не останавливаясь и не садясь, потомъ: возвратясь домой, скинуть все мокрое платье, вытереть тѣло нагрѣтою фланелью, надѣть чистое согрѣтое бѣлье и лечь на два часа въ постель, выпить горячаго чаю и ожидать выступленія пота.

Были люди, долгое время страдавшіе отъ вышеупомянутыхъ болѣзней и напрасно употреблявшіе всѣ медицинскія средства, но которые послѣ трехъ, четырехъ такихъ прогулокъ во время грозового дождя вылечивались отъ застарѣлыхъ страданій.

Уменьшенное давленіе воздуха на отдѣльную часть тѣла служить народнымъ лекарствомъ, подъ названіемъ *рожекъ*, или *рожечной крови*.

Большая банка въ видѣ рожка, приставленная къ защемленной грыжѣ, освобождаетъ это защемленіе и дѣлаетъ ненужною операцію. Еще лучше дѣйствуетъ небольшой воздушный насосъ.

Вліяніе атмосферическаго воздуха на жизненный организмъ объясняется еще прекраснымъ дѣйствіемъ измѣняющагося воздушнаго давленія, а именно: большія бури производятъ ослабляющее дѣйствіе при сильныхъ приливахъ крови къ головѣ и груди. Теперь же вновь изобрѣтенъ каучуковый аппаратъ, посредствомъ котораго всю нижнюю часть тѣла приводятъ въ состояніе уменьшеннаго давленія воздуха и производятъ, въ случаѣ нужды, искусственный обморокъ безъ потери крови. Другой жестяной аппаратъ производитъ искусственно-разрѣженный воздухъ.

Теплый воздухъ въ жаркое лѣто и въ жаркихъ климатахъ вообще не такъ здоровъ, какъ холодный воздухъ. Продолжительная сильная те-

плота ослабляетъ тѣло и раздражаетъ нервы, а потому люди пѣжной, слабой натуры гораздо болѣе страдаютъ лѣтомъ, нежели зимою. Пестерическія женщины, безъ всякихъ другихъ причинъ, а отъ одного чрезвычайнаго жара, падаютъ въ обморокъ и получаютъ судороги. Ученые теряютъ иногда лѣтомъ всю свою дѣятельность и способности, а съ наступленіемъ холода приобретаютъ ихъ вновь.

Извѣстно, что дѣйствіе солнечныхъ лучей на голову производитъ воспаленіе мозга и сумасшествіе.

Въ жаркихъ странахъ жители отъ чрезвычайной потери пота такъ изнуряются, что отъ полудня до заката солнца прекращаются всѣ работы, и время это проводится во снѣ, или бездѣйствіи.

Стужа сѣверныхъ странъ составляетъ главную причину, почему тамошніе жители здоровѣе, крѣпче, сильнѣе, храбрѣе и легко переносятъ все. При хорошей одеждѣ, пищѣ и средствахъ къ согрѣванію,—зима самое здоровое время года. Даже заразительныя болѣзни ослабляются, или вовсе прекращаются въ это время.

При тѣлесномъ движеніи и работѣ, холодъ не такъ вреденъ, какъ жаръ. Продолжительно-сухой, холодный воздухъ возбуждаетъ бодрость духа, такъ что флегматическій голландецъ равняется въ это время живостію французу.

Чѣмъ быстрѣе измѣняется температура, давленіе воздуха, сырость, сухость и электричество атмосферы, тѣмъ легче раждаются болѣзни. По этому-то весна, столь восхваляемая поэтами, самое нездоровое время года. Не только обнаруживаются тогда всѣ эпидемическія простудныя болѣзни, какъ-то: гриппъ, инфлюенца, лихорадки, но у дѣтей дѣлаются воспаления, у молодыхъ людей кровотеченіе изъ носу и легкихъ, у взрослыхъ—удары и гипохондрическіе припадки.

Испаренія стоячихъ водъ и тающей земли въ мартѣ мѣсяцѣ также весьма вредны.

Долго запертыя мѣста, недоступныя возобновленію воздуха, производятъ часто внезапную смерть. Тоже дѣйствіе производитъ и скопленіе людей въ тѣсномъ пространствѣ, куда воздухъ не проходитъ, потому что оно тотчасъ же поглотитъ весь кислородъ, а выдохнетъ одинъ углекислый газъ и азотъ.

Въ 1756 году извѣстно ужасное происшествіе въ англійской факторіи форта Вильямъ (въ Калькуттѣ). Жестокій Бенгальскій губернаторъ заперъ сто сорокъ-пять мужчинъ и одну женщину, взятыхъ въ плѣнъ, въ такъ-называемую: *Черную пещеру*. На другой день осталось въ живыхъ только двадцать три человѣка; прочіе задохлись, переночевавъ на пространствѣ восемнадцати футовъ въ длину и ширину.

Процессъ гніенія происходитъ скорѣе въ запертомъ воздухѣ.

Извѣстно, что человекъ дышетъ не одними легкими, но и кожей, всасывающею не только сырость, но и все вредныя испаренія, газы и проч., находящіяся въ воздухѣ.

Болотный воздухъ составляетъ главнѣйшую причину царствующихъ въ иныхъ мѣстахъ эндемическихъ перемежающихся лихорадокъ. Въ иныхъ городахъ болѣзни эти владычествуютъ только по низменнымъ кварталамъ. Эти болотныя испаренія производятъ въ Германіи трехдневную лихорадку (*tertial feber*), въ Венгріи лихорадку съ пятнами, въ Египтѣ и Эіюпіи чуму. Въ Барбадосѣ пѣна стоячей воды составляетъ сильный ядъ, убивающій звѣрей, находящихся близъ этой воды.

Атмосфера измѣняется отъ вѣтровъ. О дѣйствіи вѣтровъ нельзя говорить вообще, потому что они дѣйствуютъ смотря по географическому положенію. Хваленый западный вѣтеръ (зефиръ), достигая въ Германію чрезъ Атлантическій Океанъ и Францію, приноситъ дожди и ослабленіе тѣла. Восточный вѣтеръ, болѣею частію, сухъ, лѣтомъ жарокъ, зимою суровъ, холоденъ и рѣзокъ: онъ производитъ воспаленіе горла и груди. Сѣверный вѣтеръ идетъ съ полюса, льдовъ и снѣговъ, а потому холоденъ, суровъ, рѣдко сыръ; онъ нездоровъ для слабыхъ натуръ, а особливо для ведущихъ сидячую жизнь. Въ Германіи хуже сѣвернаго сѣверо-восточный вѣтеръ. Южный вѣтеръ летитъ изъ Аравіи, Ливіи и песчаныхъ степей; но перелетая черезъ Средиземное море, онъ захватываетъ много водяныхъ паровъ. Онъ тепелъ и сыръ. Лѣтомъ производитъ онъ тяжелый, душный воздухъ, грозу и дождь, зимою туманы, дождь и снѣгъ. Онъ ослабляетъ тѣло и лишаетъ воздухъ электричества, дѣлая его удушливымъ. Въ жаркихъ климатахъ производитъ онъ губительные вѣтры: самумъ, хамсинъ, гарматтанъ и сирокко, которые часто умерщвляютъ все растительное царство.

И во Франціи дуетъ подобный вѣтеръ, называемый *Мистраль*. 30 іюля 1705 года опустошилъ онъ Мойшелье; термометры лопнули, часы перестали ходить и все растенія засохли. Только дождь спасъ самихъ жителей.

На Швейцарскихъ Альпахъ дуетъ подобный же вѣтеръ *Фенъ*. Въ Каирѣ случаются уже въ апрѣлѣ и маѣ такіе жаркіе вѣтры, что ихъ можно сравнить съ температурою нагрѣтыхъ печей: люди слабѣютъ, теряютъ аппетитъ и страдаютъ жаждою. Лучшее питье тогда вода съ уксуомъ, или лимоннымъ сокомъ и сахаромъ.

Впрочемъ, лѣтомъ вообще всякій вѣтеръ болѣе полезенъ, нежели вреденъ, разгоняя вредныя испаренія.

Можно почесть фактомъ, что все предметы, составляющіе главныя

условія жизни, какъ-то: свѣтъ, воздухъ, пища и проч., производить также всѣ возможныя болѣзни, если мы получаемъ ихъ не въ точномъ и соразмѣрномъ отношеніи къ человѣческому организму. Но столь же великою и испытанною истиною можно назвать и то, что если человекъ употребляетъ эти жизненные потребности въ надлежащемъ количествѣ и качествѣ, то безъ употребленія врачебныхъ средствъ избѣгнуть онъ разныхъ болѣзней, удручающихъ человечество.

Въ заключеніе укажемъ на атмосферный воздухъ, какъ на охранительное и лечебное средство.

Противъ обмороковъ, спячки, летаргіи, происшедшихъ отъ нечистаго воздуха и вредныхъ газовъ, чистый, свѣжій воздухъ на открытомъ мѣстѣ составляетъ первое спасительное средство, при обмываніи тѣла холодною водою.

Для дѣтей, страдающихъ англійскою болѣзнію, золотухою, сухоткою, дѣйствуетъ также благотворно пребываніе на чистомъ воздухѣ и солнечныхъ лучахъ. Если этихъ дѣтей носить или возить ежедневно 6—8 часовъ на солнцѣ и воздухѣ, то они скорѣе поправляются, нежели отъ медикаментовъ.

Перемѣна жилищъ изъ города въ деревню, или въ область высшаго географическаго положенія, дѣйствуетъ тоже съ большою пользою.

При перемежающихся лихорадкахъ, чего часто не въ состояніи сдѣлать лучшія лекарства, то дѣлаетъ перемѣна жилищъ съ низкаго мѣста на высокое.

Къ числу самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ лихорадокъ совѣтуютъ предпринимать путешествія въ воздушныхъ шарахъ на 10 или 20,000 футовъ высоты.

Противъ заразительныхъ лихорадокъ съ пятнами и гнилыхъ, противъ заразы отъ оспы, кори и скарлатины лучше всего чистый воздухъ, а особливо если человекъ, который боится, чтобы не заразиться, будетъ имѣть на воздухѣ столько движенія, что спотѣетъ. Черезъ то, еслибы зародышъ заразы и проникъ уже въ кровь, но съ потомъ онъ опять выйдетъ.

Люди, страдающіе одышкою, толстые, отъ 40 до 60 лѣтъ, у которыхъ легкіе завалены мокротою, у которыхъ геморрой и простудный ломъ, получаютъ облегченіе вседневнымъ движеніемъ на чистомъ воздухѣ и частымъ раскрытіемъ оконъ и дверей, даже зимою.

Люди, много работающіе у огня, какъ-то: кузнецы, слесаря и пр., часто страдаютъ удушьемъ. Чистый воздухъ и кофе лучшее средство противъ этого.

Излишняя боязнь простуды часто вредна, нежели полезна. Ком-

ната больного не должна быть днем теплѣе 12 градусовъ, только на ночь можно его переносить въ теплѣйшую комнату. Перемена комната тѣмъ полезна, что въ каждой можно до прибытія больного очищать воздухъ.

Отношенія атмосфернаго воздуха къ органической жизни человѣка еще во многомъ не изслѣдованы. Сама атмосфера одержима иногда болѣзнями безъ видимой перемены въ составѣ ея. На этомъ основано зарожденіе и распространеніе многихъ эпидемій. Первые, подвергающіеся этому зараженію, всего труднѣе вылечиваются, потому что надъ ними дѣлаютъ опыты средствъ къ прекращенію болѣзни.

Расположеніе жилыхъ комнатъ и сналенъ лучше всего на юго-востокъ, югъ, юго-западъ, иначе у нихъ мало солнечнаго свѣта. Всякое другое расположеніе сыро и нездорово.

Всѣ куренія въ комнатахъ порошками и духами болѣе вредны. Они льстятъ обонянію, но воздуха не очищаютъ. Въ комнатахъ у больныхъ, гдѣ нельзя часто впускать свѣжаго воздуха, лучше всего курить уксусомъ на плиткѣ, или прыская уксусомъ по полу. Въ предупрежденіе же зараженія обмывать себѣ руки и лице ароматическимъ растительнымъ уксусомъ.

IV. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, НОВОСТИ.

Гоголю. — Андерсонъ описываетъ слѣдующимъ образомъ резиденцію короля Сандвичевыхъ острововъ:

Широкія и правильныя улицы города снабжены мѣстами тротуарами и названы англійскими именами; но ни одна не вымощена и по нимъ поднимается такая же густая пыль, какъ на большой дорогѣ; впрочемъ каждая обсажена двойнымъ рядомъ акацій, или другихъ деревьевъ. По вечерамъ улицы не освѣщаются, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ домовъ, которыхъ хозяева обнаруживаютъ этимъ свое высокое общественное званіе.

Дома богатыхъ людей каменные, изъ большихъ кусковъ обтѣсанной лавы. Видъ ихъ чрезвычайно красивъ и постройка прочна. Но остальные дома всѣ деревянные самыхъ разнообразныхъ формъ: то низенькіе, какъ наши шалаши, то высокіе съ балконами и терасами: эти дома всегда окружены скверами, но цвѣтовъ въ нихъ очень мало.

Улицы всѣ прямыя. Пространства между домами заняты заборами въ два локтя вышины, болѣею частію изъ глины. Въ этихъ-то промежуткахъ устроены жилища туземныхъ островитянъ. Эти жилища издали совершенно похожи на стогъ сѣна. Они изъ тростника и устрое-

ны въ видѣ треугольника съ крышею, доходящею до земли и съ однимъ узкимъ отверстіемъ, служащимъ вмѣсто двери.

Только у самыхъ важныхъ островитянъ дома имѣютъ четыре стѣны въ два локтя высоты съ огромною надъ ними крышею въ видѣ зонтика, образующаго передъ домомъ тѣнистое мѣсто.

Такимъ образомъ городъ представляетъ странную смѣсь зданій, и, слѣдственно, не смотря на свои прямолинейныя улицы, кажется весьма неправильнымъ. Только мѣстами есть скопленіе домовъ, то чисто европейской архитектуры, то гавайскаго стиля. За то есть жилища самыя простыя и дешевыя, а именно: нѣсколько колевъ, надъ которыми повѣшена циновка для огражденія отъ солнца живущихъ подъ нею лицъ. И подобныхъ жилищъ много въ городѣ.

Въ городѣ много цистернъ и прудовъ, наполненныхъ рыбою. Лавокъ въ изобиліи по всемъ улицамъ, а китайскія отличаются отъ прочихъ. Большая часть продающихся здѣсь товаровъ привозится изъ Китая и торговля эта обыкновенно доставляетъ пятьдесятъ процентовъ барыша.

Въ здѣшней гавани всегда бываетъ до ста пятидесяти судовъ; черезъ гавань устроена судовая мостъ. У самаго моста стоитъ таможня, подлѣ которой расположены разнаго рода лавки. Противъ таможни большой трактиръ, гдѣ около груди дынь, палкалабаловъ и другихъ лакомствъ, собирается ежедневно множество людей и ведутъ шумные между собою разговоры. Здѣсь лучше всего можно изучить жизни гавайцевъ.

Домы европейцевъ отличаются своимъ комфортомъ. Англичане и американцы владѣютъ здѣсь и соперничаютъ между собою.

(Novell. Zeit.)

Респираторъ изъ древесныхъ угольевъ. Докторъ Стенгаусъ обнаружилъ о вновь устроенномъ имъ респираторѣ изъ древесныхъ угольевъ, которымъ воздухъ вдыхается ртомъ. Это вдыханіе происходитъ сквозь слой крупно истолченнаго угля въ четверть дюйма толщины, чрезъ что самая температура при вдыханіи возвышается.

Изобрѣтатель говоритъ, что подобный респираторъ истребляетъ дурной запахъ изо рта, случающійся у людей, страдающихъ грудными болѣзнями. Уголь поглощаетъ этотъ запахъ. Сверхъ того, вдыханіе воздуха посредствомъ респиратора весьма полезно, когда воздухъ зараженъ миазмами. Только тогда надобно имѣть предосторожность вдыхать ртомъ, а выдыхать носомъ.

Наконецъ изобрѣтатель хвалитъ свой респираторъ и по дешевизнѣ.

(Idem).

ЛОТЕРЕЯ БАРНУМА. Въ Америкѣ было время, когда лотереи очень любили. Теперь эта мода давно прошла. Всѣ поняли невыгоду этого рода удовольствій.

Въ изданной автобіографіи Барнума описываетъ онъ, какъ въ свое время воспользовался этою страстію съ большою для себя выгодой. Онъ торговалъ тогда бутылками и жестяными товарами. Но послѣдніе уже отъ времени залежались и почернѣли, а бутылки худо раскупались. Онъ вздумалъ разослать объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Разыгрывается большая лотерея. За пятьдесятъ центовъ (копѣекъ) выигрывается двадцать пять долларовъ (тридцать семь рублей). Выигрышей пятьсотъ, а билетовъ всего только тысяча! Выигрыши состоятъ изъ самонужнѣйшихъ товаровъ для домашняго употребленія!»

Все это было напечатано огромными буквами, и при каждой точкѣ нѣсколько восклицательныхъ знаковъ. Тогда тоже любили это; теперь уже знаютъ всѣ эти продѣлки.

Билеты разобраны были въ одинъ день. Никто не справился даже, какого рода эти товары. Назначенъ былъ день розыгрыша, и въ слѣдующіе дни должны были выигравшіе являться за своими товарами.

Одна дама, взявшая билетовъ на пять долларовъ, получила кусокъ тесьмы, коробочку со старыми иглками, шестнадцать жестяныхъ половниковъ, нѣсколько утюговъ и двѣнадцать бутылокъ. Она было просила промѣнять ей бутылки и жестяной товаръ на что-нибудь другое, но Барнумъ отвѣчалъ, что всѣ выигрыши заранѣе распределены и нельзя перебивать ихъ.

Другой, взявшій двадцать билетовъ, изъ которыхъ десять выигралъ, получилъ до сотни бутылокъ.

Нѣкоторые сердились, но большая часть смѣялась и находила, что въ объявленіи не было обмана.

Въ десять дней успѣлъ такимъ образомъ Барнумъ распродать весь свой товаръ за хорошую цѣну, и на деньги эти накупилъ опять новаго.

(Magaz. fur die Litt.)

ПОПУГАЙ ВЪ СНѢГУ. Въ Лейпцигѣ былъ въ одномъ домѣ попугай, очень хорошо выученный многими комическимъ фразамъ. Напримѣръ, когда праздные люди собирались у окна, на которомъ онъ стоялъ и дразнили его, онъ громко кричалъ: Что это за гадость!

Въ мартѣ нынѣшняго года вдругъ въ одинъ день выпалъ глубокій снѣгъ, а попугай, привыкшій гулять по всему дому, полетѣлъ въ садъ. Но какъ онъ ни ступалъ въ снѣгъ, то проваливался. При томъ же ощущеніе холода, весьма чувствительное для ногъ его, чрезвычайно было ему непріятно.

Домашніе побѣжали за нимъ и стали звать его, а онъ важно поднимая и отряхивая свои ноги, рѣзко кричалъ всѣмъ: — Что это за гадость! (Idem).

АУКЦИОНЪ АВТОГРАФОВЪ. — Недавно былъ въ Лейпцигѣ аукционъ у г. Гартунга, на которомъ продавалось множество автографовъ, между прочимъ было до шестидесяти писемъ Шиллера къ г-жѣ Вольцогенъ. Они куплены были за двѣсти тридцать талеровъ, и ихъ купилъ зять Шиллера, баронъ Глейхенъ. (Illustr.)

АМЕРИКАНСКІЕ ВЫБОРЫ. — Одинъ изъ извѣстныхъ ораторовъ Виргиніи хотѣлъ быть избранъ депутатомъ и сообщилъ объ этомъ своимъ друзьямъ. Всѣ совѣтовали ему лично объѣздить всю провинцію и вездѣ говорить избирателямъ рѣчи, обѣщая ему лучший со стороны ихъ приемъ, потому что они заранѣе разошлютъ письма о поѣздкѣ его.

Онъ отправился, но въ первомъ же городѣ увидѣлъ себя обманутымъ. Около него собралась самая немногочисленная толпа: прочихъ жителей было не видно. Тѣже произошло и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Чрезвычайно удивясь этому необыкновенному равнодушію, началъ онъ развѣдывать о причинахъ, и наконецъ узналъ, что вмѣстѣ съ нимъ развѣзжаетъ какой-то фокусникъ съ ученымъ медвѣдемъ, и вездѣ бѣгутъ болѣе смотрѣть на послѣдняго, нежели слушать политическія рѣчи кандидата.

Онъ тотчасъ же отправился къ фокуснику и сказалъ ему:

— Послушай, другъ, ты и твой медвѣдь, вы мнѣ дѣлаете большой вредъ. И друзья мои, и противники лучше хотятъ на васъ смотрѣть, нежели на меня. Вы дѣлаете хорошіе сборы. Ну, такъ я предлагаю тебѣ добавку къ сбору по десяти долларовъ въ день. Я буду ѣздить съ тобою, и каждый вечеръ, когда медвѣдь окончитъ свои штуки, я выступлю на подмостки и буду говорить рѣчь къ избирателямъ. Въ газетахъ будутъ можетъ быть смѣяться, что ты показываешь *двухъ* звѣрей, но все равно, лишь бы около меня собиралось много публики.

Торгъ былъ заключенъ, и съ той минуты кандидатъ вездѣ являлся послѣ представленій медвѣдя, чтобъ произнести самую важную, національную рѣчь. Американцы, привыкшіе къ разнымъ оригинальностямъ и *гумбугамъ*, не удивлялись этой новой выдумкѣ своего кандидата, а напротивъ того находили ее весьма *практическою*. Вездѣ говорили о немъ и о медвѣдѣ, и при выборахъ былъ онъ дѣйствительно избранъ. (Idem.)

ПАРИЖСКІЯ АФИШИ. — Первое, что путешественнику бросается въ

глаза въ Парижѣ, это безчисленное множество афишъ и объявленій разныхъ величинъ, цвѣтовъ, форматомъ, съ картинками и фотографіями, по ремеслу и промышленности каждаго. Вездѣ все расхвалено и представлено необходимымъ для удобства жизни, для комфорта и даже для сохраненія здоровья. Кто не покупаетъ всѣхъ этихъ вещей, тотъ дикарь. Здѣсь въ афишахъ найдете вы всю *цивилизацию*.

Напримѣръ, на табачной лавкѣ выставленъ портретъ Фридриха II, шахающій табакъ, и съ надписью *Au grand Frédéric*, а въ афишѣ описано, что онъ своею долголѣтнею жизнію и побѣдами обязанъ былъ употребленію табаку, какой здѣсь продается.

Мы не смѣемъ рассказывать о вывѣскахъ бабки повивальной. Это цѣлыя фамиліи сцены, которыя можетъ быть доказываютъ образъ жизни парижанъ, только не приличіе и не изящное чувство.

Но вотъ вывѣска дамы, занимающейся обрѣзываніемъ мозолей. Съ какою заботливостію представлена она на картинѣ, производящая самыя трудныя операціи надъ ногами стариковъ, и какъ все это чувствительно описано въ афишахъ!

Вотъ и *Salons épilatoires*. Здѣсь вырываютъ все сѣдые волосы, и на картинѣ представлены старики, превращающіеся въ юношей.

Вотъ магазинъ модистки съ огромною надписью: *A la tentation*.

Однимъ словомъ, можно изъ парижскихъ афишъ и вывѣсокъ составить самую любопытную и поучительную книгу, и это былъ бы лучший образчикъ западной цивилизаціи. (Idem).

Ручной журавль.—У Зейфertiца есть журавль, котораго онъ съ малолѣтства воспиталъ и который потомъ ходилъ всегда за хозяиномъ, какъ собака, во время прогулокъ. На дворѣ онъ хозяйничаетъ, разгоняетъ собакъ, когда тѣ дерутся, провожаетъ въ полѣ стадо, загоняетъ отставшихъ и смотритъ, чтобъ лошади стояли смирно.

Если онъ голоденъ, то идетъ къ окну кухни и кричитъ; если поставленная ему вода застоялась, онъ опрокидываетъ ее и кричитъ надъ нею, чтобъ дали свѣжей. Зимніе морозы не производятъ надъ нимъ никакого впечатлѣнія.

Однажды онъ увидѣлъ какъ изъ ружья застрѣлили дикаго журавля и очищали потомъ на дворѣ пожесть. Онъ разсердился и началъ клевать чистильщиковъ, но съ-тѣхъ-поръ ужасно боялся всякаго пожа.

Въ особенной дружбѣ былъ онъ съ быкомъ, посѣщая его въ коровникѣ, отгоняя отъ него мухъ и отвѣчая на его ласковое мычанье,

проводжалъ его въ поле, игралъ передъ нимъ и дѣлалъ разныя шалости. Если хозяинъ бранилъ его за что-нибудь, то онъ склонялъ голову къ землѣ или пряталъ ее въ перья, выжидая, чтобъ гнѣвъ прошелъ.

(Athenaeum).

ГЕНРИХЪ ІХ, КОРОЛЬ АНГЛІЙСКІЙ. — Въ исторіи Англіи конечно нѣтъ Генриха ІХ, потому что съ умершимъ въ 1547 году Генрихомъ VIII кончился рядъ этихъ королей, но въ Household-Words Диккенса говорятъ, что у одного англичанина есть медаль съ рельефнымъ портретомъ и съ надписью: «Henr. IX Mag. Brit. Fr. Et. Hib. Rex. Def. Card.» На другой сторонѣ надписи видѣнъ большой крестъ, который держитъ въ рукахъ своихъ Пресвятая Дѣва. Левъ съ печальнымъ выраженіемъ во взорахъ лежитъ у ногъ ея и глядитъ на британскую корону. Позади видѣнъ мостъ и холмы съ церковью, изображающею храмъ Св. Петра въ Римѣ.

Англичанинъ, владѣющій этою медалью, приобрѣлъ ее слѣдующимъ образомъ. Въ то время, какъ англійское войско стояло въ Калабріи для защиты неаполитанскаго короля Фердинанда VI противъ Бонапарте, одинъ англійскій офицеръ случайно отсталъ отъ своего полка и блуждая близъ Канна въ провинціи Базиликата, въ тылу корпуса Массены, гдѣ ежеминутно подвергался опасности попасть въ плѣнъ, скрылся въ одной виллѣ у большой дороги.

Гостепріимно былъ онъ встрѣченъ почтеннымъ хозяиномъ, который былъ повидимому кардиналомъ и принималъ сильное участіе въ судьбѣ англичанина. Это возбудило любопытство послѣдняго. Онъ спросилъ: съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить? и получилъ въ отвѣтъ:

— Съ Генрихомъ ІХ.

Офицеръ разумѣется удивился, а хозяинъ подаль ему медаль, которую мы описали. Она была вычеканена дабы сохранить воспоминаніе о прямой династіи Стюартовъ въ лицѣ воображаемаго наследника, іоркскаго кардинала, герцога Генриха.

У этого-то Генриха Стюарта англійскій офицеръ нашелъ убежище.

Извѣстно, что этотъ кардиналъ былъ всю свою жизнь кумиромъ тѣхъ, которые мечтали о возстановленіи Стюартовъ. Онъ былъ второй сынъ претендента и родился въ Римѣ 26 марта 1725 года. Когда ему минуло двадцать лѣтъ, въ 1745 году, онъ отправился во Францію, чтобъ изъ Дюнкерхена съ 15,000 французами переправиться въ Англію для возстановленія дома Стюартовъ. Но по полученіи извѣстія о Куллоденскомъ сраженіи, эта экспедиція была отмѣнена. Генрихъ воз-

вратился въ Римъ, вступилъ въ духовное званіе и, повидимому, отказался отъ всѣхъ мірскихъ плановъ. Бенедиктъ XIV возвелъ его, въ 1747 году, въ кардинальское достоинство.

Почти полвѣка жилъ онъ спокойно въ Римѣ, какъ вдругъ французы изгнали оттуда папу Пія VI. Тогда Генрихъ Стюартъ тоже принужденъ былъ бѣжать и скрыться въ одномъ изъ своихъ замковъ въ неаполитанской области, гдѣ жилъ въ большой нуждѣ.

Сирь Джонъ-Коксъ-Гипписли представилъ Георгу III о бѣдности этого потомка Стюартовъ, и король велѣлъ ему выдать, въ 1800 году, двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, съ назначеніемъ ему ежегоднаго пособия по 4000 фунтовъ стерлинговъ.

Семь лѣтъ пользовался онъ этою щедростію и скончался въ Римѣ въ 1817 году, 83 лѣтъ. Онъ погребенъ въ Фраскатти, между своимъ отцомъ и братомъ. На гробницѣ его, работы Кановы, сдѣлана надпись: «*Генрихъ IX.*»

По смерти его найдены бумаги, доказывающія, что во все это время имѣлъ онъ много приверженцевъ въ Ирландіи и Шотландіи, мечтавшихъ о возстановленіи дома Стюартовъ. (Novell. Zeit.)

ЧТО ЖЕНЩИНЫ ДЕРЖАТЪ ВЪ РУКАХЪ. Мужчины на улицѣ, или на гуляньи, держать въ рукахъ трость или палку, или, какъ четвертый конюшій на погребеніи Мальбрука—ходятъ съ пустыми руками. Женщины же часто мѣняли предметы, занимающіе ихъ руки. Платокъ, вѣеръ, ридикюли и другія игрушки являлись въ ихъ рукахъ попеременно, смотря потому, что было въ модѣ.

Кажется, что прежде всего вошло въ моду носить въ рукѣ гибкую трость, хотя немного странно видѣть ее въ женскихъ рукахъ. По исторіи видно, что Констанція, вторая супруга короля Роберта, имѣла привычку держать въ рукѣ трость и что всѣ дамы переняли это. При Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI придворныя дамы ходили съ палочками, потому что высокіе каблукы и неловкая одежда затрудняли походку. Эта мода возобновилась при началѣ имперіи и теперь еще у Вердье есть тросточки, до того красныя и богатыя, что нѣкоторыя дамы покупаютъ ихъ на лѣто, чтобъ опираться отъ усталости и отбрасывать съ дороги вѣтви и камешки. Вообще же палки остаются только печальною принадлежностію болѣзни или старости.

Вѣеръ былъ необходимою женскаго туалета почти во всѣхъ странахъ и принадлежитъ къ самой отдаленной древности. Индія, Китай, Римъ и современная Европа видятъ женщинъ съ опахалами въ рукахъ, и этотъ инструментъ можетъ быть украшенъ великолѣпно, можетъ быть

легокъ, гибокъ и краснорѣчивъ какъ рука. Онъ приказываетъ, призываетъ, отталкиваетъ и можетъ выражать все чувства хозяйки. По движеніямъ вѣтра, то скорымъ, то медленнымъ, можно отгадать волненіе той, которая его держитъ. Вѣтеръ скрываетъ иногда смущеніе, иногда улыбку, иногда блескъ глазъ.

Первые онахала были сдѣланы изъ перьевъ, какія и теперь вошли недавно въ моду.

При Людовикѣ XIV женщины вездѣ носили съ собою маленькое зѣркало и поминутно смотрѣлись въ него. Это понятно, потому что тогда прическа часто перемѣнялась и была очень сложная, такъ что надобно было часто поправлять ее. Извѣстенъ анекдотъ, что во время охоты въ Венсенѣ вѣтеръ испортилъ прическу красавицы Фонтанжъ и она сняла голубую ленту, служившую ей подвязкою и завязала ее вокругъ головы. Король нашелъ эту выдумку оригинальною и все женщины начали носить ленты вокругъ головы, которыя сохранили имя изобрѣтательницы прически. Только надобно было поминутно смотрѣться въ зѣркало, чтобъ удостовѣриться на мѣстѣ ли *фонтанжъ*.

Муфты тоже принадлежатъ древности; но такъ какъ мѣха имѣли право носить только вельможи, то ихъ носили не только зимою, но круглый годъ, мужчины и женщины. Мужчины носили муфты до самой революціи. Въ послѣднее время монархіи, вмѣстѣ съ муфтами, были въ большой модѣ маленькія собачки, такъ что на гуляньи и въ гостяхъ изъ каждой муфты выглядывала непременно черная или бѣлая мордочка.

Отъ царствованія Франциска I до Людовика XVI женщины держали въ рукахъ черную полумаску, которою покрывали лице на воздухѣ. Этимъ долго сохраняли свѣжесть и нѣжность кожи. Впрочемъ, свѣжесть была не необходима, потому что все женщины румянились, какъ римскіе побѣдители, съ триумфомъ въѣзжавшіе въ столицу.

Зонтикъ, гораздо полезнѣе маски и вѣтра, вошелъ въ употребленіе довольно поздно. При Карлѣ V онъ былъ извѣстенъ, но все-таки отъ солнца закрывались кашшопами и покрывалами. Но тогда средній классъ не существовалъ и богатія женщины были защищены экипажами, тогда какъ бѣдныя не прятались отъ солнца. Зонтикъ началъ играть важную роль вмѣстѣ съ усиленіемъ средняго класса общества, жены котораго не имѣли экипажей, но хотѣли сохранить свою свѣжесть. Съ-тѣхъ-поръ зонтики приняты всеми и дошли до великолѣнія.

Въ древности женщины носили на кушакѣ мѣшечекъ со всеми принадлежностями работы; потомъ явились ридикюли, которые носили на рукѣ и которые нѣсколько разъ перемѣняли форму. Теперь карманы въ

платьяхъ сдѣлали эти мѣшки не нужными и ихъ видно только у хозяекъ, дѣлающихъ закупки.

За то модницы начали вертѣть въ рукахъ флаконы съ духами, чтобы занять чѣмъ-нибудь свою праздность и бездѣйственность.

Было время, что молоденькія и хорошенькія женщины держали въ рукахъ красивую золотую табакерку и нюхали табакъ. Но этотъ капризъ не вошелъ во всеобщую моду, потому что хорошенькіе носы боялись покраснѣть.

Носовой платокъ всегда можетъ занять руки женщинъ, и роскошью его хвастаютъ. Говорятъ, что Габріель д'Эстре купила себѣ платокъ въ тысячу девятьсотъ экю. Платокъ герцогини де Гизъ, вышитый ея гербами и забытый у Сень-Мегрена, былъ причиною ужасной драмы.

Въ наше время платки вышиваются и украшаются съ большою роскошью, и нѣкоторыя женщины умѣютъ играть ими также граціозно какъ вѣромъ. Даже мужчины начинаютъ теперь носить изящные платки.

Но изъ всѣхъ предметовъ, носимыхъ въ рукахъ, букетъ всего красивѣе. Составленіе букетовъ сдѣлалось теперь искусствомъ, и цвѣты превосходно согласуются съ красотою женщины. Букеты хороши еще тѣмъ, что принимаются отъ всѣхъ, какъ бы они ни были рѣдки и не означаютъ ничего, кромѣ вѣжливости.

Къ намъ не перешла восточная наука, скрывающая цѣлыя рѣчи въ цвѣткѣ; да и зачѣмъ выражаться цвѣтами, которыхъ трудно найти, когда во всякій букетъ можно спрятать записку и высказаться на словахъ.

(Le Voleur).

Благодѣтели челоѵчества въ Англіи. Англія почитаетъ благодѣтелями челоѵчества и особенно Британіи: садовника Карла II, Роза, который первый выростилъ ананасы; сира Вальтера Ралей, привезшаго картофель; сира Антони Ашлея, посадившаго первый кочанъ капусты; сира Б. Вестона, вывезшаго трилистникъ изъ Фландріи; кардинала Поля, который при Генрихѣ VIII посадилъ финиковое дерево; Спельмана, учредившаго въ Дартфордѣ первую бумажную мельницу и посадившаго въ 1390 году двѣ первыя липы, которыя и теперь показываютъ въ Дартфордѣ. Лордъ Томасъ Кромвель оказалъ то же большую услугу Англіи, привезя три сорта яблонь; Эвелингъ умножилъ дубы; Тампліеры развели въ Кентѣ вишневое и тутовое дерево, привезенныя съ востока.

(Athenaeum).

Новое лекарство. Одинъ нѣмецкій врачъ, давно уже поселившійся въ

Мексикѣ, открывъ, что ядъ одной змѣи, привитый къ людямъ, предохраняетъ отъ желтой горячки и отъ vomito negro. Этотъ ядъ прививается точно также какъ оспа и производитъ все признаки желтой горячки въ слабой степени. Замѣчательно, что прививаніе яду не производитъ никакого дѣйствія на тѣхъ, которые уже страдали этими двумя болѣзнями. Нѣсколько государственныхъ людей и до пятисотъ военныхъ привили себѣ ядъ, найденный докторомъ, и если въ самомъ дѣлѣ средство его действительно противъ двухъ ужасныхъ болѣзней, истребляющихъ народъ тысячами, то врачъ можетъ похвастаться истиннымъ благодѣтелемъ жаркихъ странъ. Наступающее лѣто докажетъ, помогаетъ ли его прививка. (Idem).

Любопытный расчетъ. Въ часъ солдатъ проходитъ обыкновеннымъ маршемъ 6 километровъ, тихимъ шагомъ 3; римскій солдатъ проходилъ 6 километровъ; лошадь тихимъ шагомъ дѣлаетъ 5, скорымъ 11, въ галопъ 23, на скачкахъ 48; локомотивъ съ экстреннымъ поѣздомъ дѣлаетъ 50 километровъ, съ самою большою быстротою 100; приливы на мысѣ Доброй-Надежды заливаютъ въ часъ 622 километра; теченіе Сены дѣлаетъ отъ двухъ до трехъ километровъ, Моозель отъ 2 до 9; пароходы отъ 7 до 22 километровъ; вѣтеръ отъ 3 до 104 километровъ; звукъ въ воздухѣ отъ 1 до 228, въ водѣ отъ 5 до 148, въ желѣзѣ отъ 12 до 600, въ землѣ отъ 100 до 410, свѣтъ дѣлаетъ въ часъ трильонъ километровъ, электричество въ пятую часть секунды облетитъ весь земной шаръ. (Musée des fam).

Достоинныя кости. Въ верхнемъ Миссури есть земля, прозванная *Дуриною*. По всемъ вѣроятностямъ, на мѣстѣ этомъ было обширное озеро, въ которомъ погибли тысячи животныхъ, исчезнувшихъ съ земнаго шара. Должно быть, что во время землетрясенія воды озера ушли во внутренность земли и дно озера высохло. Равнина, образовавшаяся такимъ образомъ, имѣетъ 144 километра длины и 48 ширины. Вся она покрыта грудями окаменѣлыхъ костей допотопныхъ животныхъ, форма которыхъ сохранилась превосходно. Замѣчательны двѣ породы носороговъ, первые, которые найдены въ Америкѣ, и пантера маленькихъ размѣровъ. Кромѣ того, найдено много такихъ новыхъ породъ, о которыхъ никто не имѣетъ понятія.

Американское объявленіе. Одна дама помѣстила въ журналѣ Санъ-Франсиско слѣдующее объявленіе:

«Мнѣ минуло двадцать лѣтъ, но я выйду замужъ черезъ два года.

Я окончила воспитаніе въ Маріетскомъ училищѣ, люблю заниматься всеми женскими работами, пеку хлѣбы, пироги, стираю бѣлье. Я умѣю вышивать и шить бѣлье. Умѣю кататься на конькахъ, ѣздить верхомъ, играть на фортепiano, танцовать, вязать, словомъ — все, что дѣлаетъ нашъ полъ. Что же касается до набѣдничества, я предлагаю слѣдующее пари. Пусть кто-нибудь приведетъ двѣ лошади: я выберу одну изъ нихъ, и поскачу на ней; если кто на другой можетъ меня догнать, то я буду принадлежать ему, если же не поймаютъ, то лошадь будетъ моею.» (Idem).

Старый цвѣтокъ. Лордъ Линдсей, путешествуя по Египту, нашелъ мумію, по иероглифамъ которой узналъ, что ей не меньше двухъ тысячъ лѣтъ. Разматривая эту древность, онъ нашелъ въ рукѣ муміи какой-то корень. Желая знать сколько времени можетъ продолжиться растительная жизнь, лордъ Линдсей посадилъ этотъ корень на мѣстѣ открытомъ, не защищенномъ ни отъ солнца, ни отъ дождя. И чтожь? Черезъ нѣсколько недѣль корень началъ расти, распускаться, цвѣсти и сдѣлался великолѣпною даліею. (Idem).

V. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ.

Поездка въ тележкѣ по Аргентинской области. Переездъ мой происходилъ между Розаріо, небольшимъ городомъ провинціи Санта-фе, и Кордовою, главнымъ городомъ той же провинціи. Это разстояніе составляетъ сто французскихъ лье (400 верстъ). Для этого переезда есть пять средствъ. Путешественникъ выбираетъ по своему вкусу.

Во-первыхъ есть дилижансы, которые, смотря по погодѣ, проѣзжаютъ это пространство въ три, четыре дня. Но этотъ дилижансъ — чрезвычайно тѣсный и узкой ящикъ, впускающій въ себя всю пыль, но не выпускающій человѣческихъ испареній. А какъ я небольшой любитель тѣсноты и духоты, то и не выбралъ этого средства сообщенія.

Второе средство — *галеръ*, это большія шести-мѣстныя кареты. Вся выгода ихъ противъ дилижансовъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ надобно влѣзть, приставя высокую лѣстницу.

Третье средство — верхомъ. Скорость зависитъ отъ привычки. Есть люди, которые совершаютъ этотъ переездъ въ два дни. Другіе употребляютъ недѣлю. Я былъ бы изъ послѣднихъ, и все-таки пріѣхалъ бы измученный.

Остается пятое: ѣхать въ тележкѣ. Въ этомъ экипажѣ перевозятъ здѣсь все товары, и тележки всегда ѣздятъ караванами. Здѣсь путешествен-

никъ пользуется чистымъ и открытымъ воздухомъ въ продолженіе двухъ недѣль и даже восемнадцати дней. Если у кого хорошія ноги и прочная обувь, если кто охотникъ, тотъ вмѣстѣ съ путешествіемъ можетъ дѣлать прогулки и стрѣлять дичь.

Я выбралъ тележки. Онѣ построены все изъ дерева, и колеса и ось. Но дерево это такъ крѣпко, что прочіе желѣза: дерево это называется *амгараббо*. Диаметръ колесъ у тележекъ до восьми футовъ; кузовъ же еще на столко выше, и такимъ образомъ путникъ ѣдетъ на высотѣ двѣнадцати футовъ и болѣе; длина тележки до четырнадцати футовъ. За то она узка. Къ этому экипажу запрягаютъ по шести быковъ, но два въ рядъ. Проводникъ правитъ ими посредствомъ весьма длинной гибкой трости, вооруженной острымъ. Кузовъ тележки сдѣланъ изъ сплетенныхъ прутьевъ, обшитъ внутри мѣшками съ соломой; а верхъ покрытъ шкурами, плотно сшитыми между собою.

Эта внутренность была бы очень удобна для сидѣнья, еслибъ она не завалена была разнымъ товаромъ до двухъ третей вышины всего кузова. Хорошо, кому подъ ногами достанется прямолинейное основаніе сундуковъ, ящиковъ и т. п. Но случаются и корзины съ фаянсовою и стекляною посудой, или мѣшки съ *ербою* (*yerba*). Притомъ же, путешественникъ не иначе влѣзаетъ на свое мѣсто, какъ на четверенькахъ, и долженъ сидѣть или лежать, какъ удобнѣе—для товаровъ. Подлѣ него располагается кучеръ съ своимъ двухъ-саженнымъ бичемъ. Слѣзть на землю и влѣзть на верхъ требуется большой смѣлости и искусства: тутъ нѣтъ лѣстницъ, а надобно цѣпляться сперва по колесу, а тамъ ползти въ кузовъ.

Есть еще маленькая непріятность. Это нападенія индѣйцевъ. Дилижансы, кареты и всадники безопасны отъ нихъ, но на тележки съ товаромъ они всегда нападаютъ, и чаще всего на почлегѣ. Они вооружены копьями, стрѣлами и *боласами*. (Боласы два толстые шара, связанные между собою ремнемъ: это самое убійственное оружіе).

Впрочемъ, противъ индѣйцевъ можно всегда идти смѣло: пять, шесть человекъ, за оградой телегъ, отразятъ пятьсотъ трусливыхъ дикарей. Но къ нимъ очень часто присоединяются и европейской породы разбойники—*гаучо*, которые сами вооружены хорошими карабинами, а *пионы* (кучера) вооружены только ножами и не любятъ драться; остается самымъ пассажирамъ отражать нападенія, тогда какъ *пионы* и начальники каравана (траперо) съ помощниками (капетазъ) разбѣгаются.

Не смѣтра на все это, мы отправились. Намъ было шесть пассажировъ. Мы сперва условились во всемъ, что касается до защиты. У двухъ нѣмцевъ были два охотничьихъ двуствольныхъ ружья; третій пу-

тешественникъ былъ старый солдатъ съ фронтovýmъ ружьемъ. *Транеро* общалъ четвертому свой собственный карабинъ. Наконецъ я съ товарищемъ были вооружены съ головы до ногъ, и мы могли вызвать на бой цѣлую армію индѣйцевъ.

На *транеро* и *капатаза* мы не надѣялись. Они ничего не вида дрожали отъ всякаго шума. Дорогою вездѣ имъ разсказывали ужасныя исторіи о грабежахъ и убійствахъ.

Увы! мнѣ очень жаль, что въ моемъ разсказѣ не могу помѣстить ни одной сцены разбойниковъ. Какъ мы ни готовились, какъ піоны ни трусили, мы не видали индѣйцевъ.

Впрочемъ, я *одного* видѣлъ, уѣзжая изъ Розаріо; а когда знаешь одно-го, знаешь всю націю. Съ виду кажется, что все это близнецы одной общей матери, и я готовъ утверждать свою философическую и физиологическую тезу, что всѣ первобытные дикіе народы должны быть одинаковыхъ фзіономіи, и только по мѣрѣ развитія образованности происходить разнообразіе лицъ и очерковъ.

Дневной переходъ каравана составляетъ не болѣе двухъ лѣ. Прибывъ на избранное для почлега мѣсто, піоны распрягаютъ быковъ и тѣ сами идутъ пить вмѣстѣ со стадомъ, которое всегда идетъ вмѣстѣ съ караваномъ. Потомъ разводять костры и всѣ принимаются сосать *болбиллу*.

Болбилла и питье, для котораго этотъ инструментъ служить, болѣе распространены въ Южной Америкѣ, нежели чай въ Англии и кофе во Франціи. Сосудъ для питья обыкновенно дѣлается изъ коры небольшой тыквы, которой даютъ высохнуть. Она отвердѣетъ, какъ орѣховая скорлупа, и въ нее-то наливаютъ мелко-искрошенную *ербу*.

Я не видѣлъ самаго дерева, дающаго *ербу*. Въ торговлѣ она представляется въ видѣ зеленоватой пыли отъ истершихся у нихъ листьевъ со стебельками этихъ же листовъ. Лучшая *ерба* получается изъ Парагвая. Дешевѣйшая, и слѣдственно наиболѣе употребляемая—изъ Бразиліи. *Ербу* всегда посыпаютъ сахаромъ, потомъ наливаютъ на нее кипятку, и питье готово. Тогда пьютъ посредствомъ тонкой трубочки, которая на концѣ шире и съ нѣсколькими дырочками, чтобъ жидкость проходила одна безъ травы и стеблей.

И все это, вмѣстѣ взятое, сосудъ и питье называется *шате*. Осушивъ одно *шате*, наливаютъ еще кипятку, не прибавляя уже сахару, и такимъ образомъ повторяютъ нѣсколько разъ, не возобновляя *ербы*.

Южно-американскіе жители разъ по сту пьютъ въ день *шате*, и дома, и на поляхъ, и въ театрѣ.

Въ Монтевидео пилъ и я изъ учтивости *шате*, потому что обидно

отказать предлагающему. Но мнѣ не понравился этотъ напитокъ; безъ сахару въ немъ есть горечь, а съ сахаромъ непріятная сладость. Шате замѣняетъ чай и кофе, не имѣя горячительныхъ свойствъ ихъ. Онъ утоляетъ жажду и даже голодь. Съ однимъ *шате* гаучо можетъ быть безъ пищи нѣсколько дней.

Послѣ *шате* начинается *асадо*. Это изжаренная на огнѣ говядина, которую на вертелѣ подставляютъ къ огню попеременно со всѣхъ сторонъ. Говядина сверху подгоритъ, но внутри сохранить весь сокъ и черезъ нѣсколько минутъ жаркое готово. Вилочъ, конечно, нѣтъ ни у кого. Да и на что? Вѣдь ни блюдо, ни тарелокъ тоже нѣтъ. Но у всякаго есть ножъ и сколько можно острый. Когда піонъ подноситъ вамъ кусокъ, говоря: «*Toma, companero!*» то вы пальцами лѣвой руки схватываете мясо, а правую отрѣзываете себѣ кусокъ на воздухъ, и на здоровье кушаете, а главный кусокъ передается отъ одного къ другому.

Асадо не всегда бываетъ одно блюдо. Иногда угощаютъ и *пучеро*. Это родъ бульона изъ такого мяса, которое полагается негоднымъ на жаркое по преклонности лѣтъ.

Можетъ быть покажется страннымъ, что жаркое ѣдятъ прежде супа; но это дѣло привычки и даже необходимости. Прежде всего поспѣваетъ жаркое, и его ѣдятъ первымъ. Супу нужно часа два вариться, и онъ бываетъ всегда вторымъ блюдомъ.

Хлѣба, соли, вина и кофе никогда не бываетъ, развѣ кто запасся на дорогу. Но повѣрьте, что и къ этимъ недостаткамъ можно привыкнуть.

Послѣ обѣда (онъ же и ужинъ) укладываются всѣ спать. Въ Европѣ для этого раздѣваются. Здѣсь одѣваются во все, что есть теплѣе, потому что послѣ дневнаго жара ночи очень холодны. А если вы запаслись матрасомъ, то лягте лучше *подъ* него, а не *на* него.

Поутру нѣтъ завтрака и мыться нечѣмъ. Вода изъ болотъ негодится для лица.

Піоны здѣсь не жадны къ деньгамъ, и слово *на водку*, столь употребительное въ Европѣ, имъ неизвѣстно. Они никогда не попросятъ у васъ денегъ, но зато безъ церемоніи спросятъ сигару, или чтонибудь съѣтное.

Всякій день на ночлегъ бьютъ обыкновенно по два быка и ихъ называютъ *транеро*. Піоны тотчасъ же садятся верхомъ: одинъ бросаетъ свое *пазо* быку около шеи, другой въ ноги. Быка сваливаютъ, и остальные піоны тотчасъ же рѣжутъ его. Кости, шкура, внутренности, все оставляется на мѣстѣ, и индѣйцы подбираютъ ихъ.

Что сказать о пройденной мною странѣ? Куперь описаль *равнины* и послѣ него сказать нечего. Изрѣдка попадаются стада дикихъ быковъ, лошадей, которые впрочемъ вовсе не дичатся, потому что всегда съ любопытствомъ останавливаются и разсматриваютъ караванъ, долго провожая его, если не видятъ никакого враждебнаго движенія противъ себя. Въ противномъ случаѣ всѣ исчезаютъ въ дикомъ галонѣ.

Въ Кордовской провинціи много дичи, и четвероногой и пернатой. Я не зоологъ и не могу выставить всѣхъ латинскихъ названій этихъ породъ. Я простой охотникъ и всегда раздѣлялъ этихъ животныхъ на двѣ отличительныя породы. Одни бѣгутъ и улетаютъ отъ человѣка; другіе не боятся его приближенія. Будьте увѣрены, что первыя вкусны при употребленіи въ пищу, а вторыя никуда негодятся.

Есть нѣкоторыя и любопытныя животныя. Напримѣръ: *Блекача*, родъ кролика, котораго не ѣдятъ. *Саралло*, маленькая лисица, защищающаяся отъ враговъ ѣдкою и зловонною своею уриною. *Мулитто*—безобразный звѣрекъ, весь въ чешуяхъ, изъ подъ которыхъ выходитъ маленькая голова, какъ у черепахъ, четыре лапы съ когтями и большой хвостъ, какъ у крысы. Этого звѣря ѣдятъ здѣсь съ удовольствіемъ.

Но вотъ мы переправились черезъ *Арайо-сегундо*. На горизонтѣ видны горы *Сиерра-де-Сант-Роко* и *Сиерра-Кордово*. Піоны испустили радостный крикъ. Это значитъ конецъ путешествію. Значитъ пора и мнѣ кончить свой рассказъ. (Revue Contempor.)

VI МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ.

Дикъ и Дакъ (разсказъ Шарля Дем).—Люди благоразумные! закричалъ Сильвестръ.

— Нѣтъ, безумные! отвѣчалъ я.

— Я правъ.

— Нѣтъ, я!

Дѣло шло о томъ, кто счастливѣе: разумные или сумасшедшіе, и я съ Сильвестромъ не могъ никакъ рѣшить этого, сидя передъ каминомъ, въ холодный, зимній вечеръ.

Разумѣется, что мы разумными людьми не почитали людей умныхъ и гениальныхъ, но только людей обыкновенныхъ, разсуждающихъ, имѣющихъ хотя немного смысла, не лишенныхъ никакого органа.

Подъ именемъ безумныхъ понимали мы лунатиковъ, пдіотовъ, кретиновъ, но не бѣшеныхъ.

Другъ мой Сильвестръ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ противорѣчить мнѣ на каждомъ шагѣ. Наконецъ, мнѣ надоѣло спорить и я сказалъ:

— Хочешь, я докажу тебѣ мое мнѣніе примѣромъ.

— Твои сказки не увѣрятъ меня ни въ чемъ.

— Но я расскажу тебѣ истинное происшествіе; я самъ зналъ и видѣлъ героевъ его.

— Пожалуй, рассказывай,—только дай мнѣ прибавить дровъ въ каминъ, налить стаканы и закурить трубку... чтобъ слушать съ большімъ вниманіемъ, и не прерывать твоей исторіи.

— Готовъ ли ты? сказалъ я съ досадою.

— Начинай.

И я началъ мой рассказъ:

— Я часто говорилъ тебѣ о Моріенцѣ, этой бѣдной, жалкой провинціи Савойи. Каждый годъ я ѣздилъ на каникулы къ одному доброму старичку, другу моего отца. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я эпохи этого отъѣзда, чтобъ опять увидѣть дикую, живописную страну, высокія горы, покрытыя соснами, темныя долины, гдѣ слышится вѣчный ропотъ потоковъ. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на бѣдныя деревни, состоящія изъ хижинъ, покрытыхъ соломой, крыша которыхъ доходитъ до земли. Эти жалкія жилища должны непременно походить на норы бобровъ въ Америкѣ, но иногда жители не въ состояніи выстроить себѣ лачужки и живутъ то въ ямахъ, то въ расщелинахъ скалъ, гдѣ укрываются цѣлыя семейства, получая воздухъ и солнце изъ единственнаго отверстія, служащаго имъ дверью и окномъ.

Бѣдные моріенцы такъ обижены природою, что не имѣютъ даже инстинкта пчель, муравьевъ и бобровъ.

Слабые, блѣдные, глухие, иногда идиоты, всегда съ зобами, они живутъ жизнью растений и мадрепоровъ: только ходятъ, двигаются, говорятъ.

И чтожъ? не смотря на все безобразіе и несчастія, они все-таки счастливы. Да, я утверждаю, что они счастливы, потому что это доказываютъ ихъ свѣтлые, кроткіе взгляды, ихъ добродушная улыбка. Они лишены всего, но ничего и не желаютъ; она обижены всѣмъ, но, не имѣя понятія о лучшемъ состояніи, не сожалеютъ о немъ.

Гора даетъ имъ убѣжище, защищаетъ ихъ и иногда кормитъ. Нѣкоторыя домашнія животныя—ихъ друзья и почти братья—одѣваютъ ихъ своею шерстью, даютъ имъ молоко—вотъ вся жизнь бѣдныхъ моріенцевъ, и эта жизнь можетъ назваться счастіемъ въ сравненіи съ страшнымъ существованіемъ нищихъ въ большихъ городахъ. Тутъ по крайней-мѣрѣ несчастные не задыхаются въ погребяхъ или чердакахъ, не переносятъ униженій, притѣсненій, не умираютъ съ голода, но дышатъ воздухомъ Альповъ, двигаются на свободѣ.

Впрочемъ, моріенцы такъ жалки, что никому не можетъ придти

въ голову тиранить ихъ и употребить въ свою пользу ихъ кровь и потъ. Никто не заботится о нихъ, и они совершенно беззаботны. Вотъ отчего тѣ, которые посѣщали Моріенъ, всегда удивлялись добродушному и трогательному выраженію фізіономіи жителей.

Между этимъ народонаселеніемъ идіотовъ встрѣчаются даже типы, полныя поэзіи и прелести.

Не улыбайся, Сильвестръ: я тебѣ докажу это.

Я былъ расположенъ ко всеѣмъ бѣднымъ моріенцамъ, но двухъ изъ нихъ любилъ въ особенности и былъ счастливъ, что могъ называться ихъ другомъ.

Это были братья близнецы. Никто не зналъ, сколько имъ лѣтъ; въ деревнѣ ихъ почитали уже взрослыми, но они казались дѣтьми.

Немногіе помнили мать близнецовъ, которые однако думали все о ней, хотя уже давно, очень давно остались сиротами.

Оба были идіоты и нѣмые. Богъ отказалъ имъ въ разумъ и словъ... но въ нихъ былъ сердечный инстинктъ, замѣнявшій все способности, все преимущества людей.

Вообрази себѣ двухъ карликовъ, трехъ футовъ вышины, блѣдныхъ, слабыхъ, больныхъ страдалцевъ... Огромный зобъ спускался на грудь идіотовъ, голова широкая и грустная, покрытая тусклыми волосами, качалась между неровными плечами; носъ приплюснутый, ротъ большой съ вѣчною улыбкою; но сколько задумчивости и доброты въ большихъ голубыхъ глазахъ, свѣтлыхъ какъ глаза ребенка. Взглядъ ихъ былъ глушь и нѣжень, какъ взглядъ любимой собаки, которую хозяинъ бранить. Но у бѣдныхъ дѣтей не было даже догадливости собаки!

Этотъ некрасивый портретъ принадлежалъ обоимъ близнецамъ; они были такъ похожи одинъ на другаго, что ихъ можно бы перемѣшать, есlibы природа не положила на нихъ свои замѣтки.

У одного на лѣвой щекѣ было изображеніе звѣзды, у другаго на правой изображеніе какого-то неизвѣстнаго цвѣтка.

Ребенка съ цвѣткомъ назвали Дакъ, ребенка съ звѣздою Дикъ.

Никто не зналъ, чему приписать эту странную игру природу.

Добрый старичокъ, мой другъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее о матери близнецовъ идіотовъ: она была сумасшедшая, но безуміе ея было до того странно, что многіе принимали ее за колдунью. Она составляла лекарства отъ всеѣхъ болѣзней и вѣчно бродила въ горахъ, отыскивая какія-то травы, неизвѣстныя натуралистамъ... Часто видѣли, какъ она, по ночамъ, стоя на колѣнахъ съ поднятыми руками, смотрѣла все на одну звѣзду. Пастухи разсказывали про нее чудеса, и одинъ мой старый родственникъ просилъ безумную вылечить его отъ подагры.

Она дала ему какого-то питья и страданія его кончились. Послѣ этого онъ слѣпо вѣрилъ въ лекарство колдуньи.

Она не жила въ одномъ мѣстѣ, но показывалась на время то въ одномъ селеніи, то въ другомъ. Увѣряли даже, что она имѣла способность являться въ одно время въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Колдунья эта была еще кокетка, потому что всякій день плела себѣ вѣнокъ изъ такихъ цвѣтовъ, какіе росли въ мѣстахъ, извѣстныхъ ей одной, или которые выросли только для нея, потому что никто не встрѣчалъ такихъ цвѣтовъ.

Однажды, посрединѣ деревни нашли въ корзинкѣ двухъ новорожденныхъ младенцевъ, покрытыхъ вѣнкомъ колдуньи. На щекѣ у одного было изображеніе этого цвѣтка, на щекѣ другаго звѣзда, и все увѣряли, что это та самая, передъ которою безумная проводила ночи въ безмолвной молитвѣ.

Съ этого времени колдунья пропала и никто не видалъ ее въ Моріевѣ; жители селенія взяли близнецовъ и ожидая какого-нибудь чуда, начали воспитывать ихъ. Это были Дикъ и Дакъ.

Прошли годы, и добрые воспитатели сиротъ удивлялись, что дѣти не начинали говорить. Никто не слыхалъ не только голоса ихъ, но даже плача. Они не умѣли выражать ни радости, ни горя, какъ все дѣти. На лицѣ ихъ не замѣчали ни некры разсудка. Они росли тихо, никому не въ тягость, казалась счастливы, ничего не желали, и все жители деревни были ими довольны.

Лѣтъ ихъ не считали, точно также, какъ и кусковъ чернаго хлѣба, которымъ ихъ кормили, только скоро замѣтили, что близнецы перестали расти и что нѣсколько жатвъ сряду головы ихъ все были вровень съ колосьями манса.

Однако сироты, дѣлаясь старше, начали выказывать наклонности, напоминающія ихъ мать. Они искали уединенія, уходили на вершины горъ, на непроходимыя скалы и всегда ихъ встрѣчали вмѣстѣ, грустными, дикими.

Въ первые годы они пропадали на день, не болѣе. Потомъ ушли неизвѣстно куда на недѣли, на мѣсяцы, и деревня безпокоилась о своихъ приемышахъ. Они бродили по горамъ и скаламъ, питались корнями, пили воду потоковъ.

Часто близнецы разсматривали другъ друга, какъ это дѣлаютъ дѣти, и обоихъ занимали знаки на лицѣ. Дакъ дотрогивался до звѣзды брата, Дикъ долго смотрѣлъ на цвѣтокъ Дака... Кажется, что звѣзда и цвѣтокъ имѣли для идиотовъ какое-то странное значеніе, которое они силились понять, но напрасно.

Я встрѣтилъ ихъ въ первый разъ на горѣ и сдѣлалъ имъ тысячу

вопросовъ, на которые не получилъ ни одного взгляда; но вдругъ мнѣ вздумалось спросить: гдѣ ваша мать?

Тогда сироты подняли на меня свои свѣтлые глаза и оба показали мнѣ на свои знаки на щекѣ.

Одно слово мать, могло разбудить эту летаргію чувствъ. Идіоты никогда не видали, не могли помнить матери; но они любили ее, понимали, что значитъ мать.

Добрые моріенцы увѣряли, что идіоты бѣгаютъ по горамъ, чтобъ отыскать свою мать, и нѣкоторые увѣряли, что ночью колдунья навѣщаетъ своихъ дѣтей.

Каждый разъ, пріѣзжая въ Савойю, я спрашивалъ моего стараго друга:

— Здоровы ли Дикъ и Дакъ? что они дѣлаютъ?

Однажды старичокъ сказалъ мнѣ:

— Ты очень удивишься. Друзья твои перемѣнились.

— Что съ ними случилось? вскричалъ я.

— Они нашли то, чего искали.

— Мать!

— Нѣтъ!... Дакъ нашелъ свой цвѣтокъ, а Дикъ звѣзду, и оба въ одно время. Одинъ пастухъ видѣлъ это и разсказалъ мнѣ... Это было вечеромъ. Небо только что начало освѣщаться звѣздами. Оба идіота шли по окраинѣ пропасти Рибери, которая считается самою опасною и глубокою въ Альпахъ. Вдругъ странный крикъ раздался въ тишинѣ. Это былъ первый крикъ Дака и первый крикъ Дика. Пастухъ началъ наблюдать за ними: Дикъ смотрѣлъ на небо, Дакъ на землю! И пастухъ узналъ на небѣ звѣзду странной формы, съ блѣднымъ сіяніемъ, которой молилась мать идіотовъ; потомъ, подойдя къ Даку, онъ увидѣлъ у ногъ его цвѣтокъ, изображеніе котораго было на щекѣ ребенка, и котораго никогда никто не встрѣчалъ въ горахъ, съ-тѣхъ-поръ какъ пропала безумная. Съ этой минуты братья не сходили уже въ деревню. Углубленіе въ скалы защищаетъ ихъ отъ вѣтра и непогодъ, и въ немъ они отдыхаютъ поочереди: Дикъ днемъ, Дакъ ночью—одинъ когда закрывается его цвѣтокъ, другой когда потухаетъ его звѣзда...

Старый другъ мой еще не окончилъ разсказа, какъ я уже бѣжалъ къ пропасти Рибери.

Туманъ покрывалъ долину, когда я вбѣжалъ на гору... Я тотчасъ увидалъ блѣднаго Дика, нагнувшагося надъ небольшимъ растеніемъ, которому я никакъ не могъ прибрать названія, хотя считаюсь порядочнымъ ботаникомъ. Никогда я не видалъ подобнаго цвѣтка. Тусклые, острые листы свивались съ колокольчиками блѣднаго голубаго цвѣта—вотъ все, что я могъ замѣтить.

Дикъ съ восторгомъ любовался своимъ цвѣткомъ и прощался съ нимъ взорами. Дикъ въ эту минуту вышелъ изъ своего грота, подбѣжалъ къ самой пропасти и началъ съ безпокойствомъ смотрѣть на небо. Лице его выражало такое трогательное ожиданіе, такую мистическую поэзію, что онъ, кажется, только жилъ въ эти минуты. Напрасно я громко звалъ ихъ, ни тотъ ни другой не слышали меня.

— Дикъ, Дакъ, гдѣ ваша мать? спросилъ я наконецъ.

Оба посмотрѣли на меня съ удивленіемъ и машинально показали одинъ на цвѣтокъ, почти закрывшійся, другой на восходящую звѣзду. Потомъ Дакъ пошелъ въ гротъ, а Дикъ сѣлъ на землю, спустивъ ногу въ пропасть и началъ смотрѣть съ любовью на свою звѣзду.

Эта трогательная сцена повторялась каждый вечеръ, и оба идиота были счастливы, какъ не удастся ни одному умному человѣку. Я замѣтилъ, что близнецы не были совершенно вѣмы. Дакъ напѣвалъ цвѣтку какую-то страстную мелодію, Дикъ встрѣчалъ звѣзду радостнымъ крикомъ. Я былъ доволенъ счастьемъ моихъ друзей и не замѣтилъ, какъ прошли каникулы.

На слѣдующій годъ, въ каникулы, обнимая старика, я сдѣлалъ ему обыкновенный вопросъ о Дикѣ и Дацѣ; но онъ сказалъ мнѣ со вздохомъ:

— Ты ихъ не увидишь больше... При наступленіи зимы цвѣтокъ Дака завялъ, и бѣднякъ, собравъ все его листики, ждалъ, что онъ снова зацвѣтетъ весной. Но все окрестныя растенія давно распустились, а таинственный цвѣтокъ не являлся, и отъ него торчалъ только черный корень, который идиотъ напрасно поливалъ. Дикъ не плакалъ, потому что его звѣзда всякій день блестяла на небѣ, и онъ, вися надъ бездною, любовался ею. Пастухи дрожали за несчастнаго, ожидая, что вѣтромъ снесетъ его въ пропасть, но невидимая сила берегла идиота.

Однажды старый пастухъ вскрикнулъ отъ ужаса, увидя страшную сцену, которую не могъ разсказывать безъ слезъ. Дикъ, не спускавшій глазъ съ звѣзды, вдругъ увидѣлъ, что звѣзда летитъ, спускается и падаетъ въ пропасть. Дикъ вскричалъ жалобно и скатился въ бездну.

Дакъ, услыша шумъ, подошелъ къ пропасти, потомъ обнялъ засохшій корень цвѣтка, пропѣлъ надъ нимъ свою прощальную пѣсню и вырвавъ корень, бросился за братомъ...

Тутъ я остановился, желая знать мнѣніе моего друга.

— Ну, что ты скажешь, Сильвестръ, о счастьи этихъ безумныхъ? Въето отвѣта, я услышалъ громкое, наивное храпѣнье.

Сильвестръ давно спалъ.

(L'Artiste).

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ.

Хлопоты передъ выставкою.—Квартира англичанина.—Баль въ Ратушѣ.—Роскошь костюмовъ.—Живопись на лицахъ.—Картины во дворцѣ промышленности.—Национальный музей.—Барнумъ и его записки.—Наслѣдники Робертъ-Макера.—Штраусъ.—Леви.—Преэминикъ Бауръ Лормиана въ академіи.—Концерты.—Спектакль у Дюпре.—Самсонъ.—Столѣтній пѣвецъ.—Аукціонъ картинъ.—*Молодые люди*.—Венеціанская драма.—*Ивонна*, опера Нея.—*Demi Monde*, Александра Дюма, сына.—Бюджетъ оперы.—Рѣшеніе на время выставки.—Жидовка Галеви.—*Pogcia*.—*Seinture dorée*.—Неудачи водевиля.—*Le Masque de poix*.—*Les Noces Venitiennes*.—Сборы театровъ.—Новый журналъ.—Промышленность въ 1854 году.—Гомеографія.—Китайскіе быки.—Индійскій червь.—Алжирская вата.—Вино и алкоголь изъ растений.—Ямсовый корень.—Сохраненіе рыбъ.—Земледѣліе.—Торфъ.—Машины.—Атмосферическія дороги и аэростаты.—Рельефный планъ Севастополя.—Буря въ Парижѣ.—Опера Фелисіена Давида.—Пріѣздъ Плесси.—Кровать Наполеона I.—Смерть Сере и Мансфольда.—Галлерея на Елисейскихъ-Поляхъ.—Музеи, описанные Виардо.—Ламартинъ.—Вандейскій альбомъ.—Полемика двухъ первоклассныхъ журналовъ.—Необыкновенный конкурсъ.—Процессы.—Споръ изъ-за замка.—Война за ребенка.—Скривъ и его сотрудники.—Комедія Луи Филиппа.—Пьеса безъ конца.—Процессъ Домбея.—Опекуны и питомца.—Лошади на всѣхъ.—Понсаръ и Лаферьеръ.—Вуатюръ и Бальзакъ.—Докторъ Веронъ и его должникъ.—Процессы Рашели.—*La femme d'un grand homme*.—*Donnez au pauvre*.—Идалия.—Рафаэль Феликсъ.—Арабы въ Галліи.—Каучукъ.—Южная звезда.—Землетрясеніе.—Новыя компаніи.—Новыя книги.

Чѣмъ ближе срокъ всемірной выставки, тѣмъ больше волненія и хлопотъ въ Парижѣ. Всѣ заботятся то о товарахъ, приготавливаемыхъ для дворца промышленности, то о квартирахъ, то о постройкѣ домовъ, чтобы помѣстить куда-нибудь своихъ гостей. Въ-самомъ-дѣлѣ, домá достроиваются съ такою быстротою, что едва ли продержатся до конца выставки. Даже опасно жить въ нихъ, потому что постройки такъ не прочны, что могутъ обрушиться. Хорошее будетъ угощеніе для гостей! Но ни кто не думаетъ объ опасности. Многія семейства выезжаютъ за го-

родъ, какъ для того, чтобъ избѣжать суматохи, такъ и для того, чтобъ выгодно отдать въ наемъ свои квартиры. Даже Рашель, отъѣздъ которой въ Америку не состоится, отдаетъ въ наемъ свой домикъ, извѣстный всей Европѣ, по иллюстраціямъ, изобразившимъ его со всею мебелью. Найдутся оригиналы, которые дорого заплатятъ, чтобъ пожить нѣсколько дней въ комнатахъ Гермионы. За то окрестности Парижа оживились гораздо раньше обыкновеннаго и тоже воспользовались этимъ нашествіемъ иноплеменныхъ, чтобъ отдать свои дачи какъ можно выгодно. Но больше всего хлопотъ ресторанамъ. На каждомъ шагу открываются и отдѣляются новые трактиры, собираются огромные запасы, свозятся вина всѣхъ возможныхъ сортовъ, и все-таки главный вопросъ состоитъ въ томъ, можетъ ли Парижъ прокормить всѣхъ своихъ гостей и помѣстить ихъ?

Въ этой общей суматохѣ встрѣчаются иногда смѣшные анекдоты. Одинъ англичанинъ нанялъ себѣ нижній этажъ одного изъ лучшихъ домовъ на бульварѣ, за четыре тысячи франковъ. Когда черезъ нѣсколько времени очистилась другая квартира надъ нимъ, онъ тоже взялъ ее себѣ, заплативъ восемь тысячъ франковъ впередъ. Всѣ думали, что онъ переѣдетъ въ бельэтажъ, отдѣланный отлично—съ позолотою, зеркалами, лѣпною работою; но онъ даже не меблировалъ этихъ комнатъ и остался жить внизу, гдѣ было немного сыро, немного темно, и очень неудобно для избалованнаго джентлемена. Наконецъ предположили, что англичанинъ на время выставки отдастъ въ наемъ бельэтажъ, чтобъ воротить свои деньги, или ждать своихъ родственниковъ и соотечественниковъ, но великолѣпная квартира все оставалась пустою, и жилецъ нижняго этажа не отдавалъ ее никому. Наконецъ хозяинъ пошелъ къ англичанину, объяснитьсь съ нимъ.

— Вамъ не нужна квартира въ бельэтажѣ? спросилъ онъ.

— Если я нанялъ, значитъ нужна, отвѣчалъ жилецъ.

— Но вы въ ней не живете, она стоитъ пустая, а теперь квартиры такъ дороги.

— Чтó вамъ за дѣло. Я заплатилъ за нее, стало быть могу дѣлать съ нею что хочу.

— Но у меня ее просятъ. Отдайте ее хоть отъ себя. Неужели и во время выставки, когда въ городѣ будетъ такъ тѣсно, что въ каждой комнатѣ будетъ по нѣсколько жильцовъ, вы оставите вашу верхнюю квартиру запертою и не пустите туда никого? Отдайте мнѣ хоть нижній этажъ, а переѣзжайте въ верхъ.

— Это невозможно.

— Почему же?

— Потому, что въ первые мѣсяцы, когда надо мною въ бельэтажѣ были жильцы, мнѣ не было ни минуты покоя. У нихъ всякій день были танцы, музыка, бѣготня и, чтобъ избавиться отъ этого, я далъ себѣ слово, живя въ Парижѣ, нанимать всегда два этажа и жить въ нижнемъ, чтобъ надъ головою моею не полькировали.

Что было отвѣчать оригиналу? На его сторонѣ было право. Не заводите же хозяину процессъ, за то, что жилецъ не хочетъ жить въ бельэтажѣ. Онъ попробовалъ было предложить ему квартиру въ верхнемъ этажѣ, надъ которымъ была только крыша, но джентльменъ не любитъ ходить по лѣстницамъ и боится, что въ верхнемъ этажѣ его будутъ безнокотить кошки, назначающія свиданія на крышахъ, птицы и трубочисты.

Послѣдній балъ въ Рагушѣ былъ до того блистателенъ, что о немъ разговоры еще продолжаются. Удивительно то, что благодаря пристройкамъ и распорядительности, *восемь тысячъ* приглашенныхъ могли свободно двигаться, танцовать и уѣзжать, не ожидая экипажа часа четыре. Цѣлые сады цвѣтовъ перенесены были въ великолѣпныя залы, освѣщеніе было ослѣпительное, наряды самыя роскошныя, и если бы лучи солнца не разогнали гостей, они танцовали бы до слѣдующаго вечера.

Почти всѣ дамы были въ тяжелыхъ, массивныхъ матеріяхъ, съ богатыми узорами. Кружева, и особенно самыя дорогія, въ такой модѣ, что ими покрываютъ сверху до низу все платье. Брильянтовъ, жемчугу и драгоценныхъ камней видно гораздо больше, чѣмъ цвѣтовъ. Но самая важная новость въ костюмѣ состоитъ въ томъ, что перья всевозможныхъ птицъ въ такомъ употребленіи, что безъ нихъ не можетъ обойтись ни одинъ костюмъ. Мало того, что перья накалываютъ букетами на голову, на корсажъ, на юбку, но ими вышиваютъ узоры на матеріяхъ, отдѣлываютъ ими шарфы, мантили, пелерины, словомъ—можно съ головы до ногъ покрыться перьями, чтобъ быть одѣтой по самой послѣдней модѣ. Кажется однако, что роскошь и пестрота дамскихъ нарядовъ выходитъ изъ предѣловъ вкуса и изящнаго. Пора бы вернуться къ простотѣ, которая нисколько не портитъ красоты. Впрочемъ, лѣто съ жарамъ выгонитъ скоро эти матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ, эти огромные цвѣты на платьяхъ и мантили изъ перьевъ. Тогда опять бросятся на легкія кисеи, тюли, газы, тарлатаны. Хорошо бы также, еслибъ, подъ предлогомъ жаровъ, дамы перестали заниматься живописью на своемъ лицѣ. Въ послѣднее время обыкновеніе бѣлиться дошло до того, что брюнетки начали стыдиться цвѣта своей кожи и красились неестово, чтобъ не отстать отъ блондинокъ, которыя, въ свою

очередь, чтобъ казаться еще бѣлѣе, тоже пачкались бѣлилами. Эта страсть просто непонятна. Развѣ возможно, чтобъ въ природѣ все были одного цвѣта? И что за особенная красота быть статуями? Замѣчательно, что любительницы *близны* избѣгаютъ *свѣжести* щекъ, не употребляя совсѣмъ *розовой* краски; стало быть лица ихъ безжизненны, почти мертвы и это почитается особенною красотою. Къ счастью еще, что никакая мода не можетъ продолжиться, и парижанки скоро поймутъ, что онѣ могутъ нравиться и безъ живониса.

Французскіе живописцы очень жалуются на комисію выставки. Извѣстно, что имъ позволено представлять не только новыя произведенія, но и старыя, которыя были на другихъ выставкахъ. И чтожъ? Нѣкоторые живописцы, даже не изъ первоклассныхъ, прислали во дворецъ промышленности отъ шестидесяти до ста картинъ всевозможныхъ размѣровъ, такъ, что если бы принять ихъ все, то надобно было бы еще сдѣлать пристройку къ кристальному зданію, гдѣ не было бы мѣста никакимъ другимъ произведеніямъ искусствъ или промышленности. По этому комисія рѣшила сдѣлать выборъ и назначила для этого нѣсколькихъ извѣстныхъ художниковъ. Прежде же всего сдѣлано объявленіе, чтобъ артисты не присылали портретовъ, которые въ послѣднее время играютъ важную роль на всѣхъ выставкахъ и доставляютъ удовольствіе развѣ только однимъ оригиналамъ, но никакъ не публикѣ. А такъ какъ нѣкоторые живописцы только и занимаются, что портретною живописью, то нѣтъ ничего мудренаго, что они недовольны рѣшеніемъ комисіи. Впрочемъ, все знаменитости прислали свои образцовыя произведенія: Энгръ, Делакруа, Деларошъ, Орасъ Верне и другіе.

Еще одно изобрѣтеніе готовится ко времени выставки, чтобъ занять публику. Хотятъ собрать національный музей изъ всѣхъ рѣдкостей, разбросанныхъ не только по Парижу, но и по всей Франціи. Мѣсто уже выбрано, составила компания на акціяхъ и собираютъ уже списки вещамъ. Неизвѣстно, будетъ ли имѣть успѣхъ это учрежденіе и обогатится ли французскій Барнумъ, точно также какъ американскій, который, за неимѣніемъ рѣдкостей и историческихъ вещей, самъ составлялъ ихъ. Все знаютъ его сирену, рыбу съ человѣческими ногами, водопадъ *Ниагары*, представленный изъ живой воды, и проч.

Кстати замѣтимъ, что знаменитый Барнумъ, названный по справедливости *Roi du Puff*, издалъ свои записки, которыя также замѣчательны въ своемъ родѣ, какъ записки Верона. Барнумъ тоже увидѣлъ свѣтъ въ аптегѣ, но жажда извѣстности заставила его броситься въ журналистику. Однако журналъ, основанный имъ, жилъ не долго, и издатель принужденъ былъ заняться торговлею, покуда не изобрѣлъ кормилицу

Вашингтона Джойсъ—Гейтъ, которую началъ возить изъ города въ городъ и показывать за деньги. Однако, стопятидесяти-лѣтняя старуха не могла долго держаться и хотя, по смерти ея, доктора, вскрывавшіе трущъ негритапки, объявили, что ей не могло быть и восьмидесяти лѣтъ, но все-таки она играла роль свою такъ хорошо, что доставила своему содержателю порядочную сумму. Послѣ такого блестящаго успѣха Барнумъ принимался за всевозможные проекты, отыскалъ Томъ Пуса, основалъ музей, привезъ въ Америку Женни Линдъ, дѣлалъ лотереи, представленія, переносилъ терпѣливо неудачи, выжидалъ удобнаго случая и наконецъ, наживъ милліоны, удалился отъ дѣлъ и занялся литературою.

Послѣдняя его афера, то-есть изданіе записокъ, тоже принесетъ ему большую выгоду, потому, что всѣ желающіе нажитья раскупили книгу, которая привезена въ Европу и переводится на всѣ языки для поученія начинающихъ аферистовъ. Жаль только, что Барнумъ удалился отъ дѣлъ такъ рано, а то онъ взялся бы представить согражданамъ Рашель, живую или мертвую. Впрочемъ, братъ ея не уступитъ и американскому аферисту, записки котораго явятся въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Пантеона.

Въ настоящее время Барнумовъ развелось вездѣ очень много, что доказывается безпрестанными компаніями на акціяхъ, и непремѣнно съ капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ. Слово милліонъ всегда привлекаетъ акціонеровъ, хотя въ послѣдніе двадцать лѣтъ большая часть всѣхъ компаній рушилась и разорила довѣрчивыхъ акціонеровъ. Особенно калифорнійскія общества прославились тѣмъ, что, не смотря на золотыя надежды, всѣ обанкрутились; не смотря на это публика все-таки не можетъ быть покойна и готова отдать капиталъ, нажитый трудами, первому попавшемуся аферисту, который съ нимъ уѣдетъ въ Бельгію. Послѣ представленія Роберъ-Макера говорили, что аферизмъ навѣки убитъ и никто не повѣритъ его обманамъ; но, кажется, что дѣти Робера еще опытище и искусѣе, потому что сами бѣгутъ къ мошенникамъ и просятъ, чтобъ ихъ обирали. Послѣ этого не мудрено, что во Франціи будутъ имѣть большой успѣхъ общества воздержанія, составленныя по образцу англійскихъ. Одинъ изъ членовъ предлагаетъ всѣмъ вступить въ нихъ и получаетъ все одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Я и такъ давно слѣдую правиламъ вашего общества, потому что разорился на акціи.

Танцующая парижская публика осталась не совѣмъ довольна Штраусомъ, новымъ дирижеромъ музыки оперныхъ баловъ, и балы Комической оперы, гдѣ распорядился Мюзаръ, достойный послѣдникъ отцовской

славы, были живѣе и многолюднѣе. Про Штрауса одинъ журналистъ разсказывалъ слѣдующій анекдотъ:

Этотъ человекъ родился музыкантомъ, потому что самъ ничего не сдѣлалъ, чтобъ оправдать свое названіе. Имя его принадлежитъ музыкальному міру и этого довольно для его успѣха. Кромѣ того, онъ издалъ подъ своимъ именемъ нѣсколько хорошенькихъ вальсовъ; но всѣ знаютъ, что вальсы эти написаны однимъ скромнымъ артистомъ итальянскаго оркестра, Симономъ Леви. Это доказывается тѣмъ, что играя *свои* вальсы въ эту зиму, Штраусъ сбивался съ такта и только къ концу сезона выучилъ ихъ довольно твердо. Вотъ всѣ заслуги знаменитаго дирижера.

— Однако, замѣтили ему, отчего же Леви пишетъ подъ именемъ Штрауса прекрасные вальсы, а издаетъ подъ своимъ такіе дурные, что изъ рукъ вонъ?

— Оттого, что онъ подписываетъ свое имя подъ вальсами Штрауса. Они мѣняются своими произведеніями.

Французская академія собиралась предварительно, чтобъ рѣшить наконецъ, кого избрать на кресло Бауръ-Лорміана: Понсара, поэта, или Фаллу, виконта. Пренія были долгія и жаркія, потому что партія аристократовъ очень сильна въ академіи и хочетъ кажется рѣшительно изгнать всѣхъ литераторовъ; но Фаллу, понявъ, что если онъ и одержитъ побѣду надъ поэтомъ, то она будетъ постыднѣе пораженія, потому что всѣ будутъ имѣть право исчислять заслуги обоихъ соперниковъ, удалился отъ кандидатура и Понсаръ остался одинъ. Стало быть выборъ будетъ не затруднителенъ. Правда, что нѣкоторые академики-литераторы собираются положить въ урну имена Эмиля Ожье, Сандо, Пужула, Марселлюса, Мадіера и др., но все это означитъ только надежды на будущее и нисколько не помѣшаетъ избранію поэта, потому что, при второмъ собраніи голосовъ, всѣ присоединяются къ тому, который получилъ большинство.

Публичныхъ концертовъ въ нынѣшній сезонъ было очень мало, потому что музыкантамъ они обходились очень дорого и зала Герца была почти пуста; за то въ обществахъ музыка была самая блистательная. Знаменитая графиня Гвичіоли, одушевлявшая стихи Байрона, сдѣлавшись французенкою, маркизою Буасси, открыла свой отель для высшаго общества и артистовъ, и попасть на концерты ея считается большимъ счастіемъ, тѣмъ болѣе, что хозяйинъ приглашаетъ только то число, которое можетъ помѣститься въ его залахъ, и у него нельзя задохнуться и быть задавленнымъ, какъ на другихъ раутахъ.

Дюпре, оставя театръ, не оставилъ музыку и продолжаетъ не только

образовывать пѣвцовъ и пѣвицъ, но писать музыку, не хуже прославленныхъ композиторовъ. Пѣвецъ устроилъ у себя театръ, гдѣ ученики его пробуютъ свои силы передъ явленіемъ на сцену, и общество артистовъ съ удовольствіемъ посѣщаетъ эти спектакли.

Новая опера Дюпре называется *Самсонъ* и, судя по отрывкамъ, пѣтымъ дочерью артиста, двумя ученицами Шарри и Шарль, которыя смѣло могутъ взяться за первыя роли, и самимъ Дюпре, она написана въ широкомъ стилѣ, блистательно и торжественно. Въ пѣніи много страсти, чувства и отдѣлки, какъ во всемъ, что поетъ и пишетъ Дюпре. Опера, сыгранная на большой сценѣ и при должной постановкѣ, будетъ имѣть заслуженный успѣхъ.

Въ залѣ св. Цециліи назначенъ концертъ въ пользу бѣдныхъ. Замѣчательно въ немъ только то, что отыскали пѣвца Дарія, принадлежавшаго къ капеллѣ Людовика XV, который при Людовикѣ XVI пѣлъ на сценѣ, во время консульства и имперіи игралъ въ провинціи, и теперь, на *сто второмъ* году, вздумалъ опять явиться въ публикѣ и пропѣть арію изъ *Данаи* и псалмъ Госсекка. Разумѣется, что изъ одного любопытства соберутся смотрѣть на этотъ феноменъ, пережившій три революціи и носящій имя персидскаго царя, сына Истаспа. Чего только не выдумаютъ антрепренеры для собранія публики! Какъ это до-сихъ-поръ никто не нашелъ средства заставить пѣть или хотъ играть пѣмья роди мумій, отрывааемыхъ въ Египтѣ. Это было бы тоже очень любопытно.

Распродажа картинъ бывшаго баритона Баруале имѣла блистательный результатъ. Коллекція была не замѣчательная, потому что артистъ не могъ покупать знаменитыхъ картинъ; но всякій хотѣлъ купить скорѣе для того, чтобъ помочь пѣвцу, чѣмъ овладѣть посредственными эскизами Діаза, Рокеллана, Руссо и др. Одна картина Ватто заплачена была любителемъ 2,720 франковъ и жалкій рисунокъ Ораца Верне 3,900 фр. Всего аукціонъ далъ 75,000 франковъ, тогда какъ коллекція не стоила и четвертой части этой суммы.

На театрахъ происходитъ большое движеніе. Французская комедія поставила наконецъ хорошенькую комедію Леона Лайа, подъ названіемъ *Молодые люди*. Сюжетъ занимательный. Два молодыхъ человѣка живутъ роскошно въ Парижѣ, хотя отцы держатъ ихъ совершенно различно. Одинъ изъ нихъ, богатый, но строгій, думаетъ, что одна экономія можетъ удержать сына отъ глупостей и даетъ ему небольшую сумму на содержаніе; другой, не такъ богатый, предоставилъ сыну полную свободу въ деньгахъ и не спрашиваетъ у него отчетовъ. Кончается тѣмъ, что первый съ экономіею разоряется, потому

что сынъ дѣлаетъ долги и глупости, а второй, имѣя право бросать деньги, живетъ расчетливо изъ любви къ отцу.

Пьеса ведена превосходно, написана легко и остро и займётъ не послѣднее мѣсто въ репертуарѣ. Впрочемъ, авторъ уже извѣстенъ публикѣ своими произведеніями и одно имя его на афишѣ обѣщаетъ успѣхъ.

Театръ Сень-Мартенскихъ Воротъ поставилъ Венеціанскую драму, съ мостомъ вздоховъ, тюрьмами, убійствами, тайнами, со всеми принадлежностями венеціанской жизни, которыя еще мрачнѣе, чѣмъ въ *Анжело*. Писатели никакъ не могутъ отбросить этой старой, избитой формы и морочать публику страшными, преувеличенными картинами, писанными черною краскою съ огненнымъ отливомъ. Неужели публикѣ не наскучили эти тираны, сбирьы, княжалы, пытки? Кажется, бывшее время этихъ ужасовъ уже прошло. Не худо бы представить Венецію въ настоящемъ видѣ. Это была бы любопытная этюда.

Комическая опера *Ивонна* имѣла большой успѣхъ, хотя написана только любителемъ большаго свѣта, занимающимся музыкою въ свободные часы отъ службы. Ней, наследникъ одного изъ знаменитыхъ именъ имперіи, уже не въ первый разъ является на сцену, и оперетка его *Cent Suisse* доказала, что генералы и сенаторы знаютъ музыку не хуже профессоровъ консерваторіи. *Ивонна* долго останется на сценѣ Комической оперы, потому что соединяетъ въ себѣ прелесть партитуры съ занимательностію пьесы, написанной Левеномъ, тоже любителемъ—литераторомъ.

Театръ Гимназіи имѣлъ такой блистательный успѣхъ, какого не запомнятъ со временъ *Дианы де Ли* и *Зятя г-на Пуарье*. Пьеса называется *Demi-Monde* и авторъ ея—Александръ Дюма, сынъ.

Сюжетъ ея трудно разсказать, особенно вкратцѣ, потому что въ немъ много необъяснимаго, неизвѣстнаго нѣкоторой части публики. Самое названіе странно, и слово *полусвѣтъ* употребляется здѣсь въ особенномъ значеніи. Авторъ вывелъ на сцену особъ, живущихъ внѣ общества, то—естъ порядочнаго, но которые подражаютъ высшему классу потому, что живутъ на его счетъ. Это вдовы, неизмѣвнія никогда мужей, жены разведенныя съ мужьями, разбогатѣвшія лоретки. Изъ правовъ этого класса Дюма-сынъ составилъ живую, блестящую комедію, полную ума, наблюденій и даже морали. Публика пришла въ такой восторгъ, что недовольная тѣмъ, что ей сказали имя автора, требовала его самого, и Дюма вышелъ на сцену, чего еще никогда не было въ трагическихкихъ и комическихкихъ театрахъ.

Это нововведеніе, пожалуй, примется въ Парижѣ; только публика не

умѣть оставаться въ границахъ, и вѣроятно обыкновеніе это употребить во зло, если сами авторы не остановятъ его.

Впрочемъ, не смотря на шумный успѣхъ новой пьесы, она не можетъ долго оставаться на сценѣ, потому что въ ней мало симпатическаго. Весь интересъ этой остроумной комедіи сосредоточенъ на чловѣкѣ слабомъ, безхарактерномъ, довѣрчивомъ, который влюбленъ въ женщину безъ сердца, безъ правилъ и слѣдственно неприятную на сценѣ, хотя пьеса и оканчивается морально. Правда, что Дюма-сынъ превосходно описываетъ нравы этого полу свѣта, что талантъ его умѣетъ скрыть безнравственность и испорченность, но публика все-таки, увлеченная живостью и занимательностью пьесы, понимаетъ, какъ неприятно и опасно видѣть на сценѣ лица, спосныя развѣ въ романахъ, и не долго будетъ восхищаться этою комедіею.

Разыграна она была отчетливо, особенно мужчинами. Дюшой и Бертонъ сыграли свои роли превосходно; но талантъ Розы Шери, полный благопристойности и скромности, никакъ не шелъ къ антипатической баронессѣ Сентъ-Анжъ, которая, въ своемъ добровольномъ униженіи, не сохранила ни одного благороднаго чувства. Впрочемъ, театръ Гимнази такъ привыкъ играть пьесы изъ порядочнаго общества, что въ труппѣ нѣтъ ни одной актрисы, способной играть роли отчаянныхъ дамъ полу-свѣта. Стало быть и этотъ недостатокъ повредитъ успѣху пьесы въ послѣдствіи. Никто не приметъ Розу Шери за камелію и еще за такую, какъ баронеса Сентъ-Анжъ.

Бюджетъ Большой оперы возвысился до 800,000 франковъ и, кажется, что этой огромной суммы будетъ мало, чтобъ покрыть расходы театра, потому что теперь всякая пѣвица требуетъ за сезонъ 100,000 франковъ жалованья, каждый музыкантъ тоже доводитъ свои претензіи до самой высокой цифры. Габенекъ, извѣстный капельмейстеръ, получалъ 8000 франковъ, а теперь Жираръ беретъ 18,000, потому что носить названіе директора музыки. Въ этой же пропорціи все артисты возвышаютъ свои требованія.

За то дирекція Оперы, чтобъ не платить даромъ жалованья, объявила, что во время большой выставки будутъ спектакли каждый день, то оперы, то балеты. Разумѣется, что публика найдется въ это время, чтобъ наполнить все театры Парижа, особенно если вечера будутъ дождливые, какъ это часто случается въ маѣ мѣсяцѣ, и артистамъ это будетъ не тяжело, потому что они все-таки будутъ играть черезъ день, но бѣдные музыканты остаются все тѣ же. Имъ выставка будетъ очень непонутру, потому что они не успѣютъ и отдохнуть. Притомъ нынѣшній репертуаръ слишкомъ бѣденъ, особенно для иностранцевъ,

которые не захотят смотрѣть одну оперу или даже балетъ нѣсколько разъ, какъ это дѣлаютъ парижане, и потому надобно возобновить старыя оперы или ставить новыя, и репетиціи отнять послѣдніе свободные часы у музыкантовъ. Бѣдный оркестръ!

Возобновленіе *Жидовки* Галеви стоило много хлопотъ, и опера эта будетъ имѣть блестятельный успѣхъ во время выставки. Въ ней только немного странно то, что г-жа Кривели вырядилась въ такое богатое платье, вышитое серебромъ, что казалась принцессою, а не дочерью скупаго жида, обязанною скрывать свои богатства, и въ этомъ блестятельномъ костюмѣ, съ безчисленными браслетами на голыхъ рукахъ, она явилась на праздникъ герцога, чтобъ излить свои упреки невѣрному. Какъ это своеобразно съ положеніемъ обманутой женщины, принадлежащей къ жалкому племени!

Говорятъ еще о постановкѣ новой оперы *Rocgia*, написанной молодымъ композиторомъ Эдмондомъ Гартогомъ, имѣвшемъ большой успѣхъ въ музыкальномъ кругу своими сочиненіями. Слова этой оперы написаны Эмилемъ Ожье, и публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новаго оригинальнаго произведенія.

Въ концертѣ виолончелиста Александра Ботта, собравшемъ все высшее общество, исполнили два отрывка изъ оперы Гартога, и всѣ знатоки и любители увѣряютъ, что талантъ маэстро первоклассный, который будетъ извѣстенъ всей Европѣ. Дай Богъ, чтобъ предсказаніе это сбылось, потому что въ настоящее время чувствуется большой недостатокъ въ композиторахъ и всѣ уже считали музыку погибшею. Хорошо бы только, еслибъ съ новымъ маэстромъ явились нѣсколько новыхъ пѣвцовъ!

Seinture dorée, комедія Эмилія Ожье, заслуживаетъ всеобщаго вниманія, какъ по занимательности сюжета, такъ и по цѣли. Она взята изъ современной жизни, представляетъ характеры и лица нашего общества, и главный двигатель его—*деньги*, составляютъ оригинальную завязку.

Руссель, миллионеръ, нажившійся не совсѣмъ похвальными средствами, любить безъ памяти дочь свою Калисту и хлопочетъ только, чтобъ найти ей мужа. Разумѣется, что претенденты окружаютъ богатую невѣсту; но она, понимая что всѣ влюблены въ ея приданое, отказываетъ всѣмъ женихамъ и хочетъ найти человека, который презралъ бы деньги и любилъ ее. Это немного трудно въ нашъ положительный вѣкъ; но старикъ Руссель наконецъ отыскиваетъ такого рыцаря, де Трелана, который выше всего ставитъ благородство, и поступки котораго заставляютъ всѣхъ удивляться и уважать его. Отецъ Трела-

на имѣлъ какія-то дѣла съ Русселемъ и, не понимая какъ управлять ими, разорился и проигралъ процессъ, выигранный Русселемъ. У сына небольшое состояніе; Калиста замѣтила его въ домѣ своей подруги и миллионеръ не сомнѣвается, что Треланъ съ восторгомъ согласится быть его зятемъ. Однако онъ ошибается. Треланъ объявляетъ, что Калиста ему нравится, что онъ почитаетъ ее благородною, доброю дѣвушкою, но никогда не женится на ней, потому что приданое ея накоплено не честно, хотя законы не могутъ ни въ чемъ упрекнуть Русселя. Напрасно миллионеръ употребляетъ все средства, чтобъ уговорить упрямаго рыцаря, потому что онъ замѣтилъ неравнодушіе къ нему Калисты; но Треланъ остается непреклоннымъ, хотя ревнуетъ дѣвушку къ молодому биржевому агенту Балардье, ухаживающему за приданнымъ Калисты, и собирается ѣхать въ Персію. Руссель въ отчаяніи, потому что боится лишиться уваженія дочери, если она узнаетъ настоящую причину отказа Трелана. Калиста хочетъ уже выдти за Балардье, думая, что Треланъ не любитъ ее, но вдругъ приходитъ извѣстіе, что на биржѣ сдѣлался большой переворотъ, что капиталы Русселя лопнули и онъ разорился. Тогда Треланъ проситъ руки Калисты, увѣряя ее, что отецъ ея достоинъ уваженія, и Руссель радуется своему несчастію, общая себя впередъ быть разборчивѣе въ дѣлахъ.

Пьеса ведена просто, безъ натяжекъ; характеры вѣрны, положенія занимательны. Превосходна сцена, когда музыкантъ Кандара получаетъ отказъ въ рукѣ Калисты и съ досады говоритъ, что она не найдетъ себя порядочнаго мужа, потому что репутація ея отца сомнительна: *Vonne renommée vaut mieux que ceinture dorée*, прибавляетъ онъ уходя, и Калиста начинаетъ подозревать правду. Положеніе отца ужасно и онъ осмѣливается взглянуть прямо на дочь только когда узнаетъ о своемъ разореніи. Нечего и говорить, что превосходная труппа Гимназіи отлично сыграла эту комедію, успѣхъ которой былъ не такой шумный, какой заслужила пьеса Дюма сына, но кажется будетъ продолжительнѣе и прочтѣе.

Театръ Водевиля поставилъ *la Chercheuse d'esprit*, написанную остроумно Фаваромъ и передѣланную на современные нравы съ большимъ искусствомъ. Притомъ же, къ этой комедіи придѣлали премиленькіе куплеты и сыграли ее превосходно. Стало быть, нѣтъ ничего мудренаго, что пьеса понравилась публикѣ.

Жаль, что нельзя сказать того же самого о пьесѣ *Au coin du feu*. Это разговоръ двухъ супруговъ, которые курятъ, сидя у камина. Октаву Фелье удавалось изъ такого положенія составлять занимательныя сцены, которыя однако нравились болѣе въ чтеніи, но это еще не

значить, чтобъ можно было надѣлать публикѣ безконечными супружескими разговорами, въ которыхъ нѣтъ ничего любопытнаго, тѣмъ болѣе, что супруги эти давно охолодѣли другъ къ другу. Чтобъ воспламенить ихъ опять, авторъ заставляетъ ихъ подслушать разговоръ соседей, въ которомъ молодой человѣкъ изъясняется очень страстно въ любви какой-то дѣвушкѣ, и супруги, завидуя ихъ счастью, начинаютъ повторять тоже самое. Вотъ и вся пьеса, которая усыпила публику.

Les amours d'un serpent, имѣла тоже не блистательный успѣхъ, хотя пьеса разыграна превосходно. Въ деревнѣ есть музыкантъ, играющій на серпентѣ; онъ до того неловокъ и робокъ, что все поселанки смѣются надъ нимъ, и ни одна не хочетъ отвѣчать на его любовь. Артистъ пошелъ въ солдаты, гдѣ попалъ тоже въ музыканты и на его долю достался офикендъ. Военная жизнь и инструментъ совершенно измѣнили простака и онъ вернулся въ деревню такимъ молодцомъ, что уже за нимъ начали бѣгать невѣсты. Онъ выбираетъ богатую фермершу и женится на ней. Свадьба будетъ не совсѣмъ веселая, потому что публика приняла молодыхъ очень холодно.

Театръ Веселости не перестаетъ мучить свою публику раздражительными мелодрамами. *Le Masque de roix* возобновила все ужасы старыхъ временъ; только происшествія эти не вымышлены и взяты изъ судебныхъ слѣдствій, отчего они еще поразительнѣе. Молодая дѣвушка, модистка, живетъ честно своею работою, любитъ своего жениха Бернара, слесаря, который работаетъ изо всѣхъ силъ, чтобъ накопить немного денегъ на свадьбу и не обращаетъ вниманія на волокитъ, преслѣдующихъ ее своими объясненіями и предложеніями. Впрочемъ, отъ нихъ избавляетъ ее Маріель, парижскій гаманъ, преданный Луизѣ всею душою. Въ числѣ ея обожателей есть даже графъ, предлагающій ей свою руку и богатство, но она остается вѣрна Бернару. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Луиза сама знатнаго рода и что графъ ея родственникъ. Старшій его братъ женился на бѣдной дѣвушкѣ и разорясь съ семействомъ уѣхалъ въ другой городъ, гдѣ умеръ, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Жена его послѣдовала за нимъ въ могилу и маленькую Луизу взяли бѣдные люди и воспитали. Графъ, принужденный признать племянницу и отдать ей братнино имѣніе, рѣшается погубить дѣвушку. Прежде онъ предлагаетъ ей выйти за мужъ за своего повѣреннаго; но когда Луиза отказывается, злодѣй приказываетъ своему слугѣ задушить ее смоляною маскою. Все придумано какъ нельзя лучше и бѣдная сирота должна погибнуть, но Маріель спасаетъ ее, избавляетъ отъ нѣжныхъ родныхъ и соединяетъ съ Бернаромъ. Публика плакала, дрожала отъ страха и ужаса: чего же болѣе для мелодрамы?

На театрѣ Разнообразія Арналь смѣшить до-упаду въ фарсъ *Le subtil*, гдѣ играетъ роль демона. Сюжетъ нечего рассказывать, потому что это сборъ всевозможныхъ глупостей, нечаянностей, несообразностей; но все это такъ смѣшно и неожиданно, что публика долго будетъ ходить смотрѣть этого удивительнаго артиста, который въ каждой новой роли открываетъ какую-нибудь новую сторону своего таланта и всегда знаетъ, какъ развеселить самыхъ задумчивыхъ зрителей.

Наконецъ, расскажем удивительную исторію, подъ названіемъ *Les Noces Venitiennes*, сочиненія Виктора Сежуръ. Правда, что въ ней мало оригинальнаго и публика давно знакома со всеми этими персонажами и декораціями, но она написана живо и поразительно и увлекаетъ публику, не смотря на преувеличеніе венеціанскихъ нравовъ.

Въ столицѣ грозной республики живетъ гетера Морозина, къ ногамъ которой склонялись патриціи и плебеи, потому что она была любима однимъ изъ правителей Венеціи и всѣ боялись ея мщенія. Вдругъ одинъ дерзкій осмѣлился презирать эту женщину и даже однажды нарочно толкнулъ гондолу Морозины. Это былъ Галіень, молодой генераль, одержавшій недавно побѣду и котораго народъ почиталъ спасителемъ отечества. Морозина идетъ жаловаться Орсеолу и просить его содѣйствія, чтобъ отместить Галіену.

Этотъ Орсеола олицетвореніе всей республики. Онъ президентъ совѣта Трехъ, живетъ окруженный сбирами, шпионами. Жизнь всѣхъ гражданъ въ его рукѣ: онъ суровъ и непреклоненъ ко всѣмъ. Онъ завидуетъ славу Галіена и готовъ помогать Морозинѣ въ мщеніи, чтобъ погубить молодаго генерала, имя котораго слышится поминутно въ народѣ. Одно только человѣческое чувство осталось въ сердцѣ Орсеола, это любовь къ единственной дочери, Альбонѣ.

Пронски президента совѣта довели Галіена до того, что онъ принужденъ бѣжать изъ Венеціи, и Морозина слѣдуетъ за нимъ въ качествѣ шпиона республики.

Оставаяя отечество, молодой человѣкъ удалился на островъ Сигнію, гдѣ ускоки выбрали его своимъ предводителемъ и слѣпо ему повинуются. Подъ именемъ капитана Чернаго, онъ составилъ изъ разбойниковъ непобѣдимое войско, наводящее на всѣхъ страхъ, и Венеція, слыша о подвигахъ ускоковъ, начинаетъ бояться за свою безопасность.

Однажды ускоки остановили венеціанскую галеру, на которой была дочь Орсеола. Галіень спасаетъ ее отъ своихъ подчиненныхъ и узнавъ, что Альбона любитъ его, раскаивается, что сдѣлался ускокомъ и хочетъ вернуться въ Венецію. Морозина останавливаетъ безумца, объя-

вляеть ему, что онъ идетъ на встрѣчу погибели и что никогда Орсеола не отдастъ за него дочь. Поступокъ этотъ покажется страннымъ, но онъ очень естественъ. Морозина, какъ шпионъ республики, вмѣсто того, чтобъ ненавидѣть изгнанника, влюбилась въ него и, боясь соперницы, хочетъ, чтобъ Галіенъ остался на островѣ; но любовь молодого человѣка увлекаетъ его и онъ отвозитъ Альбону отцу. Морозина слѣдуетъ за нимъ, но ее тотчасъ же останавливаютъ сбiry, ведутъ въ совѣтъ Десяти и въ залѣ пытки дѣлають ей вопросъ: Капитанъ Черный одно ли лицо съ Галіеномъ? Надобно себѣ вообразить положеніе молодой женщины. Она не ждетъ пощады отъ Орсеола, она увѣрена, что изгнанникъ ее не любитъ, но объявляетъ, что не знаетъ, кто этотъ капитанъ Черный. Президентъ приказываетъ ее пытать, но Галіенъ, вбѣгая въ залу, самъ обвиняетъ себя. Казнь его неизбѣжна, но Альбона останавливаетъ руку отца, говоря, что умереть вмѣстѣ съ преступникомъ. Тогда ускоку назначаютъ вмѣсто тюрьмы дворецъ Орсеола, и туда собираются всѣ недовольные, всѣ ускоки и хотятъ освободить Галіена. Президентъ совѣта все-таки объявляетъ, что не отдастъ дочери потомуку Фальеро и приказываетъ Морозинѣ заколотъ его, но она отказывается отъ любви генерала, а Альбона грозитъ отравиться, если ее разлучать съ нимъ. Тогда Орсеоло соглашается на бракъ, но рѣшеніе это стоитъ ему самому жизни.

Обстановка пьесы этой великолѣпна, разыграна она съ большимъ талантомъ Лижье, Люге, г-жею Гюйонъ и Лиа Феликсъ. Словомъ, театръ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ обезпеченъ на восемьдесятъ полныхъ представлений.

Одинъ изъ самыхъ большихъ театровъ въ Германіи, Дессаускій, сгорѣлъ, не смотря на всѣ усилія, чтобъ остановить дѣйствіе огня. Декораціи, костюмы и богатая библіотека сдѣлались жертвою пламени. Въ короткое время сгорѣло уже нѣсколько театровъ въ Европѣ.

Въ Лондонѣ играли на Дрюриленскомъ театрѣ Сѣверную Звѣзду Мейербера, которая, разумѣется, имѣла большой успѣхъ; но на другой день маэстро запретилъ директору представленія въ такомъ видѣ, потому что опера была совершенно изуродована.

Доходы парижескихъ театровъ дошли въ февралѣ мѣсяцѣ до 1,342,034 франковъ.

Изъ этого числа императорскіе театры собрали 385,887 франковъ, а второстепенные 956,147. Сюда не включены еще сборы концертовъ, баловъ, музыкальных ресторановъ и рѣдкостей.

Членъ академіи Надписей, Эжеръ, нашелъ въ египетскихъ папирусахъ, привезенныхъ Маріетомъ, неизвѣстный отрывокъ изъ трагедіи Эв-

рипида. Это очень важно для ученых, которые найдут обильную пищу для розысканий, разсуждений и сравненій.

Говорять, что журналистика погибает во Франціи, но кажется, что положеніе ея не такъ опасно, потому что явился новый журналъ, принятый публикою съ удовольствіемъ. Онъ называется *Journal des Sapeurs—Pompiers*.

Поговоримъ теперь объ успѣхахъ промышленности. Вотъ краткій очеркъ главныхъ открытій и усовершенствованій въ прошедшемъ году:

Фотографія, тѣсно связанная съ искусствомъ и съ наукою, доведена до того, что живо и ясно изображаетъ пейзажи, барельефы, статуи, монументы, со всеми мелкими подробностями, незамѣтными для глаза, со всеми оттѣнками, невозможными для человѣческой руки. Гравюры великихъ мастеровъ стали чрезвычайно рѣдки и могли бы исчезнуть отъ времени, но фотографія воскресила эти образцовыя произведенія и распространила ихъ, исправляя вкусъ артистовъ лучшими моделями.

Другая наука нашла средство спасти рѣдкія изданія книгъ. Стоить взять страницу старой книги, натереть ее химическимъ составомъ и приложить къ камню. Этимъ способомъ вы можете произвести нѣсколько экземпляровъ какого угодно изданія и древней гравюры, единственной въ своемъ родѣ. Снимокъ будетъ такъ похожъ на оригиналъ, что невозможно будетъ отличить одного отъ другаго. Это *гомеографія*.

Явился новый металлъ алюминій, имѣющій качества выше всехъ извѣстныхъ металловъ и находящійся подъ нашими ногами, въ глинѣ, на которую мы не обращали вниманія. Изъ него сдѣлали медали, чтобъ означить эпоху открытія, въ ожиданіи, что промышленность овладѣетъ имъ.

Въ области естественной исторіи Франція обогатилась многими полезными породами животныхъ, увеличивающихъ число кушаньевъ и дающихъ фабрикамъ новыя матеріалы для тканья. Назовемъ маленькую породу китайскихъ быковъ, названныхъ *iakъ* и розданныхъ фермерамъ. Бѣлая, тонкая ихъ шерсть превосходна въ работѣ, какъ смѣшанная съ другими, такъ и одна; мясо ихъ вкусно и питательно. Если порода эта расплодится, то принесетъ большую пользу, потому что вообще во Франціи мясо дорого и недоступно бѣдному классу, которому оно нужно для поддержанія силъ.

Привозъ индійскаго шелкового червя *эриа* общается также очень много. Онъ уже разведенъ въ Алжиріи и шелкъ его доставляетъ новую матерію. Въмѣстѣ съ нимъ перенесли во Францію клещевину, ко-

торымъ питается этотъ червь. На будущей выставкѣ будутъ матеріи и фуляры изъ новаго шелка.

Привозъ индѣйскаго червя, вмѣсто того, чтобъ ослабить дѣйствія дромскихъ и арденскихъ разводителей, только усилилъ ихъ, потому что они нашли средство дѣлать сборъ шелку два раза въ годъ. Теперь можно надѣяться, что шелковыя матеріи будутъ дешевле и доступны для всѣхъ.

До-сихъ-поръ во Франціи было только два прядильныхъ вещества—ленъ и пенька, тогда какъ въ другихъ странахъ прядутъ ткани изъ тростника, коры деревьевъ, лянъ. Хлопчатая бумага изъ Египта, Неаполя и Грузіи привезена въ Алжирію, гдѣ дѣлали опытъ разводить это растеніе. И оно удалось въ такой степени, что въ 1854 году въ первый разъ привезены были на рынокъ въ Гавръ тюки хлопчатой бумаги собственнаго издѣлія и фабрики начали употреблять ее въ дѣло.

Виноградъ вдругъ сдѣлался боленъ, и наука, не зная причины этой везанной болѣзни, не знала какъ помочь несчастію. Употребляли множество средствъ, изъ которыхъ немногіе производили небольшое улучшеніе, но все-таки не могли истребить болѣзни. Видя, что дурной сборъ винограда не обѣщаетъ большаго количества алкоголя, промышленность начала искать его въ другихъ растеніяхъ. Изъ свекловицы давно уже дѣлаютъ сахаръ и нѣкоторые департаменты обогатились, приготовляя изъ нея же алкоголь, но этого еще недостаточно, и скоро начали добывать алкоголь изъ растений златоцвѣтника, пырея, которыя растутъ въ большомъ количествѣ на всѣхъ поляхъ. Такимъ образомъ потеря была вознаграждена.

Болѣзнь картофеля—этой пищи бѣдныхъ, тоже угрожала большими несчастіями, но тотчасъ же начали разводить вездѣ ямсый корень, имѣющій вкусъ картофеля, но который нѣжнѣе и варится гораздо скорѣе. Растеніе это, точно также какъ картофель, растетъ во всѣхъ климатахъ Франціи, и новыя сѣмена, не успѣвшія ослабнуть и выродиться, доставятъ здоровую и обильную пищу.

Рыбы стали рѣдки въ рѣкахъ, и нѣкоторыя породы совсѣмъ исчезли, такъ что любители этого кушанья начали приходить въ отчаяніе. Говорили, что причиною этого безпрестанное плаваніе пароходовъ, пугающихъ рыбу и уносящихъ икру. Мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ, но думаемъ, что недостатокъ рыбъ происходилъ отъ безразсудной ловли, не щадящей маленькихъ рыбъ и дѣлаемой не во время, то-есть когда рыба мечетъ икру. Теперь за рѣками и рыбною ловлею устроенъ строгій надзоръ и всѣ увѣрили, что вездѣ рыбъ еще очень много и ни

одна порода не исчезла. Кроме того нашли средство быстро размножать рыбъ въ прудахъ и озерахъ и сохранять ихъ.

Никогда Франція не обращала такого вниманія на земледѣліе, какъ въ послѣднее время, потому что правительство поняло, что вѣрнѣйшее богатство страны состоитъ въ хлѣбѣ. Вотъ почему приняты многія усовершенствованія и машины, которыя принимаются поселянами, потому что дешевы и польза ихъ очевидна. Машины для удобренія земли, для жатвы, для молотбы, даже для сѣянія распространяются вездѣ. Поля прорыты канавками, куда стекаетъ вода, не дѣлая вреда корнямъ, и скоро устроятся резервуары для искусственнаго поливанія полей.

Навозъ—эта пища земли—тоже улучшился и сохраняется лучше прежняго, потому что наука обратила на него особенное вниманіе: начали смѣшивать его съ мыльною водою, съ содою, съ известью, чтобъ улучшить землю. Каменный уголь давно доставляетъ отопленіе и яркое освѣщеніе, и отъ него не требовали ничего больше. Скоро замѣтили, что освѣтительный газъ отдѣляетъ отъ себя соки въ видѣ густаго; чернаго вещества, которое выбрасывали. Однажды вздумали разложить эти соки и нашли въ нихъ плодотворительныя начала. Тотчасъ же развели ихъ въ водѣ, сдѣлали опытъ и удостовѣрились, что это лучшее удобреніе. Открытіе это очень важно, тѣмъ больше, что газовыхъ фабрикъ вездѣ много и вещество это можно достать очень дешево.

Изъ всѣхъ машинъ въ прошломъ году скорѣе принялась во Франціи молотильня, которую легко переносить изъ одной фермы на другую, и паровой плугъ, работающій чрезвычайно проворно. Разумѣется, каждый поселянинъ необязанъ имѣть этой машины, но она можетъ принадлежать округу, антрепренеру или обществу нѣсколькихъ земледѣльцевъ и все-таки обходится очень дешево.

Болота, находящіяся въ большомъ количествѣ во Франціи, также принесли большую пользу, потому что доставляютъ обильное и дешевое топливо—торфъ. Это показалось наукѣ недостаточнымъ и она начала разлагать, варить торфъ и добыла изъ него газъ, удобный для освѣщенія.

Желѣзо играетъ важную роль въ промышленности. Оно даетъ парходы, локомотивы, рельсы и теперь замѣняетъ камень въ зданіяхъ, которыя дѣлаются легче, удобнѣе, красивѣе.

Дерево тоже застраховано отъ огня. Химія нашла составъ, который дѣлаетъ доски несгораемыми, и каленое ядро или граната можетъ разбить шалашъ, построенный изъ такого дерева, но никакъ не сожжетъ его. Открытіе это сдѣлано въ Англіи, но Франція первая приняла его.

Навигация тоже идетъ впередъ. Машины дѣлаются проще, удобнѣе и сила ихъ увеличивается, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ расходовъ. Винтовые машины входятъ во всеобщее употребленіе и машины приводятся въ движеніе парами эфира, смѣшанными съ водяными. Этотъ новый двигатель принимается съ успѣхомъ.

Для избѣжанія несчастій на желѣзныхъ дорогахъ придумано тоже много машинъ для удержанія и отцѣпленія вагоновъ. Особенные телеграфы устроены, чтобъ предупреждать о несчастіяхъ: сигналы и звонъ даютъ знать—остановиться поѣзду или отойти назадъ.

Однако, не смотря на всѣ предосторожности, все-таки нельзя предвидѣть препятствія или случайности, и поѣзды будутъ сталкиваться, покуда инженеры и механики не найдутъ средства остановить поѣзды въ минуту. До-сихъ-поръ это кажется невозможнымъ. И потому изобрѣтатели недовольны тяжестью машины и сложными работами и начали придумывать другой способъ путешествія.

Система атмосферическихъ дорогъ была открыта и, послѣ удачныхъ опытовъ въ Парижѣ и Лондонѣ, въ 1844 году устроили такую дорогу въ Ирландіи. Теперь изъ Пека въ Сен-Жермень находится образчикъ этой системы, заслуживающей всеобщее одобреніе.

Авторъ этого проекта, инженеръ Сегенъ старшій, предлагаетъ устроить туннель на пространствѣ линіи желѣзной дороги со станціями, и такъ какъ воздухъ будетъ разрѣженъ въ закрытомъ пространствѣ, то поѣздъ будетъ двигаться только струею воздуха. Локомотивъ, причиняющій большую часть несчастій, будетъ уничтоженъ, слѣдственно и рельсы будутъ цѣлѣе отъ убавленія тяжести. Закрытой линіи также не помѣшаетъ никакая погода, производящая иногда большія безпорядки на желѣзныхъ дорогахъ. Снѣгъ же иногда совсѣмъ прерываетъ сообщенія; стало быть, система Сегена устраняетъ всѣ неудобства нынѣшнихъ желѣзныхъ дорогъ, и если удобоисполнима на небольшомъ пространствѣ, то можетъ быть примѣнена и къ большому. Одно только надобно рассчитать, обойдется ли она дешевле нынѣшнихъ дорогъ. Это очень важный вопросъ, особенно въ настоящее время. Дорогія предпріятія отлагаются на будущее время и, кажется, что атмосферическія дороги должны ждать, покуда поймутъ и оцѣнятъ это важное открытіе. Можетъ быть, лѣтъ черезъ десять или двадцать, исчезнутъ линіи желѣзныхъ дорогъ, какъ теперь заброшены проѣзжія дороги, и мы будемъ путешествовать, толкаемые воздухомъ. Покуда система эта находитъ много противниковъ. Мы кажется забыли, что отцы наши смѣялись надъ силою паровъ и что мы сами не вѣрили, чтобъ колеса вагоновъ могли подвигаться на скользкихъ рельсахъ.

Наука объ электричествѣ находится еще въ младенчествѣ, но все-таки стремится къ общей пользѣ. Она создала гальванопластику, и это примѣненіе къ промышленности сдѣлало большіе успѣхи.

Шелковыя фабрики присвоили ее себѣ, чтобъ замѣнить одну часть Жакаровскаго станка, и если результатъ не совсѣмъ рѣшенъ, то уже на дорогѣ къ усовершенствованію.

Въ эту минуту стараются примѣнить электричество къ типографіи. Это придастъ новую силу книжной торговлѣ и распространитъ просвѣщеніе съ быстротою электричества.

Наконецъ, одинъ человекъ вздумалъ употребить электромагнитизмъ для управленія воздушныхъ шаровъ. Этотъ вопросъ давно уже занимаетъ все умы. Академія наукъ назначила комисію, обязанную разсматривать все сообщенія по этому предмету, и надобно признаться, что ей очень много дѣла, потому что планы объ управленіи аэростатами сыплются со всехъ сторонъ.

Въ 1854 году взято было даже нѣсколько привилегій, но все опыты имѣли мало успѣха. Разумѣется, что со временемъ найдутъ этого двигателя шаровъ, потому что все стремится къ этой цѣли и все доказываетъ скорый успѣхъ. Надобно только больше терпѣнія и трудовъ. Электричество давно доказало, что можетъ сообщать извѣстія черезъ моря; но сколько времени оно ждало, чтобъ промышленность выработала для проволоки непроницаемую оболочку.

Аэростатъ уже нѣсколько вѣковъ ждетъ, чтобъ нашлась сила, которая бы могла имъ управлять, и, кажется, что электричество приметъ на себя эту роль. Когда воздушный шаръ будетъ повиноваться волѣ человека и летать по воздуху, какъ пароходъ по морю или вагонъ по рельсамъ, въ мірѣ произойдутъ большія перемѣны.

Вотъ все успѣхи промышленности за прошлый годъ; много ли она подвинется впередъ въ нынѣшній и до того ли ей будетъ? Выставка отчасти докажетъ это.

На Италіанскомъ бульварѣ вокругъ одного дома нѣсколько дней толпится публика. Она смотритъ на рельефный планъ Севастополя, привезенный изъ Лондона и сдѣланный однимъ англійскимъ капитаномъ. Планъ этотъ сдѣланъ изъ картона, со всеми малѣйшими подробностями, подобно маніатюрнымъ планамъ Тулона, Марселя, Бреста, Рошфора и другихъ портовъ, сохраняемыхъ въ Луврѣ и въ морскомъ музеѣ. При этомъ приставленъ человекъ, рассказывающій, съ которой стороны стоятъ войска, гдѣ батареи, все примѣчательности города и окрестностей, и эти замѣчательныя лекціи слушаютъ съ такимъ вниманіемъ и любопытствомъ,

какого не встрѣтишь ни на одномъ публичномъ курьѣ, потому что современная исторія понятнѣе для всѣхъ и ближе къ сердцу:

Последній ураганъ, бывшій въ Парижѣ, нанесъ большой вредъ кристалльной крышѣ дворца промышленности. Градь разбилъ нѣсколько стеколъ, которыя очень трудно будетъ теперь вѣтавить. И въ отверстія влетѣло множество птицъ, которыхъ нѣтъ никакой возможности выпнать. Они летаютъ по всѣмъ галереямъ и подбираютъ крошки, оставшіяся отъ завтрака работниковъ. Эта же буря причинила много несчастій на морѣ.

Фелисиенъ Давидъ, прославившійся своими симфоніями, рѣшился снова явиться на сценѣ. Оперу его ставятъ на Лирическомъ театрѣ съ большимъ великолѣпіемъ. Либрето написалъ не обыкновенный оперный поставщикъ, Скрибъ, или Сень-Жоржъ, но одинъ изъ любимыхъ писателей, Мери.

Плесси пріѣхала въ Парижъ и готовится вступить опять на ту сцену, гдѣ начала свое поприще. Какъ-то приметъ публика прежнюю свою любимицу? Въ Парижѣ такъ забывчивы, но талантъ прекрасной актрисы, вѣроятно, оцѣнится и ей сдѣлаютъ блистательный пріемъ.

Говорятъ, что одинъ ліонецъ пріобрѣлъ стальную кровать Наполеона I, которую онъ бралъ съ собою во всѣ кампаніи и которая осталась близъ Ватерлоо. Одинъ прусскій солдатъ продалъ ее бельгійскому священнику, сохранившему ее до своей смерти, которая случилась недавно. Наслѣдникъ этого священника продалъ ее теперь жителю Ліона, случившемуся въ Бельгіи, и историческая кровать (если только она не подложная) привезена будетъ во Францію.

Литература и искусства сдѣлали чувствительную потерю. Фердинандъ Сере, авторъ сочиненія *Le livre d'or des Métiers*, умеръ на тридцать-седьмомъ году.

Химія тоже оплакиваетъ ученаго Мансфильда, который погибъ изъ любви къ наукѣ. Онъ заперся въ своей лабораторіи, чтобъ дѣлать какіе-то новые опыты; но вдругъ послышался взрывъ, отъ котораго обвалился потолокъ и задавилъ химика. Такихъ страстныхъ ученыхъ, какъ Мансфильдъ, остается немного.

Дворецъ промышленности, не смотря на свою обширность и постройки, все еще кажется недостаточнымъ, потому что въ Елисейскихъ же Поляхъ строятся еще большія галереи, съ стеклянною крышею, въ которыхъ будутъ продаваться оптомъ товары, находящіеся на выставкѣ только въ образчикахъ. Архитекторъ Викторъ Ленуаръ построилъ уже легкое зданіе, на пространствѣ пятнадцати тысячъ метровъ, выходящее на три стороны: на площадь Франциска I, на Антенскую улицу и на

Курь-ла-Рень, гдѣ развивается на двухъ этахъ метрахъ великолѣпный фасадъ съ надписью: Comptoirs de vente des produits de l'industrie universelle. Внутри галерей, въ нѣсколько рядовъ, разставлены однообразные прилавки, между которыми можно свободно ходить и покупать въ большомъ количествѣ товары, которые на большой выставкѣ находятся въ видѣ образцовъ. Разумѣется, что всѣ фабриканты посѣщаютъ занять прилавки, въ надеждѣ сбыть побольше своихъ произведеній, и публика, вмѣсто одной, найдетъ почти двѣ выставки.

До-сихъ-поръ *шестнадцать* французскихъ музеевъ были открыты публикѣ и каждый изъ нихъ имѣлъ только сухой каталогъ, съ которымъ справлялись ученые и любопытные. Но къ выставкѣ почувствовалась необходимость описанія всѣхъ музеевъ, чтобъ прїѣзжіе могли видѣть всѣ богатства Франціи, и работу эту, трудную и хлопотливую, принялъ на себя извѣстный литераторъ-путешественникъ, изучившій всѣ европейскіе музеи, Луи Виардо.

Книга его выйдетъ подъ названіемъ *Musées de France*; авторъ совершенно безпристрастно судитъ и опредѣляетъ недостатки и несовершенства французскихъ коллекцій. Особенно коллекціи картинъ очень не полны, и въ Луврекомъ музеѣ недостаетъ еще многихъ произведеній знаменитыхъ художниковъ, чтобъ сравниться съ дрезденскою галереєю, римскою, флорентинскою, берлинскою. За то парижская галерея антиковъ богатѣйшая во всемъ свѣтѣ, потому что, по сознанию всѣхъ художниковъ, нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго Венерѣ Милоской и Діаны съ ланью. Историческихъ бронзъ очень мало въ музеѣ. Разумѣется, что авторъ много надѣется на будущее; однажды уже было, что всѣ знаменитыя произведенія Европы привезены были въ Парижъ и хотя погостили недолго, но все-таки оставили по себѣ сильное впечатлѣніе и распространили вкусъ къ изящному, который съ-тѣхъ-поръ развился еще болѣе.

Луи Виардо живо и занимательно рассказалъ всю исторію французскихъ музеевъ и доказалъ, что они, по молодости своей, не могутъ быть богаче и значительнѣе. Онъ опровергаетъ мнѣніе, что въ прежнее время дѣлано было много для художествъ во Франціи. Правда, что Францискъ I покровительствовалъ артистамъ; но Людовикъ XIV, оставившій имя свое вѣку и почитавшійся представителемъ успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ познаній, противился основанію національнаго музея, предложеннаго Кольберомъ. Вотъ почему въ царствованіе его: Пуссенъ, Лессюерь, Пюже, Лорренъ, первые артисты вѣка, удалились изъ Франціи и оставили въ ней посредственность въ видѣ школы Лебрена. Луврскій музей обязанъ своимъ существованіемъ конвенту, имперія покрови-

тельствовала напыщенной школь Давида, тогда какъ французскій Кореджіо, Прудонъ, умиралъ въ бѣдности и неизвѣстности.

Много надобно было историческихъ изысканій, чтобъ составить этотъ любопытный каталогъ: но Луи Виардо исполнилъ этотъ трудъ добросовѣстно и блистательно и заслужилъ благодарность не только Франціи, но и всей образованной Европы, которая посѣтитъ парижскую выставку.

Нельзя умолчать о новой книгѣ Ламартина: *Lectures pour tous*. Увы! Всѣ въ одинъ голосъ сознаются, что *чтеніе* это нисколько не занимательно. По всему видно, что авторъ *Гармоній* дѣлаетъ изъ своихъ сочиненій спекуляцію, подъ которою посоветился бы подписать свое имя начинающій литераторъ. Политическія бури и разстройство въ дѣлахъ, кажется, истожили талантъ поэта, который лучше бы оставилъ въ покоѣ спекуляціи, чтобы сохранить свою славу.

Вышелъ также любопытный *Album vendéen*, великолѣпное изданіе извѣстнаго артиста Тома Драка, который изучилъ эту любопытную страну какъ въ замкахъ, такъ и въ хижинахъ, и представилъ публикѣ прекрасные виды, занимательныя описанія—словомъ, это одно изъ изящныхъ изданій, которое разоидется въ нѣсколько дней.

Въ литературѣ, за неимѣніемъ новостей, занимаются полемикою. *Revue des deux mondes* и *Revue de Paris* начали между собою сильную вражду по поводу объявленія, сдѣланнаго въ первомъ изъ этихъ журналовъ. Вотъ это объявленіе:

«Назначается двѣ тысячи пятьсотъ франковъ на разрѣшеніе вопроса: Какъ оживить литературный духъ и произвести движеніе въ литературѣ, подобное тому, какое было въ концѣ реставраціи и въ началѣ іюльской монархіи.»

Предложеніе это, разумѣется, странно, но желающіе получить награду не смѣютъ свободно обсуждать этотъ вопросъ, а должны подчиниться програмѣ, назначенной журналомъ *Revue des deux mondes*. Въ програмѣ сказано, что должно сдѣлать бѣглый обзоръ литературы въ послѣдніе тридцать лѣтъ, означить какое вліяніе имѣла на нее критика и французская академія.

При подобныхъ условіяхъ конкурсъ совѣсмъ лишній, потому что награда давно уже заслужена Сенъ-Бевомъ и Густавомъ Планшъ, которые весь свой вѣкъ пишутъ на этотъ сюжетъ. Или редакція не довольна этими старыми бойцами и хочетъ вызвать новыхъ, доказавъ имъ, что молодое поколѣніе не умѣетъ писать и что только сотрудники *Revue des deux mondes* могутъ почестся истинными, единственными литераторами, хранителями языка и просвѣщенія.

И вотъ *Revue de Paris* начинаетъ очень остроумно, если не совѣсмъ

основательно, разсматривать предложеніе редакціи *Revue de deux mondes* и разбирать сотрудниковъ журнала. Выпишемъ нѣсколько выходовъ:

«Въ програмѣ сказано также, что рукописи должны быть присылаемы запечатанными, съ девизомъ на каждой. Мы готовы согласоваться съ этимъ рыцарскимъ правиломъ и выберемъ себѣ девизомъ фразу г. Ремюза, выражающую въ совершенствѣ нашу мысль: *Будемъ неосторожны*. Потомъ начнемъ съ того, что литературныя движенія не импровизируются, какъ фельетоны; что нельзя увѣрить публику въ существованіи того, чему она не вѣритъ или не хочетъ вѣрить; послѣ чего, оставя теоріи, мы перейдемъ къ лицамъ, воображающимъ, что они поддерживаютъ современную литературу.

«Если бы составитель объявленія былъ чистосердечнѣе, то онъ просто бы сказалъ, что редакція *Revue des deux mondes* нанимаетъ за сумму въ двѣ тысячи пятьсотъ франковъ злаго критика, которому будетъ поручено унижить всѣ современныя репутаціи, оклеветать всѣ знаменитости, доказать, что поэты наши безъ таланта, романисты просто промышленники, историки безумные или преступники, философы—идеологи, словомъ, что искусство умерло, что всѣ перья притупились, что энтузіазмъ не существуетъ, вѣрность равняется глупости, словомъ, что все умерло, что всѣ мы спимъ.

«Давно какъ-то въ журналахъ одинъ шарлатанъ объявлялъ, что даетъ десять тысячъ франковъ тому, кто докажетъ, что его вода для рошенія волосъ недействительна. Теперь бессильная критика даетъ двѣ тысячи пятьсотъ франковъ, чтобъ доказать, что воображеніе умерло во Франціи и что надобно сильное средство, чтобъ оживить покойника. Развѣ есть лекарство, способное возвратитъ старику силы молодости? Не лучше ли искать силу тамъ, гдѣ она должна быть, то—есть въ молодости.

«Обратимся къ писателямъ чисто-литературнымъ, которые заслуживали названіе *geniev* въ *Revue des deux mondes*. Вотъ Мериме, съ британскою холодною наружностію, отъ которой никакъ нельзя ожидать, чтобъ это былъ увлекательный разскащикъ, повѣсти котораго читаются и долго еще будутъ читаться съ восторгомъ. Этой славы литератора было мало честолюбцу, и онъ принялся писать пошлыя историческія статьи, дѣлать смѣшныя археологическія розысканія. Къ чему это униженіе таланта, который съ другимъ направленіемъ могъ бы имѣть сильное вліяніе на современниковъ? но даже и въ повѣстяхъ Мериме воссѣваетъ одинъ матеріализмъ, учить не вѣрить въ людей, въ чувства, словомъ уничтожаетъ все очарованіе и холодно смѣется надъ страданіями души. Это ли назначеніе писателя? Впрочемъ, можетъ быть это направленіе привело Мериме въ академію, куда писа-

тель не можетъ попасть, не отказавшись отъ всѣхъ увлеченій и очарованій молодости.

«Но писатели, назначающіе преміи въ 2500 франковъ, должны, по видимому, заботиться объ успѣхахъ литературы. Нисколько. Ни одинъ изъ нихъ не подалъ руку помощи молодому, еще неизвѣстному таланту, никто не поддержалъ сильнымъ покровительствомъ начинающаго поэта. О неизвѣстныхъ писателяхъ они молчатъ, объ обыкновенныхъ репутаціяхъ судятъ высокомѣрно, на гениальныхъ нападаютъ съ ожесточеніемъ: вотъ програма сотрудниковъ *перваго* французскаго журнала! Въ 1838 году явился поэтъ съ книгою *Myosotis*, наполненною чудными стихами и, кромѣ двухъ журналовъ, никто ее не удостоилъ вниманіемъ. Феликсъ Піа, говоря о новой книгѣ, печально выразился какъ предсказатель: «Вотъ новый поэтъ, сказалъ онъ: новый талантъ, полный жизни, надеждъ... неужели и его заставятъ умереть съ голоду?» И чтожь: черезъ годъ предсказаніе сбылось: Гежесинъ Моро умеръ какъ Жильберъ и Чатертонъ, и послѣ смерти признанъ истиннымъ поэтомъ; сочиненія его разошлись нѣсколькими изданіями. Отчего же при жизни никто не вздумалъ помочь бѣдному поэту? Тогда премія въ 2500 франковъ была бы кстати. Но нѣтъ, *Revue des deux mondes* и по смерти не призналъ таланта Моро.

«Сен-Бёвъ, имѣющій привилегію въ этомъ журналѣ хоронить всѣхъ французскихъ поэтовъ и романистовъ, вздумалъ какъ-то разобрать стихотворенія покойнаго поэта, и нашелъ, что Моро не могъ быть хорошимъ писателемъ. Его упрекали тоже въ томъ, что онъ бѣденъ и воспѣваетъ одни страданія: будто можно требовать веселыхъ звуковъ у больной, огорченной души.

«Два критика цѣлые тридцать лѣтъ работаютъ въ этомъ журналѣ, и вліяніе ихъ должно быть очень важно на литературу; но этого что-то незамѣтно, потому что никто не можетъ безусловно вѣрить ни на смѣшливымъ остромамъ Сен-Бёва, ни злымъ сужденіямъ Густава Планша.

«Что же это наконецъ за безжалостный человѣкъ? Его никакъ нельзя упрекнуть, чтобъ онъ перемѣнился въ своихъ правилахъ, чувствахъ, убѣжденіяхъ, потому что онъ всегда былъ одинаково золъ, жестокъ, никогда не зналъ состраданія, не трогался ни стихами поэта, ни страданіями бѣдняка, ни чудною картиною природы. Словомъ, это олицетворенная злость, это жаба, описанная Шекспиромъ, у которой въ головѣ драгоценный камень:

Which, like the toad, ugly and venomous,

Wears yet a precious jewel in his head.

«Ядовитый критикъ составилъ себѣ репутацію тѣмъ, что смѣлъ открыто напасть на Гюго, и съ-тѣхъ-поръ не перестаетъ преслѣдовать поэта, передѣлывая его драмы по-своему, смѣясь надъ его вдохновеніями, точно также, какъ позже, смѣялся надъ исторіею Мишле. Только смѣхъ этотъ никакъ не переходитъ къ читателямъ, но производитъ неприятное чувство и страхъ, смѣшанный съ досадою, что есть люди, способные уничтожить лучшія наши чувства; чистыя впечатлѣнія молодости. Послѣ этого критикъ сталъ уже самовластно рѣшать, что въ настоящее время никто не умѣетъ писать и что *Ламартинъ имѣетъ даръ стиховъ, но что ему надобно учиться писать прозою*. И противъ такого чудовищнаго сужденія никто не нашелся отвѣчать критику, никто не сказалъ, что не мѣшало бы ему самому поучиться логикѣ и быть добросовѣстнѣе.

«Сен-Бѣвъ во-время отказался отъ поэзіи и перешелъ на роль критика, принаравливаясь къ событіямъ, употребляя хитрость тамъ, гдѣ Планшъ прямо поражаетъ непріятеля. Такъ какъ Гюго былъ обреченъ на жертру Планшу, то Сен-Бѣвъ выбралъ себѣ Бальзака, чтобъ хоть послѣ смерти унижить автора *Человѣческой комедіи*. Правда, что при жизни романиста критикъ предсказывалъ, что *черезъ десять лѣтъ* никто не будетъ читать Бальзака; но теперь онъ не смѣетъ повторять этихъ словъ, потому что слава романиста все еще возрастаетъ и сочиненія его расходятся цѣлыми изданіями. Стало быть, всѣ старанія Сенъ-Бѣва были напрасны, и онъ старается только находить недостатки во всемъ, что является въ свѣтъ молодого, прекраснаго, добраго. Онъ, какъ эгоистъ, не любитъ ничего и не можетъ возбудить къ себѣ никакого чувства.

«Шарль де Мазадъ, начавшій тоже изданіемъ стиховъ, увѣряетъ въ *Revue*, что поэзія не существуетъ, что всѣ поэты сдѣлались *несносными говорунами*. Намекъ этотъ не совсѣмъ ловокъ, потому что можетъ быть примѣненъ къ самому автору.

«Альберъ де Броли, молодой писатель, извѣстный въ аристократическихъ гостиныхъ, вздумалъ тоже сдѣлаться знаменитымъ и выбралъ Шатобріана, чтобъ критиковать его также безжалостно, какъ Гюго и Бальзака. Но остроумное перо юноши не могло унижить старой славы. Онъ только заставляетъ сожалѣть, что молодое поколѣніе теряетъ уваженіе къ великимъ людямъ и дѣламъ прошедшаго и ставитъ себя выше всего. Кажется, что всѣ статьи его имѣютъ политическую цѣль—добраться какъ можно скорѣе до академіи, куда, разумѣется, онъ будетъ принятъ не въ качествѣ литератора. Стало быть, его нельзя принимать за серьезнаго писателя. Цѣль его совсѣмъ не литература: критика писана не по убѣжденію, а по заказу.

«Вотъ всѣ главныя дѣйствующія лица знаменитаго журнала, назначающаго преміи за статьи; вотъ критики, которыхъ боятся всѣ писатели, какъ молодые, такъ и заслужившіе уже репутацію. Нельзя требовать, чтобъ всѣ слѣдовали этимъ правиламъ. Всегда найдутся люди, готовые сорвать маску съ мнимыхъ великихъ людей и показать ихъ публикѣ въ настоящемъ видѣ.»

Статья о сотрудникахъ *Revue des deux mondes*, подписанная Лоранъ-Пиша, очень пространна. Что же касается до мнѣнія и нападокъ автора, то, разумѣется, съ нимъ согласятся немногіе. Полемика никогда ничего не докажетъ, и Лоранъ Пиша, упрекая Густава Плана въ жестокосердіи и несправедливости, заслуживаетъ отчасти самъ эти упреки, въ томъ же самомъ.

Процессы идутъ своимъ чередомъ въ Парижѣ. Споръ по случаю духовной графини дю-Кайля рѣшенъ. Принцесса Краонъ, дочь покойницы, получила замокъ Сентъ-Уенъ, потому что мать ея, выдавая ее замужъ, помѣстила въ свадебномъ контрактѣ статью, что послѣ смерти оставить ей *все* свое состояніе. Стало быть, она не могла отказать замокъ ни графу Шамбору, ни городу Парижу. Процессъ этотъ чрезвычайно занялъ публику.

Другой процессъ, еще интереснѣе, происходилъ между супругами высшаго круга, посящими историческія имена. Въ немъ нѣтъ ничего скандальнаго и постыднаго, потому что супруги разошлись добровольно по несходству характеровъ; но у нихъ былъ ребенокъ, дѣвочка, имѣвшая отъ роду нѣсколько мѣсяцевъ, съ которою ни отецъ, ни мать не хотѣли разстаться. Такъ какъ въ супружескихъ несогласіяхъ жена была признана виновною, то ребенокъ и остался у отца; но мать, подкупивъ слугъ, увезла его къ себѣ; по просьбѣ мужа, его опять взяли и отдали на воспитаніе къ Августинкамъ, гдѣ родители могли его навѣщать. Этого показалось мало матери, и она однажды, удаливъ подъ разными предлогами окружающихъ, увезла свою дочь и съ-тѣхъ-поръ никто не знаетъ, гдѣ она спрятана. Наконецъ мужъ, желая прекратить судебныя слѣдствія и обвиняя во всѣхъ несчастіяхъ не жену, а тещу, которая находила удовольствіе въ томъ, чтобъ есорить супруговъ, согласился оставить ребенка у матери, съ тѣмъ, чтобъ онъ могъ съ нимъ видѣться когда захочетъ.

Процессъ за колыбель ребенка заставляетъ уважать обѣ стороны, которыя доказали, что имъ дороже всего на свѣтѣ слабое существо, не понимающее еще ничего, не умѣющее узнавать никого, кромѣ кормилицы. И для этого ребенка собирались судьи, ораторы истощали свое краснорѣчіе, жандармы и полиція перевозили съ мѣста на мѣсто ма-

лютку; молодая женщина, аристократка, племянница вандейца Шарретта, проводила дни и ночи передъ рѣшеткою дома августинокъ, и молодой офицеръ императорской гвардіи хлопоталъ, чтобъ только посмотрѣть на свою дочь. Не утѣшительно ли послѣ процесовъ за имѣнія, нажитыя не совѣмъ праведно, послѣ преступленій изъ денегъ или изъ злости, слѣдить за преніями суда, который разсуждаетъ объ участи трехмѣсячнаго ребенка, оспариваемаго отцемъ и матерью?

Всега вѣроятнѣе, что колыбель эта, главная причина ссоры, послужить къ примиренію супруговъ: Улыбка ребенка могущественна, и скорѣе всѣхъ судей и адвокатовъ можетъ опять соединить родителей... если не помѣшаетъ теща.

Теперь неизвѣстно, позволить ли графиня Монтекию видѣться отцу съ дочерью, потому что ни она, ни мать ея не хотятъ открыть, куда спрятали ребенка, боясь, что его опять отнимутъ. Судья распорядился тѣмъ, чего у него нѣтъ въ рукахъ. Это похоже на духовную одного африканскаго солдата: я завѣщаю сержанту Віе сто франковъ, которые мнѣ долженъ, но не хочеть отдать капраль Овидь.

Процессы Скриба съ его сотрудниками замолкли, послѣ странной претензіи фельетониста Шарля де-Буань, который требовалъ части въ сотрудничествѣ, потому что сюжет водевиля *Mon étoile* похожъ на анекдотъ, разказанный имъ когда-то въ *Constitutionnel*. Судьи очень недовольны, когда имъ приходится судить литераторовъ, потому что люди эти чрезвычайно самолюбивы, раздражительны и могутъ жестоко отомстить за потерю процесса; но Скрибъ извѣстенъ своею добросовѣстностію и великодушіемъ въ отношеніи сотрудниковъ. Всѣ знаютъ, что онъ передѣлываетъ всякую пьесу, принесенную ему, такъ что авторъ не можетъ узнать ее. Онъ выбрасываетъ дѣйствующія лица, переноситъ дѣйствіе, перемѣняетъ характеры, словомъ пишетъ новую пьесу, не оставляя иногда основной идеи, и все-таки честно дѣлится съ сотрудникомъ доходами и славою, ставя его имя на афишу, признавая его талантъ, что случается рѣдко съ другими прославленными литераторами. Что же касается до первой мысли, изъ которой родится пьеса, то она можетъ принадлежать всякому. Скрибъ сознается, что онъ написалъ одну изъ лучшихъ своихъ пьесъ: *La Haine d'une femme*, услыша пословицу, которую говорила старая привратница.

«Il crache dans le plat pour en dégouter les autres», повторялъ Скрибъ, идя по своей лѣстницѣ и тотчасъ же составилъ планъ водевиля. Но странно, что привратница не потребовала, какъ Шарль де Буань, доли въ сотрудничествѣ, потому что безъ ея пословицы пьеса бы не существовала. Всѣ, которые работали вмѣстѣ съ Скрибомъ, остались имъ доволь-

ны, хотя онъ изъ длинной, скучной пьесы Дюпена сдѣлалъ образцовое произведеніе, подъ названіемъ Michel et Christine, а изъ мелодрамы Корню веселый водевиль: La Chanoinesse. Даже Еженъ Мирекуръ, разбирающій такъ строго и иногда безжалостно жизнь современныхъ писателей и артистовъ, отдаетъ полную справедливость благородству Скриба, отказывая ему, разумѣется, въ геніальности и въ похвальномъ направленіи таланта.

Не смотря однако на всѣ нападки и процессы, звѣзда Скриба все еще ясна и ее никто не затмилъ ни на одномъ театрѣ. Его все еще играютъ во всей Европѣ и переводятъ на всѣ языки и всѣ охотно идутъ къ нему въ сотрудники. Однажды даже Луи-Филиппъ вызвался съ нимъ работать, но обстоятельства помѣшали окончить эту любопытную пьесу, съ сотрудничествомъ такого человѣка.

Анекдотъ этотъ совершенно справедливъ, но мало извѣстенъ публикѣ, и потому мы его приведемъ:

Это было въ іюнѣ 1850 года. Скрибъ поѣхалъ въ Лондонъ ставить какую-то оперу на театрѣ Королевы и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ посѣтить въ Клермонтѣ бывшаго короля французовъ Луи-Филиппа.

Академикъ имѣлъ прежде сношенія съ Луи-Филиппомъ, и когда отстроился Версальскій музей, надписъ на немъ: A toutes les gloires de la France была сдѣлана авторомъ *Моей звѣзды*.

Король принялъ ласково водевилиста, долго говорилъ о его занятіяхъ и пьесахъ и наконецъ занялся театромъ.

— Кстати, сказалъ Луи-Филиппъ, я самъ какъ-то нашелъ сюжетъ пьесы. Я вамъ расскажу его и если вы найдете его годнымъ, то мы можемъ вмѣстѣ заняться пьесою, тѣмъ болѣе, что теперь у меня много свободнаго времени.

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Скрибъ кланяясь, и обитатель Клермонта началъ рассказывать сюжетъ и интригу комедіи.

Драматургъ слушалъ со вниманіемъ, и когда король окончилъ, онъ похвалилъ планъ, нашелъ его эффектнымъ... но...

И по своему, обыкновенію, Скрибъ въ одну минуту перебралъ всѣ сцены, передѣлалъ дѣйствіе, словомъ создалъ эффектную пьесу.

Потомъ идея показалась ему не совсѣмъ ловкою и онъ съ тою же легкостію началъ набирать новыя лица, характеры и такъ какъ король забылъ въ своемъ планѣ про любовь, то писатель не только вставилъ ее, но сдѣлалъ главною пружиною дѣйствія.

Луи-Филиппъ съ удивленіемъ слѣдилъ за работою этого необыкновеннаго сотрудника; онъ видѣлъ, что отъ пьесы почти ничего не осталось, но

все-таки был доволен тѣмъ, что придумывалъ Скрибъ. Наконецъ Скрибъ сказалъ:

— Въ вашемъ сюжетѣ двѣ партіи: католики и протестанты. Это не будетъ имѣть успѣха на сценѣ. Стало быть, можно обойтись и безъ соперничества: сюжетъ строгій и моральный, и я думаю оставить только одну партію.

— Какъ! вскричалъ король-сотрудникъ: да изъ моего плана только и осталось, что соперничество двухъ партій, а вы хотите уничтожить одну изъ нихъ. Помилуйте, чтожь это за сотрудничество?

И король громко закричалъ:

— Амели, Амели! приди ко мнѣ на помощь!

Супруга Луи-Филиппа вышла изъ сосѣдней комнаты.

— Ты не знаешь, продолжалъ Луи-Филиппъ съ живостію, что мы со Скрибомъ пишемъ пьесу. До-сихъ-поръ все у насъ шло хорошо, но вдругъ мой сотрудникъ хочетъ уничтожить одну партію.

— Возможно ли это? спросила королева.

— Да одна партія не нужна въ пьесѣ.

— Все-таки вы можете уступить.

— Я тоже утверждаю, что она не лишняя, сказалъ король: жена согласна со мною, стало быть двѣ партіи останутся.

— Какъ вамъ угодно, государь, только наша пьеса не будетъ имѣть успѣха.

Король улыбнулся и сказалъ женѣ:

— Однако, вѣдь это будетъ неприятно если насъ ошибаютъ. Театръ имѣетъ свои требованія, точно также какъ политика; стало быть опасно слишкомъ защищать свои идеи. Дѣлайте какъ хотите, Скрибъ: вы опытиѣ меня.

Но сотрудничество тѣмъ и окончилось.

По возвращеніи въ Парижъ, Скрибъ получилъ письмо, написанное рукою короля, и относящееся все къ той же пьесѣ.

Смерть Луи-Филиппа прервала сотрудничество, прежде чѣмъ авторы согласились о ходѣ пьесы, которая, вѣроятно, никогда не будетъ окончена.

Процессъ Виктора Домбея, обокравшаго и убившаго часовщика Исаака Вальша, наводитъ на печальныя мысли о нравственности французовъ. Молодой человѣкъ двадцати лѣтъ могъ рѣшиться на такое ужасное преступленіе! Но Парижъ славится тѣмъ, что въ короткое время дѣлаетъ изъ наивнаго провинціала самаго отчаяннаго преступника, готового на все, лишь бы не отказаться отъ шумныхъ удовольствій, игры, роскоши, которыя влекутъ къ погибели многихъ несчастныхъ. Недаромъ

провинціи боятся Парижа и нехотя посылають туда своихъ дѣтей, зная, что они немногому хорошему тамъ научатся.

Провинціи сердятся тоже на Парижъ, что онъ не уважаетъ воспоминаній и памятниковъ прошедшаго и уничтожаетъ безъ разбора улицы, извѣстныя историческими происшествіями, и дома, гдѣ жили знаменитые люди, и мѣста, прославленные какими-нибудь событіями. Старый Парижъ исчезаетъ и новыя зданія вырастають будто изъ земли, недовѣрчиво смотря вокругъ, какъ бы не надѣясь, что они долго простоятъ,—такъ сильна теперь страсть къ перестройкамъ. Кто не видалъ Парижа не только пять лѣтъ, но даже годъ, тотъ не узнаеть его и не найдетъ ни улицы, ни дома, въ которомъ жилъ. Въ провинціи же все дѣлается тихо, все хранится въ прежнемъ видѣ, уважаются всѣ преданія, даже невыгодныя для страны. Недавно одинъ путешественникъ, посѣщая Гланде, видѣлъ передъ замкомъ дерево, посаженное въ день свадьбы Шарля Лафаржа и Маріи Капшель, и потомъ проѣзжая Родесъ, гдѣ никогда не былъ, онъ узналъ, вспомя описанія, домъ Банкаля, извѣстный по процессу Фуальдеса, потому что въ немъ ничего не измѣнилось со времени знаменитаго процесса.

Еще одинъ романическій процессъ занялъ на нѣсколько дней публику и журналы. Вотъ въ чемъ дѣло:

Молодая дѣвушка, богатая наслѣдница, подала жалобу на своего опекуна и требуетъ, чтобъ ее объявили совершеннолѣтнею и отдали ей состояніе. Судъ, разумѣется, прежде всего разобралъ всю жизнь героини, которая занимаетъ весь Парижъ и всѣхъ ее окружающихъ. Отецъ ея Жозефъ Форъ былъ французъ, отправившійся въ Мексикку, гдѣ обогатился. Въ 1842 году возвращался онъ во Францію съ своею сестрою и двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью. Но во время переезда Жозефъ Форъ умеръ, сынъ его послѣдовалъ за нимъ, и Маргарита Форъ, съ маленькою племянницею Пепитою, посѣшила вернуться въ Мексикку. Отецъ сироты успѣлъ однако сдѣлать духовную въ ея пользу, такъ что она стала богатою наслѣдницею, тѣмъ болѣе, что мать ея и тетка при жизни еще отдали ей все свое имѣніе. Однако, по законамъ надобно было назначить опекуна Пепитѣ, потому что двѣ женщины не могли управлять огромнымъ имѣніемъ, и правительство назначило Антонію Гарей, бывшаго министромъ финансовъ въ Мексиккѣ.

Такъ какъ въ духовной своей Юсифъ Форъ завѣщалъ, чтобъ дѣти его получили воспитаніе въ Парижѣ, то Антонію Гарей объявилъ, что Пепита съ теткою и горничной отправится во Францію, гдѣ будутъ подъ покровительствомъ друга его Сюбервьеля, которому онъ передастъ всѣ права опекуна до конца воспитанія наслѣдницы. Сюбервьель, человекъ

заслужившій всеобщее уваженіе, семейный, который въ Мексикѣ сблизился съ бывшимъ министромъ финансовъ; когда привезли къ нему маленькую мексиканку съ ея теткой и служанкой, онъ обласкалъ ее и сказалъ: «теперь будетъ у меня пять дочерей.» Въ самомъ дѣлѣ, Пепиту любили какъ дочь и она сама звала дѣтей опекуна братьями и сестрами, а его отцомъ. Послѣ Пепита была отдана въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ, вмѣстѣ съ дочерью Сюбервьеля, который не переставалъ давать о ней извѣстія мексиканскому опекуну. Однако, тетка сироты была очень недовольна, что Сюбервьель не позволяетъ ей распоряжаться воспитаніемъ племянницы и созвала семейный совѣтъ, чтобъ выбрать другаго опекуна. Но въ это же время она захворала и умерла, а семейный совѣтъ, узнавъ ближе Сюбервьеля, просилъ его продолжать заниматься Пепитою. Дѣвушка между тѣмъ выросла, проводя все время въ пансіонѣ, а вакаціи въ семействѣ опекуна. Наконецъ она кончила курсъ и опекунъ сказалъ ей:

«Воспитаніе твое окончено, дочь моя; теперь надобно заняться твоимъ приданымъ и собираться въ Мексикку. Одинъ изъ моихъ друзей ѣдетъ туда съ женою, и этимъ случаемъ надобно воспользоваться, потому что я не могу ѣхать съ тобою, а Антоніо Гарей и мать твоя ждутъ тебя.»

Но Пепита расплакалась. Она увѣрила, что еще не доучилась, что хочетъ остаться въ Парижѣ съ сестрами, что ей страшно подумать о Мексикѣ, что она не хочетъ разстаться съ своимъ папашей, и пр.

Опекунъ согласился оставить ее еще на годъ въ пансіонѣ, но потомъ объявилъ, что надобно серьезно собраться въ Мексикку.

— Хорошо, я поѣду! отвѣчала Пепита.

И она собралась и уѣхала, только не въ Мексикку, а все въ тотъ же пансіонъ, и объявила опекуну, что не вернется болѣе къ нему, а будетъ жить въ Парижѣ, доставая хлѣбъ своими трудами.

Сюбервьель созвалъ опять семейный совѣтъ, которому объявилъ рѣшеніе своей питомицы и просилъ его перевести Пепиту въ монастырь, чтобъ удалить ее отъ дурныхъ совѣтовъ.

Но молоденькая наследница не согласилась на это и подала жалобу въ судъ, намекая, что опекунъ хотѣлъ ее выдать за мужъ за своего сына, чтобъ овладѣть ея состояніемъ.

Эта неблагодарность поразила Сюбервьеля, и онъ черезъ своего адвоката доказалъ, что никогда не думалъ объ этой женитьбѣ, тѣмъ болѣе, что старшій сынъ его годомъ моложе Пепиты и живетъ постоянно въ Англии, гдѣ оканчиваетъ свое образованіе, а меньшей—еще ребенокъ. Что же касается до приданого невесты, то, судя по пись-

мамъ и документамъ Антоніо Гарей, имѣніе находится не въ цвѣтущемъ положеніи, по причинѣ безпорядковъ въ Мексикѣ, и если его продать и перевести капиталы въ Европу, то они дадутъ не болѣе 300,000 франковъ, и самъ Сюбервьель, имѣющій ежегоднаго дохода 200,000 фр., не почтетъ находкою такую невѣсту для сына, тѣмъ болѣе, что ея отецъ, Іосифъ Форъ, не былъ женатъ, а только призналъ своихъ дѣтей.

Послѣ этого поступка питомицы, которую въ продолженіи десяти лѣтъ Сюбервьель считалъ своею дочерью, онъ требовалъ только, чтобъ его избавили отъ опекунства, потому что въ будущемъ предвидѣлъ еще болѣе хлопотъ; но жалѣя Пепиту и зная ея характеръ, просилъ, чтобъ ей не давали полной свободы.

Въ самомъ дѣлѣ, молодая дѣвушка въ пансіонѣ видѣлась съ адвокатами, и узнавъ, что можетъ требовать, чтобъ ее объявили совершеннолѣтнею, воспользовалась своимъ правомъ. Въ то же время она написала матери письмо, чтобъ та прислала ей позволеніе выдти за мужъ, не называя имени жениха. О путешествіи же въ Мексику она не хочетъ и слышать и объявляетъ, что поѣдетъ туда только связанная. Стало быть, мексиканскій опекунъ теряетъ все свои права, французскій самъ отказался отъ нихъ и никто изъ родственниковъ Пепиты Форъ не соглашается взять на себя эту обязанность. Судъ рѣшилъ оставить ее въ пансіонѣ до назначенія другаго опекуна и объявилъ обвиненіе, возведенное на Сюбервьеля, клеветою.

Между эксцентрическими процессами коммерческой судъ недавно рѣшилъ самый смѣшной споръ. Два мелочныхъ торговца, по ихъ словамъ въ полномъ разумѣ, сдѣлали слѣдующій торгъ: Реноденъ продалъ Гильону двѣ лошади съ сбруей, двѣ кареты, золотые часы съ цѣпочкою и старые стѣнные часы по 55 сантимовъ за пол-килограма вѣсу. Оба они пошли въ Вильжюиофъ, евѣсили все вещи на вѣсахъ бойни, и Реноденъ долженъ былъ получить по условію 1,350 франковъ. Тотчасъ же составили контрактъ, оба пріятеля объявили себя здоровыми и въ здоровомъ смыслѣ, и Гильонъ обязался выплатить все въ извѣстный срокъ.

Вдругъ онъ черезъ нѣсколько дней является въ судъ и объявляетъ, что былъ совершенно пьянъ, когда подписалъ этотъ контрактъ и согласился купить лошадей и кареты на вѣсъ.

Реноденъ съ своей стороны говоритъ, что они ничего не пили въ этотъ день, и что нѣтъ закона, который бы запрещалъ продавать лошадей на вѣсъ, какъ продаютъ телятъ и поросятъ.

Однако судьи не согласились съ этимъ мнѣніемъ и признали продажу и покупку недействительными. Реноденъ очень недоволенъ этимъ рѣшеніемъ.

Понсаръ, нынѣшній академикъ, тоже имѣлъ дѣло съ судомъ, вотъ по какому случаю.

Когда ставили превосходную комедію, «Честъ и деньги», то Лаферьеръ, которому отдана была первая роль въ пьесѣ, обязанъ былъ по контракту ѣхать въ Бельгію, или заплатить двѣ тысячи франковъ неустойки. Авторъ комедіи заплатилъ эти деньги и артистъ способствовалъ успѣху комедіи.

Теперь съ Лаферьера требуютъ этотъ долгъ, и такъ какъ онъ не можетъ его заплатить, то у него будутъ вычитать изъ жалованья.

Между тѣмъ Понсаръ напечаталъ въ *Droit* слѣдующее письмо:

«Г. редакторъ.

«Я прочиталъ въ вашемъ журналѣ, что моимъ именемъ требуютъ у Лаферьера отдачи долга и что дѣло это дошло до суда.

«Я никому не поручалъ преслѣдовать моихъ должниковъ и не сдѣлаю этого съ артистомъ, талантъ котораго поддержалъ мою пьесу. Вотъ въ чемъ дѣло. Я не давалъ ничего въ долгъ Лаферьеру, но это сдѣлалъ директоръ Одеона, Альтарошъ, прося только меня передать эти деньги артисту, не говоря ему, откуда они присланы. Я исполнилъ это, не находя тутъ ничего предосудительнаго, потому что между директоромъ и артистомъ могли быть свои счеты.

«Прошу васъ напечатать эти строки, чтобъ публика знала, что авторы не намѣрены спориться съ артистами и преслѣдовать ихъ.

Честъ имѣю и пр.

Понсаръ.»

Лаферьеръ напечаталъ слѣдующій отвѣтъ:

Г. редакторъ.

«Г. Понсаръ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность этого дѣла и передаетъ все г. Альтарошу, не объявляя, по какимъ причинамъ онъ прикрылъ своимъ именемъ щедрость директора.

«Но такъ, какъ двѣ тысячи франковъ вручены мнѣ были г. Понсаромъ, чтобъ я могъ остаться въ Парижѣ и играть въ комедіи *Честъ и деньги*, то я и полагаю, что онъ имѣлъ во мнѣ больше надобности, чтобъ помѣшать мнѣ ѣхать въ Бельгію.

«Что же касается до г. Альтароша, я не понимаю, почему директоръ скрылъ передъ своимъ подчиненнымъ свое одолженіе.

«Во всякомъ случаѣ, я не отказываюсь отъ долга, кому бы не обязанъ имъ.

«Примите и проч.

Лаферьеръ.»

Въ этихъ спорахъ, доводимыхъ до суда, есть что-то печальное и

непріятное. Неужели литераторы и артисты не могут рѣшать между собою подобныхъ дѣлъ? Прежде было не такъ.

Бальзакъ, писатель времени Людовика XIV, занявъ у Вуатюра четыреста экю и прислалъ ихъ потомъ со слугою и запискою. Аббатъ Вуатюръ взялъ деньги и послалъ писателю слѣдующую записку:

«Я нижеподписавшійся, сознаюсь, что долженъ Бальзаку восемьсотъ экю, за то, что онъ доставилъ мнѣ удовольствіе, занявъ у меня четыреста.»

Тогда умѣли обязывать какъ-то деликатнѣе, но за то умѣли и отдавать долги. Теперь оба секрета потеряны.

Однако, изрѣдка встрѣчаются остроумные кредиторы и великодушные должники. Вотъ примѣръ, случившійся недавно:

Литераторъ Сентъ-Анжъ написалъ однажды къ доктору Верону:

«Любезный докторъ, пришлите мнѣ пятьсотъ франковъ въ годъ. Вы считаетесь такимъ счастливымъ человѣкомъ, что можетъ быть даже когда-нибудь и получите съ меня вашъ долгъ».

И чтожъ? Въ самомъ дѣлѣ, одинъ только Веронъ можетъ похвастать тѣмъ, что Сентъ-Анжъ отдалъ ему пятьсотъ франковъ. На это надобно было, дѣйствительно, особенное счастье. Да и много ли такихъ оригинальныхъ людей, какъ докторъ, которые изъ остроумнаго слова готовы были бросать тысячи.

Открылась еще вакансія на академическое кресло. Опять начнутся интриги, хлопоты, просьбы, чтобъ попасть въ число безсмертныхъ. Но такъ какъ въ послѣдній разъ принять литераторъ, то теперь, вѣроятно, выберутъ государственнаго человѣка или аристократа.

Въ нынѣшнемъ году карнавальнй маскарадъ, на улицахъ съ прогулкою быка былъ такой же блистательный и пестрый. Все шло въ прежнемъ порядкѣ: греки и римляне съ кухонными ножами, дикіе въ фланелевыхъ жилетахъ, трубадуры въ абрикосовыхъ туникахъ и откормленный быкъ, прогулка котораго была послѣднею въ его жизни и вела прямо на бойню.

Балъ драматическихъ артистовъ былъ такой великолѣпный, что разговоры о немъ будутъ продолжаться до слѣдующаго, который уже назначенъ въ самомъ разгарѣ выставки. Всѣ знаменитости театровъ были въ костюмахъ лучшихъ своихъ ролей и занимали своихъ гостей какъ нельзя лучше; но хозяйкою и царицею этого блистательнаго собранія была Рашель, въ роскошномъ костюмѣ послѣдней пьесы Скриба, успѣхъ которой былъ довольно сомнителенъ, но гдѣ артистка поддержала автора, какъ своимъ талантомъ, такъ и великолѣпіемъ нарядовъ. Пріятно было все-таки во всѣхъ журналахъ встрѣтить единогласное осужденіе этой

новой драмы Скриба, въ которой онъ поступилъ съ русской исторіей также нецеремонно, какъ съ французской, въ *Сказкахъ Королевы Наварской* и съ англійской, въ *Стаканъ воды*.

Кстати о Рашели. Фигаро въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ представляетъ статистику процессовъ, съ 1843 года, которые заводила эта актриса.

Въ 1843 году Рашель подала въ судъ жалобу на Легаллуа и редакторовъ *Constitutionnel* и *Courrier français*, за оскорбленія, нанесенныя ей печатно.

Въ 1845, лионскій коммерческій судъ рѣшалъ процессъ между Рашелью и комисією драматическаго общества, которому по законамъ каждый артистъ обязанъ выплачивать два съ половиною процента. Разумѣется, процессъ произошелъ отъ отказа актрисы платить слѣдующія съ нея деньги.

Въ 1846 году 13-го мая былъ процессъ Рашели съ г. Ру, по случаю отказа ея играть на Амстердамскомъ театрѣ, послѣ того какъ она подписала ангажементъ.

Въ 1847, въ іюнѣ мѣсяцѣ, имущество Сары Феликсъ взято было за долги; но Рашель объявила, что все вещи принадлежать ей, а не сестрѣ. Судъ рѣшилъ въ пользу *великой* артистки, не смотря на то, что серебро было замѣчено буквами С. Ф., точно также какъ бѣлье, а платья были такъ «широки, что никогда не могли принадлежать такой худошавой женщинѣ, какъ Рашель.» Но изъ вѣжливости этого не сказали Гермионѣ и отдали ей все, чего она требовала.

Въ 1848 году 13-го іюля Рашель начала процессъ съ Депрюно, купившимъ у нее мебель чернаго дерева.

Въ этомъ же году, и въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, Рашель и сестра ея Сара подали жалобу на одного обойщика, который за долгъ хотѣлъ задержать мебель Сары. Рашель, по прежнему, утверждаетъ, что вся мебель принадлежитъ ей.

Въ 1849 году 7-го марта, лионскій апелляціонный судъ разбиралъ процессъ между Рашелью и директорами лионскихъ театровъ Фетисомъ, отцемъ и сыномъ.

Въ томъ же году, 23-го апрѣля, кредиторы захватили мебель Рафаэля Феликса, и Рашель опять остановила дѣло, представя доказательство, что мебель брата принадлежитъ ей.

Въ томъ же году въ ноябрѣ начался процессъ между Рашелью и обойщиками Французской комедіи, по поводу отставки, требуемой Гермионою. Делангль, нынѣ президентъ суда, защищалъ права Федры.

Въ 1850 въ ноябрѣ Рашель завела процессъ съ Оберну, хозяйномъ дома, гдѣ жила Сара.

Въ 1854 году въ октябрѣ начался процессъ съ Легуве, который окончился въ мартѣ 1855. Итого одиннадцать процессововъ! Тутъ еще не упомянуты небольшія жалобы, споры, капризы, тоже имѣвшіе рѣшеніе суда или полиціи.

Послѣ всего этого, какъ не пожалѣть бѣдную актрису, преслѣдуемую безжалостными людьми! Къ счастью еще, что судьи почти всегда принимали подъ свое покровительство угнетаемую артистку, и всѣ процессы кончались въ ея пользу.

На театрѣ Одеона играютъ съ большимъ успѣхомъ хорошенькую пьесу, написанную очень остроумно: это *La femme d'un grand homme*. Фремонъ, разбогатѣвшій арматоръ, хочетъ, во что бы то ни стало, попасть въ депутаты. Стало быть, дѣйствіе происходитъ въ эпоху почти забытую, и которая не можетъ возбудить участія публики; но авторы умѣли сдѣлать занимательною эту сатиру на прошедшее время. Этотъ Фремонъ, самъ по себѣ человѣкъ незначущій, но у него жена такъ умна, хитра, ловка и хороша, что хочетъ во что бы то ни стало сдѣлать мужа значительнымъ государственнымъ человѣкомъ. И вотъ, благодаря хлопотамъ Антуанеты, Фремонъ дѣлается членомъ департаментскаго совѣта, меромъ, депутатомъ, государственнымъ секретаремъ и готовъ попасть въ министры, если этого захочетъ его жена. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ не министръ? Жена учитъ его говорить умно, и выбрала ему секретаря знающаго дѣло. Но вдругъ великій человѣкъ вздумалъ не во-время ревновать свою жену. Занятый подозрѣніями, онъ забываетъ свою роль, путается дѣла, говоритъ глупости въ собраніи, такъ что долженъ отказаться отъ почестей и отправиться опять въ провинцію съ своею честолюбивою женою, утѣшая ее тѣмъ, что въ маленькомъ городѣ они будутъ все-таки самыми важными лицами.

На этомъ же театрѣ аплодируютъ одному старому моряку-бретонцу, у котораго три хорошенькія племянницы: Серафима, Клотильда и Анжела. Въ качествѣ опекуна, дядюшка очень бы желалъ выдать дѣвушекъ замужъ, чтобъ избавиться отъ отвѣтственности и хлопотъ. И вотъ, молодой помощникъ префекта сватается за Серафиму, какой-то Жеромъ проситъ руки Анжелы и молодой морякъ Поль торопится пріѣхать изъ Индіи, чтобъ жениться на Клотильдѣ. Но когда всѣ женихи и невѣсты сходятся, то Поль объявляетъ, что онъ не хочетъ вступить въ родство съ Жеромомъ, настоящее имя котораго лордъ Дерби и который долженъ драться съ Полемъ за то, что когда-то оскорбилъ французскій флотъ. Два жениха, не смотря на слезы невѣсты, упрасиванье третьяго

женых и брань бретонца идутъ драться. Къ счастью, дуэль обходится безъ крови. Жеромъ Дербі объявляетъ себя виноватымъ, враги обнимаются и идутъ вѣнчаться. Пьеса эта не совсѣмъ драма и совсѣмъ не комедія, называется *Donnez aux pauvres*.

На театрѣ Сень-Мартенскихъ Воротъ явилась новая дама съ камеліями: *Жанна Осборнъ*, которая готова погнѣнуть окончательно, но ее спасаетъ материнская любовь и возвращаетъ къ добродѣтели. Эта чувствительная пьеса заставила всѣхъ плакать, стало быть написана съ талантомъ. Это первое произведеніе женщины умной и образованной, доказывающее, что театръ сдѣлалъ прекрасное приобрѣтеніе, если она будетъ продолжать съ такимъ же успѣхомъ. Такъ какъ драма эта имѣетъ еще то достоинство, что она коротка, то послѣ нея играютъ небольшой новый балетъ *Идалія*, въ которомъ отличается граціею и легкостію Флора Фабри, прекрасная танцовщица, напоминающая незабвенную Тальони. При великолѣпной обстановкѣ и блистательномъ кордебалетѣ, изображающемъ одушевленные цвѣты, Идалія долго продержится на сценѣ, откуда ее не выгонять и настоящіе цвѣты лѣта.

Объявленія, напечатанныя въ журналахъ, что Рафаэль Феликсъ повезетъ свою сестру въ Америку, живую или мертвую, очень разсердили брата знаменитой актрисы. Онъ поспѣшилъ объявить въ тѣхъ же газетахъ, что совсѣмъ не собирается везти Рашель въ Америку противъ ея воли и выдавать за феноменъ и что ему не приходило въ голову думать о ея смерти, чтобъ набальзамированное тѣло показывать за деньги. Это оправданіе Рафаэля совсѣмъ лишнее. Никто не думалъ упрекать его въ такихъ мрачныхъ намѣреніяхъ, но всякій имѣетъ право предполагать, что ему вздумается, и если одинъ журналъ случайно найдетъ какую-нибудь острогу, не всегда правдоподобную, то другіе повторяютъ ее, не отвѣчая за выдумку. Стало быть, Рафаэль напрасно хлопочетъ. Люди извѣстные и принадлежащіе публикѣ всегда будутъ заставлять журналистовъ говорить о себѣ, и хотя Рашель сама подаетъ къ тому много случаевъ, но все-таки это не мѣшаетъ при случаѣ выдумывать на нее и ея семейство небылицы. Нельзя же изъ-за всякаго слова заводить процессъ. Это только усилитъ остроуміе фельетонистовъ.

Итальянскій театръ поставилъ въ концѣ сезона оперу Пачини: *Gli Arabi nelle Gallie* (Арабы въ Галліи). Въ Парижѣ эта опера новая, но Италия знаетъ ее уже тридцать лѣтъ. Въ Италіи, вездѣ гдѣ ее играли, она имѣла успѣхъ; въ Парижѣ успѣхъ этотъ повторился и будетъ, вѣроятно, продолжителенъ.

Пачини принадлежитъ къ легкимъ и довольно оригинальнымъ мело-

дистамъ, у которыхъ много граціи и иногда блеску. Однажды въ жизнь свою онъ даже показалъ страсть, написавъ превосходную кантилену Ниобеи, извѣстную всѣмъ музыкантамъ и любителямъ и не разъ пѣтую Рубини. Но, не смотря на счастливыя способности и талантъ композитора, въ сочиненіяхъ его мало чувства, энергіи, экспрессіи и особенно мало драматизма. Притомъ же Пачини не очень занимался гармоніею, что доказываютъ его *tragseaux d'ensemble*. Но за то сколько онъ написалъ превосходныхъ каватинъ, дуэтовъ. Въ Арабахъ есть тоже очень замѣчательный дуэтъ, хотя онъ не выражаетъ положенія лицъ. Что же касается до тріо, квартетовъ, квинтетовъ, это выше силъ Пачини, и онъ рѣдко успѣваетъ сдѣлать ихъ сносными. Неужели композиторъ не могъ серьезно изучить правилъ музыки? Беллини тоже почти не учился серьезно, а между тѣмъ написалъ финалъ Сонамбулы, Беатриче ди Тенда и превосходный *tragseaux d'ensemble* въ Нормѣ. Правда, у Беллини гений выкупалъ искусство, а природа была не такъ щедра къ Пачини.

Сюжетъ Арабовъ въ Галліи взятъ изъ романа Виконта д'Арленкура *Ренегатъ*, имѣвшего когда-то значительный успѣхъ. Герой его Агобаръ скрываетъ подъ этимъ псевдонимомъ имя Клодомира, послѣдняго потомка Меровингской династіи, лишенной власти Карловингами. Онъ клянется отмстить націю, отвергнувшей его, переходитъ въ мусульманскую вѣру и, сдѣлавшись начальникомъ Сарациновъ, дѣлаетъ набѣги на Овернь, оставляя вездѣ развалины и вселяя ужасъ. Въ дѣтствѣ этотъ ренегатъ былъ обрученъ съ принцессою Севенскою Эзильдою, которую защищаетъ отъ имени Карла Мартела Леодатъ и хочетъ, разумеется, жениться на ней. Но Агобаръ разбиваетъ полки защитниковъ и готовъ разорить монастырь, какъ вдругъ изъ него выходитъ Эзильда, грозитъ отступнику Божескимъ наказаніемъ, если онъ смѣетъ дотронуться до святыни, и Агобаръ, вспоминая то время, когда былъ Клодомиромъ, склоняетъ голову передъ крестомъ. Но Сарацинамъ это не нравится и они убиваютъ своего прежняго начальника, который умирая поетъ чувствительную кантилену, какъ это заведено въ оперѣ съ незапамятныхъ временъ.

Въ Парижѣ все происходитъ не такъ, какъ въ другихъ городахъ. Прошелъ карнаваль, прошла зима, кажется пора бы пройти и баламъ, но танцы какъ болѣзнь какая-то продолжаютъ съ такимъ же увлеченіемъ и неизвѣстно, что остановить ихъ. Парижанки пользуются какимъ-то особеннымъ сложеніемъ, что могутъ танцовать круглый годъ не оставаясь.

— Что вы дѣлаете въ Парижѣ? какъ одѣваетесь? писалъ одинъ провинціалъ своему пріятелю.

— Танцуюемъ и одѣваемся въ каучукъ, отвѣчалъ тотъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каучукъ сдѣлался не только привычкою, но и необходимостью въ наше время. Это элементъ парижской жизни. Можно скорѣе встрѣтить женщину безъ булавки, чѣмъ мужчину безъ каучука.

Когда снѣжно или грязно—являются каучуковыя галоши, отъ дождя спасаетъ каучуковый плащъ, на охотѣ необходимы каучуковые сапоги и даже панталоны. Кто могъ ожидать, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, что кусочекъ эластической резины, привезенной изъ Америки, займетъ такое важное мѣсто въ жизни европейскихъ народовъ?

Чтобъ произвести эту революцію въ нравахъ необходимъ былъ человекъ съ талантомъ, и вотъ явился Ратье, который во второй разъ создалъ каучукъ и заставилъ всѣхъ наряжаться въ это вещество.

До 1828 года каучукъ извѣстенъ былъ только ботаникамъ и мандаринамъ. Нѣкоторые англичане осмѣлились привести его въ Лондонъ, но во Франціи онъ былъ знакомъ только школьникамъ подъ видомъ эластическихъ мячей. Профессоры и зрители преслѣдовали, всегда эти мячики, летавшія по класамъ въ назначенное время и проклинали изобрѣтеніе каучука. Неблагодарные!

И чтожь? много ли прошло времени съ 1828 до 1855. Тогда каучукъ былъ неизвѣстенъ въ промышленности; теперь онъ получилъ всѣ права гражданства. Онъ защищаетъ насъ отъ холоду, сырости, не пропускаетъ вѣтра, дождя, слѣдуетъ за всѣми нашими движеніями, сохраняетъ наше здоровье, не боится никакихъ перемѣнъ погоды.

И сколько почестей заслужилъ онъ, сколько медалей получилъ на всѣхъ выставкахъ и готовится еще получить! Большая парижская выставка будетъ для него генеральнымъ сраженіемъ, изъ котораго онъ выйдетъ побѣдителемъ.

Но украшеніемъ выставки будетъ Южная звѣзда, великолѣпный брилліантъ, найденный въ Бразиліи въ 1853 году и привезенный во Францію. До-сихъ-поръ публика имѣла о немъ мало свѣдѣній, но Дюфренуа представилъ драгоцѣнный камень въ академію наукъ, гдѣ его разсмотрѣли и разобрали, хотя онъ не обдѣланъ. Когда же ювелиры отдѣлаютъ его и покроютъ гранью, онъ хотя и потеряетъ часть вѣса, но будетъ удивительнымъ въ своемъ родѣ камнемъ, почти недоступнымъ первымъ богачамъ и многимъ нѣмецкимъ государствамъ.

Южная звѣзда найдена въ іюль 1853 года, негрятяною, работавшею въ рудахъ Богагема, одной изъ провинцій Бразиліи. Говорятъ, что за эту находку негрятянка получила свободу.

Этого, впрочемъ, мало и, вѣроятно, она сверхъ того получила еще *приличное награжденіе*, обеспечивающее ея жизнь.

Южная звѣзда, самый большой алмазь, привезенный въ Европу въ продолженіе двухъ вѣковъ. Это тоже первый по величинѣ камень, добытый въ Америкѣ, потому что всѣ алмазы, извѣстные по своей величинѣ, русскіе, тосканскіе, Реджентъ, Ког-и-Нуръ—всѣ привезены изъ Индіи. Одна только Южная звѣзда найдена въ Бразиліи.

Послѣ отдѣлки, уменьшившей объемъ камня и вѣсъ его, онъ все-таки будетъ принадлежать къ четыремъ самымъ большимъ извѣстнымъ брилліантамъ. Теперь онъ имѣетъ пятьдесятъ два грамма или, говоря языкомъ ювелировъ, двѣсти пятьдесятъ четыре карата съ половиною. Послѣ отдѣлки онъ потеряетъ почти половину своего вѣса и будетъ имѣть только сто двадцать семь каратовъ, и, не смотря на это, останется перво-классною драгоценностью. Реджентъ, вѣсѣтъ сто тридцать шесть каратовъ, Ког-и-Нуръ, обратившій на себя вниманіе публики на лондонской выставкѣ и принадлежащій англійской королевѣ, имѣетъ до ста двадцати двухъ каратовъ.

Для шлифовки и отдѣлки Южной звѣзды надобно употребить два мѣсяца непрерывныхъ трудовъ. Эта работа поручена дому Гальфену въ Амстердамѣ и произведена будетъ на фабрикѣ Костера, гдѣ отдѣлывался также Ког-и-Нуръ.

Цѣна этого алмаза не можетъ быть даже опредѣлена, потому что подобныя камни не считаются товаромъ: такъ рѣдко они бывають въ продажѣ. Довольно того если мы скажемъ, что въ 1848 году Реджентъ былъ оцѣненъ въ *восемь* милліоновъ, а за Ког-и-нуръ заплачено индійскою кампаніею *шесть* милліоновъ.

Въ то время, какъ всѣ съ ужасомъ читають о землетрясеніи въ Бруссѣ и окрестностяхъ, такое же несчастіе, только не въ такомъ сильномъ видѣ, поразило южную Францію и особенно Марсель. Отчеты объ этомъ феноменѣ представлены въ академію наукъ и мы выишемъ нѣкоторыя подробности изъ письма профессора Мерме, марсельскаго жителя:

«Вечеръ былъ тихій. При закатѣ солнца нѣсколько тучъ бронзоваго цвѣта покрывали горизонтъ въ направленіи къ сѣверо-востоку; температура воздуха стояла на нулѣ. Въ третьемъ часу ночи послышался первый подземный ударъ, и за нимъ послѣдовало еще четырнадцать, раздѣленныхъ интерваломъ, меньше секунды. Весь феноменъ продолжался не больше двѣнадцати секундъ. При первомъ ударѣ двери моей комнаты покачнулись со скрипомъ и кровать закачалась. Это продолжалось во все время землетрясенія. Удары были направлены отъ сѣвера къ югу и въ воздухѣ слышался свистъ вѣтра.»

Марсельское землетрясеніе, не причинившее никакого вреда и только

испугавшее жителей, въ ту же самую ночь было чувствуемо и въ другихъ мѣстахъ. Въ Бриноль (Варскомъ департаментѣ) слышенъ былъ шумъ, сопровождаемый легкимъ колебаніемъ. Въ Грассѣ нѣсколько стѣнъ покачнулись, замокъ Лаваль весь затрясся, въ Каннѣ море сильно волновалось и корабли сталкивались; въ другихъ городахъ, близкихъ къ Средиземному морю, тоже слышали подземный громъ, и только близъ Ниццы разрушено землетрясеніемъ нѣсколько домовъ. Стало быть тутъ удары были сильнѣе, чѣмъ въ Марсели. Изъ Неаполя пишутъ, что въ эту же самую ночь на Везувіи открылись два новыхъ кратера. Подземный огонь наконецъ нашелъ себѣ выходъ.

Парижскіе обойщики и мебельщики составили компанію, наняли нѣсколько домовъ въ Парижѣ, меблировали ихъ и будутъ отдавать пріѣзжимъ во время выставки. Но этого мало. Составилась еще компанія для увеселенія путешественниковъ. Она берется кормить, дать квартиру и забавлять всѣхъ, кто абонируется за извѣстную цѣну въ Риволийской улицѣ. Подписчикъ не будетъ ни о чемъ заботиться. Передъ его крыльцомъ всегда будетъ экипажъ, готовый везти его въ Булоньскій лѣсъ, проводникъ покажетъ ему всѣ замѣчательные монументы и проведетъ во дворецъ промышленности. Ему будетъ мѣсто въ Италіянскомъ театрѣ, мѣсто въ Оперѣ и въ ложѣ театра Веселости. Профессоръ французскаго языка будетъ давать ему уроки и обязанъ, по его желанію, найти ему танцовальнаго учителя или профессора философіи. Только иностранцы должны торопиться подписываться, потому что компанія объявила, что не можетъ принять больше десяти тысячъ подписчиковъ.

Впрочемъ, въ этомъ родѣ была уже компанія. Изобрѣтатель *тридцати дней увеселеній*, за двѣсти франковъ, общалъ тоже своимъ подписчикамъ всѣвозможныя наслажденія: спектакли, экипажи, великолѣпныя обѣды. Только абоненты его видѣли кажется нѣсколько разъ одну и ту же пьесу, обѣдали все въ одномъ трактирѣ, а что касается до экипажей, то какъ въ контрактѣ не сказано было какого рода будутъ они, то антрепенеръ нанималъ дилижансы и возилъ въ нихъ своихъ подписчиковъ, платя кондуктору, чтобъ тотъ называлъ имъ всѣ замѣчательныя зданія и монументы. Иначе нельзя было нажить барышей. На что же и родятся умные и предприимчивые люди, какъ не на то, чтобъ пользоваться простотою своихъ братій. И въ нынѣшнемъ предпріятіи не можетъ быть безъ разочарованій, но публика такъ добра, что забываетъ всѣ бывшія непріятности и опять съ покорностью отдается въ руки прожектеровъ, которые имѣютъ одну цѣль—обратить ее. Впрочемъ, эта компанія будетъ въ нѣкоторомъ случаѣ полезна. Иностранцы,

не знающіе языка и обычаевъ Франціи, будутъ очень рады, что найдутъ путеводителей, которые покажутъ имъ все достойное примѣчанія и будутъ беречь ихъ, тогда какъ безъ помощи компаніи они могутъ попасть въ другія опасныя руки и заплатить за прожитіе въ Парижѣ вдвое дороже.

Въ послѣднее время вышло очень много историческихъ книгъ и мемуаровъ, имѣющихъ тоже претензіи на исторію.

Исторія Франціи, Генриха Мартена, уже извѣстна публикѣ, потому что выходитъ четвертымъ издавіемъ, и авторъ, получившій академическую награду, почитается однимъ изъ лучшихъ и добросовѣстныхъ историковъ. Графъ Луи Карне издалъ тоже замѣчательныя историческія этюды. Подъ названіемъ *Менандръ* вышла тоже ученая и краснорѣчивая этюда о комедіи и греческомъ обществѣ и сочиненіе это подписано именемъ Вильгельма Гизо, сына бывшаго министра.

Что касается до мемуаровъ, то два послѣдніе тома доктора Верона продолжаютъ дѣлать такой же шумъ, какъ и первые. Передъ этимъ, по случаю одной главы въ третьемъ томѣ, былъ размѣнъ писемъ довольно колкихъ, предупреждающихъ, чтобъ остроумный докторъ былъ немного осторожнѣе говоря о современныхъ лицахъ. Но писатели, и еще такіе новички какъ Веронъ, не слушаютъ никакихъ предостереженій, и въ двухъ послѣднихъ книгахъ есть тоже горькія истины, которыя не всѣмъ понравятся. Кажется, что мемуары никогда не должно печатать при жизни автора. Это должно быть всегда посмертное сочиненіе и, если можно, то его надобно издавать даже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти, какъ этого напрасно желалъ Шатобрианъ. Александръ Дюма не очень разборчивъ въ своихъ мемуарахъ и не робокъ, но они надѣлали ему уже столько хлопотъ, что онъ не радъ, что началъ ихъ. Мемуары Жоржъ Зандъ наполнены больше разсужденіями и мечтаніями и потому безвредны, но за то не такъ занимательны.

Мемуары маршала Сульта вышли у Аміо и произвели большое впечатлѣніе. Въ первыхъ томахъ описаны происшествія съ 1796 по 1803 годъ и публика съ нетерпѣніемъ ждетъ продолженія.

Кромѣ того объявлена распродажа бібліотеки Рауль Рошета, члена института, извѣстнаго любителя рѣдкихъ и дорогихъ изданій. Теперь что-то книги опять вошли въ моду, потому что на послѣднемъ аукціонѣ книгъ Піера Дидо выручили 60,000 франковъ. Откуда только берутся деньги?

А. БОНАВЕНТУРА.

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Значеніе карикатуры въ Англіи.—Крюкшанкъ.—Его предшественники.—Первыя произведенія карикатуриста.—Гонь.—*Жизнь въ Лондонъ и Парижъ*.—Иллюстраціи.—*Бутылка*.—Образъ жизни Крюкшанка.—Другіе карикатуристы.—Корреспонденція Уатта — Брюстеръ и его брошюры.—Влюбленный Ньютонъ.—Новыя ученія и фантастическія брошюры.—Концертъ Жюльена.—*Союзный кадрилъ*.—Страховыя компаніи.—Журналъ на языкѣ индусовъ.—Новыя золотыя прииски.—Биографія Фергюссона.—Молодость Вальтера-Скотта.—Веллингтонъ и рѣка Твидъ.—Путешествія.—Фотографическая выставка.—Новыя примѣненія и усовершенствованія фотографіи. — Причина глазныхъ болѣзней. — Примѣненіе электрическаго освѣщенія.—Новыя пароходы.—Компанія для осушки озера Фузино.

Карикатура играетъ въ Англіи важную роль и исторія ея замѣчательна и интересна. Живописцы, посвятившіе себя этому трудному искусству, пользуются уваженіемъ и славой, а главное внушаютъ опасеніе, потому что карандашъ бываетъ иногда безжалостнѣе пера. Однако слава карикатуристовъ не продолжительна и теперь забыты совершенно имена Роуландсона, Вудварда, Бенбори и даже Джильрея, который былъ настоящимъ бичемъ всѣхъ несовершенствъ и пороковъ своего времени.

Въ 1809 году Джильрей бросилъ писать карикатуры, хотя могъ бы еще долго пользоваться славой, перешедшею къ нему отъ Сейера. Но несчастная страсть къ вину разстроила его здоровье и имѣла вредное вліяніе на талантъ. Въ 1811 году издалъ онъ послѣднюю свою карикатуру, послѣ чего помѣшался и, въ припадкѣ безумія, хотѣлъ броситься въ окно. Его спасли; онъ промучился еще года четыре, и умеръ 1-го іюня 1815 года.

Послѣ него никто не брался за карикатуру, и публика напрасно ждала новаго артиста. Въ это время ученый Фузели читалъ лекціи о

живописи въ королевской академіи, куда собралось множество учениковъ. Однажды зала была полна и профессоръ собрался начать чтеніе, какъ вдругъ ему подали рисунокъ и сказали, что молодой человѣкъ ждетъ отвѣта. Фузели со вниманіемъ разсмотрѣлъ рисунокъ и послалъ сказать новому ученику, что онъ можетъ придти, но что ему придется силою добыть себѣ мѣсто. Молодой человѣкъ добрался до профессора и выслушалъ лекцію, но въ слѣдующій разъ не являлся болѣе, потому что былъ бѣденъ и время было ему дорого. Чѣмъ же занимался молодой живописецъ? Онъ готовился быть преемникомъ Джилърея и назывался Джорджъ Крюкшанкъ.

Принадлежа къ шотландскому семейству, привязанному къ Стюартамъ, отецъ и старшій братъ Джорджа тоже занимались карикатурною живописью. Молодой человѣкъ наследовалъ Джилърея и началъ преслѣдовать своими эпиграмами партію тори: Персевали, Кастельре и другихъ. Въ то же время онъ, какъ настоящій патріотъ, нападалъ на Бонапарте и по-своему подкапывался подъ его могущество. Въ началѣ войны съ Россією онъ предсказывалъ конецъ гигантской борьбы. Одна изъ первыхъ его карикатуръ представляетъ «Коренканскаго людоѣда», увязнувшаго въ глубокомъ снѣгу. Живописецъ былъ безжалостнѣе судьбы, потому что представилъ императора замерзнувшимъ и подписалъ подъ рисункомъ, что трупъ его откормить звѣрей. Собраніе первыхъ произведеній Крюкшанка явилось подъ названіемъ the scourge (Бичъ). Ему не было еще и двадцати лѣтъ, когда онъ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ Ирлемъ, тоже начинавшимъ свое литературное поприще, основалъ сатирической журналъ (Метеоръ). Но оба издателя были очень беззаботны и вѣтрены, чтобъ заняться серьезно періодическимъ изданіемъ, и потому Метеоръ скоро исчезъ, проживши только нѣскольکو мѣсяцевъ.

Однако, репутація Крюкшанка успѣла сдѣлаться извѣстною; издатели были съ нимъ ласковы, все искали его знакомства. Онъ былъ такъ счастливъ, что успѣлъ сблизиться съ богачемъ и покровителемъ искусствъ, Гономъ. Гонъ писалъ въ это время сатиры и предложилъ живописцу вступить въ сотрудничество; но Крюкшанкъ, предвидя печальныя послѣдствія, отказался. Опасенія его сбылись, потому что Гона потребовали въ судъ, и артистъ доказалъ свою дружбу тѣмъ, что взялся защищать богача. Оба друга приготовили блистательное оправданіе, которое произвело сильное впечатлѣніе на судей, общественное мнѣніе было также на сторонѣ Гона, который былъ не только оправданъ, но еще, благодаря процессу, сдѣлался извѣстнымъ въ трехъ королевствахъ и сблизился черезъ это съ предводителями реформы.

Не смотря на значеніе свое, Гонъ остался другомъ живописца и предложилъ ему издавать сатирическій журналъ Slap at Slop (Slap—пощечина, slop—всякая всячина). Успѣхъ былъ огромный, такъ что у входа въ книжную лавку въ Людгетъ-Гиллѣ съ утра до вечера толпился народъ. Въ этомъ журналѣ явилась *Супружеская льстница*, намеки на извѣстный процессъ Каролины, Non mi ricordo, извѣстный отвѣтъ итальянскихъ свидѣтелей въ этомъ процессѣ; *Человѣкъ въ Луиѣ*, *Политическій домъ Джона*, *Шарлатанъ* и проч. Крюкшанкъ получалъ отъ друга своего Гона по полгинеѣ за рисунокъ; но книгопродавецъ, болѣе опытный въ спекуляціяхъ, нажилъ большіе барыши, продавая журналъ по сту тысячъ экземпляровъ.

Чаще всего въ этихъ карикатурахъ является фигура въ парикѣ съ завитыми бакенбардами и претензіями на молодость, въ шестьдесятъ лѣтъ и съ необыкновенною толщиной. Вся эта коллекція очень любопытна. Артистъ неохотно занимался политическими карикатурами, но хотѣлъ прославиться работами въ родѣ Гогарта. Съ 1822 года, когда онъ началъ издавать Slap at Slop, Крюкшанкъ старался понемногу удаляться отъ политики и отъ бурныхъ партій, чтобъ имѣть время употребить свой талантъ съ пользою. Онъ составилъ планъ—представить всѣ опасности молодости при вступленіи въ свѣтъ. Братъ артиста, Робертъ, помогалъ ему дѣлать рисунки; текстъ былъ порученъ Пиреу Эганъ. Но живописецъ и писатель скоро забыли, что предпріятіе ихъ должно служить предостереженіемъ и, увлеченные комическимъ направленіемъ, представили сцены смѣшныя, потомъ печальныя, потомъ неприличныя. Это изданіе вышло подъ названіемъ: Life in London (Жизнь въ Лондонѣ) и, не смотря на рѣзкое впечатлѣніе, имѣло огромный успѣхъ. Въ Америкѣ успѣшили перепечатать эту книгу, и она разошлась нѣсколькими изданіями; театры брали изъ нее сюжеты пьесъ. Пользуясь вниманіемъ публики, тѣ же авторы тотчасъ же издали другую книгу въ томъ же родѣ, подъ названіемъ *Жизнь въ Парижѣ*, и хотя въ литературномъ отношеніи она выше первой, но прошла почти незамѣтно, потому что англичане не любятъ заниматься чужимъ.

Послѣ неудачной попытки полезнаго изданія, Крюкшанкъ занялся исключительно иллюстраціями. Онъ иллюстрировалъ комическія итальянскія сказки, Витти; Ирландскія сказки, Комическія сцены, отрывки изъ *Нищихъ* поэта Борнса и все это исполнилъ съ рѣдкимъ талантомъ и юморомъ. Въ 1824 году приготовилъ онъ виньетки къ переводу пѣмеккой сказки Шамиссо *Петръ Шлемилъ*. Въ этихъ рисункахъ много фантазіи и чувства, и особенно поразительна сцена, когда демонъ от-

дѣляетъ тѣнь отъ своей жертвы и свертываетъ ее съ презрительною улыбкою, какъ негодный товаръ.

Въ 1825 году издалъ онъ народныя легенды Германіи и *Утреннія собранія въ Боу-Стритъ*. Вотъ по какому случаю онъ былъ почти принужденъ издать эту послѣднюю книгу. Послѣ блистательнаго успѣха альбома *Жизнь въ Лондонѣ*, многіе молодые люди вздумали подражать герою виньетокъ и начали копировать всѣ сцены, представленныя живописцемъ. Разумѣется, что эти поступки, предосудительныя на бумагѣ, показались на практикѣ непозволительными, и полиція потребовала въ судъ всѣхъ героевъ. Редакторъ *Morning Chronicle*, Вейтъ, отдававшій отчетъ о судебныхъ преніяхъ, вздумалъ назвать эти статьи «Еще жизнь» и разсказывать процессъ въ комическомъ видѣ. Эта счастливая мысль до того понравилась публикѣ, что, въ нѣсколько дней число подписчиковъ журнала съ семи сотъ дошло до семи тысячъ. Вейтъ не довольствовался этимъ и, зная извѣстность Крюкшанка, предложилъ ему иллюстрировать эти статьи, изданныя отдѣльно. Спекуляція оказалась самую выгодною, и публика раскупала ливрезоны также скоро, какъ теперь бросается на народныя романы Чарльса Диккенса и Теккерея.

Приведемъ нѣсколько остальныхъ произведеній знаменитаго современнаго карикатуриста. Въ 1825 году онъ иллюстрировалъ *Гана Исландскаго*, Виктора Гюго, переведеннаго на англійскій языкъ; на слѣдующій годъ занялся коллекціею морскихъ сказокъ лейтенанта Баркера, подъ названіемъ: *Greenwich Hospital*; въ 1830 году издалъ оригинальную книгу: *Three Courses and a Dessert*; потомъ *Сказки другаго времени*, *Gentleman in Black*, *Tom Thum*, *Bombastes Furioso*; иллюстрировалъ романы Смолетта, Фоз и Гольдсмита, Демонологию Вальтеръ-Скотта, поэму Томасъ Гуда, наконецъ Оливера Твиста, Диккенса, романы Гаррисона Эйнворта и самое послѣднее произведеніе—*Uncle Tom's Cabin*, мистрисъ Блчеръ Стоу.

Реестръ этотъ очень не полонъ; въ немъ много чужихъ произведеній, только иллюстрированныхъ живописцемъ, который не могъ помѣстить тутъ ни одной своей мысли; но, кромѣ того, онъ работалъ надъ изданіемъ собственныхъ своихъ вдохновеній. *Воскресенья въ Лондонѣ* превосходно изображаютъ картины нравовъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, которыя можно примѣнить и къ настоящему времени; *Комическій Альманахъ* принесъ немного пользы автору, но обогатилъ книгопродавца Тильта, купившаго все изданіе *Omnibus*, карикатурный альбомъ, въ которомъ антибонапартистъ, вспоминая свою молодость, представилъ *Памятникъ Наполеону*, состоящій изъ пирамиды человѣческихъ чере-

повъ, на верху которой стоитъ скелетъ императора въ историческомъ костюмѣ.

Въ 1847 году, Крюкшанкъ издалъ рядъ замѣчательныхъ рисунковъ, подъ названіемъ the Bottle (*Бутылка*), въ которыхъ преслѣдуется одно изъ величайшихъ золъ человечества—пьянство, погубившее его предшественника, Джильрея. Это предпріятіе исполнено имъ съ моральною цѣлью, и въ восьми картинахъ превосходно представлена вся жизнь пьяницы, съ самаго начала поприща, когда трудолюбивый и честный работникъ выпиваетъ первый стаканъ вина, и потомъ когда страсть къ вину доводитъ его до того, что онъ бросаетъ работу, самъ дѣлается бѣшенымъ и дѣти его остаются безъ всякой помощи на страшныхъ лондонскихъ улицахъ.

Не надобно воображать, чтобы артистъ, дѣлающій наставленія современникамъ и ноучающій ихъ сатирою, самъ былъ строгимъ анахоретомъ, избѣгающимъ общества. Крюкшанкъ, не смотря на свои лѣта, пользуется атлетическимъ здоровьемъ, любитъ движеніе и тѣлесныя упражненія, которыя приносятъ пользу при его трудолюбивой жизни. Его можно встрѣтить часто между Лондономъ и Ричмондомъ въ красной лодкѣ, управляемой имъ самимъ. Его хорошо знаютъ въ фехтовальныхъ залахъ, и профессора боксернаго искусства увѣряютъ, что онъ принадлежитъ къ самымъ ловкимъ боксерамъ. Наконецъ живописецъ имѣетъ замѣчательный драматическій талантъ, который онъ доказалъ въ то время, когда Чарльсъ Диккенсъ и другіе литераторы устроили представленія въ пользу бѣдныхъ писателей. Крюкшанкъ превосходно исполнялъ всѣ роли на этихъ домашнихъ спектакляхъ и заслуживалъ всегда громкія рукоплесканія публики.

Въ настоящее время Англія обладаетъ многими другими карикатуристами, извѣстными сатирическими своими произведеніями. Беккетъ, Личъ, Фицъ, знаменитый Б., политическій преемникъ Крюкшанка, продолжаютъ смѣшить и учить публику; но поприще ихъ еще не кончено и потому они не принадлежатъ исторіи. Только успѣхи ихъ доказываютъ, что карикатура имѣетъ большое вліяніе въ Англіи и что любопытно изучать исторію всѣхъ политическихъ рисунковъ, въ которыхъ ясно изображено общественное мнѣніе, интриги партій, нападки на предводителей партій, на пороки и поступки извѣстныхъ людей. Карандашъ рѣзко и вѣрно изображаетъ то, чего, можетъ быть, нельзя выразить словами. Колекціи главныхъ карикатуристовъ могутъ послужить для историческихъ свѣдѣній и принести большую пользу въ послѣдствіи, объясняя прошествія иначе, нежели официальные докумен-

ты. Особенно въ наше время карандашу большая работа, и карикатурѣ есть надъ чѣмъ позабавиться.

Недавно вышла въ свѣтъ любопытная корреспонденція Джемса Уата *Origin and progress of the mechanical inventions of James Watt*. Араго несколько не преувеличилъ похвалы, которыми осмалъ человѣка, ода-рившаго міръ новою силою. Изъ одной бирмингамской мануфактуры, гово-рять Athenaeum, вышло 1665 паровыхъ машинъ, силою въ 167,319 ло-шадей. Одна паровая машина въ Корнвальскихъ рудахъ поднимаетъ сто миліоновъ фунтовъ, истребляя только одну мѣру угля. И всѣ эти не-извѣстныя силы открылъ Джемсъ Уатъ ребенкомъ, видя какъ паръ отъ горячей воды приподнималъ крышу чайника. Ему было восемнадцать лѣтъ (1754), когда одинъ профессоръ Глазгоускаго университета, док-торъ Дикъ, отгадавъ способности молодого механика, посоветовалъ род-нымъ послать его въ Лондонъ, учиться у фабриканта математическихъ инструментовъ. Тогда еще дилижансы не часто ходили отъ одног- королевства до другаго. Джемсъ Уатъ и двоюродный братъ его наняли лошадь, чтобъ хоть въ двадцать дней окончить свое путешествіе; ровно черезъ сто лѣтъ маленькій чайникъ Джемса превратился въ паровозъ, который ту же дорогу пробѣгаетъ въ двѣнадцать часовъ и еще не со-всєю быстрою. Поступивъ работникомъ къ Моргану, Уатъ получалъ такъ мало жалованья, что писалъ отцу, чтобъ тотъ прислалъ ему что-нибудь на пропитаніе, потому что онъ отъ голоду *стлгиваетъ свои кушакъ*. Позже, когда драгоценныя его изобрѣтенія приведены были въ дѣйствіе, ему предлагали тысячу фунтовъ стерлинговъ въ годъ, чтобъ онъ оставилъ Англію, но онъ отказался, хотя въ то время Англія бы-ла не очень щедра къ изобрѣтателямъ. Приѣхавъ въ Лондонъ получить рѣшеніе нижняго парламента для проведенія канала, Уатъ писалъ къ своей женѣ: «Я въ отчаяніи отъ этого комитета! Нѣтъ никакой воз-можности сговориться съ этими людьми, набранными изъ самыхъ без-толковыхъ».

Объщаютъ также, что скоро выйдетъ изъ печати новая біографія Исаака Ньютона, составленная Давидомъ Брюстеромъ, который только что издалъ маленькій томъ о *многочисленности міровъ*, написанный имъ въ отвѣтъ на теорію профессора Уевеля, вызывающаго всѣхъ по-слѣдователей Фонтенеля *доказать*, что во вселенной есть другая пла-нета, обитаемая или возможная для обитанія, кромѣ нашей.

Біографія ученыхъ и анекдоты ихъ домашней жизни служатъ къ распространенію науки, потому что придаютъ особенную занимательность изученію всѣхъ подробностей поприща замѣчательныхъ людей. Чита-тель всегда съ нетерпѣніемъ ищетъ въ этихъ біографіяхъ главы о люб-

ви, и сирь Давидъ Брюстеръ обѣщаетъ представить Ньютона влюбленнымъ. Кажется, что и Ньютонъ, про котораго говорили, что онъ прожилъ восемьдесятъ пять лѣтъ, не зная любви, чувствовалъ притягательную силу сердца, прежде чѣмъ открылъ притягательную силу планетъ. Ньютонъ имѣлъ также припадокъ безумія, только неизвѣстно, случилось ли это оттого, что любимая собака его Деймантъ опрокинула свѣчу на драгоценную рукопись, и сожгла ее, или въ этомъ надобно обвинить одну кокетку, которая своими капризами довела философа до помѣшательства! Кажется, что первое предположеніе невѣроятно. Ньютонъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ придти въ отчаяніе отъ потери рукописи. Онъ самъ гдѣ-то написалъ: «О, Деймантъ! ты не понимаешь, какое зло сдѣлалъ мнѣ!»

Фонтенель увѣрялъ, что Ньютонъ не могъ любить потому, что ему не было на это времени, такъ прилежно онъ занимался науками и обязанностью директора монетнаго двора. «Онъ никогда не чувствовалъ необходимости общества», подтверждаетъ Біо, говоря объ англійскомъ философѣ; но оба эти писателя не могли собрать всѣхъ документовъ, относящихся къ жизни Ньютона, а Давидъ Брюстеръ досталъ отъ графа Портсмута любопытныя записки Кондою, друга философа, въ которыхъ приведены всѣ подробности.

Физиономія Дальтона, изобрѣтателя атомистической теоріи, тоже превосходно изображена въ биографіи доктора Чальса Генри. *Quarterly Review*, разбирая эту книгу, пространно говоритъ о всѣхъ важныхъ открытіяхъ, поставившихъ имя Дальтона между почетными именами Кавендиша и Дави и только немногимъ ниже великаго Лапласа.

Вышла также книга, подъ названіемъ *Физиологическія розысканія*, напоминающая по содержанию и слогу сочиненія Флурана. Авторъ этой книги принадлежитъ къ медицинѣ, стало быть пишетъ съ знаніемъ дѣла. Вообще, сирь Веніаминъ Броди изучилъ основательно анатомію, необходимую для познанія физиологіи. Надобно имѣть на все доказательство. Астрономы не только увѣряютъ, что на Лунѣ, Сатурнѣ, Юпитерѣ и Солнцѣ есть жители, но даже описываютъ образъ ихъ жизни. Не смотря на это, множество людей повѣрятъ этому только, когда какое-нибудь животное упадетъ съ другой планеты, и студенты Лондона или Парижа анатомируютъ его.

Въ ожиданіи этого явилась книга *Геліондъ или происшествіе въ солнцѣ*. Авторъ оказался смѣлѣе Сирано Бержерака и Астольфа Ариоста, потому что побывалъ въ Геліополисѣ, столицѣ солнца, былъ тамъ хорошо принятъ и познакомился съ высшимъ обществомъ. Этотъ астрономическій романъ очень любопытенъ; авторъ его извѣстенъ сати-

рою подъ названіемъ: *Записки моего желудка, изданныя секретаремъ внутреннихъ дѣлъ.*

Самая замѣчательная драматическая новость 1855 года на лондонскихъ театрахъ состоитъ въ переводѣ Людовика XI, Казимира Деламина.

Чудовищные концерты Жюльена привлекаютъ больше публики, чѣмъ спектакли. Оркестры его—потому что у него ихъ всегда четыре—публикуютъ програму въ родѣ балетной. Напримѣръ, въ *союзномъ кадрили* соединяется музыка Англій, Франціи и Турціи. Интродукція изображаетъ картину мира, нарушенную вдругъ воинственнымъ вызовомъ. Потомъ проходитъ французская армія подъ звуки дуэта *нѣжныхъ прощаній*. Маршъ, составленный изъ ирландскихъ, шотландскихъ и валлійскихъ мотивовъ, даетъ знать о приближеніи англійскаго войска. Турки присоединяются подъ звуки пѣсни муэдзина. Дальше бивакъ союзниковъ и мечты солдата о родинѣ. Вдругъ раздаются русскія пѣсни и начинается страшная атака. Послѣ этой музыки бюллетени о военныхъ дѣйствіяхъ дѣлаются не нужными. Оркестры Жюльена опишутъ какое угодно сраженіе.

Любопытенъ вышедшій на дняхъ отчетъ о страховыхъ обществахъ и о началахъ ихъ существованія. 1-го Января 1854 года было въ Англій 217 компаний страхованія жизни, и въ этомъ же году учредилсь еще тридцать новыхъ обществъ, такъ что къ первому январю 1855 года ихъ было всѣхъ 247. Въ то же время обществъ страхованія отъ огня 102. Въ 1855 году всѣхъ компаний для страхованія какихъ бы то ни было предметовъ было 356. Число это огромно въ сравненіи съ Франціею, въ которой существуетъ не болѣе 40 страховыхъ компаний.

Компанія Hand in Hand самая древняя. Она основана съ 1696 года и въ ней можно застраховать жизнь и домъ. Послѣ нея слѣдуютъ: The Amicable (1706), The Sun (1710), The Union (1714), The Westminster (1717), The Royal Exchange и The London assurance Corporation (1720).

Въ началѣ этого вѣка было, въ Англій только 20 страховыхъ конторъ; съ 1800 до 1814 основано 23 новыхъ.

Въ 1854 составилось общество страхованія жизни, подъ названіемъ The Alma, и другое отъ пожара The English and French alliance.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій азіятскаго общества въ Лондонѣ, професоръ Вильсонъ представилъ индійскую газету Sudhakar, издаваемую въ Бенаресѣ. Онъ доказалъ, что въ Индіи издается на туземномъ языкѣ много журналовъ и что въ нихъ печатаются не только повѣсти, но также и критическія статьи. Газета Sudhakar отличается ученымъ направленіемъ. Въ ней участвуетъ одинъ извѣстный

индѣйскій ученый. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ онъ описываетъ древнюю каменную колонну, привезенную въ Шазинупъ маіоромъ Киттоэ и поставленную въ Бенаресскомъ коллегіумѣ. До-сихъ-поръ индѣйцы были очень хладнокровны къ древностямъ своей страны и позволяли иностранцамъ изучать ихъ, но теперь начали сами отыскивать и объяснять свои монументы.

Въ одномъ англійскомъ журналѣ говорятъ объ открытіи новыхъ золотыхъ приисковъ, необыкновенно богатыхъ, въ Тури-Ассу, въ провинціи Марангамъ, въ Южной Америкѣ. Тамъ находятъ куски золота въ 24 карата и добываютъ его очень легко. Приiski Калифорніи и Австраліи, говорятъ, не будутъ ничего значить въ сравненіи съ новыми южно-американскими золотыми приисками.

На дняхъ вышла любопытная біографія Фергюссона, неразлучнаго товарища и друга Вальтеръ-Скотта. Онъ познакомился съ нимъ еще въ школѣ и зазвалъ его къ себѣ на дачу, почему-то прозванную *Камчаткою*. Тамъ собирались къ отцу Фергюссона всѣ современныя знаменитости: Блакъ (химикъ, на племянницѣ котораго женился Фергюссонъ), Гюттонъ (создавшій новѣйшую геологію), историкъ Робертсонъ, поэтъ Джонъ Гомъ, Адамъ Смитъ.

Въ этомъ-то кругу явился безвѣстнымъ школьникомъ Вальтеръ Скоттъ, и съ жадностью слушалъ разговоръ знаменитыхъ людей.

Оба школьника всегда были вмѣстѣ, и Фергюссонъ свелъ Вальтеръ Скотта однажды къ карлику Давиду Ричи, который предсказалъ будущую славу романиста. Вальтеръ Скоттъ сомнѣвался въ словахъ предсказателя; но тотъ принесъ ему на столъ большую черную кошку и сказалъ, что она подтвердитъ его слова. Кошка жалобно замыкала и прыгнула въ окно, а глаза карлика заблестали какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ.

Вальтеръ Скоттъ поблѣднѣлъ при этомъ и задрожалъ: это впечатлѣніе произвело черезъ двадцать лѣтъ разсказъ *Black Dwarf*.

Фергюссонъ былъ сперва писцемъ у адвоката, но потомъ перешелъ въ военную службу, гдѣ аристократическіе офицеры часто надъ нимъ смѣялись, хотя его веселость, живость, разсказы и пѣсни дѣлали его душею всѣхъ обществъ.

Однажды онъ съ отрядомъ промѣривалъ рѣку для переправы въ бродъ, подъѣхалъ Веллингтонъ, и спросилъ его: понимаетъ ли онъ это дѣло?

— Какъ же, милордъ, понимаю, — отвѣчалъ Фергюссонъ.

— А какія рѣки знаешь ты?

— Твидъ.

— Твидь? — вопросительно повторил Веллингтонъ, съ разсѣянностію глядя въ подзорную трубу.

— Да, милордъ, рѣку Твидь, которая служить границею между Англіею и Шотландіею.

Весь штабъ Веллингтона расхохотался, и самъ генералъ тоже. Этотъ географическій урокъ, данный Веллингтону, долго рассказывали въ лагерѣ.

Фергюссонъ былъ въ Португалліи, когда вышла *Два озера*. Онъ получилъ книгу отъ Вальтеръ Скотта, и долженъ былъ читать ее во всѣхъ обществахъ, за что получалъ множество подарковъ.

Въ 1812 году былъ взятъ онъ въ плѣнъ французами; но съ нимъ обошлись очень милостиво и дозволили даже пріѣхать въ Парижъ. Здѣсь онъ представлялся Наполеону, который, изъ уваженія къ дядѣ его, химику Блаку, освободилъ его.

По окончаніи войны, Вальтеръ Скоттъ выхлопатель Фергюссону мѣсто смотрителя за коронными регаліями Шотландіи, и титулъ *sig.* Самъ Вальтеръ Скоттъ купилъ ему домъ близъ Абботсфорда за десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Фергюссонъ упрекалъ его за эту расточительность.

— Молчи, — овѣчалъ тотъ. Это я дѣлаю самъ для себя. Твои рассказы одушевляють меня, и въ нихъ источникъ всѣхъ моихъ сочиненій. Для этого я и хочу, чтобъ ты жилъ близъ меня.

Дѣйствительно, съ той минуты Фергюссонъ былъ ежедневнымъ гостемъ Вальтеръ Скотта и участникомъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Къ этому присоединились и семейныя связи. Сынъ Вальтеръ Скотта женился на племянницѣ Фергюссона.

Ежедневно Фергюссонъ рассказывалъ Вальтеръ Скотту какія-нибудь повѣсти, или пѣлъ ему шотландскія пѣсни.

Фергюссонъ умеръ восьмидесяти-четырехъ лѣтъ и до конца жизни былъ веселымъ и плодовитымъ расказчикомъ.

Изъ другихъ книгъ, вышедшихъ въ Лондонѣ, замѣчательно путешествіе: *the Bulgarian, the Turc and the German*, сочиненіе Патона. Другое путешествіе Катерины Тобинъ: по Египту, Палестинѣ, Сиріи, Турціи и Греціи.

Изъ историческихъ брошюръ замѣчательна: *Palmerston in three epochs, Acomparaison ot facts with opinion* (Шальмерстонъ—въ трехъ эпохахъ. Сравненіе дѣлъ съ мнѣніями). Дипломатическая натура этого лорда представлена въ настоящемъ, то есть весьма неблагоприятномъ видѣ, и подобная книга большая новость для Англій.

По части искусствъ заслуживаетъ особеннаго вниманія *фотогра-*

фическая выставка. Тутъ множество портретовъ въ ростъ и съ удивительною точностію. Въ микроскопъ можно видѣть скважины (поры) кожи и корни выбритой бороды. Выставлены изображенія разныхъ насѣкомыхъ и другихъ мелкихъ предметовъ, снятыхъ въ минуту увеличенія ихъ микроскопомъ водороднаго газа. Есть стереоскопическія изображенія на стеклѣ чудесной красоты. Есть очерки облаковъ, схваченныхъ фотографією при мгновенномъ ихъ полетѣ, и ландшафты удивительной вѣрности.

Фотографы говорятъ, что успѣхи ихъ искусствъ произошли отъ стекла, покрываемаго бѣлковиною, но что бѣлковину эту надобно составлять изъ яицъ, покупаемыхъ въ деревняхъ, а не въ городѣ.

Фогель писалъ изъ Венеціи, что съ помощію подобнаго стекла дошли до фотографическаго печатанія музыкальныхъ тоновъ. Это что-то похоже на пухъ.

Фотографія получила здѣсь одно странное практическое примѣненіе. Всѣ директоры тюремъ снимаютъ портреты своихъ арестантовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и рассылаютъ ихъ по другимъ тюрьмамъ. Если потомъ подобный арестантъ, хоть подъ другимъ вымышленнымъ именемъ, окажется въ другой, третьей тюрьмѣ, то уже знаютъ всѣ его прежнія продѣлки.

Глазныя болѣзни, въ такомъ множествѣ нынѣ существующія въ Англіи, происходятъ отъ работъ при газовомъ свѣтѣ. Теперь вѣрно употребляютъ всѣмъ рабочимъ зеленныя глазныя ширмы и во всѣхъ подобныхъ заведеніяхъ глазныя души для промыванія глазъ.

Для электрическаго свѣта нашли прекрасное примѣненіе, а именно подобныя аппараты устриваются въ водолазномъ колоколѣ, и если работнику нуженъ свѣтъ, то, повернувъ кранъ, онъ сближаетъ острую угольевъ на такое разстояніе, что они тотчасъ же загораются и свѣтъ этотъ продолжается два часа, освѣщая на сорокъ футовъ вокругъ. Если засвѣтить этотъ аппаратъ надъ поверхностію воды, то на тридцать футовъ глубины видно все, что находится въ водѣ. Новый лондонскій мостъ Чельзи будетъ освѣщенъ подобнымъ аппаратомъ.

Въ Бристолѣ изобрѣтена новая система паровыхъ машинъ для судоходства. Изъ обнародованнаго описанія ничего нельзя ясно понять, но видно только, что эта система еще удобнѣе *винтовой*.

Новый пароходъ о четырехъ колесахъ, назначенный для плаванія по Дунаю, сидитъ въ водѣ только на тринадцать дюймовъ (футъ и одинъ дюймъ) при полномъ грузѣ.

Въ Италіи готовится важное завоеваніе для земледѣлія, промышленности и гигиены. Хотятъ осушить озеро Фузино. Оно находится

между Римомъ и Неаполемъ. Тридцать три тысячи моргеновъ земли, покрытыхъ водою ($2\frac{3}{10}$ моргена равны одной десятинѣ), и испаренія озера производятъ всегдашнія лихорадки. Юлій Цесарь первый имѣлъ мысль осушить это озеро, Клавдій началъ приводить ее въ исполненіе. Десять лѣтъ сряду работали тридцать тысячъ человѣкъ и довели туннель до моря. Но послѣ него дѣло это было оставлено, забыто. Туннель засорился, заглохъ. Теперь его возобновятъ, расширятъ и спустятъ озеро. Компанія англійскихъ акціонеровъ беретъ исполнить это въ восемь лѣтъ.

Кромѣ тридцати трехъ тысячъ моргеновъ земли пріобрѣтены будутъ развалины трехъ потонувшихъ городовъ, которыхъ зданія видны при лѣтнихъ засухахъ.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Мартовскія и апрѣльскія книги журналовъ.—Патріотическія стихотворенія.—Гг. Майковъ и Кравченко.—Повѣсти въ Современникъ.—Разборъ *Русской свадьбы* г. Сухонина.—Библіотека для Чтенія.—Стихотворенія г. Мея и посланіе къ нему.—«Уральцы» г. Небольсина.—Серьезныя статьи и журналистика.—Отечественныя Записки.—Повѣсти и серьезныя статьи.—Статья о русскихъ журналахъ XVIII вѣка.—Четыре книги Москвитинна.

Мы должны отдать отчетъ за два мѣсяца, мартъ и апрѣль. Отчетъ нашъ будетъ коротокъ, не потому, чтобы русская журналистика не произвела въ эти мѣсяцы ничего, о чемъ бы можно было побесѣдовать съ читателями; напротивъ, журнальная литература наша идетъ впередъ,

не только съ каждымъ годомъ, но даже съ каждымъ мѣсяцемъ, какъ богатырь въ русской сказкѣ, который растетъ не по днямъ, а по часамъ; причина нашей краткой бесѣды чисто *субъективная*: лѣто заставляетъ насъ прекратить наши отчеты о журнальной дѣятельности. Три года постоянныхъ трудовъ на этомъ не всегда веселомъ и легкомъ поприщѣ, даютъ намъ нѣкоторое право — проститься съ читателями Пантеона до нѣкотораго времени.

Послѣднія книги нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ въ особенности богаты стихотвореніями, что составляетъ ихъ отличительную и весьма пріятную черту. Между этими стихотвореніями, по важности предмета, занимаютъ первое мѣсто произведенія, внушенныя недавнею потерей Россіи, поразившею всѣхъ такимъ страшнымъ, неожиданнымъ ударомъ. Само собою разумѣется, что это событіе должно было вызвать многочисленные элегіи, полныя выраженій глубокой печали. Первое мѣсто между этими печальными стихотвореніями занимаетъ «18 февраля 1854 года», сочиненіе извѣстнаго поэта нашего г. Майкова, обратившаго на себя всеобщее вниманіе, въ особенности въ послѣднее время, своими удивительными произведеніями. Какъ слѣдуетъ истинному поэту, авторъ «Двухъ судебъ», «Духа вѣка», «Трехъ смертей» и другихъ стихотвореній, — идетъ по пути, избранному имъ однажды, съ твердостью и неизмѣнностью во мнѣніяхъ. Но, отдавая полную справедливость его новому произведенію, мы не можемъ въ то же время не замѣтить, что на этомъ поприщѣ онъ встрѣтилъ соперника, въ лицѣ поэта, въ первый разъ еще выступающаго на поэтическую стезю и соревнующаго г. Майкову, и по стиху, и по идеямъ. Мы не встрѣчали ни разу имени г. Николая Кравченки, подписаннаго подъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ мартовской книгѣ «Библиотеки для Чтенія». Не имѣя права выписывать вполнѣ стихотвореній обоихъ поэтовъ, чтобы не лишить «Современникъ» и «Библиотеку для Чтенія» лучшихъ ихъ украшеній, мы приведемъ изъ нихъ по нѣсколько строкъ на выборъ, потому что оба стихотворенія одинаково прекрасны съ начала до конца:

Вотъ стихи г. Майкова:

И чтожь?.. Россіи Самодержецъ,
 Который честь ея хранилъ,
 А на враговъ, какъ громовержецъ,
 Очами ужасъ наводилъ,
 Онъ палъ!.. Онъ палъ!.. языкъ немѣть!

Въ испугѣ вѣрить умъ не смѣетъ!
 Онъ палъ во цвѣтѣ силъ, красы,
 Труда не кончивъ начатова,
 И равновѣсья міровова
 Ужель не дрогнули вѣсы?..

Вотъ стихъ г. Николая Кравченки:

Да не сокроется ничто передъ Тобю,
 Да вѣдаешь Ты въ чемъ мы слабы, въ чемъ крѣпки,
 И если нужно что, да отъ Твоей руки
 Получить Твой народъ такое воспитанье,
 Чтобъ нужное само пришло благодѣянье.
 Великій Государь! Не твой одинъ народъ—
 Все человѣчество твоихъ благодѣяній ждетъ!
 Отъ бытія времянь, отъ сотворенья міра,
 Едвадь когда дерзала славить лира
 Величіе подобное Тебѣ!

Подобные стихи не нуждаются въ похвалахъ: они говорятъ сами за себя; о мысляхъ и чувствахъ не говоримъ: они одинаковы у всѣхъ, кто писалъ объ этомъ великомъ, печальномъ событіи.

Изъ другихъ стихотвореній «Современника», «Дѣдушкинъ садокъ» г. М. Стаховича, очень хорошо въ началѣ и было бы еще лучше, если бы не было такъ длинно; вся вторая половина значительно слабѣе первой. Очень не дурны также два стихотворенія г. Некрасова: «Маша» и «Памяти пріятели»; стихи гг. Фета и Михайлова, довольно слабы.

Изъ повѣстей въ этихъ книгахъ «Современника» читаются легко и съ удовольствіемъ: «Легенда о кислыхъ водахъ», Дружинина, и «Воздушные замки»; хотя картины послѣдняго разсказа, описывающаго похождения двухъ эманципированныхъ провинціалокъ въ Петербургѣ, немножко рѣзки и не совсѣмъ хорошаго тона; за то «Легенда» заинтересуетъ читателя картинами кавказской жизни, составляющими лучшія страницы въ повѣсти, довольно не хитрой по содержанію.

Серьезными статьями послѣднія двѣ книги «Современника» не отличаются. Статьи о первыхъ драматическихъ опытахъ Шекспира, о Гам-

летѣ, очень неинтересны. Выше ихъ статья г. Пекарекаго «О русскихъ мемуарахъ XVIII вѣка.» Критическія статьи о сочиненіяхъ Пушкина и Пропплеяхъ незамѣчательны, также, какъ и библиографическія рецензіи. Въ послѣднемъ отдѣлѣ мы нашли довольно рѣзкое сужденіе о пьесѣ г. Сухонина «Русская свадьба въ XVI вѣкѣ». Вотъ что говоритъ рецензентъ: «Литературнаго достоинства пьеса не имѣетъ никакого; знакомства съ русской старинной не должно и ожидать отъ автора, который не умѣетъ правильно составить фразъ даже на современномъ языкѣ... Литературное достоинство пьесы прекрасно характеризуется стихами, которые поетъ шутъ:

Шиндара, шиндара,

Тари, бари, бараба.

Изъ мелкихъ разсказовъ очень хорошъ «Груня», г. Полонскаго. Переводныя и оригинальныя статьи смѣся весьма неинтересны. Замѣтки новаго поэта довольно вялы и безцвѣтны; въ нихъ нѣтъ даже эксцентрическихъ выходовъ, надъ которыми можно было бы остановиться и улыбнуться.

Мартовская и апрѣльская книги «Библиотеки для Чтенія» также богаты стихотвореніями и весьма замѣчательными. Не говоримъ о «Мелочахъ жизни», пьесѣ г. Бенедиктова, ни о переводѣ пѣсни Амаліи изъ Шиллера, переданной г. Меємъ чрезвычайно вѣрно, но въ самой вѣрности своей довольно безжизненной. Считаетъ долгомъ обратить вниманіе всѣхъ любителей поэзіи вообще и древней въ особенности, на переводъ шести стихотвореній изъ Анакреона, художнически вѣрный и мастерской во всѣхъ отношеніяхъ. Что г. Мей хорошо знаетъ римскій міръ, въ этомъ нельзя сомнѣваться послѣ его «Сервиліи» и «Цвѣтовъ», но въ переводахъ Анакреона онъ выказалъ такое же знаніе духа древней Эллады. Встрѣчаются съ такимъ знатокомъ древности, владѣющимъ сверхъ того звучнымъ пластическимъ стихомъ, весьма пріятно, но еще пріятнѣе видѣть, что наши молодые поэты понимаютъ всю прелесть класическаго міра и сочувствуютъ ему. Такъ мы получили очень замѣчательное произведеніе г. Ипполита Миклашевскаго, (со стихотвореніями котораго «Пантеонъ» надѣется познакомить своихъ читателей въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ), вдохновеннаго *Сервилію* и написавшаго г. Мею слѣдующее посланіе:

Л. МЕЮ.

(Автору драмы «Сервиля»).

Художникъ пламенный, мудрецъ правдолюбивый,
Науки вѣрный сынъ и сладостный пѣвецъ!
Ты драму написалъ для избранныхъ сердець,
Но трезво пренебрегъ мечтой пустой, игривой:
Правдивыхъ хартій смыслъ ты темный разобралъ
И намъ стихомъ живымъ быть мертвый возсоздалъ.
Въ картинѣ древности нѣтъ тягости обычной:
Ты не сухой Нибуръ; нѣтъ, сердца теплотой
Согрѣтъ ученый трудъ, и дряхлый мѣръ античный,
И юный мѣръ Христа двойною красотой
Чаруютъ сердце, умъ, слезой туманять очи...
Отраднa встрѣча такъ зари со тьмою ночи:
Безбреженъ океанъ задумчивыхъ свѣтилъ,
Безсоннымъ онъ очамъ загадоченъ, унылъ...
Прекрасна ночь! но вотъ великое свѣтило
Блится радостью и гонитъ прочь мечты,
Покоенъ утра часъ, и сердце грусть забыло
И веллчавыя ночныя красоты.
О, слабое перо, и слабое сравненье!
Нѣтъ, мѣръ языческій скорѣй грозъ ночной
Подобенъ; но пора! небесной синевой
Смѣнилось перуновъ ополченье,
Отъ свѣта тихій свѣтъ мракъ бури побѣдилъ
И утра яснаго возможность возвѣстилъ.
Тотъ мигъ, великій мигъ истории отдаленной
Искусно очерталъ волшебнымъ ты перомъ,
А городъ вѣчный намъ, владыка полвселенной,
Благодари тебѣ, сталъ коротко знакомъ:
Ты вводишь всюду насъ, на форумъ хлопотливый,
И въ теремъ богачей, убѣжище лѣнливыхъ,

И въ скромные дома, изъ коихъ болѣ миль
 Тотъ сердцу моему, въ которомъ помѣстилъ
 Дѣвичій теремъ ты, наполнивъ чудесами
 И роскошью его... Но что за свѣтъ разлить
 Сорана дочери чистѣйшими красами?
 Какъ будто юный ликъ сіяніемъ обвить.....
 Дитя печальное подъ гнетомъ сердца пытки,
 Развратныхъ средь матронъ любовь твоя чиста!
 Готовность слышится къ несенію Креста
 Въ рѣчахъ восторженныхъ и въ твердости Квиритки.

Скорѣй жрецы искусствъ!... Скорѣе кисть, рѣзецъ!
 Поэтъ навѣялъ вамъ прямое вдохновенье,
 Для славы и труда предъ вами образецъ
 Любви и прелести и скорбнаго смиренья!
 Но нѣтъ; не воскресить Сервилію твою,
 Поэтъ единственный!... Надъ ней я слезы лью!

Стихи «Библиотеки для Чтенія» гораздо лучше ея прозы. Въ мартовской книжкѣ рассказы г. Дружинина «Деревенскій случай» и г. Максимова «Сысоевъ» читаются, если не съ особеннымъ удовольствіемъ, то по крайней мѣрѣ безъ скуки, за то въ апрѣльской книжкѣ, въ отдѣлѣ Словесности, появилась географико-статистико-рыболовня, статья г. Небольсина «Уральцы»; мы пришли въ рѣшительное недоумѣніе: за чѣмъ Библиотека помѣстила ее въ разрядъ повѣстей? Начало ея, похожее на повѣсть, можетъ ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя, и потому мы считаемъ долгомъ заранѣе предостеречь того, кто вздумалъ бы приняться за чтеніе этой исторіи. Это просто описаніе, какъ ловятъ рыбу уральскіе казаки и чѣмъ ловятъ: оно можетъ быть очень интересно только для техническихъ читателей.

«Старобубновъ боръ» г. Данилевскаго былъ бы интересенъ, еслибы только въ немъ было меньше претензіи на оригинальность слога и красоту выраженій. Изъ серьезныхъ статей этого журнала не можемъ назвать ни одной; но замѣтимъ съ удовольствіемъ, что Журналистика апрѣльская писана добросовѣстно, просто, умѣренно и съ со-

вершеннымъ знаніемъ дѣла, стало быть вовсе не тѣмъ лицомъ, которое писало Журналистику въ мартовской книгѣ.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ «Отечественныхъ Записокъ» отдѣлъ Словесности весьма замѣчательнъ. Такія повѣсти, какъ «Порядочный человекъ» г. Авдѣева и «Яковъ Пасынковъ» долго останутся въ памяти читателей. Мы причислили бы къ нимъ и «Горбуна» г. Данковскаго, если бы повѣсть эта не была написана какимъ-то страннымъ языкомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно непонятнымъ для читателя. Всего страннѣе, что этимъ языкомъ говорятъ только дѣйствующія лица, крестьяне, а тамъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя, языкъ очень хорошъ, хотя мѣстами отзывается идиллиею и отчасти восторженно риторическимъ направлениемъ. Стихотворенія, помѣщенные въ «Отечественныхъ Запискахъ» всѣ слабы, но слабѣе всѣхъ произведенія какого-то г. Солоницына и г. Х—о. Зачѣмъ этотъ журналъ помѣщаетъ подобные стишки, рѣшительно не понимаемъ.

За то серьезными статьями, въ вышей степени интересными, такъ богаты послѣднія книги «Отечественныхъ Записокъ», что мы охотно забываемъ неудачу ихъ въ выборѣ стихотвореній. Такія статьи, какъ «Путевыя записки» г. Гончарова, «Обзоръ исторіи Карамзина» г. Соловьева, «Записки чиновника С. Ж—ва», «Статья о старыхъ русскихъ журналахъ» г. Аванасьева займутъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Въ особенности заняла насъ статья «О старыхъ русскихъ журналахъ», составленная хотя и не подробно, но весьма добросовѣстно. Перелистывая эти журналы, находишь иногда нечаянно мѣста, которыя потомъ повторяются у сочинителей послѣдующихъ эпохъ. Встрѣчался ли они случайно мыслями или это были только невинныя заимствованія, рѣшить трудно! Для примѣра вотъ нѣсколько стиховъ изъ сатиры «Мысли». Авторъ говоритъ сначала о творцахъ «Россіяды» и «Елисея».

Лишь только подражать Хераскову блюдися,
А Майкову вослѣдъ совѣмъ идти стыдися...
А если хочешь ты плѣвнять умы людскіе,
Старайся только въ стихъ собирать слова такія,
Которыхъ бы никто совѣмъ не разумѣлъ.

Не напоминаютъ ли эти стихи извѣстной сатиры Княжнина, которая нѣкогда была въ большомъ ходу. Тамъ тоже поэтъ говоритъ:

Одни лишь низки слоги
Понятны всякому; а кто равно, какъ боги
Высоко говоря: на крыліяхъ парить,
Тоть долженъ не понять и самъчто говорить.

«Москвитянинъ» въ нынѣшнемъ году такъ запаздываетъ, что даже неловко разбирать въ маѣ его январскія книги. Въ нихъ, впрочемъ, мало замѣчательнаго. Недурна повѣсть г. Григоровича: «Зимній вечеръ» и «Бабушка», г. Бибикова. Изъ серьезныхъ статей любопытны письма Карамзина къ Тургеневу; изъ экцентрическихъ—критическія фантазіи г. Григорьева; стихотворенія въ первыхъ четырехъ книгахъ «Москвитянина» особенно плохи.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Москва и ея памятники прошедшихъ побѣдъ нашихъ. — Пожертванія въ пользу бѣдныхъ. — Ученые диспуты: диссертация г. Емевскаго «Аполлинарій Сидоній»; разсужденіе г. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ писменъ». — Памятникъ Григорію Ивановичу Фишеру-фонъ-Вальдгейму. — Его біографія и ученые заслуги. — Некрологъ академика В. С. Добровольскаго. — Краткая исторія Московскаго Училища живописи и ваянія. — Литературные слухи: изданіе полныхъ сочиненій Гоголя и И. Т. Кокорева. — Нѣкоторыя черты изъ жизни послѣдняго. — Четвертый томъ «Прописей» г. Леонтьева. — «Вѣстникъ естественныхъ наукъ.» — Московскія Вѣдомости и Вѣдомости Московской Полиціи.

Москва, наша набожная старушка, праматерь Руси Великой, молится, снаряжая дѣтей въ войско... Москва!.. Сколько священныхъ воспоминаній слилось для русскаго съ этимъ именемъ!.. Все напоминаетъ здѣсь о славі, величій нашего прожитаго, все пророчить великое грядущее! Здѣсь, въ Москвѣ, столько памятниковъ славныхъ дней нашего широко-раскинушагося отечества: церковь Василія Блаженнаго, построенная Іоанномъ Грознымъ, *по покореніи Казанскаго царства*; Казанскій соборъ, воздвигнутый княземъ Пожарскимъ, въ благодарность за счастливое *освобожденіе Москвы отъ Поляковъ*; Донской монастырь, воздвигнутый въ память *освобожденія Москвы отъ Монголовъ, въ 1591 г.*; храмъ Христа Спасителя, въ память *освобожденія Россіи въ 1812 году*; памятникъ Минина и Пожарскаго, наконецъ Троицко-Сергіева Лавра, напоминающая *Мамаво побоище* и славную шестнадцатимѣсячную осаду ея польскою арміей....

Нѣтъ сомнѣнія, мы скоро доживемъ до новаго блестящаго памятника, увѣковѣчивающаго освобожденіе отечества отъ соединенныхъ силъ западныхъ державъ.

Громъ колоколовъ, призывающихъ непрестанно на молитву усердныхъ сыновъ церкви; громадныя жертванія всѣхъ сословій, одинаково одушевленныхъ чувствами патріотизма; грозныя приготовленія войскъ, нетерпѣливо ожидающихъ призывнаго царскаго слова на великое дѣло, — вотъ что составляетъ теперь главный характеръ нашей бѣлокаменной: она молится, жертвуетъ, благотворить.

Такъ, въ послѣднее время, московское купеческое общество, на вѣч-

ную память въ Бозѣ почившаго Императора Николая I-го положило: въ Андреевскую общественную богадѣльню принять, для призрѣнія, *сорокъ человекъ* изъ бѣдныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ; содержать ихъ въ особомъ отдѣленіи богадѣльни, которое и должно называться *отдѣленіемъ Императора Николая I-го*.

Тоже общество, движимое усерднымъ желаніемъ выразить вѣрно-подданическія чувства, положило: высокотожественный день рождения Его Императорскаго Величества, 17-е апрѣля, ознаменовать, какъ было въ 1818 году, подвигомъ благотворенія, выкупивъ въ этотъ радостный день изъ здѣшней временной тюрьмы *двадцать человекъ* бѣдныхъ купцовъ и мѣщанъ, содержащихся за долги. По случаю же восшествія на престолъ, мѣщанство сложило съ бѣднѣйшихъ семействъ московскихъ мѣщанъ *пятьдесятъ тысячъ* руб. серебр. недоимки государственныхъ податей, а купечество опредѣлило принять въ общественныя мѣщанскія училища *десять мальчиковъ* и *десять дѣвочекъ*.

Слишкомъ много мѣста потребовалось бы, если бы мы вздумали представить хоть одинъ перечень пожертвованій, сдѣланныхъ Москвой отъ начала нынѣшней войны донынѣ; но намъ не позволяютъ этого тѣснаго границы летучей, журнальной статьи.

Обращаемся къ другимъ явленіямъ въ духовной жизни Москвы: замѣчательнѣйшія изъ нихъ диспуты. Такъ, во вторникъ, 12 апрѣля, въ большой университетской залѣ, въ засѣданіи историко-филологическаго факультета, кандидатъ Емевскій, прибывшій въ Москву на юбилей университета, какъ депутатъ отъ Императорскаго Ришельевского Лицея, защищалъ диссертацию на степень магистра: «Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка». Собравшихся на диспутъ было много; кафедрѣ окружали даже многія почетныя дамы. Въ одушевленной, исполненной ума бесѣдѣ вставала и оживлялась далекая эпоха, съ ея лицами, стремленіями, вопросами. Характеръ Сидонія Аполлинарія, и другихъ современныхъ ему дѣятелей, умиравшее, древнее общество и раждающееся новое, смыслъ литературной дѣятельности того времени, положеніе женщинъ въ Галліи V вѣка— вотъ вопросы, которые задалъ себѣ диспутантъ. Официальными оппонентами его были профессора Грановскій и Кудрявцевъ, изъ постороннихъ гг. Соловьевъ, Хомяковъ и др. Диспутъ увѣчанъ блестящимъ успѣхомъ. Недѣли чрезъ двѣ магистръ Славянской словесности, Бодянский, защищалъ публично диссертацию на степень доктора славяно-русской филологіи «*О времени происхожденія славянскихъ писменъ*»— предметъ еще ближе къ намъ, еще любопытнѣе и интереснѣе, по современному стремленію къ своенародности и обобщенію славянскихъ эле-

ментовъ; не нужно говорить объ успѣхѣ диспута: г. Бодянской слишкомъ извѣстенъ въ русской наукѣ специальными трудами о славянскомъ мирѣ; въ цѣлой Россіи немного найдется ему соперниковъ на этомъ поприщѣ.

Въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, президентъ, генераль-адъютантъ В. Н. Назимовъ представилъ суммы, поступившія къ нему отъ почетныхъ членовъ общества на сооруженіе памятника покойному основателю и вице-президенту общества, Григорію Ивановичу Фишеру-фонъ-Вальдгейму, всего тысяча сто рублей пятьдесятъ восемь копѣекъ. Имени Фишера, безспорно, принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи естественныхъ наукъ: съ неутомимой дѣятельностію, онъ соединялъ въ себѣ обширныя познанія европейскаго ученаго, свѣтлый, творческій взглядъ на жизнь и природу, которую изучалъ со всею горячностью юноши. Сообщаемъ для читателей-неспециалистовъ біографическій очеркъ его ученой дѣятельности.

Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ родился 30-го октября 1771 г. *, въ небольшомъ городкѣ Вальдгеймѣ, между Лейпцигомъ и Фрейбергомъ, гдѣ была тогда Горная Академія, и гдѣ тогда жилъ и дѣйствовалъ извѣстный Вернеръ. Въ 1797 г. 12-го февраля (по н. ст.), былъ онъ утвержденъ въ Лейпцигскомъ университетѣ въ званіи доктора, защитивъ диссертацию «о дыханіи животныхъ». Окончивъ курсъ въ Фрейбергской гимназіи, куда поступилъ въ 1783 г., онъ слушалъ науку о строеніи земли у великаго Вернера, отца новой въ то время геологической школы, для слушанія котораго стекались въ Фрейбергъ изъ всѣхъ концовъ Европы, и гдѣ между прочимъ былъ самъ А. Гумбольдтъ, тогда лишь начинавшій свое блестящее поприще. Здѣсь-то нашъ ученый сошелся съ Гумбольдтомъ, съ Бухомъ, съ Фрейслебеномъ, съ Тиле, и, по собственному признанію его, короткому обращенію съ ними многимъ былъ обязанъ въ-послѣдствіи. Горя благороднымъ чувствомъ любознанія, нашъ ученый посѣщалъ попеременно Виртембергъ, Іену, Галле, Геттингенъ, которыхъ университеты пользовались заслуженною славою. Сближеніе въ Іенѣ съ Шиллеромъ и Гёте отозвалось во всей жизни нашего ученаго. 1-го августа отправился онъ въ товариществѣ Гумбольдта въ Вѣну, гдѣ въ то время славился въ медицинѣ Петръ Франкъ, бывшій въ-послѣдствіи отличнѣйшимъ профессоромъ и врачомъ въ Виленскомъ университетѣ **.

* За два дни до смерти отшедшему въ вѣчность минуло 86 лѣтъ.

** Кстати напомнимъ нашимъ читателямъ, что у этого самаго Франка свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій купилъ знаменитую бібліотеку для предназначеннаго въ Новороссіи Екатеринославскаго университета; но какъ предположеніе не осуществилось, то бібліотека передана въ Императорскій Казанскій университетъ.

Вблизи такого славнаго врача, нашъ ученый едва не сдѣлаея практическимъ служителемъ медицины. Но къ счастью, его путеводела иная звѣзда: уже въ Вѣнѣ занимался онъ анатоміею дунайскихъ рыбъ. Та же звѣзда увлекла его чрезъ южную Германію и Базель во Францію и въ самый Парижъ, гдѣ тогда стоялъ недосягаемо-высоко Кювье, перешедшій изъ скромныхъ домашнихъ учителей Нормандіи въ первенствующіе профессора парижскаго Ботаническаго сада. Въ близкомъ изученіи новой школы Кювье, и въ тѣсномъ съ нимъ дружескомъ отношеніи, нашъ докторъ угадалъ свое назначеніе: сама школа Кювье назвала его въ-послѣдствіи—*русскимъ Кювье*.

Въ самомъ дѣлѣ, отнынѣ нашъ докторъ идетъ непоколебимо по одному пути. Огонь, зажженный въ немъ Вернеромъ, Гумбольдтомъ, Фрейслебенемъ, Кювье, могъ горѣть только на жертвенникѣ наукъ естественныхъ. Въ томъ же духѣ должно было дѣйствовать на него сближеніе съ иными знаменитостями Парижа и служителями науки, каковы: Мертрюдь, Жоффруа, Лаэсепедъ, Фуркруа, Жюссѣ, Добантонъ, Гаюи, и пр.

Въ 1798 юный Фишеръ отправился въ Майнцъ профессоромъ Естественной исторіи, а въ февралѣ слѣдующаго года сдѣланъ тамъ же бібліотекаремъ при центральной школѣ. Какъ строгій исполнитель возложенныхъ на него обязанностей, онъ занялся изученіемъ бібліографіи и типографскаго искусства, и принесъ имъ значительную услугу, поясненіемъ нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ о зарожденіи сего важнаго для человѣчества искусства. Сочиненія его о древнѣйшей Библіи, о подвижныхъ буквахъ и другихъ первоначальныхъ памятникахъ книгопечатанія, поставили его на почетное мѣсто въ ряду бібліофиловъ, какъ это видѣть можно изъ свидѣтельства писателей того времени. Граждане Майнца не забудутъ нашего ученаго и потому, что онъ былъ ихъ представителемъ у парижскаго правительства въ 1801 году, и привезъ имъ отъ него три тысячи избранныхъ сочиненій и многія дорогія картины. Но его влекли естественныя науки, и онъ отдался имъ всею душою при первой возможности. Отказавшись отъ должности профессора въ Іенѣ, на мѣсто Батша, и директора кабинета Сравнительной Анатоміи, основаннаго Рейлемъ въ Вюрцбургѣ, нашъ ученый принялъ иное приглашеніе, обѣщавшее ему болѣе простора и пищи на избранномъ имъ поприщѣ: будучи утвержденъ въ 1803 профессоромъ и директоромъ Музея въ Москвѣ, онъ прибылъ въ нашъ первопрестольный городъ, въ началѣ 1804 года.

Отнынѣ нашъ ученый могъ слѣдовать своему влеченію, отнынѣ современники видѣли въ немъ русскаго Кювье, и онъ оправдалъ ихъ мнѣніе, какъ профессоръ, какъ ученый, и какъ искусный администраторъ.

Какъ профессоръ, онъ издалъ учебники Зоологiи и Минералогiи, которые долгое время были единственными пособiями при изученiи сихъ наукъ. Эти руководства имѣли, кромѣ ясности, порядка и полноты въ изложенiи, ту заслугу, что въ нихъ съ общимъ интересомъ науки сочетался интересъ ея въ Россiи: это были превосходные учебники, учебники для русскихъ, составленные по собственнымъ матеріаламъ. Поэтому весьма естественно, что эти руководства появлялись нѣсколько разъ и въ переводѣ, и въ сочиненiяхъ послѣдующихъ профессоровъ. Подобно Кювье, нашъ ученый обратилъ особенное вниманiе на систематику преимущественно безпозвоночныхъ животныхъ, и сближенiя его были часто такъ удачны, что остались въ наукѣ, хотя принимали иногда другiя названiя. Не вдаваясь въ подробности ученаго поприща нашего профессора, скажемъ вообще, что въ бытность его въ Россiи онъ издалъ слишкомъ двѣсти двѣнадцать трудовъ, болѣе или менѣе обширныхъ, и остановимся на томъ, что сдѣлалъ для науки въ Россiи и особенно въ Москвѣ.

Прiѣхавъ въ новоизбранное имъ отечество въ то время, когда Палласъ кончалъ свое ученое поприще, Фишеръ обратилъ все свое вниманiе на многоразличныя произведенiя Россiи. Онъ неутомимо занимался описанiемъ ея ископаемыхъ животныхъ, ея насѣкомыхъ, ея минераловъ; быстро и непрерывно, вслѣдъ одно за другимъ, появлялись въ печати его ученныя изслѣдованiя, а наконецъ вышли и два сочиненiя, снискавшiя ему европейскую славу: *Энтомографiя Россiи* и *Ориктографiя Московской губерни*, со множествомъ рисунковъ. Подобно Кювье, нашъ ученый занимался русскими ископаемыми животными. Подобно ему, издавшему классическое описанiе окрестностей Парижа, нашъ ученый издаетъ описанiе Москвы. Подобно Кювье, который былъ обращенъ къ изслѣдованiю объ ископаемыхъ животныхъ, едва лишь тогда вносимыхъ въ науку, наблюденiями надъ ископаемыми *Теребратулами* (двучерепныхъ слизняковъ), нашъ ученый начинаетъ длинный рядъ своихъ изслѣдованiй Московской губерни изученiемъ *Теребратуль изъ-подъ Хорошова*. Для изученiя Московской губерни Фишеръ объѣзжалъ ее нѣсколько разъ, въ товариществѣ членовъ Общества Испытателей Природы, собиралъ естественныя произведенiя и интересные виды ихъ, и сочлены его разлагали химически минеральныя источники и собирали статистическiя и географическiя свѣдѣнiя. Изслѣдованiе нашего ученаго объ истокѣ Москвы рѣки, противорѣчащее принятымъ въ то время понятiямъ, возбудило общее вниманiе. По первоначальной цѣли Ориктографiи, она должна была объять все три царства естественныхъ произведенiй Московской губерни, почему въ первомъ изданiи этого

сочиненія, не поступившемъ впрочемъ въ продажу, были приложены рисунки рѣдкихъ или неизвѣстныхъ тогда животныхъ и растений. Такимъ образомъ мысль, сдѣлавшаяся нынѣ цѣлью Статистическаго Комитета при московскомъ генералъ-губернаторѣ и Статистическаго Сельскаго Комитета при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, была уже разрабатываема съ 1807 года.

Двадцать пять курсовъ въ Московскомъ Университетѣ, семнадцать въ Медико-Хирургической Академіи, тысячи слушателей, разсыпанныхъ нынѣ по всей Россіи и занимающихъ почетное мѣсто въ обществѣ и наукѣ, были свидѣтелями многочисленныхъ и отлично-полезныхъ трудовъ, понесенныхъ нашимъ высокоуважаемымъ естествоиспытателемъ на пользу науки и служеніе Россіи, которую онъ добровольно избралъ своимъ вторымъ отечествомъ.

Не менѣ важны заслуги Фишера и на поприщѣ административномъ. Для описанія Московской губерніи и Россіи, нашъ ученый, желая сосредоточить дѣятельность въ нашей столицѣ, озаботился объ учрежденіи общества въ Москвѣ, и сдѣлался основателемъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, Высочайше утвержденнаго въ 1805 году. Ближайшею цѣлью его было описаніе Россіи и Москвы въ отношеніи къ Естественной Исторіи, и это стремленіе принесло отрадныя плоды. Московское общество получило двукратно отъ щедротъ Монаршихъ постоянныя суммы, которыя упрочили его существованіе. Въ Горенкахъ, подъ Москвою, гдѣ въ богато-содержимомъ саду графа Разумовскаго соединились рѣдчайшія растения всего свѣта, было основано, подъ дирекцію его превосходительства Федора Богдановича Фишера, отдѣльное ученое общество, соединившееся въ послѣдствіи съ нашимъ обществомъ. Съ того времени общество дѣятельно стремилось къ выполненію своей цѣли. Оно напечатало шестнадцать томовъ Бюллетеня и столько же томовъ Мемуаровъ, кромѣ нѣкоторыхъ сочиненій, не вошедшихъ въ составъ ихъ. Сочиненія его удостоены посвященія Высочайшему имени Государа Императора, и за границею пользуются такимъ уваженіемъ и успѣхомъ, что не только перепечатывались въ извлеченіяхъ въ лучшимъ журналахъ, но даже появлялись цѣлыми томами подъ новыми именами. Кромѣ Общества Испытателей Природы, обязано усоншему приведеніемъ въ дѣйствіе своего назначенія и Московское Общество Сельскаго Хозяйства, которому онъ посвятилъ 15 лѣтъ своихъ трудовъ въ званіи директора, съ 1820 по 1835 годъ.

Обратимся къ другому предмету, не менѣ отрадному. Во время прибытія Фишера въ Москву, славились собраніе естественныхъ предметовъ и бібліотека П. Г. Демидова, ученика великаго Линнея,

Въ окрестностяхъ Москвы, въ особомъ великолѣпномъ зданіи, выставилъ просвѣщенный русскій вельможа произведенія природы, наукъ и искусствъ, собранныя имъ дорогою цѣною въ путешествіи по Европѣ. Нашему ученому предоставлена была честь описать въ полнотѣ ученое собраніе вельможи, и вскорѣ явилось въ печати это описаніе въ четырехъ томахъ, со многими рисунками, передавшее наукѣ многіе чрезвычайно рѣдкіе экземпляры, которые и нынѣ, сорокъ девять лѣтъ спустя, не утратили своей цѣны. Наиболѣе цѣнные предметы, по ходатайству нашего ученаго, перешли въ собраніе Московскаго Университета, которое было открыто публикѣ въ первый разъ въ августѣ 1805 года. Все собраніе было размѣщено въ семи залахъ. Нашему же ученому обязанъ университетъ спасеніемъ главныхъ частей собранія во время пожара 1812 года, похитившаго у Фишера заготовленные имъ ученые труды, собранія предметовъ и значительную часть его домашняго имущества. Но уцѣлѣвшее отъ пожара размѣстилось въ одной залѣ. Съ того времени онъ употреблялъ всѣ возможные средства къ дополненію собранія естественныхъ предметовъ Московскаго Университета. По каталогамъ и описаніямъ, которые онъ издалъ, публика могла судить, какъ быстро нарасталъ музей Московскаго Университета.

Но еще болѣе сдѣлано имъ для Музея Московской Медико-Хирургической Академіи: въ ней созданъ въ короткое время кабинетъ животныхъ, минераловъ и растений, который не только удовлетворялъ учебнымъ академическимъ потребностямъ, но и служилъ украшеніемъ столицы. Воспитанники Московской Медико-Хирургической Академіи не забудутъ имени ихъ бывшаго начальника и потому, что его просвѣщенной и вполне отеческой заботливости они обязаны учрежденіемъ Опытной Клиники, столь необходимой для будущаго врача-практика, библіотеки, украшенной самыми рѣдкими изданіями. Какъ собраніе животныхъ, заключавшее въ себѣ, между прочимъ, птицъ и обезьянъ изъ кабинета знаменитаго путешественника по Африкѣ, Левальяна, и предметы, болѣею частью пожертвованные гг. Гофманомъ, Триніусомъ, Круберомъ, Шелупутиннымъ и проч., такъ равно и самая библіотека, перешли нынѣ преимущественно въ Московскій Университетъ.

Посреди столь многообразныхъ занятій у Фишера была мысль о предпріятіи болѣе обширномъ, которая постоянно его занимала. Онъ хотѣлъ основать въ Москвѣ Отечественный Музей, въ которомъ желалъ собрать все разнообразіе отечественныхъ произведеній нашего отечества. Уже пожертвовалъ для этой цѣли грекъ Зосима удобное мѣсто и домъ на Трехъ горахъ, который, однакожъ, впоследствии, былъ употребленъ подъ Астрономическую Обсерваторію. Былъ поже-

тованъ на тотъ же предметъ членомъ общества г. Рюминымъ домъ на Смоленскомъ рынкѣ, противъ нынѣшняго Земледѣльческаго училища, но и тогда предположеніе не было выполнено. Тѣмъ не менѣе потомство, вспоминая о Фишерѣ, съ благодарностію вспомнить и о томъ, что онъ, какъ русскій Кювье, былъ намѣренъ сдѣлать на пользу русской наукѣ.

Трудно повѣрить незнакомому съ образомъ домашней жизни Фишера, какъ онъ, среди разнообразныхъ занятій, находилъ время для постоянныхъ ученыхъ трудовъ, которыхъ было по заглавію слишкомъ 212 (въ юбилейномъ актѣ указано 208, къ которымъ должно придать то, что написано послѣ юбилея въ Извѣстіяхъ Общества). «*Nunquam otiosus*» руководило каждымъ шагомъ Фишера. Общая извѣстность въ ученомъ мірѣ, соприсчисленіе къ семидесяти слишкомъ ученымъ обществамъ въ Россіи и за границею, были естественнымъ выраженіемъ чувствъ къ мужу науки и добра. За услуги, оказанныя имъ на избранномъ поприщѣ, онъ многократно былъ удостоиваемъ вниманія и щедротъ Монаршихъ. Удалившись въ кругъ семейной жизни, Фишеръ тѣмъ не менѣе продолжалъ служить наукѣ и добру. Въ 1847 году, 2 февраля совершилось въ Москвѣ великолѣпное торжество, которое нашло горячее сочувствіе не только въ жителяхъ первопрестольной столицы, но и во всей Россіи и даже въ Европѣ: Императорское Московское Общество Испытателей природы праздновало пятидесятилѣтіе докторской степени и ученыхъ трудовъ своего основателя и главнаго двигателя; многочисленные ученики и почитатели ученыхъ заслугъ его превосходительства праздновали юбилей Нестора наукъ естественныхъ, Григорія Ивановича Фишера-фонъ-Вальдгеймъ. Значеніе юбилея было полно, ходъ его торжественно простъ. Всѣ ученые общества Россіи, многіе первоклассные мужи науки въ нашемъ отечествѣ и за границею успѣшили принять дѣятельное участіе въ торжествѣ. Король прусскій оказалъ ему свое вниманіе, наградивъ юбилера орденомъ Краснаго Орла. Его Императорское Величество Государь Императоръ соизволилъ прислать виновнику торжества знаки ордена Св. Анны 1-й степени, Императорскою короною украшенные.

Тихо и мирно въ семейномъ кружкѣ текла жизнь ученаго; добродѣтели украшали въ немъ человѣка; еще ребенкомъ, руководимый горячею любовью и семейными добродѣтелями матери, Фишеръ готовился быть тѣмъ, чѣмъ былъ впоследствии для семейства и всѣхъ его знавшихъ. Непрестанно углубляясь въ созданія Творца, онъ привыкъ благоговѣть передъ Его мудростію и благостію и отсюда почерпнулъ ту силу души и безропотную покорность тяжкимъ ударамъ, которыми взыскала его судьба. Постоянно слабѣли силы, особенно зрѣніе; кружокъ его

занятій, сдѣлавшихся для него необходимою, непрестанно стѣснялся; потеря горячо любимой имъ жены нанесла старцу ударъ, отъ котораго онъ не оправился въпослѣдствіи; наконецъ лишился онъ и послѣдняго, что дорого для того, кто привыкъ созерцать творенія Всемогущаго — зрѣнія. И тогда еще онъ продолжалъ управлять учеными трудами. Наканунѣ дня смерти онъ руководилъ при изданіи пятаго тома Энтомологіи Россіи, и свою покорность къ Творцу излилъ въ предсмертномъ своемъ стихотвореніи: «Vertrauen auf Gott.» Оно одно достаточно характеризуетъ его, какъ человѣка. На другой день, 6-го октября 1853 года, его не стало. 10-го октября тѣло усопшаго было предано землѣ на лютеранскомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. Высокіе сановники столицы и всѣ, коимъ на долю выпало счастье въ теченіе жизни быть знакомыми съ отшедшимъ въ вѣчность, провожали его на покой.

Послѣ усопшаго остался сынъ, нынѣ ординарный профессоръ въ Московскомъ Университетѣ, и три дочери. Въ семьѣ покойнаго, къ которой должно отнести всѣхъ питомцевъ науки, разсѣянныхъ въ дальнихъ предѣлахъ нашего отечества, вскормленныхъ его трудомъ и любовію, — въ его семьѣ было любимое дѣтище, которому онъ въ теченіе жизни своей, счастливой годами, посвящалъ все, что человѣку ниспосылается свыше Подателемъ благъ. Это дѣтище — Императорское Московское Общество Испытателей Природы.

Вотъ лицо, которому нынѣ Москва готовится воздвигнуть достойный и вполне имъ заслуженный памятникъ.

Художественныя извѣстія мы на этотъ разъ должны начать некрологомъ: 8 апрѣля 1855 г. скончался въ Москвѣ академикъ В. С. Добровольскій, *основатель Московскаго училища живописи и ваянія*. Передаемъ нашимъ читателямъ какъ біографическія свѣдѣнія объ основателѣ, такъ и любопытныя подробности о возникновеніи этого полезнаго общественнаго учрежденія.

Уважая память Добровольскаго, какъ укоренителя живописи въ Москвѣ, мы долгомъ считаемъ внести въ нашу лѣтопись съ его именемъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни, состоящей въ связи съ другими дѣятелями по части искусства въ Бѣлокаменной. Онъ и братъ его, Алексій Степановичъ, также способствовавшій начальному развитію живописи въ Москвѣ, въ малолѣтствѣ были опредѣлены въ Академію по волѣ Императора Павла Петровича. Василій Степановичъ занимался живописью, подъ руководствомъ профессора Григорія Ивановича Угрюмова, память о которомъ, какъ объ отличномъ художникѣ и прекрасномъ человѣкѣ, до сихъ поръ сохраняется въ Академіи и въ близкихъ къ ней кружкахъ; Добровольскій же никогда не могъ говорить безъ восторга

о своемъ профессорѣ, который большими картинами: «Вступленіе на престоль царя Алексѣя Михайловича» и «Покореніе Казани» возвысилъ все сословіе русскихъ художниковъ въ мнѣніи Государя Павла I-го. По окончаніи академическаго курса, Добровольскій уѣхалъ въ Москву, гдѣ, по распоряженію князя Юсупова, поступилъ на службу въ Оружейную Палату. Здѣсь онъ составлялъ рисунки размѣщенія оружія и другихъ рѣдкостей и драгоценностей; также дѣлалъ рисунки на случай большихъ торжествъ, какъ напримѣръ, въ коронацію Императора Александра Павловича, и проч. Въ 1812 году находился при драгоценностяхъ Оружейной Палаты, которыя вывозились изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь прерываемъ свѣдѣнія о В. С. Добровольскомъ и обращаемся къ возрожденію Московскаго училища живописи и ваянія. Въ 1830 году любитель Егоръ Ивановичъ Маковскій и художникъ Александръ Сергѣевичъ Ястребиловъ, при соучастіи еще нѣкоторыхъ лицъ, поговаривали постоянно о томъ: какъ бы основать натурный классъ, какъ бы порисовать съ природы!—сознавая всю важность такого основательнаго изученія въ искусствѣ живописи. Вскорѣ встрѣтился съ нимъ Н. А. Майковъ (нынѣ академикъ), открывшій въ ту пору заведеніе литографіи на Тверской улицѣ; онъ обѣщалъ дать мѣсто въ своей обширной квартирѣ для натурнаго класса; но это не состоялось. Тогда Ястребиловъ предложилъ у себя въ квартирѣ, на Ильинкѣ, у церкви Св. Николая Большаго Креста, небольшой уголокъ для устройства натурнаго класса. Положено было, чтобы всѣ участники вносили ежемѣсячно 15 р. асс. на издержки. Когда Ястребиловъ объявилъ объ этомъ любителю искусствъ, Федору Яковлевичу Скарятину, обладавшему большимъ талантомъ въ рисованьи, то онъ такъ обрадовался, что вмѣсто 15 р. асс. предложилъ платить съ своей стороны 100 р. въ мѣсяцъ, говоря, что это пойдетъ на ящики, станки и на другія необходимыя принадлежности класса. Извѣстный теперь вѣтъ скульпторъ П. П. Витали, извѣщенный объ устройствѣ класса, внесъ деньги, сказавъ: я буду тоже лѣпить, и привелъ съ собою ученика своего Біанки, таѣ несчастно погибшаго во время купанья, въ Петербургѣ. Капель, прекрасный портретный живописецъ, акварелистъ, ученикъ Рафаэля Менгса, проживавшій тогда въ Москвѣ, также принялъ участіе въ этомъ художественномъ дѣлѣ. А. С. Добровольскій, котораго предложилъ Витали, привелъ съ собою своего брата Василя Степановича. Въ одинъ мѣсяцъ все было слажено: устроены скамьи, станки и изготовлена у Зейнлейна лампа, пудовъ въ 8 вѣсомъ, долженствовавшая свѣтить рисовальщикамъ и освѣщать натурщика, котораго, на первый случай, нашли въ баняхъ у Каменнаго моста; его звали Федоромъ, и онъ, на предложеніе жаждавшихъ

красотъ природы, спрашивалъ ихъ: *не безчестно ли это будетъ?* Наконецъ уговорили красиваго мужика, и начались вечеровые классы; но на первой же порѣ, увѣсистая лампа, худо прикрѣпленная, оборвалась и чуть не пришибла нѣкоторыхъ поклонниковъ искусства. Будь суетѣрны эти господа, они бы видѣли въ этомъ паденіи лампы предзнаменованіе неудачи ихъ предпріятія; но какъ вполнѣ умные люди, они снова укрѣпили лампу и продолжали свои занятія, никакъ не думая, что ихъ натурный классъ со временемъ разрастется не только въ училище, но, можетъ быть, и въ Академію. Такъ какъ общество рисовальщиковъ увеличивалось, то *Ө. Я. Скарятинъ*, бывшій адъютантомъ у генераль-губернатора, князя *Д. В. Голицына*, испросилъ у него на вечеровыя сходки позволеніе, и векорѣ привезъ самого князя на маленькую, первую въ Москвѣ, художественную выставку, составившуюся изъ рисунковъ сепіей, г. *Маковского*, живописи *И. Т. Дурнова*, акварелей *Добровольскихъ*, небольшихъ изваяній *Витали* и работъ другихъ художниковъ и любителей.

Послѣ этого, бывшій начальникъ Кремлевскаго архитектурнаго училища, *Дмитрій Михайловичъ Львовъ*, предложилъ натурному классу 2,000 р. асс. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы лучшіе ученики, бывшіе подъ его начальствомъ, посѣщали классъ, что усилило средства послѣдняго. Изъ архитекторовъ-посѣтителей помнятъ гг. *Лопыревскаго* и *Шохина*. Преподавателями были избраны *А. С.* и *В. С. Добровольскіе* и *И. Т. Дурновъ*.

Съ Ильинки натурный классъ былъ переведенъ въ домъ *Шипова*, на Лубянскую площадь, Здѣсь постигло его несчастіе: онъ сгорѣлъ, и единственная статуя *Фавна*, служившая ученикамъ, была разбита въ то время, какъ ее спасали отъ огня.

Въ 1833 году, по ходатайству того же *Скарятина*, образовалось уже общество членовъ, между которыми были избраны директорами: *Ө. Я. Скарятинъ*, *М. Ө. Орловъ* и *А. Д. Чертковъ*. Классъ переведенъ на Большую Дмитровку, въ домъ *Павлова*, гдѣ уже устраивались выставки. На одной изъ этихъ вы тавокъ, въ 1839 году, были очень замѣчательныя произведенія изъ живописи: «Охотникъ» *Бушина*; «Голова старика» *Горбунова*; собственный портретъ, *Бодра*, и два бюста, *Бѣляева*. Потомъ классъ былъ перемѣщенъ на *Никитскую* улицу, въ домъ *Махова*.

Въ 1837 году, Общество готово было рушиться, и если бы не неутомимые хлопоты *В. С. Добровольскаго*, то возникавшій художественный классъ долженъ былъ бы закрыться при самомъ своемъ началѣ. *Графъ В. А. Бобринскій*, сверхъ платы, какъ членъ общества, жер-

твовалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ по 2000 р. ассигнаціями каждый годъ.

Въ-послѣдствіи времени князь Д. В. Голицынъ просилъ П. Г. Сениавина принять на себя попеченіе объ училищѣ. Въ управленіе послѣдняго уставъ училища былъ Высочайше утвержденъ и пріобрѣтенъ для него домъ Юшкова, на Мясницкой, при содѣйствіи В. С. Добровольскаго, который, сверхъ обязанности преподавателя, принялъ на себя должность директора, и все свое время посвящалъ хлопотамъ объ улучшеніи училища. Онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми за простоту, прямыню и доброту нрава. Вновь поступившіе въ училище молодые преподаватели повели успѣхи училища далѣе; а почтенный старикъ, въ 1851 году, нашелъ отдохновеніе въ отставкѣ, на пенсіи. Во время служебнаго своего поприща Добровольскій былъ награжденъ знакомъ отличія за безпорочную службу за 35 лѣтъ, и удостоился многихъ орденовъ. Въ 1839 году Добровольскій и П. Т. Дурновъ получили дипломы на академиковъ, изъ Петербургской Академіи, за успѣхи училища. Отпѣваніе тѣла усоншаго было въ приходѣ Воскресенія на Стоженкѣ; гробъ его несли оттуда на Ваганьковское кладбище, на рукахъ, бывшіе его ученики, проливавшіе искреннія, неподдѣльные слезы о покойномъ, который теплымъ участіемъ своимъ къ ихъ успѣхамъ оставилъ по себѣ вѣчную добрую память въ Училищѣ живописи и ваянія.

Въ Москвѣ посятся пріятные литературные слухи: говорятъ, скоро выйдетъ въ свѣтъ полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Въ это изданіе войдетъ много данныхъ, для окончательнаго опредѣленія литературной дѣятельности поэта и его нравственнаго значенія въ русской общественной жизни.

Поговариваютъ также объ изданіи сочиненій П. Т. Кокорева, въ четырехъ объемистыхъ томахъ, съ біографіей и портретомъ покойнаго. Это изданіе обѣщано редакціей «Москвитянина» въ годъ смерти автора. Непостижима медленность въ исполненіи обѣщанія, а публика ждала и ждетъ обѣщаннаго съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что многія изъ его сочиненій вовсе неизвѣстны, особенно изъ напечатанныхъ (подъ псевдонимомъ) въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и составляющихъ первую эпоху литературнаго его подвижничества; другія же, составляющія его предсмертные труды, и наиболѣе разоблачающія эту замѣчательную личность, не были извѣстны даже самымъ близкимъ покойному, такъ напримѣръ: Дневникъ, Записки, планы новыхъ романовъ, Повѣстей, Очерковъ. Воспоминаніе о Кокоревѣ наводитъ на грустные мысли: эта личность интересуется невольно, и по безысходной борбѣ

въ примиреніи двухъ началъ—художника и человѣка, призванія и обязанности сына, брата, и по утѣшительному результату этой борьбы идеальной жизни съ грустной его дѣйствительностію...

Мы не считаемъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ дань памяти безкорыстному жрецу искусства.

Путь художника всегда тернистъ—аксіома оправданная и оправдываемая, къ сожалѣнію, постоянно, среди вѣковъ и народовъ... Самое уже призваніе, влеченіе независимо сознанія, влеченіе къ чему-то неизвѣстному, но неизбѣжному, дѣлаетъ положеніе художника исключительнымъ; а такое положеніе въ свѣтѣ не легко для человѣка, даже когда онъ располагаетъ независимымъ состояніемъ, слѣдовательно не лишень возможности сохраняться, не раздробляться среди вліяній, враждебныхъ его артистической натурѣ. Величайшее наслажденіе въ жизни истиннаго художника—осуществленіе идей, которыя онъ призванъ выразить въ нравственномъ или вещественномъ мірѣ; до этого же, онъ мученикъ собственнаго призванія, безотчетнаго, но неотразимаго...

Трудно поэтому представить положеніе такого художника, котораго разныя условія разобщаютъ съ міромъ, для котораго онъ всего болѣе рожденъ.

Какъ и Кольцовъ, Кокоревъ получилъ образованіе весьма ограниченное; какъ и первый, онъ всѣмъ обязанъ себѣ, натурѣ, да упорному труду, воздѣлавшему ее, и оба внесли новый элементъ въ литературу, оба выразили самобытную идею въ русской жизни,—слѣдовательно, оба торжествовали въ борьбѣ съ прекраснымъ, но тяжелымъ подвигомъ. Первому, правда, судьба болѣе покровительствовала: въ лицѣ Жуковскаго онъ нашелъ добраго генія; Пушкинъ, эта высокая, артистическая натура, лелѣялъ Кольцова; князь Вяземскій благородно принялъ участіе даже въ его судебныхъ дѣлахъ,—словомъ, всѣ современныя свѣтила нашей поэзіи ласкали, лелѣяли его, поддерживая въ немъ святое рвеніе къ прекрасному, разоблачивъ, быть можетъ, предъ нимъ новыя стороны искусства, жизни, которыя грезились прасолу въ неясныхъ, поэтическихъ образахъ и видѣніяхъ... Кольцовъ располагалъ средствами безбѣдной жизни; по возвращеніи же изъ Петербурга, онъ велъ постоянно самую дѣятельную переписку съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ петербургскихъ критиковъ: совѣты послѣдняго, опредѣляя направленіе литературной дѣятельности прасола, облегчали въ тоже время и самыя труды его.

Кокоревъ же, напротивъ, не имѣлъ меценатовъ; ему никто не протягивалъ руки помощи. Въ потѣ лица покупалъ онъ хлѣбъ себѣ и семейству. Онъ работалъ чаще *по заказу*, чѣмъ *по вдохновенію*,

чтобы только обезпечить существованіе отца, матери, брата... Кого обвинять? Мы не посмѣемъ произносить никому укора: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Его старались ввести въ кругъ людей съ *вѣсомъ*: положеніе его, безъ всякаго сомнѣнія, улучшилось бы, но онъ держался мудраго правила: *roug vître heuqueux, vivons caché!*

Онъ чуждался всѣхъ, робко замыкаясь въ самомъ себѣ, оставаясь всегда одинъ, посреди своего тернистаго пути:

«Моя дорога мимо ихъ,
Съ заботой и трудомъ...»

И, можетъ быть, этому самому онъ обязанъ всего болѣе: уединеніе, страданіе—нужны истинному таланту, безъ нихъ силы засыпаютъ... Среди же людей, съ другимъ нравственнымъ настроеніемъ, онъ раздробился бы, растерялъ бы энергію душевныхъ силъ... Я не слышалъ никогда отъ него ропота, жалобы на горькій жребій; казалось, онъ былъ доволенъ своей судьбой, принималъ видъ веселаго, беззаботнаго, а между тѣмъ, преждевременно согбенный станъ, быстрая, отрывистая рѣчь, доказывали въ высшей степени развѣвшуюся дѣятельность нервной системы,—результатъ внутренней борьбы, упорной, но сосредоточенной!.. А между тѣмъ, онъ всегда готовъ былъ повторять за Горациемъ:

*Laetus in praesens animus, quod ultra est,
Oderit curare, et amare lento
Temperet risu. Nihil est ab omni
Parte beatum...* (Ода IV, книга II).

Пріѣхавъ въ Москву, я продолжалъ, по прежнему, трудиться для одного единственнаго московскаго журнала. Редакторъ его объявилъ мнѣ, что «такимъ-то отдѣломъ завѣдываетъ Кокоревъ; поэтому и нѣкоторыя ваши статьи переданы ему. Хотите познакомиться съ нимъ, сходите сами; онъ живетъ на Самотекѣ, въ *** переулкѣ; домъ вамъ укажетъ всякій!»

Я былъ душевно радъ познакомиться съ авторомъ «Савушки», «Кухарки» и многихъ другихъ прекрасныхъ рассказовъ, и отправился.

Ищу часъ, другой: никто и не слыхалъ такой фамиліи. Боже! въ цѣломъ кварталѣ никто не знаетъ человѣка, имя котораго произносить съ уваженіемъ по-крайней-мѣрѣ цѣлая треть читающей Руси.

Невольно вспомнишь простодушную няню Декарта, которая, вскормивъ его, проживъ болѣе полвѣка подъ одной кровлей съ нимъ, съ удивленіемъ узнаетъ наконецъ—и никакъ не можетъ повѣрить, что онъ ученый человѣкъ... и грустно улыбаешься.

Какъ ни далеко Дѣвичье Поле, я возвращаюсь туда къ редактору и пускаюсь въ новый путь съ совѣтомъ справиться съ кварталъ. Пройдя

по обширному, грязному двору, отыскиваю наконецъ самую уединенную избенку, съ двумя окнами, обращенными къ забору, за конюшней, и отворяю двери: копоть, мракъ ужаснули меня; нѣсколько минутъ я не могъ ничего разглядѣть, задыхаясь отъ плотно-сгустившагося воздуха; предметы мало-по-малу яснѣе начали обозначаться: въ углу, на голомъ, деревянномъ канapé, отдыхалъ старикъ, бѣлый, какъ лунь. Глухой кашель душилъ его. Приподнимаясь съ усиліемъ, онъ нѣсколько минутъ не могъ сказать ни слова. Я предупредилъ его, прося сохранить свое положеніе. Ясно, я ошибся: я просилъ извиненія и, прощаясь, спросилъ, не можетъ ли онъ сказать мнѣ, гдѣ живетъ г. Кокоревъ? Въ это время, въ двери соседней комнаты высунулась голова какого-то молодаго человѣка; онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня.

Я повторилъ свой вопросъ, прибавивъ: Кокорева, писателя, со-трудника «Москвитянина».

— Въ такомъ случаѣ, я къ вашимъ услугамъ; неудобно ли вамъ войти въ мою комнату, продолжалъ онъ, замѣтно смутившись. Я повиновался. Комната, въ которую я вошелъ, освѣщалась двумя окнами; стулъ, столикъ, заваленный бумагами, кровать, изъ-подъ которой выглядывали книги и журналы; рядомъ съ чернильницей бутылка на столѣ, исправляющая должность отсутствующаго подвѣчника, — вотъ все, что я нашелъ въ мастерской художника, въ которой столько передумано, перечувствовано, художнически воспроизведено... Какъ много людей, бесплодно обременяющихъ землю своимъ жалкимъ существованіемъ, располагаютъ богатыми средствами, не зная ни цѣны, ни прямаго назначенія ихъ... а онъ, это благородное существо, возвысившееся надъ опытомъ, который взростилъ его, и силою крѣпкаго, самостоятельнаго ума, и прекрасными, хотя и тревожными стремленіями сердца... Мать — кухарка; отецъ, слабый, больной старикъ, не покидающій постели (вольнотпущенный), братъ извозчикъ... И не пасть, и самоотверженно, твердо нести крестъ свой, и гордо торжествовать въ борьбѣ съ подвигомъ жизни, — какое вѣское, многоцѣнное слово оставилъ онъ на память о себѣ, быту, среди котораго выросъ. Авторъ «Савушки» не скоро умретъ, принадлежа истеріи литературы...

Онъ гордо отвергъ многія выгоды жизни, чтобы только сохраниться и вся жизнь его представляетъ трогательное служеніе искусству, слѣдовательно и обществу.

Идеи вырабатываются вѣкомъ, цѣлымъ народомъ или отдѣльными со-словіями; форма же ихъ, выраженіе принадлежитъ одной избранной натурѣ. Если бы Кокоревъ былъ счастливѣе — былъ ли бы онъ такъ глубо-бокъ, человѣколюбивъ...

Одно меня непріятно поразило въ немъ; онъ стыдился своего положенія; онъ не былъ радъ посѣщенію незнакомца; рѣчь его была не искренна, онъ былъ въ большомъ смущеніи, и мнѣ было досадно за него:

Неси свой крестъ безъ содроганья,

Красуйся язвами скорбей!

Я встрѣчался съ нимъ еще нѣсколько разъ; не могу забыть одной изъ этихъ встрѣчъ: редакторъ изданія, для котораго онъ постоянно трудился, уѣзжая за границу, поручилъ ему завѣдываніе редакціей и далъ болѣе пятидесяти руб. сер.—Съ какой восторженной радостью летѣлъ онъ домой. Видно, давно, очень давно не видѣлъ онъ такой суммы. Я вижу его душевную радость, предвижу благополучіе цѣлаго семейства и слеза навертывается на глаза; грусть тяжелымъ камнемъ ложится на душу...

Последняя встрѣча испугала меня; пламя таланта, сосредоточенное, безысходное страданіе пожирало нѣжную организацію: онъ угасалъ замѣтно. Труды огромные истощали все его силы, убивали здоровье—и за все его вознаграждали даже, какъ поденщика! Люди промышленные пользовались его страстію къ литературѣ и крайностію положенія.

А между тѣмъ мы знаемъ, мы читаемъ, что въ Москвѣ каждый талантъ, каждое предпріятіе, основанное на истинной пользѣ, найдутъ благородное сочувствіе, привѣтъ. Приведемъ по этому случаю слова одного изъ важнѣйшихъ московскихъ ученыхъ, г. Погодина: «Молодые люди, желающіе трудиться на поприще науки! снесите терпѣливо все неудачи, не охлаждайтесь никакими отказами, не приходите въ отчаяніе отъ препятствій... А вы, отъ которыхъ зависить... но лучше я обращаюсь къ себѣ, ибо я самъ занялъ подобное мѣсто... Я произношу здѣсь обѣтъ, содѣйствовать всеми силами ученымъ предначинаніемъ, возбуждать ихъ къ общепользной дѣятельности искренними совѣтами, одобрять ихъ ласковыми приѣмами, оживлять пріятными надеждами въ началѣ, доставлять нужную помощь въ продолженіи, употреблять все зависящія отъ меня средства предъ начальствомъ и публикою при окончаніи ихъ трудовъ, чтобы дѣлались эти труды извѣстными, доставляя имъ честь и выгоду, и проч., и проч. (Москвитянинъ № 4, за 1855 г., стр. 88). Вѣроятно подобныя, надежды и обѣщанія поддерживали и Кокорева.

Вскорѣ онъ умеръ въ госпиталѣ, въ жестокой нервной горячкѣ.

Радуюсь концу его страданій, я оплакалъ въ немъ преждевременную потерю литературы: что могъ бы создать этотъ свѣтлый, могучій умъ, это страдальческое, но горячо-любящее сердце?... Вотъ печальный во-

прось, раждающийся невольно, при разсматриваніи его посмертныхъ бумагъ: онъ столько предпринималъ, столько заготовилъ матеріаловъ для новыхъ созданій...

Старикъ не пережилъ горя: онъ вскорѣ умеръ. Благородное участіе свиты Его Величества генераль-маіора Лужина обезпечило на нѣкоторое время существованіе семейства. Право изданія принадлежитъ роднымъ: «Собраніе сочиненій покойнаго» обезпечить окончательно пхъ незавидную судьбу.

Профессоръ Леонтьевъ посвятилъ четвертый томъ «Прописей» «памяти основателей Императорскаго Московскаго Университета.» Въ этомъ томѣ помѣщены, между прочимъ, первая пѣснь Иліады и отрывокъ второй, переводъ незабвеннаго Жуковскаго. «Розысканіе въ окрестностяхъ Симферополя и Севастополя, графа А. С. Уварова, имѣеть современный интересъ.

«Прописей,» кромѣ неотъемлемыхъ достоинствъ каждаго ученаго, спеціальнаго сборника, открывающаго большинству читающаго міра новый свѣтъ вѣдѣнія, имѣють особенное, современное значеніе: обращеніе къ древнему міру, безконечно-богатому и разнообразному, въ проявленіяхъ духа и неорганической жизни. Задача «Прописей» разностороннее изученіе древняго міра—передача читателямъ, даже не специалистамъ, какъ новыхъ открытій, такъ и физическихъ и нравственныхъ явленій, окончательно уясненныхъ и опредѣленныхъ наукой.

Мы живемъ въ эпоху спеціальныхъ сборниковъ: каждый отдѣльный вопросъ науки, искусства, вообще жизни, государственной и частной, имѣеть по нѣскольку специалистовъ; теперь не диво найти прекрасныя этнографическіе, статистическіе сборники у сельскаго учителя... Наукѣ, литературѣ угрожаетъ наводненіе всевозможныхъ сборниковъ; дай Богъ только побольше такихъ, какъ «Прописей», составляемые людьми съ глубокимъ пониманіемъ дѣла, согрѣтыхъ благородною любовью къ нему.

Московскіе студенты по-своему ознаменовали столѣтіе Университета: они издають, въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ выпускахъ, роскошные портреты профессоровъ всѣхъ факультетовъ.

«Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ», издаваемый Императорскимъ Обществомъ Испытателей Природы, подъ редакціей извѣстнаго нашего ученаго К. Ф. Рулье, оправдалъ прекрасное назначеніе; журналы и другія періодическія изданія единодушно признали эту учено-художественную газету небывалымъ изданіемъ на Руси. Не знаешь, чему удивляться, дѣльности ли статей, по всѣмъ отраслямъ естествознанія, роскоши ли рисунковъ и полтипажей, или вообще вѣшнему богатству изданія, и годовая цѣна—шесть рублей, плата баснословно

дешевая... Безъ всякаго сомнѣнія, редакция не могла бы и вполнину оправдать програмы, если бы она не располагала, независимо отъ числа пренумерантовъ, значительной суммой, ассигнованной Императорскимъ Обществомъ Испытателей Природы. Москва, по справедливости, может гордиться этимъ великолѣпнымъ издашемъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ мы поговоримъ подробнѣе о содержаніи его за нынѣшній годъ. При Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей (№ 19) приложенъ вѣрный портретъ и fac simile знаменитаго Евгенія, митрополита кіевскаго и галицкаго, бывшаго членомъ—сотрудникомъ болѣе двадцати ученыхъ обществъ (заграничныхъ и отечественныхъ). Ему обязана и свѣтская литература многими прекрасными трудами и изданиями (Словарь свѣтскихъ писателей и проч.) Извѣстно также, что святитель принималъ дѣятельное участіе въ изданіи Свода Законовъ Россійской Имперіи — громаднаго памятника блестящаго царствованія Николая I.

Московскія вѣдомости, по прежнему, выходятъ по три раза въ недѣлю, вмѣсто двухъ.

Плата же одна и та же. Вообще этотъ первенецъ русскихъ газетъ отличается разнообразіемъ, дѣльностью и свѣжестью новостей.

Справедливость требуетъ тоже упомянуть здѣсь о вѣдомостяхъ Московской Градской Полиціи подъ редакціей М. П. Захарова, главнаго или по-крайней-мѣрѣ перваго основателя ихъ. Въ продолженіе восьмилѣтняго существованія своего, Вѣдомости улучшаются и приобрѣтаютъ все большее число читателей. Интересныя въ настоящее время военныя извѣстія читаются въ Москвѣ на другой день появленія ихъ въ Инвалидѣ или въ С.-Петербуржскихъ Вѣдомостяхъ; фельетонъ въ послѣдніе три года сдѣлался довольно частымъ и очень умно написаннымъ; современная жизнь, новости обѣихъ столицъ, театральные отчеты, музыкальныя новости и наконецъ легкія стихотворенія, повѣсти и оригинальные русскіе рассказы, заставляютъ каждаго Москвича любить эту газету; а нѣкоторые повѣсти и рассказы, какъ напримѣръ: *Записки доктора*, *Эксцентрическій характеръ*, въ прошломъ году, и *Дорогой цвѣтокъ*, въ нынѣшнемъ, принадлежащіе извѣстному нашему романисту М. П. Воскресенскому, сдѣлали бы честь, и читались бы съ удовольствіемъ и въ любомъ современномъ русскомъ журналѣ, не только въ летучемъ и легкомъ фельетонѣ, ежедневной слѣшной газеты.

Корреспондентъ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

ВЪ СЕМЬ ПЬ НЕ БЕЗЪ УРОДА,

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

П. ЦВѢТКОВА.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ

4-го Октября 1854 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЯКОВЪ ѲЕДОСЫИЧЪ СВИЦОВЪ, купецъ.	<i>Г. Дмитревскій.</i>
НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, жена его.	<i>Г-жа Сабурова.</i>
ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ, сынъ ихъ.	<i>Г. Востоковъ.</i>
ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ, прикащикъ Свицова.	<i>Г. Садовскій.</i>
ѲЕДОРЪ ВЛАСЬИЧЪ КВАСНИКОВЪ, купецъ, знакомый Свицова.	<i>Г. П. Степановъ.</i>
АНТОНЪ АНДРЕИЧЪ КОЛИКИНЪ, пріятель Петра Яковлича.	<i>Г. Колосовъ.</i>
МАТВѢЕВНА, кухарка.	<i>Г. Кавалерова.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Свицова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната Петра Яковлича.

I.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ, въ халатъ, съ трубкой, сидитъ въ креслахъ и зѣваетъ

Фу! голова такъ и трещить! А все отъ этой дряни, отъ шампанскаго; послѣ него всегда бываетъ такъ скверно... Ну, да за то вчера дивно покутили. И цыгане какъ-то особенно пѣли, а ужъ Надя потышила! Такія трели выкидывала, что отдай все—мало!.. И глазенки у ней такіе... такъ бы вотъ и.... Да нѣтъ, ну ее! Соничка будетъ почище. Въдь та что? цыганка, простая женщина; а Соня? У! это удивительная дѣвочка! Какъ танцуетъ! каждый разъ вызываютъ; ну, куда же до нея какой-нибудь Надеждъ, которая, кромѣ гитары своей, ни о чемъ понятія не имѣетъ?.. Фу! просто смерть! хуже нежели пьяный; тамъ по-крайней-мѣрѣ ничего этого не чувствуешь, а теперь и голова трещить, и глаза слипаются, и рожа измята, и дрожь какая-то прихватывается... *(Поетъ).* Ванька дудочку беретъ, Танькѣ пьсенку поетъ. *(Говоритъ):* Дивная полька! какъ ловко танцовать подъ нее, а особенно въ новомъ фракѣ славно танцовать.... Да-съ, фракъ у насъ такъ сшитъ, что, подика-съ, и требовать нельзя. Спасибо Шульцу, угодилъ онъ мнѣ этимъ фракомъ. Все говорятъ: Послушай, Петруша, что это у тебя за фракъ? просто чудо!.. А странно! какъ надѣнешь фракъ, такъ совсѣмъ другимъ человекомъ станешь, право. Такое уваженіе отъ всѣхъ, та-

кое деликатство, всѣ какъ-то глядятъ на тебя иначе, не то что въ сибиркѣ. Надѣнь сибирку хоть во сто цѣлковыхъ, все ужъ будешь мужикъ, неучъ, сиволапъ; всякій тебѣ скажетъ: эй ты, аршинникъ, козель! А во фракъ совсѣмъ другой тонъ, просто на дворянской линіи стоишь; тутъ и знакомство-то какое, всѣ тебѣ руки подають!.. Да, фракъ въ жизни много значитъ!.. Ахъ, вѣдь нынче нужно быть въ театрѣ; Соничка будетъ танцовать въ ди, вертисементъ... Ахъ, Соничка, Соничка! дѣвочка-то ты хорошая да одно плохо—денегъ много тратишь. Я изъ-за тебя по уши въ долгахъ; то подай, другое подари, то платье бархатное, то серьги, то тамъ чортъ знаетъ что еще, просто разоренье! А какъ отказать? Расплатится, ну и бѣда. Да по скольку просить-то—страхъ! Вотъ вчера прислала записку, что ей нужно на-дняхъ три тысячи цѣлковыхъ! Ну, гдѣ я ей вдругъ столько возьму?.. Просиль подождать хоть мѣсяць—куда тебѣ, и слышать не хочеть... Вотъ нынче утромъ Антоша еще хотѣлъ побывать у ней; если она не согласится подождать немного, я не знаю, что мнѣ дѣлать.

II.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ и КОЛИКИНЪ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Ахъ! Вотъ онъ. А я, Антоша, сейчасъ только думалъ о тебѣ. Ну что, былъ у ней?

КОЛИКИНЪ. Былъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Ну, что, скажи, голубчикъ, скорѣй, что она говоритъ на счетъ денегъ?

КОЛИКИНЪ. Что говоритъ? Она одно говоритъ: мнѣ нужны деньги до-зарѣзу. Я ее просилъ, просилъ, уговаривалъ, уговаривалъ, ничего и слушать не хочеть; твердитъ себѣ одно: неужели такіе пустяки беспокоятъ Петрушу?

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Пустяки?! Три тысячи цѣлковыхъ для нея пустяки? Ахъ, она... Да что она, одурьла что ли? Ты что же, Антоша, сказалъ ей на это?

КОЛИКИНЪ. Да что же ей скажешь?

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Ты бы сказалъ ей, что она дура, совсѣмъ глупая... Прошу покорно—пустяки! Вотъ онъ зазнаются-то какъ скоро! Года два назадъ, у ней было одно только платьишко; жила съ теткой въ какомъ-то подвалѣ; а теперь, по милости мо-

ей, чего-чего нѣтъ у ней, а все мало! Это, чортъ знаетъ, какъ досадно!

Коликинъ. Эхъ, Петруша, ты не понимаешь ничего; что намъ за дѣло, какъ она тамъ жила прежде! Ты возьми въ расчетъ ея талантъ, какъ она танцуетъ, просто—летаетъ! вотъ что!

Петръ Яковличъ. Знаю я ея талантъ, да денегъ-то гдѣ мнѣ взять для нея столько? Ну, самъ посуди, Антоша, гдѣ я возьму вдругъ три тысячи цѣлковыхъ? трачусь, трачусь, а ей все мало... Да вонъ тамъ гусарь какой-то сталь еще къ ней подъѣзжать. Что же это такое?

Коликинъ. Гусарь? Да что тебѣ гусарь? неужели ты думаешь, что она промѣняетъ тебя на гусара?

Петръ Яковличъ. А чортъ ее знаетъ: можетъ быть и промѣняетъ. Что же мнѣ теперь дѣлать?

Коликинъ. Поведемъ опять вмѣстѣ; можетъ быть, вдвоемъ и уговоримъ какъ-нибудь.

Петръ Яковличъ. Да, уговоришь ее, рассказывай мнѣ... Ну, такъ и быть, поведемъ еще разъ... Я тебѣ откровенно скажу, Антоша, если она не согласится подождать немного, я знаешь что сдѣлаю?

Коликинъ. Нѣтъ, не знаю; а что?

Петръ Яковличъ. Плюну и уѣду! Чортъ съ ней, она не капризничай!

Коликинъ. Ха, ха, ха! Петруша! Ты ли это? Я не узнаю тебя! ха, ха, ха!

Петръ Яковличъ. Что же ты смѣешься?

Коликинъ. Какъ же не смѣяться? Что ты это городишь? Развѣ у тебя сердце-то каменное?

Петръ Яковличъ. Ну, ты пошелъ трунить. Пойдемъ въ кабинетъ, я одѣнусь, и отправимся.

Коликинъ. Ладно, ладно. *(Оба уходятъ)*.

III.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА входитъ. Гостиная въ домѣ Свищова.

Каковъ анекдотъ! Петруша опять уѣзжаетъ куда-то съ Антономъ Андренчемъ! и опять, чай, до поздней ночи пропадетъ, а я за него должна вотъ браниться съ отцомъ. Онъ вѣдь ничего этого понять не хочетъ, Яковъ-то Федосьичъ; твердитъ од-

но: ты балуешь сына, потакаешь ему, вотъ только у него и разговору; а того не пойметъ, что Петруша образованный кавалеръ, что у него знакомство хорошее, что нельзя же ему сидеть въ четырехъ стѣнахъ... Другой бы отецъ радовался, что у него сынъ человекъ съ понятіемъ, съ образованіемъ, а мой только все ворчитъ... А я такъ не нарадуюсь, когда Петруша наденетъ фракъ, закуритъ папирску, да сядетъ въ пролетку, — графчикъ, да и только!.. И со стороны-то любо-дорого посмотреть, а матушкину сердцу-то каково?.. Да, вотъ поди-ка, узнай кто, что Петруша купецъ, что у него отецъ съ бородой, да въ длинномъ сюртукъ ходитъ... Вотъ что значитъ образованіе, понятіе-то!

IV.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА и ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ.

Яковъ Федосѣичъ. Что, Кузьмича еще нѣтъ?

Надежда Петровна. Нѣтъ еще, не бываль.

Яковъ Федосѣичъ. Чтó же это значитъ такое? Вотъ другой день, какъ ушелъ со двора, и о-сю-пору нѣтъ! Двадцать слишкомъ годовъ живеть, а такой оказіи съ нимъ еще не бывало; странное дѣло! Ну куда бы запропасться трезвому человеку? Экая задача!.. А... того... баринъ-то дома?

Надежда Петровна. Какой баринъ?

Яковъ Федосѣичъ. Ну, да кто же у насъ баринъ, по твоему? Разумется, Петръ; дома онъ, или ужъ устрялъ?

Надежда Петровна. Сейчасъ увхаль.

Яковъ Федосѣичъ. (*махнувъ рукой*). Ну!.. Послушай, мать, чтó же это будетъ такое?

Надежда Петровна. А что?

Яковъ Федосѣичъ. Да то, что парень свертълся совсѣмъ. Вѣдь это срамъ моей съдой головъ. Дѣла никакого не знаетъ, только вотъ по трактирамъ, да по театрамъ болтается, тѣу!

Надежда Петровна. Да что же тутъ худаго, что онъ по театрамъ ѣздитъ? Всякій образованный кавалеръ ѣздитъ въ театръ.

Яковъ Федосѣичъ. Да, онъ очень образованъ, смотри пожалуй; свистать онъ только умѣетъ, вотъ вся его и образованность.

Надежда Петровна. Должно бы радоваться, что Петруша такъ держитъ себя, ведетъ знакомство съ хорошими господами, а ты вотъ все бранишься, Яковъ Федосѣичъ.

Яковъ Ѳедосъичъ. Ха, ха, ха! Ведеть знакомство съ хорошими господами! Да хорошіе господа и глядять-то на него не станутъ; развъ дурня-то не видно?

Надежда Петровна. Послушай, Яковъ Ѳедосъичъ, мое материнское сердце не вынесеть этого. Что ты, звѣрь лютый, что ли, въ самомъ дѣлѣ? *(Плачетъ).*

Яковъ Ѳедосъичъ. Что? слезы? Ну, такъ. Ха, ха, ха! Погоди, побереги слезы-то, еще будетъ время поплакать; дай срокъ — утѣшишь тебя чадочко, еще не такъ заплачешь. Потакай, потакай ему, матушка; дождешься добраго отъ него... Видишь ты, за образованіемъ, за модой пустились. Выросъ малый съ версту и читать-то плохо умѣеть, а она говоритъ, что онъ чувствуетъ образованіе.

Надежда Петровна. Не понимаешь ты ничего, Яковъ Ѳедосъичъ, вотъ что! Ужъ молчи лучше, коли ничего не видывалъ порядочнаго.

Яковъ Ѳедосъичъ. Послушай, я тебѣ толкомъ говорю: не балуй Петра, не давай ему денегъ. Ты ему скажи, чтобъ онъ бросилъ эту образованную жизнь, не модничалъ бы, а не то, ему худо будетъ, слышишь? Я терплю, терплю, да и лопну. Что это такое? Только и ума у него, какъ бы вырядиться шутомъ. Онъ думаетъ, что нарядился во фракъ, такъ ужъ и баринъ сталъ. Нѣтъ, это онъ вретъ. На, поди, франтъ какой; плювать я на него хочу, для того, что пустой онъ человекъ; только деньги мотаетъ. Если онъ будетъ такую образованную жизнь вести, такъ онъ мнѣ не наследникъ, слышишь? Такъ и скажи ему.

Надежда Петровна. Да что, все я скажи; а самъ то что же?

Яковъ Ѳедосъичъ. Да если я съ нимъ стану калякать объ этомъ, такъ разговоръ будетъ крупный... На, поди! образованный баринъ, съ дворянами знакомство ведеть, а въ головъ-то что? Причесана-то она по модному, а въ ней то что? — Парь, и больше ничего.

V.

ТЪ ЖЕ и КВАСНИКОВЪ.

Квасниковъ. Якову Ѳедосъичу! какъ живете-можете? Надеждѣ Петровнѣ наше почтеніе!

Яковъ Ѳедосъичъ. А, Ѳедоръ Власъичъ, здорово!

Надежда Петровна. Давненько не бывали у насъ, Федоръ Власичъ; али спесивы стали?

Квасниковъ. Спесивы? Вона! Да съ какой радости спесь-то въ голову забредеть? Ха, ха, ха! что вы, Надежда Петровна? Нѣтъ, спеси ни чуть не имземъ, а не бывалъ давно потому, что съ этой ярмаркой маленько недосужно было.

Яковъ Федосъвичъ. Экъ онъ, до-сихъ-поръ съ дѣлами еще во-зится! Я ужъ давно по этому предмету все покончилъ.

Квасниковъ. Эвона! Ха, ха, ха! Вотъ онъ что поеть! Еще бы. Да у васъ, Яковъ Федосъвичъ, кто такое есть Потапъ Кузьмичъ?

Яковъ Федосъвичъ. Знамо кто — прикащикъ.

Квасниковъ. Прикащикъ! А каковъ этотъ прикащикъ? Да я бы съ такимъ прикащикомъ и ухомъ себѣ не повель, пальцемъ о палецъ не ударилъ бы; вѣдь знаемъ мы, что такое за звѣрь Потапъ Кузьмичъ. А я вездѣ одинъ, вездѣ самъ; молодцы все дрянъ, то есть, такой народъ, хотъ плюнь.

Надежда Петровна. Агафья Федоровна здорова ли?

Квасниковъ. Дочка? Ничего, прыгаетъ-съ; ей что? дѣло дѣвичье, того ли ей требуется?

Надежда Петровна. Чай скучно ей, все одна, да одна.

Квасниковъ. Это правда, маленько бываетъ-съ; дѣло дѣвичье, иной разъ и взгруснется.

Яковъ Федосъвичъ. А что, все ли получилъ съ Корнева?

Квасниковъ. Съ Корнева? Да, какъ же, получишь съ него. Ужъ я и не знаю, ей Богу, что это за народъ, — подхалимъ какой-то. Ты думаешь, по крайности, получить съ него половину, а онъ что же? Въместо трехъ тысячъ цѣлковыхъ отвалилъ двѣсти серебромъ!

Яковъ Федосъвичъ. Что ты? Да какъ же такъ?

Квасниковъ. Такъ, очень просто, далъ двѣсти цѣлковыхъ и шабашъ!

Яковъ Федосъвичъ. Ну, Федоръ Власичъ, этакъ торговать — не рука.

Квасниковъ. Ха, ха, ха! какая нынче торговля? Таперича, если есть въ рукахъ приличный капиталъ, ну и кончено: брось торговлю и живи припѣваючи; по-крайности спокойствіе всякое имвете. Какая нынче торговля? Ха, ха, ха!

Надежда Петровна. Да что это вы все объ одномъ толкуете? торговля, да торговля, дѣла, да дѣла, Какъ это не надоестъ

вамъ? Только у васъ и на умъ-то, что гроши. Уйти отъ васъ, надобно мнѣ слушать счета ваши (*уходитъ*).

VI.

ТЪ ЖЕ, КРОМЪ НАДЕЖДЫ ПЕТРОВНЫ.

Квасниковъ. Вона! ушла! Что такъ? Гроши надобли имъ.

Яковъ Федосъичъ. Э! Чего ты хочешь тутъ? Ты видишь—баба! развѣ онѣ могутъ какою-нибудь обстоятельностью заняться? Ничуть. Имъ бы все о тряпкахъ, объ юбкахъ, да о башмакахъ болтать.

Квасниковъ. Настоящее дѣло, Яковъ Федосъичъ. Вотъ и моя Агаша только и ладитъ всегда одно: тятенька, купи мнѣ мантель бархатную; тятенька, шляпку надоть, да то, да се; а о другомъ о чемъ, о настоящемъ, али по торговль что, и не спрашивай. Ну, да и то сказать, вѣдь скука дѣвкѣ; сидитъ на тресоляхъ одна одинешенька; ну, оно и правильно, что эти модные наряды всякіе занимають ее... Ахъ! ужъ еслибъ мнѣ пристроить ее за хорошаго человѣка, то-есть, вотъ какъ перекрестился бы!

Яковъ Федосъичъ. Да что же, али жениховъ въ Москвѣ не стало?

Квасниковъ. Это все такъ, жениховъ много, да все не то; мнѣ хочется это дѣло рѣшить обстоятельнѣе... Послушай, Яковъ Федосъичъ, что я тебѣ скажу!

Яковъ Федосъичъ. Что такое?

Квасниковъ. Таперича вотъ хоть бы мы съ тобой, сколько льтъ знаемъ другъ друга, живемъ въ ладахъ, торговля у насъ настоящая, такъ и того...

Яковъ Федосъичъ. Что жъ?

Квасниковъ. Да то, Яковъ Федосъичъ, человѣкъ-то ты добрющій и имѣешь всякую обстоятельность; я, благодаря Бога, тоже имью достатокъ, и, знавши все ваше семейство, Надежду Петровну и Петра Яковлича, мнѣ очень было бы желательно породниться съ вами; отдалъ бы я мою Агашу за твоего Петра Яковлича; это было бы самое настоящее дѣло.

Яковъ Федосъичъ. Гм... настоящее дѣло... Ну, Федоръ Власъичъ, я тебѣ скажу, что Богъ знаетъ, будетъ настоящее дѣло, либо нѣтъ.

Квасниковъ. Что же такъ?

Яковъ Федосъичъ. Да ты знаешь моего Петра?

Квасниковъ. Какъ не знать? человекъ онъ хороший, молодой и все такое.

Яковъ Федосъичъ. Вотъ то-то и худо, что онъ не по лѣтамъ молодъ; гуляетъ много, кутитъ шибко, обстоятельства въ немъ нѣтъ. Ну, самъ посуди, какой онъ будетъ мужъ, когда въ немъ обстоятельства ни на волосъ нѣтъ?

Квасниковъ. Это ничего, Яковъ Федосъичъ, обстоятельство будетъ, была бы душа.

Яковъ Федосъичъ. Такъ-то такъ, да когда это будетъ? Вѣдь ужъ пора бы, кажется; малому ужъ двадцать шесть стукнуло.. Я тебѣ скажу, Федоръ Власъичъ, мнѣ и самому пріятно бы породниться съ тобой; тебя я не первый годъ знаю; Агафья Федоровна барышня хорошая, смиренная, чего бы еще лучше? Да вотъ Петръ-то мой прытокъ больно.

Квасниковъ. Это, Яковъ Федосъичъ, плевое дѣло; я скажу тебѣ на то вотъ что: Петръ Яковличъ, женившись, можетъ все это оставить. Ну, чтожъ такое, что онъ кутитъ? Молодъ, ну и гуляетъ, это ничего. Вотъ я про себя скажу: какъ холостой-то я былъ, да молодой-то, ужъ такъ гулялъ, что страхъ! Много капитала у цыганъ въ табарахъ оставилъ. Тятенька тоже бывало сердчалъ. Ха, ха, ха!.. Ну, а какъ женился, да пошли дѣти, куда вся дурь дѣвалась... А на счетъ этого, что Агаша смирна, такъ это точно, то-есть, вотъ какъ: что есть синій порошокъ, и того не тронетъ, воды не замутитъ. О воспитаніи ея тоже нечего заботиться: воспитана она у меня, сами знаете, оченно хорошо; воспитаніе такое, что дай Богъ всякому, самое нѣжное: и на фортупянахъ играетъ, и въ кіатръ вздигъ; чего еще требовать?

Яковъ Федосъичъ. Все это такъ; да не погодить ли?

Квасниковъ. Да чего же годить-то? чего же еще ждать, Яковъ Федосъичъ? Дѣвка ужъ и то истомилась; самъ посуди, лѣта ея такія, что въ одиночествѣ поневоля скука возьметъ.

Яковъ Федосъичъ. На Петра-то я плохо надѣюсь, вѣтру-то въ голову у него много, вотъ что.

Квасниковъ. На счетъ вѣтру безкопонтиться нечего, пословица говорить: женится переменится, ну и кончено.

Яковъ Федосъичъ. Охъ, не вѣрится мнѣ что-то!.. А впрочемъ, я тебѣ вотъ что скажу: я согласенъ, только погодимъ это дѣло кончать до красной горки; до-тѣхъ-поръ посмотримъ, что бу-

деть съ Петромъ. Если онъ хуже теперешняго не будетъ, тогда и можно будетъ все это устроить; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ броситъ все, какъ молодая жена подъ бокомъ будетъ.

Квасниковъ. Настоящее дѣло. Такъ по рукамъ что ли, Яковъ Ѳедосъвичъ.

Яковъ Ѳедосъвичъ. Я не прочь (*цѣлуются*).

Квасниковъ. Ну, слава Богу... Такъ ты думаешь, что вѣнцы-то оставить до красной горки.

Яковъ Ѳедосъвичъ. Да, подождемъ.

Квасниковъ. Ну, быть по твоему. А вы между тѣмъ съ Надеждой Петровной и съ Петромъ Яковличемъ соберитесь къ намъ какъ-нибудь; по-крайности, Петръ Яковличъ можетъ покорооче обзнакомиться съ Агашенькой, да и Агашенькѣ-то съ молодцомъ поваднѣй будетъ, такъ ли? Ха, ха, ха!

Яковъ Ѳедосъвичъ. Ладно, забредемъ какъ-нибудь отъ обѣдни.

Квасниковъ. Такъ ужъ я, Яковъ Ѳедосъвичъ, буду въ надеждѣ.

Яковъ Ѳедосъвичъ. Когда сказано, такъ чтожъ тутъ еще? Вотъ только подождемъ, что будетъ съ Петромъ.

Квасниковъ. Ничего не будетъ; женится—перемѣнится, ну и кончено.

Яковъ Ѳедосъвичъ. Да ты смотри, Ѳедоръ Власъвичъ, бабамъ-то объ этомъ ни гугу пока.

Квасниковъ. Понимаю, Яковъ Ѳедосъвичъ, то-есть, на счетъ секрета?

Яковъ Ѳедосъвичъ. Да; ты вѣдь знаешь, что это за народъ? сороки.

Квасниковъ. Ха, ха, ха! какъ есть разболтаютъ... Ну, прощай Яковъ Ѳедосъвичъ.

Яковъ Ѳедосъвичъ. Прощай, Ѳедоръ Власъвичъ. (*Квасниковъ уходитъ*).

VII.

ЯКОВЪ ѲЕДОСЪВИЧЪ одинъ.

Вотъ оно какъ! Самы съ невестами набиваются. И дѣвка-то славная такая, и капиталъ есть, и родня хорошая, и все, чего-бы лучше? А вотъ мой-то дуракъ все-таки пыль въ глаза пускаетъ, да деньги мотаетъ... Да, подождемъ, что будетъ; коли хуже не будетъ, коли особенныхъ колѣнъ до красной горки не откинетъ,

ну, тогда можно и порешить все это дело... Въ самомъ дѣль, можетъ быть и впрямъ женится и переменится.

VIII.

ЯКОВЪ ФЕДОСЬИЧЪ и НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Яковъ Федосьичъ! Потапъ Кузьмичъ пришелъ!

Яковъ Федосьичъ. Пришелъ! Да гдѣ же онъ?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Въ кухню съ Матвѣвной бранится. Знаешь ли, диво какое! Вѣдь онъ хмельной!

Яковъ Федосьичъ. Что-о! что ты городишь?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что тутъ городить-то? Поди, посмотри, онъ едва на ногахъ держится.

Яковъ Федосьичъ. Да что это ты, мать, опалела что ли? Что ты за чертовщину несешь? Кто хмьлень, говори!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Обидчикъ!.. Ну, что ты зыкаешь-то? что глаза-то вылупилъ! Али не понимаешь? Тебѣ говорю ясно, что Кузьмичъ хмельной пришелъ.

Яковъ Федосьичъ. Ну! Хоть убей, не понимаю!

IX.

ТѢ ЖЕ, МАТВѢВНА и ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ пьяный; онъ входитъ и останавливается у дверей.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вотъ онъ самъ, на возьми его.

Яковъ Федосьичъ. Боже мой! Глазамъ не вѣрю!

ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ (*долго стоитъ молча, олядывается на всѣ стороны, потомъ говоритъ*). Як..... Як..... Яковъ Федосьичъ!.. Яковъ Федосьичъ!.. Я пришелъ.

Яковъ Федосьичъ. Господи! Что это такое? Отродясь этого не бывало съ нимъ!

ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ. Нич..... ничего, Яковъ Федосьичъ... значить я пришелъ... (*Улыбается*). Гмъ... загулялъ, ей Богу загулялъ... Над..... Надежда Петровна... поцѣлуй меня!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Чтò ты это? Поди ты! Каковъ анекдотъ!

Яковъ Федосьичъ. Пускай его, это ничего.

ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ (*цѣлуетъ Надежду Петровну*)... Вотъ такъ... Яковъ Федосьичъ!.. И ты, значить, поцѣлуй меня. (*Цѣлуетъ Якова Федосьича*), И тебя, Матвѣвна, дай поцѣлую. (*Цѣлуетъ*.)

МАТВѢВНА. Поди Кузьмичъ, усни, лучше будетъ.

ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ. Ой-ли?.. Ну, пойдѣмъ, Матвѣвна, пойдѣмъ.

МАТВѢВНА. Пойдѣмъ, батюшка, я тебя уложу. Отдохнувши-то тебѣ лучше будетъ.

ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ. Яковъ Ѳедосѣвичъ! *(показывая на голову).* У меня таперича... того... кранболь... такъ вотъ все и ходитъ... Скверно, и самъ не радъ... безобразіе... что дѣлать? не знаю, какъ все это вышло... Самъ съ собой не совладалъ... Ты Яковъ Ѳедосѣвичъ... на все на это... плюнь... да... пойдѣмъ Матвѣвна.

МАТВѢВНА. Пойдѣмъ, Кузьмичъ, пойдѣмъ. *(Потапъ Кузьмичъ и Матвѣвна уходятъ).*

X.

ЯКОВЪ ѲЕДОСѢВИЧЪ и НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

Яковъ Ѳедосѣвичъ. Ну, Потапъ Кузьмичъ, утѣшилъ, подарилъ!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. И гдѣ это онъ такъ наизволился? Видишь ты, грѣхъ какой!

Яковъ Ѳедосѣвичъ. Столько лѣтъ жимши, можно сказать, почти въ святости, и вдругъ такъ порѣшилъ!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Это, Яковъ Ѳедосѣвичъ, я такъ думаю, отъ необразованія своего Потапъ Кузьмичъ такъ порѣшилъ; если бы онъ чувствовалъ пристойность, такъ этого не сдѣлалъ бы.

Яковъ Ѳедосѣвичъ. Ну, ты все свое городишь. Потапъ вотъ годовъ двадцать пять живетъ, да только впервые это сдѣлалъ; а вотъ твое образованіе, пристойность-то твоя, Петръ, сплошь да рядомъ такія колѣна откальваетъ. Вотъ тебѣ и образованіе.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, ты опять Петрушу обижать. Обидчикъ! Зверь ты лютый, Яковъ Ѳедосѣвичъ, а не отецъ.

Яковъ Ѳедосѣвичъ. Вотъ что!.. Ха, ха, ха! Зверь лютый!... Да что же мнѣ, хвалить что ли прикажешь дурака за его безобразіе?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. У тебя все безобразіе. Чтò же такое, если Петруша прїѣдетъ иногда подгулявши? Вѣдь онъ въ обществѣ бываетъ, нельзя же ему иногда и не выпить немножко. Да если онъ и выпьетъ, такъ уже не дряни какой, не сивухи вашей, а шампанскаго.

Яковъ Ѳедосѣвичъ. Ха, ха, ха! Шампанскаго! Да если онъ пьянъ, такъ все равно, что бы онъ тамъ ни пилъ; хоть съ воды пьянъ, все сверно.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Не понимаешь ты ничего.

XI.

ТЪ ЖЕ и МАТВѢВНА.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну что, Матвѣвна, уложила что ли его?

МАТВѢВНА. Уложила, хорошоохонько уложила.

ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ. Что, онъ не шумѣль?

МАТВѢВНА. И, нѣтъ; тише воды, ниже травы.

ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ. Экая жалость, какъ вдругъ свихнулся! И отъ чего бы, кажись? Причины-то этому всему не вижу. Человѣкъ-то былъ какой!—Золото!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ужъ злые люди не позавидовали ли ему, Яковъ Ѳедосьичъ?

ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ. Богъ вѣсть!

МАТВѢВНА. А что ты, Надежда Петровна? И очень можетъ это быть. Позавидовали его уму-разуму, да доброму житью, вотъ и сдѣлали съ нимъ это недоброе... Да вотъ у меня золовка зятя испортила по зависти; дала ему въ водъ, ну и пошелъ куралесить. А что мудренаго? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Кузьмича-то испортили; вѣдь лихимъ людямъ много надобно; пустили по вѣтру на него, вотъ и поминай, какъ звали.

ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ. Чтò ты тутъ будешь дѣлать?.. Ай Кузьмичъ, Кузьмичъ! Пустилъ ты мнѣ звѣря въ голову!.. *(смотря на часы)*: Эвона! Второй часъ! шутка! А мы еще о-сю-пору не объдали!.. Матвѣвна! Поди, давай намъ объдать!

МАТВѢВНА. Иду, Яковъ Ѳедосьичъ. *(Всѣ уходятъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ Свищова.

I.

ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ, НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ и МАТВѢВНА.

ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ. Нѣтъ, Кузьмичъ, ты всѣ эти лясы-то оставь и скажи, куда ты деньги дѣвалъ?

Потапъ Кузьмичъ. Да что же, Яковъ Федосвичъ, я говорю, что и умою не постигаю, какъ все это вышло... Что же мнѣ дѣлать, родные, научите! *(плачетъ)*.

Яковъ Федосвичъ. Ты не хнычь, этимъ не поможешь; отъ слезъ ни мнѣ, ни тебѣ нелегче, самъ знаешь. Шутка ли! — Двадцать пять тысячъ серебромъ! Въдъ это капиталъ!

Потапъ Кузьмичъ. Господи, Господи! Вотъ что вышло! Охъ!.. Что же мнѣ осталось? Руки наложить на себя?

Надежда Петровна. Ахъ!.. Что ты, что ты, Потапъ Кузьмичъ! Какія ты страсти говоришь! Ты вспомни лучше, не забылъ ли гдѣ ихъ?

Матвѣвна. Ты, въ самомъ дѣлѣ, припамятуй, родной, не оставилъ ли гдѣ ихъ?.. Эка притча, эка притча!

Потапъ Кузьмичъ. Да я все помню; какъ теперь смотрю вотъ, какъ положилъ деньги въ конторку, только тотчасъ-то не заперъ, а ужъ вспомнилъ объ этомъ у себя въ комнату, черезъ полчаса, не больше, пошелъ и заперъ. А утромъ встаю, отпираю конторку, денегъ-то ужъ нѣтъ!

Яковъ Федосвичъ. Ну, вотъ видишь, Кузьмичъ: самъ положилъ, самъ заперъ, самъ отперъ, а денегъ нѣтъ; какъ же съ этимъ быть? Въ комнату ночью некому было входить; да хоть бы кто и входилъ, конторка цѣла, заперта? такъ ли?

Потапъ Кузьмичъ. Охъ! Да въ томъ-то и дѣло, что не постигну, какъ случилось!

Яковъ Федосвичъ. А я тебѣ одно скажу: когда бы ты не задумалъ, не сталъ бы пить, такъ этого никогда не случилось бы... Нѣтъ, Кузьмичъ, я не намеренъ дарить тебѣ такихъ денегъ; ты какъ тамъ себя хочешь, а деньги мнѣ сыщи, не то худо будетъ; слышишь!

Потапъ Кузьмичъ. Да гдѣ же я ихъ возьму? Что же, Яковъ Федосвичъ, выходитъ, я укралъ ихъ?

Яковъ Федосвичъ. Я этого ничего не знаю, а ты представь мнѣ двадцать пять тысячъ; получилъ и представь хозяину.

Потапъ Кузьмичъ. Яковъ Федосвичъ! Стало, ужъ ты такъ и полагаешь, что я укралъ эти деньги? а?.. Что же ты молчишь?.. Ну, говори ужъ, что ты, моль, Потапъ, негодяй... воръ... грабитель... Ха, ха, ха! Что же ты молчишь?

Яковъ Федосвичъ. Я тебѣ сказалъ, что ничего этого не знаю; тебѣ лучше знать, куда ты дѣвалъ деньги. Ну, самъ посуди, кто же ихъ взялъ? Сынъ, что ли, мой укралъ? Неужели же мнѣ на

него думать? Онъ, кажись, до этого еще не дошелъ. Да и по-дозрѣвать-то его нельзя, потому; онъ дома не ночевалъ... Нѣтъ, нѣтъ, ты это все оставь, я говорю, и отдай мнѣ деньги, непременно отдай; а коли не такъ, то я тебя подъ судъ упеку; тамъ все это лучше разберутъ, вѣдь ты погибнешь! въ Сибирь потрафишь! Слышишь?

Потапъ Кузьмичъ. Э! что тутъ судъ! (*Махнувъ рукой*). Куда хотите дѣвайте! Ваша воля, я весь вашъ... Ну, чтожъ? ну, въ Сибирь, на каторгу его, стараго пьяницу, плетьми его! Онъ, стало, стоитъ того; по дѣломъ-дескать вору, такъ ли? а? Ха, ха, ха!.. Знаю, что передъ судомъ ужъ мнѣ не оправдаться. Когда вотъ и ты, Яковъ Федосѣичъ, хорошо знавши меня, говоришь, что я укралъ у тебя деньги, потому что больше некому ихъ взять, а въ судъ-то разомъ поръшати, я вѣдь это знаю, и оправдываться не стану, потому—нечѣмъ; ну, что я скажу? Скажу, что я въ жизнь свою этого не дѣлалъ, что я, дескать, не такой человекъ! Да этому и куры засмѣются.

Яковъ Федосѣичъ. Вотъ видишь, Кузьмичъ, ты и самъ говоришь, что твоимъ розсказнямъ и куры засмѣются, а какъ же мнѣ-то не смѣяться? Ха, ха, ха!

Потапъ Кузьмичъ. Стой!... Тсъ!.. Пуцай куры смѣются, пуцай всѣ смѣются, а ты не долженъ смѣяться!

Яковъ Федосѣичъ. Это какъ?

Потапъ Кузьмичъ. Какъ?.. Гм... А что, я спрошу тебя, Яковъ Федосѣичъ, много ли годовъ ты меня знаешь?—годовъ двадцать слишкомъ будетъ. Ты значить, всю мою жизнь можешь знать, вотъ какъ, и вдоль и поперекъ. Ну, что же, замѣчал ли ты когда во всю мою службу что-нибудь? сколько капиталу твоего перебивало у меня въ рукахъ? покривил ли я когда-нибудь душой передъ тобою? Али мнѣ статьи не подходило нажить деньги? Вспомни-ка, года четыре тому будетъ, какъ я на Ирбитской получилъ съ Демьянова малу-толику—сорокъ тысячъ и никакой росписки не далъ ему въ этомъ капиталѣ; чтожъ, я утаилъ эти деньги? А вѣдь могъ бы это сдѣлать; документовъ никакихъ нѣтъ, ну и шабашъ. Да еслибъ я захотѣлъ украсть когда, много случаевъ нашель бы... Ахъ, Яковъ Федосѣичъ! Самъ ты знаешь, какъ я каждую твою копѣйку берегъ... Да, послужилъ я тебѣ годовъ двадцать-пять вотъ какъ, по совѣсти, самъ ты все это знаешь, а теперь вотъ ты меня на пенсію хочешь—подъ уголовный судъ, потому, я дескать, двадцать

пять тысяч укралъ; въ Сибирь, дескать, его, туда ему вору и дорога! *(Плачетъ)*. Охъ! охъ! охъ! А кто виновать? Самъ, на старости лтъ дурить вздумалъ, лшій дернулъ за чарку взяться; вотъ тебъ и чарка! Охъ! тяжело, родные, вотъ какъ тяжело! Такъ жутко, хотъ руки на себя наложить!.. Веди меня, Яковъ Федосвичъ, въ уголовную; чъмъ скорье, тъмъ лучше. *(Надежда Петровна и Матвевна плачутъ)*. А вы, Надежда Петровна, о чемъ это плачете? И ты Матвевна, то же!.. Эвона! О воръ-то? о негодяь-то? Да что его жалтъ?.. Ха, ха, ха!.. *(Уходитъ)*.

II.

ТЪ ЖЕ, кромъ ПОТАПА КУЗЬМИЧА.

Яковъ Федосвичъ. Вотъ поди ты, какой случай вышелъ! И ума не приложу, что двлать! шутка ли! двадцать пять тысячъ! И куда онъ это спровадилъ ихъ? Вотъ, какъ говорится, съдина въ бороду, а бсъ въ ребро.

Надежда Петровна. Послушай, Яковъ Федосвичъ, неужели же Кузьмичъ укралъ деньги?

Яковъ Федосвичъ. Да гдъ же онъ? сами что ли изъ конторки улетъли?

Надежда Петровна. Мнъ кажется, что Потапъ Кузьмичъ этого не сдълаеть.

Матвевна. Самъ посуди, Яковъ Федосвичъ, доведеть ли себя Кузьмичъ до такого сраму?.. *(Плачетъ)*. Родные мои! пожалйте его! Охъ! горемычный ты мой, Потапъ Кузьмичъ! жаль мнъ тебя, родной, вотъ какъ!.. Въдь я, кажись, всю твою жистъ видъла: тине красной дъвки жилъ, честнве всякаго вель себя, а тутъ вотъ вдругъ что приключилось!

Надежда Петровна. Яковъ Федосвичъ! разбери все это дъло по резону; право, можетъ быть, Кузьмичъ не виновать.

Яковъ Федосвичъ. Да дуры вы или нтъ? Ну, сами разсудите, кому же взять деньги? *(Къ женъ)*: Ну, ты не брала?

Надежда Петровна. И, что ты! что ты!

Яковъ Федосвичъ *(Матвевнъ)*: Такъ ты что ли взяла?

Матвевна. Господи помилуй! Что ты несешь такое?

Яковъ Федосвичъ. Ну, такъ кому же взять ихъ, кромъ его самого?.. Нтъ, потакать ему за эту штуку не резонтъ; я вотъ сейчасъ же его въ полицию, а завтра и бухну прошене.

МАТВѢВНА. О-охъ! Чтò съ нимъ будеть! И теперь-то отъ думы отъ одной онъ весь изнылъ, ажно руки поднять хочеть на себя.

Яковъ Федосъичъ. А что, въ самомъ дѣль? Онъ, пожалуй, и на это рѣшится.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что мудренаго? Найдеть вдругъ такая стихія, пырнетъ себя чѣмъ ни попало, ну и кончено!

Яковъ Федосъичъ. Пойду еще потолкую съ нимъ; можетъ быть, онъ скажетъ правду; а ужъ коли будетъ въ упорствѣ, тогда не взыщи, самъ виноватъ, тогда тотчасъ же въ полицію.

МАТВѢВНА. Яковъ Федосъичъ! не торопись съ судомъ. Человѣка не долго сгубить, послѣ не воротись.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Яковъ Федосъичъ! Разбери все это хорошенько.

Яковъ Федосъичъ. Охъ, глупыя вы, глупыя! Да развѣ вамъ однимъ жаль Потапа? Мнѣ-то каково? кто его больше любитъ? Вы или я. Да деньги-то гдѣ? Вѣдь двадцать пять тысячъ не бездѣлица, на улицъ не поднимешь... Такая притча, что не придумаешь, что и дѣлать! И Потапа-то жаль, да и денегъ-то кидать не хочеться... Вотъ пойду еще поговорю съ нимъ, что будетъ?

МАТВѢВНА. Да, поди, Яковъ Федосъичъ, поговори съ нимъ. *(Яковъ Федосъичъ и Матвѣвна уходятъ).*

III.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, одна.

Прошу покорно, какой капризъ выпелъ въ домъ!.. Неужели въ самомъ дѣль, Кузьмичъ воръ? Какъ же это такъ? сколько лѣтъ жилъ у насъ и, бывши при такой честности, вдругъ... Станный анекдотъ!.. А впрочемъ, отъ необразованія всего можно ожидать.

IV.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ и КОЛИКИНЪ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Здравствуйте, мамаша *(Надежда Петровна задумалась и не слыхала, какъ они вошли).* Мамаша! Что съ вами?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А! это вы? А я и не слыхала, какъ вы влетѣли...

КОЛИКИНЪ. Мое почтеніе, Надежда Петровна! Ваше здоровье?

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. О чемъ это вы, мамаша, такъ задумались?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ахъ, Петруша! Ты вотъ дома-то не живешь, такъ и не знаешь, какая у насъ исторія случилась, просто страсти!

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ, (*переминувшись съ Коликинымъ*). Что такое? Чай опять Потапъ Кузьмичъ нализался? Такъ это не новость.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Охъ! нѣтъ, не то; знаешь ли ты, что онъ надѣлалъ?

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Что такое?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Получилъ онъ вчера съ городскихъ деньги, двадцать пять тысячъ серебромъ, пришелъ, положилъ въ конторку, заперъ ихъ, а нынче отпираетъ, а денегъ-то нѣтъ!

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Какъ нѣтъ?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да такъ вотъ, нѣтъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Да конторку-то онъ самъ отперъ? замокъ цѣль?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. То-то и непонятно, что замокъ цѣль, а денегъ нѣтъ. Ужъ мы не знаемъ, что и думать.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Да что тутъ думать? Натурально— деньги у него; что онъ дурачить что ли вздумалъ всѣхъ!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да какъ же это? Неужели онъ укралъ ихъ? Вѣдь ты знаешь все прежнее поведеніе его; онъ всегда былъ на чести.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. На чести! Ну, чтожъ! Былъ честенъ, ничего и не было, а вотъ сталъ сдуру пить, вотъ и пошелъ мошенничать; такъ ли Антоша?

КОЛИКИНЪ. Разумѣется.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. На чтоже ему столько денегъ?

КОЛИКИНЪ. На что? Мало ли на что? Самому не нужно, такъ подучилъ кто-нибудь, а онъ подъ пьяную руку и согласился.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Что же тятенка?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. О, такъ вспылить, что страсти! Чего, вѣдь сейчасъ хочетъ въ полицію отправить Потапа! Ужъ мы съ Матвѣвной просили, просили за него, нѣтъ, куда тебѣ!

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Вотъ! Да вамъ то что за стать просить за него? что вы это? Съ чего вы взяли вору потачку давать? Спустите ему теперь, такъ онъ послѣ еще больше украдетъ.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да какъ же, Петруша, вѣдь очень жалко

мнѣ его; человекъ-то онъ былъ хорошій, работающій; всю торговлю нашу такъ соблюдалъ... Да и сердце-то мое вотъ чувствуетъ, что его напрасно винять въ этомъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. У васъ все напрасно.

КОЛИКИНЪ. Помилуйте, Надежда Петровна, возможно ли жалеть такого явнаго мошенника?

V.

ТЪ ЖЕ и МАТВѢВНА.

МАТВѢВНА (*плачетъ*). Голубчикъ ты мой, Потапъ Кузьмичъ! Что это за судьбина твоя такая! Ой, ой, ой! Родной ты мой!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что, Матвѣвна?

МАТВѢВНА. О-охъ! Яковъ Ѳедосѣичъ хочетъ его, голубчика, въ полицію вести! Такого сраму онъ отъ вѣку своего не видывалъ!.. Сердечушко ты мое! Служилъ ты Якову Ѳедосѣичу вѣрой и правдой, а теперь вотъ врагъ погубилъ тебя, ни за алтынъ пропадешь!

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Ну, полно ревѣть-то; что онъ тебѣ кумъ, что ли какой, или свать, что ужъ ты такъ о немъ разливаешься?

МАТВѢВНА. О-охъ! хорошій человекъ онъ былъ, а ни кумъ, ни свать, о хорошемъ человекѣ плачу.

КОЛИКИНЪ. Э, бабушка, охота тебѣ плакать о мошенникѣ; не кланяться же ему въ ноги за то, что онъ ограбилъ.

МАТВѢВНА. А ты, баринъ, этого дѣла хорошо не знаешь, такъ не называй его ужъ впрямь мошенникомъ; это дѣло темное; ты вѣдь не видалъ, что онъ укралъ?

КОЛИКИНЪ. Да это ясно.

МАТВѢВНА. Вотъ то-то и есть, что ясно, да не очень. Ахъ, Потапъ Кузьмичъ! Ужъ какъ мнѣ тебя жаль, индо сердце-то выболѣло все... Голубчикъ ты мой! пропадешь ты напрасно! (*плачетъ*).

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ (*неспокойнымъ голосомъ*). Ну, полно, Матвѣвна, разливаться... Надоела ужъ ты съ этимъ... Ступай тамъ у себя... въ кухню хнычь.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Что это ты, Петруша, какъ будто поблѣднѣлъ? Да и говоришь-то такъ, какъ будто у тебя лихорадка.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Нѣтъ... ничего... это такъ что-то...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Какъ такъ? Видишь, какъ поблѣднѣлъ. Ты

не изволь скриваться, не пренебрегай этимъ; простудился, знать? Вотъ то-то матери не слушаешься; всегда говорю: закутывайся хорошенько; не послушалъ, вотъ и надуло.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Это, мамаша, ничего.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Какое ничего?.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Я пойду сейчасъ мяты сдѣлаю; напьешься, такъ и пройдетъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Да на что это? Не нужно.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. И не говори ты мнѣ; мнѣ твое здоровье дороже, Богъ знаетъ чего. Матвѣвна! Поди, согрѣй самоваръ скорѣе, а я мяты приготовлю.

МАТВѢВНА. Иду, Надежда Петровна... Потапъ Кузьмичъ! Погубилъ тебя лютый врагъ, съѣлъ тебя лихой человекъ! (*Надежда Петровна и Матвѣвна уходятъ*).

VI.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ и КОЛИКИНЪ. Петръ Яковличъ садится и задумывается; Коликинъ ходитъ по комнатѣ и что-то напѣваетъ.

КОЛИКИНЪ. Петруша! (*Петръ Яковличъ молчитъ*). Петруша!

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ (*съ досадою*). Да что тебѣ?

КОЛИКИНЪ. Что ты это нахмурился такъ?

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Отстань!

КОЛИКИНЪ. Ого! Да что это ты?

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Охъ!.. Нѣтъ, Антонъ, какъ ты хочешь, а я... деньги отдамъ назадъ.

КОЛИКИНЪ. Что?! Что ты за гиль несешь?.. Смотри, братъ: ты, кажется, не на шутку сробѣлъ? Даже при матери не сдержалъ себя, позеленѣлъ и голосъ задрожалъ; что ты, школьникъ, что ли?

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Охъ! Все это я знаю, да мнѣ Потапа-то очень жаль. Ну самъ посуди, за что мы его губимъ? Въдь онъ въ Сибирь угодить!

КОЛИКИНЪ. Туда ему и дорога! Не пьянствуй на старости лѣтъ; не клади плохо деньги.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ. Нѣтъ, братъ, какъ ты хочешь, а это не дѣло... Меня такъ совѣсть мучаетъ, что страшно даже!

КОЛИКИНЪ. Что-о? Послушай, Петруша, вѣдь ты дуракъ, чистый дуракъ! Ну, гдѣ же этакъ дѣлаютъ? Ты какого-нибудь пьяницу выручишь, а самъ-то причѣмъ останешься? Съ тобой-то что будетъ? Что съ тобой отецъ сдѣлаетъ!

Петръ Яковличъ. Пусть что хочеть, то и дѣлаеть, а деньги я отдамъ пойду. Что со мной ни будетъ, я по-крайности оправдаю Потапа.

Коликинь. Послушай! Ты вѣдь этимъ хорошаго мало сдѣлаешь, только себя погубишь. Что ужъ тутъ? Теперь поздно, когда дѣло сдѣлано; ты прежде подумаль бы объ этомъ. Что жъ ты вчера не думаль о Потапѣ?

Петръ Яковличъ. Вчера не думаль!.. Нѣтъ, я и вчера думаль, и вчера говорилъ тебѣ объ этомъ; да вѣдь ты такимъ дьяволомъ прикинулся, что совсѣмъ опуталь, соблазнилъ сильно.

Коликинь. Вотъ ты какой, Петруша; все я же виноватъ.

Петръ Яковличъ. А то кто же? Разумьется, ты. Вѣдь ты втянулъ меня въ эту подлость; безъ тебя я и не подумаль бы объ этомъ.

Коликинь. Послушай! Ты послѣ этого выходишь подлецъ!! Между благородными людьми такъ не дѣлается... Кому нужны были деньги? Тебѣ или мнѣ? Вѣдь ты самъ просилъ меня научить тебя достать денегъ, потому что тебѣ крайность пришла, такъ ли?

Петръ Яковличъ. Такъ-то такъ, да Потапъ-то за что пострадаетъ?

Коликинь. Экой ты болванъ какой! Извини, братъ, Петруша, я тебѣ говорю это любя. Ты все о немъ вздыхаешь, а о себѣ и не подумаешь?

Петръ Яковличъ. Что мнѣ о себѣ-то думать? Мнѣ за одно когда-нибудь расплачиваться съ отцомъ; такъ ужъ лучше теперь; по-крайней-мѣрѣ я Потапа изъ бѣды вытяну.

Коликинь. Послушай, вѣдь эта хандра явилась у тебя, но она въ настоящее время не идетъ къ тебѣ. Ну, что ты за чудакъ? Сама судьба послала намъ столько денегъ, выручила изъ тѣсныхъ обстоятельствъ, и намъ ничего больше не остается, какъ только пользоваться деньгами, жупровать, а ты вздоръ какой-то понесъ, на что это похоже?

Петръ Яковличъ. Отстань! Вздоръ или нѣтъ, а я пойду отдамъ деньги, самъ признаюсь отцу во всемъ. Я говорю, что мнѣ совѣсть не даетъ покоя.

Коликинь. Ну, послушай же! Болванъ ты или нѣтъ? Что же ты со мной-то дѣлаешь? Если ужъ ты себя не жалешь, такъ не компрометируй меня, пожалуйста; вѣдь это будетъ такая пошлость! между товарищами такъ не поступаютъ.

Петръ Яковличъ. Да ты не безпокойся: я на себя все возьму; ты будешь въ сторонѣ.

Коликинъ. Эге! Нѣтъ, братъ, стара штука; ты это теперь такъ говоришь, а какъ отецъ станетъ допрашивать по-своему, такъ ты и меня припутаешь.

Петръ Яковличъ. Да я же тебѣ говорю, что ты будешь въ сторонѣ.

Коликинъ. Не вѣрю я этому... Ну, послушай: положимъ, что ты покаешься, что спасешь Потапа, а что съ тобой-то будетъ? Что за жизнь будетъ тебѣ послѣ этого? Вѣдь тебя отецъ такъ скрутитъ, что тебѣ веселье на каторгѣ покажется. Знаемъ мы этихъ стариковъ... Въ такія лѣта, при такомъ знакомствѣ, при такихъ средствахъ и ты хочешь что сдѣлать—самъ себя погубить, заживо въ гробъ положить... А Соничка-то? а? Или ты позабылъ про нее? Или ужъ ты не любишь ея глаза? О! Да за эти глаза можно всею пожертвовать!.. Дурачина, дурачина! Да ты теперь съ такими деньгами такой носъ натянешь этому гусару, который хлопочетъ около нея.

Петръ Яковличъ. А что? Въ-самомъ-дѣль теперь можно будетъ отказъ ему сдѣлать.

Коликинъ. Какъ же! Разумѣется. Ты уже вотъ отвали ей три тысячи цѣлковыхъ, да еще что-нибудь прибавь, такъ она на гусара и смотрѣть не станетъ.

Петръ Яковличъ. Идемъ! конечно! пять тысячъ уже ей дамъ? На вотъ, знай нашихъ! Подика, потягайся кто съ нами!

Коликинъ. Вотъ люблю, вотъ молодець! Ай-да Петруша! Вотъ это благородно; вотъ утѣшилъ, такъ утѣшилъ! Ну, дай же поцѣловать тебя за эти вещи.

Петръ Яковличъ (*цѣлуясь съ Коликинымъ*). Подлецъ ты, Антоша, право подлецъ!

Коликинъ. Ха, ха, ха! Брани, брани меня, какъ тебѣ угодно, я еще тебя за это расцѣлюю (*цѣлуетъ его*). Только глупостей-то не дѣлай.

Петръ Яковличъ. Ну, такъ и быть! Видно ужъ тебѣ, Потапъ, на роду такъ написано! Что дѣлать, погибай!

Коликинъ. Разумѣется, онъ самъ виноватъ... Ну, отправимся Петруша, обѣдать къ Морелю.

Петръ Яковличъ. Пожалуй, поведемъ.

Коликинъ. Только вотъ что: нынче ужъ я тебя угощаю, слышишь?

Петръ Яковличъ. Ладно, ладно; ты, братъ, нынче богатъ сталъ.

Колкинь. Ха, ха, ха! Да, теперь не дурно; вотъ здѣсь (показывая на карманъ), благодаря пьяному Потопу, десять тысячъ цѣлковыхъ; пока будетъ съ насъ. А тамъ, со временемъ, еще какая-нибудь статья подойдетъ. Нужно только пользоваться обстоятельствами, такъ дѣла всегда пойдутъ хорошо. Главное обстоятельство—не плошай. (Оба уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Гостиная въ домѣ Свицова.

I.

ЯКОВЬ ѲЕДОСЬИЧЪ одинъ.

Вотъ оно, вотъ житье-то безъ Потапа, что безъ рукъ, все самъ приходи до всего. Вотъ и помощи нѣтъ никакой, вездѣ одинъ поспѣвай; сынокъ и знать ничего не хочетъ, только вѣтренничать... Эхъ, Потопъ! погубилъ ты себя! И добро бы молодой парень, а то когда ужъ вздумалъ блажить... А я хорошо тогда сдѣлалъ, что не заводилъ дѣла; поди, таскайся по судамъ, хлопочи, а денегъ-то не воротилъ бы; гдѣ ужъ ихъ взять? А хотѣлъ было Потапа въ полицію тащить... Гдѣ-то онъ теперь? Съ-тѣхъ-поръ я и не видалъ его ни разу; говорятъ, шатается по Москвѣ, оборванный такой, руку протягиваетъ, ради Христа просить... Ну, ужъ подлинно, что все это вражье дѣло! (Идетъ къ двери и видитъ на полу шляпу и портсигаръ). А! это бариновы принадлежности, гм!.. Ай да Петръ Яковличъ, удалецъ, нечего сказать! (Поднимаетъ шляпу и портсигаръ). Это значить, что онъ домой-то очень хорошъ воротился. (Осматриваетъ портсигаръ). Это его бумажникъ, хорошъ; не его бы рожь имѣть такой. (Садится и раскрываетъ портсигаръ). Ну-ка, посмотримъ, что тутъ есть такое... Ну, только два двугривен-

ныхъ... А это что? Записки какія-то; дай-ка, прочтемъ (*читаетъ*). «Миленькій мой Пьеръ, душка ты моя!» (*Говоритъ*). Ага! Во какъ! Ну, что-то дальше тутъ писано. (*Читаетъ*). «Душка ты моя! Пріѣзжай завтра ко мнѣ обѣдать, и мы проведемъ съ тобой весь вечеръ вмѣстѣ; я завтра не танцую... Что же ты, душа моя, не былъ вчера въ театрѣ? А я танцевала новую польку и принята была очень хорошо... Не налюбуюсь на твою карету; какъ сяду, такъ и поминаю тебя; очень покойна и красива. Прощай, моя милка, жду тебя къ себѣ. Твоя навѣки, Софья Ахова.» (*Говоритъ*). Вотъ и на поди! Ого! Я досель думалъ, что Петръ-то мой изъ простыхъ; анъ выходитъ теперь, что онъ на линію большихъ баръ себя поставилъ—актерку завелъ и кареты ей покупаетъ!.. Молодецъ! Да онъ, какъ есть, образованный... Только мнѣ чудно то, гдѣ онъ такіе капиталы достаетъ? Шутка ли! На карету надо много денегъ... странно!.. (*Задумывается*). А что, если въ-самомъ-дѣль это его работа? Можетъ быть и вправду Потапъ тутъ ни на волосъ не виноватъ. Охъ! Подумать страшно! Неужели онъ дошелъ до того?!.. А гдѣ взялъ карету? Карету-то на какія деньги купилъ?.. Неужели же мать сдуру его такъ потышила. Да ей-то гдѣ взять за разъ столько денегъ?.. Чудно... я вотъ спрошу у ней, и если она ничего этого не знаетъ, не вѣдаетъ, ну, тогда ты у меня, Петръ, къ ответу готовься... (*Развертываетъ другое письмо*). Это что еще? Тоже писулька, надо и эту прочесть. (*Читаетъ*). «Любезный другъ, Петруша! что же ты не навѣстишь меня въ такой болѣзни? Это тебѣ стыдно; мы, кажется, съ тобой пріятели короткіе. Заѣзжай, пожалуйста, ко мнѣ и выручи меня, привези цѣлковыхъ двадцать пять, чѣмъ премного обяжешь. Ты, можетъ быть, не вѣришь, что у меня нѣтъ денегъ, куда, дескать, ты дѣвалъ десять тысячъ серебромъ? Они цѣлы, да только теперь въ домъ-то нѣтъ почти ни копѣйки... Ахъ, Петруша! Не нарадуюсь на тебя и на себя; какую мы штуку дивную отмочили! Какъ дѣлшнки славно обдѣлали! Какъ концы-то спрятали! Поди-ко другой кто достань такъ скоро такую сумму; а у насъ сказано—и сдѣлано. Жаль, правда, Потапа Кузьмича, пострадалъ онъ въ этомъ дѣль; ну, да самъ виноватъ, не развѣвай рта»... (*Долго стоитъ въ изумленіи*). Господи помилуй!.. Да... какъ же это?!.. Вѣдь... это не во снѣ?.. Га! Такъ вотъ оно дѣло въ чемъ! Такъ это сынокъ всю эту статью обработалъ!.. Боже мой! Боже мой!.. Да за что же мнѣ-то срамъ та-

кой? За что же Потапа такъ зло обидѣли?.. О! отъ этого, того и жди, что съума спятишь!.. Охъ, горько! Ей Богу горько на старости получать такія радости! (*Плачетъ*). Вотъ, одинъ былъ сынъ, одно чадочко, да и тотъ вотъ какъ потышилъ отца подъ старость!.. О! Да я, кажется, разорву его, негодного!.. Ну, Петръ, ты ужь больно хитеръ сталъ, выкинулъ такую штуку, что я не знаю, какъ съ тобой за это и раздѣлаться! Ты въ тупикъ меня поставилъ!.. Вотъ тебѣ и женихъ, вотъ тебѣ и исправится, вотъ тебѣ и женится-перемѣнится! Онъ еще раньше перемѣнился: изъ пустаго болвана сталъ воромъ!.. Воръ! Ухъ! въ ухахъ трещить отъ этого слова!

II.

ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ и ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ, оборванный, исхудалый, входятъ тихо и останавливается у двери.

Яковъ Ѳедосъичъ. (*Увидавъ Потапа Кузьмича, всторону*). Потапъ Кузьмичъ!

Потапъ Кузьмичъ. Здравствуй, Яковъ Ѳедосъичъ! Ты меня не гони, я пришелъ къ тебѣ съ просьбой: будь отецъ родной, не откажи въ нуждѣ! Вѣришь ли, дочего дошелъ? (*Сквозь слезы*). Бѣсть нечего! Дай хоть четвертачекъ! Выручи! (*Яковъ Ѳедосъичъ стоитъ въ замѣшательствѣ*). Яковъ Ѳедосъичъ! Что же?.. Али ты на вора Потапку и глядѣть не хочешь? Онъ-де обманываетъ, прихертываетъ, у него, дескать, цѣлы еще краденныя деньги. (*Плачетъ*). Яковъ Ѳедосъичъ! я, ей Богу, не воръ! Если бы у меня нечиста была совѣсть, такъ я къ тебѣ и на глаза не показался бы. Ты вонъ смотри богачъ-то какъ щеголяетъ... Сжался, Яковъ Ѳедосъичъ!

Яковъ Ѳедосъичъ (*сквозь слезы*). Потапъ Кузьмичъ! Подойди сюда!

Потапъ Кузьмичъ. Стало, ты меня не прогонишь?.. Да о чемъ же ты самъ-то плачешь?

Яковъ Ѳедосъичъ (*протягивая ему руку*). Здравствуй, любезный Потапъ Кузьмичъ! Здравствуй, другъ!

Потапъ Кузьмичъ. Какъ? Руку?! Ты мнѣ подаешь руку?!

Яковъ Ѳедосъичъ. О! Дай разцѣловать тебя! (*Обнимаетъ его*).

Потапъ Кузьмичъ. Что же это такое, Яковъ Ѳедосъичъ? Я тутъ ничего не понимаю.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Потапъ Кузьмичъ! Прости меня, стараго дурака, что я, выжимши изъ ума, осмѣлился поклепать тебя въ воровствѣ, осрамилъ, обезчестилъ тебя!

Потапъ Кузьмичъ. Какъ?.. Стало.. деньги нашлись?!.. Скажи скорѣй, Яковъ Ѳедосѣичъ! Какъ? Гдѣ?

Яковъ Ѳедосѣичъ. А вотъ, прочти-ка это. (*Подаетъ ему письмо Коликина*) такъ самъ все узнаешь. (*Потапъ Кузьмичъ читаетъ письмо про себя*). Вотъ, полюбуйся-ка на моего молодца. Вотъ онъ подлець что сдѣлалъ! О, срамъ моей съдой головъ!

Потапъ Кузьмичъ (*прочитавъ письмо*). Глазамъ не вѣрю! Яковъ Ѳедосѣичъ! Въ точности ли это письмо къ Петру Яковличу! Не подложное-ли оно какое?

Яковъ Ѳедосѣичъ. Какой тутъ подлогъ? Самъ нашель у него въ бумажникъ..

Потапъ Кузьмичъ. Въ бумажникъ!?!.. Ну, это плохо!.. Ахъ, Петръ Яковличъ, Петръ Яковличъ! Жаль мнѣ тебя!.. Ну, кутилъ ты, гулялъ шибко, это все ничего, потому, молодость любить погулять; а ужъ этого я не ожидалъ отъ тебя! Ужъ если ты принялся за такое художество, такъ ужъ это просто мараль!

Яковъ Ѳедосѣичъ. О, зарѣзалъ онъ меня, Потапъ Кузьмичъ! Представь ты мое-то положеніе! Что онъ со мною-то сдѣлалъ? Въдь отецъ мой пятьдесятъ лѣтъ торговалъ въ городѣ и слылъ въ Москвѣ честнѣйшимъ человѣкомъ? Я тоже вотъ ужъ тридцать годовъ торгую, и ни отъ кого, кромъ уваженія, ничего не видалъ еще; а онъ-то въ кого уродился? Въдь онъ до-нельзя осрамилъ меня!

Потапъ Кузьмичъ. Петръ Яковличъ и меня не пожалѣлъ. Чтò я то ему сдѣлалъ? За что онъ меня въ такую яму всадилъ-было, погубилъ-было совсѣмъ?.. Ну, да Богъ съ нимъ! Я на него теперь не сержусь, потому, я радъ очень, что Богъ оправдалъ меня. О, что я перенесъ въ это время, Яковъ Ѳедосѣичъ, такъ это Богу одному извѣстно! Хотѣлъ совсѣмъ было съ жизнью порѣшиться.

Яковъ Ѳедосѣичъ. Я это чувствую, Потапъ Кузьмичъ... Что дѣлать? Такое затмѣніе было, что-страхъ!.. Ну, слава Богу, что ты оправдался... А на счетъ Петра я тебѣ вотъ что скажу: я отдаю тебѣ его въ полную власть; что ты прикажешь сдѣлать съ нимъ, то и сдѣлаю, все будетъ по твоему. Велишь на цѣпь посадить его на всю жизнь—на цѣпь посажу; теперь твоя воля

надъ нимъ, потому, онъ такъ зло обидѣлъ тебя, погубилъ—было совѣмъ.

Потапъ Кузьмичъ. Да что же мнѣ съ нимъ дѣлать? Съчь что ли? Вѣдь онъ ужъ не ребенокъ, поперегъ лавки не уляжется.

Яковъ Федосѣичъ. О! Да за это его подлца не токмо что съчь, его изломать мало! Я тебѣ говорю: въ твоей онъ власти, что хочешь, то съ нимъ и дѣлай!

Потапъ Кузьмичъ. Ну, такъ и быть, станемъ судить виноватаго; можетъ быть вдвоемъ-то и придумаемъ ему наказаніе какое-нибудь.

Яковъ Федосѣичъ. Ахъ, Потапъ Кузьмичъ! Если бы ты зналъ, какъ горько мнѣ на старости лѣтъ такія радости получать! А какъ противъ тебя мнѣ совѣстно...

Потапъ Кузьмичъ. Противъ меня—это ничего; а вотъ такіе гостицы отъ сынка видѣть, ну это не приходится.

Яковъ Федосѣичъ. Ужъ и не говори! *(Оба уходятъ).*

Ш.

Комната ПЕТРА ЯКОВЛИЧА.

Петръ Яковличъ. Нѣтъ, ужъ это дудки! Ужъ я вижу, что она меня за носъ водить. Самъ вчера видѣлъ, какъ она вхала съ этимъ гусаромъ въ моей каретѣ. Кончено! баста! Чортъ съ ней! Нѣтъ, Софья Андревна, слуга покорный! Будетъ тебѣ дурачить меня. Пускай пропадаютъ мои пять тысячъ, а ужъ я больше знать тебя не хочу. Вотъ нынче отправлюсь къ ней, разругаюсь, какъ нельзя хуже, да и кончено. Пускай она знаетъ съ гусаромъ; посмотримъ, будетъ ли онъ такъ баловать ее, какъ я. Нѣтъ, вѣдь это только нашъ братъ-купецъ сдуру деньги бросаетъ... Да, брошу ее, брошу все, примусь за дѣло, женюсь даже, непременно женюсь. Я слышалъ стороной, что Квасниковъ не прочь бы отдать за меня свою дочь; что же? Она дѣвушка хорошенькая, умная, вотъ на ней и женюсь. Полно! Пора все бросить; опротивѣло все это какъ-то... Вотъ подумаешь такъ съ собой наединѣ... поглядишь, что я за жизнь веду, то такъ съдается скверно, что не глядѣлъ бы на себя!.. И странно! Денегъ тратишь много, стараешься забыться, больше веселишься, а все какъ-то постыло... Рыскаю, рыскаю по Москвѣ, а изъ чего?... А чего мнѣ это стоитъ? Вѣдь я передъ отцомъ и передъ

матерью лгуномъ сталь!.. Всѣ въ домѣ трудятся, всѣ заняты, добываютъ деньги, а я?.. О, выговорить-то подло! Таскаю изъ дому! Скверно, право скверно!.. Бездѣльничаю, шатаюсь; здоровья-то сколько истратилъ!.. Нѣтъ, будетъ безпутствовать!

IV.

ПЕТРЪ ЯКОВЛИЧЪ, ЯКОВЪ ѲЕДОСЬИЧЪ и ПОТАПЪ КУЗЬМИЧЪ.

Яковъ Федосѣичъ (подавая сыну шляпу). На вотъ, твоя что ли? (Петръ Яковличъ смотритъ на отца въ смущеніи). Что глядишь? Али отца не узналъ?.. Гм!... И то сказать, видимся-то мы съ тобой больно часто. Бери шляпу—то, коли твоя. (Петръ Яковличъ беретъ шляпу и ставитъ ее на столъ). Ну вотъ, любезный сынокъ, мы къ тебѣ въ гости пришли.

Петръ Яковличъ. Очень радъ, тятенька, пожалуйста-съ.

Яковъ Федосѣичъ. Очень радъ? Такъ ли полно? Тебѣ, чай, какъ образованному барину, времени нѣтъ, недосужно? Мало ли у тебя заботъ? И къ актеркѣ надобно съѣздить, и больного друга-пріятеля навѣстить.

Петръ Яковличъ. Какого, тятенька, больного друга?

Яковъ Федосѣичъ. Что-о? Не знаешь? позабылъ? Ну, да кто у тебя другъ пріятель, съ которымъ ты вмѣстѣ отца ограбилъ?

Петръ Яковличъ. Тятенька!

Яковъ Федосѣичъ. Молчать! (Долго смотритъ на него). А его (показывая на Потапа Кузьмича) ты узналъ?

Потапъ Кузьмичъ. Здравствуй, Петръ Яковличъ! Здоровъ ли? какъ живешь-можешь? (Петръ Яковличъ молча кланяется и смотритъ въ замѣшательствѣ то на отца, то на Потапа Кузьмича).

Яковъ Федосѣичъ. Да что ты озираешься, какъ полоумный? Али тебѣ диво, что мы узнали всѣ твои подлости? Ха, ха, ха! (Вынимаетъ письма и подаетъ ихъ сыну). Ну, а вотъ это чья рука, знаешь ли? На, смотри. (Петръ Яковличъ посмотрѣлъ на письма, поблѣднѣлъ и не можетъ ничего выговорить). Чтожъ ты молчишь? Али ужъ душа въ пятки ушла?

Петръ Яковличъ. Тятенька! Виновать! Весь въ вашей власти... Что хотите, то и дѣлайте со мной; всякое наказаніе перенесу. Больше ничего не могу сказать. Э! Что тутъ! По дѣламъ вору и мука!

Яковъ Ведосъичъ. А! вотъ ты теперь что запьль!.. Гм!.. Разумьется, хвалить тебя за это не станемъ, а справимся съ тобой, какъ следуетъ... Ахъ ты мерзавецъ! Что ты это дѣлаешь?! Уморить что ли ты отца-то хочешь? Безпутный ты этакой! Осрамилъ ты мою седую голову! Въ кого это ты уродился?.. Сынъ воръ! Сынъ подлецъ! У!! Подумать страшно! Что же добрые люди-то теперь скажутъ? Такъ вотъ въ чемъ состоитъ все твое образованіе, вся мода твоя? Это значить, ужъ мода, фракъ такъ требуетъ, чтобы отца ограбить?.. За что же ты Потана-то погубилъ-было? Посмотри-ка ты на него, вѣдь онъ черезъ тебя сталъ такимъ, черезъ твою подлость онъ перенесъ столько!

Петръ Яковличъ. Тятинька! Пощадите!

Яковъ Ведосъичъ. Тссъ!.. Молчать!.. Одинъ ты былъ сынъ, и вотъ какъ утѣшилъ меня на старости лѣтъ! (*Плачетъ*) О, срамъ! Да ты разве позабылъ, что самъ у себя воруешь? Вѣдь это все твое было бы. Что я, въ гробъ что ли возьму деньги? Снялъ ты съ меня голову!

Петръ Яковличъ. Тятинька! Пощадите!

Яковъ Ведосъичъ. Пощадить! Тебя пощадить?! Ха, ха, ха, ха! Нѣтъ, погоди, любезный сыночекъ, я съ тобой справлюсь... Я отдамъ тебя въ полную волю Потану Кузьмичу, потому, ты больше всѣхъ надѣлалъ ему вреда, ты погубилъ-было этого честнѣйшаго челоуька. Что онъ велить, то и сдѣлаю съ тобой. Ну! въ ноги ему! Весь ты въ цѣлости зависнѣшь отъ него; а ты, Потапъ Кузьмичъ, его не щади, слышишь!

Петръ Яковличъ (*кланяясь въ ноги Потану Кузьмичу*). Потапъ Кузьмичъ! Прости меня! Сжался надо мной! О, я теперь только чувствую, какую подлость я сдѣлалъ!

Потапъ Кузьмичъ. Встань, Петръ Яковличъ! Я тебя простить не могу; какъ тятенька прикажетъ, какъ онъ объ этомъ думаетъ.

Петръ Яковличъ. Тятенька! Голубчикъ! Клянусь вамъ, что брошу всю мою безпутную жизнь, за дѣло примусь; мнѣ самому надоело все мое безобразіе. Тятенька! какое хотите наказаніе наложите, все вынесу. Въ дворники къ вамъ пойду, улицу буду у васъ мести, въ конюшнѣ жить буду. Я чувствую, какъ я виноватъ передъ вами!

Яковъ Ведосъичъ. А! Чувствуешь? А деньги гдѣ? Всѣ спустилъ? Другу пріятелю отдалъ? актеркѣ карету купилъ? Ха, ха, ха! Какъ есть образованный баринъ. Да твоей ли рожь такія колѣна откидывать? Ахъ ты дуракъ, дуракъ! Вѣдь она, чай, сядетъ въ

твою карету, да надъ тобой же смется... Нѣтъ, любезный, это тебѣ даромъ не пройдетъ. Ну, что же, Потапъ Кузьмичъ, онъ въ твоей власти, какъ ты думаешь, что съ нимъ дѣлать?

Потапъ Кузьмичъ. Встань, Петръ Яковличъ (*Петръ Яковличъ встаетъ*). Яковъ Федосычъ! Ты говоришь, что Петръ Яковличъ состоитъ въ моей власти, потому, онъ передо мной больше всѣхъ виноватъ; и чѣмъ бы я это дѣло не порѣшилъ, ты на все согласишься, хотя бы я велѣлъ Петра Яковлича на цѣпь посадить? Скажамши это, ты отъ своихъ словъ не отопрешься, потому, ты не тотъ человекъ, такъ ли?

Яковъ Федосычъ. Да если я что сказалъ, такъ ужъ кончено.

Потапъ Кузьмичъ. Ну и ладно. Конечно, Петръ Яковличъ, затѣявши все это дѣло, не хорошо поступилъ со всѣхъ сторонъ, потому, онъ и себя замаралъ, и тебя на старости лѣтъ такъ обезкуражилъ, да и меня обидѣлъ; все это такъ. А если разберемъ все это хорошенько, такъ выходитъ, что все мы въ этомъ не правы, кромъ тебя, Яковъ Федосычъ. Петръ Яковличъ до этого дошелъ потому, что дѣломъ не занимался никакимъ, привыкъ тоны задавать, чему помогалъ много пріятель его — этотъ чихирникъ Коликинъ. Мнѣ кажется, что безъ него онъ не пустился бы на такую штуку. Ну, Надежда Петровна то же не права, потому — потакала сыну, денегъ давала ему много. А не задумай я, не вздумай пить, такъ деньги были бы цѣлы... А какъ Петръ Яковличъ во всемъ этомъ сознается, то есть, самъ чувствуетъ, какъ это неподходяще, значить онъ не совсѣмъ еще дурной человекъ; вотъ онъ готовъ всякое наказаніе вынести, значить, его еще можно исправить.

Яковъ Федосычъ. Это все такъ, Потапъ Кузьмичъ; все, что ты ни говоришь, все это резонно.

Потапъ Кузьмичъ. Таперича, положимъ, ты отдашь его въ солдаты, проку отъ него тамъ будетъ немного; на цѣпь посадить его?.. отъ этого то же барыша не будетъ. А мой совѣтъ вотъ какой: есть у меня для Петра Яковлича лекарство, которое ему поможетъ; и ты, Яковъ Федосычъ, долженъ на это согласиться.

Яковъ Федосычъ. Потапъ Кузьмичъ! Что ты ни присудишь, все сдѣлаю по твоему.

Потапъ Кузьмичъ. Ну такъ вотъ что: ищи скорѣй Петру Яковличу невѣсту, такъ и дѣло съ концемъ.

Яковъ Федосычъ. Что-о?! Что ты такое говоришь, Потапъ Кузьмичъ?

Потапъ Кузьмичъ. Говорю: ищи сыну невесту; мы его женимъ и кончено.

Яковъ Федосъичъ. Помилуй, Потапъ Кузьмичъ! Ты шутишь что ли?

Потапъ Кузьмичъ. Какіе тутъ шутки! теперъ не до нихъ; посьль пошутимъ.

Яковъ Федосъичъ. Какъ же это такъ?

Потапъ Кузьмичъ. Да такъ; Петръ Яковличъ женимшись, забудетъ все свое безобразіе, будетъ заниматься дѣломъ, ну и будетъ хорошимъ человѣкомъ. Это, Яковъ Федосъичъ, я говорю по моему разсудку, а ты какъ хочешь, такъ и поступай съ сыномъ.

Яковъ Федосъичъ (*стоитъ въ раздумьи*). Ищи сыну невесту!.. Гмъ!.. женится, будетъ хорошимъ человѣкомъ... А что, Потапъ Кузьмичъ, вѣдь ты и впрямъ такъ говоришь. (*Сыну*): Эй, ты! франтъ! мода заморская! слышишь, что говоритъ Потапъ Кузьмичъ? Ты можешь все это чувствовать?

Петръ Яковличъ. Тятенька! я этого не стою!

Яковъ Федосъичъ. Охъ! Не такъ было хотѣлъ я поръшнить съ тобой; ну, да знать ужъ такая судьба твоя... Слушай! Вотъ тебѣ невеста—Агаѣя Федоровна, Федора Васильича дочь. Нравится она тебѣ или нѣтъ, а ты долженъ на ней жениться, потому она двушка хорошая, смиренная, и семейство все хорошее.

Петръ Яковличъ. Тятенька! я самъ объ этомъ думалъ. Агаѣя Федоровна барышня хорошая; я готовъ жениться на ней. Тятенька! голубчикъ! за все, что вы для меня дѣлаете, посьль того, какъ я такъ подло поступилъ передъ вами (*плачетъ*): я не знаю, какъ я могу заслужить вамъ! Клянусь вамъ! я теперъ никогда ни на шагъ не выйду изъ вашей воли, всякое ваше желаніе, каждое слово ваше буду исполнять въ точности. О прежнемъ моемъ безпутствѣ и помину не будетъ. Во всю мою жизнь не забуду вашей милости.

Яковъ Федосъичъ. А! ты теперъ только чувствуешь, каковъ у тебя отецъ? (*Сквозь слезы*). А прежде ты не думалъ о томъ, что отецъ больше всѣхъ тебѣ добра желаетъ! Ну! Богъ съ тобой!.. за все за это кланяйся въ ноги Потапу Кузьмичу.

Петръ Яковличъ. Потапъ Кузьмичъ! теперъ только я чувствую, что ты за человѣкъ! Ты спасъ меня! Ты вывелъ меня на путь истинный! Ввѣкъ не забуду тебя! Буду почитать какъ отца роднаго.

Потапъ Кузьмичъ. Ну, слава Богу, что все это дѣло кончилось хорошо. Только послѣ всего этого, если ты, Петръ Яковличъ, опять забереешь прежнюю дурь въ голову, тогда смотри!

Яковъ Федосыичъ. О! тогда я тебя, Петръ, своей рукой зашибу до смерти; слышишь?

Петръ Яковличъ. Тятенька! Этого ничего больше не будетъ.

Яковъ Федосыичъ. Тото же; теперь объ этой актеркѣ забудь и думать; а на счетъ твоего друга-пріятеля, этого мерзавца, тоже скажу, чтобъ имъ и не пахло. Будетъ, подурачился, побезобразничалъ, довольно спустилъ капитала.

Потапъ Кузьмичъ. Ну, теперь вотъ что еще я вамъ скажу: обо всемъ этомъ дѣлѣ, кроме насъ троихъ, никто не долженъ знать, такъ ли?

Яковъ Федосыичъ. Разумется.

Петръ Кузьмичъ. Оно, значить, умереть съ нами.

Яковъ Федосыичъ. Это справедливо.

Потапъ Кузьмичъ. А возьмешь ли опять меня къ себѣ, Яковъ Федосыичъ? Таперича ты можешь, кажись, надѣяться, что я ужъ не украду у тебя ничего.

Яковъ Федосыичъ (*обнимаетъ Потапа Кузьмича*). Потапъ Кузьмичъ! Да ты не человекъ, а ангель Божій! О! да я теперь не только всѣ мои дѣла, всѣ капиталы тебѣ повѣрю, а сына тебѣ подъ опеку отдамъ! Мало того, самъ съ женой къ тебѣ подъ опеку пойду.

Потапъ Кузьмичъ. Вотъ и спасибо! Вотъ какъ дѣла-то кончили важно! Таперича, Яковъ Федосыичъ, засылай къ Федору Васильичу сваху, на счетъ Агаѣи Федоровны.

Яковъ Федосыичъ. Чего тутъ сваху засылать! Онъ самъ просилъ меня объ этомъ; ужъ у насъ съ нимъ давно разговоръ былъ.

Потапъ Кузьмичъ. Вотъ и шабашъ! Ну, поздравляю тебя, Яковъ Федосыичъ съ невестушкой, съ новой родней!

Яковъ Федосыичъ. Всемъ этимъ мы тебѣ обязаны, Потапъ Кузьмичъ.

Потапъ Кузьмичъ. Поздравляю тебя, Петръ Яковличъ съ невестой! Дай вамъ Богъ советъ да любовь, дѣтей наживать, да насъ не забывать.

Петръ Яковличъ. Потапъ Кузьмичъ! Въкъ буду почитать тебя! молиться всегда буду за тебя!

Потапъ Кузьмичъ. Вотъ оно! А я думалъ, что ужъ я, какъ есть Потапка, дрянной звѣрь, какъ говорится, никуда негодящаяся мразь, а вотъ добрые люди еще во весь вѣкъ уважать мнѣ хотятъ. Стало, я таперича такъ понимаю, что и у Потапа есть душа, хоша маленькая, а есть, потому, за худое добрые люди не стали бы любить.

18190.

9918

